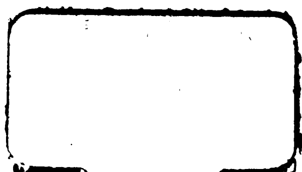
3 2044 014 108 179

VE
RI
TAS



ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

М. Д. ХМЫРОВА.

1. Генералъ-Аншефъ Авраамъ Петровичъ Ганнибалъ (арапъ Петра Великаго). 2. Графъ Лестокъ. 3. Густавъ Биренъ, братъ регента. 4. Обстоятельства, приготовившія опалу Эрнста Іоганна Бирена, герцога Курляндскаго. 5. Последнее четырехлетіе жизни Суворова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Вас. Петр. Печаткина.
1873.

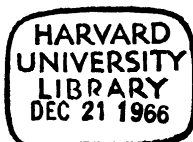
(4)

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

М. Д. ХМЫРОВА.

1. Генералъ-Аншефъ Авраамъ Петровичъ Ганнибалъ (арапъ Петра Великаго). 2. Графъ Лестокъ. 3. Густавъ Биренъ, братъ регента. 4. Обстоятельства, приготовившія опалу Эрнста Іоганна Бирена, герцога Курляндскаго. 5. Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Вас. Петр. Печаткина.
1873.



Типографія А. Траншеля, Стремянная, домъ № 12.

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЪ

АВРААМЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАННИБАЛЪ.

«АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО»

(Біографическій очеркъ по документамъ).

В.... Ф.... [1]), сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ;
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.

А. Пушкинъ [2]).

Первымъ по времени біографомъ А. П. Ганнибала былъ, сколько извѣстно, Гельбигъ, совѣтникъ саксонскаго посольства при с.-петербургскомъ дворѣ, въ 1787 г., писавшій по нѣмецки и, больше, по слухамъ [3]). За трудомъ Гельбига явился поэтическій „Арапъ Петра великаго“, неконченный романъ

[1]) Въ оригиналѣ автора: «Видокъ Фигляринъ» (Ѳад. Булгаринъ).— Библіографич. записки. 1858 г. т. I. № 11. с. 349.

[2]) «Моя родословная». Сочиненія Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Седьмой, дополнительный томъ. 1857 г. с. 39—41.

[3]) Russische Günstlinge. Tübingen. 1809 г.

славнаго Пушкина [1]), правнука Ганнибалова по женской линіи [2]). Съ легкой руки Пушкина, А. П. Ганнибалъ былъ предметомъ статей: Д. Н. Бантышъ-Каменскаго [3]), Д. И. Языкова [4]), М. Н. Лонгинова [5]) и князя П. В. Долгорукаго [6]). Статьи эти, заимствуясь главными показаніями одна отъ другой, опровергаются во многомъ документами подлинными, часть которыхъ, изъ сокровищницы государственнаго архива, напечатана уже П. П. Пекарскимъ [7]). Документы другихъ архивовъ — освѣщаютъ также кое какіе факты изъ жизни „Арапа Петра Великаго".—Связать, по возможности, въ одно цѣлое разнорѣчивыя извѣстія объ А. П. Ганнибалѣ, провѣривъ ихъ архивными открытіями послѣднихъ лѣтъ,—и составляетъ задачу предлагаемаго очерка.

Отечествомъ негра Ибрагима (впослѣдствіи Ганнибалъ) была Африка, по всѣмъ соображеніямъ, сѣверная, вообще мало изслѣдованная. „Сѣверная Африка--говоритъ одинъ изъ членовъ французскаго института, отъ моря Средиземнаго до земли негровъ и отъ долины Нила до береговъ океана Атлантическаго, представляетъ единственное зрѣлище страны, которая, не смотря на продолжающееся издревле до сихъ поръ вторженіе въ нее и моремъ и сухопутно народовъ чужеплеменныхъ, сохранила не только свое туземное населеніе, но больше или меньше его прежніе нравы; даже языкъ.—Изоб-

[1]) Сочиненія Пушкина. Изд. г. Анненкова, т. V. 1855 г. с. 113—146.

[2]) Мать А. С. Пушкина, Надежда Осиповна, была дочь Осипа Авраамовича и родная внука Авраама Петровича Ганнибаловъ.

[3]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Изд. 1836 г. ч. II, с. 12—15.

[4]) Энциклопедическій лексиконъ, Плюшара. Изд. 1839 г. т. XIII.— Военный Энциклопедическій лексик. бар. Зедделера. Изд. 1853 г. т. VI.

[5]) Русскій архивъ. 1864 г. Изд. 2-е с. 218—232.

[6]) Mémoires t. 1 Génève 1867 с. 244—247.

[7]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изд. 1862 г. т. I, с. 163—167.

разить состояніе этой обширной страны во времена Каренагена и послѣднихъ фараоновъ египетскихъ; показать видоизмѣненія, внесенныя сюда послѣдовательно Греками и Римлянами; представить, затѣмъ, многочисленныя поселенія здѣсь пришлыхъ Арабовъ, занимавшія, въ противоположность завоевателямъ предшествующимъ, не только берега, но и внутренность страны; обозначить движеніе самихъ туземцевъ, разсѣянныхъ по всему материку, отъ одного конца до другаго, и изслѣдовать вліяніе скрещиванія ихъ съ Арабами на общій видъ страны; наконецъ, уяснить черты, остающіяся не сглаженными послѣ столькихъ передрягъ, — вотъ предметъ, по истинѣ, достойный вниманія ученой Европы" [1]).

Въ какомъ же именно пунктѣ сѣверной Африки родился негръ Ибрагимъ? Вопросъ этотъ обойденъ всѣми біографами Ганнибала, не выключая и его правнука, Пушкина. Но самое прозвище Ганнибалъ, данное Ибрагиму царемъ Петромъ, позволяетъ догадываться: не происходилъ ли прадѣдъ Пушкина изъ мѣстъ, сосѣднихъ древнему Каренагену, исчезающія развалины котораго видны еще до сихъ поръ въ окрестностяхъ нынѣшняго Туниса [2])? Прозывать маленькаго негра ни съ того ни съ сего Аннибаломъ—царь Петръ, думаемъ, не сталъ бы. Обстоятельство же, что негръ Ибрагимъ прежде, чѣмъ попасть къ царю Петру, содержался въ Константинополѣ аманатомъ, т. е. заложникомъ,—не противорѣчитъ нашей догадкѣ, а напротивъ подкрѣпляетъ ее. Извѣстно, что въ послѣдніе годы XVII столѣтія, къ которымъ всѣ біографы Ганнибала относятъ эпоху его рожденія, Тунисъ былъ театромъ усобицъ, соперничалъ съ Алжиромъ и — такъ же, какъ Алжиръ—смирялся Турціей, заправлявшей, со временъ Селима

---

[1]) Reinaud: Mémoire sur les populations de l'Afrique septentrionale aux différents époques de l'histoire. Revue Contemporaine. 1857 г. № 129 с. 194–195.

[2]) Сумароковъ: Изъ замѣтокъ о Тунисѣ. Отечеств. Записки, 1858 г. Мартъ, отд. V. с. 1—16.

II, всѣми нынѣшними, такъ называемыми, Варварійскими владѣніями. Могло, стало быть, случиться, что въ 1684 г., когда братья Махмудъ и Али родовитые Берберы [1]), возставъ противъ Турціи, овладѣли Тунисомъ, откуда они скоро же— впрочемъ, не надолго—были изгнаны Алжирцами [2]), съ ними раздѣлили жребій пораженія и ихъ черные сторонники, собственно негры, представители которыхъ, разумѣется, поплатились разными невзгодами и, между прочимъ, необходимостью—прислать въ Константинополь своихъ аманатовъ.— Все это, конечно, догадки, но, по нашему мнѣнію, умѣстныя.

Годъ рожденія негра Ибрагима — не опредѣленъ точно. Изъ біографовъ Ганнибала, годомъ этимъ полагаютъ: Пушкинъ—1688-й, Бантышъ-Каменскій и Языковъ—1691-й, Гельбигъ—1695-й, г. Лонгиновъ—1696-й. Въ томъ или другомъ рѣшеніи этого вопроса — важности большой нѣтъ. Но если основаніемъ такого рѣшенія принимать, какъ дѣлаетъ г. Лонгиновъ, копію съ формулярнаго списка А. П. Ганнибала, гдѣ послѣдній, заканчивая разсказъ о событіяхъ своей службы 1752 годомъ, говоритъ, что ему 56 лѣтъ отъ роду, то это не будетъ противорѣчить ни самому раннему извѣстію объ арапѣ Ибрагимѣ, сохранившемуся въ документахъ московскихъ архивовъ подъ 1700—1701 гг. [3]), ни показанію самого Ганнибала, который въ одномъ изъ парижскихъ писемъ своихъ къ Макарову [4]), отъ 5 марта 1722 г., свидѣтельствуетъ, что

[1]) Берберами (браберъ, варваръ) называли Арабы тѣхъ самыхъ туземцевъ, сѣверо-африканскаго берега, которые у Римлянъ слыли маврами.—Впослѣдствіи, именованія эти перепутались.

[2]) Puckler-Muskau (prince de): La règene de Tunis, son administration, ses ressources, ses habitans el leurs moeurs. Revue Britannique. 1837 г. Avril. с. 287—327.—Русскій переводъ этой статьи, подъ заглавіемъ: «Тунисъ и его внутреннее состояніе» напечатанъ въ «Кабинетѣ чтенія» 1838 г. т. I кн. 1. с. 43—90.

[3]) Свѣдѣніе это сообщено намъ Г. В. Есиповымъ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

[4]) Макаровъ, Алексѣй Васильевичъ, царскій кабинетъ-секретарь.

онъ жилъ, „при его величествѣ“ 17 лѣтъ [1])—счетъ, едвали заключающій въ себѣ и пятилѣтіе съ 1717 г. проведенное Ганибаломъ завѣдомо во Франціи, слѣдовательно, не „при его величествѣ“. Что же касается личныхъ воспоминаній объ Африкѣ, приписываемыхъ Пушкинымъ 8—9-ти лѣтнему Ибрагиму, они, безъ особаго нарушенія законовъ физіологическихъ, могли запечатлѣться и въ дѣтскомъ воображеніи 4 — 5-ти лѣтняго ребенка, тѣмъ больше, Африканца. „До глубокой старости—повѣствуетъ поэтъ о своемъ прадѣдѣ — онъ помнилъ свою Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ связанными руками за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ оставался свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся“ [2]). Все это такъ понятно, что г. Лонгинову, въ его возраженіяхъ противъ возможности родиться арапу Ибрагиму раньше 1696 г. и не зачѣмъ было бы, между прочимъ называть слишкомъ 30-ти лѣтній возрастъ Ганнибала, возвратившагося изъ заграничной науки въ 1723 г., „неправдоподобнымъ“ [3]). Мы знаемъ, что возмужалые ученики во времена Петра были не рѣдкость, и самому г. Лонгинову, конечно, не безъизвѣстно, что напр. П. А. Толстой (впослѣдствіи графъ) только поѣхалъ въ заграничную науку слишкомъ 50-ти лѣтъ [4]).

Долго ли пробылъ въ Константинополѣ привезенный туда Ибрагимъ, и какимъ образомъ удалось достать его изъ сул-

---

[1]) Пекарскій: Наука и литерат. въ Россіи при П. В. т. 1. с. 166.

[2]) Бартеневъ: Родъ и дѣтство Пушкина Отечествен. Записки. 1853 г. № 11 отд. II с. 14.

[3]) Русскій Архивъ. 1864 г. с. 224.

[4]) Поповъ: Изъ жизни П. А. Толстого, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Русскій Вѣстникъ. 1860 г. № 11 с. 345.

танскаго сераля русскому президенту при турецкомъ диванѣ [1]),—остается неизвѣстнымъ, такъ же, какъ и точный годъ прибытія Ибрагима въ Россію. Но что Ибрагимъ находился уже при царѣ Петрѣ не съ 1705 г., какъ показываютъ нѣкоторые писатели, а раньше, это доказывается вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ письма Ганнибала къ Макарову. Находясь же при царѣ Петрѣ, до самаго отправленія своего во Францію, въ 1717 г., Ганнибалъ, по свидѣтельству формулярнаго списка его, „былъ при всѣхъ тѣхъ походахъ и баталіяхъ, при которыхъ его величество своей особою присутствовать соизволилъ". Описывать эти „походы и баталіи", хорошо извѣстные каждому просвѣщенному Русскому, мы не будемъ. Для насъ интереснѣе замѣтить, что, стало быть, царь Петръ всюду бралъ съ собой арапченка Ибрагима еще маленькимъ, и такимъ крестилъ его въ 1707 г., въ Вильнѣ, при чемъ воспріемниками были: самъ государь и Христина-Эбергардина, жена Августа II, короля польскаго. Пушкинъ разсказываетъ, что африканскій прадѣдъ его, названный тогда Петромъ Петровымъ, плакалъ горько о своемъ прежнемъ имени, Ибрагимъ, по созвучію съ которымъ ему и дозволено именоваться Абрамомъ Петровымъ, а прозвище оставлено прежнее — Ганнибалъ, не употреблявшееся однако царскимъ крестникомъ-арапомъ до самой смерти Петра.—Пушкинъ же добавляетъ, что вскорѣ по крещеніи его прадѣда, за нимъ пріѣзжалъ старшій братъ послѣдняго и предлагалъ царю Петру выкупъ за бывшаго Ибрагима; но царь не отпустилъ своего маленькаго любимца. Не великъ былъ этотъ любимецъ и въ 1709 г., какъ можно судить по слѣдующему документу того года: „Декабря въ 20 день, по приказу, дѣланы кафтаны Якиму карле, и Абраму арапу, х празднику Рожества Христова, съ камзолы и штаны. Куплено сукна краснаго обѣимъ по осьми аршинъ, по два рубли по шестнадцати ал-

[1]) Русскимъ президентомъ въ Константинополѣ былъ тогда думный дьякъ Емел. Ив. Украинцевъ.

тынъ по четыре деньги аршинъ; имъ-же пугвицъ мѣдныхъ вызолоченныхъ пять портищь по шестнадцати алтынъ по четыре деньги нортище; имъ же позументу золотнаго сорокъ девять аршинъ, вѣсомъ 93 золотн., цѣною по осьми алтынъ по 2 деньги золотникъ; камки на подпушку 6 аршинъ по 26 алтынъ по 4 деньги; стамеду; имъ же на камзолы штофу 8 арш. по 2 р. по 10 алтынъ аршинъ; имъ же на подкладку штофу 11 арш. по 10 алтынъ; также пугвицъ шелков. на камзолы по два портища“ [1]). Ясно, что, въ 1709 г., одѣть Ганнибала и карлика—значило одно и тоже.

Привычка царя Петра къ своему крестнику-арапу, усиливаясь временемъ, побудила государя, носившаго серьезно званіе капитана Бомбардирской роты Преображенскаго полка, записать въ туже роту и Абрама Петрова, на первый разъ—барабанщикомъ. Когда именно случилось это, мы не знаемъ. Но въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ списковъ Бомбардирской роты того періода, значится не разъ: „барабанщикъ Абрамъ Петровъ арапъ“, или еще проще: „барабанщикъ Абрамъ арапъ [2])“. Впрочемъ, царь Петръ, независимо отъ привычки, еще и по другому обстоятельству приблизилъ къ себѣ Ганнибала: „Сей россійскій Ганнибалъ — поясняетъ почтенный дѣеписатель Петра, между другими дарованіями имѣлъ чрезвычайную чудкость (sic), такъ что, какъ-бы онъ крѣпко ни спалъ, всегда на первый спросъ просыпался и отвѣчалъ. Сія чудкость его была причиною, что Монархъ сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ и повелѣвалъ ночью ложиться или въ самой своей спальнѣ, или подлѣ оныя. Сей Ганнибалъ самъ предалъ намъ сей анекдотъ, разсказывая всегда оный со слезами, то есть, что не проходило ни одной ночи, въ которую бы Монархъ

---

[1]) Документъ этотъ, изъ дѣлъ Дворцовой Канцеляріи, сообщенъ намъ П. Н. Петровымъ, которому выражаемъ здѣсь нашу признательность.

[2]) Ратчъ, Петръ Великій какъ артиллеристъ и капитанъ бомбардирской роты. Артил. Журн. 1857 г. кн. II с. 94.

не разбудилъ его, а иногда и не одинъ разъ. Великій сей государь, просыпаяся, кликалъ его: „Арапъ!"—и сей тотъ же часъ отвѣтствовалъ: „Чего изволите?"—„Подай огня и доску" (то есть аспидную, которая съ грифелемъ висѣла въ головахъ государевыхъ). Онъ подавалъ оную, и Монархъ пришедшее себѣ въ мысль или самъ записывалъ, или ему приказывалъ, и потомъ обыкновенно говорилъ: „Повѣсь и поди спи". По утру же неусыпный и попечительнѣйшій государь обдѣлывалъ сіи свои мысли, или внеся оные въ записную свою книжку, отлагалъ исполненіе оныхъ до другаго времени, смотря по важности дѣла" [1]). Такъ бывало всюду: и въ болотахъ петербургскихъ, и въ кремлѣ московскомъ, и на поляхъ полтавскихъ, и на берегахъ прутскихъ, и на водахъ финскихъ—до тѣхъ поръ, пока царь Петръ, примѣтивъ въ своемъ крестникѣ арапѣ „хорошія способности, которыя могли приносить пользу отечеству" [2]), не пожалѣлъ разлучиться съ чуткимъ „камердинеромъ" и, въ 1717 г., оставилъ его въ Парижѣ „для ученія, главнѣйше же инженерству" [3]). Такой выборъ былъ сдѣланъ Петромъ, конечно, не наобумъ, и мы—въ виду другаго документальнаго извѣстія, гласящаго: „дому императорскаго величества служитель, арапъ Авраамъ (тезка нашего Ганнибала) вступилъ въ школу (при Александро-невскомъ монастырѣ), 14 марта 1723 году, изучилъ букваря до 5-й заповѣди и взятъ къ дому императорскаго величества 27 ноября 1724 года" [4])—имѣемъ все право полагать, что и царскій крестникъ-арапъ явился въ Парижъ не неучемъ, а понаторѣвъ нѣсколько, быть можетъ, въ той самой „Инженерской школѣ", относительно которой царь Петръ, пунктомъ 17-мъ указа 16 января 1712 г., повелѣвалъ: „Шко-

---

[1]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи, Изд. 1843 г. т. XV. с. 156—157.

[2]) Тамъ же см. 157.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Пекарскій. Наук. и Литер. въ Рос. при П. В. т. I. с. 112.

лу Инженерскую (въ Москвѣ) умножить, а именно: сыскать мастера изъ Русскихъ, который бы училъ цифири, или на башню (Сухареву) для сего ученія посылать; и когда Ариѳметику окончать, учить Геометрію столько, сколько до Инженерства надлежитъ; а потомъ отдавать Инженеру учить Фортификацію. И держать всегда полное число, 100 человѣкъ или 150, изъ которыхъ чтобъ двѣ трети, или по нуждѣ, были изъ дворянскихъ дѣтей" [1]). Доморощенный курсъ этотъ все таки могъ способствовать лучшему воспріятію иноземной науки—особенно во Франціи, гдѣ тогда только что умеръ Людовикъ XIV, блистательное царствованіе котораго, наполненное военной славой Тюренния, Бервика, Виллара, Вандома, сіяло также именемъ Вобана, величайшаго изъ инженеровъ новаго времени.

Но на первыхъ же порахъ обученія иноземнаго, царскій крестникъ-арапъ и, сотоварищъ его, Юровъ, увидѣли себя какъ бы забытыми въ Парижѣ и, испытывая всю тягость безпомощнаго сиротства на чужой сторонѣ, отправили къ царю Петру петицію такого содержанія: „Всемилостивѣйшій государь! На что себя опредѣлили по желанію нашему, и мы оное управить съ совершеннымъ прилежаніемъ, яко должность наша повѣлеваетъ, вашему величеству обѣщаемъ, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрову. Того ради, не имѣя никакой надежды, ниже какое заступленіе, опричь единаго вашего величества призрѣнія, молимъ всепокорнѣйше о призрѣніи нашего убожества и опредѣлить насъ своимъ государевымъ жалованьемъ, которымъ бы намъ можно прожить здѣсь безъ долговъ. Истинно, яко самому Богу, вѣрно доносимъ, что въ сихъ странахъ не можно прожить двѣмя стами сорокью ефимками французскими [2]) безъ всякихъ прихотей.

---

[1]) Полное Собр. Закон. Росс. имперіи. Изд. 1830 г. т. IV № 2467.

[2]) Ефимками Русскіе изстари называли безразлично всякую иноземную монету, золотую и серебряную. О какой именно монетѣ гово-

Умилосердись, государь, не учини насъ отчаянными исполнить и исполнять по желанію, по должности и по обѣщанію нашему къ вашему величеству. Мы не посмѣемъ опредѣлить сумму, но полагаемся на ваши царскія и отеческія щедроты и на вѣрное объ насъ доношеніе г. капитанъ поручика Конона Зотова [1]). И тако, ожидая онаго призрѣнія, пребываемъ вашего величества сыны и рабы препокорнѣйшіе и вѣрнѣйшіе—Алексѣй Юровъ. Абрамъ. Изъ Парижа въ 5 д. марта 1718 года". Независимо отъ этой петиціи, Ганнибалъ писалъ собственноручно и къ Макарову: „Мой премилостивый государь Алексѣй Васильевичъ, мой государь! Прошу васъ, моего государя, насъ чтобъ не оставить въ такой бѣдности, и здѣсь приложить свое милосердіе въ прошеніи къ его величеству объ насъ бѣдныхъ презря все мое глупое, младые поступки къ себѣ показанной (sic) и явить надъ нами свое милосердіе отеческое, яко надъ дѣтьми своими, чтобъ намъ не пропасть въ нищетѣ здѣшнемъ (sic). Во истину, мой государь, не можемъ пропитаться опредѣленными 240 ефимками французскими, и о чемъ писали къ его величеству, при томъ просимъ и ваше милосердіе. При семъ остаюся вамъ, моего государя, слуга Абрамъ. Парижъ 22/11 марта 1718 года" [2]). Но помощи, какъ видно, не было, потому что въ декабрѣ того же 1718 года, Абрамъ и Юровъ прислали снова слезное прошеніе о прибавкѣ имъ денегъ на содержаніе [3]).

ритъ Ганнибалъ, догадаться трудно. Если считаетъ онъ, что вѣроятнѣе, обыкновенными серебряными экю, то каждое такое экю — все равно, что наши 1½ руб.

[1]) Кононъ Зотовъ средній изъ трехъ сыновей Никиты Моисеевича Зотова, воспитателя царя Петра. Бывъ впослѣдствіи контръ-адмираломъ и генералъ-экипажмейстеромъ флота, онъ ум. въ 1742 г., бездѣтнымъ. Извѣстенъ, какъ хорошій переводчикъ съ французскаго языка.

[2]) Пекарскій. Наука и литер. въ Рос. при П. В. т. I. с. 164—167.

[3]) Дѣла Государственнаго Архива. Кабин. П. В. отд. II № 38 л. 93.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ 1719 г., Испанія и Франція объявили одна другой войну, маршалъ Бервикъ повелъ французскую армію къ границамъ испанскимъ—и Ганнибалъ, вступивъ въ ряды этой арміи, инженернымъ ученикомъ, участвовалъ при взятіи французами Фонтарабіи и Санъ-Себастіана, былъ раненъ „въ подземной войнѣ“ (въ траншеяхъ) и, за отличіе, награжденъ чиномъ инженеръ-поручика. Дѣло въ томъ, что царскій крестникъ-арапъ, усердствуя оправдать надежды на него Петра, хотѣлъ непремѣнно попасть въ инженерную школу, которая, съ 1720 г., открывалась въ Мецѣ, но не для иностранцевъ, не служившихъ Франціи. Въ этой школѣ, Ганнибалъ учился почти два года, въ теченіе которыхъ на историческомъ горизонтѣ Франціи погасло финансовое свѣтило—авантюристъ Лоу (Law), и засіяло политическое — кардиналъ Дюбуа. Въ самомъ началѣ 1722 года, заключившаго собой знаменитую эпоху регентства, князь Вас. Лук. Долгорукій, посолъ царя Петра въ Парижѣ, объявилъ Ганнибалу царскій указъ: ѣхать немедленно въ Петербургъ, моремъ. Ганнибалъ, ненавидѣвшій моря, смутился окончательно—и такъ воззвалъ къ Макарову, отъ 16 (5) февраля 1722 г., изъ Парижа: „Прошу васъ, государя моего, доложить его величеству, что я не морской человѣкъ: вы сами, государь мой, изволите видѣть, какъ я былъ на морѣ храбръ, а нонѣ пуще отвыкъ. Моя смерть будетъ, если не покажутъ надо мною милосердіе божеское. Ежели императорское величество ничего не пожалуетъ, чѣмъ бы мнѣ доѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, то радъ и готовъ пѣшкомъ идти... Прошу донести царскому величеству, что я былъ въ службѣ здѣсь поручикомъ инженерскимъ, въ которомъ полку я служилъ полтора года ученикомъ. Понеже сдѣлали здѣсь школу новую для молодыхъ инженеровъ въ 1720 г., въ которую школу не принимали иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые примутъ службу французскую; но я, надѣяся, что не будетъ противно его величеству, что я принялъ службу

для лучшаго ученія, и ежели его величество изволитъ повелѣть мнѣ пребыть сей годъ для ученія, понеже мы сдѣлали сами безъ мастеровъ городъ для ученія, а такожъ разныхъ и для подкоповъ... Токмо прошу, Христа ради и Богородицы, чтобъ моремъ не ѣхать; о школѣ, о которомъ (sic) я вамъ доносилъ, и опа не здѣсь около Парижа, токмо сто миль въ разстояніи отъ Парижа; но ко мнѣ писали, чтобъ пріѣхать въ Парижъ, и я сегодня пріѣхалъ". Въ ожиданіи отвѣта на это письмо, Ганнибалъ, 5 марта, писалъ опять къ Макарову. „Мы здѣсь всѣ въ долгу не отъ мотовства, но отъ бумажныхъ деньгахъ (sic), о чемъ вы, я чаю, извѣстны чрезъ графа Мусина-Пушкина, какое здѣсь житье было здѣшними деньгами. И ежели бы здѣсь не было Платона Ивановича (графъ Мусинъ-Пушкинъ), то бы я умеръ съ голоду: онъ меня, по своей милости, не оставилъ, что обѣдалъ и ужиналъ при немъ по вся дни... Я надѣюся, что его императорское величество оставить меня не прикажетъ, понеже по отъѣздѣ своемъ изволилъ намъ съ Алексѣемъ Юровымъ изъ устъ своихъ сказать, что ежели мы будемъ моты или въ тюрьму попадемъ, то бъ намъ не имѣть никакой милости отъ его величества для нашей выкупки. Потомъ, изволилъ сказать: ежели мы будемъ прилежно учиться, также чтобъ имѣть доброе житье, то я васъ не оставлю. — И я вамъ, государь мой доношу, что всѣмъ русскимъ извѣстно, какое я имѣлъ стараніе къ моей учени (sic), и сколь всякое и казнѣ гдѣ бы можно лучше учиться. Также и принялъ службу, чтобъ лучше знать мое дѣло, гдѣ не принимали никого иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые службу примутъ въ Франціи. То ли я выслужилъ, живучи при его величествѣ 17 лѣтъ — выгоняютъ отсюда, какъ собакъ, безъ денегъ! Хотя бы на подъемъ не давали, да пожаловали бы дали наше жалованье годовое, я бы съ тѣмъ поѣхалъ. Ежели недостанетъ, тобъ милостину сталъ просить дорогою; а моремъ не поѣду — воля его величества!" Наконецъ вожделѣнное жалованье было выдано —

и обрадованный Ганнибалъ, 22 апрѣля 1722 г., писалъ къ Макарову: „Я зѣло благодарствую вамъ, моему милостивому государю, что приказали перевесть денегъ мнѣ, которую (sic) мы получили сего 11 дня сего мѣсяца, также, чтобъ мнѣ ѣхать съ его свѣтлостью (кн. Вас. Лук. Долгорукимъ)... Пожалуй, мой милостивый государь, прикажи надо мною показать милость свою, чтобъ я не былъ оставленъ. А что мнѣ велѣно ѣхать съ его свѣтлостью, и о томъ прошу васъ, моего государя, чтобъ къ нему отписать, пока онъ изволитъ здѣсь жить въ Парижѣ, чтобъ меня приказалъ поить и кормить у себя, чтобъ мнѣ опять въ долгъ не входить (за упадкомъ во Франціи бумажныхъ денегъ), понеже я не имѣю за душою единую копѣйку; а онъ сказалъ: хотя де съ голоду умирайте, у меня вамъ нѣтъ хлѣба, и мнѣ де на то указу нѣтъ, чтобъ васъ кормить! Также, чтобъ въ дорогѣ насъ не оставилъ, чтобъ насъ приказалъ вести на своихъ (лошадяхъ) и кормить дорогою, чтобъ съ голоду не помереть“ [1]).

Ни изъ чего однако не видно, чтобъ Ганнибалъ возвратился изъ Франціи въ томъ же 1722 году. Напротивъ, есть поводы полагать, что, помимо жажды знаній и недостатка денегъ, Ганнибала удерживала въ Парижѣ — любовь. Допуская въ этотъ очеркъ только такія извѣстія, которыя подкрѣпляются документами или, по крайней мѣрѣ, не поселяютъ подозрѣнія въ ихъ вѣроятности, мы не останавливаемся признать исторически и психологически вѣрнымъ разсказъ Пушкина объ отношеніяхъ его прадѣда къ одной парижской графинѣ, разсказъ, изложенный мастерски въ неконченномъ романѣ „Арапъ Петра Великаго“. Вотъ какъ начинаетъ Пушкинъ этотъ разсказъ: „Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ об-

[1]) Пекарскій: Наука и Литер. въ Росс. при П. В. Т, I. с. 166 — 167.

щее внимание. Всѣ дамы желали видѣть у себя le Nègre du Czar и ловили его на перехватъ. Регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта (Вольтера) [1]) и старостію Шолье [2]), разговорами Монтескье [3]) и Фонтенеля [4]); не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостію своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту петербургскаго двора, не одна ужасала Ибрагима; другія сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой африканецъ любилъ. — Графиня L... уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря [5]), выдали ее за человѣка, котораго она не успѣла полюбить и который въ послѣдствіи о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ; но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный; у нея соединялось лучшее парижское

---

[1]) Франциска-Марія-Аруэтъ Вольтеръ, писатель и философъ слишкомъ извѣстный, род. 1694†1778 г. Слѣдовательно, въ 1722 г. ему было 28 лѣтъ. Къ тому времени, онъ уже написалъ «Генріаду» и нѣсколько произведеній для сцены.

[2]) Гилльомъ-Амфри, аббатъ де-Шолье (Chaulieu), любезный поэтъ эпикуреецъ, прозванный Анакреономъ Тампля (замокъ въ Парижѣ), род. 1639†1720 г.

[3]) Баронъ Карлъ де-Монтескье (Montesquieu), знаменитый мыслитель и энциклопедистъ XVIII вѣка, род. 1689†1755 г. При Ганнибалѣ въ 1721 г., онъ издалъ свой первый трудъ: «Персидскія письма» (Lettres persanes).

[4]) Де-Буйе-де-Фонтенель, знаменитый литераторъ и ученый, род. 1657†1757, проживъ ровно сто лѣтъ.

[5]) Монастыри во Франціи того времени — были единственными пріютами воспитанія, доступнаго только дѣвочкамъ высшаго круга.

общество. Ибрагима представилъ ей........, почитаемый послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами. Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодаго негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами — и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ". Послѣ этой художественной обрисовки главныхъ героевъ романа, Пушкинъ, съ свойственной ему одному проницательностью, описываетъ, какъ графиня, мало по малу, „привыкла къ наружности молодаго негра, даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудренныхъ париковъ ея гостиной"; какъ Ганнибалъ, тоже мало по малу, не воображая еще, что любитъ графиню, „повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостію неба", какъ потомъ Ганнибалъ и графиня, увлекшись взаимнымъ чувствомъ, забыли все... „Обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила о томъ Ибрагиму. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее. Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мужчины бились объ закладъ, кого родитъ графиня: бѣлаго ли или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались на счетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ. Роковая

минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты на скоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ, близь самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шепотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка—и, не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ уѣхалъ, немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ“ [1]).

Ганнибалъ возвратился изъ Парижа къ царю въ исходѣ 1723 г. Пушкинъ сообщаетъ семейное преданіе, что Петръ выѣхалъ встрѣтить Ганнибала въ Красное Село и, при этомъ

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. V, (изд. 1855 г.), с. 115—118.

свиданіи, благословилъ своего крестника-арапа образомъ св. апостоловъ Петра и Павла, который долго хранился у его сыновей [1]). Вскорѣ за тѣмъ опредѣлилось и служебное назначеніе царскаго арапа. Не дальше, какъ 28 января 1724 г., въ росписаніи тѣмъ, которые просили разныхъ милостей, государь, противъ имени Абрама Петрова, помѣтилъ собственноручно: „дать чинъ“ [2]), а въ 20-хъ числахъ февраля того же года, указалъ князю Меншикову: „опредѣлить арапа Аврама Ганнибала инженеръ-поручикомъ въ бомбандирскую роту Преображенскаго полка, и выбрать изъ того же полка капральство молодыхъ солдатъ для назначенія ихъ въ кондукторы“ [3]). Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, намекаетъ прямо, что учителемъ выбраннаго „капральства“—назначенъ тотъ же „Аврамъ Ганнибалъ“. „У дяди моего—замѣчаетъ, подъ 1753 г., въ „Запискахъ“ своихъ почтенный Болотовъ [4])—нашелъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ печатныхъ и скорописныхъ, а особливо была у него прекрасная геометрія и фортификація, писанная и и черченная самимъ имъ въ молодости, когда онъ учился наукамъ симъ у Ганнибала“ [5]). Извѣстно, наконецъ, что Ганнибалъ преподавалъ математическія науки императору Петру II, бывшему еще великимъ княземъ.

Смертью Петра I, 28 января 1725 г., положеніе Ганни-

[1]) Отрывки изъ записокъ Пушкина. Сынъ Отечества, 1840 г. № 7, с. 446.

[2]) Голиковъ, Дѣянія П. В. т. X, с. 360.

[3]) Азанчевскій, Исторія Преображенскаго полка, изд. 1859 г. с. 226.

[4]) Болотовъ, Андрей Тимоѳеевичъ (род. 7 октября 1738†7 октября 1833), кромѣ «Записокъ», обнимающихъ время съ 1740 по 1795 г. включительно, напечаталъ «Дѣтскую Философію», 2 ч. (1776 — 1779) и издалъ 40 частей «Экономическаго Магазина», листками, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1780—1788 гг.

[5]) Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ, изд. 1870 г. т. I. с. 223.

бала не измѣнилось ни въ чемъ. Но подъ конецъ царствованія Екатерины I, самая кратковременность и безцвѣтность котораго даютъ поводъ льстецамъ считать его продолженіемъ царствованія Петрова, Ганнибалъ, побуждаемый ли дѣйствительно привязанностью къ своему августѣйшему ученику, будущему императору, или просто изъ видовъ личнаго честолюбія, вмѣшался въ кружокъ людей съ оттѣнкомъ политическимъ. Кружокъ этотъ, состоявшій изъ придворныхъ второстепенныхъ, какъ напр. Семенъ Мавринъ, Ис. Веселовскій, Ег. Пашковъ, Ив. Черкасовъ и друг., группировался около графа Рабутина, цесарскаго посланника при с.-петербургскомъ дворѣ, хлопотавшаго всячески объ утвержденіи правъ престолонаслѣдія въ Россіи за великимъ княземъ Петромъ, внукомъ императора Петра I, сыномъ несчастнаго царевича Алексѣя. Замѣтнѣйшими сторонниками плановъ графа Рабутина видимъ братьевъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ (впослѣдствіи графы), находившихся русскими посланниками: старшій, Мих. Петр.,—въ Польшѣ; младшій, Ал. Петр.,—въ Даніи. Душою кружка считалась, и была дѣйствительно, родная сестра Бестужевыхъ, княгиня Аграфена Петровна Волконская, придворная дама, способная, какъ замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ, „не только поддерживать интересы фамиліи, но и быть душою партіи“ [1]). Однако князь Меншиковъ, оберегавшій ревниво свое желѣзное вліяніе и не допускавшій соперниковъ, даже второстепенныхъ, провѣдалъ о движеніяхъ кружка графа Рабутина — и рѣшилъ положить ему конецъ, начавъ съ Ганнибала. Только-что умерла императрица Екатерина I и вступилъ на престолъ императоръ Петръ II, Ганнибалъ, не дальше, какъ на другой же день по воцареніи своего питомца, получилъ такое предписаніе: „1727 года Мая 8 дня. По Его Императорскаго Величества указу, Государственная Военная Коллегія приказали: лейбъ-

[1]) Соловьевъ: Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, Русская Рѣчь. 1861 г. № 4.

гвардіи Преображенскаго полку отъ — бомбандиръ-поручика Абрама Петрова отправить немедленно въ Казань, и велѣть ему тамошнюю крѣпость осмотрѣть, и какимъ образомъ ее починить или вновь запотребно разсудить сдѣлать цитадель, тому учинить планъ и проэктъ; а осмотря ее въ Военную Коллегію отписать на почтѣ, къ которому числу тотъ планъ и проэктъ поспѣть можетъ. — И отправить его на почтѣ, и дать ему на четыре почтовыя подводы прогоны изъ Казначейской Конторы, и о выдачѣ тѣхъ прогонныхъ денегъ въ Казначейскую Контору послать указъ, а о подорожной въ Ямскую Канцелярію промеморію, а въ Казань къ губернатору для вѣдѣнія и о вспоможеніи послать указъ же". Подлинный приговоръ закрѣпленъ тако: Александръ Меншиковъ. Внизу помѣта рукой Ганнибала: „Съ тѣмъ я поѣхалъ изъ Петербурга въ Казань, и былъ въ Казани 25 дней; потомъ получилъ другой указъ, чтобъ ѣхать въ Тобольскъ". Этотъ другой указъ, полученный Ганнибаломъ уже въ Москвѣ, „за Арбатомъ, за земленымъ городомъ", заключался въ слѣдующемъ письмѣ къ нему князя Меншикова: „Почтенный господинъ лейбъ-гвардіи отъ бомбандиръ-поручикъ Абрамъ Петровичъ! Его Императорское Величество указалъ ѣхать тебѣ въ Тобольскъ, и по инструкціи губернатора князя Долгорукаго построить крѣпость, противъ сочиненнаго чертежа. Того ради, вамъ указомъ Его Императорскаго Величества предлагаемъ: изволь туда ѣхать безо всякаго замедленія, понеже въ строеніи той крѣпости состоитъ необходимая нужда, а чертежъ пошлется къ вамъ на предбудущей почтѣ. А котораго числа ордеръ получишь, и когда отправишься, о томъ репортуй къ намъ, въ немедленномъ времени. Изъ Петергофа Мая 28 дня 1727 года. Александръ Меншиковъ". Помѣта руки Ганнибала: „Съ тѣмъ прибылъ я въ Тобольскъ, и отправился на границу китайскую къ Саввѣ Рагузинскому" [1]).

[1]) Эти два документа сообщены намъ, въ копіяхъ, М. И. Семевскимъ, котораго благодаримъ искренно.

Отправленіе Ганнибала на границу китайскую послѣдовало, впрочемъ, въ силу третьяго указа, о которомъ самъ Ганнибалъ упоминаетъ въ слѣдующемъ документѣ: „Его Императорскаго Величества, Иркуцкой провинціальной канцеляріи, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка отъ бомбандиръ-поручика Абрама Петрова, вѣденіе [1]). Прошедшаго іюля 28 дня, 1727 года, по указу Его Императорскаго Величества и по письму изъ Петергофа отъ его свѣтлости генералисимуса, свѣтлѣйшаго князя, Александра Даниловича Меншикова, велѣно мнѣ ѣхать на китайскую границу для строенія крѣпости, и при мнѣ опредѣленные деньщики, которымъ, по присланному изъ Тобольска указу, велѣно получать провіантъ солдатской, а именно двумъ человѣкамъ; и по отъѣздѣ изъ Тобольска, съ августа мѣсяца 1727 года по генварь мѣсяцъ 1728 года, определѣннаго провіанта нигдѣ не получили. И чтобъ повелѣно было противъ указа Его Императорскаго Величества въ Иркуцку или гдѣ востребуется отъ него вѣденіемъ, онымъ деньщикамъ провіантъ выдавать, гдѣ принадлежитъ, при Китайской границѣ, заслуженное и впредь безъ задержанія. И о томъ, куды надлежитъ, изъ Иркуцкой провинціальной канцеляріи послать Его Императорскаго Величества послушные указы, чтобъ за недачею онымъ денщикамъ, будучи при мнѣ какой нужды не возымѣть въ провіантѣ. Къ сему вѣденію руку приложилъ преображенскаго полку отъ бомбандиръ-поручикъ Абрамъ Петровъ. Генваря 15 дня 1728 году“ [2]).

А между тѣмъ, пока Ганнибалъ странствовалъ отъ Петербурга до Иркутска и Селенгинска, имя его повторялось друзьями и недругами отъ Копенгагена до Москвы — и со-

---

[1]) Въ записи иркутскаго архива значится: «Въ декабрѣ мѣсяцѣ (1727), прибылъ изъ Тобольска лейбъ-гвардіи, бомбардирной роты, поручикъ Абрамъ Петровъ. Арабъ Ганнибалъ, для строенія селенгинской крѣпости.

[2]) Москвитянинъ. 1853 г. № 24. Историческіе матеріалы с. 34—35.

бытія совершались своимъ чередомъ. Такъ, Алексѣй Бестужевъ [1]), свѣдавъ о смерти Екатерины I и не зная еще о командированіи Ганнибала въ Казань, писалъ сестрѣ своей, княгинѣ Волконской, изъ Копенгагена, отъ 23 мая 1727 г.: „Къ Рабутину отсюда писано и къ Вѣнскому двору, дабы онъ Рабутинъ инструированъ былъ стараться о васъ, чтобъ вамъ при государынѣ великой княжнѣ Наталіе Алексѣевнѣ [2]) оберъ-гофмейстершей быть, также чтобъ и друзья наши Аврамъ Петровичъ (Ганнибалъ) и Исакъ Павловичъ (Веселовскій [3]) достойнѣйше награждены были. Вы извольте согласно съ упомянутымъ Рабутиномъ о томъ стараться. Чтоже принадлежитъ до брата нашего и до меня, и я намѣренъ потерпѣть, пока вы награжденіе свое, чинъ оберъ-гофмейстерши, получите, и помянутые друзья наши, ибо награжденіе мое чрезъ Вѣнскій дворъ никогда у меня не уйдетъ. Согласитесь съ Рабутиномъ о себѣ и о вышеписанныхъ друзьяхъ нашихъ; такождѣ и о родителемъ нашемъ [4]) прилежно чрезъ Рабутина стараться извольте, чтобъ пожалованъ былъ графомъ, что Рабутинъ легко учинить можетъ“ [5]). Но вскорѣ затѣмъ,

[1]) Бестужевъ-Рюминъ Алексѣй Петровичъ, впослѣдствіи графъ, род. 1693†1764 г.; былъ при Петрѣ I посланникомъ, при имп. Аннѣ кабинетъ-министромъ; при имп. Елизаветѣ канцлеромъ и ею же сосланъ въ свою деревню, съ лишеніемъ чиновъ, въ 1758 г.; возвращенный при Екатеринѣ II, въ 1762 г. сдѣланъ фельдмаршаломъ.—Единственный сынъ его, графъ Алексѣй, дѣйств. тайн. сов., ум. въ 1768 г., бездѣтнымъ.

[2]) Наталія Алексѣевна, великая княжна, дочь царевича Алексѣя Петровича, отъ брака съ Шарлотой-Христиной-Софіей, принцессой Браупшвейгъ-вольфенбюттельской, род. 1714†1728 г.

[3]) Веселовскій Исаакъ Павловичъ, началъ службу при Петрѣ I, обучалъ русскому языку имп. Петра III (въ 1742) и ум. тайн. сов. въ глубокой старости, въ 1754 г.

[4]) Родитель этотъ, Петръ-Михайловичъ, впослѣдствіи графъ, род. въ 1664†1743 г. Онъ—первый Бестужевъ, начавшій писаться Бестужевымъ-Рюминымъ.

[5]) Русская рѣчь 1861 г. № 4.

графъ Рабутинъ умеръ въ С.-Петербургѣ [1]) — и князь Меншиковъ обрушился на княгиню Волконскую, лишенную главной своей поддержки: вмѣсто званія гофмейстерины, сестра Бестужевыхъ получила приказаніе удалиться въ Москву. Оказалось, впрочемъ что князь Меншиковъ хлопоталъ напрасно: собственное паденіе его совершилось невозвратно 9 сентября 1727 г.—„Прешла и погибла суетная слава, прегордаго Голіаѳа!“ писали другъ другу сторонники княгини Волконской, поздравляя себя съ несчастіемъ нареченнаго тестя императорскаго [2]) и, въ томъ же сентябрѣ, Алексѣй Бестужевъ писалъ сестрѣ: „Понеже чрезъ печатные указы публиковано, чтобъ указовъ Меншикова не слушать, того ради, не ожидая себѣ никакого позволенія, поспѣшайте въ С.-Петербургъ, о чемъ и друзьямъ нашимъ, господину Маврину [3]) и прочимъ совѣтуйте, ибо такъ онымъ, какъ и вамъ, не отъ его императорскаго величества, но отъ Меншикова повелѣно было“; за этимъ письмомъ, недѣлю спустя, Алексѣй Бестужевъ прислалъ другое, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Конечно по желанію всѣхъ васъ и коегождо особно учинилось, ежелибъ смерть графа Рабутина въ томъ не попрепятствовала; и ежелибъ его императорское величество да не свободилъ имперію свою отъ ига варварскаго (Меншиковъ), то бы мнѣ трудно было толь скоро всѣмъ вамъ вспомочь; нынѣ же уповаю, что вы съ друзьями нашими и безъ посторонней помощи, по отлученіи извѣстнаго варвара (Меншиковъ) всякій

[1]) Семейству его, постановленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 4 октября 1727 г., опредѣлено дать 25 тыс. руб. вознагражденія — сумма, потому времени, большая. См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1858 г. кн. III. Отд. II. с. 66.

[2]) Князь Меншиковъ, 25 мая 1727 г., обручилъ 16 лѣтнюю дочь свою, Марію, имп. Петру II.—Невѣста эта раздѣлила жребій своего отца.

[3]) Семенъ Мавринъ былъ наставникомъ Петра II, съ 1719 г. Удаленъ въ Сибирь Кн. Меншиковымъ, въ 1727 г.

самъ себѣ вспомочь можете" [1]). Понятно, что Ганнибалу, ѣхавшему тогда изъ Тобольска въ Иркутскъ и незнавшему еще о паденіи „прегордаго Голіаѳа", не приходило въ голову, да и не было бы возможности, за такимъ отдаленіемъ, „вспомогать себѣ". Но его не забывали друзья, уповавшіе теперь на развѣнчанную царицу Евдокію [2]), бабку молодаго императора, и одинъ изъ нихъ, Пашковъ [3]), писалъ 24 октября изъ Петербурга въ Москву, княгинѣ Волконской: „Надлежитъ вамъ чаще ѣздить въ дѣвичій монастырь (гдѣ жила Евдокія) искать способу себѣ какова; о Семенѣ Мавринѣ и объ Аврамѣ стараюсь, чтобъ ихъ взять изъ ссылки, да не могу чрезъ кого учинить: всѣ, проклятые, злы на нихъ, какъ собаки. Про кампанію нашу прежнюю часто и милостиво изволятъ (имп. Петръ II) упоминать, только отъ прежнихъ нашихъ непріятелей не можно свободнаго способа сыскать, какъ бы порядочно донесть; однакожъ хотя и съ трудомъ, только дѣлаемъ сколько возможно" [4]). Пользы отъ этого „дѣланія" однако не было и, напротивъ, вышло гораздо хуже, нежели могли ожидать партизаны княгини Волконской. Интриги ихъ были открыты, переписка захвачена и, подъ вліяніемъ новыхъ временщиковъ, князей Долгорукихъ, 28 мая 1728 г. состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ Москвѣ, такой приговоръ: „По осмотру явились писанныя къ княгинѣ Волконской отъ отца ея Петра Бестужева, отъ матери Авдотьи [5]), отъ

---

[1]) Русская рѣчь, 1861 г. № 4.

[2]) Евдокія Ѳедоровна Лопухина, въ иночествѣ Елена, первая жена имп. Петра I и мать царевича Алексѣя, родилась въ 1669 г.; вѣнчана съ Петромъ, въ 1689 г.; пострижена въ 1699 г.; взята подъ крѣпкую стражу, въ 1718 г.; ум. 27 Августа 1731 г.

[3]) Пашковъ, Егоръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ, членъ военной коллегіи съ 1727 г. Владѣлецъ мызы Рябова, въ 15 верстахъ отъ Охты, въ 1723 г.

[4]) Русская рѣчь. 1861 г. № 4.

[5]) Евдокія Ивановна Бестужева-Рюмина, впослѣдствіи графиня, была рожденная Талызина.

братьевъ Алексѣя и Михайлы [1]), отъ Егора Пашкова, отъ Семена Маврина, Аврама Петрова, Юрья Нелединскаго [2]), Исака Веселовскаго, Тимоѳея Кутузова [3]), Ивана Черкасова [4]) и отъ прочихъ (письма), и потомъ письмомъ явилось, что они всѣ дѣлали партіи и искали при дворѣ его императорскаго величества для собственной своей пользы дѣлать интриги, и тѣми интригами причинить при дворѣ безпокойство, искали себѣ помочи чрезъ Вѣнскій дворъ у министра графа Рабутина, а именно: княгиня Волконская съ братомъ Алексѣемъ и съ Абрамомъ Арапомъ, и для того имѣли переписки, и тако хотѣли вмѣшать посторонняго государя въ домовыя его императорскаго величества дѣла. Того ради княгиню Волконскую сослать въ дальній дѣвичій монастырь; сенатору Нелединскому въ Сенатѣ у дѣлъ впредь не быть; Егору Пашкову, въ Военной Коллегіи у дѣлъ не быть же; Веселовскаго, который уже прежде за измѣну двоихъ братьевъ посланъ былъ въ Гилянь, послать опять въ Гилянь; Кутузова посадить на мѣсяцъ въ тюрьму и опредѣлить съ умаленіемъ ранга одною степенью; шталмейстера Кречетникова [5]), отлуча

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Петровичъ, впослѣдствіи графъ, род. 1618†1760 г., находился посломъ въ Стокгольмѣ съ 1721 по 1741 г. Женѣ его, рожденной гр. Головкиной, вдовѣ гр. П. И. Ягужинскаго, урѣзанъ языкъ и она сослана въ Сибирь въ 1743 г. Послѣ того былъ женатъ вторично заграницей.

[2]) Нелединскій, Юрій Юрьевичъ, дѣдъ извѣстнаго писателя Юрія Александровича Нелецкаго—Мелецкаго, завѣдывалъ коженсннымъ дѣломъ въ Россіи, въ 1715—1717 гг.

[3]) Кутузовъ, Тимоѳей Кирилловичъ. Царедворцемъ засѣдалъ въ Каммеръ-коллегіи 1719 г. Былъ азовскимъ ландратомъ въ 1715 г.

[4]) Черкасовъ, Иванъ Антоновичъ, впослѣдствіи баронъ, род. 1690 †1752 г. При имп. Петрѣ I служилъ кабинетъ-секретаремъ; при имп. Аннѣ сосланъ въ Казань; при имп. Елизаветѣ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

[5]) Кречетниковъ, Никита, въ 1736 г. былъ подполковникомъ и, съ 29 марта, генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантомъ. — Сынъ его,

отъ двора, написать въ прапорщики; Черкасова послать въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. Имени Абрама Петрова, въ числѣ наказанныхъ, нѣтъ. Но Ганнибалъ не былъ и помилованъ; съ него, напротивъ, началось также наказаніе какъ при князѣ Меншиковѣ изгнаніе партизановъ княгини Волконской: 23 мая 1728 г., т. е. за пять дней до общаго постановленія о виновныхъ по этому дѣлу, Верховный Тайный Совѣтъ переименовалъ отъ-бомбардиръ поручика [1]) Абрама Петрова арапа въ Тобольскій гарнизонъ маіоромъ [2]). Замѣтимъ, кстати, что это же извѣстіе есть и у Пушкина, только съ невѣрнымъ добавленіемъ, что Ганнибала послали измѣрять „Китайскую стѣну“.

Не китайскую стѣну строилъ Ганнибалъ, а былъ у проэктированія крѣпости въ городѣ Селенгинскѣ, предполагавшемся къ перенесенію на новое мѣсто, по мысли графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинскаго, выходца боснійскаго, который, въ 1702 г., пріѣхалъ въ Азовъ торговать деревяннымъ масломъ и хлопчатой бумагой; въ 1711 г. сопровождалъ имп. Петра I на р. Прутъ, а въ 1726 г. отправленъ посланникомъ въ Пекинъ [3]) разъяснить и опредѣлить окончательно пункты договора съ китайцами, заключеннаго Ѳед. Ал. Головинымъ (впослѣдствіи графъ), въ 1689 г. [4]). Тогда-то, проплывъ на

Михаилъ Никитичъ, генералъ-аншеѳъ и главнокомандующій въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ, 6 мая 1793 г. возведенъ въ граѳское Россійской Имперіи достоинство, но, спустя 3 дня, ум. бездѣтнымъ.

[1]) Оѳицеры бомбардирской роты преимуществовали чиномъ передъ гвардейскими; такъ и Ганнибалъ, въ общемъ спискѣ Преображенскаго полка, числился съ капитанъ поручиками.

[2]) Списокъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку господамъ штабъ и оберъ-оѳицерамъ, состоящимъ вполку съ 1702 по 1770 г. (современная рукопись, намъ принадлежащая).

[3]) Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Изд. 1836 г. т. I. с. 389.

[4]) Забайкальс. область. Москвитянинъ. 1852 г. № 14 отд. VII с. 84.

дощаникахъ Ангарой, Байкаломъ и Селенгой на р. Буру, пограничную съ Китаемъ, Владиславичъ представилъ правительству свои соображенія. по поводу которыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 30 декабря 1726 г., объявленъ слѣдующій указъ: „Доносилъ намъ отправленный къ китайскому двору чрезвычайнымъ посланникомъ, нашъ дѣйствительный статскій совѣтникъ иллирійской графъ Савва Владиславичъ, съ границы китайской отъ рѣчки Буры отъ 31 августа, что по усмотрѣнію его во всей Сибири ни одного крѣпкаго города. ни крѣпости не обрѣтается, наипаче на границѣ, по сю сторону моря Байкальскаго. Селенгинскъ ни городъ, ни село, ни деревня, понеже въ ономъ токмо 250 дворовъ, и строенъ на мѣстѣ ни къ чему годномъ, и ко всякимъ набѣгамъ опасномъ, ничѣмъ не огороженъ, къ тому-жъ оной, за низкостью мѣста, повсегодно водою и рѣки Селенги разлитіемъ потопляется. И для того онъ графъ Владиславичъ пріискалъ къ строенію тамо фортеціи иное вблизи удобное мѣсто. Почему и указали Мы: крѣпость Селенгинскую строить вновь на пріисканномъ отъ помянутаго графа Владиславича мѣстѣ у рѣки Селенги, тѣми военными людьми, которые отправлены къ границѣ китайской съ полковникомъ Бухольцомъ; къ тому-жъ употребить по разсмотрѣнію сибирскаго губернатора и тамошнихъ жителей, и для строенія оной отправить туда изъ Военной Нашей Коллегіи инженера и артиллерійскаго офицера: а какую тамъ крѣпость удобнѣе дѣлать, каменную-ль или деревянную-ль, въ томъ, такожъ и во удовольствованіи оной новой крѣпости артиллеріею и аммуниціею и гарнизономъ, Нашей Военной Коллегіи поступить по своему разсмотрѣнію“ [1]). Указъ этотъ подоспѣлъ какъ разъ къ первому открытію кн. Меншиковымъ существованія партіи княгини Волконской—и Ганнибалъ, въ качествѣ инженера ученаго, командированъ въ Селенгинскъ, за 6000 слишкомъ верстъ отъ Пе-

[1]) Полн. собр. Зак. росс. имп. 1830 г. т. VII. № 4994.

тербурга, въ климатъ, по меньшей мѣрѣ, странный для уроженца Африки. Одновременно съ Ганнибаломъ, и подъ его начальствомъ, поѣхали въ Селенгинскъ изъ Петербурга, въ августѣ 1727 г.: инженеръ-прапорщикъ Сем. Боборыкинъ, кондукторы Ѳоимъ Бузовлевъ, Григ. Карцовъ и инженерный ученикъ Ив. Титовъ [1]). Весь 1728 годъ Ганнибалъ прожилъ въ Селенгинскѣ, гдѣ „по генеральной выпискѣ и по грамотамъ", числилось тогда: дворянъ 3, дѣтей боярскихъ 4, пятидесятниковъ, десятниковъ и козаковъ 254 [2]), да временемъ, въ базарные дни, толкались Буряты, исконные насельники забайкальскіе. И нѣтъ ничего мудренаго, если, не говоря о Парижѣ, даже послѣ тогдашняго Петербурга, Селенгинскъ долженъ былъ казаться Ганнибалу жестокой ссылкой и приневоливать его, на безконечномъ досугѣ, къ усердному занятію дѣломъ, разумѣется, служебнымъ. Мы знаемъ, что Ганнибалъ составилъ планъ и профиль предполагаемаго города, не раньше 1730 г. присланные въ Канцелярію Главной Артиллеріи и Фортификаціи и тамъ уменьшенные въ масштабѣ [3]). Но трудамъ Ганнибала не суждено было осуществиться на дѣлѣ: изъ документовъ Инженернаго архива видно, что перестройка Селенгинска совсѣмъ не приводилась въ исполненіе [4]). Весь ходъ этого дѣла одинъ изъ источниковъ печатныхъ поясняетъ такъ: „Необоронительное состояніе сего пограничнаго мѣста (Селенгинска) подало иллирическому графу Савѣ Владиславичу, во время заключенія мира съ Китайцами, причину къ предложенію, чтобъ строить новую Селенгинскую крѣпость, довольнымъ пространствомъ, каменную, по регуламъ фортификаціи, на лѣвомъ берегу Селенги, пря-

---

[1]) Дѣла Артиллерійскаго архива кн. N 73 л. 116.

[2]) Кирилловъ: Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства. Сочиненіе 1727 г. Изд. 1831 г. кн. II с. 86.

[3]) Дѣла артил. арх. кн. № 87 л. 43.

[4]) Ласковскій: Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Изд. 1865 г. ч. III. с. 9.

мо супротивъ нынѣшняго города. И подлинно сіе мѣсто, съ перьваго виду, весьма способнымъ кажется; но земля тамъ вся каменная, чего ради другіе признавали сіе предложеніе за невозможное" [1]). Легко, быть можетъ, что, въ тоже время, Ганнибалъ составлялъ планы крѣпостецъ Кяхты и Троицкосавска, возведенныхъ тѣмъ-же графомъ Владиславичемъ, по заключеніи Буринскаго трактата съ Китайцами, въ 1728 г. [2]). Кончивъ свои служебныя обязанности въ Забайкальѣ, Ганнибалъ, какъ маіоръ тобольскаго гарнизона, оставался въ Сибири до 1730 г., въ которомъ, 25 сентября, онъ переименованъ инженеръ-капитаномъ, надо полагать, по представленію сильнаго тогда гр. Миниха, генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ директора надъ фортификаціями, благоволившаго вообще умному и способному Ганнибалу. Какъ бы то ни было, въ 1731 г. находимъ Ганнибала инженеръ-капитаномъ въ Лифляндіи, подъ именемъ Абрама Петрова. Здѣсь, въ Остзейскомъ краѣ, онъ былъ, конечно, нужнѣе и полезнѣе, нежели въ отдаленной Сибири. „А в каком нынѣ крепости состоянiи имѣютца—гласитъ одинъ изъ документовъ 1731 г.—вѣдомостей в скором времяни, за далностию мест и за неимѣнием доволнаго числа в практикe іскусных инженеров, порозн обо всем акуратно нынѣ сочинит невозможно. Однакож генерално извесно есть, что все крепости чрез долгое время ісправлением упущены. А о сочиненiи и о присылкѣ таких вѣдомостей, как скоро возможно во инженерные команды посланы указы и інструкцiи много кратно, как о томъ выше показано. А из оных крепостей, которые как например бывшие швецкие пограничные: Нарвская, Выборская, Ревелская, Перновская, Рижская и Динаменская—еще і во время швецкого владения в надлежащем состоянiи

---

[1]) Щекатовъ: Словарь географическій россійскаго государства ч. V (Изд. 1807 г.) с. 864 — 865.

[2]) Ласковскій: Матеріялы и т. д, ч. III с. 19.

не были. А при некоторых починки і внов строеніи и поправлениі были; однакож и те еще вѣсма великого исправления требуют, о чем іспосланных в 1729 году о Выборской и Кексголмской крепостях доволных и окуратных примечаниев и прожектов, кои чрез военную коллегию в бывшей верховный тайный совѣт взнесены, усмотреть возможно. Ибо многія крепости, от долговремяннаго в непоправленіях запущения, повредилис во многих мѣстах и чрез то в немалое худое состояние пришли, так что ко обороне зѣло безнадежны. А другие, например Ревель и Рига, хотя в своих линѣях і в целости содержатца, однакож обретаютца местами весма в худом ѳланкированиі и несилной деѳензиі" [1]). Совсѣмъ тѣмъ, Ганнибалъ, хотя милостиво возвращенный изъ Сибири, не сочувствовалъ новому порядку вещей, въ которомъ отталкивающее вліяніе Эрнста-Іогана Бирена, по мнѣнію бывшаго царскаго арапа, далеко не вознаграждало отсутствія пресловутой царской дубинки, творившей, дѣйствительно, чудеса. Заявлять такого своего мнѣнія умный арапъ, конечно, и не думалъ; а уйти изъ службы— желалъ, но, по тогдашнимъ законамъ, не признававшимъ еще „вольности дворянства", и по своимъ не старымъ лѣтамъ,— не имѣлъ на то права. Въ этомъ случаѣ, ему старался помочь его благопріятель, графъ Минихъ, который, какъ истый Нѣмецъ, предпочиталъ всегда личныя отношенія какимъ бы то ни было пользамъ службы. Минихъ, еще 11 октября 1731 г., ходатайствовалъ въ Военной Коллегіи о просящемся у него въ отставку, за головною болѣзнію, инженеръ-капитанѣ Абрамѣ Петровѣ „и о милостивейшемъ къ ево, со всею ѳамиліею, пропитанію, яко чужестраннаго, награжденіи" [2]). Выраженіе: „со всею ѳамиліею"—доказываетъ, что Ганнибалъ тогда не былъ уже одинокъ, но неизвѣстно въ точности: жилъ

---

[1]) Дѣла Артил. арх. кн. 96 № 16.

[2]) Тамъ-же, кн. № 87 л. 350.

ли онъ еще съ своей первой женой, какъ утверждаютъ, Гречанкой-красавицей, дочерью какого-то негоціанта, или былъ уже во второмъ бракѣ, съ нѣмкой Фонъ-Шебергъ,—такъ какъ первую жену, родившую дочь блондинку, ревнивый арапъ заподозрилъ въ супружеской невѣрности и постригъ въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь блондинку, Поликсену, удалилъ отъ себя и никогда не хотѣлъ видѣть, хотя заботился о ея воспитаніи и, въ свое время, далъ ей надлежащее приданое [1]). Справедливы или нѣтъ эти извѣстія, но неоспоримо, что, въ 1731 году, Ганнибалъ отставки не получилъ. Вмѣсто того, предписано было: инженеръ-капитану Абраму Петрову прибыть изъ Лифляндіи въ Петербургъ и явиться въ Канцелярію Главной Артиллеріи и Фортификаціи, а инженеръ-генералъ-маіору фонъ Люберасу [2])—„распрашивать его о Селенгинской (проектированной Ганнибаломъ) крѣпости, такъ какъ онъ тамъ „не малое время обрѣтался и о тамошних мѣстах доволно знать ему можно“ [3]). Это „не малое время“ заслуживаетъ также вниманія, какъ выраженіе, пріурочивающее большую сравнительно долю пребыванія Ганнибала въ Сибири, очевидно, къ Селенгинску. Если же припомнить, съ документами въ рукахъ, что Ганнибалъ, въ январѣ 1728 г., находился еще въ Иркутскѣ, на пути къ Селенгинску [4]), а въ сентябрѣ 1730 г. былъ уже инженеръ-капитаномъ въ Лифляндіи; да сообразить слишкомъ 6,000 верстъ разстоянія между Селенгинскомъ и Петербургомъ, не говоря о тогдашнемъ положеніи путей сообщенія, то на „самовольную“—какъ пи-

---

[1]) Dolgoroukow, prince Pierre. Mémoires, Gènève. 1867 г. т. I. с. 244—247.

[2]) Люберасъ, баронъ Іоаннъ Людовикъ, урожонецъ лифляндскій, вь чинѣ инженеръ-маіора строилъ ревельскую гавань, въ 1714 г; генералъ-маіоръ, съ 1726 г.; ген. лейт. съ 1739 г.; инж. генералъ, съ 1742 г.; ум. въ 1752—Бантышъ-Каменскій, въ своемъ «Словарѣ», сбиваетъ двухъ Люберасовъ, отца съ сыномъ, въ одно лицо.

[3]) Дѣла Артил. арх. кн. № 87 л. 398.

[4]) См. прим. 48.

шутъ Пушкинъ и, за нимъ, г. Лонгиновъ—отлучку изъ Селенгинска въ Петербургъ, съ возвращеніемъ опять въ Селенгинскъ, не останется не только „не малаго", но никакого времени „для доволнаго знанія о тамошнихъ мѣстахъ" вообще, и Селенгинскѣ въ особенности. Замѣтимъ кстати, что г. Лонгиновъ, думая поправлять покойнаго Пушкина, впадаетъ самъ въ ошибки, довольно грубыя. Такъ напр. онъ говоритъ: „Долгорукіе едва ли особенно благоволили къ нему (Ганнибалу), ибо во время ихъ могущества въ 1730 г. онъ былъ переведенъ въ тобольскій гарнизонъ маіоромъ, а не во время владычества Меншикова надъ Петромъ II (то есть не въ 1727 г.), какъ говоритъ Пушкинъ" [1]). Но во 1-хъ—какое же было „могущество" Долгорукихъ въ 1730 г.: до 19 января или, много-много, до 4 февраля? Извѣстно, что въ апрѣлѣ 1730 г. Долгорукіе были уже уничтожены. Во 2-хъ Ганнибалъ переведенъ въ тобольскій гарнизонъ маіоромъ не въ 1730 г., а 23 мая 1728 г. [2]). Въ 3-хъ Ганнибалъ удаленъ въ Сибирь, подъ видомъ командировки, 28 мая 1727 г., стало быть, именно въ самый моментъ „владычества Меншикова надъ Петромъ II, какъ говоритъ Пушкинъ". Выходитъ, что Пушкинъ сбивается только въ годахъ, но не въ фактахъ, какъ г. Лонгиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ, г. Лонгиновъ продолжаетъ: „Очень вѣроятно, что онъ (Ганнибалъ) пробылъ въ Сибири просто на жительствѣ или арестованный до 1730 г., за первую самовольную отлучку въ концѣ 1727 г." [3]). Однако „вѣроятнаго" тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ Ганнибалъ, въ самое время навязываемой ему „первой самовольной отлучки", ѣхалъ изъ Тобольска въ Иркутскъ, куда и прибылъ въ декабрѣ (слѣдовательно, „въ концѣ") 1727 г.; а на вторую отлучку—и времени не хватаетъ.

---

[1]) Русскій архивъ. 1864 г. с. 222.

[2]) См. прим. 68.

[3]) Русскій архивъ 1864 г. с. 222.

7 іюня 1732 г., должно быть, по окончаніи „распрашиванія о Селенгинскѣ, графъ Минихъ представилъ вторично Военной Коллегіи объ отставкѣ инженеръ-капитана Абрама Петрова [1]). На этотъ разъ, желаніе Ганнибала исполнилось: именнымъ указомъ 1733 г. инженеръ-капитанъ Абрамъ Петровъ, „по челобитью его, за имѣющимися болѣзнями", уволенъ отъ военной и статской службы „на свое пропитаніе".— Чѣмъ, гдѣ и какъ „пропитывался Ганнибалъ въ отставкѣ — мы не знаемъ. Но такъ какъ Пушкинъ говоритъ о „ревельской деревнѣ", въ которой Ганнибалъ жилъ „около 10 лѣтъ", а всѣ помѣстья, какія имѣлъ онъ, пожалованы ему позже, имп. Елизаветой, то имѣемъ право заключить во 1-хъ, что деревенская жизнь Ганнибала обнимаетъ все время его отставки, съ 1733 по 1741 г., а во 2-хъ, что жизнь эту Ганнибалъ проводилъ въ какомъ нибудь кирхшпилѣ своей второй жены, Христины-Регины фонъ Шебергъ. Во всякомъ случаѣ, къ этому же періоду Ганнибалова деревенскаго житья относится слѣдующее преданіе, весьма правдоподобное и вполнѣ характеристичное. „Въ уединеніи—повѣствуетъ Бантышъ-Каменскій — Ганнибалъ описывалъ на французскомъ языкѣ исторію своей жизни; но однажды, услышавъ звукъ колокольчика близь деревни, вообразилъ, что ѣхалъ за нимъ нарочный изъ С.-Петербурга и предалъ огню любопытную рукопись" [2]). „До самой кончины своей—прибавляетъ Пушкинъ, онъ (Ганнибалъ) не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика" [3]). Но когда мрачное регентство герцога Бирена низверглось и общая паника въ Россіи исчезла, Ганнибалъ, пріученный къ дѣятельности еще въ школѣ Петра, не имѣлъ причинъ бездѣйствовать въ деревнѣ — и, 23 января 1741 г. (а не въ 1740 г., какъ утверждаетъ г. Лонгиновъ), принятъ

---

[1]) Дѣла Артил. архива. Кн. № 91 л. 185.

[2]) Словарь достопам. люд. русс. земли, ч. II, с. 14.

[3]) Сочиненія Пушкина, т. V, с. 5.

снова на службу, въ ревельскій артиллерійскій гарнизонъ, подполковникомъ [1]). Съ этимъ назначеніемъ, служебная ретивость Ганнибала, которою онъ всегда отличался, подвергалась не малымъ испытаніямъ. Дѣло въ томъ, что Ревель того времени не удовлетворялъ тѣмъ военнымъ условіямъ, которыхъ могъ желать и требовать начальникъ мѣстной артиллеріи, какимъ, съ 23 января 1741 г., становился Ганнибалъ. „Имѣющіяся въ море морскія крѣпости (т. е. отдѣльные форты Ревеля), цитадель и двойная батарея—доносилъ, въ 1738 г., ревельскій губернаторъ графъ Дугласъ [2]), такъ обвѣтшали и погнили, что и пушкамъ стоять опасно“ [3]). „Предъ двумя полигонами—доносилъ же, въ 1740 г., преемникъ графа Дугласа, баронъ Фонъ Левендаль [4]), во многихъ мѣстахъ черезъ валъ и ровъ можно не только пѣшему пройти, но и конному проѣхать“ [5]). Помимо этого не казистаго состоянія самого Ревеля, какъ вооруженной приморской крѣпости, Ганнибалъ, во время своего командованія ревельской артиллеріей, не ладилъ ни съ подчиненными, ни съ начальствомъ. То и другое подтверждается слѣдующими документами, рисующими ярко людей и современную имъ эпоху. 23

[1]) Дѣла Артил. арх. Отставное повытье 1741 г.

[2]) Дугласъ, графъ Густавъ, родомъ Шведъ, началъ службу при фельдмаршалѣ графѣ Рейншильдѣ, бывъ адъютантомъ котораго, взятъ въ плѣнъ Русскими подъ Полтавой въ 1709 г.; получилъ въ управленіе завоеванную у Шведовъ Финляндію, въ 1817 г.; пожалованъ ген. маіоромъ, 8 апрѣля 1725 г., ген. лейтенантомъ, 13 мая 1729 г.; генераломъ, 12 марта 1738 г.; преданъ суду за измѣнническую переписку съ Швеціей, въ 1740 г.; ум. подъ судомъ, въ 1741 г.

[3]) Матеріалы для ист. инжен. искус. въ Россіи. ч. III с. 206.

[4]) Левендаль, графъ Вольдемаръ, родомъ датскій баронъ, началъ службу на родинѣ, 15-ти лѣтъ, морякомъ, въ 1714 г.; служивъ разнымъ государствамъ, принятъ русскимъ ген. лейтенантомъ въ 1736 г.; пожалованъ генераломъ въ 1740 г.; сдѣланъ саксонскимъ графомъ и перешелъ на службу Франціи въ 1743 г., объявленъ маршаломъ въ 1747 г., ум. въ 1755 г.

[5]) Матеріалы для ист. инжен. искус. въ Россіи. ч. III с. 203.

марта 1741 г. Ганнибалъ писалъ изъ Ревеля принцу Гессенъ-Гомбургскому, тогда генералъ-фельдцейхмейстеру и генералъ-директору надъ фортификаціями [1]). „Светлеишиі князь, премилосердный Г-дрь.—Вашеи высококняжескои светлости покорно дерзнул объявить: Маэоръ Голмеръ [2]), обижая меня, подговариваетъ порутчика Асеѣва, дабы просилъ вруской (т. е. русской крѣпости) гарнизонъ, по некоторой кiему,.маэору рекомендацыи, чтоб сдесь место опорожнил для незнаемой некоторой персоны. А понеже онои Афицеръ при здешнеи Артилериі імеетца лутчеі, ктомужъ и ево желания нетъ внутръ россіскіе гварнизоны итьтит,—того ради вашеи высококняжескои светлости покорно молю, чтоб онои порутчикъ Асеѣвъ из ревеля откоманды отлученъ не былъ, і впред чтоб таких пропозицеи, безъ ихъ прошения, небыло. Понеже при ревелской артилериі воѳицерахъ імеетца самая нужда. Ктомужъ ныне, по многимъ отвашеи высококняжеской свѣтлости строгимъ ордерамъ, велено ревелскои гарнизон укомплетовать служителями по штатному положению, чтоб все было готово. И я ныне імею, со всѣми здешными Афицеры, во исправлениі ревелской Артилеріи неусыпной трудъ.—Вашеи высококняжескои светлости, премилосердного государя, всепокорнеишиі А Ганибалъ“ [3]). 19 Мая того же 1741 г., принцъ

---

[1]) Принцъ-Людовикъ-Іоаннъ-Вильгельмъ, сынъ Фридриха-Якова, ландграѳа гессенъ-гомбургскаго, род. въ 1704 г.; прибылъ въ Россію въ 1731 г., пожалованъ ген. маіоромъ въ 1728 г., ген. лейтенантомъ въ 1730 г., андреевской лентой въ 1734 г., званіемъ генералъ-ѳельдцейхмейстера въ 1735 г., чиномъ ѳельдмаршала въ 1742 г., ум. въ Берлинѣ въ 1745 г., былъ женатъ съ 1738 г., на вдовѣ княгинѣ Анастасіи Ивановнѣ Кантемиръ, рожд. княжнѣ Трубецкой; дѣтей не оставилъ.

[2]) Голмеръ, Петръ Петровичъ, началъ службу въ артиллеріи въ 1727 г.; штыкъ-юнкеръ съ 1728 г.; маіоръ съ 1740 г.; ген. маіоръ съ 1758 г.; ген. поручикъ съ 1759 г.; ум. при имп. Екатеринѣ II въ 1760 г.

[3]) Дѣла Артиллер. архива кн. № 358.—Помѣта на письмѣ: «отвѣтствовано».

Гессенъ-Гомбургскій получилъ отъ подполковника ревельской артиллеріи—такое посланіе: „Светлеишиі князь, премилосердыі Г-дрь.—Вашу высококняжескую светлость и премилостиваго Г-дря, уповая на ваше природное великодушие, симъ покорно дерзнулъ утруждат и притомъ донесть внесносныхъ мне обидахъ от Г-дна генерала маеора и оберъ коменданта Дебриниі. [1]) Ибо, сначала принятие (sic) мною ревелскои артилерискои команды, безпрестанно отнего принимаю не по деламъ моимъ, всякие несносные репреманды (выговоры) и ізгнание, не такъ какъ артилериі штапъ афицера, но и последнеі оберъ афицеръ снести того не можетъ, какъ персонално мне, такъ и заочно, и отданными при пороле (паролѣ) писменными приказами. И втомъ я от своеи братьи штапъ афицеров имею не малое презрение. И хвалитца искать надомною всякихъ причинъ, которое уже ево намерение явно происходитъ, ибо ордировалъ меня, чтобъ я сревелских крепостеи излишние сверхъ штата пушки все снялъ долои на лагари. И потому ордеру я исполнение учинилъ, и о томъ вашеи высококняжеской Светлости я и репорталъ, о зачинаниі снимание (sic) пушекъ, которые уже і сняты были. Также ордировал меня, чтоб я по ревелскимъ морскимъ крепостямъ определилъ артилерискихъ служителеи к пушкам, и бить імъ справиантомъ безотлучно, денно и ночно, во всякои осторожности. И оной Г-днъ генералъ маэоръ Дебриниі публично отпирался оттехъ ордеровъ, якобы онъ такими ордерами меня не ордировалъ, и то я учинилъ якобы по своеи воли. А потомъ вторично меня ордировалъ, чтобъ артилерискихъ служителеи с морскихъ крепостеи свесть, а оставить по малому числу; а пушки, свезенные скрепости, чтоб поставить по бастионамъ всвои места по прежнему. И по онымъ

[1]) Де Брини, Адріанъ, ген. маjоръ и ген. квартирмейстеръ съ 1733 г., ген. лейт. съ 1741 г., александровскій кавалеръ въ 1744 г., ум. въ 1747 г.

ордерамъ я исполняю. Теми переменными ордерами меня и артилерискихъ оберъ аөицеровъ приводитъ внемалую коноузію і, какъ можно видить, особливо надо мною ищет, чембы ни есть меня сгубить. И данную мне от ратуши квартиру всегда имеетъ намерение у меня отнять для одного приезжаго штапа аөицера, которой меня млатчея. И призирая меня всемъ, якобы я протчихъ штапъ аөицеровъ хуже. И вто самое время, в трудахъ рождение (sic) младенца жены моеи, призывалъ от ратуши служителя, чтобъ ратманы с квартеры меня свели безвременно; и втомъ ему ратманы отказали, что оне отводятъ квартеры по своему расмотрению, не по ево повелению.— И обо всехъ вашеи высококняжескои светлости претерпѣваемыхъ мною вобидахъ донести окуратно, симъ более вашу высококняжескую светлость утруждать не смѣю. И того ради всепокорнеишиі вашеи высококняжескои светлости молю принять меня, бѣдного, всвою высокую протекцию, какъ изволили меня изьусно окордовать (аккордовать), и оттаких нетерпимых и наглых напатковъ меня бедного охранить.—Вашеи высококняжескои светлости, премилосердого Г-дря покорнеишиі рабъ А. Ганнибалъ. Ревель 14 дня маия 1741 году". [1]) Надо полагать, что Ганнибалъ пользовался особеннымъ участіемъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, потому что принцъ, въ самый день полученія письма Ганнибалова, т. е. 19 мая, отправилъ къ Де-Бриніи и свое письмо, неизвѣстно какого содержанія, на которое ревельскій оберъ-коммендантъ, 25 мая, отвѣчалъ слѣдующимъ: „Светлеиши Князь, высокопревосходительны Г-днъ Генерал Өелцеихмеистеръ и леибгварди подполковникъ, кавалер і наслѣдны Принцъ, премилосерды Г-дрь мои.—Вашеи светлости, примилосердого Г-дря моего, писаніе, пущенное сего маия от 19, я, в ревеле, 22 числа въ покорности моеи получил. Накоторое вашеи светлости покорнеише доношу: артилеріи Г-днъ подполковникъ

---

[1]) Дѣла Артиллер. арх. Кн. № 358.

Ганибалъ, в случившихся покоманде артилериской неколь по требованиямъ ево, но сколко кслучаю, по нынешнеи нужде, что касаетца до артилеріі, всякое вспоможение чинить долженствую, и что угодно ему впредь, по силе вашеи светлости, премилосердого Г-дря моего, писания, о касающихся нуждах ко артилери, і въ ево во всякихъ случаяхъ, сколко возможность моя допуститъ, вспомогать буду. Притомже вашеи светлости, премилосердого Г-дря моего, всепокорнеише прошу, дабы я чрезъ высокую вашеи светлости милость оставленъ не былъ Светлеиши князь, вашего высокопревосходительства, премилосердого Г-дря моего, покорнеиши слуга Андреян де Бриниі" [1]).

Россія переживала тогда эпоху смутную. Возвышенія и паденія лицъ самыхъ вліятельныхъ смѣнялись одно другимъ— и Петербургомъ начиналось и оканчивалось все. Одной ноябрьской ночи, съ преображенскимъ капральствомъ, было достаточно для того, чтобъ, уничтоживъ ненавистнаго всѣмъ регента, передать правленіе государствомъ въ руки неспособной принцессы, въ 1740 г.,—и такой же ночи, съ такимъ же капральствомъ, хватило на то, чтобъ, отнявъ власть и свободу у безпечной правительницы, воцарить, на мѣсто ея сына, всѣми признаннаго императора-младенца, новую императрицу, въ 1741 г.

Сочувственно привѣтствовала вся русская земля восшедшее надъ нею свѣтило. Восторгамъ и изліяніямъ не было конца. Откликнулись радостно забытые и забитые послѣднимъ 15-ти лѣтіемъ „птенцы гнѣзда Петрова". Отвсюду несли и слали они къ престолу дочери „перваго императора" вѣрноподданническія заявленія, напоминанія, прошенія. Написалъ и „Абрамъ арапъ" новой самодержицѣ: „помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое" [2]). Мольба эта была услышана: императрица

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Сочиненіе Пушкина. Т. V. (изд. 1855). с. 5.

Елизавета, 12 янввара 1742 г., пожаловала Ганнибала, изъ подполковниковъ артиллеріи, прямо въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ въ тотъ же Ревель.—Обрадованный такою милостью, Ганнибалъ спѣшилъ выразить монархинѣ свою признательность—и сдѣлалъ это въ день коронованія импер. Елизаветы, 25 апрѣля того же 1742 г. Вотъ современное, адресованное ко всей грамотной Россіи, извѣстіе „изъ Ревеля, отъ 17 мая. О здѣшнемъ торжествѣ въ высокій день коронованія Ея Императорскаго Величества надлежитъ еще упомянуть, что г. генералъ-маіоръ и оберъ-комендантъ Ганнибалъ о полудни трактовалъ господъ изъ генералитета и отъ флота, равнымъ же образомъ штабъ и оберъ-офицеровъ отъ артиллеріи, инженернаго корпуса и городскаго гарнизона, также и ландратовъ герцогства эстляндскаго и прочихъ знатныхъ персонъ; а по окончаніи стола начался балъ, которой до полуночи продолжался. Предъ квартирою г. генералъ-маіора и оберъ-коменданта представлена была слѣдующая иллюминація: 1) Ея Императорское Величество на тронѣ сидящая, съ скипетромъ и державою въ рукахъ, при чемъ изображены были: по правую сторону—Вѣра и Любовь, а по лѣвую Надежда съ Правосудіемъ; надпись при томъ была сія: Сими побѣждаю. 2) Ея Императорское Величество на колѣнахъ молящаяся, а сверхъ ея съ небесъ сіяніе, съ надписью: Живъ Богъ и жива душа моя. Предъ Ея Императорскимъ Величествомъ лежали на тронѣ императорская корона и скипетръ, съ надписью: Богомъ и родомъ Петра Великаго избранна, свыше Елисаветъ Россіи данна. 3) Ея Императорское Величество стоящая съ копьемъ въ правой рукѣ, лѣвою показуетъ на отрасль престарѣлаго дерева, на которой видно имя Его королевскаго высочества герцога голштинскаго (впослѣдствіи имп. Петръ III), съ надписью: Виждь како возрастаетъ. 4) Ея Императорское Величество стоящая съ пастырскимъ жезломъ, а подъ ногами Ея Величества овцы, отъ которыхъ по обѣ сто-

роны волки прочь бѣгутъ, съ надписью:. Пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы. 5) Россійскій двоеглавый орелъ, съ надписью: Виватъ Императрица Елисаветъ Петровна Мать отечеству" [1]).

Когда шумъ коронаціонныхъ торжествъ утихъ и обаятельный чадъ новизны разсѣялся, Ганнибалу оставалось замкнуться въ кругѣ своихъ служебныхъ обязанностей. Кругъ этотъ былъ не великъ, потому что хотя указомъ 11 іюля 1719 г. коменданты поставлялись полными распорядителями инженерныхъ работъ въ мѣстахъ, ввѣренныхъ ихъ управленію, но сила этого указа, съ теченіемъ времени, ослабла на столько что, еще 5 мая 1728 г., указомъ изъ Военной Коллегіи предписывалось: „Опредѣленнымъ отъ инженернаго правленія офицерамъ, какъ въ строеніи, такъ и починкѣ крѣпостей, помѣшательствъ отнюдь не чинить, а чинить всякое вспоможеніе; буде же губернаторы и коменданты въ строеніи и починкѣ крѣпостей усмотрятъ что полезное, о томъ писать имъ въ контору инженернаго управленія" [2]). Впрочемъ, Ганнибалъ инженернымъ офицерамъ въ Ревелѣ не только „помѣшательства отнюдь не чинилъ", но еще пекся о нихъ, и замѣтивъ, напр., что инженеръ-капитанъ-поручикъ Андр. Перхуровъ „за толстотою", особенно въ лѣтнее время, „имѣетъ чрезмѣрный трудъ", просилъ письменно принца Гессенъ-Гомбургскаго о переводѣ толстяка въ артиллерію или армейскіе полки [3]). Не ладилъ арапъ только съ Голмеромъ, своимъ давнимъ недругомъ, на котораго онъ жаловался принцу Гессенъ-Гомбургскому слѣдующимъ письмомъ изъ Ревеля, отъ 26 марта 1744 г.; „Светлейшій к-нзь, премилосердыи Г-дрь мой. — Ныне наступившимъ всемирнымъ торжествомъ воскресеніемъ Х-рта спасителя нашего вашу светлость с высокою фамилиею вседолжнейшѣ поздравляю і впредь текущие лета во всякихъ

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1742 г. № 42.

[2]) Матеріалы для ист. инжен. искус. въ Россіи, ч. III с. 677—666.

[3]) Дѣла артиллер. архива. Отставное повытье, 1742 г.

благополучияхъ с приумножениемъ дражайшаго здравия вашей светлости всевышний да усугубитъ, всеусердно желаю.— В надежде вашей светлости высокой во мне милости, взялъ дерзновение, по самой необходимости, жалобу мою въ следующемъ представить: ревелской артилълерiи маиоръ г-динъ Голъмеръ мне такiе по команде приноситъ досады, что всего того стерпеть уже невсостояний нахожусь. Вопервыхъ, наложилъ на себя свыше регула меру: вартилериской команде мне товарищемъ быть, i некоторыя дѣла без моего ведома начиналъ. I какъ скоро то ему, чрезъ мои приказы, пресекатся стало, вздумалъ упрямитца i такъ пренебрежно со мною обходится, что i персонално гордымъ обычаем во многих поступках i словахъ меня обижаетъ, за что я хотя власть i имею штрафу подвергнуть, однако ведая вашей светлости ко мне высокую милость, ктомужъ все оные артилериския чины въ высокоповелительной вашей светлости команде состоятъ, не желая тем принесть досады, еще терпениемъ содержусь. I для того не в самую жалобу, но для удержания от такихъ ево поступок, чтобъ онъ напослѣдокъ в безотвѣтной штрафъ не впал, всепокорно прошу: высокимъ вашей свѣтлости повелениемъ ево, маiора г-дина Голмера, на истинной путь наставить, чтобъ онъ впредь команду пренебрегать оставилъ.— Впротчемъ, рекомендуя себя во всегдашнюю вашей светлости высокую милость, со всенижаишимъ моим респектом iмею честь пребыть вашеи высококняжескои светлости, премилосердаго г-дря моего всепокорнеиши слуга А. Ганибалъ". На этомъ письмѣ собственноручная резолюцiя принца Гессенъ-Гомбургскаго: „Писат къ Голмеру, чтоб снимъ (Ганнибаломъ) поступалъ, какъ ево должность требуетъ, а не ссорно, и недопускалъ бы ево господiна Г. М. (генералъ-маiора) впредь своiми досадами жаловатца. И кнему Г. Ганнибалу отвечать и поздравлять". — Голмеръ съ своей стороны, также жаловался на Ганнибала, который, узнавъ объ этомъ, писалъ опять къ принцу, отъ 28 iюня 1744 года:

„Светлѣйшiй князь, премилостивой Г-дрь. — Вашей Высококняжеской светлости, премилосердаго г-дря и патрона моего предложение, от 2 числа сего Июня, я 19 исправно получить удостоился, за которое всепокорнеише приношу мое благодарение, и впредь дабы высокою вашей высококняжескои светлости милостию былъ содержанъ, какъ и донне, по древнеи своеи высокои милости меня слугу своего млтиво содержать соизволили. Вчемъ надѣяся на ваше высококняжескои светлости высокое милосердiе, неотменно надежду имея, что по млтивому великодушию и древнеи млти отъ вашей высококняжескои светлости оставленъ быть не имѣю. — При оном возымел мою смелость о упоминаемомъ въ предложени вашеи высококняжеской светлости здешнеи (ревелскои) артилери маэоре г-дне Голмере объявить мою невинность, которую на высокое вашеи высококняжескои светлости разсмотрение при сем прилагаю и всепокорнеиши прошу: по высокомъ вашеи высококняжескои светлости разсмотренiи, м-лтиво принят за непротивность и учинит со мною, всепокорнеишим вашимъ слугою, какъ ваша высококняжеская светлость, по высокому своему природному великодушию, млтиво соизволите, то все спокорностию моею предаю в волю вашей высококняжескои светлости. — И тако, рекомендуя себя вдревную высокую вашей высококняжескои светлости млсть и со всепокорнеишим моимъ почтением всегда пребуду вашеи высококняжескои светлости премлтивого г-дря всепокорнѣйшiи слуга А. Ганнибалъ". Объяснительные пункты, приложенные къ этому письму, состоятъ въ слѣдующемъ: „Соизволили ваша высококняжеская светлость артилерiи маэора Голмера с одданных кнему отмѣня при пароле приказовъ, також и предложенеи, копiи, присланныя от нево, Голмера, разсматривать толко те, которые до нево касаютца якобы к обиде. А какия онъ, Голмеръ, поступки чинил, тово еще видеть несоизволили, за тем, что хотя я на нево Голмера вашеи высококняжескои светлости и приносил мою жалобу,

токмо в самых кратких терминахъ, дабы от вашеи светлости впред дерзиовенно ему, Голмеру, приходя ко мне, яко ругателски поступать запрещено было. А когда онои Голмеръ ныне якобы показанныя от меня приказами и предложениями обиженъ, не объявя своих поступок, которых вашеи высококняжескои светлости неизвестно. И для того имею представить нижеслѣдующие объявлениі: 1) Какъ я нахожусь генерал-маэоръ и в Ревеле обер-комендантъ, и по правамъ ея императорскаго величества город обстоял, в небытность губернатора, под ведомством моим, почему какъ о приезжающих в город, так и о отъезжающих, весма мне знать потребно было; тож разумелос и об отводе квартиръ. А он, Голмеръ, еще и сперва какъ к ревелскои артилерискои каманде определен, то еще в бытность в санктъ-Петербурхе Канцеляріи главной артилеріи и ѳортификаціи просил о квартире (будто бы ему не дадутъ) отводом себе, которая ему по прихотям ево была надобна: почему и указ в канцелярию гарнизонную в Ревель присланъ, чево и никогда такова примеру не бывало, ибо ему то пред другими учинено, какъ отменному человѣку. А по прибыти в Ревель Голмеру от магистрата квартира, хотя и не та, которой онъ требовал, дана, точию по ево чести весма достоиная, такъ что до бытности ево, не толико полковники, но и генералитетъ и оберъ-комендантъ жили и тою квартирою были доволны. Однакож онъ Голмеръ, неудовольствуяся темъ, приходя ко мне неоднократно с немалыми выговоры, объявляя, якобы ему темъ учинена обида и неопамятуясь о томъ, что темъ своим прошением о квартире меня обидил. Сверхъ же того и нехотя на месте стоять, какъ должность повелеваетъ, оборачиваясь спиною и ходя с места на место, такъ говорил с невежествомъ при многихъ штапъ аѳицерахъ, с немалыми угрозами, чего было подчиненным предъ камандирами такъ чинить не подлежало. А я, не хотя с ним быть в соре (ссорѣ), всячески убегая того, многократно отхаживал и в другую горницу; а

он, тем еще не удоволствуясь, пришед, объявляя мне полученное им из санктъпетербурха писмо от своего некоторого патрона, в котором писано, что поручена де ему, Голмеру, каманда, и квартира дана-ль по указу, чтоб он немедленно репортовал. И с великим гневом тем писмом мне уграживая, и показывая уничижителныя гримасы, и рукою на меня помахивая, что все, по моей чести, не безобидно. Ис чево уповаю, что он писалъ напрасно, якобы ему каманда не поручена. 2) Когда по заключени со шведкою короною вечнаго мира [1]), приесжал ко мне сымяннымъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ указом отправленнои отъ высочайшего Ея Императорскаго Величества двора камеръ-юнкор господин Сиверсъ, для публикования здесь во всенародное известие и учинения господу Богу торжества, то по учинени оного, для такои всенароднои радости, господа лантраты и все шляхетство делали публичнои столъ, для которого торжества, по прошению их, приказано было дать от меня надлежащеѣ число артилеріи, с пристоиным числом служителеи, при одном оберъ аѳицере; а по окончани палбы, сколко пороха и ѳитиля издержано, за онои против коронной цены требовать заплатою денегъ (которые деньги и возвращены). И при том торжестве, при питье за здравие Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества государя наследника благовѣрнаго великаго князя Петра Ѳеодоровича, и о заключени благополучного мира, производилас пушечная стрелба по обычаю. И после пробития вечернеи тапты (зари), реченнои маэоръ Голмер прислал х командрованному в тои палбе аѳицеру от себя ординарца и приказал, чтоб палбу оставил, а людеи и артилерию взял х каманде. Токмо онои аѳицеръ, видя не обстоятелнои и гордои такои ево, Голмера, посту-

[1]) Миръ этотъ заключенъ полномочными обѣихъ сторонъ въ Або, 16 іюня, ратиѳикованъ въ Петербургѣ, 7 августа 1743 г., и торжествованъ въ Россіи повсемѣстно, 15 іюля 1744 г.

покъ, бес приказу от меня оного не учинил. И я тогда все ему, Голмеру, упустил и никакова за то, хотя было и должно учинить ему репремандъ, оное оставил. А и не то представляю: естли в том какая мне обида, оное предаю в высокое вашеи высококняжескои светлости разсуждение, ибо онъ, уповаю, что имея надежду, хотя каманде противитца, гордостию своею то чинил; таким же образом и в протчих дѣлах по надежде, а не по регулом, как надлежит, поступаетъ. 3) Он же, Голмеръ, пришед ко мне в некоторое время в квартиру; и, между разговоры, стал я ему говорит, какъ по каманде надлежит командиру о исполнени в силе Канцеляри Главнои Артилери и Ѳортификаціи ис канторы о покупке къ артилеріиской каманде брусья (sic), и о поставке в Ревель, и о командировани к тому аѳицера, и о протчемъ, касающемся до исполнения делъ. На что мне он весма с немалым таким ответствием, с криком необычно и противно, показывая мне уничижательныя гримасы, и рукою на меня и головою помахивая, грозилъ, и оборотясь спиною, — при чемъ были все здешняго гарнизона штапъ и оберъ аѳицеры, что мне было весма обидно, отчего принужденъ я былъ ему сказать, что „господин маэор! нет теперь вамъ у меня дѣла; изволь вон от меня итти“. То по выходе его, бывшия тогда другия штапъ и оберъ аѳицеры разсуждали мне о такихъ ево, Голмера, дерзновениях; на что я объявил: „что мне з дуракомъ таким делать!“ Которые речи из обретающихся тогда у меня аѳицеровъ ему, Голмеру, после сказали, почему он, яко бы я ево бранилъ, и к вашеи высококняжескои светлости представлял, чтоб ево от таких дерзновенных поступокъ унять. А после просил я словесно о унятіи ж ево, Голмера, и здешнево губернатора, его светлости принцъ ѳон Голштеинъ-Бека [1]), почему і его светлость ему,

[1]) Принцъ Петръ-Фридрихъ-Августъ Голштейнъ-Бекскій род. 1697 г., изъ полковниковъ гессенъ кассельскихъ въ русскую службу полков-

Голмеру, изволил говорить, чтоб от таких дерзновеніи унялся; точию он, Голмеръ, и при его свѣтлости мне показывал такую ж с великою гордостию и неучтивою поступкою немалую обиду. И какъ я отъ его светлости вышел в свою квартиру, то после, меня его светлость оного Голмера за то, что такъ со мною поступает, изволилъ чинить ему репремандъ и говорил, что де „ты и при мнѣ оказываешь неучтивость, чему подлинно верить могу ибо не толико заочно, но и при мнѣ-де такъ невежничаешь"; 4) Когда артилеріиския и инженерныя команды подчинены главнымъ начальником, точию не такъ, чтоб до экономи и протчим до особливого правления дело было, ибо-де то зависитъ от главного артилери и ѳортификаци командира дело, когда оное не подлежало, то о исправлени гарнизонною концеляри при артилеріиской и інженерной командахъ канцеляри главнои артилеріи и ѳортификаціи в гарнизонные канцеляри и указов повелительныхъ присылать и о исполненіи ответов спрашивать не должно. А ежели когда что приготовить или купить, ктомуж и ісправлять надлежит, то всегда повелени гарнизоннымъ канцеляриям указами бывают; почему всячески и должна гарнизонная канцелярия наблюдать, чтоб за неисполнение было безответно, понеже та канцелярия главнои артилери и ѳортификацію всегда неисполнения взыскиваетъ на гарнизонных канцеляріях, почему признаваетца, что и здесь в Ревеле, артилеріиская и інженерная команды по тем указом в командѣ состоятъ гарнизонныхъ канцеляреи. 5) По силѣ полученного канцеляріи главной артилеріи и ѳортификаціи ис конторы Ея Императорскаго Величества указу, сего 1744 году февраля 28

никомъ, 1734 г.; ген.-маіор. съ 1738 г.; генер.-порут. 1742 г.; ген.-аншефъ 1755 г.; андреевскій кавалеръ, съ 1760 г.; фельдмаршалъ, 9 января 1762 г.; умеръ 1775 г. — Отъ брака съ графиней Анастасіей Николаевной Головиной оставилъ дочь, принцессу Екатерину, которая умерла въ 1811 г., за княземъ Ив. Серг. Борятинскимъ.

дня, велено на крѣпостяхъ артилерию содержать по мирному времени; излишную снять, а оставить надлежащеѣ число; снятой артилери станки и платформы убрать в удобные мѣста, буде же удобных местъ нетъ, то построить внов сараи. И то все поручено в силе того указа гарнизонной канцеляри; почему в Ревеле оное и учинено. Потому ж указу, для разослания и снятия излишнои артилеріи и поклажи станковъ, колесъ и платформов в удобные мѣста, в Рогервикъ [1]) командрован реченои маэор Голмеръ самъ, за теми резоны, что он, какъ главнои при артиллерійской команде здесь командир, а в Рогервике с прибытия своего на команду в Ревель, не бывал [2]), где артилеріи находитца, съ ея аммунициею, не малое чило. И то ему учинить и осмотреть самому было и должно. Ежели ж ему, Голмеру, какъ и врасуждени вашеи высококняжеской свѣтлости показано, о командированіи туда, в Рогервик, можно бес требованія ордера командровать своихъ подчиненных, то уже не должно было Артилеріи и Ѳортификаціи от канторы того гарнизонной канцеляри присланным вышеписанным указомъ и поручать, чего бы оная неисполнила и отвѣту за неисполненіе не ожидала. 6) Он же маэоръ Голмеръ, какъ и выше объявлено, какие поступки и угрозныя слова по моей команде мне показывает, а самъ того не разсудит, какъ со своими подкомандными поступаетъ, яко то артиллеріи с капитанами и порутчиками, кои и рангами немного ево, Голмера, обстоят ниже, чинил весма немалые в нестерпеливость обиды такие, что уже ими словесно неоднократныя жалобы на нево, Голмера, при нем персоналпо были. Сверх же тово, чрез писма моих приятелеи ис Петербурха, мне известно, что онъ, Голмеръ, намерен былъ меня з здешним губернатором в сору (ссору) привесть; токмо тово ему

---

[1]) Рогервикъ, 20 августа 1762 г. переименованъ въ Балтійскій портъ, который состоитъ нынѣ городомъ Эстляндской губерніи.

[2]) Голмеръ произведенъ въ маіоры, съ назначеніемъ въ Ревель въ 1740 г.

здѣсь не удалось, какъ уже издавна ему чинить за обыкновенно, о чем и вашеи высококняжеской свѣтлости, чрезъ приносимыя мои об нем, Голмере, тогдашнія жалобы, доволно известно. 7) Видя ис предложенія вашей высококняжеской светлости справедливейшѣе разсуждение, которымъ весма я доволен, токмо покорно прошу принять и мое представление. Неболѣзно ль мне, какъ и выше показано, что Голмеръ со мною, приходя, словами своими угроживая при многихъ штапъ афицерах, кои и честию выше ево, учиняя мнѣ неучтивства и гордостию своею противныя показываетъ поступки, такъ, что якобы я ево уже подкомандной или равной,—и то мнѣ весьма небезобидно. За чтобъ какъ и жалобою моею, вашей высококняжеской светлости утруждаю, могъ ево штраѳу подвергнуть и поступить какъ регулы Ея Императорскаго Величества повелеваютъ. Точию ведая вашеи высококняжескои светлости древнеѣ ко мнѣ высокосклоннеишеѣ милосердие, не хотя того учинить, представляю. И ежели оного Голмера не унять, то какой и я буду командиръ?“ 8) За высокое вашей высококняжеской светлости содержаніемъ меня древнеѣ, не оставлениемъ приятнеишеѣ милосердіе, приношу мое всепокорнѣйшее благодареніе. Когдаже соизволите своею высокою милостію приказать опредѣлить артиллерійским и инженернымъ аѳицерамъ бнть в каманде губернатора, то оно обстоит в воле вашей высококняжескои светлости. 9) А о протчихъ ево, Голмера, по моей команде, противных поступках болѣе вашеи высококняжескои светлости приношениемъ ныне умолчал, не желая того, чтобъ он, Голмеръ, за то был судим или что с нимъ учинено; а толко желал и желаю, как и прежнею моею жалобою в краткихъ терминахъ представлял, чтоб оттакихъ своих гордых и неучтивых поступокъ был он унятъ. И то все предаю в высокое вашеи высококняжескои свѣтлости милостивое разсмотрение. А. Ганнибалъ“. На самомъ дѣлѣ, желанія Ганнибала относительно Голмера были не тѣ. Пылкій негръ не забывалъ обидъ, ему

нанесенныхъ, и не прощалъ ихъ легко; а человѣкъ, котораго не любилъ онъ, почти не долженъ былъ дышать однимъ воздухомъ съ нимъ. Все это явствуетъ изъ письма Ганнибала къ неизвѣстному намъ „Михаилу Петровичу", о томъ же Голмерѣ. Находя въ явленіяхъ вражды Ганнибала съ Голмеромъ не только личную характеристику враждующихъ, но и крупныя черты тогдашнихъ нравовъ, мы не обинуемся привести цѣликомъ и письмо Ганнибала къ „Михаилу Петровичу", и, въ особенности, любопытное приложеніе къ этому письму: „Государь мой Михаила Петровичъ — писалъ Ганнибалъ 2 іюля 1744 г., изъ Ревеля.—Я отъ его высококняжеской светлости высокоповелителного господина генерала фелтмаршела і ковалера принца гессенъ-гомбургскаго приятнеишее писмо, писанное от 2 юня, получить удостоился Июня 19 числа, въ которомъ его светлость соизволил упоминать, яко бы показанныя от меня здес обиды артиллеріи маэору Голмеру; а какія—тому сотданных от меня при поролѣ приказовъ и предложенеи копіи сообщены.—На что от меня его высококняжеской светлости і ответствовано Июня 28 числа, которое ответствие, уповаю, что і видеть изволили. Почему признаваю что оной Голмеръ, видя себе такую защиту на ответъ свой, не зная его светлость гордыхъ оного маэора Голмера поступокъ, уже по тому ответу ево и оправдая, а онъ, Голмеръ, поступокъ гордых о себе не объявляя, уповаетъ, что яко бы уже здесь мне такои равным состоитъ, какъ второй комендантъ. А особливо уже н-не и оказываетъ, что мнѣ весма небезобидно. По ево ушничению і неправому напрасно смущению, чего было и не толико штанъ, но и оберъ аѳицеру чинить неподлежало, чему он уже издавна заобыкновененъ. И имея надежду, такъ поступаетъ, что, приходя в квартиру и называя меня уже ветрянымъ человѣкомъ, при многих штапъ и оберъ аѳицерахъ, персоналнo, о чемъ было мне, в посланномъ къ его светлости представленіи, и упомянуть стыдно, что, по моей чести, весма не безобидно. І того ради

васъ, г-даря моего, прошу, вслучае, представить его светлости, дабы я от него, Голмера, былъ свободенъ, чтоб онъ уже і в команде моей быть не могъ,—какъ о том і отъ его свѣтлости в предложени объявлено, дабы я і впред от такого ушника и именитого чл-вка былъ свободенъ, которыхъ нетолико в своеи команде видеть и иметь у себя, но и слышать не желаю, которой имеѳт язык и руки нечисты. А в прошлые времена, когда я былъ при артилери подполковникъ, то по евож Голмерову смущению, какие мне были изгнани, о которыхъ я и жалобы приносил. Точию, как ныне, Голмеру, хотя он и неправ, какъ то подлинно оказаемо, что тогда им, Голмером, роздано многое число было ево приятелем ис цейхгауза разных казенных припасов, которые, по предложению тогда ко мне и от его светлости, велено, у кого что было, возвратить паки в цеихгаузъ. Также и ныне по прибыти ево в Ревель, велено взятыя им в Нарвѣ іс цейхгауза некоторыя вещи указомъ Артилерисвой канцелярии, мне ж взыскать. И уповаю, что по такимъ ево верным поступкам желают учинить командующим здѣс третьим аншефомъ. А мнѣ тогда, таких, какъ н-не ему защищенеи не было. Буде же того, в противность регуловъ и указовъ, будетъ учинить не можно, то б онъ, Голмеръ, переведен былъ в другое мѣсто, ибо по ево поступкам и ушничеству, без соры (ссоры) и утруждения главнои команде, чтоб происходило по регулам порядочно, никогда с ним того учинить будетъ невозможно. Ежели онъ, надеяся на главных, а тои команде, в которои обстоит, противитца и уничтожает і впредь безсумнѣнную надежду, какъ и выше упомянуто, что уже и зачал, іметь будетъ. И с сего времени я уже никакой на него жалобы, видя его светлости съ предложения, что он, Голмеръ, уже прав, утруждать не буду. И какая генералитету отъ штапъ афицеровъ честь будетъ и почтеніе происходить, то я оставляю на здравое ваше разсуждение. А какъ онъ, Голмеръ, вто время, когда происходило о заключеніи со Швециею мира торжество, хотел с

умыслу своего меня обидить и пушки отнять, о том с поданного ко мне от командированного тогда к тои палбе артиллериского афицера репорта копию посылаю к вашему разсмотрению, какъ он с командою поступаетъ. I притом уповаю, что можете разсудить, какие онъ и другие тому подобные чинилъ поступки. I тако остаюсь вашъ, Г-дря моего, всегдашнеи слуга А. Ганибалъ". Отдѣльное прибавленіе къ этому письму, весьма искреннее, гласитъ тако: „Ежели б не для его светлости, іли б я безделника ево, маэора, хотел мстить все ево мошенически поступки, какъ его светлость в писме своемъ упоминаетъ, то б ему от меня даромъ не прошло. 1) репортовал меня писменно, что команда и казна в добром состояни; а после нашлось, что казны денежнои была не малая часть разобрано по разнымъ ихъ рукамъ. 2) Іхже одинъ афицеръ не токмо самъ, но и подкомандныхъ отправляя в партию красть быков, барановъ и протчего, что и подлинно изследовано было; но я не хотел для его светлости вдаль того допустить, толко велел обидимыхъ удовольствовать. 3) Какъ ныне неизволятъ помнить такого безделника, которои імел смелость, в прежные времена смущал его светлость с генералом леитнантомъ де-Генингомъ [1], что уже ево можетъ удержать і з другими малыми людми до тово не допустить? А меня уже в третей раз смущаетъ: 1) с Левендалемъ; 2) хотел с губернаторомъ, о чемъ писменно имею: 3) н-не уже и съ его светлостью, кроме другихъ постороннихъ, что все было и упоминать стыдно. Такой доброи ч-лвкъ і в кредите, которому по лживым приносам и веря, съ генералитетами уже ево равняют, что онъ какъ получилъ нынѣ

[1]) Де-Геннинъ, Вилимъ Вилимовичъ, изъ Утрехта, вступилъ въ русскую службу фейерверкеромъ 1698 г.; пожалованъ артиллеріи поручикомъ 1701 г.; маіоромъ, 1706 г., ген. маіоромъ, 1722 г.; ген. лейтенантомъ, 1728 г.; ум. въ С.-Петербургѣ, 12 апрѣля 1750 г.—Замѣчателенъ какъ Петровскій дѣятель по горнозаводской части и строитель города Екатеринбурга.

от его светлости полную мочъ, с которою, яко бешенои бегая по городу, объявляетъ свою мнимую победу і в том уповани состоит. Хотя я ему ордерами і репреманды делал, то онъ невеликои ч-лвкъ; і я ему то чинил не за свое дело, за что уже яко репремандъ вижу, а от меня еще нечево о ево поступках не слыхали. А онъ, безделникъ, знатно в надежде, такъ какъ нарошно напущенной, меня обижал несносно, при губернаторе, штапъ і оберъ офицерахъ; і при всемъ шляхетном собрани і при публишномъ торжестве, хотел пушки у меня отнять, какъ в посланном моемъ ответе явствуетъ. І для оправдания такова ушника, хотят команду разрознить, что я ево за дело репремандовал, за что, по ево поступкамъ, долженъ былъ і к суду предать. Великия мы с ним люди, да для насъ знатную перемену в регулах учинить хотят, в чемъ мне і нужды мало імеется. Однакож на свете еще того не слыхано, чтоб в регулярномъ городе, при генералитетах, маэоръ равенство імел, і изъ гарнизона команду высылать и по ево произволению командировать, іли что знатное собою бес повеления комендантовъ чинить могъ. А чтоже ево светлость соизволил упоминать, якобы я с нимъ сверепо поступаю, ізволил бы спросить, какъ онъ со своими подкомандными, кои ево малымъ чимъ ниже, поступаетъ и с какою гордою свирепостию свои поступки оказываетъ, что так і генералитетъ с подкомандными не поступаетъ, і то разве только чинить позволяется Голмеру". Но вся эта переписка Ганнибала о Голмерѣ нисколько не вредила послѣднему, быть можетъ потому, что самъ Ганнибалъ, по русской пословицѣ, любилъ кататься, не любя возить саней, и въ своей претензіи на подчиненіе ему Голмера, какъ начальника мѣстной артиллеріи, самъ не хотѣлъ подчиняться губернатору, какъ комендантъ. Такъ, онъ отъ своего имени сносился съ Конторой Артиллеріи и Фортификаціи, наряжалъ военно-судныя коммиссіи, свидѣтельствовалъ увольняемыхъ отъ службы за болѣзнью и только по исполненіи доносилъ о всемъ этомъ, какъ бы

для свѣденія, принцу Голштейнъ-Беку [1]), ревельскому губернатору, который, разумѣется, обижался такой самостоятельностью оберъ-коменданта и, наконецъ, 15 декабря 1744 г, пожаловался на Ганнибала принцу Гессенъ-Гомбургскому письмомъ, съ разными подкрѣпляющими приложеніями. Письмо Голштейнъ-Бека изложено такъ: „Светлеиши принцъ, высокопревосходителныи і высокоповелительныи г-динъ генералъ фелтмаршелъ і многих ординов ковалеръ, милостивои мне г-дрь. Въ коликих беспокоиныхъ мерахъ бытие мое в Ревеле обстоитъ, вашеи светлости чрезъ сие мое покорное (письмо), оставя пространство всего мне оскорбления, толко что до высокоповелителнои вашеи светлости команды подлежитъ, в следующемъ жалобу приношу.—Канцеляри Главнои Артилери и Өортиөикаци Кантора, что до здешной ревелскои крепости касаетца о артилерискихъ і инженерныхъ обрядахъ, указы прямо в здешную гварнизонную канцелярию посылаетъ, по которым оберъ-комендантъ Г-динъ генерал маэоръ Ганибал, точно якобы при здешнои крепости шеөъ, и исполнение чинитъ, и о том онои канторе репортуетъ, а мне толко для ведома сообщаетъ в таком образе, что я, якобы уже в томъ и команды никакой іметь не долженъ. Вашеи же свѣтлости довольно известно, что оберъ-каменданты в губерниях, при губернаторах, полных повеленеи не имеютъ, но должны, что принадлежитъ х крепости, обо всем чрезъ губернатора куды надлежитъ представлять. Я, милостивыи г-дрь, і конторе вины не приписую, потому что оберъ-камендант із гварнизонной канцеляри, преимусчествуя предо мною, не объявляя мне ничего, прямо в кантору предъставляетъ, почему и кантора імеет резонъ указы в ту канцелярию присылать мимо меня. І хотя я чрезъ многия к нему, оберъ-каменданту, ордеры требовалъ, чтоб со всех тех присылаемых к нему указовъ, какъ скоро оныя получаемы будутъ, ко

[1]) См. примѣч. 106. с. 133.

мне сообщалъ (копиі), но онъ, толкуя то, что ему точно, по указу, ісполнять приказано, в репортах своих пишетъ, что исполнение учинит онъ, не требуя отъ меня на то повеленеи; что подлежитъ токмо до одной команды, ибо оная, по всемъ регулам, почтена быть должна, ведая то, что все указы ненарушимо ісполняютца, токмо во всех командах оные ідутъ по команде, кроме Ревеля. Во уверение жъ сеи моеи к вашеи светлости жалобы, три репорта от него оберъ-камендданта, для лутчаго усъмотрения при семъ включаю. I при тотъ предаю себя в здравое разсужденіе: ежели Канцелярия Главнои Артилеріи и Өортиөикаци і тои Канцеляри Кантора не имеютъ о мне сумнителства, что я, здесь поверенной губернаторъ, в артиллериских і инженерныхъ к здешпои крепости подлежащих обрядах какое упущение учинилъ бы, въ тех мерах імеют мне докозателство предписать; буде же оных не сыщетца, то без резонъ и обижать не надлежало, понеже я чинъ генерал порутчика в россиіскои імперіі, по воле всемилостивеиших монархов, не безъ делъ заслужилъ [1]). I для того вашеи светлости, оставя протчие мне огорчениі, о вышеписанном прошу повелеть: о касающихся до ревелскои крепости артеллериских і инженерных обрядах указы присылать ко мне, по которым я ісполнять і ответъ дать долженъ; а от оберъ-каменденrа, мимо меня, представленеи не принимать, дабы команда в целои, по регулу, обсервациі остатца могла. Я о предписанном вашеи светлости чрезъ сие мое покорное (письмо) мою огорчителную жалобу въ такои силе приношу, что в том імея правосуднаго разсмотрения во власти надежду полную, на то резолюцию ожидать буду, которая такия непорядки і несогласии пресечь можетъ і каждаго по своимъ заслугамъ і званиям удоволствованна оставитъ. В протчем же,

---

[1]) Принцъ Голштейнъ-Бекъ участвовалъ въ крымскихъ походахъ Миниха и отличился при Ставучанахъ, въ 1739 г; дѣлалъ и шведскую кампанію, подъ начальствомъ Ласси, къ 1742 г.

в неотменную милость вашеи светлости себя рекомандую і со всеглубочайшим почтением імею честьназватца, светлеишиі принцъ, вашеи светлости, милостиваго мне го́-ря, покорнеишиі слуга Peter prinz von Holstein". Одно изъ четырехъ приложеній къ этому письму, и самое любопытное, читается такъ: „P. S. Секретно. Ваша светлость ис приложенных при семъ репортов (Ганнибаловыхъ Голштеинъ-Беку) довольную силу усмотреть изволите. Хотя он (Ганнибалъ) і пишет, что о получениі указа ноября 27 дня ко мне репортовал, но во оном репорте более ничего не написано, какъ только что о сысканиі порутчика Колонга из отпуску в дом х команде указ получен; а о следствіи і вовсе умолчено, і тайно от меня камисию командровал, і по всему видимому, чтоб інженеръ-капитана Вризберга каким бы нибудь образом погубить ищет. Да и следствіе оное, не объявя жъ мне, в кантору отъ себя послал. Кромеж того, все дѣла от меня дѣлаетъ тайно, так, что я разве о чем стороною свѣдаю, і всеи тои мѣры ищетъ, чтоб мое имя утушить і вовсеи власти ему одному остатца. Сверхъ же того, онъ об означенномъ порутчикѣ Колонгѣ, какъ мнѣ то видится, неправилно и ѳалшиво собою отрепортовалъ, и якобы безъизвестным об нем представляя, о чем, по справкѣ изъ ево, Ганнибала, посланного о том первого репорта, упователно, пространнѣе сыщется; и ежели он такъ злобно и ѳалшиво отрепортовалъ, то за неправдивои репортъ, по военным регулам, весма преступително себя учинилъ и подозрителнымъ показался. Что же изъ того ево репорта ваша свѣтлость обстоятелнѣе усмотрѣть соизволитѣ, еще жь келейно вашеи свѣтлости объявить честь имею, что показаннои господинъ генерал маэор здѣсь со всемъ генералитѣтом посорился и себя противникомъ учинилъ. К тому жь, какъ я заподлинно уповаю, между протчими надо мною таиными подъиски, всеконечно в государственную военную коллегию о посланных от сюду, по імянному м-стивому указу, каторжных неволникахъ представлял и чрезъ сво-

их сручниковъ домогался, что изъ тѣхъ, для расмотрения в государственную военную коллегию посланныхъ, 63 человѣка на моем коштѣ и щетѣ имеютъ обратно въ Ревель посланы быть. Токмо я по совести и имеющим тогда здѣсь мнѣ поданным об них спискам поступил, и кромѣ богохулниковъ и по важным дѣлам, також которые в неоднократном смертном убивствиі явились, всехъ протчих, у которых ноздри вырезаны, публично, с безчестным знаком, наказаны и, в силе указа, в Оренбурхъ отослать должны, для разсмотрения в государственную военную коллегию послал и во всемъ в силѣ оного всемилостивейшаго указа исполнилъ, и тако моеи вины ни в чемъ непризнавается; а хотяб тот коштъ на мнѣ и доправить, то тѣ иждивлениі не великие. Однакож обида и происходящие отъ того протчые притчины мнѣ весма скорбны б были. А понеже ево свѣтлость князь Василеи Володимеровичъ Долгорукій [1]) ко мнѣ милостивецъ, того ради вашеи свѣтлости всепокорно прошу, дабы о том ему обстоятелно пожаловать донести и, отдавъ не в трудъ от меня нижаишого поклона, попросить, чтоб все то отменить и меня такъ напрасно обидѣ и такои славѣ непредать" [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти столкновенія и пререканія между учрежденіями и лицами происходили отъ неясности

---

[1]) Долгорукій, князь Василій Владиміровичъ, род. 1667 г.; началъ службу стольникомъ при царяхъ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, въ 1680 г.; былъ преображенскимъ капитаномъ, въ 1705 г.; маіоромъ гвардіи, 1708 г.; начальникомъ конницы подъ Полтавой, въ 1709 г.; ген.-поручикомъ на р. Прутѣ, въ 1716 г.; за участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя, сосланъ въ Соликамскъ, въ 1718 г.; принятъ на службу бригадиромъ, 1724 г.; пожалованъ ген.-аншефомъ, 1726 г.; фельдмаршаломъ, 1728 г.; сосланъ вторично, въ Иванъ городъ, 1731 г.; переведенъ въ Соловецкій монастырь 1739 г.; возвращенъ въ фельдмаршалы, 1741 г.; ум. 11 февраля 1746 г.

[2]) Всѣ приведенныя здѣсь письма Ганнибала и о Ганнибалѣ, 1741—1744 гг., заимствованы изъ собранія подлинныхъ документовъ, намъ принадлежащаго.

законодательства, вырабатывающагося всегда и вездѣ времемемъ и опытомъ. По этому, легко быть можетъ, что неудовольствія Ганнибала съ Голмеромъ и принцемъ Голштейнъ-Бекомъ, долженствовавшія надоѣсть принцу Гессенъ-Гомбургскому, послужили мотивомъ къ мѣрамъ, оформленнымъ уже послѣ неспособнаго и невліятельнаго принца Гессенъ-Гомбургскаго, умершаго въ 1745 г. Такъ, уже въ 1746 г. находимъ распоряженіе Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи, въ которомъ, между прочимъ, и какъ будто нарочно для Ганнибала, сказано: „Всѣмъ оберъ-комендантамъ и комендантамъ имѣть съ инженерами во всѣхъ крѣпостныхъ работахъ доброе согласіе, и должны инженеры подавать изъ одного только почтенія о касающихся дѣлахъ рапорты, но отнюдь не подчинять себя въ точную ихъ команду“ [1]). Въ силу этого распоряженія, Ганнибалъ, продолжая комендантствовать въ Ревелѣ, могъ принимать только почетное или, вѣрнѣе, титулярное участіе въ мѣстныхъ инженерныхъ обрядахъ, какими были послѣдовательно: въ 1747 г.— вопросъ о замѣнѣ деревянной гавани и батареи въ Ревелѣ— каменными, не осуществившійся на дѣлѣ; въ 1748 г.—срытіе высоты Тайгесъ, лежавшей въ 100 саж. отъ подошвы гласиса южнаго крѣпостнаго фронта; въ 1749 г.—возведеніе небольшаго форта на островѣ Малый Карлусъ; въ 1750 г.— рѣшеніе вопроса объ исправленіи ревельской гавани; въ 1751 г. — начало работъ по этому исправленію [2]). Нѣтъ, впрочемъ, ничего мудренаго, если инженеры ревельскіе, независимо отъ донесеній форменныхъ, обращались къ ревельскому оберъ-коменданту и за свѣдѣніями научными или совѣтами практическими, которые, конечно, могъ преподать и дать Ганнибалъ, ученикъ инженерной школы въ Мецѣ, про-

---

[1]) Матеріалы для ист. инжен. искус. въ Россіи, ч. III, с. 678.

[2]) Тамъ же, с. 203—208.

никнутый воззрѣніями Вобана, со всѣми дополненіями къ нимъ Кормонтаня [1]).

25 апрѣля 1852 г. ревельскій оберъ-комендантъ Ганнибалъ переименованъ въ генералъ-маіоры отъ фортификаціи и ему ввѣрено управленіе инженерной частью по всей Россіи, но съ большимъ ограниченіемъ. Ганнибалу „предоставлена была только искусственная часть, т. е. разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ о вновь строившихся и исправляющихся крѣпостяхъ; вѣдомостей изъ командъ о произведенныхъ работахъ, и проектовъ со смѣтами, съ представленіемъ мнѣній своихъ по этимъ предметамъ въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи; экономическая же и инспекторская части управленія были предоставлены самой канцеляріи“ [2]). На чемъ именно основалось такое небывалое ограниченіе новоназначеннаго начальника инженерной части въ государствѣ—сказать трудно. Быть можетъ, горячаго и сварливаго „арапа“ недолюбливали высокопоставленныя лица, отъ которыхъ зависѣла рамка назначенія, полученнаго Ганнибаломъ.

Какъ бы то ни было, дѣятельность Петрова крестника на новомъ поприщѣ началась хорошо. 3 іюля того же 1752 г. Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортификаціи опредѣлила: школы инженерную и артиллерійскую соединить въ одну школу [3])—мысль, которую могъ подать кто же, кромѣ Ганнибала. изучившаго инженерное искуство въ Мецѣ, а артиллерійское въ бомбардирской ротѣ, на глазахъ Петра? Но соединеніе школъ, не смотря на формальное опредѣленіе Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи, состоялось на дѣлѣ только 6 лѣтъ спустя, что также можно отнести, между другими препятствіями, и къ нѣкоторымъ противодѣй-

[1]) Кормонтань (Cormontaigne) Людвигъ, род. 1696 г.; участвовалъ во всѣхъ осадахъ, предпринимавшихся Французами съ 1713 по 1745 г. прославившись, какъ даровитый инженеръ, ум. ген. маіоромъ, въ 1752 г.

[2]) Матеріалы для ист. инжен. искус. въ Россіи ч. III. с. 679.

[3]) Тамъ же с. 660.

ствіямъ „арапу“ со стороны лицъ высокопоставленныхъ. Если это такъ, то Ганнибалу, на первыхъ порахъ своего главноуправленія инженерной частью, оставалось только слѣдить изъ Петербурга за построеніемъ тоболо-ишимской линіи (укрѣпленій), начатымъ, по сенатскому указу, 28 февраля 1752 г. [1]). Въ слѣдующемъ 1753 г. Ганнибалъ занимался повѣркой отчетовъ о возводившихся вновь укрѣпленіяхъ поселеній Новосербскаго и Славяно-сербскаго, между Днѣпромъ и Донцомъ [2]). Въ 1754 г. Ганнибалъ радовался окончанію тоболо-ишимской линіи, хлопоталъ по случаю заложенія крѣпости св. Елизаветы (теперь городъ Елизаветградъ) [3]) и ввелъ въ инженерную школу впервые преподаваніе Ѓражданской Архитектуры [4]). Произведенный, 25 декабря 1755 г., въ генералъ-поручики, Ганнибалъ, въ 1756 г., завелъ на Выборгской сторонѣ Петербурга, гдѣ артиллеристы занимались практической стрѣльбой, учебный полигонъ, противъ котораго воспитанники инженерной школы обучались веденію примѣрной аттаки [5]),

Въ томъ же 1756 г., артиллерія и инженеры соединены подъ управленіе генералъ-фельдцейхмейстера, которымъ назначенъ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ [6]), а Ганнибалъ наименованъ генералъ инженеромъ, — что вовсе не оз-

[1]) Тамъ же с. 137.

[2]) Тамъ же с. 32—33.

[3]) Тамъ же с. 87.

[4]) Тамъ же с. 661.

[5]) Тамъ же.—Тутъ показанъ 1750 г. и Ганнибалъ названъ управляющимъ инженерною частью. Но первое должно быть или описка автора, или опечатка.

[6]) Шуваловъ, графъ Петръ Ивановичъ, род. 1711 г.; служилъ кам. пажемъ при имп. Петрѣ I и кам. юнк. при цесаревнѣ Елизаветѣ, за способствованіе воцаренію которой, пожалованъ камергеромъ и ген. маіоромъ 1741 г.; лентами Анненской и Александровской, 1742 г.; ген. лейтенантомъ, 1744 г.; наименованъ графомъ, 1746 г.; получилъ Андреевскій орденъ, 1753 г.; пожалованъ фельдмаршаломъ, 28 дек. 1761 г.; ум. въ С.-Петербургѣ, 4 янв. 1762 г.; былъ женатъ на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, подругѣ цесаревны Елизаветы.

начаетъ инженеръ-генерала, какъ полагаетъ и пишетъ г. Лонгиновъ [1]). Генералъ-инженеръ—было званіе, а не чинъ, званіе, принадлежавшее представителю инженеровъ, поступившихъ въ одно управленіе съ артиллеріей. — Генералъ-инженеръ, нося это званіе, могъ имѣть порученія спеціальныя - и дѣйствительно, около этого времени, Ганнибалъ числится „при Ладожскомъ каналѣ" [2]), хотя не видно, съ котораго именно года онъ состоитъ тутъ. Занятія Ладожскимъ каналомъ, если пріурочить ихъ начало къ тому же 1756 г., не мѣшали Ганнибалу попасть вторымъ членомъ (первымъ былъ генералъ-аншефъ Ферморъ, впослѣдствіи графъ [3]), въ осьми-членную „Коммиссію для разсмотрѣнія положенія россійскихъ крѣпостей", учрежденную 21 мая 1757 г. — Коммиссія эта учреждалась, главнымъ образомъ, по слѣдующему поводу: „Многія предъ симъ бывшія на границахъ крѣпости — гласитъ сенатскій указъ 21 мая, по распространеніи россійскихъ границъ, отъ оныхъ уже удалены, и прежней своей надобности уже не имѣютъ, и та служба, для чего они тогда были построены, не весьма нужна, а оныя еще и по нынѣ равное содержаніе и починку изъ фортификаціонной суммы, безъ дальной въ нихъ нужды получаютъ, чрезъ что оная напрасно излишніе расходы нести принуждена; а напротивъ того при самыхъ границахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ потребныхъ, для закрытія оныхъ, укрѣпленіяхъ недостатокъ находится, да и нѣкоторыя крѣпости совсемъ, за худобою по-

[1]) Русскій Архивъ, 1864 г. с. 230.

[2]) Списокъ военнымъ генераламъ со времени имп. Петра I до имп. Екатерины II. Изд. 1809 г. с. 60.

[3]) Ферморъ, графъ Вилимъ Вилимовичъ, сынъ англійскаго выходца, род. въ Россіи, въ 1702 г.; служ. бомбардиромъ, съ 1720 г.; офицеромъ, съ 1724 г.; ген. квартирмейстеромъ, 1738 г.; ген. поручикомъ, 1746 г.; ген. аншефъ, 1755 г.; разбилъ Фридриха II при Цорндорфѣ, получилъ Андреевскую ленту и сдѣланъ римскимъ графомъ, 1758 г.; уволенъ, 1770 г.; ум. 8 февр. 1771 г. Имѣлъ сына бездѣтнаго, и дочь за графомъ Стенбокомъ.

ложенія мѣстъ, къ переноскѣ на другія мѣста подлежатъ, а къ тому за неузаконеніемъ въ крѣпостяхъ надлежащей фигуры, происходятъ въ укрѣпленіяхъ великія перемѣны, и отъ излишней переломки, и употребляемой на то изъ фортификаціонной, сверхъ надобности и необходимой нужды, суммы, нѣкоторыя крѣпости уже, за недостаткомъ денегъ, безъ починки остаются [1]). Вопросъ этотъ надо было обдумывать и рѣшать, а между тѣмъ Ладожскій каналъ требовалъ также вниманія генералъ-инженера. Тамъ, по случаю засоренія русла и уменьшенія глубины (именно: у Краснаго Слюза и Бѣла Зерна) до 3—5 фут., принуждены были, въ 1757 г., расчищать первыя 12 верстъ канала, берега котораго, укрѣплялись тогда же—но не вездѣ—каменной надводной одеждой, вмѣсто деревянной [2]), а въ 1758 г., вода въ Ладожскомъ озерѣ, питающемъ каналъ, „такъ была мала, какой 50 лѣтъ назадъ не видано было, т. е. 7 или 8 футами ниже обыкновенной высоты Ладожскаго канала" [3]). Наконецъ, въ самомъ началѣ этого же 1758 года, къ прочимъ служебнымъ заботамъ генералъ-инженера прибавилась новая, характера педагогическаго: генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Шуваловъ, „разсмотревъ состояние и обучение в наукахъ артиллерискои і инженернои школъ, нашелъ, что в артилерискои ѳортификациі, а во инженернои артиллериі необучаютъ, которые науки знать имъ взаимно необходимо надобны; и для того отъ него, генералъ ѳелтьцеихъмеистера, генваря 7 числа сего (1758) году, артиллерии к генерал леитенанту Глебову [4]) и генералъ-ин-

[1]) Полн. Собр. Зак. рос. Имп. т. XIV, № 10,705.

[2]) Восковойниковъ: Ладожскій каналъ. Русс. Вѣстн. 1858 г. № 8 с. 542 — 543.

[3]) Минихъ, графъ, фельдмаршалъ: Извѣстія о Ладожскомъ каналѣ (соч. 1765), Сынъ Отечества. 1818 г. № IV с. 131.

[4]) Глѣбовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, сынъ преображ. маіора, род. около 1710 г.; служ. въ артил. съ 1720 г.; офиц. 1727 г.; ассес. 1738 г.; совѣтн. 1742 г., бригадиръ 1742 г.; ген.-маіоръ 1752 г.; ген.-лейт. съ 1755 г.; александр. лента 1758 г.; ген.-анш. и кіевск. губернат. съ

женеру и кавалеру [1]) Ганибалу ордерами и предложено, чтоб в школахъ артиллеристовъ Өортификаціи, а инженеровъ Артиллеріи обучать; а для какихъ то резоновъ опредѣлено, о томъ к нимъ доволно въ техъ ордерахъ изображено" [2]). Въ слѣдующемъ 1759 г., у Ганнибала возникло служебное разногласіе въ мнѣніяхъ съ гр. Шуваловымъ, изложенное подробно въ сенатскомъ указѣ 21 мая. Изъ этого указа видно, что Сенатъ, по докладу генералъ-фельдцейхмейстера, опредѣлилъ: находящихся при каменномъ Петра Великаго каналѣ, въ Кронштадтѣ, инженерныхъ офицеровъ считать къ производству съ прочими и перемѣнять, наблюдая однако, чтобъ, послѣ каждой такой перемѣны, оставалось тутъ, при каналѣ, не меньше „трехъ человѣкъ съ капитаномъ изъ старыхъ, яко уже заобыкшихъ и всѣ важныя работы знающихъ". Но генералъ-инженеръ, получивъ это опредѣленіе, представилъ Сенату, что „изъ прежде находившихся при Кронштадтскомъ каналѣ старыхъ инженерныхъ офицеровъ, за раскомандированіемъ, остался одинъ инженеръ-капитанъ-поручикъ (Збродовъ), и оный былъ по большой части при чертежной, а не при работахъ, и за тѣмъ оному, а паче въ тѣхъ частяхъ, кои уже нынѣ имѣются подъ водою, или состоятъ во внутренности, видѣть нельзя; слѣдовательно, тѣхъ инженерныхъ офицеровъ изъ старыхъ при томъ каналѣ, яко заобыкшихъ и всѣ важныя работы знающихъ, для сохраненія оныхъ, не токмо трехъ, но и ни одного, за таковымъ ихъ раскомандированіемъ и разными случаи отбытіемъ, не осталось; а хотя

1762 г.; андреевск. кавал. съ 1767 г.; ум. 3 іюня 1774 г., Внуки его, по фамиліи своей матери, наименованы, въ 1803 г., Глѣбовы-Стрѣшневы.

[1]) Какой именно орденъ имѣлъ Ганнибалъ до пожалованія ему, въ 1760 г., александр. ленты, въ книгѣ: «Историческое собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ орденовъ до 1797 г.» (изд. 1814 г.) не означено — и мы не знаемъ.

[2]) Изъ подлинныхъ документовъ нашего собранія.

вмѣсто раскомандированныхъ старыхъ, изъ назначенныхъ вновь по разсмотрѣнію господина генералъ-фельдцейхмейстера и кавалера, опредѣлены и къ каналу прибыли, но токмо, чтобъ оные вскорѣ при томъ каналѣ подлежащія обстоятельства познать, да и чтобъ только по однимъ наставленіямъ въ исправленіи на нихъ безъ привычки положиться, не безъ сомнѣнія есть; да изъ оныхъ опредѣленныхъ офицеровъ, какъ нѣкоторые опредѣлены изъ старшихъ и при первой перемѣнѣ оныхъ чинами, уже по полученнымъ новымъ чинамъ, въ непродолжительномъ времени отъ канала взяты будутъ, то слѣдственно паки на ихъ мѣста вновь присланнымъ быть другимъ, да и далѣе время отъ времени тожъ послѣдовать будетъ, и за тѣмъ отъ частыхъ перемѣнъ тѣхъ офицеровъ, въ сходственность онаго указа, старымъ и привычнымъ при томъ каналѣ офицерамъ оставаться не можно". Вслѣдствіе всего этого, генералъ-инженеръ „требовалъ, объ опредѣленіи, для смотрѣнія и показанія при каменномъ каналѣ работъ, инженерныхъ оберъ-офицеровъ и кондукторовъ, на такомъ основаніи, какъ при Ладожскомъ каналѣ, безсмѣнно". Само собой разумѣется, что Сенатъ, отказавъ Ганнибалу, „приказали" быть во всемъ по представленію графа Шувалова, „Сенатора, генералъ-фельдцейхмейстера и кавалера" [1]). Не смотря однако на это, Ганнибалъ, 23 октября того же 1759 года, пожалованъ въ генаралъ-аншефы, а 30 августа 1760 г. имп. Елизавета возложила на него орденъ св. Александра Невскаго.— Продолжая хлопотать по строенію Кронштадтскаго канала, Ганнибалъ исходатайствовалъ чинамъ, при каналѣ состоящимъ, опредѣленный штатъ, при сочиненіи и аппробаціи котораго въ Сенатѣ, встрѣтилось обстоятельство, случавшееся тогда нерѣдко, и изложенное въ слѣдующемъ сенатскомъ указѣ 14 ноября 1761 г.: „Правительствующій Сенатъ по доношенію генералъ-аншефа и кавалера Ганнибала, коимъ на указъ Пра-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1830 г., т. XV № 10,955.

вительствующаго Сената, о учрежденномъ при каналѣ Петра Перваго Великаго штатѣ, объявляетъ, что между прочимъ положено при томъ каналѣ мастеровыхъ и работныхъ людей и прочихъ чиновъ таковыхъ, коимъ слѣдуетъ производить указной провіантъ, содержать 456 человѣкъ, а сумма на довольствіе оныхъ провіантомъ опредѣлена въ отпускъ только на 306 человѣкъ, 1537 рублей 65 копѣекъ, на означенныхъ же достальныхъ 150 человѣкъ въ отпускъ суммы не опредѣлено, которой, полагая по предписанной табельной цѣнѣ, потребно 753 рубли 75 копѣекъ, безъ ассигнованія коихъ отпускомъ и показаннаго числа людей провіантомъ довольствовать будетъ не изъ чего; и представляя, проситъ, чтобъ на оныхъ 150 человѣкъ, по табельной цѣнѣ на провіантъ показанное число денегъ 753 рубли 75 копѣекъ, откуда надлежатъ, въ отпускъ опредѣлить, и о томъ требуетъ указа. Приказали: назначенныхъ опредѣленныхъ при кронштадтскомъ каналѣ мастеровыхъ 150 человѣкъ на провіантъ сумму 753 рубли 75 копѣекъ въ прибавокъ ко опредѣленной, по посланному изъ Правительствующаго Сената минувшаго сентября 23 дня указу, положенной въ штатъ къ ежегодному до указу отпуску суммѣ прибавить и отпускать обще съ тою суммою повсягодно изъ Штатсъ-Конторы" [1]). 25 декабря 1761 года Ганнибалъ оплакалъ свою крестную сестру и благодѣтельницу, имп. Елизавету, и присягнувъ ея преемнику, имп. Петру III, похоронилъ и своего единственнаго начальника, графа Шувалова, по смерти котораго должность его поручена временно, до назначенія новаго фельдцейхмейстера, генералъ-лейтенанту Ив. Ѳед. Глѣбову.

Первыми заботами Ганнибала, при новомъ государѣ, были мелочныя; требовалось облечь трауромъ присутственную камеру Кронштадтскаго канала, въ силу сенатскаго указа 8 января 1762 г., изложеннаго такъ: „Для нынѣ состоящаго

[1]) Тамъ же. № 11,358.

печальнаго случая, съ того времени, какъ глубокій троуръ надеть быть имѣетъ, какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ и во всѣхъ санктпетербургскихъ и московскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, присутственныя (sic) столы покрыть чернымъ сукномъ, и на стулья наложить черныежъ изъ фланели, или другой какой черной матеріи чахлы, а письма отнынѣ посылать за черною печатью" [1]). Заботы мелочныя не замедлили смѣниться болѣе серьезными, ради которыхъ Ганнибалъ, пользуясь зимнимъ временемъ, свободнымъ отъ работъ канальныхъ, оставался въ Петербургѣ не только самъ, но и съ своей канцеляріей, которая, по этому случаю писалась и печаталась „Военно-походною". — Въ эту „Военно-походную канцелярію его высокопревосходительства Ганнибала", въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ 1762 г., приглашались черезъ газеты и являлись на торги всѣ, желавшіе поставлять что либо командамъ каналовъ: Кронштадтскаго и Ораніенбаумскаго [2]). Эта дѣятельность „Военно-походной канцеляріи его высокопревосходительства Ганнибала" была однако не продолжительна и прекратилась вовсе 9 іюня того же 1762 г., когда генералъ-аншефъ Ганнибалъ получилъ увольненіе отъ службы „за старостію" [3]).

Остальные годы жизни Ганнибала, длившейся еще около 20-ти лѣтъ, совершенно неизвѣстны. Они проведены бывшимъ генералъ-инженеромъ въ тиши деревенскаго уединенія, невозмущаемаго треволненіями свѣта, ненужными маститому старцу. Спокойный въ совѣсти, чистой передъ собственнымъ судомъ, и окружаемый довольствомъ среди помѣстій, дарованныхъ ему имп. Елизаветой [4]), Арапъ-крестникъ имп.

[1]) Тамъ же, № 11,398.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1762 г. Полугодіе первое.

[3]) Такъ именно значится въ Высочайшемъ указѣ того дня.

[4]) Ганнибалу принадлежали деревни въ губерніяхъ: Псковской — Зуево, Боръ, Петровское и другія ;въ С.-Петербургской—Кобрино,

Петра I могъ только радоваться своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Иванъ Абрамовичъ, при жизни отца участникъ чесменскаго подвига Русскихъ (1770) и основатель Херсона (1779), былъ тотъ именно герой, воспѣтый славнымъ правнукомъ Ганнибала,

Предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ [1]).

Годъ смерти „Арапа Петра Великаго" неизвѣстенъ въ точности, и всѣми писавшими о Ганнибалѣ указывается двояко: 1781 или 1782. Могила его также забыта, но должна находиться въ Псковской губерніи, — если не на кладбищѣ Святогорскаго монастыря, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города Опочки, гдѣ погребенъ и безсмертный поэтъ Пушкинъ, то на сосѣднемъ деревнѣ Бору погостѣ Тишанка, въ Порховскомъ уѣздѣ.

Свидѣтельства о личномъ характерѣ Ганнибала—не одинаковы. Пушкинъ говоритъ, что его прадѣдъ слылъ человѣкомъ суровымъ, неумолимымъ, по крайней мѣрѣ, въ старости, — и приводитъ семейное преданіе, что когда дѣдъ его, Осипъ Абрамовичъ, женившійся противъ воли отца, явился къ нему, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и, вмѣстѣ съ женой, на колѣнахъ просилъ прощенія, то отъ одного гнѣвнаго взгляда стараго арапа молодая невѣстка упала въ обморокъ.— Бантышъ Каменскій и Языковъ пишутъ, что Ганнибалъ былъ горячъ, ревнивъ и скупъ.—Гельбигъ утверждаетъ, что „Арапъ Петра Великаго" былъ отлично воспитанъ, имѣлъ свѣтлую голову, много прилежанія къ дѣлу, отличался способностями къ военнымъ наукамъ и умеръ философомъ.

Достовѣрно одно, что африканскій прадѣдъ Пушкина,

Суйда и Танцы; близь Ревеля—Рагола, подаренная ему, быть можетъ еще, имп. Екатериной I, за преподаваніе математики вел. князю Петру Алексѣевичу.

[1]) Моя родословная. Сочин. Пушкина, т. VII (изд. 1857 г.) с. 41.

всею своей особой, опровергалъ положительно мнѣніе тѣхъ физіологовъ-мыслителей, которые, отказывая неграмъ весьма во многомъ, считаютъ племя это полулюдьми.

Отъ перваго брака съ гречанкой, Ганнибалъ имѣлъ одну дочь, Поликсену, блондинку, о которой мы уже упомянули. Отъ втораго брака, съ эстляндкой Христиной-Регининой Фонъ-Шебергъ, Ганнибалъ оставилъ сыновей: Ивана, генералъ-лейтенанта и генералъ-цейхмейстера, р. 1735+1801 г.; Петра, генералъ-аншефа, р. 1740+1822 г.; Осипа, служившаго недолго въ артиллеріи [1]), потомъ во флотѣ, и женатаго на Пушкиной, р. 1742+1806 г.; Исаака, р. 1747+1803 г.; Якова, р. 1749+въ малолѣтствѣ; и дочерей — Софью, за Роткирхомъ; Анну, за Нееловымъ.

Авраамъ Петровичъ Ганнибалъ, конечно, не былъ историческимъ дѣятелемъ первостепенной важности. Но личность его, какъ по исключительности положенія, такъ и по отношеніямъ къ окружающему, является оригинальною, слѣдовательно, не дюжинною. Въ самомъ дѣлѣ: сначала — безвѣстный африканскій негръ; потомъ—любимецъ геніальнаго Петра; далѣе — даровитый ученикъ парижскихъ профессоровъ; наконецъ,—очевидецъ, далеко не безучастный, коловратныхъ эпохъ первой половины XVII вѣка въ Петербургѣ,—Ганнибалъ, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ оставаться въ тѣни и заслуживаетъ, какъ личность, жизнеописанія болѣе широкаго, нежели этотъ очеркъ. Но предлагая нашъ трудъ, желаемъ думать, что онъ, съ одной стороны, покажетъ читателямъ достовѣрныя, историческія черты „Арапа Петра Великаго“, а съ другой — пригодится будущему біографу А. П Ганнибала.

---

[1]) Дѣла Артил. арх. Списки генералитету, штабъ и оберъ офицеромъ 1762 году. Ос. Абр. Ганнибалъ и старшій его братъ, Петръ, были тогда артиллеріи поручиками.

ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Рядъ событій, совершившихся въ Россіи и съ Россіею въ первой четверти XVIII вѣка, всегда будетъ останавливать на себѣ вниманіе историка и философа, равно поражая обоихъ своею оригинальностію. Во всей исторіи человѣчества, едва ли отыщется другой примѣръ того, чтобы въ одно двадцатипятилѣтіе—промежутокъ времени, самъ по себѣ, незначительный — успѣли до такой степени видоизмѣниться и государственная жизнь страны, и нравы порядочной части ея обитателей, наконецъ, могли бы такъ рѣзко и прочно разграничиться между собою прошедшія судьбы народа и государства, съ судьбами грядущими, какъ случилось это въ Россіи и съ русскими, въ первой четверти XVIII вѣка.

Понятно, стало быть, какое видное мѣсто долженъ занять въ міровой исторіи нашъ Петръ, желѣзная воля котораго, сокрушая все, кромѣ собственнаго *я* преобразователя, произвела подобное видоизмѣненіе Россіи. Еще понятнѣе, какъ важны для самой Россіи слѣдствія такой операціи, подъ именемъ реформы Петра, справедливо пользующейся чрезвычайно громкою извѣстностію.

Много распространяться объ этой реформѣ мы не считаемъ нужнымъ: съ главными чертами ея знакомъ каждый, сколько нибудь образованный человѣкъ, а плоды преобразованія чув-

5*

ствуются и долго еще будутъ чувствоваться на Руси. Что же касается до самаго творца реформы, то продолжающееся накопленіе новыхъ извѣстій, проливающихъ тотъ или другой свѣтъ на Петра-человѣка, и Петра-государя, едва-ли, по нашему мнѣнію, дозволяетъ произносить, въ настоящее время, справедливо-рѣшительные приговоры этой многосторонней личности. Потомство, болѣе насъ отдаленное и болѣе, чѣмъ мы, вооруженное доказательствами, вѣрнѣе нашего опредѣлитъ истинное его значеніе. На нашу же долю выпадаетъ, можетъ быть, одна элементарная обработка то обнародываемыхъ, то тамъ и сямъ открываемыхъ матеріаловъ, безъ которой, однакоже, никогда не уяснятся надлежащимъ образомъ ни личность самого Петра, ни главнѣйшія побужденія его лихорадочной дѣятельности, ни духъ эпохи, ему современной, и другихъ, за нею слѣдовавшихъ, ни даже характеристики лицъ, исторически подвизавшихся на разнообразныхъ поприщахъ, созданныхъ или указанныхъ Петромъ. Другими словами, безъ такой обработки, затруднится возможность добросовѣстно выслѣдить начала, привнесенныя Петромъ въ русскую жизнь и знаменующія собою его историческую реформу. И намъ кажется, что труды подобнаго рода—не испорченные, разумѣется, узкими или, еще того хуже, преднамѣренными взглядами на предметъ, замѣчаемыми, къ сожалѣнію, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей—больше, чѣмъ скороспѣлые приговоры, пригодятся тому потомству, за которымъ, какъ мы думаемъ, остается послѣднее слово о первомъ русскомъ императорѣ.

Обратимся къ изложенію избраннаго нами предмета.

Задумавъ трудный подвигъ преобразованія, Петръ, конечно, не могъ приступить къ нему одиноко. Требовалось большая доля соучастія многихъ другихъ лицъ, общія усилія которыхъ могли бы быть направляемы одною волею къ одной цѣли, если предположить послѣднюю тогда уже существовавшею въ видахъ будущаго преобразователя. Воли у Петра было

много. Но между собственными подданными онъ могъ найдти только вѣрныхъ слугъ и ревностныхъ исполнителей; а одного этого, въ настоящемъ случаѣ, оказывалось мало. Петръ, томимый жаждою переимчивости, свойственной русскому человѣку, нуждался въ образцахъ, которыхъ, естественно, слѣдовало искать внѣ Россіи, что и сдѣлано. Вылъ кликнутъ кличъ, хотя и не впервые раздававшійся въ Европѣ изъ Россіи, но никогда еще несоединенный съ такими заманчивыми посулами, какъ въ ту пору. Европа поспѣшила содѣйствовать видамъ Петра, на первый разъ, чрезвычайно для нея выгоднымъ — и усердно откликнулась на зовъ русскаго царя: толпы ея сыновъ, отъ фельдмаршала до ремесленника, привлекаемые звякомъ царскихъ рублей и перспективою сытныхъ кормовъ, покинули свои разноименныя отчизны, и валомъ повалили въ варварскую Московію. — Вслѣдствіе этого, наплывъ чужестранцевъ въ Россію, въ первой четверти XVIII вѣка, былъ до того чрезвычаенъ, что оказался тягостнымъ даже для русскихъ, искони гостепріимныхъ и никогда нечуждавшихся общенія съ иноземцами, не смотря на различіе вѣроисповѣданій, имѣвшее, на старой Руси, какое-то отталкивающее значеніе. Съ неудовольствіемъ, похожимъ на оскорбленное самолюбіе, посматривали православные на своихъ заморскихъ гостей; и многаго труда стоило Петру сплачивать воедино два начала, становившіяся враждебными только въ силу принужденія, отличавшаго постоянно систему дѣйствій Петра. Но Петръ и въ этомъ случаѣ руководился извѣстнымъ тактомъ, достойнымъ искуснаго политика и русскаго государя: удовлетворяя корыстнымъ цѣлямъ чужеземныхъ учителей двойнымъ жалованьемъ, и другими льготами въ этомъ же родѣ [1]), Петръ постоянно держалъ пришельцевъ на вто-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, во время шведской войны, когда всѣ русскіе, служившіе на жалованьѣ, не разъ, за недостаткомъ денегъ, подвергались извѣстнымъ вычетамъ или, вмѣсто денегъ, удовлетворялись си-

ромъ планѣ, остерегался ввѣрять имъ обширныя отрасли государственнаго управленія, не любилъ дѣлать ихъ даже сенаторами [1]). Между ближайшими собесѣдниками Петра, и вліятельнѣйшими людьми его эпохи, также почти не видимъ иностранцевъ. Лефортъ, Ягужинскій и, можетъ быть, Вейде, являются, въ этомъ случаѣ, какъ-бы исключеніями изъ общаго правила. Такое правило, несмотря на все его благоразуміе, перестало наблюдаться по смерти Петра. Тогда-то господа чужеземцы начали играть на Руси роль, конечно, неготовленную для нихъ преобразователемъ, хотя и жаловавшимъ все нерусское; тогда-то забрали они въ свои руки виднѣйшія и выгоднѣйшія амплуа въ государствѣ, даже на мгновеніе овладѣли русскимъ престоломъ и, утративъ его, не переставали уже пользоваться въ Россіи мало заслуженнымъ и еще менѣе оправдываемымъ значеніемъ, которое, не ослабѣвая и до сихъ поръ, едва-ли не составляетъ частное зло того всеобщаго блага, какимъ, безспорно, была и будетъ для Россіи реформа Петра, разсматриваемая во всестороннемъ ея развитіи.

Слѣдовательно, преобразованія Петровы открыли разночиннымъ чужакамъ широкую дорогу въ русское царство, доступное и прежде Петра ограниченному числу голодныхъ и отважныхъ бездомниковъ. Эти чужаки, разъ заведясь въ Россіи, не замедлили нетолько расплодиться на гостепріимной русской почвѣ, но и внѣдриться въ русскія семьи.

Нѣкоторые изъ иностранцевъ, и большею частію сподвижники Петра, оказали дѣйствительныя услуги русской землѣ, „утирая за нее потъ“ не хуже туземцевъ. Другіе, воспользо-

---

бирскими товарами, иностранцы постоянно бывали изъемлемы изъ этой всеобщей мѣры и акуратно получали все чистаганомъ.

[1]) При учрежденіи сената, въ 1711 году, не было между сенаторами ни одного иностранца; а при кончинѣ Петра, въ 1725 году, оказывается только одинъ, Девіеръ (впослѣдствіи графъ), хотя и португальскій жидъ родомъ, но женатый на сестрѣ князя Меншикова.

вавшись, какъ мы уже замѣтили, исчезновеніемъ дубинки преобразователя, крѣпко насѣдали на русскія шеи, сильно надоѣли русскому люду и, въ заключеніе, подслужились Россіи привлеченіемъ въ ея среду третьяго вида своихъ собратій, имя которымъ легіонъ. Этотъ легіонъ, плѣнясь удачною ловлею русскихъ чиновъ, или легко дававшимся пріобрѣтеніемъ русскаго золота, усердно занялся тѣмъ или другимъ, и завѣщалъ ту же систему дѣйствій легіонамъ потомства своего, Богъ-знаетъ до котораго колѣна. Наконецъ, на Руси долго не переводился особый родъ заморскихъ выходцевъ, существовавшій—а можетъ быть и существующій—едва-ли не вездѣ и всюду. Это—люди, называемые обыкновенно авантюристами. Откуда берутся они и куда дѣваются—остается, по большей части, неизвѣстнымъ. Являясь всегда, какъ будто экспромтомъ, они мелькаютъ какими-то метеорами, возносятся иногда на замѣчательную высоту, но рѣдко оканчиваютъ на ней свое поприще, а чаще—исчезаютъ безслѣдно. День ихъ—вѣкъ ихъ. Такими людьми кишили русскія придворныя общества XVIII вѣка. Въ петровскую Россію авантюристы привлекались зовомъ монарха, или его повѣренныхъ; въ екатерининскую — заманивались вѣрнымъ разсчетомъ поживиться отъ щедротъ государыни; въ павловскую — выталкивались французскою революціею съ разномѣстными ея отгромами. Къ которой бы изъ этихъ эпохъ ни принадлежали подобные господа, они, обыкновенно, или вертѣлись въ одномъ Петербургѣ, или проникали въ отдаленнѣйшіе края русскаго царства. Гоняясь, въ обоихъ случаяхъ, преимущественно за одною и тою же денежной выгодой, они не забывали и славы, которую, такъ-сказать, подхватывали налету. Ни Россія къ нимъ, ни они къ Россіи не имѣли никакихъ серьёзныхъ отношеній, иногда почти не знавали другъ друга. Но это отнюдь не мѣшало господамъ авантюристамъ пріобрѣтать въ той же Россіи почетныя званія, прекрасныя состоянія и даже, совершенно случайно, попадать на страницы ея исторіи.

Одному изъ такихъ пришлецовъ посчастливилось быть главнымъ двигателемъ государственнаго переворота въ Россіи, окончившагося благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Само собою разумѣется, что Іоганъ-Германъ Лестокъ, на долю котораго выпала такая неожиданная роль, неожиданно сдѣлался лицомъ весьма историческимъ. Послѣднее, впрочемъ, зависѣло и отъ того, что въ первые три года царствованія Елисаветы, Лестокъ заправлялъ важнѣйшими государственными дѣлами, пользовался огромнымъ значеніемъ и, вообще, „задняя забывая, простирался впредь“.

Его-то жизнь, полную превратностей, намѣрены мы очеркнуть въ этой статьѣ и представить какъ любопытный образчикъ судьбы нѣкоторыхъ дѣятелей фантасмагорическаго XVIII вѣка русской исторіи.

Предки Лестока, сдѣланнаго графомъ впослѣдствіи, принадлежали къ старинному французскому дворянству, были извѣстны въ Шампани подъ именемъ l'Estocq d'Helvêque и долгое время не безъ почета служили своимъ королямъ. Принявъ реформацію, Лестоки, вмѣстѣ со всѣми адептами новаго ученія, подверглись разнымъ невзгодамъ. Нантскій эдиктъ Генриха IV (1598) временно успокоилъ религіозныя волненія, по крайней-мѣрѣ, во Франціи. Но неблагоразумная отмѣна Лудовикомъ XIV благоразумнаго узаконенія Генриха IV, послѣдовавшая въ 1685 году, лишила Францію множества полезныхъ гражданъ. Тогда и Лестоки, энтузіастически преданные реформаціи, принуждены были покинуть родину. Члены этой фамиліи очучились въ Голландіи, проникли въ Англію, разбрелись по всей Европѣ. Отецъ нашего Лестока, тогда еще несуществовавшаго, пришелъ въ Люнебургское владѣніе, поселился въ городкѣ Целле (Zell, Zelle, Celle), въ 35 верстахъ отъ Ганновера, и вступилъ въ службу мѣстнаго герцога

Георга-Вильгельма, по однимъ извѣстіямъ—лейб-хирургомъ [1]), по другимъ—цирюльникомъ [2]). Былъ ли Лестокъ-отецъ женатъ еще во Франціи, вступилъ ли онъ въ бракъ по переселеніи своемъ въ Целле, и кто была жена его—неизвѣстно. Но здѣсь же въ Целле, $^{20}/_{29}$ апрѣля 1692 года, у лейб-хирурга-цирюльника родился второй сынъ, Іоганъ-Германъ, герой нашего разсказа.

Средній между двумя братьями, Іоганомъ-Павломъ и Лудвигомъ, Іоганъ-Германъ Лестокъ съ дѣтскаго возраста отличался замѣчательнымъ развитіемъ умственныхъ способностей, оказывалъ особенную склонность къ хирургіи, и успѣшно занимался ею подъ личнымъ руководствомъ своего отца. Въ то же время блестящія герцогскія охоты, производившіяся иногда въ окрестностяхъ Целле, и лагерь, тысячъ на шесть войска располагавшійся подъ самымъ городомъ, разнообразно дѣйствовали на воображеніе мальчика, и безъ того пылкое, заманивая Іогана-Германа то прелестію дворянской жизни, то жаждою воинской славы. Вслѣдствіе того и другаго, духъ предпріимчивости, вообще свойственный народу, къ которому по крови принадлежалъ Лестокъ, рано развился въ Іоганѣ-Германѣ; и городокъ Целле, съ его тремя предмѣстьями, нѣсколькими фабриками и крѣпкимъ герцогскимъ замкомъ, оказался тѣснымъ для дѣятельности будущаго графа, теперь еще безвѣстнаго юноши. Первый опытъ этой дѣятельности былъ, однакоже, не совсѣмъ удаченъ: бросившись въ Парижъ—средоточіе, тогда какъ и теперь, образованія и вкуса, молодой Лестокъ попалъ прямо въ шателетскую тюрьму [3]). Дѣло въ томъ, что правительство Лудовика XIV, въ

---

[1]) Russische Günstlinge. Helbig. Tübingen. 1809 г., с. 184 — 205.

[2]) Dictionnaire universel d'Histoire et de Geographie, par M. N. Bouillet. Paris. 1757 г. с. 1035.

[3]) Anecdotes interessantes de Russie, tirées de ses archives. Publiées par un voyageur, qui a séjourné treize ans en Russie. Londres. 1792 г.

отмщеніе англичанамъ, схватившимъ одного французскаго сановника, принятаго за дофина, задерживало тогда всѣхъ иностранцевъ. Цѣлый годъ длилась неволя новаго авантюриста, и только ходатайство у герцогини Орлеанской старшаго изъ его братьевъ, офицера французской службы, возвратило свободу Іогану-Герману, на поруки того же брата. Выбравшись изъ тюрьмы, Іоганъ-Германъ незамедлилъ опредѣлиться лекаремъ въ ту же французскую армію. Военная жизнь, не часто соединенная со всѣми желаемыми удобствами, и постоянное обращеніе въ кругу французской молодёжи, тогда щегольской, но глубоко безнравственной, быстро развивали въ умномъ бѣднякѣ-лекарѣ практичность, рѣдко останавливающуюся на выборѣ средствъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей, и пріучили пылкаго молодого человѣка къ необузданному, хотя и полированному разврату. Повѣствуютъ, напримѣръ, что въ одномъ изъ походовъ на Рейнъ, Іоганъ-Германъ и братъ его, офицеръ, отправясь мародировать, встрѣтили матроса съ женою и груднымъ ребёнкомъ, несшихъ шесть маленькихъ хлѣбцевъ, все достояніе этой семьи бѣдняковъ. Проголодавшіеся братья завидѣли добычу, и Іоганъ-Германъ тотчасъ овладѣлъ ею. Тщетно бросилась къ ногамъ похитителя несчастная женщина, умоляя оставить ей, ради ребенка, хоть одинъ хлѣбецъ [1])—лекарь былъ и остался равнодушенъ къ слезамъ матери. „За то—продолжаетъ, повѣствователь—Лестокъ никогда не оставался равнодушнымъ къ женской красотѣ; разставлялъ ей сѣти при каждомъ удобномъ случаѣ и, уловляя, по преимуществу, невинность, пользовался своими побѣдами безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“.

И то и другое, подтверждаемое разными источниками, совершенно согласно съ мнѣніемъ, которое, гораздо позже, высказала о графѣ Лестокѣ императрица Екатерина II, умѣвшая понимать людей. Вотъ собственныя ея слова: „Lestocq

[1]) Тамъ же.

ne manquait ni d'esprit, ni de manières, ni d'intrigues, mais il était méchant et d'un coeur noir et mauvais".

Но долголѣтнее царствованіе Лудовика XIV, близившееся къ исходу, давно уже утратило свой блескъ, нѣкогда ослѣпительный; самъ король, отдавшись вліянію знаменитой г-жи Ментенонъ и кучи монаховъ, ветшалъ и разрушался, въ силу чего и на всей Франціи лежалъ отпечатокъ какого-то ханжества и принужденія, несродныхъ энергической душѣ Лестока. А между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Европы творились чудеса. Тамъ, въ варварской Россіи, нещадно сокрушалась вѣковѣчная старина, уединявшая русскихъ отъ остальныхъ европейцевъ; тамъ, изъ обломковъ этой старины, повсюду возникали новыя силы, доселѣ невѣдомыя Европѣ; тамъ, съ невѣроятнымъ успѣхомъ, кипѣла гигантская работа обновленія цѣлаго государства. Такой небывалый фактъ, конечно, останавливалъ на себѣ вниманіе всѣхъ мыслящихъ современниковъ и непремѣнно долженъ былъ поселять въ Европѣ невольное сочувствіе къ Петру, творцу и герою чудесъ, совершавшихся въ Россіи и съ Россіею. Къ тому же, имя Петра, съ самаго дня полтавской побѣды, громко раздавалось во всемъ мірѣ, было извѣстно каждому европейцу и влекло многихъ изъ нихъ въ снѣга искони непривѣтной Россіи, въ болота новорождавшагося Петербурга. Все это не могло не долетѣть до ушей Лестока, а самъ онъ, какъ человѣкъ по преимуществу предпріимчивый, не могъ не чувствовать влеченія къ Петру, богато одаренному тѣмъ же самымъ свойствомъ. Разсказы другихъ, выгодно побывавшихъ въ Россіи или раздѣлявшихъ, по наслышкѣ, восторгъ къ русскому преобразователю, болѣе и болѣе плѣняли Лестока. Ему захотѣлось въ Россію, его тянуло попытать счастія въ странѣ, становившейся баснословною. Съ другой стороны, порядочное образованіе и спеціальныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Лестокомъ въ хирургіи, не были рѣдкостію во Франціи, тогда какъ Россія весьма нуждалась въ подобныхъ людяхъ и, лѣтъ

15—16 тому назадъ, выписала, чрезъ нѣкоего Гордаенса, 25 лекарей изъ Гамбурга, и посредствомъ Крюйса пригласила еще 50 изъ Амстердама [1]). Въ Россіи, слѣдовательно, познанія Лестока могли быть оцѣнены гораздо выше и служба вознаграждена несравненно щедрѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Наконецъ, при обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Франція, протестанту трудно было составить себѣ карьеру; а ограничить свои виды поприщемъ полковаго лекаря, и только, Лестокъ не могъ, какъ истый авантюристъ. Жребій былъ брошенъ, французскій полковой лекарь списался, конечно, съ Шумахеромъ, тогда секретаремъ русской аптекарской канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ, а впослѣдствіи извѣстнымъ библіотекаремъ с.-петербургской академіи наукъ, и въ 1713 году, когда Гельсингфорсъ, Борго и Тавастгустъ одинъ за другимъ сдавались Петру въ Финляндіи, а Меншиковъ бралъ Тоннингенъ въ Голштиніи и Штетинъ въ Помераніи [2]), Іоганъ-Германъ Лестокъ явился въ Петербургъ.

Внѣшній видъ резиденціи Петра, „обильной—по выраженію тогдашнихъ москвичей—только слезами и болотами“ [3]), былъ, дѣйствительно, не слишкомъ казистъ и едва-ли могъ ослѣплять человѣка, только что оторвавшагося отъ созерцанія парижскихъ дворцовъ и версальскихъ фонтановъ. Группа болотистыхъ островковъ, кое-гдѣ изрытыхъ неоконченными ка-

---

[1]) Исторія медицины въ Россіи, Вильгельма Рихтера. Москва. 1820 г. Ч. II, с. 335 и 340.

[2]) Сраженіе у Тоннингена тогда же вырѣзано на мѣдномъ кругѣ, съ надписью: Марсъ у Тоннинга удивися мужеству Петрову. 1713 г. Точно такъ же увѣковѣчено и взятіе Штетина, съ надписью: Не стерпя силы Петровы Штетинъ покорился. 1713 г. Оба мѣдные круга хранятся въ кабинетѣ Петра Великаго. См. Кабинетъ Петра Великаго. Спб. 1844 г., с. 12.

[3]) Панорама С.-Петербурга, А. Башуцкаго. Спб. 1834 г. Ч. I, с. 121.

налами и усѣянныхъ слишкомъ тридцатью тысячами мазанокъ [1]), между которыми мелькалъ десятокъ неуклюжихъ каменныхъ домовъ, возвышались земляные валы крѣпости и адмиралтейства, да торчали двѣ-три деревянныя колоколенки— вотъ все, что на первый разъ увидѣлъ Лестокъ на пресловутыхъ берегахъ Невы. Впрочемъ, въ самый годъ его прибытія, въ томъ же Петербургѣ, тогда некрасивомъ, освящалась уже первая церковь великолѣпной теперь александроневской лавры; отпечатывалась первая книга, именно: „Марсова“; былъ принимаемъ персидскій посолъ, снабдившій новую резиденцію львами, тиграми и слонами—подарками шаха; имѣлись даже убѣжища общественнаго воспитанія [2]).

Представленный государю, весь этотъ годъ безпрерывно уѣзжавщему изъ столицы, и снова туда возвращавшемуся, молодой Лестокъ, имѣвшій при посредственномъ ростѣ чрезвычайно пріятную физіономію и свободно объяснявшійся на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ [3]), съ разу понравился его величеству и былъ опредѣленъ хирургомъ къ высочайшему двору.

Такое назначеніе, необходившееся, какъ уже водилось тогда, безъ нѣкотораго экзамена или, по крайней мѣрѣ, уважительныхъ аттестацій, тѣмъ выгоднѣе рекоментуетъ познанія Лестока, что одновременно съ нимъ прибыли въ Россію шесть хирурговъ, нанятые постельничимъ Солтыковымъ въ

---

[1]) По перепискѣ, сдѣланной въ 1714 году всѣмъ домамъ новой столицы, ихъ оказалось 34,550. Тамъ же, с. 118.

[2]) Именнымъ указомъ 26-го декабря 1715 г., велѣно: «Взять изъ школы адмирала Апраксина такихъ дѣтей, которыя географію и геометрію выучили, и послать во всякую губернію по два человѣка для науки молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ и людей».

[3]) Die Heutige Historie oder der gegenwärtige Staat von Russland, nach dem Englischen und Holländischen des Hrn. Salmon und Hrn. van Goth ins Deutsche übersetzt von Elias Kaspar Reihard. Altona und Leipzig. 1752 г. с. 397.

Лондонѣ, изъ которыхъ, однакоже, ни одинъ не попалъ ко двору. Имѣя около себя такихъ спеціалистовъ, какъ Арескинъ (по чтенію г. Чистовича, Эрскинъ) [1]), Блументростъ, Гови и другіе, отъ которыхъ едва-ли могло укрыться невѣжество, пріодѣтое шарлатанствомъ, Петръ и самъ претендовалъ на основательныя свѣдѣнія въ хирургіи. Извѣстно, что онъ съ любовію занимался этой наукою, часто присутствовалъ при трупоразъятіяхъ, лично производилъ операціи, и смѣлостію одной изъ нихъ, въ 1723 году, удивилъ даже врачей [2]), всегда носилъ въ карманѣ хирургическую готовальню (въ которой имѣлись два ланцета, кровопускательный шнеперъ, анатомическій ножикъ, пеликанъ, клещи для вырыванія зубовъ, лопатка, ножницы и катедеръ), и не отказывался отъ случаевъ собственноручно бросать кровь или вырывать зубы. Цѣлый мѣшокъ такихъ зубовъ, до сихъ поръ сохраняется въ кунсткамерѣ, вмѣстѣ съ походною аптекою или лекарнею Петра [3]).

Итакъ Іоганъ-Германъ Лестокъ сдѣлался русскимъ придворнымъ хирургомъ, на условіяхъ, свѣдѣній о которыхъ не сохранилось. По штатнымъ вѣдомостямъ 1723 года, то-есть десять лѣтъ спустя по прибытіи Лестока въ Россію, мы видимъ, что хирургу полагалось 180 руб. въ годъ [4]). Если же вѣрить Штелину, записавшему свое свидѣтельство со словъ

---

[1]) См. статью: «Госпитальный споръ въ 1757 году», помѣщенную въ отдѣлѣ Смѣси іюльской книжки журнала «Русское Слово». 1859 г., с. 13.

[2]) Тогда государь собственноручно выпустилъ около 20-ти фунтовъ воды у голландской купчихи Борсте, и больная чрезъ нѣсколько дней умерла. Императрица шутя говорила, что за такую операцію императора слѣдовало бы сдѣлать докторомъ. «Нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ—пожалуй», отвѣчалъ императоръ. См. Дневникъ камер-юнкера Берхгольца, перев. съ нѣм. И. Аммона. 1860 г. Ч. III, с. 85.

[3]) См. Кабинетъ Петра-Великаго, изд. Осипа Бѣляева. Спб. 1800 г. Отд. I, с. 201.

[4]) Ист. медиц. въ Россіи. Ч. III, с. 38.

графа Ив. Григ. Чернышева, то Петръ, принимая въ службу свою иностранцевъ, назначалъ имъ жалованье „не только по ихъ способности и ожидаемой отъ нихъ пользѣ, но также и по свойству ихъ націи и обыкновеннаго образа жизни. Французу — говоритъ государь — всегда можно давать больше жалованья; онъ весельчакъ (bon vivant) и все, что получаетъ, проживаетъ здѣсь. Нѣмцу также должно давать не менѣе, ибо онъ любитъ хорошо поѣсть и попить и у него мало изъ заслуженнаго останется. Англичанину надобно давать еще болѣе; онъ любитъ хорошо жить, хотя бы долженъ былъ и изъ собственнаго имѣнія прибавлять къ жалованью. Но голландцамъ должно давать менѣе; ибо они едва досыта наѣдаются, для того, чтобы собрать больше денегъ; а итальянцамъ еще менѣе, потому что они обыкновенно бываютъ умѣренны и у нихъ всегда остаются деньги" [1]). Въ чемъ именно состояло бо̀льшее жалованье французу—и, слѣдовательно, Лестоку—мы не знаемъ.

Медицинскую часть въ Россіи Лестокъ нашелъ состоявшею въ вѣдѣніи аптекарской канцеляріи [2]), за годъ до его прибытія на половину переведенной изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ, съ того времени, сосредоточилось русское медицинское управленіе. На расходы по этому управленію, казна ассигновала ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей, изъ которыхъ, въ годъ прибытія Лестока, выплачивалось жалованье десяти докторамъ медицины, нѣсколькимъ десяткамъ лекарей и хирурговъ и, кромѣ того, содержались: знатный госпиталь въ Москвѣ, до десяти казенныхъ аптекъ въ разныхъ городахъ россіи (вѣдавшихся, однакожъ, не въ аптекарской канцеляріи, а въ посольскомъ приказѣ), и аптекарскій садъ въ

---

[1]) Подлинные анекдоты о Петрѣ-Великомъ, собранные Яковомъ Штелинымъ. Москва. 1829 г. Ч. I, с. 75.

[2]) Образована, въ 1707 году, изъ древняго аптекарскаго приказа.

Москвѣ, съ такимъ же огородомъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ [1]). Прибавимъ, что между аптеками—московская у Красныхъ Воротъ, щеголяла фарфоровыми сосудами съ финифтяными гербами Россіи, изобиловала врачебными запасами, требовала ежедневно по сорока человѣкъ рабочихъ, стоила ежегодно до двадцати тысячъ рублей и была едва-ли не лучшею во всей Европѣ [2]).

Что касается личнаго состава тогдашняго медицинскаго сословія въ Россіи, оно почти исключительно ограничивалось иноземцами, между которыми, вѣроятно, по преданіямъ глубокой старины, насчитывалось нѣсколько грековъ. Первенствующими лицами этого сословія были: шотландецъ Робертусъ Карловичъ Арескинъ, мужъ ученый и человѣкъ „благоразумный, обходительный, прямодушный, благовоспитанный" [3]), чрезвычайно уважаемый государемъ, при особѣ котораго находился лейбъ-медикомъ; Георгій Паликала—итатьянскій грекъ, лейбъ-медикъ государыни; Іоганъ-Деодатъ Блументростъ, третій сынъ врача царя Алексѣя Михайловича, знаменитаго Лаврентія, обрусѣлый нѣмецъ и москвичъ по рожденію, лейбъ-медикъ наслѣдника престола, и Николай Бидлоо, родомъ голландецъ, носившій званіе лейбъ-медика и управлявшій московскимъ госпиталемъ. Къ нимъ же слѣдуетъ причислить голландца Шобера, прибывшаго въ Россію въ одинъ годъ съ Лестокомъ и опредѣленнаго лейбъ-медикомъ къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; лейбъ-хирурга Жана Гови, тоже голландца, пользовавшагося особымъ благоволеніемъ государя и неотлучно находившагося при особѣ его величества; наконецъ, грека Димахи, главнаго врача адмиралтейства — учрежденія, особенно занимавшаго тогда вниманіе государя. Лестоку приходилось становиться въ прямыя служебныя отно-

---

[1]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Гавр. Успенскаго. Харьковъ. 1818 г., с. 541.

[2]) Ист. медиц. въ Россіи. Ч. III, с. 48.

[3]) Тамъ же, с. 121.

шенія со всѣми этими лицами и, стало быть, надлежало стараться о расположеніи къ себѣ каждаго изъ нихъ, въ чемъ, благодаря умѣнію своему вкрадываться въ сердца людей и обворожать каждаго скромнымъ, пріятнымъ обращеніемъ [1]), Лестокъ не преминулъ успѣть очень скоро. Но сближенія съ одною медицинскою іерархіею не было достаточно Лестоку: онъ считалъ необходимымъ попасть въ милость къ лицамъ, игравшимъ тогда болѣе или менѣе роль. Изъ нихъ, въ самый годъ прибытія своего въ Петербургъ, Лестокъ нашелъ на лицо немногихъ, а именно: угрюмаго и важнаго канцлера Головкина, предсѣдательствовавшаго въ коммисіи объ изслѣдованіи и искорененіи злоупотребленій по казеннымъ подрядамъ; графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, перваго сенатора и человѣка съ большимъ вѣсомъ; князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, тоже сенатора, извѣстнаго правдолюбца, слывшаго между сослуживцами умникомъ и пользовавшагося тогда большою популярностію; наконецъ, Павла Ивановича Ягужинскаго, царскаго генералъ-адъютанта и камергера—лица, уже въ то время весьма вліятельнаго. Можетъ быть, Лестоку удалось тогда же поглядѣть и на князя-кесаря, Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго, временами наѣзжавшаго въ Петербургъ и всегда окружаемаго почестями, которыя могло изобрѣсти и узаконить только геніально-игривое воображеніе Петра. Другія знаменитости на ту пору отсутствовали: князь Меншиковъ, звѣзда первой величины тогдашней аристократіи, побѣдоносно подвизался въ Голштиніи; фельдмаршалъ Шереметьевъ, чрезвычайно уважаемой и любимый Петромъ, предводилъ войсками въ Польшѣ, Помераніи и Мекленбургіи; адмиралъ Апраксинъ, любимецъ Петра, поражалъ шведовъ на морѣ; генералъ-поручикъ князь Голицынъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, добывалъ Петру Финляндію съ суши; Толстой, еще не графъ,

[1]) Reihard, c. 397.

и Шафировъ, уже вице-канцлеръ, оба сановники значительные, томились въ неволѣ константинопольскаго семибашеннаго замка; Репнинъ, Брюсъ и другой Долгорукій, впослѣдствіи фельдмаршалы, служили генералами подъ командою Шереметева или Меншикова. Не было тогда въ Петербургѣ и другихъ личностей, еще недостигшихъ знаменитости, но уже начинавшихъ свои карьеры, впослѣдствіи блестящія. Такъ, Остерманъ, въ званіи тайнаго секретаря, договаривался въ Берлинѣ съ прусскими министрами; Андрей Ивановичъ Ушаковъ, только капитанъ гвардіи, розыскивалъ въ Москвѣ злоупотребленія купечества; Григорій Петровичъ Чернышевъ комендантствовалъ въ новозавоеванномъ Выборгѣ; Ѳеофанъ Прокоповичъ игуменствовалъ въ Кіевѣ. Всю эту плеяду ревностныхъ слугъ Петра, Лестокъ узналъ поголовно, каждаго въ свое время, не обходя и Румянцова съ Девіеромъ, впослѣдствіи графовъ, а тогда гвардейскихъ офицеровъ, уже отличаемыхъ Петромъ. Наконецъ, Лестокъ, какъ чиновникъ, причисленный ко двору, полагалъ существенно полезнымъ для себя затѣять и закрѣпить связи собственно съ придворнымъ людомъ, отъ гофмаршала Шепелева и кабинетъ-секретаря Макарова до камердинера Полубоярова [1]), и умнаго шута Балакирева включительно.

Въ этой другой плеядѣ второстепенныхъ знаменитостей, скорѣе прочихъ могли сойдтись съ Лестокомъ царскіе ден-

[1]) Объ этомъ Полубояровѣ записано Нартовымъ слѣдующее извѣстіе: развратная жена камердинера нерѣдко отказывала мужу въ исполненіи супружескихъ обязанностей. Мужъ, выведенный изъ терпѣнія, задумалъ наказать жену—и доложилъ государю, что она страждетъ болью зуба, а вырвать не позволяетъ, боится. Петръ взялъ клещи, отправился къ камердинеру и, недолго разговаривая, выхватилъ у камердинерши совершенно здоровый зубъ. См. достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго въ № 7 «Москвитянина» за 1842 г.

щики [1])—люди, какъ и онъ, молодые, энергическіе, пользовавшіеся особенною довѣренностію Петра и имѣвшіе возможность, при случаѣ, весьма годиться своему новому знакомцу. Само собою разумѣется, что прекрасная половина петербургскаго двора, богатая такими красавицами, какъ сестры Монсъ, фрейлина Гамильтонъ и другія, съ хорошенькими прислужницами въ родѣ Анны Крамеръ, тотчасъ же обратили на себя услужливое вниманіе любезнаго и вмѣстѣ женолюбиваго француза.

Вглядѣвшись нѣсколько въ новое положеніе свое, Лестокъ очень скоро сообразилъ, что его, какъ ученаго иноземца, ждетъ при дворѣ несомнѣнный успѣхъ, а слѣдовательно и вѣрная пожива. Петръ жаловалъ и ласкалъ иностранцевъ, а русскіе придворные не могли не чувствовать нравственнаго превосходства ихъ надъ собою; до остальныхъ русскихъ Лестоку не могло быть никакого дѣла. Къ тому же и самая спеціальность службы его, какъ хирурга, заранѣе обѣщала ему и расположеніе, и уваженіе людей, которымъ случилось бы воспользоваться его помощію. А это съ самаго начала, и само собою поставило его въ хорошія отношенія со всѣми и въ близкія со многими. Послѣднему много помогали веселый нравъ и пріятный умъ Лестока, отворявшіе ему двери къ сановитымъ лицамъ тогдашняго двора и дѣлавшіе его зачастую весьма нелишнимъ членомъ застольныхъ бесѣдъ, которымъ посвящались въ то время почти всѣ неслужебные часы господъ придворныхъ. Эти господа, нестолько многочисленные и блестящіе въ петрово время, какъ теперь, мало знакомые тогда съ заманчивостію современныхъ именованій: камергеръ, камеръ-

---

[1]) Извѣстнѣйшіе изъ нихъ, при Лестокѣ и позже, были: Аѳанасій и Алексѣй Татищевы, Ив. Мих. Орловъ, Мурзинъ, Поспѣловъ, Алекс. Борис. Бутурлинъ, Андрей Конст. Нартовъ, Древникъ, Василій Нелюбохтовъ, Шемякинъ и Чеботаевъ. См. «Русская Старина», А. Корниловича. Спб. 1825 г., с. 29 и 30.

юнкеръ — и неѣздившіе, по нынѣшнему, въ каретахъ (которыхъ, въ ту пору, во всемъ Петербургѣ было не больше 4—5 [1]), роскошествовали по своему на нѣсколько сотъ рублей годоваго содержанія: козыряли въ марьяжъ, ломберъ, ламушъ и голландскій гравіасъ, не смѣя по царскому указу и подъ страхомъ суда—проигрывать болѣе рубля; забавлялись, на досугѣ, враньемъ шутовъ и вознею карловъ; восхищались звуками лютни и бандуры и музыкою любимыхъ царемъ трубъ и волынокъ; главное же — усердно потягивали венгерское, бургонское, понтакъ, рейнвейнъ, шампанское, доказывая, въ этомъ случаѣ, справедливость изреченія равноапостольнаго князя Владиміра, что „Руси есть веселіе пити“ [2]). Въ иноземцахъ, безъ которыхъ Лестоку, какъ европейцу, могло бы показаться скучнымъ русское новоселье, не было въ Петербургѣ недостатка. Не считая дипломатическихъ миссій, уже постоянно пребывавшихъ при дворѣ Петра, всѣ слои тогдашняго населенія новой столицы обиловали иноземцами, тогда, разумѣется, болѣе полезными, нежели теперь. Да и сами русскіе быстро перенимали чужое: „угождая преобразователю нашему, молодые люди старались пролагать себѣ дорогу къ почестямъ посредствомъ перемѣны одежды, самаго образа мыслей и жизни. Слѣпое подражаніе иностранцамъ ручалось за успѣхъ будущій“ [3]). И родной языкъ свой, Лестокъ, по всей вѣроятности, нашелъ уже достаточно распространеннымъ при русскомъ дворѣ. Еще въ „Наказѣ, какимъ образомъ поступать при ученіи государя царевича Алексѣя Петровича“, изданномъ въ 1703-мъ году, французскій языкъ играетъ важную роль въ преподаваніи, какъ „паче всѣхъ иныхъ языковъ

---

[1]) Штелинъ. I, с. 207.

[2]) Доводъ, представленный, какъ извѣстно, Владиміромъ I Ярославичемъ мухамеданскому миссіонеру, старавшемуся склонить русскаго князя къ принятію исламизма.

[3]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1847 г. Ч. I, с. 567.

легчайшій и потребнѣйшій" [1]); и „Наказъ" предписываетъ; „и внѣ ученія никако инако, кромѣ французскаго языка говорити, и чтобы нѣкоторыхъ служителей ко двору его высочества присовокупить [2]), которые французскаго языка искусны, и съ которыми бы его высочество обучаться могъ, ибо языкъ не чрезъ что иное лучше, какъ чрезъ повседневное обходительство, изученъ быти можетъ" [3]). Наконецъ, еслибы даже Лестоку вздумалось иногда припомнить и увидѣть обряды роднаго своего богослуженія, то и за этимъ не могло стать дѣло: на обширномъ дворѣ вицъ-адмирала Крюйса [4]), вошедшемъ въ составъ зданія теперешняго зимняго дворца, была кирка, въ которую, по выкинутіи Крюйсова бѣлаго флага съ голубымъ крестомъ, сбирались на молитву петербургскіе реформаты, вмѣстѣ съ лютеранами [5]).

---

[1]) Впрочемъ, позже Петръ перемѣнилъ свое мнѣніе о первенствѣ французскаго языка, и говорилъ: «Голландскій языкъ нуженъ намъ на морѣ, нѣмецкій — на сухомъ пути, а безъ французскаго весьма обойтися можно, поелику мы не имѣемъ многаго важнаго до французскаго дѣла». См. Дѣянія Петра Великаго. Соч. И. И. Голикова. Москва. 1838 г. Ч. VI, с. 201.

[2]) Лучшими знатоками французскаго языка въ то время были: Кононъ Никитичъ Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій, которымъ обыкновенно поручались Петромъ переводы французскихъ бумагъ и даже книгъ.

[3]) Голиковъ ч. III, с. 97—106.

[4]) Адмиралъ Корнелій Ивановичъ Крюйсъ былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ России чужеземцевъ и пріобрѣлъ почтенное имя въ исторіи русскаго флота. Характеристика Крюйса выясняется въ слѣдующемъ о немъ извѣстіи. Когда, вслѣдствіе неудачнаго морскаго дѣла между Гельсингфорсомъ и Ревелемъ, въ 1715 г., Крюйсъ по суду былъ сосланъ въ Казань и, спустя 13 мѣсяцевъ, прощенъ и возвращенъ, то Петръ, узнавъ о пріѣздѣ адмирала, лично посѣтилъ его, обнялъ и сказалъ: «Я на тебя болѣе не сержусь».—«И я также перестал сердиться», отвѣчалъ откровенный морякъ, несчитавшій себя виноватымъ. Бантышъ-Каменскій. 1836 г. Ч. III, с. 123.

[5]) Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота въ 1710 и 1711 годахъ. Спб. 1860 г. с. 28.

При такой обстановкѣ, петербургская жизнь Іогана-Германа пошла, какъ по маслу. И Петръ и Екатерина—за годъ до прибытія Лестока объявленная императрицею—весьма благоволили къ молодому хирургу, что не мѣшало послѣднему, за свой веселый нравъ, бывать иногда биту изъ державныхъ рукъ его царскаго величества [1]). Нерѣдко также доводилось Лестоку, въ числѣ весьма небольшой свиты, сопровождать государя въ той или другой изъ его безпрерывныхъ поѣздокъ — морскихъ и сухопутныхъ. Веселый нравъ игриваго француза и въ этихъ случаяхъ бралъ свое, мало стѣсняясь близостію высочайшаго присутствія. Вотъ, что самъ Лестокъ разсказывалъ Штелину. Однажды, когда онъ и нѣкоторыя другія лица были съ государемъ на яхтѣ, задержанной на одномъ и томъ же мѣстѣ Финскаго Залива цѣлодневнымъ безвѣтріемъ, и его величество легъ, по обыкновенію, послѣ обѣда, отдыхать, въ каютѣ — Лестокъ, инженеръ-капитанъ Люберасъ и двое другихъ офицеровъ, занятые на палубѣ игрою, до того разшумѣлись, что Петръ проснулся и, разсерженный, побѣжалъ съ канатомъ на палубу. Услышавъ это движеніе, игроки опомнились и мигомъ бросились въ разныя стороны. Не успѣлъ улизнуть одинъ царскій пажъ, арабченокъ, въ игрѣ неучаствовавшій и ни въ чемъ невиноватый. Государь, отхлеставши его канатомъ, возвратился въ каюту и тамъ опять заснулъ. Между тѣмъ, дѣйствительно виновные снова явились на палубу, и стали уговаривать пажа, чтобъ онъ не плакалъ, угрожая въ противномъ случаѣ, побить его еще разъ. Но арабченокъ не слушалъ ихъ уговоровъ, и самъ грозилъ объявить государю виноватыхъ. Часъ спустя, отдохнувшій государь весело вышелъ на палубу и нашелъ шумную компанію тихо играющею въ карты, а своего пажа — горько плачущимъ. На царскіе разспросы мальчикъ отвѣчалъ жалобою, что побитъ онъ, а шумѣли и ви-

---

[1]) Anecd. intéres.

новаты Лестокъ и Люберасъ. Петръ обѣщалъ арабченку зачесть эти побои впредь, чѣмъ дѣло и кончилось [1]). Весьма вѣроятно, что Лестокъ участвовалъ и въ той увеселительной поѣздкѣ къ Кронштадту, когда, 21-го мая 1714 года, государь и сановитые спутники его, захваченные бурею, подвергались серьёзной опасности, а узбекскій посолъ, съ ними бывшій, до того перетрусился, что, завернувшись въ шерстяное одѣяло, легъ на дно яхты, велѣлъ своему муллѣ читать стихи изъ корана и совсѣмъ приготовился къ смерти [2]). Да и вообще придворная служба доставляла Лестоку случаи не только видѣть воочію многія изъ интересныхъ событій, наполнявшихъ эпоху Петра, но даже бывать иногда участникомъ разнообразныхъ явленій, пестрившихъ петербургскую жизнь того времени. Эти событія и явленія тѣмъ болѣе должны были подстрекать любопытство молодаго хирурга, что весьма нерѣдко оказывались нетолько совершенно новыми, но даже и вовсе немыслимыми для такого, какъ онъ, европейца. То, напримѣръ, Лестокъ, въ числѣ другихъ спеціалистовъ врачебнаго искуства, приглашался къ торжественной закладкѣ, въ высочайшемъ присутствіи, обширнаго госпиталя съ медицинскимъ училищемъ и анатомическимъ театромъ — на мѣстахъ, гдѣ, за десять лѣтъ до того, едва-едва ютилась какая-нибудь рыбачья хижина, тонувшая въ непривѣтныхъ топяхъ. То видѣлъ онъ, какъ въ день солнечнаго затмѣнія, заранѣе объявленнаго народу, сенаторы, члены коллегій, всѣ чиновники и особенно духовенство спѣшили, по царскому указу, на царицынъ лугъ, тѣснились у хранимаго тутъ готторпскаго глобуса — прибывшаго въ Россію въ одинъ годъ съ Лестокомъ — и ждали государя, который, пріѣхавъ, дѣйствительно самъ подводилъ каждаго изъ присутствовав-

---

[1]) Баронъ Іоганъ-Лудвигъ Люберасъ, по другимъ — Любрасъ, строитель кронштадтскаго канала, умеръ въ апрѣлѣ 1752 г., генералъ-аншефомъ и андреевскимъ кавалеромъ.

[2]) Штелинъ. I, с. 197.

шихъ къ зрительной трубѣ, самъ объяснялъ каждому законы видимаго всѣми явленія и, занимаясь этимъ, пробылъ на царицыномъ лугу до самаго вечера [1]). Случалось, наконецъ, что отъ дворца до петропавловской крѣпости расчищали на Невѣ ледъ и, въ глазахъ Лестока, „боты и другія небольшія суда ставили на полозья или на коньки, и, натянувъ паруса, пускались по вѣтру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣтнихъ катаніяхъ. Адмиралтейская шлюпка показывала путь прочимъ судамъ: сообразуясь съ ея движеніями, они лавировали и дѣлали разные маневры по льду— для того, чтобъ не забыть морскихъ эволюцій—говаривалъ Петръ“ [2]).

Но явленіемъ, смыслъ котораго, сравнительно со всѣми другими явленіями, мало постигался сметливымъ Лестокомъ, а вѣрнѣе и вовсе не постигался, было—зрѣлище, показанное Петромъ всему Петербургу 16-го января 1715 года.

Въ этотъ день, по сигналу изъ трехъ пушекъ съ крѣпости, цѣлыя вереницы саней показались изъ всѣхъ улицъ и закоулковъ столицы, и направились къ петербургской сторонѣ. Тамъ кавалеры высаживались у дома канцлера Головкина, а дамы — у другого, принадлежавшаго князь-игуменьѣ Ржевской. То были гости, всего четыреста особъ, позванные, въ силу царскаго указа, „вѣжливо, особымъ штилемъ“ на свадьбу восьмидесяти-четырехлѣтняго князя-папы Никиты Моисеевича Зотова съ старухою Анною Еремеевною Пашковою.

Въ часъ, назначенный для браковѣнчанія, тысячи незванныхъ толпились на троицкой площади и окаймляли дорогу къ петропавловскому собору, гдѣ ожидалъ курьезную чету девяностолѣтній старецъ священникъ, нарочно выписанный изъ Москвы. Свадебная процессія двинулась. Впереди, весь

---

[1]) Рус. стар. Корниловича, с. 73.

[2]) Тамъ же, с. 74.

въ золотѣ, шелъ маршалъ свадьбы, тоже гость изъ Москвы, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій. За нимъ выступалъ женихъ, наряженный кардиналомъ. Потомъ, въ саняхъ, съ четырьмя медвѣдями на привязи—страшно ревѣвшими, оттого, что ихъ дразнили рогатинами—ѣхалъ, съ рылями на медвѣжьихъ перевязяхъ—князь-кесарь, Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, представлявшій царя Давида. Потомъ, съ такими же рылями, шли: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, генералъ Вейде и польско-саксонскій посланникъ Фицтумъ — всѣ въ беретахъ и черныхъ мантіяхъ гамбургскихъ бургомистровъ, послѣдуемые самимъ царемъ и генералами: Бутурлинымъ и княземъ Трубецкимъ, съ корабельнымъ мастеромъ Скляевымъ, одѣтыми въ матросское платье и барабанившими весьма усердно, въ pendant почтенному боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу, трубившему въ большой рогъ. Далѣе предъ изумленною толпою зрителей вытягивался безконечный рядъ китайцевъ—съ дудочками, венеціанъ—съ свирѣлями, скороходовъ—съ большими палками, римскихъ архіепископовъ—съ рогами, турокъ—съ тарелками, рудокоповъ—съ цитрами, нѣмецкихъ пастуховъ—съ флейтами, ассесоровъ—съ соловьями, американцевъ—съ деревянными вилами, древнихъ лифляндскихъ рыцарей—верхомъ, съ флейтами и дудками, докторовъ—въ красныхъ плащахъ съ книгами, матросовъ—съ трещотками, въ охобняхъ съ тулумбасами и набатами, венгерцевъ—съ сковородами, поляковъ—съ скрипками, норвежскихъ крестьянъ—съ ворданами, калмыковъ—съ балалайками, въ шубахъ съ тазами, пасторовъ—съ гудками, китолововъ—съ копьями, шкиперовъ—съ охотничьими свистками, армянъ и японцевъ—съ флейтами, прусскихъ почтальоновъ—съ рожками, охотниковъ—съ рогами и проч. Были еще македонцы, бернардинскіе монахи, тунгусы, тиремарскіе мужики, турецкіе дровосѣки, гондурасы (Honduras), рыболовы, люди въ ни-

конскомъ платьѣ, въ баурской одеждѣ, въ конарскомъ платьѣ, въ короткихъ шубахъ, надѣтыхъ навыворотъ, одни—съ гобоями, другіе—съ трубами, колокольчиками, варганами, рогами, новгородскими трещотками, свирѣлями, пузырями, наполненными горохомъ, глиняными дудками, хизинскими горшками, органными трубками, старинными сипилками, литаврами, волынками и проч." Между ними, „посреди ассесоровъ и венеціанъ, державшихъ въ рукахъ урны, ѣхали: старшій и шесть младшихъ шаферовъ, безъ игръ, для того, что отъ старости своей не могли ничего въ рукахъ держать". Шествіе замыкали дамы: императрица и восемь особъ ея штата, одѣтыя фрисляндскими крестьянками; вдовствующія царицы: Мароа Матвѣевна, съ трудомъ согласившаяся участвовать въ маскарадѣ, Прасковья Өедоровна и царица Наталья Алексѣевна, всѣ въ польскомъ, а царевны: Екатерина, Анна и Прасковья Іоанновны въ испанскихъ костюмахъ, а остальныя придворныя красавицы, кто въ старинномъ нѣмецкомъ, кто въ венгерскомъ, кто въ новгородскомъ, кто въ китайскомъ нарядахъ, иныя въ щубахъ, лѣтникахъ, тѣлогрѣйкахъ. По окончаніи өбряда, весь маскарадъ тѣмъ же порядкомъ отправился въ домъ новобрачнаго на нынѣшней гагаринской пристани, гдѣ, за свадебнымъ обѣдомъ, гостямъ разносили вино старики, отъ старости едва державшіеся на ногахъ [1]).

Такими и подобными случаями перемежалось пребываніе Лестока при петербургскомъ дворѣ, времяпровожденіе котораго, во дни Петра, не могло, вообще, назваться скучнымъ. Петръ любилъ ознаменовывать торжествами каждую изъ побѣдъ надъ шведами, тогда нерѣдкихъ; любилъ весело справлять всѣ закладки и спуски кораблей, тогда безпрерывные; неминуемо учинялъ различныя церемоніи по поводу рожденій или смерти членовъ царскаго семейства—случаевъ, тогда довольно час-

[1]) Панор. Петерб. с. 141—144.

тыхъ [1]). Кромѣ всего этого, въ Петербургѣ уже тогда существовали театральныя представленія, особенно покровительствуемыя сестрою Петра, царевною Наталіею, великою охотницею до зрѣлищъ подобнаго рода. И, слѣдовательно, Лестокъ—неузнавшій извѣстнаго ему Мольерова „Лекаря" въ русскомъ искаженіи „Докторъ принужденный", и вовсе непонимавшій такихъ пьесъ, какъ „Порода Геркулесова; въ ней же первая персона Юпитеръ", или двѣнадцати-актныхъ произведеній самой царевны, наполнявшихъ по нѣсколько вечеровъ сряду—несомнѣнно посѣщалъ, вмѣстѣ со всѣми придворными, спектакли нѣмецкой заѣзжей труппы, разыгрывавшей (на Литейной, въ домѣ Брюса) тупые фарсы изъ площадныхъ шутокъ или сентиментальныя трагедіи, въ которыхъ всѣ герои умирали на сценѣ, а цари говорили языкомъ аркадскихъ пастушковъ [2]).

Весь этотъ петербургскій обиходъ шелъ постоянно однимъ и тѣмъ же непрерывнымъ порядкомъ, не смущаясь ни наводненіями, сносившими, какъ, напримѣръ, въ 1715 году, всѣ петербургскіе мосты и деревянныя закрѣпы по берегамъ Невы [3]), ни даже разладомъ царя съ царевичемъ, изъ которыхъ послѣдній получалъ уже отъ отца письма съ такимъ заключеніемъ: „или измѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ, а буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю".

Наступилъ 1716 годъ, первый день котораго, по суще-

---

[1]) При Лестокѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ съ небольшимъ, умерла въ Петербургѣ царевна Наталья Петровна (1714), царица Мароа Матвѣевна (1715), принцесса Софья-Шарлотта, супруга царевича Алексѣя (1715); родились: царевна Маргарита Петровна (1714 и умерла въ 1715), царевичи Петръ Петровичъ и Петръ Алексѣевичъ, впослѣдствіи императоръ Петръ II, оба въ 1715 г.

[2]) Рус. стар. Корниловича, 89—90. Статья «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи» г. Пекарскаго, помѣщенная въ февральской и мартовской книжкахъ журнала «Современникъ» за 1857 годъ.

[3]) Das veränderte Russland, von Weber. T. I, c. 469.

ствовавшему тогда обыкновенію, отпразднованъ фейерверкомъ на троицкой площади. Въ этомъ 1716 году, Петръ сбирался проѣхаться по нѣкоторымъ государствамъ Европы, устроить сдѣлки съ королями датскимъ и польскимъ касательно союзнаго вцаденія въ Швецію, „утвердить—какъ выражается Голиковъ — въ Германіи ногу свою“ [1]); наконецъ выдержать лечебный курсъ на пирмонтскихъ водахъ. Государю должна была сопутствовать и государыня, вмѣстѣ съ царевною Екатериною Іоанновною, нареченною невѣстою герцога мекленбургскаго. Въ путевую свиту ихъ величествъ, составленную изъ самыхъ приближенныхъ и необходимыхъ людей, каковы: канцлеръ Головкинъ, вице-канцлеръ Шафировъ, генералъ-адъютантъ Ягужинскій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, гофмаршалъ Шепелевъ, кабинетъ-министръ Макаровъ, лейбъ-медики: Арескинъ и Паликала, и другіе — попалъ и Лестокъ, назначенный состоять хирургомъ при ея величествѣ. Отъ этого назначенія, доставлявшаго молодому человѣку случай быть ближе узнаннымъ государынею, зависѣла—что окажется впослѣдствіи—и вся дальнѣйшая карьера Лестока, одно время блестящая.

Наконецъ все было готово къ высочайшему путешествію, маршрутъ котораго ограничивался пока Данцигомъ. Свиту государя ожидали на каждой станціи по 60 лошадей, свиту государыни по 150. Фуражъ послѣднимъ, по предписанію самой Екатерины, былъ еще съ декабря запасенъ, вплоть до Мемеля, распоряженіями рижскаго губернатора, князя Голицына. Самый отъѣздъ царской фамиліи происходилъ неодновременно. Сначала, именно 27 января, выѣхалъ изъ Петербурга государь, повидавшись наканунѣ съ царевичемъ, больнымъ и лежавшимъ въ постели, а нѣсколько дней спустя, оставили столицу и государыня съ царевной Екатериной Іоанновной, сопровождаемыя, между прочимъ, и Лестокомъ.

---

[1]) Голиковъ. VI, с. 417.

Трактъ, по которому слѣдовали августѣйшіе путешественники, лежалъ черезъ Нарву и Ригу — въ Либаву, гдѣ государь, ожидая супругу, занимался снаряженіемъ эскадры, предназначенной къ весеннему рейсу въ тотъ же Данцигъ. 14-го февраля ихъ величества отправились изъ Либавы далѣе. Въ Кенигсбергѣ, при перемѣнѣ лошадей, государю представился графъ Растрелли, только что приглашенный въ русскую службу и ѣхавшій изъ Парижа въ Петербургъ. Знаменитый художникъ, конечно, не воображалъ, что въ находившейся тутъ же особѣ придворнаго хирурга, тогда незначительной, таится будущая знаменитость своего рода, апоѳеосъ которой и онъ, Растрелли, увидитъ, современемъ, собственными глазами. 18-го февраля ихъ величества прибыли къ Данцигу, но остановились въ мѣстечкѣ Гонцъ-Кругъ, на берегу Вислы, откуда уже на другой день переѣхали въ самый городъ, причемъ произошло анекдотическое приключеніе съ парикомъ городского бургомистра, напечатанное множество разъ [1]).

Въ Данцигѣ, принадлежавшемъ тогда королевству польскому, царская фамилія помѣстилась въ главномъ городскомъ трактирѣ содержателя Ольберга [2]), и оставалась здѣсь слишкомъ два мѣсяца. Въ теченіе этого времени, въ Данцигъ одинъ за другимъ пріѣхали: женихъ царевны Екатерины Іоанновны, герцогъ мекленбургскій Карлъ-Леопольдъ, ненавидимый своими подданными; король польскій Августъ II, извѣстный Лукуллъ и Ловеласъ своего времени; наконецъ, цѣлыя депутаціи польскихъ конфедератовъ, искавшихъ примириться съ своимъ королемъ при посредствѣ русскаго царя, для чего и назначенъ тогда же особый съѣздъ въ польскомъ Ярославлѣ. Всѣ эти гости не мѣшали, однако, Петру дописывать воинскій уставъ, при нихъ же оконченный въ Дан-

---

[1]) Штелинъ. I, с. 46.

[2]) Голиковъ. VI, с. 44.

цигѣ и отсюда отправленный въ Петербургъ. Что касается Лестока, вброшеннаго случайностью въ среду сильныхъ міра сего, онъ болѣе и болѣе втягивался въ придворную жизнь, наблюдалъ и изучалъ всѣ ея пріемы, вникалъ, на сколько могъ, въ путаницу тогдашней европейской политики, присутствовалъ, 8 апрѣля, въ царской походной церкви при совершеніи русскимъ архимандритомъ бракосочетанія царевны съ герцогомъ, по случаю чего въ Данцигѣ „торжество было общее по всему городу, и отъ двора поставлены были на площади фонтаны съ виноградными винами, да быкъ превеликой жареной для раздачи народу, по россійскому обыкновенію“ [1]); наконецъ, видывалъ не одинъ разъ опыты нечеловѣческой силы Августа II-го, свертывавшаго въ трубочку по двѣ серебряныя тарелки разомъ. Въ это же время Лестокъ узналъ и часто встрѣчалъ фельдмаршала графа Шереметева, предводителя русской арміи, послѣ померанскаго похода зимовавшаго въ окрестностяхъ Данцига; познакомился съ княземъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, посломъ Петра при польскомъ дворѣ, однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей той эпохи, и подружился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ, царскимъ гофмаршаломъ, человѣкомъ вообще не изъ бойкихъ, но весьма небезполезнымъ для всѣхъ придворныхъ, потому что въ вѣдѣніи его состояла походная царская казна и всѣ путевыя расходы двора. И такъ-какъ гофмаршалъ былъ страстнымъ охотникомъ и великимъ собачникомъ, то новые друзья начали съ того, что общими силами выкрали у одного мѣстнаго магната не только цѣлую стаю борзыхъ, но и мальчишку, который велъ ее на сворахъ [2]). Такой подвигъ дружбы основывался, можетъ быть, на тайной надеждѣ друзей остаться безнаказанными, потому

---

[1]) Житіе Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, отца отечества, Катифори, переводъ съ италіянскаго, Степана Писарева. Спб. 1772 г., с. 342.

[2]) Anecd. intéres.

что царь давно и серьезно сердился на данцигскій магистратъ, упорствовавшій въ неисполненіи нѣкоторыхъ условій, предложенныхъ городу его царскимъ величествомъ. Но обворованный магнатъ поклялся открыть похитителей, рачительно сберегавшихъ добычу въ царскомъ обозѣ и, какъ увидимъ, исполнилъ клятву.

Изъ Данцига, гдѣ кругъ собратій Лестока добавился поступленіемъ въ русскую службу извѣстнаго врача-путешественника Даніила-Готлиба Мессершмита [1]), ихъ величества, чрезъ Штетинъ, Шверинъ и Альтону, поѣхали на родину Лестока, въ Ганноверъ. Во время этого переѣзда молодой хирургъ имѣлъ случай посмотрѣть вблизи на королей прусскаго и датскаго, назначавшихъ Петру свиданія въ Штетинѣ и Альтонѣ, а въ Гамбургѣ пріобрѣлъ еще новаго товарища по службѣ, фон-дер-Недена, принятаго царемъ въ „надворные медикусы“ [2]).

Въ Ганноверѣ, Лестокъ нашелъ важную перемѣну: бывшій государь его, курфюрстъ ганноверскій, уже другой годъ царствовалъ въ Англіи, подъ именемъ Георга I-го, а въ курфюршескомъ замкѣ Геригаузенѣ Петра и Екатерину встрѣтилъ и принималъ внукъ его британскаго величества, окруженный тѣмъ самымъ дворомъ, который нѣкогда поражалъ Лестока величіемъ и блескомъ, а теперь тому же самому Лестоку казался не болѣе, какъ миніатюрою двора. Послѣ однодневнаго пребыванія въ Герngаузенѣ, ихъ царскія величества пріѣхали 26-го мая на пирмонтскія воды и пользовались ими около трехъ недѣль. Здѣсь, по самой цѣли поѣздки, придворные медицинскіе чиновники должны были значить болѣе, нежели гдѣ нибудь, и Лестокъ, безъ всякаго сомнѣнія, употреблялся по крайней-мѣрѣ, какъ консультантъ Арескина и Паликалы, лейбъ-медиковъ его и ея величествъ. Легко можетъ

---

[1]) Ист. медиц. въ Россіи. III, с. 151.

[2]) Тамъ же, с. 156.

быть, что именно здѣсь началась и привычка Екатерины къ Лестоку, обратившаяся потомъ въ видимое и неизмѣняемое благоволеніе.

Послѣ двадцати-дневнаго пребыванія на водахъ, законченнаго великолѣпнымъ обѣдомъ у графа Дерлитта, ихъ величества 15-го іюня выѣхали изъ Ганновера, а 19-го возвратились въ Шверинъ. Три дня спустя, государь уѣхалъ въ Ростокъ, а государыня осталась на нѣсколько дней въ Шверинѣ, гдѣ находилась и штабъ-квартира фельдмаршала Шереметева, уже прибывшаго сюда съ своею, арміею. Въ эти нѣсколько дней дружба Лестока съ Шепелевымъ укрѣпилась новымъ подвигомъ, въ родѣ стараго, данцигскаго: друзья, дѣйствуя опять заодно, счастливо украли лучшую собаку изъ охоты самого фельдмаршала. Но на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ огласки, пассивнымъ виновникомъ которой былъ магнатъ, обворованный друзьями въ Данцигѣ и неустававшій слѣдовать по пятамъ арміи, въ надеждѣ открыть похитителей. Разъузнавъ, наконецъ, кто именно были похитители, разогорченный полякъ немедленно явился прямо къ фельдмаршалу, и принесъ ему жалобу. Но на бѣду, попалъ вовсе не въ пору: фельдмаршалъ, только что получившій извѣстіе о собственной пропажѣ, былъ страшно разгнѣванъ, и, полагая, что проситель пришелъ поддразнивать его высокографское сіятельство, отколотилъ несчастнаго палками и выгналъ его вонъ. Узнавъ же, вслѣдъ затѣмъ, у кого находилась его любимая собака, и, вмѣстѣ удостовѣрясь въ истинѣ показаній невинно-пострадавшаго поляка, графъ Шереметевъ долженъ былъ въ свою очередь искать защиты и, за отсутствіемъ государя, обратился къ государынѣ съ жалобою на Лестока и Шепелева. Но такъ какъ ея величество отвѣчала фельдмаршалу, что воровство собакъ не есть, собственно говоря, воровство и что она никогда не возьметъ на себя разбирательства въ такомъ дѣлѣ, то неизвѣстно, были ли удов-

влетворены и въ какой степени претензіи фельдмаршала и поляка на Лестока съ Шепелевымъ [1]).

Попировавъ въ Ростокѣ у герцога мекленбургскаго, Лестокъ сопровождалъ Екатерину въ Копенгагенъ, гдѣ, въ самый день торжественнаго въѣзда ея величества, былъ приглашенъ вмѣстѣ съ другими къ королевскому столу. За обѣдомъ король пилъ за здоровье ихъ величествъ изъ массивной золотой стопы, украшенной финифтью и антиками, и поднесъ эту стопу въ подарокъ Екатеринѣ [2]). Но, несмотря на такой любезный королевскій пріемъ, несмотря на присутствіе въ томъ же Копенгагенѣ цѣлаго лѣса вымпеловъ англійскаго и голландскаго флотовъ, союзныхъ Россіи—видъ, который во всякое другое время могъ бы восхитить сердце царево—Петръ въ теченіе пребыванія своего въ Копенгагенѣ, былъ постоянно не въ духѣ, а потому и бытъ состоявшаго при немъ двора не отличался особенною веселостію. Государя выводила изъ терпѣнія подозрительная медлительность датчанъ въ исполненіи альтонскаго соглашенія высадиться въ Швецію, со стороны Шоніи; и Лестоку, наряду съ другими придворными, конечно, случалось бывать при взрывахъ негодованія Петра на Фридриха, и слушивать какъ безцеремонно клеймилъ царь короля именемъ „труса, на котораго ни въ чемъ положиться не можно“ [3]). Въ самой свитѣ царя ходили неутѣшительные слухи о намѣреніяхъ союзниковъ. То говорили, что датчане укрѣпляютъ Копенгагенъ противъ самаго Петра, подозрѣваемаго ими во враждебныхъ замыс-

---

[1]) Anecd. intéres.

[2]) «Она (стопа)—говоритъ Бакмейстеръ—съ крышкою, подпирается тремя дельфинами и разцвѣчена лазурью. Цѣна сей стопы увеличивается наипаче тѣмъ, что вокругъ выкладена дорогими древними и новѣйшими каменьями славныхъ мастеровъ граненія». См. опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ Іогава Бакмейстера, переводъ Вас. Костыгова. 1779 г., с. 177.

[3]) Голиковъ. VI, с. 130.

лахъ; то толковали, что англійскій адмиралъ получилъ уже отъ короля своего Георга I-го повелѣніе аттаковать русскій флотъ, но уклонился отъ того подъ тѣмъ предлогомъ, что англійскій парламентъ, которому онъ, адмиралъ, считаетъ себя обязаннымъ повиноваться, не присылалъ еще ему подобнаго повелѣнія. Между тѣмъ, въ Зундѣ скопилось до ста купеческихъ кораблей разныхъ странъ, и ни одинъ изъ нихъ не рисковалъ пуститься въ Балтійское море, по которому тамъ и сямъ крейсировали шведскіе каперы, неуважавшіе никакихъ иноземныхъ флаговъ. Поэтому четыре союзные флота: русскій, датскій, англійскій и голландскій согласились отъ нечего дѣлать проводить купеческіе корабли подъ своимъ прикрытіемъ въ море. Но адмиралы датскій—Гульденлеве и англійскій—Норрисъ долго не могли договориться о старшинствѣ, никакъ не хотѣли подчиниться одинъ другому и согласились, наконецъ, вручить главное начальство надъ всѣми флотами Петру, „яко самодержцу". При томъ душевномъ настроеніи, какое испытывалъ тогда Петръ, предложеніе союзныхъ флотоводцевъ угодило какъ нельзя болѣе его царскому величеству. Приведенный въ восторгъ сдѣланной ему честію [1]), въ самомъ дѣлѣ безпримѣрною въ исторіи, государь 5-го августа въ 11 часовъ утра, торжественно поднялъ свой штандартъ на грот-стенгѣ корабля Ингерманландъ и тотчасъ же былъ салютованъ пушечными выстрѣлами со всѣхъ флотовъ, численность которыхъ, вмѣстѣ съ торговыми, простиралась почти до двухсотъ кораблей, не считая множества русскихъ галеръ [2]). Налюбовавшись зрѣлищемъ такого

[1]) «Въ то время объявилъ его величество самоустно, что никогда онъ такъ удовольствованъ ничѣмъ въ жизни своей не былъ, какъ симъ, что увидѣлъ себя главнымъ властителемъ среди самаго моря надъ такимъ великимъ флотомъ, составленнымъ изъ четырехъ благороднѣйшихъ народовъ». Житіе Петра Великаго, с. 347.

[2]) Военныхъ кораблей: русскихъ—26, датскихъ—19, англійскихъ—19, голландскихъ—25 и купеческихъ больше ста. Голиковъ. VI, с. 135.

чествованія, дѣйствительно великолѣпнымъ, государыня и дворъ ея присоединились къ флотамъ, которые того же 5-го августа, поведены государемъ къ острову Борнгольму. На другой день плаванія, Лестокъ еще разъ насладился пальбою со всѣхъ кораблей, по случаю полученнаго извѣстія о побѣдѣ цесарцевъ надъ турками, а на третій, въ свитѣ государыни, возвратился за ея величествомъ въ Копенгагенъ. Сюда же, двѣ недѣли спустя, пріѣхалъ и государь. Борнгольмская экспедиція, удовлетворившая, можетъ быть, честолюбію Петра, не принесла союзникамъ никакой существенной пользы, ограничилась однимъ трехдневнымъ штурмомъ, но увѣковѣчилась медалью, одинъ экземпляръ который получилъ и Лестокъ, какъ чиновникъ царской свиты [1]).

Отправивъ въ самый день прибытія своего въ Копенгагенъ кабинетъ-курьера въ Россію за царевичемъ, съ повелѣніемъ его высочеству явиться въ теченіе осмидневнаго срока, Петръ, по обыкновенію, занялся посѣщеніемъ всевозможныхъ городскихъ заведеній, что, вмѣстѣ съ безплодными рекогносцировками шонійскаго берега и смотрами русскихъ дворянъ, слѣдовавшихъ чрезъ Копенгагенъ въ заграничную науку, продолжалось еще полтора мѣсяца. Между тѣмъ, наступила осень, высадка въ Шонію отложилась до будущаго лѣта и государю нечего было дѣлать въ Копенгагенѣ. Послѣ великолѣпнаго маскарада, устроеннаго королемъ, Петръ оставилъ датскую столицу, гдѣ, въ силу политическихъ обстоятельствъ, Лестокъ ни скучно ни весело прожилъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ изъ Копенгагена, не было никакихъ слуховъ о царевичѣ, хотя давнымъ-давно уже миновалъ назначенный ему осьмидневный срокъ; но за то въ царской свитѣ поговаривали о появленіи въ Гамбургѣ племянника Ма-

[1]) Эта медаль изображала: на одной сторонѣ царскій портретъ съ означеніемъ года, а на другой—Нептуна съ четырьмя флагами: на колесницѣ, везомой двумя дельфинами, и съ надписями: вверху—Владычествуетъ четырьмя, внизу—при Борнгольмѣ.

зепы, Войнаровскаго и замышляемой поимкѣ этого прославленнаго искателя приключеній, возбуждавшаго, по этому самому, особенное любопытство Лестока. Направясь снова въ Мекленбургію, ихъ величества прожили недѣлю въ Фридрихштадтѣ, проѣхали Любекъ и прибыли въ Шверинъ, откуда Петръ долженъ былъ отправиться одинъ въ Габельсбергъ, для свиданія съ прусскимъ королемъ. Проводы его царскаго величества не обошлись безъ блистательной охоты, устроенной герцогомъ мекленбургскимъ въ окрестностяхъ Нейштадта. По окончаніи габельсбергскаго свиданія, на которомъ король принималъ царя „съ крайнимъ оказательствомъ высокопочитанія“ [1]), Петръ и Екатерина съѣхались въ Гамбургѣ, гдѣ любопытство Лестока удовлетворилось: Петру дѣйствительно былъ представленъ схваченный Войнаровскій. Въ Штаде, куда ихъ величества прибыли изъ Гамбурга водою, государь и государыня снова разстались и довольно надолго: Петръ, въ сопровожденіи Головкина, Шафирова, Толстого, князя Василія Владиміровича Долгорукаго и другихъ, поскакалъ по ганноверской почтѣ на Бременъ въ Голландію, и 6-го декабря прибылъ въ Амстердамъ; а Екатерина, тогда беременная, не могла ѣхать скоро и слѣдовала туда же на Оснабрюкъ и Мюнстеръ. При ней состоялъ и Лестокъ, разлученный на этотъ разъ съ другомъ своимъ Шепелевымъ, находившимся въ свитѣ государя.

Доѣхавъ до города Везеля, въ клевскомъ округѣ Пруссіи, государыня не могла продолжать путешествія, и остановилась. Здѣсь встрѣтилъ Лестокъ новый 1717 годъ, и здѣсь же, 2-го января, ея величество разрѣшилась отъ бремени сыномъ, царевичемъ Павломъ, который жилъ всего одни сутки.

Такъ-какъ вслѣдствіе родовъ, не совсѣмъ благополучныхъ, здоровье государыни было весьма плохо, то, надо полагать,

---

[1]) Голиковъ VI, с. 163.

медикамъ ея величества, Паликалѣ и Лестоку, пришлось нахлопотаться въ Везелѣ вдоволь. Обоюдныя старанія ихъ, заслужившія каждому особенное расположеніе Екатерины, увѣнчались наилучшимъ успѣхомъ: 2-го февраля, ровно чрезъ мѣсяцъ по разрѣшеніи своемъ, государыня уже въѣзжала въ Амстердамъ, гдѣ, въ то же самое время, недомогалъ Петръ еще съ 27-го декабря заболѣвшій лихорадкою „съ огневицею". Но, вскорѣ по прибытіи супруги, его величество выздоровѣлъ.

Въ Амстердамѣ царь и царица пробыли вмѣстѣ больше мѣсяца. Во все это время, при ихъ величествахъ, по назначенію голландскихъ штатовъ, безотлучно находились: генералъ графъ Альбемарль, президентъ магистрата Гопъ, членъ Коштокъ и секретарь фонъ-Экъ. Ознакомившись съ этими солидными господами, Лестокъ, какъ и всѣ другіе чиновники царской свиты, не разъ хаживалъ за государемъ въ различныя мастерскія или, изъ любопытства, присутствовалъ съ его величествомъ на аукціонахъ картинъ, при чемъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ государь, занявъ мѣсто подлѣ маклера Кселя [1]), скупалъ произведенія Рубенса, Вувермана, Остада и другихъ мастеровъ фламандской школы, предпочтительно же—картины морскихъ видовъ, кисти славнаго Адама Сило, которыми, впослѣдствіи, украсился петергофскій Монплезиръ. Мы не знаемъ, сопутствовалъ ли Лестокъ ихъ величествамъ въ Саардамъ, гдѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, русскій царь плотничалъ, какъ самый простой смертный; потомъ въ Утрехтъ, гдѣ теперь Петръ едва не погибъ, поднятый водянымъ колесомъ, движеніе котораго его величество

---

[1]) Этотъ Ксель тогда же былъ приглашенъ Петромъ въ русскую службу и, вмѣстѣ съ своею женою—дочерью извѣстной путешественницы, ученой и артисткой въ живописи, г-жею Моріанъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, находился при академіи и умеръ въ глубокой старости, когда царствовала уже Елизавета. Голиковъ VI, с. 200.

рядный молодецъ" [1]), и графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, служившій при Куракинѣ, богатый баричъ и человѣкъ образованный. Съ ними-то дѣлилъ Лестокъ свой лѣтній досугъ и, разумѣется, предпочиталъ ихъ гульливый кружокъ обществу степенно-неуклюжихъ голландцевъ.

23-го іюля государыня переѣхала въ Амстердамъ, куда наканунѣ возвратился изъ своего путешествія государь, а на другой день Лестокъ сопровождалъ ихъ величества въ четырехъ дневной поѣздкѣ къ остъ-индскому флоту, стоявшему на якоряхъ въ Зюдерзее. По ратификованіи Петромъ договора съ министрами: прусскимъ—Книпгаузеномъ и французскимъ—Шатонёфомъ—о дружбѣ и торговлѣ, и по отправленіи ни съ чѣмъ англійскихъ пословъ Норриса и Виттворта, ихъ величества, 22-го августа, выѣхали, гаарлемскимъ каналомъ, изъ Амстердама въ Торгау, слѣдовали отсюда сухопутно въ Нимвегенъ и Клевъ, а 31-го августа прибыли въ Везель, памятный и Екатеринѣ и Лестоку. Здѣсь государь взялъ почтовыхъ и отправился впередъ, въ Берлинъ, куда и пріѣхалъ 8-го сентября, двумя днями раньше государыни. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I-й устроилъ въ честь августѣйшихъ гостей великолѣпный балъ въ Шенгаузенѣ, на который пригласилъ и всю русскую свиту. 14-го сентября, выѣхалъ изъ Берлина государь, а нѣсколькими днями позже и государыня. Отъ Данцига до Мемеля ихъ величества ѣхали водою, а потомъ слѣдовали сухопутно въ Курляндію. Не доѣзжая Митавы, государь опять уѣхалъ впередъ и только въ Нарвѣ дождался, 7-го октября, государыню. 10-го октября ихъ величества прибыли въ Петербургъ, котораго и Лестокъ не видалъ уже почти два года.

Возвратившись въ новое отечество свое съ новою опытностію, новыми связями и новымъ благоволеніемъ государыни, Лестокъ зажилъ въ Петербургѣ по старому. *Веселый нравъ*

---

[1]) Словарь Бант.-Кам. 1836 г. I, с. 67.

продолжалъ быть господствующею его чертою и главнымъ двигателемъ дѣяній молодаго хирурга въ сферѣ придворной жизни. Но, на бѣду Лестока, время тогда выдавалось вовсе невеселое. Дѣло царевича, отысканнаго и привезеннаго въ Россію Толстымъ и Румянцевымъ, слѣдовалось съ неутомимою строгостію; допросы ближнихъ и дальнихъ сообщниковъ его высочества привлекали въ пыточные застѣнки сотни лицъ; десятки головъ валились въ Москвѣ и Петербургѣ; десятки людей умирали въ обѣихъ столицахъ на колахъ и колесахъ. Государь былъ пасмуренъ и грозенъ, шутки съ нимъ становились страшны. Въ эту самую пору, царскій шутъ Лакоста [1]), тогда графъ и владѣлецъ безлюднаго острова Соммерса—одного изъ срединныхъ Финскаго Залива, а впослѣдствіи самоѣдскій король въ Петербургѣ, пожаловался, говорятъ, на Лестока, возмущавшаго, будто-бы, семейное счастіе доморощеннаго графа преступными связями нетолько съ женою, но и съ четырьмя дочерьми его, Лакосты [2]).

Трудно провѣрить теперь справедливость такого обвиненія, даже самый фактъ его. Бюшингъ оправдываетъ Лестока, лично знакомаго ему много лѣтъ спустя, и считаетъ его оклеветаннымъ [3]). Гельбигъ, упоминая о какой-то жалобѣ одного изъ придворныхъ на Лестока, полагаетъ и другую, неизвѣстную причину царскаго гнѣва на хирурга [4]). Мы готовы согласиться съ существованіемъ такой причины, потому что дѣйствительно, Петръ, „толико впрочемъ строгій государь,

---

[1]) Происходилъ изъ португальскихъ жидовъ, зналъ превосходно священное писаніе и въ богословскихъ спорахъ одерживалъ верхъ надъ Петромъ; имѣлъ привилегію получать съ государя по 100,000 рублей за каждый разъ, въ который бы его величество забылъ выпить здоровье семьи Ивана Михайловича, то есть русскаго флота, чего, разумѣется, никогда не случалось.

[2]) Anecd. intéres.

[3]) Magazin. II, c. 435.

[4]) Russ. Günst.

былъ наиснисходительный къ слабостямъ человѣческимъ, паче же относительнымъ до плотскихъ грѣховъ“ [1]).

Какъ бы то ни было, Лестокъ, подъ предлогомъ изысканія и осмотра марціальныхъ водъ, высланъ изъ Петербурга въ Казань [2]). Это случилось въ 1718-мъ году, когда новооткрытыя олонецкія воды плѣнили Петра, вошли въ моду и вызывали на разъискиваніе цѣлебныхъ ключей во всей Россіи.

Можно себѣ представить, какъ непріятно должна была подѣйствовать такая неожиданность на молодаго хирурга, уже достаточно привыкнувшаго къ веселой придворной жизни. Ему, только что возвратившемуся изъ путешествія по Европѣ, соединеннаго со всѣми удобствами и рядомъ удовольствій, предстояло теперь другое путешествіе, въ какую-то азіатскую сторону, невѣдомую европейцамъ и хорошо извѣстную однимъ шведскимъ плѣнникамъ—путешествіе, за которымъ его ждала глухая, безцвѣтная жизнь, Богъ-вѣсть, среди какого народа. Всѣ планы Лестока, широко задуманные еще до пріѣзда въ Россію, и всѣ мечты, взлелѣянныя уже въ самой Россіи, одинаково осуждались разрушиться и исчезнуть. Такъ, по крайней-мѣрѣ, должно было казаться и, вѣроятно, казалось самому Лестоку, когда его привезли въ Казань, мѣсто недавняго заточенія извѣстнаго Крюйса и неменѣе извѣстнаго Александра Кикина, сообщника царевича.

Но Казань временъ Петра немногимъ чѣмъ уступала тогдашнему Петербургу; а внѣшній видъ ея едва-ли даже не былъ лучше петербургскаго. Лестокъ насчиталъ въ Казани тѣ же полтора-два десятка каменныхъ домовъ [3]), какъ и въ Петербургѣ, но за то увидѣлъ собственными глазами 13 мо-

[1]) Духъ Петра-Великаго, императора всероссійскаго. Изд. Ос. Бѣляева. Спб. 1798 г., с. 233.

[2]) Кажется одинъ только Спада отвергаетъ фактъ этой ссылки въ своихъ Ephémérides Russes politiques, historiques et nècrologiques. 1816 г. Т. II, с. 664.

[3]) Опытъ казанской исторіи, Петра Рычкова, Спб. 1767 г., с. 183.

настырей, 32 церкви и каменный гостинный дворъ[1]), чего въ Петербургѣ онъ никогда не видывалъ. Не было, конечно, въ Казани того, что Лестокъ невознаградимо терялъ съ Петербургомъ, то-есть царскаго двора; но было неизбѣжное адмиралтейство, существовала порядочная суконная фабрика, имѣлась батальонная школа, гдѣ обучали и геометріи, и фортификаціи, и флейтовой музыкѣ[2]). Затѣмъ, въ Казани, невѣдомой до сихъ поръ Лестоку и, потому только, устрашавшей его издали, оказывалось до 50 чиновниковъ—губернской и гарнизонной канцелярій, надворнаго суда, камерирской, крѣпостной и кабацкой конторъ, магистрата, таможни, конской избы—совершенно сходныхъ съ чиновниками петербургскими; торговало болѣе двухъ тысячъ купцовъ[3]), изъ которыхъ иные, напримѣръ, Микляевъ, потягались бы мошною съ любыми петербургскими; жило множество плѣнныхъ шведовъ, людей, потому времени, весьма образованныхъ; наконецъ, стояло три пѣхотныхъ полка[4]) и одинъ драгунскій. Однимъ словомъ, Лестокъ нашелъ Казань городомъ, организованнымъ на европейскій маперъ и, скрѣпя сердце, покорился своей участи.

Но и эта участь, благодаря тогдашнему недостатку въ Россіи докторовъ, оказалась, въ свою очередь, не совсѣмъ горькою: отъ вице-губернатора, почтеннаго старца Нефеда Алферьевича Кудрявцова, и начальника суконной фабрики, подполковника Грузинцова, первыхъ лицъ въ городѣ, до послѣдняго татарина, все казанское народонаселеніе нуждалось въ Лестокѣ, искусство котораго скоро снискало ему общее благорасположеніе горожанъ. Прибытіе въ Казань новаго гу-

---

[1]) Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства и проч. Сочиненіе оберъ-секретаря Ивана Кирилова въ 1727 г. Изд. 1831 г. Москва. Ч. II, с. 11.

[2]) Истор. гор. Казани, М. Рыбушкина. Казань. 1834 г. Ч. I, с. 110.

[3]) Цвѣтущ. сост., с. 11.

[4]) Тамъ же, с. 16.

бернатора, ближняго боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, всенародно присягавшаго въ соборной церкви 11-го октября 1719 года, едва-ли пошатнуло относительное благополучіе Лестока, хотя Салтыкову, вслѣдъ за прибытіемъ его на губернаторство, писано государемъ, изъ Петербурга, о содержаніи „присланнаго, для осмотра и разысканія марціальныхъ водъ, лекаря Лестока покрепче" [1]). Мы говоримъ „едва-ли", потому что казанскій климатъ, вообще суровый и перемѣнчивый [2]), развивалъ мѣстныя болѣзни совершенно независимо отъ того, крѣпко или некрѣпко будетъ содержаться Лестокъ. Слѣдовательно, казанцы, вдыхавшіе при весеннихъ разливахъ вредную сырость, а лѣтомъ—водянисто-удушливыя испаренія нескоро высыхавшихъ мѣстъ, и потому подверженные различнымъ недугамъ, всегда одинаково нуждались въ медицинской помощи. И Лестоку, собственно хирургу, оставалось, благословясь, сокрушать силу простудныхъ болѣзней, упорныхъ лихорадокъ и цынготныхъ худосочій, бичей Казани [3]). Удачно подвизаясь на этомъ импровизированномъ поприщѣ, Лестокъ пріобрѣталъ себѣ недурные гонораріи и, мало-по-малу, привыкъ къ городу, сжился съ казанцами, полюбилъ романическую Суюмбекину башню, узналъ отъ правовѣрныхъ, что подъ нею, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, сокрытъ благочестивѣйшій мухамеданинъ, изъ черепа котораго бьетъ тайницкій ключъ [4]), подсмѣивался съ шведскими офицерами надъ другимъ татарскимъ преданіемъ, о царевнѣ Гортандѣ, злой волшебницѣ, со дня взятія Казани сидящей, будто-бы, на днѣ Кабанъ-озера и губящей русскихъ пловцовъ [5]); посѣщалъ, весною, татарское празднество сабанъ, и, въ заключеніе, былъ любимъ

---

[1]) Это письмо отъ 4-го января 1720 г. Голик. VIII, с. 374.

[2]) Казанская исторія, Никол. Баженова. Казань. 1847 г. Ч. III, с. 29.

[3]) Тамъ же, с. 30.

[4]) Казан. истор. Ч. III, с. 24.

[5]) Тамъ же, с. 25.

и уважаемъ всѣми жителями города: православными, иновѣрными и правовѣрными [1]).

Такъ наступилъ 1722 годъ, достопамятный въ лѣтописяхъ Казани. 27-го мая этого года, къ берегу, въ пяти верстахъ отъ города, причалила съ Волги цѣлая флотилія, состоявшая изъ одного струга и множества островскихъ лодокъ. То былъ самъ Петръ, уже императоръ [2]), отправлявшійся воевать въ Персію и конвоируемый двумя гвардейскими батальонами, преображенскимъ и семеновскимъ. Въ тотъ же день, государь прибылъ въ Казань и сталъ въ небольшомъ каменномъ зданіи, подлѣ нынѣшняго петропавловскаго собора. На другое утро, его величество, въ сопровожденіи престарѣлаго митрополита Тихона, посѣтилъ церкви и монастыри города, а 30-го мая праздновалъ тутъ же день своего рожденія, счетомъ пятидесятый. Казань тогда ликовала. Исконный богачъ Строгоновъ угощалъ, съ дозволенія государя, на свое иждивеніе, войско и народъ; а Михляевъ, богачъ разживавшійся, тутъ же далъ обѣтъ соорудить петропавловскій соборъ [3]). Наконецъ, 8-го іюня, колокольный звонъ возвѣстилъ Казани отбытіе государя—и заговорили казанцы, и до сихъ поръ вспоминаютъ они объ этихъ нѣсколькихъ дняхъ пребыванія Петра въ ихъ городѣ. Сохранилось, напримѣръ, преданіе о заводчикѣ Михляевѣ, явившемся къ Петру въ такое время, когда государь не велѣлъ никого къ себѣ впускать, едва непобитомъ за то самимъ императоромъ и, все-таки, предложившемъ его величеству, нуждавшемуся тогда въ деньгахъ для войны, два блюда съ золотыми рублями и чашку жемчуга [4]). Но не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, вспом-

---

[1]) Helbig.

[2]) Этотъ титулъ, соединенный съ проименованіями: «отецъ отечества« и «великій», предложенъ, какъ извѣстно, Петру государственными чинами 22-го октября 1721 г.

[3]) Каз. ист., с. 57.

[4]) Ист. гор. Каз., Рыбушкина. I, с. 95.

нилъ-ли, даже видѣлъ ли Петръ въ Казани бывшаго хирурга царскаго двора, Лестока.

Прошло еще два года съ половиною—и не стало Петра. Тогда только Лестокъ убѣдился, что не былъ забытъ окончательно: воцарившаяся Екатерина незамедлила призвать къ своему двору своего везельскаго врача.

Лестокъ оставилъ Казань. Одновременно съ нимъ возвращался изъ казанскихъ же деревень въ столицу и другой участникъ высочайшаго путешествія въ Голландію, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, сосланный по дѣлу царевича, въ одинъ и тотъ же годъ съ Лестокомъ. Въѣзжая, послѣ семилѣтняго отсутствія, въ Петербургъ, изгнанники едва узнавали городъ: берега Мьи и Фонтанки сплошь окаймились домами; нынѣшнія Конюшенныя украсились каменными зданіями; на Васильевскомъ островѣ воздвиглись каменный дворецъ царицы Прасковьи Θедоровны [1]) и каменная биржа; Выборгская сторона щеголяла каменными госпиталями, а уголъ Мильонной къ Царицыну Лугу—такою же казенною аптекою; Охта заселилась; Галерная гавань отстроилась. Столица Петра, при жизни своего основателя, росла, дѣйствительно, не по днямъ, а по часамъ и теперь величалась уже учрежденными въ ней коллегіями, сунодомъ, полиціею, освѣщалась по вечерамъ фонарями [2]), имѣла даже деревянный оперный домъ.

Составъ двора и знати измѣнился въ семь лѣтъ не менѣе самой столицы. Ново было Лестоку признать въ Екатеринѣ, нѣкогда первой подданной Петра, единственную и неограниченную теперь самодержицу Петровой Россіи, а цесаревенъ, дочерей государыни, извѣстныхъ ему дѣтьми, увидѣть совершенными, вполнѣ разцвѣтшими красавицами. Точно такъ

---

[1]) На мѣстѣ нынѣшней академіи художествъ.

[2]) Первые фонари явились на петербургскихъ улицахъ въ 1723 г. См. Панор. Петерб. II, с. 138.

же не привыкъ Лестокъ ни къ почету, окружавшему при русскомъ дворѣ герцога голштинскаго, нареченнаго жениха старшей цесаревны, ни къ постоянному присутствію при томъ же дворѣ двухъ принцевъ гессенъ-гомбургскихъ, капитановъ русской гвардіи, личностей до того небывалыхъ, и страннымъ казалось ему безпрестанно сталкиваться во дворцѣ съ семьями Скавронскихъ, Ефимовскихъ, Гендриковыхъ, родственныхъ императрицѣ, но сохранившихъ слишкомъ еще свѣжіе слѣды недавняго превращенія изъ ливонскихъ поселянъ въ россійскіе графы и вельможи. Наконецъ находя во всей силѣ могущества того самаго князя Меншикова, котораго оставлялъ въ обстоятельствахъ весьма тонкихъ [1]), Лестокъ и вовсе не нашелъ старой царицы Прасковьи Өедоровны, младенца царевича Петра Петровича, знаменитаго князя Якова Өедоровича Долгорукаго, генерала Вейде, князя папы Бутурлина и другихъ, похищенныхъ смертію. Между послѣдними былъ и прежній начальникъ Лестока, умный Арескинъ, архіатерское мѣсто котораго занималъ уже Іоганъ-Деодатъ Блументростъ, начальствовавшій не аптекарскою, а медицинскою канцеляріею [2]).

Милость императрицы къ бывшему изгнаннику не ограничилась однимъ возвращеніемъ его изъ ссылки: Лестокъ наименованъ былъ лейбъ-хирургомъ ея величества и назначенъ состоять при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это новое званіе опредѣляло Лестоку—по штатнымъ вѣдомостямъ 1723 г. [3])—600 рублей ежегоднаго содержанія—сумму, въ то время, довольно круглую. Еслиже прибавить къ ней достаточно увѣсистыя воспоминанія, оставленныя въ карманахъ Лестока казанскою его практикою – что утверждаетъ поло-

---

[1]) Въ 1717 и 1718 годахъ открылись многія злоупотребленія кн. Меншикова, для изслѣдованія которыхъ было тогда же наряжаемо нѣсколько комиссій, и самъ князь состоялъ подъ гнѣвомъ государя.

[2]) Называлась такъ съ 1725 г.

[3]) Ист. мед. въ Рос. III, с. 38.

жительно и правдивый Гельбигъ — то, должно согласиться, денежная сторона широкихъ плановъ авантюриста изъ Целле была уже на половину обработана. Остальное зависѣло, разумѣется, отъ обстоятельствъ. И Лестокъ, вновь одушевленный надеждами, весело ждалъ свадьбы царевны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ — событія, къ которому изъ-подъ траура приготовлялись и дворъ и городъ.

21-го мая 1725 года, налюбовавшись зрѣлищемъ августѣйшаго бракосочетанія, при которомъ царевна Елизавета отправляла должность ближней дѣвицы со стороны невѣсты, Лестокъ, облеченный въ „цвѣтное платье", пировалъ съ четырьмястами знатныхъ особъ „въ салѣ (залѣ), преізряднымъ художествомъ созданный" [1]); гулялъ, на другой день, „въ огородѣ ея величества", то-есть въ лѣтнемъ саду — „куда впущены были і подлые разныхъ чиновъ люди" [2]); а на третій—былъ со всѣми въ домѣ новобрачнаго герцога, гдѣ „отъ страны его королевскаго высочества, со всякою подобающею магніфіценціею, чрезъ довольное время отправилось трактованіе" [3]). Затѣмъ Лестокъ зажилъ снова обычною придворною жизнью, которая однакоже, съ исчезновеніемъ магической дубинки Петра, утратила много своей экспрессіи. Кодексъ этой жизни, при дворѣ Екатерины I, заключался въ страхѣ и трепетѣ предъ могуществомъ князя Меншикова; въ поклоненіи фаворѣ графовъ Сапеги и Левенвольде; въ пріисканіи и соблюденіи связей съ чинами свиты герцога голштинскаго; въ перешептываніяхъ того, о чемъ трактовалось въ новоучрежденномъ верховномъ тайномъ со-

---

[1]) См. въ XIII т. «Древн. Рос. Вивліоѳики». Изд. 2. «Описаніе брака между царевною Анною Петровною и Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, въ 1725 г. мая 21-го дня совершившагося».

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

вѣтѣ; наконецъ, въ присутствованіи на балахъ, смѣнившихъ уже петровскія ассамблеи.

Во всемъ этомъ не было для Лестока ничего затруднительнаго. Даже значеніе Меншикова, пригнетавшаго всякое другое значеніе, не могло враждебно касаться незначительнаго лейбъ-хирурга. И Лестокъ безмятежно состоялъ при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, поворовывая для ея высочества дыни изъ Лѣтняго Сада, за что всегда бывалъ преслѣдуемъ по пятамъ вѣрнымъ стражемъ, садовникомъ изъ шведовъ, но всегда же проворно и благополучно ускользалъ съ поличнымъ, забрасываемый, въ догонку, грязью [1]). Подобныя услуги и и пріятность въ обхожденіи вообще—скоро пріобрѣли лейбъ-хирургу милостивое расположеніе цесаревны. Ея высочество любила слушать неистощимую болтовню весельчака Лестока и нечувствительно привыкла довѣрять заключеніямъ его о людяхъ и вещахъ, основаннымъ, впрочемъ, на здравомъ разсудкѣ и порядочной опытности. И, конечно, не разъ слѣдовалъ Лестокъ за цесаревною въ тѣ самые послѣобѣденные кружки императрицы, гдѣ ея величество, находясь въ обществѣ ближайшихъ придворныхъ, оставляла весь этикетъ и, легонько ударяя по карманамъ присутствовавшихъ, ласково требовала съ каждаго конфетку [2]). Подвергаясь той же дани наряду со всѣми, Лестокъ, разумѣется, поспѣшалъ выплачивать свою долю съ самою любезною готовностью.

Царствованіе Екатерины I не было продолжительно. Чрезъ два съ небольшимъ года по восшествіи своемъ на престолъ, императрица скончалась въ тотъ самый день, когда старецъ Толстой, участникъ стрѣлецкихъ бунтовъ и ретивый сподвижникъ Петра, отправлялся Меншиковымъ въ соловецкую ссылку, а Девіеръ и Скорняковъ-Писаревъ, старинные знакомцы Лестока, испытывали собственными спинами, чтò зна-

---

[1]) Anécd. intéres.

[2]) Helbig.

чить неуважать князя Меншикова: бѣдняковъ били кнутомъ. Менѣе нежели мѣсяцъ спустя, умеръ, въ Петербургѣ же, и „его любовь“ [1]), герцогъ шлезвигъ-голштинскій Карлъ-Августъ, епископъ любскій, нарѣченный женихъ цесаревны Елизаветы Петровны, искренно и долго оплакиваемый ея высочествомъ.

Престолъ великаго Петра наслѣдовалъ сынъ несчастнаго царевича, Петръ II Алексѣевичъ. Меншиковъ властвовалъ именемъ отрока-императора, удалилъ изъ Россіи герцогиню голштинскую, Анну Петровну съ ея супругомъ, выпроводилъ на почетныя службы внѣ Петербурга всѣхъ, сколько нибудь мѣшавшихъ ему господъ и, на свободѣ, обручилъ самого императора съ своею собственною дочерью, княжною Маріею. Все приникло предъ гордымъ временщикомъ. Никогда еще значеніе русскаго вельможи не возрастало до такихъ размѣровъ. У лейбъ-хирурга цесаревны кружилась голова, когда онъ заглядывался на высоту, которой достигнулъ князь Ижорскій. И мало ли что, можетъ быть, тогда уже мелькало въ мысляхъ предпріимчиваго авантюриста, взбаламученныхъ созерцаніемъ ослѣпительнаго богатства и великолѣпія, которыми окружался императорскій quasi-тесть. Но Меншиковъ палъ. Лестокъ видѣлъ пышный выѣздъ князя изъ Петербурга; слышалъ, потомъ, что князя услали въ какой-то Березовъ; пересталъ, наконецъ, слышать что нибудь объ этомъ князѣ: и, все-таки, ни малѣйше не намоталъ себѣ на усъ такой назидательный урокъ.

Между тѣмъ, дворъ, освобожденный отъ подавляющаго вліянія Меншикова, представлялъ странную неурядицу. „Новые временщики — писалъ тогда къ пріятелю современникъ-придворный — привели великую конфузію, такъ что мы съ опасеніемъ бываемъ при дворѣ. Всякій всякаго боится, а

[1]) Такъ титулуется герцогъ въ завѣщаніи императрицы Екатерины I.

крѣпкой надежды ни на кого нѣтъ“ [1]).—Не знаемъ, не раздѣлялъ ли тѣ же чувства страха и Лестокъ, состоявшій при цесаревнѣ, къ которой именно въ это время юный императоръ возчувствовалъ такую сильную привязанность, что началъ быстро возвышать приближенныхъ своей августѣйшей тётки. Такъ, напримѣръ, Бутурлинъ, первѣйшій любимецъ и камергеръ ея высочества, менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца получилъ двѣ нешуточныя награды: александровскую ленту и, потомъ, генералъ-майорскій чинъ. Въ угоду императору, и князья Голицыны, соперники князей Долгорукихъ, составлявшіе сильную дворскую партію, раболѣпствовали предъ цесаревною, ласкали чиновниковъ ея штата, слѣдовательно, и Лестока.

Въ такомъ положеніи была „конфузія“, когда наступило время коронаціи, умышленно отлагавшейся уничтоженнымъ Меншиковымъ. — Императорскій дворъ отправился въ Москву; за нимъ выѣхалъ туда же и дворъ цесаревны. Къ послѣднему, не считая Бутурлина и Лестока, принадлежали: гофмейстеръ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ; гофмейстерина Салтыкова, вышедшая впослѣдствіи за фельдмаршала Миниха [2]); фрейлины Аграфена Васильевна Салтыкова, и старшая дочь того же Миниха, Софья [3]), наконецъ, нѣсколько кавалеровъ изъ фамилій Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ.

Въ Москвѣ, Лестокъ впервые увидѣлъ развѣнчанную царицу Евдокію Ѳедоровну Лопухину, тоже назидательный примѣръ павшаго величія [4]), а потомъ, впервые же, и об-

[1]) См. царствованіе Петра II. Арсеньева, с. 132.

[2]) Записки Миниха-сына.

[3]) Вышла впослѣдствіи за полковника, барона Мальцана.

[4]) Развѣнчанная царица жила въ вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ; ей назначено по 60,000 рублей ежегоднаго содержанія, многіе изъ экипажей и цуговъ, отписанныхъ у кн. Меншикова, наконецъ особый штатъ со всѣми придворными чинами.

рядъ вѣнчанія на царство, невиданный еще на Руси лейбъ-хирургомъ.

Коронація сопровождалась обычными торжествами, а торжества — необычайнымъ преобладаніемъ Долгорукихъ, которые, одолѣвъ Голицыныхъ, замѣнили смущавшую ихъ современниковъ „конфузію" собственнымъ, непрошеннымъ вліяніемъ. Чтобы сохранить это вліяніе, Долгорукимъ хотѣлось удалить цесаревну. Они стали прочить ея высочество въ замужество за Морица саксонскаго, побочнаго сына польскаго короля Августа II. Но плутни не удались. За то и въ это же самое время—цесаревна „своимъ легкомысліемъ разрушила сама свою силу и навсегда лишилась уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви императора" [1]). — Конечно, безъ Долгорукихъ не было бы и этого: „они подсмотрѣли слабости цесаревны и успѣли очернить ее въ глазахъ Петра до того, что императоръ началъ публично показывать ей свое отвращеніе и непріязнь къ ней" [2]), отвергъ предложеніе новаго жениха Елизаветы, маркграфа Бранденбургъ-Байретскаго, и отправилъ Бутурлина командовать полками въ Украйнѣ.—Лестокъ, въ самомъ дѣлѣ преданный цесаревнѣ, конечно, принималъ къ сердцу эти продѣлки Долгорукихъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, лейбъ-хирургу чрезвычайно нравилось положеніе юнѣйшаго члена этой фамиліи, князя Ивана Алексѣевича, ближайшаго царскаго любимца, имѣвшаго полное право черпать изъ царской казны сколько угодно и распоряжаться почерпаемымъ совершенно безотчетно.

Дворъ продолжалъ жить въ Москвѣ. Бѣлокаменная плѣнила юнаго императора, не смотря на то, что онъ успѣлъ уже утратить здѣсь родную сестру, царевну Наталью, лучшую изъ своихъ привязанностей, „драгоцѣннѣйшій перлъ Россіи" [3]).—Оплакавъ невознаградимую потерю, его величе-

---

[1]) См. царствованіе Петра II, Арсеньева, с. 136.

[2]) Тамъ же, с. 160.

[3]) Записки Дюка де-Лиріа.

ство развлекался охотою, во всѣхъ ея родахъ и видахъ, которая и поглотила все остальное время пребыванія въ Москвѣ и, вмѣстѣ, царствованія Петра II. — Лестокъ, и самъ непокидавшій ружья до старости [1]), съ удовольствіемъ раздѣлялъ господствующій вкусъ, сопровождая цесаревну не только въ примосковныя отъѣзжія поля, но даже и въ историческую Александрову-слободу (нынче уѣздный городъ Владимірской губерніи), гдѣ, на большомъ, привольномъ лугу, ея высочество изволила тѣшиться травлею зайцевъ и напускомъ соколовъ [2]).

Наконецъ, и Долгорукіе достигали зенита своихъ желаній: императоръ обручился съ сестрою своего любимца, красавицей-княжною Екатериною Алексѣевною. Но, полтора мѣсяца спустя, въ самый день назначеннаго бракосочетанія его величества, смерть скосила новую жертву — и гофмейстеръ Остерманъ, впослѣдствіи знаменитость, рыдалъ надъ бездыханнымъ трупомъ жениха-императора, своего питомца [3]).

Послѣдовала новая „конфузія" и, на этотъ разъ, довольно мудреная: не знали, за кѣмъ быть престолу. Еслибы хотѣли въ точности исполнить завѣщаніе императрицы Екатерины I [4]), хранившееся въ одномъ изъ шкафовъ иностран-

---

[1]) Что видно въ одномъ изъ писемъ его къ Ив. Ив. Шувалову, помѣщенномъ ниже.

[2]) См. Энц. Лекс. Плюшара и вновь издаваемый Энцикл. Словарь (статья: «Александровъ»).

[3]) Императоръ Петръ II скончался въ Москвѣ въ лефортовскомъ дворцѣ, въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года.

[4]) «Ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставиться, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакожъ, мужескаго пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ, никогда россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ». См. Царствованіе Екатерины I. Арсеньева.

ной коллегіи, въ особой шкатулкѣ, ключъ отъ которой былъ у канцлера графа Головкина, то надлежало тотчасъ же послать въ Голштинію, за младенцемъ-сыномъ тогдашняго герцога, „десцендентомъ“ покойной герцогини Анны Петровны. Но все голштинское не пользовалось тогда на Руси особенною любовью и въ самомъ завѣщаніи подозрѣвалась нѣкоторыми работа князя Меньшикова съ голштинскимъ министромъ Бассевичемъ; а перспектива грудного младенца на тронѣ—никого не манила. Далѣе, по силѣ того же завѣщанія, право на престолъ принадлежало цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, „съ ея десцендентами“.

Зналъ или не зналъ лейбъ-хирургъ ея высочества о существованіи такого завѣщанія, но извѣстно, что, въ это самое время, Лестокъ краснорѣчиво убѣждалъ цесаревну явиться въ залу лефортовскаго дворца и торжественно предъявить собранному тамъ верховному тайному совѣту, располагавшему наслѣдіемъ великаго Петра, права свои на корону, казавшіяся лейбъ-хирургу ясными, какъ день [1]). Извѣстно также, что цесаревна, случившаяся на ту пору за-городомъ, поколебалась внять убѣжденіямъ своего приверженца, не рѣшилась показаться собранію государственныхъ чиновъ, даже вовсе не пріѣхала въ столицу, не полагаясь, можетъ быть, на то всеобщее сочувствіе, въ которомъ увѣрялъ ея высочество, вѣроятно, одинъ только Лестокъ. Еще извѣстнѣе, наконецъ, что всѣ недоразумѣнія верховниковъ, нераздѣльныя съ мыслію ограничить самодержавіе, разрѣшились приглашеніемъ на всероссійскій престолъ родной племянницы Петра I и дочери царя Іоанна Алексѣевича, Анны Іоанновны, давно уже вдовствовавшей герцогини курляндской, которая, охотно подписавъ предложенныя ей „кондиціи“, не замедлила благополучно прибыть изъ Митавы въ Москву.

---

[1]) Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich. Büsching. Hamburg. 1768 г. Т. II, с. 33.

Наступала иная эпоха, начиналось новое царствованіе, долженствовавшее грозно и великолѣпно наполнить собою десятилѣтній періодъ русской исторіи. И столько же времени, даже болѣе, было суждено цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ оставаться въ тѣни, а Іоганну-Герману Лестоку, съ обманутыми но живыми надеждами, пребывать въ прежнемъ ничтожествѣ.

Въ первые же дни новаго правленія были разорваны митавскія „кондиціи", съ уничтоженіемъ которыхъ разлетѣлись мечты объ ограниченіи самодержавія, и окончилось бытіе верховнаго тайнаго совѣта. Затѣмъ послѣдовала коронація избранной государыни, отправленная „со всякіми радостными забавы зело преславно" [1]; то-есть—состоялось множество выходовъ, аудіенцій, обѣдовъ и баловъ, сожжено нѣсколько фейерверковъ и столько же иллюминацій, совершено два-три церемоніальныхъ переѣзда, изъ кремлевскаго дворца въ головинскій и обратно, расхватано народомъ нѣсколько выставленныхъ жареныхъ быковъ съ золочеными рогами, роспито тутъ же нѣсколько фонтановъ съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, разметано толпѣ множество золотыхъ и серебряныхъ денегъ, наконецъ, эквилибристъ-персіянинъ ходилъ и плясалъ на канатѣ, протянутомъ отъ Краснаго крыльца до верха ивановской колокольни.—Долгорукихъ, распредѣленныхъ на сибирскія воеводства, при дворѣ уже не было; но за то этотъ дворъ только-что получилъ изъ Курляндіи славный гостинецъ—Эрнста-Іоганна Бирона.

Цесаревна тогда же начала чувствовать какую-то фальшивость положенія своего относительно императрицы, и на лѣто, когда ея величество переселилась съ своимъ дворомъ въ подмосковное село Измайлово, ея высочество отбыла съ своимъ штатомъ—гдѣ продолжалъ состоять и Лестокъ—въ под-

[1] См. въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ «Описаніе коронаціи ея величества императрицы и самодержицы всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 28-го апрѣля 1730 года».

московное же село Покровское, Рубцово тожъ. Такое обособленіе обоихъ дворовъ не ограничилось однимъ только лѣтомъ. Во все время высочайшаго присутствія въ Москвѣ, продолжавшагося первые два года царствованія Анны Іоанновны, приближенные цесаревны составляли свой отдѣльный кружокъ, почти пренебрегаемый придворными императрицы; а сама цесаревна, являясь въ извѣстныхъ случаяхъ къ высочайшему двору, не имѣла съ нимъ тѣсныхъ связей, и почти не разставалась съ Покровскимъ.—У москвичей до сихъ поръ ведутся преданія о тогдашнемъ здѣсь житьѣ-бытьѣ цесаревны, любившей, лѣтомъ, водить на лугу хороводы съ сѣнными дѣвушками, распѣвая съ ними пѣсни [1]), или собственноручно прикармливать щукъ и карповъ, по звону колокольчика всплывавшихъ на поверхность покровскаго пруда, а зимою—учреждать катанья съ горъ или, по улицамъ, въ пошевняхъ [2]).

Свидѣтель и участникъ подобныхъ удовольствій, Лестокъ, поневолѣ, мирился съ жизнію въ Покровскомъ. И, пользуясь удобствами мѣстнаго хозяйственнаго обзаведенія, представлявшаго къ услугамъ приближенныхъ ея высочества житный, скотный и даже каплунскій дворы, пруды и садки съ рыбою, приспѣшни, медоставни, пивоварни, огороды и плодовые сады, наконецъ, липовую баню [3])—лейбъ-хирургъ цесаревны не переставалъ желать лучшаго. Но до лучшаго было еще не совсѣмъ близко.

Въ первыхъ числахъ января 1732 года, императорская фамилія начала возвращаться въ Петербургъ, сиротѣвшій безъ нея болѣе четырехъ лѣтъ. Цесаревна прибыла въ отчую

---

[1]) Изъ нихъ одна, весьма извѣстная: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», приписывается даже поэтическому вдохновенію ея высочества.

[2]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Мартынова и Снегирева. Москва. 1848 г. Ч. III, с. 64.

[3]) Тамъ же. с. 60.

резиденцію въ самый крещенскій сочельникъ [1]) и заняла дворецъ свой на Царицыномъ лугу [2]). Торжественный въѣздъ императрицы послѣдовалъ 16-го января и цѣлую недѣлю послѣ того Петербургъ сіялъ по ночамъ иллюминаціями [3]).

Замкнувшись въ обществѣ немногихъ приближенныхъ, цесаревна продолжала соблюдать въ отношеніи высочайшаго двора тѣ же формальности, какими ограничивалась въ Москвѣ. Стало быть, и Лестокъ, постоянный членъ кружка цесаревны, могъ только издали наблюдать бытъ двора императрицы, не имѣлъ возможности распознавать многихъ пружинъ этого быта и съ самыми придворными Анны Іоанновны сходился вовсе не такъ близко, какъ нѣкогда съ царедворцами Петра. Конечно, и дворъ и придворные утратили съ той поры много своей оригинальности, интересной для заѣзжаго европейца: императорская фамилія перестала участвовать въ шутовскихъ уличныхъ процессіяхъ; царедворцы залечили синяки незабвенной царской трости; ни токарныхъ станковъ, ни корабельныхъ шкиперовъ, ни ассамблей съ попойками не было уже въ дворцовыхъ аппартаментахъ, гдѣ, напротивъ, поселялась азіатская роскошь, щеголявшая, на первый разъ, какою-то версальско-остзейскою чопорностію, въ силу которой мужчины одѣвались попугаями [4]) и прѣли въ громадныхъ парикахъ, а дамы, осыпанныя пудрою и облѣпленныя мушками, исчезали въ неизмѣримыхъ робронахъ. Но, все-таки, Лестокъ, поотдаленный отъ всего этого, оставался въ потерѣ, потому что совокупность личностей и дѣятельностей

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1732 года.

[2]) Почти на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ лейбъ-гвардіи павловскаго полка.

[3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1732 г.

[4]) Ни императрица, ни Биронъ не жаловали темныхъ цвѣтовъ, почти изгнанныхъ изъ придворнаго употребленія вообще. И сѣдовласые старцы-угодники являлись въ дворцовыя залы въ розовыхъ, блѣдно-зеленыхъ, желтыхъ и небесно-голубыхъ кафтанахъ.

Остермана, Миниха, Черкасскаго, Трубецкаго, братьевъ Левенвольде, Волынскаго, борцовъ тогдашней придворной арены, и кучи голодныхъ курляндцевъ, перемѣшанныхъ съ выходившими въ люди остзейцами, представляла зрѣлище, весьма любопытное. Одно, что уравнивало лейбъ-хирурга цесаревны со всѣми знаменитостями эпохи и смѣшивало его съ остальною грязью, это—личность и дѣятельность оберъ-камергера императрицы, которыми одинаково наслаждалась вся Россія. Сильный и злобный еще въ Москвѣ, Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ оказался въ Петербургѣ могущественнѣйшимъ любимцемъ и совершеннѣйшимъ чудовищемъ. По милости его графскаго сіятельства, присутствіе тайной канцеляріи не закрывалось ни днемъ, ни ночью; пыточные листы исписывались кипами; заплечные мастера работали безъ устали; безчисленныя жертвы приволакивались безчисленными разсыльщиками со всѣхъ концовъ Россіи, гибли на плахахъ, увѣчились въ кровавыхъ застѣнкахъ и въ такомъ множествѣ шли населять далекіе остроги и невѣдомыя зимовья пустынной Сибири, что бывшее кучумово царство рядомъ съ памятникомъ Ермаку, завоевателю страны, могло бы справедливо воздвигнуть другой—Бирону, истинному ея колонизатору.

Сравнивая времена преходившія съ недавно-прошедшими, Лестокъ, очевидецъ тѣхъ и другихъ, убѣждался, что Россію, просвѣщаемую Петромъ, не омрачали ужасы, подобные совершавшимся при Аннѣ, и находилъ, что громкая и страшная нѣкогда слава обоихъ Ромодановскихъ, отца съ сыномъ, должна была теперь далеко уступить кровавой и грязной славѣ одного Ушакова. Отголоски общественнаго мнѣнія, существовавшіе, конечно, и подъ гнетомъ подобной эпохи, были небезъизвѣстны лейбъ-хирургу цесаревны, которымъ, на всякій случай, принимались къ свѣдѣнію и закладывались въ основаніе надеждъ, доступныхъ исключительно душѣ авантюриста. Пользуясь, однакоже, тогдашнимъ удобствомъ пакостить другу и недругу, лейбъ-хирургъ и самъ не отказывался

изловить рыбу въ мутной водѣ. На него падаетъ подозрѣніе въ скрытной интригѣ, приготовившей внезапное несчастіе шталмейстера цесаревны, извѣстнаго Шубина, поведеніе котораго могло набросить тѣнь и на особу самой цесаревны, что вовсе не соотвѣтствовало далекимъ видамъ предусмотрительнаго Лестока. Полагаютъ, что послѣдній успѣлъ разными путями довести до свѣдѣнія всемогущаго Бирона вещи, потребовавшія разбирательства, и Шубинъ былъ безъ суда сосланъ въ Камчатку, откуда, много лѣтъ спустя, возвратился заклятымъ, хотя и неопаснымъ врагомъ Лестока [1]).

Время шло. Два раза, въ глазахъ Лестока, выгоралъ Петербургъ до того, что тысячамъ народа приходилось „на лугахъ, безъ всякаго прикрытія, со всѣмъ своимъ иждивеніемъ быть" [2]), а городу—залегать привольными пустырями; и—два раза привѣтствовалъ лейбъ-хирургъ цесаревны новыхъ русскихъ архіатеровъ: сначала безсовѣстнаго Іоганна-Христофора Ригера, потомъ добросовѣстнаго Бернгарда фонъ-Фишера [3]). Биронъ, не переставая неистовствовать, сдѣлался герцогомъ той самой Курляндіи, которая еще недавно отказывала ему въ правахъ дворянства, а Черкасскій и Левенвольды, не переставая кланяться и интриговать, украсились тѣми самыми андреевскими лентами, которыхъ одинаковымъ путемъ добивались Трубецкой и Волынскій. Съ другой стороны, побѣды счастливаго Миниха, оглашая міръ русскою славою, полагали къ ногамъ императрицы то потрясенный Данцигъ, то разоренный Крымъ; а труды неусыпнаго Остермана, подстерегая европейскую политику, очищали Россіи мѣсто въ ряду первостепенныхъ державъ. Все это перемежалось посольскими аудіенціями, кавалерственными обѣдами, побѣдными торжествами и другими безпрерывными праздно-

[1]) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Hermann. Hambourg. 1853. V. 185—186 г.

[2]) Указъ 17-го августа 1737 года. П. С. З. 1830 г. Т. IX, ст. 7333.

[3]) Ист. мед. въ Рос. Т. III, с. 246 и 270.

ваніями; шло объ руку съ манежной ѣздою, цѣльной стрѣльбою и петергофскими охотами ея величества; освѣщалось блистательными фейерверками и очаровательными иллюминаціями [1]).

Частехонько любуясь послѣдними, наряду со всѣмъ населеніемъ Петербурга, Лестокъ, въ свитѣ цесаревны, изрѣдка попадалъ и въ залы Зимняго Дворца. Это бывало въ тѣ торжественные дни, когда ея высочество дарила своимъ присутствіемъ придворный балъ. Въ такихъ случаяхъ, Лестокъ бывалъ, обыкновенно, свидѣтелемъ всеобщаго вниманія и даже удивленія, которыя привлекала къ себѣ цесаревна, красавица—въ полномъ смыслѣ слова. Преимущество въ этомъ отошеніи, всѣми оставляемое за ея высочествомъ, выразилось однажды въ весьма забавной формѣ. На придворномъ балѣ [2]), гдѣ, въ числѣ приглашенныхъ, были бухарскій, турецкій и китайскій посланники, императрица спросила послѣдняго: которую изъ дамъ, присутствующихъ въ залѣ, находитъ онъ красивѣйшею? Дипломатъ небесной имперіи уклонялся сначала отъ положительнаго указанія и отвѣчалъ, что "въ звѣздную ночь трудно рѣшить, которая звѣзда всѣхъ свѣтлѣе"; но видя, что государыня не довольствуется одною метафорою, подошелъ къ цесаревнѣ, низко поклонился ея высоче-

---

1) Иллюминаціи временъ Анны были, дѣйствительно, хороши. Вотъ какъ одну изъ нихъ, 3-го февраля 1737 года, описываетъ очевидецъ: «На валахъ адмиралтейства нѣсколько тысячъ лампъ и разнообразныхъ фонарей, симметрично расположенныхъ, горѣло разноцвѣтными огнями, изъ которыхъ составлялись различныя имена и эмблемы. Стѣны петропавловской крѣпости были залиты свѣтомъ и на нихъ полными литерами, искусно перемѣшанными съ листьями, сіяло Анна Ивановна императрица, начертанное желтыми, красными, зелеными и голубыми огнями. Безчисленныя свѣчи мелькали во всѣхъ окнахъ. Все это восхитительно отражалось въ Невѣ». См. Peter von Havens Reise in Russland, aus dem Dänischen übersetzt. Copenhagen. 1744.

2) Въ январѣ 1734 г.

ству и сказалъ: „невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше“ [1]).

Но поклоненіе, воздаваемое всѣми красотѣ цесаревны, не удовлетворяло лейбъ-хирурга, слишкомъ заинтересованнаго въ судьбѣ ея высочества. Лестоку хотѣлось бы другаго поклоненія, болѣе прочнаго и, конечно, болѣе выгоднаго для него самаго. Мысль о возвращеніи цесаревнѣ престола—по мнѣнію Лестока, у нея похищеннаго—не покидала горячей головы лейбъ-хирурга и, въ ту эпоху, далеко нечуждую вѣры огромнаго большинства въ астрологическія бредни [2]), поддерживалась, можетъ быть, извѣстнымъ предсказаніемъ Ламберти, царскосельскаго садовника [3]), утверждавшаго, что цесаревна будетъ царствовать. Сначала могли еще родиться кое-какія надежды на осуществленіе, раньше или позже, мысли лейбъ-хирурга и предсказанія садовника, потому что императрица не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ. Но когда оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде съѣздилъ въ Вѣну и, въ февралѣ 1733 года, вывезъ оттуда къ петербургскому двору молодого Антона-Ульриха, принца Брауншвейгъ-Бевернъ-Люнебургскаго, а императрица, въ маѣ того же года, поспѣшила присоединить къ православной церкви племянницу свою, лютеранку Елизавету-Екатерину-Христину [4]), дочь герцога и

---

[1]) Рус. стар. Корниловича, с. 116.

[2]) Вѣрованіе въ астрологію, гороскопы, предсказанія и проч. существовало тогда и въ Петербургѣ. Императрица Анна Іоанновна очень серьёзно присылывала за справкою у академическаго профессора Іоганна-Вольфганга Крафта: какая погода будетъ завтра или тогда-то?

[3]) Село Царское не было еще тогда городомъ, принадлежало съ 1728 г. цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ и числилось приписнымъ «къ комнатѣ» ея высочества. См. Царскосельскій лѣтописецъ, въ № 30 журнала «Благонамѣренный», за 1825 годъ.

[4]) Миропомазана 12-го мая 1733 г., въ Петербургѣ и, въ честь императрицы, наречена Анною; по отцу, Леопольдовна (у иностранцевъ Карловна, потому что отецъ, герцогъ Мекленбургскій, назывался Карлъ-Леопольдъ).

герцогини Мекленбургскихъ, намѣренія ея величества обрисовались явственно. Дворъ и городъ незамедлили сообразить и заговорить, что принцъ и принцесса—женихъ и невѣста. Стало быть, престолъ отодвигался еще далѣе отъ цесаревны и, современемъ, могъ совсѣмъ уйдти изъ глазъ ея высочества. Лейбъ-хирургъ это видѣлъ и, можетъ быть, тогда же подѣлился волновавшими его опасеніями съ нѣкоторыми приверженцами цесаревны, чѣмъ пока дѣло и кончилось. Что касается самой цесаревны, ея высочество, привыкнувъ къ своему положенію, была, повидимому, очень далека отъ притязаній на родительскую корону и, напротивъ, оказывала императрицѣ всѣ знаки должнаго почтенія, строго исполняла главнѣйшія требованія придворнаго этикета, даже, чтобы не опоздать къ какому-нибудь торжественному выходу или выѣзду, вставала, зимой, при свѣчахъ. Въ офиціальные дни, цесаревна, сопровождаемая нѣсколькими лицами своего штата, являлась къ высочайшему двору, поздравляла императрицу съ случавшимся торжествомъ, кушала съ ея величествомъ подъ балдахиномъ, посѣщала послѣобѣденный балъ или куртагъ, а вечеромъ, послѣ фейерверка и иллюминаціи, возвращалась къ себѣ. Въ домашнемъ быту, постояннымъ очевидцемъ котораго былъ Лестокъ, цесаревна менѣе всего походила на цесаревну, дочь императора. Въ бѣлой матерчатой кофтѣ и темно-гризетовой юбкѣ, ея высочество просто и незатѣйливо дѣлила время съ Воронцовымъ, Шуваловыми, Скавронскими, Гендриковыми и другими кавалерами своего двора, смѣялась анекдотамъ своего лейбъ-хирурга и одинаково благоволила къ искусству казака Разумовскаго—играть на бандурѣ, кофешенка Сиверса—приготовлять кофе. Доходы цесаревны были невелики, а вліяніе—ограничивалось сухимъ почтеніемъ къ ней Бирона, да безплодно-низкими поклонами придворныхъ, одинаково изгибавшихся и предъ дочерью Петра, и предъ курляндскимъ пришлецомъ. Но народъ, по какому-то инстинкту, не былъ равнодушенъ къ цесаревнѣ;

а гвардія очень любила прямую отрасль своего учредителя. На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, очень хорошо извѣстномъ не одному Лестоку, основывались главнѣйшія надежды и покоились любимѣйшія мечты лейбъ-хирурга.

Но, независимо отъ надеждъ и мечтаній, всегда радужныхъ, положеніе самого лейбъ-хирурга съ нѣкотораго времени не могло назваться завиднымъ: судьба, иногда справедливая, насылала мстителя за честь многихъ мужей, обязанныхъ Лестоку рогами. Этотъ мститель предсталъ лейбъ-хирургу цесаревны въ лицѣ барона Курта-Александра Шемберга, польскаго камергера и саксонскаго оберъ-берггауптмана, приглашеннаго въ 1736 году въ Россію, съ назначеніемъ генералъ-бергъ-директоромъ [1]). Прекрасный мужчина и человѣкъ образованный, свѣтскій, баронъ Шембергъ — отвергнувшій, какъ говорила молва, лестныя предложенія одной высокой особы — увлекся, къ общему удивленію, прелестями Алиды Лестокъ, рожденной Миллеръ, второй жены нашего героя, нѣмки низкаго происхожденія, некрасивой, неопрятной и любившей выпить [2]). Нѣжная страсть изящно-благороднаго барона нашла, разумѣется, полное сочувствіе въ неказистомъ предметѣ обожанія [3])—и Лестоку пришлось тяжело осушать ту же самую чашу, которую онъ такъ легко и часто подна-шивалъ мужьямъ. Лейбъ-хирургъ возненавидѣлъ генералъ-бергъ-директора, но дѣлать было нечего.

Между тѣмъ, десятилѣтнее владычествованіе императрицы Анны, нераздѣльное съ чудовищною тираніею герцога Бирона, близилось къ концу. Въ Петербургѣ, съ невиданнымъ до того великолѣпіемъ, совершилось бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны [4]), выданной, дѣйствительно, за принца

[1]) Указъ о принятіи барона Шемберга въ русскую службу и его назначеніи послѣдовалъ 4-го сентября 1736 г.

[2]) Helbig.

[3]) Anecd. intéress.

[4]) 3-го іюля 1739 г.

Антона-Ульриха; и Лестокъ, непріязненно смотрѣвшій на самое событіе, имѣлъ случай вдоволь налюбоваться цесаревною, явившеюся на торжество въ малиновомъ платьѣ, вышитомъ серебромъ и убранномъ множествомъ брильянтовъ [1]. Вслѣдъ за тѣмъ, ставучанскія пушки побѣдоносснаго Миниха возвѣстили міру новую славу Россіи, а самой Россіи бѣлградскій мѣръ [2], давно вожделѣнный народомъ и войскомъ, но не фельдмаршаломъ, ненасытно алкавшимъ честей и лавровъ; и Лестокъ, свидѣтель мирныхъ торжествъ, увидѣлъ ледяной домъ—пресловутое чудо своего времени, наслаждался зрѣлищемъ пестраго поѣзда шутовской свадьбы, отпразднованной въ этомъ домѣ. Далѣе, на глазахъ Лестока, упала къ ногамъ Бирона умная голова кабинетъ-министра Волынскаго; потомъ, родился внукъ императрицы, несчастный Іоаннъ [3], явленіе котораго въ міръ встрѣчено новыми торжествами, и, два мѣсяца спустя, скончалась сама императрица [4].

Россія, прославленная побѣдами и обагренная кровію, получила императора въ колыбѣли и регента въ ненавистномъ Биронѣ. Лестокъ присягнулъ обоимъ—и уцѣлѣлъ въ мрачные дни трехнедѣльнаго регенства, представившіе эссенцію десятилѣтнихъ неистовствъ Бирона и оконченные ночнымъ набѣгомъ Миника съ гренадерами на опочивальню изверга-регента [5].

Плѣненный удачею отважнаго подвига опытнаго полководца, Лестокъ, какъ говорится, зарубилъ ее на носу и снова присягнулъ возникшему правленію.

Но Іоганну-Герману Лестоку было теперь уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и основаній разсчитывать на исключительное

---

[1] Письма леди Рондо. Спб. 1836 г., с. 124.

[2] Заключенъ 18-го сентября 1739 г., а ратификаціи размѣнены въ Константинополѣ 18-го декабря того же года.

[3] 12-го августа 1740 г.

[4] 17-го октября 1740 г.

[5] Биронъ арестованъ въ ночь съ 8-го на 9-е ноября 1740 г.

долговѣчіе онъ не имѣлъ никакихъ. А такъ-какъ мечты и надежды, присущія ему отъ юности, не только не исчезали съ лѣтами, но напротивъ, питались обстоятельствами, складывавшимися въ его глазахъ, и теперь, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, были возбуждены недавнимъ опытомъ миниховой удачи, то объ исполненіи этихъ мечтаній и надеждъ надлежало подумать серьезно, не откладывая, по возможности, и самаго исполненія. Время было тѣмъ болѣе дорого, что Россія, едва вѣрившая избавленію своему отъ курляндскаго страшилища, не успѣла еще привыкнуть къ какой-то власти, смѣнившей прежнее свирѣпство, не прислушалась еще къ имени новаго императора и управлялась матерью вѣнценоснаго младенца — женщиной молодою, безпечною, любившею одни удовольствія, избѣгавшею занятій дѣлами государственными, боявшеюся Миниха, недовѣрявшею Остерману, главное же — почти неизвѣстною народу и окруженною людьми, ни малѣйше непопулярными. Лестокъ, такой же чужеземецъ, какъ Левенвольды и Менгдены, былъ, разумѣется, знаемъ еще менѣе и, ровно ничего не знача, не могъ имѣть ни партіи, ни средствъ къ ея привлеченію. Но имя цесаревны, пользами которой лейбъ-хирургъ ея высочества старался совершенно замаскировать личные свои разсчеты, было, дѣйствительно, имя популярное и, будучи произнесено во время, кстати, могло надѣлать на Руси много дѣла, даже обратить въ ничто правительницу Анну Леопольдовну, съ ея сыномъ-императоромъ и всею чужеземною обстановкою. Лестокъ понималъ это очень хорошо и, конечно, не ошибался съ своихъ предположеніяхъ.

Итакъ, въ рукахъ почти пятидесятилѣтняго авантюриста оказывалось почти вѣрное средство къ превращенію въ з о л о т у ю дѣйствительность надеждъ, ласкавшихъ его и въ Целле, и въ Петербургѣ, служившихъ ему утѣхою и въ Шателе, и въ Казани. Не испробовать этого средства было бы недостойно предпріимчиваго духа, которымъ обладалъ Лестокъ.

Отлагать подобную пробу до другаго времени, когда благопріятствуетъ настоящее, значило бы поступать глупо. А Лестокъ былъ уменъ, къ тому же и не молодъ: могъ не дожить до какого-то другаго времени или, доживъ, не успѣть насладиться осуществленіемъ надежъ, составлявшихъ всю задачу его бытія. Онъ рѣшился не медлить и—дѣйствовать.

Само собою разумѣется, что предпріимчивому лейбъ-хирургу прежде всего надлежало обратиться къ цесаревнѣ, именемъ которой онъ задумывалъ совершать переворотъ, и, получивъ согласіе ея высочества, тѣмъ самымъ какъ-бы освятить чистоту своихъ намѣреній, по крайней-мѣрѣ, въ чужихъ глазахъ. Лестокъ такъ и сдѣлалъ. Но затрудненія, встрѣченныя имъ при этомъ, едва-ли не превосходили всѣ остальныя, всегда соединенныя съ затѣями подобнаго рода. Цесаревна, преданная удовольствіямъ, къ которымъ власть не могла прибавить многаго, не помышляла о престолѣ, не желала разставаться съ спокойствіемъ частной жизни, дружелюбно посѣщала правительницу, систематически охлаждаемую къ Елизаветѣ интригами камеръ-фрейлины и любимицы своей Юліаны Менгденъ [1]), и—вовсе не сочувствовала мятежнымъ внушеніямъ лейбъ-хирурга. Къ тому же, цесаревна, сильно заинтересованная братомъ Антона-Ульриха, вновь избраннымъ герцогомъ курляндскимъ Людвигомъ, гостившимъ тогда въ Петербургѣ [2]), естественно не была расположена предпринимать что-нибудь противъ родныхъ нравившагося ея высо-

---

[1]) Зная, что цесаревна не оставалась у правительницы долѣе семи часовъ вечера, Юліана нарочно переводила всѣ дворцовые часы, которые, въ присутствіи ея высочества, и били цѣлымъ часомъ ранѣе настоящаго времени. Елизавета это замѣтила. См. Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen. 1784 г. Т. II, с. 364.

[2]) Прибылъ изъ Митавы въ Петербургъ 6-го іюля 1741 г., встрѣченъ братомъ за нѣсколько верстъ отъ столицы и принятъ правительницею «съ великою радостію». См. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1741 г.

честву молодого человѣка, бракъ съ которымъ, какъ утверждаютъ, былъ бы по сердцу Елизаветѣ [1]).

Такая неудача не остановила, однакожъ, Іоганна-Германа, слишкомъ наэлектризованнаго желаніемъ поскорѣе осуществить свои золотыя мечты и подстрекаемаго, въ особенности, примѣромъ такъ недавно и такъ удачно совершеннаго переворота. Съ упорствомъ эгоиста, преслѣдующаго личныя цѣли, и съ краснорѣчіемъ адвоката, защищающаго собственное дѣло, Лестокъ продолжалъ твердить цесаревнѣ о законности правъ дочери Петра на отчій престолъ, о хищничествѣ, даровавшемъ корону несмысленному младенцу, о возможности возвратить первыя и уничтожить послѣднее; наконецъ, сметливый авантюристъ намекалъ вскользь объ опасностяхъ, будто бы предстоящихъ ея высочеству раньше или позже—и скорѣе раньше, чѣмъ позже. Въ то же время, Лестокъ дѣйствовалъ на приближенныхъ цесаревны, людей незначительныхъ и небогатыхъ, воображеніе которыхъ онъ распалялъ заманчивою перспективою значенія и богатствъ, ожидавшихъ каждаго изъ нихъ въ томъ случаѣ, еслибъ ея высочеству довелось быть ея величествомъ. Тутъ сладкоглаголивый лейбъ-хирургъ успѣвалъ скоро, потому что всѣ приближенные цесаревны, взятые вмѣстѣ, уступали въ смышлености Лестоку одному, а взятые порознь—годились ему въ сыновья.

Старанія лейбъ-хирурга, подъ видомъ соблюденія пользъ цесаревны, чрезвычайно усердствовавшаго собственно себѣ, не пропали втунѣ. Цесаревна, постоянно окруженная одними и тѣми же лицами, коноводомъ которыхъ сдѣлался Лестокъ, начала слышать и потомъ слушать непрестающіе толки о неоспоримыхъ правахъ ея высочества на престолъ, сожалѣніе о временахъ и обычаяхъ перваго императора, жалобы на времена настоящія, и увѣрилась, что Россія отца ея, въ самомъ дѣлѣ, можетъ погибнуть. За такою увѣренностью

[1]) Materialen zu der Russischen Geschichte. II c. 367.

послѣдовало естественное желаніе — спасти отечество; а за желаніемъ — разрѣшеніе вѣрнымъ сынамъ Россіи дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что Людвигъ курляндскій, бывшій десятью годами моложе Елизаветы, вовсе не отвѣчалъ склонности къ нему цесаревны и не думалъ о бракѣ съ дочерью Петра.

Облеченный новою ролью вѣрнаго сына Россіи, авантюристъ изъ Целле началъ съ того, что доставилъ Россіи неожиданное удовольствіе—новую войну. Стакнувшись съ графомъ Нолькеномъ, шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Лестокъ закинулъ удочку въ Стокгольмъ, и призывая шведовъ въ ряды приверженцевъ цесаревны, сулилъ имъ за то разныя разности, до уступки завоеванной Петромъ Финляндіи включительно [1]). Шведы, вооружаемые и Франціею, старавшеюся отвлечь Россію отъ союза съ Австріею, повѣрили всему на слово, послали съ тѣмъ же Нолькеномъ приглашеніе Даніи быть за Елизавету, и объявили войну правительству Анны Леопольдовны [2]).

Но это правительство, хотя и выславшее Ласси и Кейта на сокрушеніе легковѣрныхъ, хотя и отпраздновавшее тотчасъ же взятіе Вильманстранда, было, собственно говоря, правительствомъ только по имени, состояло изъ императора въ колыбели, правительницы за карточнымъ столомъ, супруга

[1]) Büsching. II, с. 33. Главою министерства въ Швеціи былъ тогда гр. Тессинъ, а русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ—Мих Бестужевъ-Рюминъ, подкупившій президента шведскаго совѣта, бар. Гилленстіерну, который и доставлялъ Бестужеву копіи со всѣхъ предписаній шведскимъ министрамъ при европейскихъ дворахъ. См. Hermann V, с. 4.

[2]) Въ манифестѣ, изданномъ тогда въ Швеціи, между причинами объявленія войны Россіи, именно показана одна, состоявшая въ томъ, что цесаревна Елизавета Петровна и герцогъ голштинскій удалены отъ наслѣдства россійскаго престола. См. Краткое изложеніе дипломатіи россійскаго двора, Ив. Кайданова. Спб, 1833, ч I, стр. 158.

ея въ роли супруга, графа Остермана въ подагрѣ, графа Головкина въ хирагрѣ, князя Черкасскаго въ одышкѣ, графа Левенвольде въ золотѣ, бароновъ Менгденовъ въ честяхъ, и ограничивалось проживаніемъ въ Зимнемъ Дворцѣ однихъ и посѣщеніемъ того же дворца другими, кромѣ Остермана, недвижимаго въ своемъ креслѣ. Въ прочность этого правительства не вѣровалъ никто, начиная съ самаго Остермана, нелюбимаго правительницею, ненавидимаго цесаревною и враждебнаго гр. Головкину, родственнику правительницы, но нетерпѣвшему чужеземцевъ [1]).

Такой порядокъ дѣлъ помогалъ, какъ нельзя болѣе, вѣрнымъ сынамъ Россіи, и Лестокъ не ошибался, разумѣя время благопріятнѣйшимъ.

Несмотря на то, горсть придворныхъ цесаревны, неподдержанная никакою другою горстью, хоть нѣсколько вооруженною, не могла еще сдѣлать многаго. И лейбъ-хирургъ тѣмъ скорѣе возъимѣлъ виды на гвардѣйскую помощь, что въ гренадерской ротѣ преображенскаго полка у него былъ знакомый, нѣкто Гринштейнъ, родомъ саксонецъ, прежде купецъ, потомъ банкротъ [2]), а теперь грубый и безнравственный рядовой [3]). Такія качества Гринштейна ни на минуту не затруднили Лестока, небрезгавшаго никѣмъ и ничѣмъ, особенно тамъ, гдѣ пахло какою-нибудь выгодою. И Гринштейну поручено вербовать подъ рукою, въ рядахъ товарищей-гренадеровъ, приверженцевъ цесаревнѣ, за что посулена ему въ будущемъ многая мзда, подмазанная, можетъ быть, и нѣкоторымъ даяніемъ въ настоящемъ.

Подобныя даянія, становясь, по временамъ, необходимостью,

---

[1]) Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et francais, Berlin. 1858 c. 87.

[2]) Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, par le general de Manstein. Leipzig. 1811, c. 412.

[3]) Helbig, 208 — 209.

указывали лейбъ-хирургу и на другую необходимость — открыть золотой родникъ, неисчерпаемыми червонцами котораго можно бы было съ удобствомъ покрывать всѣ неизбѣжно грядущіе расходы. Но казна цесаревны была, вообще, небогата и ея высочество избѣгало долговъ только строгою экономіею. Собственныхъ же денегъ, если они и имѣлись, лейбъ-хирургъ, вѣроятно, не располагалъ пускать въ ходъ, по тому разумному соображенію, что всякое предпріятіе, сколько бы за нимъ ни было шансовъ, всетаки—предпріятіе, могущее не состояться, и въ такомъ случаѣ, не возвращающее средствъ, на него потраченныхъ. Авантюристская натура Іоганна-Германа принадлежала именно къ такимъ, которыя, рискуя всѣмъ для денегъ, никогда не рискнутъ самыми деньгами. Стало-быть, слѣдовало изобрѣсти иной способъ; и находчивому уму Іоганна тотчасъ же представился легчайшій: загребать жаръ чужими руками. Затѣмъ, взоры авантюриста обратились на земляка, маркиза де-ла-Шетарди, тогда французскаго посланника въ Петербургѣ. Лестокъ попадалъ чрезвычайно метко: французскій дворъ давно уже чувствовалъ ослабленіе кредита своего въ Россіи, зорко высматривалъ случай пособить этому горю и, именно въ то время, былъ крайне недоволенъ союзомъ, заключеннымъ правительствомъ Анны Леопольдовны съ императрицею Маріею-Терезіею. Нечего говорить, что лейбъ-хирургъ цесаревны, съ именемъ ея высочества на устахъ, и представитель Франціи, съ наличными деньгами въ карманѣ, оказались сущимъ кладомъ другъ другу и незамедлили войти въ непрерывныя сношенія. Но такъ-какъ послѣднія отнюдь не должны были обнаруживаться, то земляки согласились видаться не иначе, какъ во дворцахъ, всегда при свидѣтеляхъ и, встрѣчаясь, усердно подчивать другъ друга табакомъ, въ щепоткахъ котораго взаимно передавать цыдулки, съ прописаніемъ необходимѣйшихъ извѣстій, инструкцій, указаній, и проч. Этотъ невинно-замысловатый способъ обмѣна идей долго и послѣ Ле-

стока оставался любимѣйшимъ у многихъ придворныхъ, кознедѣевъ.

Теперь, когда искомый родникъ червонцевъ былъ найденъ въ карманѣ любезнаго маркиза, около Лестока явилась новая личность — изъ тѣхъ, присутствіе которыхъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что дѣло, въ чемъ бы оно ни заключалось, вышло уже изъ области фантазій и предначертаній, не ограничивается однѣми фразами на языкѣ и бумагѣ, а идетъ ходко, мечетъ туда и сюда деньгами, то-есть — существуетъ фактически и говоритъ само за себя. Такою практическою личностію былъ Шварцъ, авантюристъ изъ нѣмцевъ, нѣкогда придворный музыкантъ, [1]) а теперь, послѣ случайной поѣздки въ Китай, служившій чѣмъ-то при академіи наукъ и едва существовавшій крошечнымъ жалованьицемъ [2]). Человѣкъ съ головою и предпріимчивый, Шварцъ былъ способенъ на многое, готовъ на все, и казался Лестоку годнымъ для выполненія порученій болѣе щекотливыхъ и опасныхъ. А потому на Шварца возложенъ подкупъ разныхъ лицъ, начиная съ нижнихъ чиновъ, и ему же поручено пристальное наблюденіе Зимняго дворца со всѣмъ его внутреннимъ обиходомъ.

Дѣло подвигалось. Секретарь Шетарди отсчитывалъ червонцы и записывалъ въ расходъ маркиза уже десятую тысячу; Гринштейнъ и Шварцъ рапортовали, что имѣется 30 гренадеровъ, готовыхъ за цесаревну въ огонь и въ воду [3]); Воронцовъ и Салтыкова, камеръ-юнкеръ и гофмейстерина цесаревны, ручались за нѣсколькихъ тузовъ, въ числѣ которыхъ видимъ: Шепелева и Бестужева, стараго данцигскаго и новаго петербургскаго друзей лейбъ-хирурга; Трубецкаго, всегда ловившаго рыбу въ мутной водѣ; Черкасскаго, под-

[1]) Состоялъ въ штатѣ цесаревны. См. Gegenwärtiger Zustand der Russischen Monarchie in Europa und Asia. Erfurt. 1749, с. 245.

[2]) Helbig, с. 205—206.

[3]) Manstein, с. 413.

дакивавшаго всѣмъ переворотамъ; даже — принца Людвига гессенъ-гомбургскаго, претендента на курляндское герцогство и майора русской гвардіи. Лестокъ былъ душою всего и горѣлъ нетерпѣніемъ. Но цесаревна видимо колебалась и постоянно отдаляла эпоху открытаго возстанія.

Между тѣмъ, дворъ, занятый пѣстованіемъ младенца-императора, потомъ беременностью и разрѣшеніемъ правительницы, потомъ любовью и обрученіемъ саксонскаго посланника, прекраснаго графа Линара, съ извѣстною Юліаною Менгденъ, камеръ-фрейлиной правительницы, наконецъ, шведскою войною, наполнялъ свое время обѣдами, балами, фейерверками, аудіенціями турецкому и персидскому посламъ, далѣе опять обѣдами, снова балами, новыми фейерверками, и вовсе не подозрѣвалъ существованія интриги, смутное предчувствіе которой раздѣлялось уже робкимъ Антономъ-Ульрихомъ, англійскимъ посланникомъ Финчемъ и всепроницающимъ Остерманомъ. Первый изъ нихъ давно обезпокоивался связями Лестока съ Шетарди и ночными визитами маркиза къ цесаревнѣ, намекалъ на монастырь для ея высочества, изъявлялъ даже желаніе схватить Миниха, бывшаго не у дѣлъ, но казавшагося принцу подозрительнымъ. Что касается Остермана и Финча, они совѣтывались о томъ, арестовать ли Лестока, при чемъ Финчъ рекомендовалъ осторожность; говорилъ, что самъ избѣгаетъ уже Лестока, у котораго бывалъ прежде, и не желая служить шпіономъ чужого министра — отказался, подъ предлогомъ нездоровья, исполнить просьбу Остермана, то-есть зазвавъ къ себѣ лейбъ-хирурга, извѣстнаго охотника покушать и выпить, подпоить его и этимъ путемъ вывѣдать всю подноготную [1]).

Безпечность всего остальнаго двора, разумѣется, была на руку Лестоку, тѣмъ болѣе смѣлому, что онъ не имѣлъ причинъ бояться ни Миниха, ни Ушакова, единственныхъ лич-

[1]) Extr. d. dép., c. 85.

ностей, которыя, во всякое другое время, могли бы стать истиннымъ пугаломъ Лестока съ его затѣями и сотрудниками: старый фельдмаршалъ грызъ ногти въ почетно-досадной отставкѣ и сбирался переселяться въ Пруссію [1]); а Ушаковъ (инквизиторъ) игралъ роль мирнаго царедворца и торжественно вводилъ пословъ на аудіенціи правительницы [2]).

Слѣдовательно, ничто не мѣшало дальнѣйшему развитію дѣла. Секретарь Шетарди, Гринштейнъ, Шварцъ, Воронцовъ и Салтыкова удлиняли свои расходные счеты и именные списки. Наконецъ, 6-е января 1742 г. назначено цесаревною днемъ исполненія завѣтныхъ надеждъ лейбъ-хирурга и преданнѣйшихъ желаній вѣрныхъ сыновъ Россіи: было предположено, что въ тотъ день, ея высочество объявитъ себя императрицею войскамъ, собраннымъ для обычнаго крещенскаго парада [3]).

Но, предвкушая грядущія блага, Лестокъ, пылкій не по лѣтамъ, не выдерживалъ характера, приличнаго заговорщику, пробалтывался тамъ и сямъ, неосторожно повѣствовалъ въ австеріяхъ и вольныхъ домахъ [4]) о какихъ-то перемѣнахъ, имѣющихъ послѣдовать весьма скоро. Благодаря шпіонамъ, всегда многочисленнымъ, рѣчи Лестока не миновали ушей Остермана, имѣвшаго уже положительныя свѣдѣнія о небываломъ до того обращеніи суммъ во французскомъ посольствѣ. Соображая текущія обстоятельства и припоминая, къ тому же, недавнюю вспышку гнѣва цесаревны, обойденной прощальнымъ визитомъ персидскаго посла — вспышку, непохожую на Елизавету и успокоенную нарочнымъ посѣще-

---

[1]) «Въ Кенигсбергѣ, по повелѣнію прусскаго короля, все уже было готово для принятія Миниха.» См. Жизнь гр. Миниха, соч. Галема. Москва, 1806 г., I, с. 213.

[2]) Такъ, напримѣръ, 30-го іюня, турецкаго. См. «С.-Петерб. Вѣд.» 1741 г.

[3]) Manstein, 414. Materialen z. d. Russ. Gesch. II, c. 370.

[4]) Офиціальное названіе тогдашнихъ ресторановъ.

ніемъ ея высочества самою правительницею [1]), опытный канцлеръ живо смекнулъ, что быть чему-то, и тотчасъ же приказалъ семеновскому секундъ-майору Чичерину, съ преображенскими аудиторомъ Барановскимъ и сержантомъ Обручевымъ, тайно, но неусыпно наблюдать цесаревну.

Гвардейскіе аргусы не замедлили донести канцлеру, что въ числѣ обычныхъ посѣтителей цесаревны, такихъ-то и такихъ-то, бываютъ часто и шведскіе плѣнные, напримѣръ: генералъ Врангель, полковникъ Дидгорнъ [2]). Тогда Остерманъ еще болѣе утвердился въ своихъ подозрѣніяхъ, и поспѣшилъ переговорить съ принцемъ, супругомъ правительницы. Антонъ-Ульрихъ, вѣровавшій въ канцлера, очень перетревожился и высказалъ свои опасенія женѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ. Но Анна Леопольдовна не обратила никакого вниманія на слова мужа, котораго, вообще, не ставила въ грошъ. Вслѣдствіе этого, Остерманъ счелъ необходимымъ лично повидаться съ правительницею, и велѣлъ въ креслахъ отнести себя во дворецъ. Тутъ, долго и подробно изъяснялъ канцлеръ правительницѣ, что ей и сыну ея грозитъ бѣда. Долго и разсѣянно слушала канцлера правительница, а когда Остерманъ кончилъ, Анна Леопольдовна, вмѣсто отвѣта, показала ему платьице, только что сшитое для малютки-императора.

Предостереженія не переставали, однакоже, слѣдовать одно за другимъ. То сэръ Финчъ, представитель Англіи въ Россіи, заговаривалъ съ правительницею объ основательности подозрѣній Остермана; то маркизъ ди-Ботта д'Адорно, полномочный министръ Маріи-Терезіи, сообщалъ правительницѣ доходившіе до него слухи; то являлся Фикъ, совѣтникъ ко-

[1]) Разсказываютъ, что, прощаясь съ цесаревною, правительница споткнулась и упала. «Худое предзнаменованіе», сказала она тогда окружающимъ: «не быть бы мнѣ у ногъ Елизаветы.» Мы считаемъ это выдумкою досужихъ краснослововъ.

[2]) Anecd. intéress.

мерцъ-коллегіи, и, подавая доносъ, повергалъ на благоусмотрѣніе правительницы вѣрноподданническое мнѣніе — схватить лейбъ-хирурга цесаревны, чего давно и душевно желалъ трепетавшій Антонъ-Ульрихъ; то сама правительница находила въ колыбели сына письмо, писанное красными чернилами и свидѣтельствовавшее о намѣреніяхъ цесаревны [1]); то получала другое, изъ-за границы [2]), наполненное всѣми подробностями заговора. Все было тщетно. Кроткая и апатичная Анна Леопольдовна не внимала ничему, не предпринимала ничего, потому что, судя по себѣ, не хотѣла вѣрить, чтобы цесаревна, двоюродная тётка и кума правительницы [3]), могла замышлять что нибудь противъ своей племянницы и кумы. Нельзя не согласиться, что судьбы цесаревны руководились черезчуръ добрымъ геніемъ, а Іоганнъ-Германъ Лестокъ родился подъ чрезвычайно счастливымъ созвѣздіемъ.

Но совсѣмъ неодинаково съ правительницею мыслили ея вельможи, чуждые партіи цесаревны. Очень хорошо понимая всю важность этой партіи и, слѣдовательно, всю опасность ея намѣреній, они не хуже того понимали, что дѣло цесаревны можетъ успѣть и ясно видѣли, что при новомъ переворотѣ, имъ не сдобровать. А такъ-какъ переворотъ могъ послѣдовать очень скоро, то графъ Остерманъ, графъ Левенвольде, графъ Головкинъ, баронъ Менгденъ и другіе, чтобы подсѣчь зло въ самомъ корнѣ, положили: объявить правительницу со-императрицею [4]), а цесаревну—удаленную

---

[1]) Denkwürdigkeiten des Petersburger Hofes, c. 61.

[2]) Изъ Бреславля, отъ 20-го ноября н. с.

[3]) Цесаревна Елизавета Петровна и владѣтельный герцогъ мекленбургскій, мѣсто котораго заступалъ канцлеръ кн. Черкасскій — воспринимали отъ св. купели дочь правительницы, принцессу Екатерину, рожденную 15-го и крещенную 22-го іюля 1741 г. См. «С.-Петер. Вѣд.» 1741 г.

[4]) Этотъ планъ лично принадлежалъ вице-канцлеру графу Мих. Гавр. Головкину. См. «Замѣчанія на записки Манштейна» въ ч. XXXVIII «Отечественныхъ Записокъ» 1829 г., стр. 14.

отъ престолонаслѣдованія предпочтеніемъ ей всѣхъ наличныхъ и впредь рождаемыхъ принцевъ и принцессъ, съ ихъ потомствами—немедленно заключить въ монастырь. Анна Леопольдовна, принадлежавшая къ такъ-называемой русской партіи, предводимой маркизомъ Боттою съ графомъ Головкинымъ и направленной противъ Остермана съ Антономъ-Ульрихомъ [1]), не сочла нужнымъ отвергать этотъ очевидный опытъ усердія вельможъ къ ея и своимъ пользамъ, и назначала 7-го декабря, день своего рожденія, днемъ объявленія себя императрицею. Остерманъ же, на всякій случай, взялъ увольненіе къ водамъ въ Спа, и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Вѣсть о предложеніи правительницѣ императорскаго титула испугала многихъ приверженцевъ цесаревны, усилила робость въ самой цесаревнѣ и совершенно противоположно подѣйствовала на Лестока. Альфа и омега происходившей передряги, съ новою, отчаянною энергіею ринулся онъ по пути, половина котораго была уже пройдена, умолялъ цесаревну сократить другую половину, то-есть ускорить дѣломъ, представлялъ благоразумно и убѣдительно, что низложеніе со-императрицы Анны Леопольдовны будетъ несравненно мудренѣе уничтоженія правительницы. Но цесаревна не знала что дѣлать, жалѣла о сдѣланномъ, была готова отказаться отъ всего, чтобы только возвратить утраченное спокойствіе.

Такъ наступило 23-е ноября 1741 года. Въ этотъ день, утромъ, цесаревна была у княгини гессенъ-гомбургской, рожденной Трубецкой, знавшей всѣ подробности заговора [2]), а вечеромъ, по убѣжденію Лестока [3]), присутствовала на придворномъ куртагѣ, сохраняя наружно глубокое и, вмѣстѣ, величавое спокойствіе. Здѣсь, ея высочество безмятежно играла въ карты, когда вызвана была правительницею въ дру-

[1]) Extr. d. dép., c. 87.

[2]) Gegenwärtiger Zustand etc., c. 245.

[3]) Geschichte Peters des Dritten, Kaisers von Russland. 1799. II, c. 43.

гую комнату. Добрая Анна Леопольдовна, наблюдая цесаревну въ теченіе всего вечера, находила внѣшній видъ ея высочества непохожимъ на враждебный или приличный главѣ заговора, и тронутая этимъ, пожелала лично и откровенно разсказать теткѣ все, что знала изъ слуховъ и писемъ. Цесаревна предстала племянницѣ съ тѣмъ же глубокимъ и величавымъ спокойствіемъ, выслушивала правительницу съ возраставшимъ изумленіемъ, и когда та кончила, почтительно заявила ей, что Лестокъ неоднократно просился въ отставку [1]), твердо отреклась отъ взводимыхъ на нее обвиненій, называла ихъ клеветою, а довѣріе къ нимъ безразсудствомъ, и—горько заплакала [2]). Племянница смутилась, растерялась, бросилась обнимать и утѣшать тётку, смѣшала слезы ея съ своими. Ни тѣни сомнѣнія не оставалось въ душѣ Анны Леопольдовны.

Возвратившись съ куртага къ себѣ, цесаревна тотчасъ же послала за своимъ лейбъ-хирургомъ, и сообщила ему всѣ подробности сцены съ правительницею [3]).—Лестокъ порывался дѣйствовать тотчасъ же, но былъ остановленъ очевидною невозможностію собрать на-спѣхъ непредупрежденныхъ ни о чемъ заговорщиковъ, разсѣянныхъ по всему Петербургу. Досада и крайнее нетерпѣніе, вѣроятно, всю ночь не давали уснуть лейбъ-хирургу и были причиною, что онъ, отъ безсонницы, занялся, можетъ быть, разрисовкою того самаго картона, который, какъ извѣстно изъ многихъ разсказовъ, отлично выполнилъ свое назначеніе.

Такъ или иначе, но послѣдняя ночь незначительности Іоганна-Германа Лестока миновала—и мрачный петербургоноябрьскій разсвѣтъ озарилъ вступленіе авантюриста изъ Целле въ самое блестящее семилѣтіе его коловратнаго поприща.

---

[1]) Materialen z. d. Russ. Gesch. II, c. 377.

[2]) Manstein, 416.—Anecd. intéress.

[3]) Gegenwärtiger Zustand etc. c. 245.—Materialen z. d. Russ. Gesch. II, c. 377.

Утромъ, 24-го ноября, Лестокъ, по обыкновенію, явился къ цесаревнѣ. Повѣствуютъ, что въ рукахъ лейбъ-хирурга былъ пресловутый картонъ, который и показанъ ея высочеству. Рисунки обѣихъ сторонъ картона изображали одну и ту же цесаревну, но различно: то въ императорской коронѣ и порфирѣ, съ Лестокомъ на ступеняхъ трона; то въ шапочкѣ и ряскѣ монахини, съ висѣлицами и колесами по сторонамъ. Оборачивая картонъ предъ глазами взволнованной цесаревны, Лестокъ говорилъ: Choisissez, madame, ou d'être impératrice, ou d'être mise dans un couvent, et de voir vos fidèles serviteurs périr dans les supplices[1]). Въ какой степени справедливъ этотъ разсказъ—рѣшать не беремся. Но извѣстно, что въ тотъ же самый день 24-го ноября, къ цесаревнѣ являлись многіе заговорщики и просили ея высочество не медлить окончаніемъ дѣла, потому что распоряженіемъ, объявленнымъ наканунѣ, гвардіи повелѣвалось быть готовою къ выступленію изъ Петербурга въ 24 часа. Заговорщики торопились справедливо, и распоряженіе о выступленіи гвардіи—плодъ послѣдней политической мысли предусмотрительнаго Остермана, дѣйствительно, существовало. Канцлеръ, почитая необходимымъ лишить цесаревну содѣйствія вооруженной силы, умно придумалъ дипломатически удалить гвардію и хитро распустилъ слухъ о движеніи Левенгаупта къ Выборгу, вовсе небываломъ. Этимъ заключалась многолѣтняя и чрезвычайно полезная Россіи дѣятельность знаменитаго Остермана, чужеземца, за котораго—далеко не въ примѣръ остальной его братіи, чужеземцамъ всякаго рода и времени—Россія можетъ искренно благодарить Петра.

Выслушивая своихъ приверженцевъ, Елизавета понимала, что доводы ихъ уважительны; видѣла, что дѣло зашло слишкомъ далеко и, не вѣдая послѣдствій, чувствовала невольный

---

[1]) Manstein, c. 416.

страхъ. Лейбъ-хирургъ не отходилъ отъ цесаревны, пока, съ помощію Воронцова и княгини гессенъ-гомбургской, не исторгнулъ согласія ея высочества назначить ближайшую ночь къ совершенію замысла, созданнаго исключительно воображеніемъ его, лейбъ-хирурга, и доведеннаго къ настоящему развитію преимущественно его же трудами [1]).

По отбытіи своемъ изъ цесаревнина дворца, Лестокъ занялся подготовленіемъ всего необходимаго къ подвигамъ грядущей ночи. „Послѣ обѣда того же дня, находимъ придворнаго лейбъ-хирурга въ трактирѣ, ближайшемъ къ зимнему дворцу. По всей вѣроятности, то былъ трактиръ „вольнодомца“ Иберкампфа, господина на всѣ руки, соединявшаго тогда въ своей особѣ профессіи и значеніе нынѣшнихъ Дюссо и Елисѣева, съ прибавленіемъ разныхъ другихъ rénommées, и привлекавшаго на свое шкиперское подворье, въ Большой Мильонной, нетолченую трубу богатенькихъ посѣтителей, заманиваемыхъ то устрицами, вчера изъ Фленсбурга, то анкерками, сегодня изъ Токая, то коллекціей самыхъ новоманерныхъ париковъ изъ Парижа, то хитроразволоченной каретой изъ Вѣны [2]). Здѣсь-то навѣрное разсчитывалъ Лестокъ встрѣтить одного господчика, шатаніе котораго по городу могло помѣшать дѣлу, и не ошибся въ разсчетѣ: господчикъ былъ тутъ. Предложивъ ему партію на бильярдѣ, Лестокъ догадливо проигралъ нѣсколько партій, увлекъ своего антагониста и, такимъ образомъ, задержалъ господчика до вечера [3]), Въ то же время, супругъ правительницы тщетно вымогалъ у супруги повелѣніе разставить на улицахъ пикеты и арестовать Лестока, тщетно твердилъ объ опасности неминуемой. „Опасности нѣтъ“, спокойно отвѣчала Анна Лео-

---

[1]) Въ этомъ совершенно согласны всѣ извѣстные намъ источники, русскіе и иностранные.

[2]) См. «С.-Петерб. Вѣд.» 1740 и 1741 годовъ.

[3]) Voyage en Sibérie, par. M. l'abbé Chappe d'Auteroche. Amsterdam. 1769. T. I, c. 193.

польдовна. Антону-Ульриху оставалось пожимать плечами и ворчать на довѣрчивость жены.

Часовъ въ десять вечера, одинъ изъ заговорщиковъ явился въ тотъ же трактиръ, гдѣ присутствовалъ Лестокъ, и перемигнулся съ лейбъ-хирургомъ. Послѣдній быстро оставилъ кій, и оба товарища вышли на дворцовую площадь. Время, по свидѣтельству академическаго календаря 1741 года, было тогда „весьма холодно, неспокойно". Лестокъ съ товарищемъ отправились дозоромъ вокругъ зимняго дворца, въ которомъ все уже было тихо и темно, все покоилось первымъ сномъ. Внимательно наблюдая, по предварительному указанію всевѣдущаго Шварца [1]), окошки апартамента, служившаго, на эту ночь, опочивальнею правительницы, полюбившей, съ нѣкотораго времени, мѣнять опочивальни, Лестокъ и въ этихъ окошкахъ усмутривалъ одинаково благопріятный мракъ. Окончивъ дозоръ, но не сходя еще съ площади, Лестокъ получилъ новое успокоительное извѣстіе: въ домахъ Остермана и Миниха, по донесенію заговорщика-очевидца, не было замѣтно ни малѣйшаго движенія [2]). Тогда, повидавшись съ секретаремъ Шетарди (по другимъ, съ самимъ Шетарди), вписавшимъ, по этому случаю, послѣднюю, сороковую тысячу червонцевъ въ расходъ маркиза, отъ котораго политически скрывалась близость рѣшительной минуты, Лестокъ, съ двумя санями, поспѣшилъ во дворецъ цесаревны, гдѣ, въ ожиданіи своего коновода, давно уже бодрствовали главнѣйшіе заговорщики.

Была полночь, когда лейбъ-хирургъ предсталъ ея высочеству, торжественно донося, что все готово и дорога̀ каждая минута. Послѣдовала новая сцена колебанія и нерѣшимости, мучительная для Лестока. Цесаревна, трепеща отъ страха, была блѣдна, неспособна ни къ чему, не хотѣла ничего. Окру-

---

[1]) Büsching. I, c. 34.

[2]) Voyage en Sibérie. T. I, c. 184.

жающіе на колѣняхъ умоляли ея высочество подумать о себѣ, о нихъ, о Россіи. Пасмурно выжидалъ Лестокъ конца этого зрѣлища, для него безконечнаго; видѣлъ, какъ дочь Петра, повергшись предъ иконою Богоматери, молилась и плакала; слышалъ, можетъ быть, обѣтъ — упразднить смертную казнь въ Россіи, тутъ же произнесенный Елизаветою; и, когда цесаревна встала, подалъ ея высочеству екатерининскую ленту, а подъ платье совѣтовалъ надѣть легкія грудныя латы, имъ же принесенныя, на что, однакоже, согласія не было [1]). Другіе вложили въ руки цесаревны серебряный воздвизальный крестъ, и ея высочество, почти не помня себя отъ волненія, вышла со всѣми на крыльцо, у котораго ждали двое саней. Въ одни посадили цесаревну и сѣлъ Лестокъ; тутъ же стали на запятки Воронцовъ и двое Шуваловыхъ; за Салтыковымъ и Разумовскимъ, занявшими другія сани, помѣстились Шварцъ съ двумя преображенцами. Поѣздъ двинулся за дворцовыя ворота и подъ кровомъ ночнаго, ноябрьскаго ненастья, направился къ преображенскому съѣзжему двору. Приближался моментъ, долженствовавшій внести въ русскую исторію имя ганноверскаго выходца.

Разстояніе отъ дворца цесаревны до преображенской съѣзжей, гдѣ нынче преображенскій соборъ, не было велико; и дорогою, едва-ли успѣлъ Лестокъ значительно ободрить цесаревну, сильно разстроенную. Самъ же онъ, Іоганнъ-Германъ, не смотря на всю важность минуты, вполнѣ владѣлъ собою, и когда, по приближеніи къ съѣзжей, замѣтилъ, что барабанщикъ, изумленный неожиданными гостями, готовится ударить „алярмъ“ (тревогу), проворно выскочилъ изъ саней и мгновенно распоролъ кинжаломъ барабанную кожу [2]). Цесаревна, со всѣми спутниками, вошла въ закопченую съѣзжую, увидѣла тутъ толпу гренадеровъ, лица которыхъ сіяли,

[1]) Büsching. I, с. 34.
[2]) Тамъ же, с. 35.

дѣйствительно, удовольствіемъ, смутилась еще болѣе и, подавляемая непреодолимымъ волненіемъ, едва могла проговорить: Знаете ли вы, чья я дочь?.. Готовы ли за мною?. Послѣ Бога, надѣюсь на васъ. Но этого оказалось совершенно достаточнымъ. Да здравствуетъ матушка императрица Лисавета Петровна! гаркнули гренадеры, восхищенные присутствіемъ между ними дочери Великаго, и все было кончено. Дежурный офицеръ, Гревсъ, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, былъ арестованъ сонный. Гренадеры тотчасъ же начали чинить новую присягу, цалуя крестъ, бывшій въ рукахъ Елизаветы, и руку новой императрицы. Нѣтъ сомнѣнія, что такое зрѣлище производило на Лестока впечатлѣніе, несравненно пріятнѣйшее, нежели сцена, видѣнная имъ, часъ тому назадъ, во дворцѣ цесаревны. Но лейбъ-хирургъ, не увлекаясь исключительно радостью, весьма естественною въ тогдашнемъ его положеніи, умѣлъ прекрасно владѣть собою, и тутъ же, на полковой съѣзжей, явилъ въ себѣ человѣка государственнаго. А именно—раздѣлялъ присягнувшихъ на отряды, въ каждомъ по 25-ти человѣкъ, и назначалъ такіе отряды для арестованія Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда и другихъ главнѣйшихъ лицъ низверженнаго правленія. Предусмотрительность, по истинѣ, благоразумная.

Когда окончилась присяга и разсчетъ отрядовъ былъ сдѣланъ, императрица, съ тѣмъ же крестомъ въ рукахъ, выступила изъ преображенской съѣзжей и, впереди 200 новыхъ своихъ подданныхъ, торжественно шествовала къ Зимнему Дворцу, гдѣ все обстояло въ томъ же видѣ и положеніи, какъ и въ часъ дозора, произведеннаго Лестокомъ. Караулъ дворцовой гауптвахты, гдѣ, однакоже, лейбъ-хирургъ повторилъ, на всякій случай, хирургическій надрѣзъ барабанной кожи [1]), не оказалъ никакого противодѣйствія. Офицеры и солдаты тотчасъ же признали Елизавету императрицею и

[1]) Anecd. intéress.

присягнули ей, въ присутствіи Лестока и Воронцова [1]), изъ которыхъ Лестокъ немедленно распорядился смѣною дворцовыхъ часовыхъ своими гренадерами [2]). Говорятъ, что принявъ присягу караула, государыня желала идти далѣе, чтобы лично объявить правительницѣ свое воцареніе и ея арестъ. Но Лестокъ и Воронцовъ, опасаясь, будто бы, слѣдствій этого свиданія, уговорили государыню не безпокоить себя излишне [3]). Справедливо или нѣтъ такое показаніе, но извѣстно, что императрица оставалась на дворцовой гауптвахтѣ все то время, пока 30 гренадеровъ, отряженные тѣмъ же распорядительнымъ Лестокомъ, пошли и арестовали правительницу со всѣмъ ея семействомъ и камеръ-фрейлиною Юліаною Менгденъ, а нѣсколько погодя, принесли къ ея величеству и низверженнаго императора, пробужденіе котораго, какъ извѣстно, ожидалось всѣми весьма учтиво [4]). Лейбъ-хирургъ находился неотлучно при особѣ ея величества, между тѣмъ, какъ его же предварительными распоряженіями уже печатался первый манифестъ новой императрицы [5]).

---

[1]) Denkwürdigkeiten etc., c. 63.

[2]) Gesch. Peters d. Dritt. II, c. 45.

[3]) Anecd. intéress. V.

[4]) Тамъ же.

[5]) Этому, однакожъ, противорѣчитъ показаніе Шапа и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ источниковъ, утверждающихъ, что императрица и правительница видѣлись и говорили. Первый разсказываетъ даже, по этому случаю, что когда Елизавета подошла къ спальнѣ правительницы и часовой не хотѣлъ пропускать ея высочества, то Лестокъ будто бы сказалъ вѣрному стражу: Знаешь ли, несчастный, кому ты не повинуешься? Моли о помилованіи твою императрицу! И часовой уступилъ. Для насъ важна роль, которая и въ этомъ показаніи, хотя сомнительномъ, приписывается Лестоку. См. Voyage en Sibérie. T. 1, c. 185. Существуетъ одно сочиненіе, довольно рѣдкое, подъ титуломъ «Merkwürdige Geschichte ihrer grossmächtigsten unüberwindlichsten Majestät Elisabeth der Ersten» 1759 г., гдѣ передъ заглавнымъ листомъ находится даже гравюра, содержаніе которой—арестованіе правительницы самою цесаревною. Послѣдняя изображена въ

Такимъ образомъ, мирная и безкровная перемѣна правленія была совершена окончательно; брауншвейгское семейство отвезено во дворецъ Елизаветы Петровны и разсажено по разнымъ комнатамъ, для заготовленія которыхъ и удаленія отъ правительницы всякаго безпокойства, отправленъ впередъ Разумовскій [1]); туда же начали доставлять одного за другимъ арестантовъ Лестока [2]), а въ 3 часа ночи и сама императрица, приказавъ снарядить нарочнаго гонца въ Сибирь, за Шубинымъ [3]), прибыла на послѣдній ночлегъ въ свой цесаревнинъ дворецъ.

Но подвиги Лестока, изумительно хлопотавшаго въ эту торжественную для него ночь, не были еще кончены. Императрица поручила своему лейбъ-хирургу отправиться съ ночнымъ визитомъ къ маркизу Шетарди, князю гессенъ-гомбургскому и графу Ласси для объявленія имъ о всемъ происшедшемъ. Фельдмаршалу велѣно сказать, отъ имени ея величества, чтобы онъ, не опасаясь ничего, поспѣшилъ явиться къ государынѣ. Не зная, какъ приметъ его Ласси, предусмотрительный лейбъ-хирургъ имѣлъ съ собою все необходимое для арестованія почтеннаго старца. Но почтенный старецъ, выслушавъ ночнаго гостя, изъявилъ непритворную ра-

---

лентѣ черезъ плечо, съ солдатской шляпою на головѣ и офицерскимъ эспантономъ въ рукѣ. Подлѣ нея видны двѣ фигуры гренадеровъ съ ружьями. Правительница съ какою-то повязкою на лбу, привстаетъ изъ-подъ одѣяла. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, въ мундирѣ, шарфѣ и ботфортахъ, валится навзничь подлѣ кровати, украшенной занавѣсами. Гравюра снабжена подписью и отличается забавною грубостью работы. Экземпляръ этой же гравюры, выдранный изъ книги, выставленъ неизвѣстно зачѣмъ въ Ларинской залѣ императорской публичной библіотеки.

[1]) Voyage en Sibérie. I, с. 184.

[2]) Gegenw. Zustand. с. 250. Лудвигъ курляндскій тоже былъ арестованъ въ самомъ зимнемъ дворцѣ; но черезъ часъ освобожденъ изъ-подъ стражи и переведенъ въ почетное помѣщеніе. См. Materialen. z. d. Russ. Gesch. II, с. 378.

[3]) Gesch. Peters d. Dritt. II, с. 48.

дость и на вопросъ Лестока: „кому же вы служите, графъ?“, отвѣчалъ: „все равно, коронѣ и скипетру“ [1]).

Наконецъ, былъ дома и Лестокъ. Счастливецъ стоялъ у меты своихъ желаній. Мечты его сбывались. Пятидесятилѣтній авантюристъ находилъ трудную проблему своего бытія удачно рѣшенною. Теперь польется на него золотой дождь, не тотъ, что изъ портфёля Шетарди переливался чрезъ руки лейбъ-хирурга въ чужіе карманы, а тотъ, что снился ему, Іоганну-Герману, въ Целле и въ Парижѣ и начиналъ уже накрапывать на него въ Казани. Въ ожиданіи такого дождя сладко долженъ былъ заснуть усталый выходецъ изъ Целле.

Утро наступившаго 25-го ноября было, какъ и вечеръ 24-го, „весьма холодно и неспокойно [2]). Но душа Іоганна-Германа Лестока согрѣвалась золотыми надеждами и наслаждалась радужными мечтами. Пріятно волнуемый ожиданіями, поспѣшилъ онъ во дворецъ бывшей цесаревны, передъ которымъ князь гессенъ-гомбургскій только что объявилъ собранной гвардіи о воцареніи Елизаветы.

Императрица уже бодрствовала и совѣщалась съ князьями Гессенъ-Гомбургскимъ, Черкасскимъ, Трубецкимъ и Куракинымъ о порядкѣ дальнѣйшаго заключенія брауншвейгской фамиліи, о назначеніи коммиссіи надъ государственными преступниками, арестованными въ минувшую ночь, наконецъ о церемоніальномъ переѣздѣ своемъ въ Зимній Дворецъ. Лестокъ, по скромному званію лейбъ-хирурга, не былъ при этомъ совѣщаніи. Когда оно окончилось, Іоганнъ-Германъ предсталъ Елизаветѣ. Ея величество пряняла усерднаго приверженца своего чрезвычайно милостиво, допустила его къ монаршей рукѣ и тутъ же поздравила первымъ лейбъ-медикомъ высочайшаго двора [3]). Съ этимъ новымъ званіемъ, кро-

---

[1]) Helbig, с. 221 — 223.

[2]) С.-Петербургскій календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1741 г.

[3]) Рихтеръ въ своей «Ист. Мед. въ Рос.» III, 437, ошибочно от-

мѣ очень хорошаго жалованья, соединялись тогда выгоды „свободной квартиры и отъ двора кареты съ лошадьми и потребными къ тому служителями". Кромѣ того, первому лейбъ-медику, исключительно обязанному отворять кровь особѣ ея величества, полагалось за каждое такое кровопусканіе по двѣ тысячи рублей, что могло составить порядочную статью годового дохода, потому что при тогдашнихъ медицинскихъ воззрѣніяхъ, кровопусканіе пользовалось славою универсальнаго средства и было въ большомъ ходу. Въ русскихъ старинныхъ календаряхъ непремѣнно включалась статья „О рудометѣ" съ забавнымъ рисункомъ, и даже указывались дни. благополучные для кровопусканія [1]).

Около трехъ часовъ пополудни того же 25-го ноября, ея величество, въ сопровожденіи двора и гвардіи, церемоніально шествовала изъ своего дворца въ императорскій Зимній, къ которому, слѣдуя за императрицей, самодовольно приближался и новый лейбъ-медикъ, видѣвшій въ этомъ дворцѣ какъ-бы собственный свой трофей. По вступленіи сюда ея величества, загремѣла пальба съ крѣпости и адмиралтейства, радостно отдавшаяся въ сердцѣ Лестока. Потомъ въ дворцовой церкви читался манифестъ, изъ котораго явствовало, что „правленіе государственное чрезъ разныя персоны и образы происходило, отчего какъ внѣшніе, такъ и внутрь государства, безпокойства и непорядки и слѣдовательно не малое жъ разореніе всему государству послѣдовалобъ", почему всѣ

носитъ это событіе, такъ же какъ и всѣ другія награды и назначенія Лестока, къ одному и тому же дню 26-го ноября 1741, что вовсе не оправдывается офиціальными извѣстіями того времени.

[1]) Такихъ дней въ академическомъ календарѣ 1741 года насчитывается всего 20, изъ которыхъ «весьма благополучныхъ», въ особенности для Лестока, два. Точно такъ же предписывались календаремъ дни, въ которые слѣдовало «сѣмена снять», «лекарство принимать», «волоса стричь» и проч. Все это обозначалось особыми, условным знаками.

вѣрноподданные, „а особливо лейбъ-гвардіи полки единогласно просили Елизавету Петровну воспріять отеческій престолъ“ [1]). Затѣмъ началась присяга сановниковъ, раззолоченная толпа которыхъ впервые почтительно разступалась предъ ничтожнымъ вчера Лестокомъ. Любуясь съ восхищеніемъ императрицею, которая, въ андреевской лентѣ, принимала baisemain государственныхъ и придворныхъ чиновъ, новый лейбъ-медикъ не безъ удовольствія посматривалъ на дворцовую площадь носившую характеръ совершенно праздничный. Тутъ, на этой площади, курились и трещали многочисленные костры, между которыми тамъ и сямъ бродили кучи солдатъ, сгущавшіяся преимущественно у винныхъ и пивныхъ бочекъ, выкатываемыхъ безпрестанно, и радостное виватъ! ликующихъ гвардейцевъ, сливаясь, повременамъ, съ колокольнымъ гуломъ, покрывало пронзительные стоны осенней непогоды [2]).

Этотъ день, знаменитый въ исторіи Россіи и лучшій въ жизни Лестока, окончился наградами лицамъ, потрудившимся въ пользу совершившагося переворота. Преображенскіе гренадеры, провозглашавшіе Елизавету императрицею, получили дворянское достоинство съ правами и чинами армейскихъ офицеровъ, и наименованы лейбъ-кампаніею, званіе капитана которой приняла на себя сама государыня, а субалтернъ-офицерскія мѣста заняли князь Гомбургскій, Разумовскій, Воронцовъ, Шуваловы, всѣ съ рангами генераловъ, наконецъ—Гринштейнъ, назначенный адъютантомъ лейбъ-кампаніи и потому разомъ прошедшій до бригадира включительно. Княгиня Гессенъ-Гомбургская получила екатерининскую ленту. Не былъ забытъ и Шварцъ: ему пожалованы хорошія помѣстья въ древней Ливоніи, а самъ онъ, отро-

---

[1]) См. высочайшій манифестъ, объявленный 25-го ноября 1741 г.

[2]) См. Записки князя Як. Петр. Шаховскаго, писанныя имъ самимъ. Москва. 1810 г. I, с. 71 — 72.

дясь небывавшій военнымъ, наименованъ, вообще, полковникомъ [1]).

Дѣло Іоганна-Германа Лестока было, какъ говорится, въ шляпѣ. Веденіе и исходъ этого дѣла, при незначительности положенія главнаго дѣятеля, лейбъ-хирурга цесаревны, соединялись съ большими затрудненіями и опасностями, и требовали, если не бо̀льшей смѣлости, то бо̀льшаго искуства, нежели низверженіе всѣми ненавидимаго Бирона, задуманное и въ тотъ же день совершенное фельдмаршаломъ Минихомъ. Фельдмаршалъ былъ какъ бы призванъ къ своему подвигу самою матерью царствовавшаго императора, черезъчуръ опекаемою Бирономъ, что придавало дѣйствіямъ Миниха, пользовавшагося давнишнею извѣстностію и особеннымъ уваженіемъ всего русскаго военнаго сословія, видъ какой-то законности. Такихъ важныхъ выгодъ не имѣлъ на своей сторонѣ Лестокъ, затѣявшій уничтожить правительство, ни кого и ничѣмъ небезпокоившее и, повидимому, вполнѣ гарантированное двукратною присягою всей Россіи. Хотя, что замѣчено выше, имя цесаревны значительно обезпечивало шансы Лестока, а французскіе червонцы много сглаживали путь къ достиженію его цѣли, лейбъ-хирургъ все-таки игралъ въ чрезвычайно опасную игру и проигрывалъ ее не иначе, какъ на плахѣ или на колесѣ, съ вѣроятностію умереть даже безъ того сожалѣнія, которое, въ подобномъ же случаѣ, невольно возбудилъ бы къ себѣ во многихъ заслуженный и знаменитый Минихъ. Къ особенному счастію Лестока, ничего подобнаго, какъ мы видѣли, не случилось — и онъ имѣлъ всѣ права, сравнивая оконченное имъ дѣло съ миниховскимъ набѣгомъ, очень выгодно щекотать собственное свое самолюбіе, а съ другой стороны, твердо надѣяться на милости къ себѣ новой императрицы.

[1]) Конецъ этого Шварца незавиденъ: ливонская поселянка, которую полковникъ хотѣлъ изнасиловать, на смерть заколола его вилами. См. Helbig, с. 206.

Полная довѣренность Елизаветы къ новому лейбъ-медику незамедлила обнаружиться въ первые же дни правленія ея величества, ознаменованные милостями къ однимъ, гоненіемъ другихъ и совершенною перетасовкою въ высшихъ слояхъ чиновной іерархіи. Тогда, по ходатайству Лестока [1]), возвращены изъ шлиссельбургскаго и ивангородскаго заточеній князья Василій и Михаилъ Владиміровичи Долгорукіе, а Алексѣю Петровичу Бестужеву отдано прежнее старшинство въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, „для его извѣстно неповиннаго претерпѣнія“ [2]). Слѣдовательно, первый опытъ вновь возникшаго значенія перваго лейбъ-медика былъ благодѣтеленъ для другихъ. Но это значеніе, несмотря на всю кажущуюся его незыблемость, вовсе не обольщало умнаго Лестока. Онъ справедливо разсчитывалъ, что дальнѣйшее пребываніе его при петербургскомъ дворѣ, соединенное съ особенными милостями императрицы, можетъ обратиться въ положительный вредъ ему, Іоганну-Герману, потому что будетъ неразлучно съ интригами и кознями завистниковъ, сдѣлаться жертвою которыхъ весьма нетрудно. Новый лейбъ-медикъ находилъ для себя гораздо удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ прикинуть на счетахъ услуги свои императрицѣ, получить, что будетъ слѣдовать ему, наличностію, и — по добру по здорову—убраться изъ Россіи въ какой нибудь Целле, гдѣ, опочивая на лаврахъ, вкушать плоды совершеннаго подвига. Этотъ, дѣйствительно, благоразумный образъ мыслей Лестокъ не усомнился тогда же исповѣдать самой императрицѣ. Удивленная намѣреніями своего лейбъ-медика, Елизавета пожелала узнать ихъ причину. „Боюсь, государыня, пророчески отвѣчалъ Іоганнъ-Германъ—что мое возвышеніе наживетъ мнѣ враговъ, которые, очернивъ меня въ глазахъ вашего величества,

---

[1]) Geschichte des russischen Staats, von der Ernst-Hermann. Hambourg, 1853 г.; V, с. 185.

[2]) См. Им. ук., данный прав. сенату 29 ноября 1741 г.

устроютъ, можетъ быть, мою ссылку" [1]). Тогда императрица ласково ободрила Лестока, милостиво обнадежила его въ неизмѣнномъ къ нему благоволеніи и столь же милостиво не согласилась отпустить его изъ Россіи, на что у ея величества былъ свой разсчетъ, конечно, вѣрный. Дворъ новой государыни, въ началѣ составленный на-скоро изъ людей до сихъ поръ незначительныхъ, низко рожденныхъ, даже малограмотныхъ, обязанныхъ мгновеннымъ восхожденіемъ по степенямъ ранговой табели единственно слѣпому случаю, пестрѣлъ смѣшеніемъ личностей, нерѣдко забавныхъ [2]), и далеко не представлялъ императрицѣ богатаго выбора способныхъ и дѣльныхъ помощниковъ, въ которыхъ ея величество существенно нуждалась [3]). Князь Черкасскій и князь Трубецкой, недавніе приверженцы Елизаветы, хотя и были, сравнительно съ другими, дѣльцы опытнѣйшіе, но еще болѣе отличались, одинъ своею лѣностію, другой пронырливостію, и оба жестокосердіемъ; Ушаковъ и Чернышевъ, устарѣвшіе придворные Петра, не имѣли другихъ достоинствъ; князь Куракинъ только и могъ быть оберъ-шталмейстеромъ. Оставался Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, но и этотъ единомышленникъ Бирона, вѣроломно измѣнившій низвергнутому герцогу, состоялъ, съ того времени, не у дѣлъ, находясь какъ-бы подъ спудомъ. О Воронцовѣ говорить нечего, онъ былъ еще очень юнъ. Въ такой средѣ и при такихъ обстоятельствахъ, умный и просвѣщенный Лестокъ выигрывалъ чрезвычайно и, разумѣется, останавливалъ на себѣ вниманіе государыни, всегда имѣвшей въ немъ разумнаго совѣтника и только что видѣвшей опытъ его самоотверженнаго, по ея мнѣнію, усердія. Стало быть, Лестокъ, помимо давнишней привычки Елизаветы къ его услугамъ [4]), оказывался не-

[1]) Manstein, с. 444 — 445.

[2]) Denkwürdigkeiten, с. 81—82.

[3]) Extr. d. dép , с. 93.

[4]) Hermann, V, с. 9.

обходимымъ ея величеству, какъ императрицѣ и самодержицѣ.

Наконецъ, между причинами, сохранившими Россіи еще одного временщика, могли существовать и просьбы дрожайшей половины Іоганна-Германа, грязной Алиды, весьма естественно желавшей принять участіе въ начинавшемся значеніи своего супруга и побывать на своемъ вѣку важной барыней.

Какъ бы то ни было, Лестокъ остался въ Россіи и при дворѣ; слѣдовательно—долженъ былъ принять мѣры къ дальнѣйшему сохраненію своего случайнаго значенія, а прежде всего, къ обезпеченію своего домашняго спокойствія.

Послѣдняго, Іоганнъ-Германъ, незатруднявшійся въ выборѣ средствъ, думалъ достигнуть скорѣйшею карою соперника своего въ обладаніи прелестями невѣрной Алиды. Благодаря внушеніямъ мстительнаго супруга, баронъ Куртъ Александръ Шембергъ, вскорѣ по воцареніи Елизаветы, устраненъ отъ управленія горнозаводскою частію [1]), подвергнутъ отчету, начету и аресту, получилъ свободу не ранѣе 1745 года (и то стараніями жены своей, нарочно ѣздившей въ Саксонію просить тамошній дворъ о ходатайствѣ за ея мужа) и, заплативъ 200,000 руб., оставилъ Россію. Впослѣдствіи, самъ же Лестокъ отдавалъ справедливость Шембергу, какъ администратору, и открыто говорилъ, что баронъ не былъ казнокрадомъ [2]). Касательно же личнаго положенія Лестока при дворѣ, лейб-медикъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что оно состоитъ въ тѣсной связи съ упроченіемъ за провозглашенною недавно императрицею ея прародительскаго престола. Подобное убѣжденіе, оказавшееся впослѣдствіи совершенно ошибочнымъ, съ самого начала заставило Лестока быть

---

[1]) Вскорѣ упраздненъ и самый генералъ бергъ-директоріумъ замѣненный, въ іюлѣ 1742 года, бергъ-коллегіею.

[2]) Anecd. intéress. V. c. 36.

бдительнымъ и ревнивымъ стражемъ самодержавія Елизаветы, а за нимъ, какъ полагалъ лейбъ-медикъ, и собственнаго своего благополучія. Случай выказать такое эгоистическое усердіе представился Лестоку очень скоро—и навсегда рѣшилъ судьбу браунштейгскаго семейства. Ухватясь за нѣкоторыя показанія судимыхъ тогда Остермана и Миниха [1], полагавшихъ правительницу уже въ безопасности и потому, для собственнаго спасенія, взводившихъ на нее разныя обвиненія [2]), Лестокъ, естественно обезпокоиваемый предположеннымъ освобожденіемъ имъ же низверженной фамилии [3]), поспѣшилъ пустить въ ходъ новыя внушенія, которыя увѣнчались такимъ же успѣхомъ, какъ и первыя, сдѣланныя по поводу барона Шемберга. Брауншвейгское семейство, таинственно и по одиначкѣ вывезенное уже, подъ конвоемъ, изъ Петербурга—съ выдачею 30,000 руб. на подъемъ, обѣщаніемъ пенсіи въ 50,000 руб. и взятіемъ обязательства никогда не возвращаться въ Россію [4])—и медленно направлявшееся тогда по рижской дорогѣ въ Германію, было остановлено въ Ригѣ и здѣсь стѣснено заключеніемъ.

И такъ, новые проблески могущества Лестока выказали въ немъ человѣка, одинаково способнаго и благодѣтельствовать людямъ, ему немѣшавшимъ, и приносить жертвы собственному эгоизму.

Одновременно съ кознями противъ Шемберга и брауншвейгскаго семейства, лейбъ-медикъ былъ занятъ высочайше порученными ему переговорами съ прусскимъ министромъ въ

---

[1]) Слѣдственную коммиссію надъ Остерманомъ и др. составляли: ген. Ушаковъ, ген.-прокур. кн. Трубецкой, ген. Левашевъ, об.-шталм. кн. Куракинъ, тайн. сов. Нарышкинъ и бывшій презид. юстиц.-коллегіи кн. Голицинъ. Протоколъ засѣданій велъ. Ив. Ив. Бецкой.

[2]) Relation exacte et circonstanciée de la guerre entre la Moscovie et la Suède. Utrecht, 1742 г. II, с 14.

[3]) Hermann. V, с. 14.

[4]) Relat. exac. etc. I, с. 130.

Петербургѣ Мардефельдомъ и перепиской съ самимъ королемъ Фридрихомъ II, по поводу быстраго и секретнаго путешествія въ Петербургъ [1]) племянника Елизаветы, герцога голштинскаго Карла-Петра-Ульриха, и, такимъ образомъ, неожиданно замѣшался въ политику. Но политическое состояніе тогдашней Европы, раздѣленной знаменитою прагматическою санкціею на два враждебные лагеря, походило на что-то въ родѣ кризиса и требовало отъ политическихъ дѣятелей того времени соображеній глубокихъ, осторожности чрезвычайной и способностей испытанныхъ. Лестокъ понималъ это очень хорошо, сознавалъ себя неприготовленнымъ ни къ чему подобному, имѣлъ еще на своей шеѣ посулы шведамъ и, не надѣясь на поддержку благодѣтеля Шетарди, обратился за другою—къ человѣку опытному, казавшемуся другомъ Лестока и способному, по мнѣнію лейбъ-медика, изъ одной благодарности, остаться навсегда его надежною во всемъ помогою. Въ такихъ видахъ, Лестокъ рекомендовалъ императрицѣ Алексѣя Петровича Бестужева и ходатайствовалъ у ея величества о назначеніи своего друга вице-канцлеромъ, на мѣсто разжалованнаго и судимаго графа Головкина.—„Ты не думаешь о послѣдствіяхъ, отвѣчала императрица ходатаю Бестужева:—самъ связываешь для себя пукъ розогъ“ [2]). Со всѣмъ тѣмъ, Бестужевъ, женатый на нѣмкѣ Беттигеръ, бывшей гувернанткѣ Елизаветы [3]), и поддерживаемый старикомъ Черкасовымъ, управлявшимъ кабинетными дѣлами ея величества, былъ утвержденъ вице-канцлеромъ, и, спустя нѣсколько времени, вполнѣ оправдалъ

---

[1]) Тамъ же. II, с. 26.

[2]) Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et necrologiques, par Spada. S. Petersbourg. 1816 г., II, с. 666 — 667.

[3]) Отецъ этой Беттигеръ, въ 1716 и др. гг. былъ русскимъ резидентомъ при нижне-саксонскомъ округѣ. У него, въ Гамбургѣ, всегда останавливались Петръ и Екатерина, пожаловавшіе хозяину собственные свои портреты.

предсказанія императрицы Лестоку. Лейбъ-медикъ, предвидя, что политическія порученія на собственную его долю не ограничатся одною перепискою съ прусскимъ королемъ, озаботился еще пріисканіемъ себѣ умнаго и образованнаго секретаря и пригласилъ въ эту должность датскаго уроженца Адама-Бургарда Селлія, извѣстнаго, впослѣдствіи, подъ именемъ Никодима, русскаго монаха-писателя [1]).

Между тѣмъ значеніе лейбъ-медика возростало, и награды сыпались на него одна за другою. 18-го декабря того же 1741 г., въ день рожденія императрицы, Іоганнъ-Германъ Лестокъ, „для оказанной отъ него чрезъ многіе годы вѣрной службы и особливой вѣрности къ высочайшей ея императорскаго величества особѣ“ [2]), назначенъ генералъ-директоромъ медицинской канцеляріи, то-есть главою всей медицинской части въ Россіи. Это новое званіе, приписанное въ табели о рангахъ ко 2-му классу, соединялось съ особымъ жалованьемъ по 7,000 рублей въ годъ, приносило еще болѣе дохода отъ выдачи разрѣшеній на медицинскую практику въ Россіи и, разумѣется, обращало въ нуль бывшее до того медицинское первенство добраго старика Іоганна-Бернгарда Фишера, послѣдняго русскаго архіатера, тотчасъ же попросившаго объ увольненіи, „которое и дано было ему съ великою честію“ [3]).

Въ тотъ же день, 18-го декабря, Лестоку пожалованъ брильянтовый портретъ императрицы, цѣною въ 20,000 руб., для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, „а вечеромъ—пишетъ Финчъ—г-жа Лестокъ была на придворномъ балѣ и всѣ кавалеры, которымъ удавалось протанцовать съ нею, считали себя счастливыми“ [4]).

---

[1]) См. словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, митроп. Евгенія. С.-Петерб. 1818 г. II, с. 464.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1741 г., № 102.

[3]) Ист. медиц. въ Россіи, III, с. 273.

[4]) Extr. d. dep., c. 90.

Вознесенный, и такъ быстро, на возможную для медика высоту, Лестокъ ясно сознавалъ, что цѣли его достигнуты, и самъ видѣлъ, что было бы смѣшно и неблагоразумно желать еще большаго.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, недоставало Іоганну-Герману Лестоку?

Чужеземецъ, онъ самодовольно созерцалъ въ настоящемъ правленіи Россіи дѣло рукъ своихъ; выходцу изъ Целле, ему низко кланялись русскіе сановники; самъ, когда-то ничтожный узникъ въ Шателе, онъ теперь выслушивалъ мольбы знаменитаго заключенника Остермана [1]); авантюристъ, онъ наслаждался рѣдкою удачей; корыстолюбецъ, онъ осязалъ крупныя выгоды. И чтобы сохранить, по крайней-мѣрѣ, послѣднія Лестокъ намѣревался пристально заняться ввѣренною ему медицинскою частію, не вмѣшиваясь, по возможности, ни въ серьёзную политику, ни, тѣмъ болѣе, въ придворныя интриги.

Но такое намѣреніе, едва-ли выполнимое въ любой придворной средѣ, оказывалось химерою при дворѣ Елизаветы, особенно въ отношеніи къ новому генералъ-директору медицинской канцеляріи, мнѣнія и совѣты котораго императрица, какъ мы видѣли, полагала для себя необходимыми. То-есть, Лестоку вовсе не готовился жребій одного изъ его петровскихъ предмѣстниковъ, Робертуса Карловича Арескина, „о добромъ обхожденіи котораго его царское величество хотя довольные опыты имѣлъ, но его ни въ какія государственныя дѣла, к р о м ѣ в ъ л е к а р с т в ѣ, не употреблялъ“ [2]). Первому лейбъ-медику Елизаветы приходилось, напротивъ, ежедневно убѣждаться въ своей политической роли и, для начала, объявлять требуемыя отъ него мнѣнія о шведскихъ

---

[1]) Остерманъ, находясь въ крѣпости, приглашалъ къ себѣ Лестока, который посѣтилъ узника, но не могъ помочь ему.

[2]) Голиковъ. VI, с. 192.

дѣлахъ, которыя въ то время были на первомъ планѣ несформировавшейся еще политики новаго русскаго правительства. Эти шведскія дѣла, конечно, лежали на совѣсти Лестока и, при неблагополучномъ исходѣ своемъ, могли бы повредить личному положенію лейбъ-медика при дворѣ императрицы. Стало быть, устроить ихъ къ своему благу, для котораго они и были затѣяны — вотъ чего естественно желалъ Лестокъ. Еслиже при его личномъ выигрышѣ выигрывала и Россія—тѣмъ лучше. А такъ-какъ для начала, пока новое русское правительство еще не укрѣпилось и не успѣло привыкнуть къ веденію дѣла, и тѣмъ болѣе войны, слѣдовало усыпить шведовъ ожиданіемъ всего, что имъ обѣщано, но не повторять обѣщаній, то, при самомъ воцареніи Елизаветы, было заключено изустное перемиріе съ Левенгауптомъ [1]), и въ томъ же духѣ предписаны конференціи съ шведскими министрами, назначенныя въ Выборгѣ.

При своей исключительной прикосновенности къ шведскимъ дѣламъ, Лестокъ и въ другихъ отношеніяхъ былъ поставленъ не менѣе исключительно. Изъ всѣхъ иноземцевъ, только съ нимъ, да еще съ Шварцемъ, обнимались и панибратствовали грубые лейбъ-компанцы, презиравшіе все нерусское и, въ свою очередь, одни изъ всѣхъ русскихъ пользовавшіеся правомъ до того буйно и неделикатно пировать съ своими женами во дворцѣ, что для личнаго спокойствія самой императрицы, изъ всѣхъ дворцовыхъ апартаментовъ едва оставался одинъ.

Но и при подобномъ порядкѣ вещей, продолжавшемся, однакоже, не болѣе трехъ первыхъ недѣль по воцареніи Елизаветы, Лестокъ, все-таки, оставался иностранцемъ, и разумѣется, не могъ сдѣлаться русскимъ. А это племенное

---

[1]) Императрица послала къ Левенгаупту плѣннаго шведскаго капитана Дидрона.

прозвище, при свѣжихъ еще воспоминаніяхъ о недавнемъ изгнаніи Брауншвейгцевъ, чрезвычайно возвысилось въ цѣнѣ и требовалось по преимуществу. Всѣ и каждый поставляли себѣ въ особую заслугу быть русскими—и правительство до того гласно обвиняло иностранцевъ въ бѣдахъ, причиненныхъ Россіи, также въ лишеніи до сихъ поръ дочери Петра ея законнаго наслѣдія, что присутствіе, напримѣръ, графа Головкина между гонимыми, а Іоганна-Германа Лестока между любимцами, представляло анахронизмъ весьма забавный въ томъ отношеніи, что сама императрица, повсюду отыскивавшая всѣхъ, кто былъ или служилъ при родителѣ ея величества, видимо желала окружить себя исключительно соотечественниками. Архіепископъ (Амвросій Юшкевичъ), знаменитый проповѣдникъ того времени, увлекаясь господствовавшимъ мнѣніемъ, гремѣлъ съ каѳедры придворной церкви противъ иностранцевъ, „внутреннихъ и сокровенныхъ враговъ нашихъ", и въ самый день рожденія императрицы, торжественно проповѣдывалъ, что въ предшествовавшее царствованіе, иностранцы, „людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили и разоряли, и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали". „Они продолжалъ проповѣдникъ—только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали; всѣ свои сокровищи, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе мильоны полагали" и т. д. [1]).

Все это было совершенно справедливо и завѣщевалось

[1]) Словарь Бантышъ-Каменскаго. I, с. 43.

потомству тѣмъ самымъ легіономъ иностранцевъ, на который мы указывали въ началѣ нашей статьи.

Но Іоганъ-Германъ Лестокъ, космополитъ въ душѣ и на дѣлѣ, не гнался ни за тѣмъ ни за другимъ племеннымъ прозвищемъ. Съ другой стороны, онъ зналъ про себя, что настоящимъ порядкомъ вещей въ Россіи, какъ бы ни витійствовалъ проповѣдникъ противъ нерусскихъ, и Россія и русскіе одолжены, нѣкоторымъ образомъ, ему, Лестоку, чужеземцу. Несмотря на то, первому лейбъ-медику и генералъ-директору медицинской канцеляріи, все-таки было какъ будто неловко одиночествовать между придворными патріотами; и онъ искренно желалъ скорѣйшаго пріѣзда въ Петербургъ племянника императрицы, герцога Голштинскаго, съ свитою котораго ожидалъ себѣ товарищей, то-есть чужеземцевъ. Но еще раньше исполненія этого пріятнаго для Лестока ожиданія и недѣлю спустя послѣ публичнаго шельмованія Остермана и другихъ павшихъ знаменитостей, лейбъ-медикъ, 25 января 1742 года, былъ взысканъ новою милостію къ нему императрицы. „Ея Императорское Величество—гласилъ именной указъ, данный въ тотъ день сенату—пожалованнаго отъ Ея Величества декабря 18 дня, прошедшаго 1741 года, Іогана-Германа Лестока, за его особливыя оказанныя вѣрныя и давныя услуги и чрезвычайное искуство, первымъ лейбъ-медикусомъ въ рангъ [1]) тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, изъ особливой ея императорскаго величества къ нему милости и въ разсужденіи вышеписанныхъ, оказанныхъ отъ него услугъ, всемилостивѣйше его Лестока пожаловали въ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; а старшинство ему въ томъ чинѣ имѣть съ вышеписаннаго декабря съ 18-го дня прошлаго 1741 года“ [2]). Недѣлю спустя, высокопревосходительный Лестокъ долженъ былъ отплясывать на свадьбѣ вѣр-

---

[1]) То-есть, за-урядъ.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1742 г., № 12.

наго товарища своего по 25-му ноября, каммергера Воронцова, женившагося на двоюродной сестрѣ императрицы, Ан. Карл. Скавронской—и непремѣнно отплясывать, потому что свадьба эта, въ силу особаго высочайшаго распоряженія, праздновалась во дворцѣ, по точному образу и подобію свадебъ петровскаго времени, о которыхъ не разъ подробно разсказываетъ намъ каммеръ-юнкеръ Берхгольцъ въ своемъ любопытномъ „Дневникѣ". Наконецъ, 5-го февраля, прибылъ въ Петербургъ племянникъ императрицы, герцогъ Голштинскій, котораго ожидалъ Лестокъ съ такимъ нетерпѣніемъ; и новый лейбъ-медикъ императрицы незамедлилъ завязать тѣсныя отношенія съ первымъ гофмаршаломъ и наставникомъ герцога Брюммеромъ, поспѣшилъ ознакомиться съ оберъ-каммергеромъ его высочества Берхгольцемъ, авторомъ только что упомянутаго нами „Дневника", уже незапервые видѣвшимъ Россію.

Въ то же самое время, Петцольдъ, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, доносилъ своему двору, что „придворное значеніе Лестока превышаетъ всѣ остальныя значенія. Лейбъ-медикъ докладываетъ императрицѣ обо всемъ, отъ малаго до большаго, и никто не отваживается положить предѣлъ такому странному порядку вещей" [1]). Къ этому Петцольдъ присовокуплялъ: „Лестокъ часто высказываетъ мнѣ, что желалъ бы возвратиться къ прежнему своему положенію. Онъ жалуется, что министры, не рѣшаясь лично докладывать императрицѣ дѣла, имѣющія предметомъ или выпрашиваніе у ея величества какой нибудь благостыни, или доведеніе до высочайшаго свѣдѣнія чего нибудь непріятнаго, обыкновенно убѣждаютъ его взять этотъ трудъ на себя и, въ благодарность, платятъ ему одною ненавистью" [2]). Не всегда, впрочемъ, непріятные доклады взваливались на Лестока другими;

[1]) Hermann, V, с. 9.

[2]) Тамъ же.

случалось, что они, такъ-сказать, наклевывались сами, и вотъ тому примѣръ. Однажды къ Лестоку явились неизвѣстные люди, въ какихъ-то чекменяхъ, и начали ему кланяться. Лейбъ-медикъ милостиво спросилъ неизвѣстныхъ людей, кто они и чтб имъ надо? Неизвѣстные люди отвѣчали, что они — башкирское посольство, пріѣхали изъ Астрахани, живутъ въ Петербургѣ вотъ уже два мѣсяца, совсѣмъ поиздержались, а о допускѣ ихъ на аудіенцію къ императрицѣ нѣтъ и помина. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что посольство это, пріѣхавшее съ жалобою на астраханскаго губернатора Татищева, задерживаетъ канцлеръ, князь Черкасскій, который получилъ отъ Татищева 30 т. руб. Лейбъ-медикъ тотчасъ же довелъ все дѣло до свѣдѣнія государыни, и ея величество, пославъ немедленно представить себѣ пословъ, спросила Лестока: почему же, если не докладываетъ канцлеръ, молчитъ вице-канцлеръ? Этотъ вопросъ доставилъ лейбъ-медику возможность объяснить ея величеству о ходѣ дѣлъ въ иностранной коллегіи, лежавшихъ по мѣсяцу на дому у канцлера, который не сообщалъ о нихъ даже вице-канцлеру, а послѣдній не осмѣливался докладывать самопроизвольно [1]).

Въ такомъ положеніи были придворныя дѣла Лестока, когда ему пришлось слѣдовать за императрицею въ Москву, куда ея величество отъѣзжала для своего коронованія, назначеннаго въ апрѣлѣ. Дворъ оставилъ Петербургъ 22-го февраля. Переѣздъ до Москвы продолжался трое сутокъ. Императрица совершала это путешествіе въ линеѣ, съ мѣстами и столомъ внутри, обитыми зеленымъ сукномъ [2]). Лестока сопровождала его супруга. По всей дорогѣ отъ Петербурга до Москвы, „жители городовъ и деревень о прибытіи желаемой своей государыни чрезвычайную радость оказывали“ [3]). Молодыя ёлки, поставленныя по обѣ стороны зим-

[1]) Hermann. V, с. 13—14.

[2]) См. Московская оружейная палата. Москва, 1860 г. с. 261.

[3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1742 г., № 20.

няго пути, представляли подобіе аллей. У каждой подставы эти аллеи были двойныя, съ воротами, украшенными зеленью. Ночью, путь освѣщался иллюминаціею смоляныхъ бочекъ. Въ селахъ и деревняхъ, мужчины становились по одной сторонѣ дороги, а женщины по другой, и такъ встрѣчали императрицу. Отъ всѣхъ церквей по пути, проѣзжавшая императрица привѣтствовалась торжественнымъ звономъ; изъ всѣхъ монастырей, въ преднесеніи хоругвей, выходила на встрѣчу ея величеству вся братія. Народъ повсемѣстно восклицалъ ура! [1]) 26-го февраля, императрица прибыла въ с. Всесвятское, гдѣ приняла всеподданнѣйшія поздравленія московской знати, а 28-го февраля имѣла торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу русскаго царства.

Съ чувствомъ, похожимъ на торжество побѣдителя, созерцалъ счастливый лейбъ-медикъ ряды гвардейскихъ, армейскихъ и ландмилицкихъ полковъ, тянувшіеся отъ Тверскихъ воротъ, по Кремлю, до самой Яузы; любовался украшеніями и надписями тріумфальныхъ воротъ, нарочно воздвигнутыхъ на разныхъ пунктахъ Москвы [2]); слушалъ привѣтственные канты семинаристовъ; какъ-бы самъ принималъ презенты, подносимые купечествомъ государынѣ, и съ полнымъ самодовольствіемъ заключилъ свой день баломъ въ Яузскомъ дворцѣ, гдѣ остановилась императрица. Непосредственно за въѣздомъ, послѣдовали придворные выходы, обѣды, куртаги, непрерывавшіеся до самой коронаціи, и требовавшіе, конечно, постояннаго присутствія перваго лейбъ-медика государыни.

Но въ то же самое время еще бо̀льшаго вниманія Лестока требовали шведскія дѣла, потому что трехмѣсячный

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тріумфальныхъ воротъ было четверо: 1) на Тверской, у Земляного города—отъ Московской губерніи; 2) въ Китай-городѣ, близь рядовъ—отъ синода; 3) на Мясницкой, у Земляного города—отъ купечества; 4) при р. Яузѣ — отъ дворцоваго вѣдомства.

срокъ перемирія съ шведами уже истекалъ. Шведскій главнокомандующій, Карлъ-Эмиль Левенгауптъ, услуживъ новому правительству въ Россіи согласіемъ на самое перемиріе [1]), питалъ надежды на близкій и выгодный для Швеціи миръ и, вѣруя въ значеніе Шетарди, защитника шведскихъ интересовъ при русскомъ дворѣ, держалъ свою армію на зимнихъ квартирахъ, тогда какъ Финляндія оставалась безъ всякой обороны. Не видя, однакоже, никакихъ признаковъ близкаго мира, потому что выборгскія конференціи не кончались ничѣмъ, Левенгауптъ, связанный самъ по рукамъ и ногамъ стокгольмскимъ сеймомъ, раздѣленнымъ на множество партій, не зналъ что дѣлать и, съ истеченіемъ перемирія, отправилъ на всякій случай въ Москву полковника Лагеркранца, съ предложеніемъ продлить перемиріе еще на два мѣсяца Но въ Москвѣ знали уже что дѣлать. Ловкій Лестокъ, принимая въ основаніе своихъ соображеній внутренніе раздоры тогдашней Швеціи, безъ которыхъ все могло бы быть иначе, видѣлъ въ то же время Левенгаупта вполнѣ усыпленнымъ, а Финляндію совершенно беззащитною. Съ другой стороны, лейбъ-медикъ находилъ правительство императрицы уже достаточно упроченнымъ для того, чтобъ принять самостоятельный тонъ, который и незамедлилъ обнаружиться. Императрица, до сихъ поръ поставленная въ необходимость скрывать свое справедливое неудовольствіе на притязанія шведовъ, требовавшихъ Кареліи, Выборга и Кексгольма, съ частію Ливоніи, громко заявила теперь это неудовольствіе и, съ истеченіемъ перемирія, послала нарочнаго сказать Левенгаупту, что если Швеція несогласна принять миръ на основаніяхъ нейштадтскаго трактата, миру не быть. Казаки тогда же

---

[1]) Современники считали Левенгаупта однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей благополучно совершившейся въ 1741 г. перемѣны правленія. См. Schreiben eines Freundes wegen der Execution so an denen gewesenen Staats-Ministern zu S. Petersb. den 29 Jan. 1742 г. ist vollzogen worden с. 8.

ворвались въ Финляндію, Ласси отправился къ Выборгу, у котораго сосредоточилось до сорока тысячъ русскаго войска, а Лагеркранцъ и де-Крепи, шпіонъ маркиза Шетарди при Левенгауптѣ, пріѣхали въ Москву, гдѣ первый не имѣлъ никакого успѣха, можетъ быть потому, что безъ вѣдома императрицы затѣялъ предлагать шведскую корону племяннику ея величества, герцогу Голштинскому [1]).

Послѣ такого распорядка шведскихъ дѣлъ, значеніе Лестока въ Москвѣ продолжало сохранять тотъ же характеръ, какъ и въ Петербургѣ. Лейбъ-медикъ почти безвыходно былъ во дворцѣ, всюду сопровождалъ императрицу и даже, великимъ постомъ, когда въ аппартаментахъ богомольной государыни было—по выраженію тогдашнихъ вѣдомостей—„все тихо“, оставался въ числѣ немногихъ постоянныхъ собесѣдниковъ ея величества. Кромѣ того, пользуясь самъ правомъ беззапретнаго входа къ императрицѣ во всякое время, Лестокъ, состоявшій уже на жалованьѣ Франціи, доставлялъ и представителю этой державы въ Россіи, маркизу Шетарди, аудіенціи у монархини, недоступныя другимъ иностраннымъ посламъ, а именно—лейбъ-медикъ вводилъ маркиза даже въ опочивальну императрицы, гдѣ ея величество, по случаю частыхъ коликъ, безвыходно оставалась иногда цѣлыя недѣли [2]). Такое ревностное служеніе Лестока пользамъ Франціи сильно не нравилось Бестужеву, которому, однакоже, со времени его вице-канцлерства, платили и Англія и Австрія. Не говоря уже о томъ, что интересы этихъ двухъ державъ были совершенно противоположны французскимъ, вице-канцлеръ тѣмъ болѣе преисполнялся досадою, что самъ онъ,

---

[1]) Лагеркранцъ, пустой крикунъ, предводитель молодежи на безпорядочныхъ шведскихъ сеймахъ. Возвратившись изъ Москвы, онъ объявилъ молодежи, что герцогъ Голштинскій не прочь быть шведскимъ королемъ—здоровье герцога, подъ именемъ Карла XIII, пилось уже на офицерскихъ пирушкахъ, вслѣдствіе чего Левенгауптъ велѣлъ арестовать Лагеркранца. См. Hermann. V, с. 54.

иногда, по недѣлямъ не видалъ государыни, и при этомъ едва могъ разсчитывать на четверть-часовой докладъ—тогда какъ Лестокъ былъ домашнимъ человѣкомъ ея величества, и пользуясь этимъ, всегда могъ съ удобствомъ развивать внушенія Шетарди [1]). Отсюда непріязнь вице-канцлера къ лейбъмедику, сначала скрытая.

Между тѣмъ приблизилось время коронаціи, въ которой должность верховнаго церемоніймейстера была возложена на барона Любераса, нѣкогда сверстника Лестока при дворѣ Петра I. 22-го апрѣля, на московскихъ улицахъ явились герольды, съ объявленіемъ народу о днѣ совершенія священнаго обряда. Ими предводилъ генералъ-кригсъ-комисаръ, Бутурлинъ, другой знакомецъ лейбъ-медика по двору цесаревны, при Петрѣ II. 23-го апрѣля императрица переселилась изъ Яузскаго дворца въ Кремлевскій-Потѣшный. Здѣсь занялись разрѣшеніемъ споровъ о мѣстахъ при церемоніалѣ, возникшихъ между иностранными послами. Лейбъ-медикъ дѣятельно участвовалъ въ совѣщаніяхъ—и ему именно высказано было высочайшее мнѣніе, что ди-Ботта, посолъ Маріи-Терезіи, меньше всѣхъ имѣетъ право важничать, а если желаетъ чваниться, можетъ убираться, откуда пришелъ; причемъ государыня изъяснилась, что ея величеству дорого расположеніе людей преданныхъ, а вовсе не дружба какой-нибудь голячки-королевы [2]).

Наконецъ, 25-го апрѣля, на разсвѣтѣ, раздался залпъ изъ 31 пушки, а въ 9 часовъ утра загудѣлъ съ Ивана-Великаго двухтысячный Реутъ [3]) и возвѣстилъ Москвѣ насту-

---

[1]) Тамъ же, с. 10.

[2]) Hermann, V.

[3]) Тамъ же, с. 15.

[4]) Нынѣшняго успенскаго—или праздничнаго—колокола, вѣсящаго 4 тыс. пуд., тогда еще не было. Онъ отлитъ, мастеромъ Слизовымъ, въ 1760 г., а въ настоящій вѣсъ перелитъ не ранѣе 1819 года. См. Москва или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ государства россійскаго. Москва. 1827 г. II, с. 44.

пленіе вожделѣннаго торжества. Москва откликнулась всѣми сорока-сороками и затрезвонила „во вся“. Церемоніальная процессія двинулась. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ и генералъ-директоръ медицинской канцеляріи Лестокъ шелъ въ головѣ представителей русскаго медицинскаго сословія, и потомъ присутствовалъ въ соборѣ, гдѣ имѣлъ удовольствіе увидѣть свою супругу, г-жу Лестокъ, помѣщенную наряду съ знатнѣйшими придворными дамами. Но еще бо́льшее удовольствіе испытывалъ счастливый авантюристъ, наблюдая, во время священнаго обряда коронованія, красавицу-императрицу, къ которой такъ шли и многоцѣнный царскій вѣнецъ, и серебрянная глазетовая роба, выложенная золотымъ позументомъ... [1]). Много въ этотъ день объявлено чиновъ, орденовъ, титуловъ и званій вельможамъ, много разбросано денегъ народу. Но въ спискѣ награжденныхъ не встрѣчается имя Лестока, который, однакоже, при всемъ своемъ благоразуміи, предпочитавшемъ всему золото, имѣлъ, какъ говорятъ, непонятную слабость—желать андреевской ленты, полученной, 25-го апрѣля, его новымъ другомъ Брюммеромъ. А такъ-какъ день коронованія Елизаветы едва-ли могъ безвыгодно миновать для Лестока, то можно предполагать съ большею вѣроятностію, что какое-нибудь негласное, но богатое даяніе, излившееся отъ монаршихъ щедротъ, успокоило пароксизмъ звѣздоманіи лейбъ-медика.

Цѣлую недѣлю торжествовала Москва, и цѣлую недѣлю, вкушая созрѣвшіе плоды собственнаго предпріятія, безъ устали присутствовалъ Лестокъ на всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ, утомлявшихъ, вѣроятно, не одну придворную личность. При этомъ лейбъ-медикъ, конечно, не имѣлъ времени перечитывать „всеподданнѣйшее поздравленіе“ императрицѣ, академическимъ секретаремъ Тредьяковскимъ „въ привѣтственной одѣ изображенное“ и, къ удовольствію читателей, оканчивавшееся

---

[1]) См. москов. оруж. палата. 1860 г. с. 86.

стихомъ: „конецъ творю лірныхъ играній“ [1]). Но за то лейбъ-медикъ дѣятельно парализировалъ внушенія Мардефельда и ди-Ботта, посланниковъ прусскаго и венгеро-богемскаго, которые, во время торжествъ, неотступно просили императрицу объ отпускѣ изъ Риги брауншвейгскаго семейства [2]). Обѣдомъ и баломъ, 1-го мая, въ Яузскомъ дворцѣ, окончились торжества въ маломъ видѣ и съ участіемъ меньшаго количества избранныхъ. Необходимо принадлежа къ числу такихъ избранниковъ, лейбъ-медикъ ея величества, вслѣдъ за окончаніемъ торжествъ, употреблялся и на другую службу, конечно, почетную: наряду съ президентами коллегій, онъ дежурилъ у императорскихъ регалій, выставленныхъ на 12 дней въ Грановитой Палатѣ и, въ теченіе этого времени, привлекавшихъ сюда тысячи любопытствующихъ [3]). А когда окончилось и это, въ рукахъ лейбъ-медика, особы второго класса, остались двѣ медали, золотая въ 30 червонцевъ и серебрянная въ 24 золотника, съ надписью на первой: „Промыслъ божескій чрезъ вѣрныхъ подданныхъ“ [4]). Такая надпись прямо свидѣтель-

[1]) Родной племянникъ лейбъ-медика, «королевской пру ской надворной фискалъ и при верховныхъ судахъ, такожъ и при кенигсбергскихъ магистратахъ, адвокатъ» Іоганнъ-Лудвигъ Лестокъ, тоже усердствовалъ сочиненіемъ и присылкою нѣмецкихъ «Стиховъ» по случаю коронованія императрицы всероссійской. Стихи адвоката тогда же были переложены въ русскую прозу и напечатаны въ Вѣдомостяхъ. Вотъ, для образчика, 1-я строфа:

«Промыслъ спалъ; статское искуство дремало; всероссійской имперіумъ былъ театръ, на которомъ дикая злость ярость и свирѣпство свое изліяла; а гордости пышное мечтаніе помутѣло и великихъ мужей умъ, и ревность оныхъ преодолѣло». Эта діатриба — изображеніе Россіи при Аннѣ Леопольдовнѣ. См. Прим. къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 1742 г. часть 49.

[2]) Relation circonst. etc., II, c. 77.

[3]) Любопытствующихъ перебывало, въ 11 дней, 136,258 человѣкъ. См. Камеръ-Фурьерскій журналъ 1742 г.

[4]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1742 г.

ствовала, что Іоганнъ-Германъ Лестокъ, выходецъ изъ Целле. былъ въ 1741 году первымъ въ Россіи вѣрнымъ подданнымъ. Но, несмотря на всю ясность подобнаго довода, послѣдній вовсе не былъ убѣжденіемъ другихъ вѣрноподданныхъ, изъ которыхъ канцлеръ князь Черкасскій и вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ менѣе прочихъ были расположены уважать въ особѣ лейбъ-медика какія нибудь заслуги, и, напротивъ, очень бы желали сбыть эту особу съ рукъ. Такое желаніе, весьма естественное въ министерско-придворномъ быту, еще болѣе усиливалось политическимъ поведеніемъ Лестока въ Москвѣ, которое, оставаясь полезнымъ для личныхъ выгодъ лейбъ-медика, приводило въ негодованіе и канцлера, и вице-канцлера. Излишняя преданность Лестока интересамъ французскаго двора была и тутъ главнѣйшимъ поводомъ ко всѣмъ неудовольствіямъ, а шведскія дѣла, этотъ невольный конекъ лейбъ-медика, ссорили его со многими. Случаи къ такимъ неудовольствіямъ и ссорамъ представлялись очень часто; а Лестокъ нетолько не заботился объ ихъ предотвращеніи, но и самъ, какъ не дипломатъ, подавалъ къ нимъ поводъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ дней торжествованія коронаціи, совпавшій съ днемъ рожденія Лестока, 29-го апрѣля, императрица, нерѣдко посѣщавшая своего лейбъ-медика, прислала сказать Лестоку, что вечеромъ она пожалуетъ къ нему, а потомъ возьметъ его съ собою на верховую прогулку-инкогнито по иллюминованнымъ улицамъ Москвы. Прибывъ, въ назначенное время, къ лейбъ-медику, императрица нашла уже у него маркиза Шетарди, заранѣе предувѣдомленнаго другомъ о прекрасномъ случаѣ блеснуть предъ другими посланниками особеннымъ расположеніемъ къ нему императрицы. И втроемъ, безъ всякой свиты, императрица въ мужскомъ платьѣ, отправились они на лошадяхъ, заготовленныхъ Лестокомъ [1]).

---

[1]) Hermann, V, с. 19. О посѣщеніи Лестока императрицею именно въ этотъ вечеръ, см. «С.-Петерб. Вѣд.» 1742 г. № 44.

Можно себѣ представить, какъ завидовали счастливому Шетарди всѣ другіе посланники, и какъ досадовали на Лестока ихъ русскіе партизаны-министры. И нѣтъ ничего мудренаго, если шведскій посолъ графъ Нолькенъ, вслѣдъ затѣмъ явившійся въ Москву съ послѣднею попыткою заключить выгодный для Швеціи миръ, былъ вынужденъ, несмотря на любезный пріемъ императрицы и многократное присутствованіе свое на конференціяхъ у разныхъ министровъ, уѣхать изъ Москвы ни съ чѣмъ. Послѣднему обстоятельству, независимо отъ требованій графа Нолькена, дѣйствительно неумѣстныхъ, много помогло то, что на конференціяхъ сторону посланника постоянно держалъ и сильно за него хлопоталъ маркизъ Шетарди, ненавидимый всѣмъ русскимъ дворомъ, за исключеніемъ Лестока. Впрочемъ, Шетарди этимъ и покончилъ участіе свое въ шведскихъ дѣлахъ. Маркизъ находилъ, что для Франціи гораздо важнѣе ослаблять союзъ Россіи съ Австріею, нежели увлекаться интересами Швеціи; а для него самого, представителя Франціи въ Россіи, гораздо приличнѣе не настаивать передъ правительствомъ на исполненіи такихъ обѣщаній, которыхъ правительство, собственно говоря, никогда и не дѣлало.

Между тѣмъ шведы, измученные собственными неурядицами, выступили, весною, въ поле и познали на горькомъ опытѣ, что значило повѣрить Лестоку. Ласси, передъ которымъ повсюду заблаговременно отступалъ Левенгауптъ, безъ выстрѣла овладѣлъ Мендолаксомъ, безъ потери одного человѣка—Фридрихсгамомъ, почти безъ боя дошелъ до Гельсингфорса, принялъ оружіе, положенное передъ нимъ шведскою арміею, предводимою уже генералъ-майоромъ Бускетомъ [1]),

[1]) Ген. Бускетъ подписалъ капитуляцію о сдачѣ арміи своей, всего до 11 т. чел., съ артиллеріею и лошадьми, 24 ав. 1742 г., въ Лилѣ Гоплаксѣ. Финляндскіе полки, всего 10, остались; шведскіе, всего 4, отправлены на родину «съ нашими пашпортами». См. Прим. къ «С.-Петерб. Вѣд.» 1742 г. №№ 82 и др.

и, ставъ побѣдоносно за р. Кюменемъ, въ два мѣсяца окончилъ кампанію.

Такимъ образомъ, благодаря Ласси, или лучше сказать Левенгаупту, и другое дѣло Лестока, подобно первому, готово было улечься въ шляпѣ. Но, около того же времени, опасенія за цѣлость именно перваго дѣла уже начинали вставать въ душѣ лейбъ-медика, потому что тамъ и сямъ оказывались люди, несочувствовавшіе послѣднему перевороту. Въ самой Москвѣ, при дворѣ, открылся лѣтомъ заговоръ въ пользу низверженной правительницы, участники котораго наказаны въ тайнѣ, а зачинщики—камеръ-лакей и два офицера, публично высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь, лакей съ лишеніемъ языка, а офицеры—ноздрей [1]).

Но Лестокъ, живой и даже вѣтреный не по лѣтамъ, недолго находился подъ вліяніемъ этого непріятнаго случая. Безпрерывныя охоты и пѣшковое богомолье императрицы къ Троицѣ, перемежавшееся на возвратномъ пути ѣздою въ экипажахъ послѣ каждыхъ 10 верстъ ходьбы, и продолжавшееся двѣ недѣли — скоро возвратили лейбъ-медику его обычную веселость. Когда же получилась въ Москвѣ реляція о взятіи Гельсингфорса — послѣднемъ изъ множества взятій—реляція, которую политикъ-фельдмаршалъ прислалъ съ своимъ флигель-адъютантомъ капитаномъ Лестокомъ [2]), родственнымъ лейбъ-медику, всѣ страхи и сомнѣнія послѣдняго окончательно разсѣялись. Съ новою энергіею занялся лейбъ-медикъ и генералъ-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи шведскими дѣлами и, узнавъ не безъ радости,

---

[1]) Hermann. V, с. 23.

[2]) Этотъ капитанъ Лестокъ былъ родной племянникъ лейбъ-медика, назывался Христіанъ-Вернеръ-Теодоръ и, впослѣдствіи, служилъ въ Россіи полковникомъ. Впрочемъ, политикъ-фельдмаршалъ не ограничился угожденіемъ одному лейбъ-медику: съ трофеями, забранными въ разныхъ случаяхъ, присланъ въ Москву Бестужевъ, генералъ-адъютантъ Ласси, родственный вице-канцлеру.

что шведы сами просятъ мира — поспѣшилъ привнесть собственное вліяніе на ходъ мирныхъ переговоровъ. Лейбъ-медикъ началъ съ того, что дружныхъ съ нимъ генераловъ, Румянцева и Любераса, рекомендовалъ императрицѣ способнѣйшими людьми для веденія предстоявшихъ конференцій съ шведами. Точно то же представлялъ государынѣ и Бестужевъ, но о братѣ своемъ, оберъ-гофмаршалѣ, и сенаторѣ князѣ Голицынѣ. Въ выборѣ лейбъ-медика императрица находила, однакоже, одно неудобство, что Люберасъ—иностранецъ. Но Лестокъ, и самъ небывшій русскимъ, осмѣлился напомнить ея величеству, что славный и выгодный для Россіи нейштадтскій миръ приготовленъ тоже иностранцемъ [1]). Послѣ такого аргумента — а. вмѣстѣ невольнаго панегирика Остерману, и въ самомъ паденіи воспоминаемому по знаменитымъ заслугамъ, даже врагами — рекомендація лейбъ-медика была вполнѣ апробована и преданные ему генералы отправились полномочными въ Або.

Радуясь со всею Россіею побѣдному исходу подвиговъ Ласси, нестоившихъ дорого ни Россіи, ни ея полководцу, враги Лестока не радовались одному—вліянію лейбъ-медика, торжественно заявленному назначеніемъ въ Або Румянцева и Любераса. Черкасскій и Бестужевъ были въ особенности недовольны счастіемъ, которое такъ упорно продолжало улыбаться Лестоку. Это понятно: и Черкасскому и Бестужеву, политикамъ офиціальнымъ, почти приходилось плясать по дудкѣ Лестока, вовсе не политика. Но значеніе лейбъ-медика было такъ внушительно, что ни канцлеръ, ни вице-канцлеръ не рѣшались еще возставать противъ него открыто. Эта нерѣшимость не была, однако, продолжительна. И первый заговорилъ канцлеръ, когда узналъ, что императрица, безъ совѣта съ нимъ, но по совѣту Шетарди и Лестока, написала и отправила письмо къ французскому королю Людовику XV,

---

[1]) Hermann V, с. 57.

съ приглашеніемъ посредствовать въ переговорахъ между Россіею и Швеціею. Вельможа самолюбивый и честолюбивый, владѣлецъ 70 тысячъ душъ крестьянъ, старикъ, послѣдніе мѣсяцы донашивавшій на землѣ свою одышливую тучность, князь Черкасскій чрезвычайно разобидѣлся невниманіемъ къ нему императрицы и, въ негодованіи на Лестока, изготовилъ лейбъ-медику ковъ. Полагая, что червонцы, во множествѣ проигрываемые лейбъ медикомъ, добываются единственно изъ кармановъ Шетарди, Черкасскій пошелъ и сказалъ о подозрѣніи своемъ самой государынѣ, причемъ просилъ ея величество прекратить вмѣшательство лейбъ-медика въ государственныя дѣла, „отравляющее, не только занятія, но и самую жизнь министровъ“ [1]. Но, увлекаясь однимъ негодованіемъ, канцлеръ позабылъ догадаться, что Лестокъ — вообще незнакомый съ удачею въ картахъ — проигрывалъ и тѣ тысячи рублей, которыми бывалъ жалуемъ, на счастье, изъ собственныхъ рукъ ея величества [2]. Къ тому же, придворный кредитъ самого Черкасскаго, благодаря стараніямъ Мавры Егоровны Шуваловой, весьма любимой императрицею, начиналъ уже тогда упадать. Конецъ концовъ былъ тотъ, что жалоба канцлера осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Очень довольный этою первою попыткою князя Черкаскаго, хотя и неудачною, Бестужевъ остерегался, однакоже, подражать ему. Значительно превосходя старѣйшаго собрата своего, канцлера, и тонкостію, и проницательностію, и коварствомъ, вице-канцлеръ не сомнѣвался, что явное нерасположеніе къ чужеземцамъ, господствовавшее тогда въ русскомъ народѣ и, въ отношеніи къ Лестоку, уже начинавшее отражаться при русскомъ дворѣ, вѣрнѣе, чѣмъ доносъ, поможетъ ему, вице-канцлеру, сломить силу лейбъ-медика чужеземца.

---

[1]) Hermann, V, c. 11.

[2]) Die Heutige Historie u. s. w., c. 397.

Недавнее—и едва неудавшееся—покушеніе гвардейцевъ извести въ Петербургѣ всѣхъ нѣмцевъ [1]), всего лучше доказывало степень сочувствія массы русскихъ къ массѣ нерусскихъ, проживавшихъ въ Россіи, и сильно говорило въ пользу далекихъ видовъ Бестужева. Хотя въ манифестѣ, объявленномъ по случаю безпорядковъ гвардіи въ Петербургѣ, и говорилось „мы не забудемъ никогда, что иностранцы много поспѣшествовали счастливой перемѣнѣ, происшедшей въ нашей имперіи“, но это не могло съ разу измѣнить взглядъ русскихъ на иностранцевъ, въ то время крайне неблагопріятный. Располагая дѣйствовать со стороны именно этого взгляда, Бестужевъ очень хорошо зналъ, что къ нему съ удовольствіемъ присоединятся и Разумовскій, и Шуваловъ, и особенно архіепископъ Новгородскій съ духовными властями—зналъ, что ни Румянцевъ, ни нѣкоторые другіе русскіе, жившіе теперь въ большихъ ладахъ съ лейбъ-медикомъ, не осмѣлятся тогда стоять за своего нерусскаго друга. А въ умѣніи Бестужева вести и оканчивать дѣла хорошо—не сомнѣвался даже и Лестокъ.

Что касается самаго лейбъ-медика, онъ, въ силу своего историческаго подвига, а также и недавнихъ подвиговъ Ласси, дѣйствительно воображалъ себя личностію, близкою сердцу каждаго русскаго, и замѣчая непріязненную холодность къ себѣ придворныхъ, причина которой заключалась именно въ иноземчествѣ Лестока, объяснялъ ее совершенно иначе. „Враги мои — говорилъ онъ Петцольду—за дружбу

---

[1]) Обнаружившись въ Петербургѣ, на святой недѣлѣ 1742 г. это покушеніе имѣло поводомъ ссору двухъ солдатъ на улицѣ, которыхъ хотѣлъ развести офицеръ изъ нѣмцевъ. Такъ какъ этотъ офицеръ оттолкнулъ буянившаго гвардейца, то послѣдній крикнулъ къ себѣ другихъ—и всѣ бросились за нѣмцемъ въ домъ, ворвались въ комнаты, взбѣжали на чердакъ, гдѣ чуть не заколотили до смерти Лассіева адьютанта Сотрона и капитана Брауна. Зачинщики были строго наказаны.

мою съ Шетарди, наступають мнѣ на горло" [1]. И Лестокъ, слишкомъ увѣренный въ своемъ русицизмѣ, продолжалъ неуклонно посѣщать домъ Шетарди, куда, независимо отъ дружескаго пріема самого хозяина, постоянно окруженнаго самымъ образованнымъ обществомъ столицы, лейбъ-медика привлекала увѣренность всегда найти изящный столъ, отличныя вина и большую игру—блага, и вмѣстѣ и порознь обожаемыя лейбъ-медикомъ. Эти дружескія посѣщенія прекратились, однакоже, скорѣе, чѣмъ того желалъ бы Лестокъ: спустя 4 мѣсяца по коронаціи ея величества, маркизъ Шетарди былъ отозванъ къ своему двору. Отъѣзжая во Францію, другъ Лестока увозилъ на себѣ андреевскую ленту, а съ собою на $1^1/_2$ мильона [2]) подарковъ. Послѣдніе состояли въ табакеркахъ, перстняхъ и тому подобныхъ вещахъ, которыя, будучи показаны, въ Версали, королю Лудовику XV, возбудили завистливое удивленіе всѣхъ версальскихъ петиметровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей, напримѣръ, золотую табакерку съ портретомъ государыни и перстень съ бриліантомъ въ 21 каратъ, имѣлъ утѣшеніе вручить на прощанье своему другу самъ лейбъ-медикъ, впрочемъ, отъ имени императрицы [3]). Мѣсто маркиза Шетарди заступилъ оставленный имъ въ Россіи кавалеръ д'Алліонъ, далеко непользовавшійся значеніемъ своего предмѣстника, но акуратно выплачивавшій Лестоку французскую пенсію.

Проводивъ своего друга, Лестокъ и самъ, тою же осенью, временно отбывалъ изъ Москвы. Онъ ѣздилъ въ Ярославль, куда только что привезли изъ г. Пелыми страшнаго нѣкогда Бирона [4]), до того больного, что императрица сочла необхо-

---

[1]) Hermann, V, c. 11.

[2]) Die Heutige Historie u. s. w., c. 370.

[3]) Hermann. V, c. 20.

[4]) Полагаютъ, что императрица Елизавета намѣревалась возвратить Бирону Курляндію; и думаютъ, что ей отсовѣтовалъ это Бестужевъ,

димымъ послать къ бывшему герцогу курляндскому своего перваго лейбъ-медика. Лестокъ пробылъ съ Бирономъ нѣсколько дней, видѣлъ обоихъ его братьевъ и зятя Бисмарка—свезенныхъ въ тотъ же Ярославль, но размѣщенныхъ въ разныхъ концахъ города—и, возвратясь въ Москву, исходатайствовалъ изгнанникамъ нѣкоторыя облегченія, съ выдачею, въ прибавокъ къ содержанію: Бирона по 5,000 рублей, а братьевъ и зятя его по 1,000 рублей въ годъ [1]).

Вскорѣ затѣмъ на лейбъ-медика возложено другое высочайшее порученіе: скорѣе, и какъ возможно секретнѣе, изготовить все необходимое для миропомазанія племянника императрицы, герцога голштинскаго, сносясь по этому предмету только съ Брюммеромъ, наставникомъ герцога, и съ іеромонахомъ Т о д о р с к и м ъ, законоучителемъ его высочества [2]). Лестокъ очень хорошо зналъ, что событіе объявленія герцога наслѣдникомъ русскаго престола ускоряется въ видѣ мѣры противъ возрастающаго сочувствія къ Брауншвейгскому семейству, пребывавшему въ Ригѣ — и дѣло, порученное лейбъ-медику, закипѣло. Въ то же время, въ глубочайшей тайнѣ печатался манифестъ, приличный обстоятельству. 7-го ноября 1742 года, племянникъ императрицы, неожиданно для всѣхъ, миропомазанъ по обряду православной церкви, нареченъ Петромъ Өедоровичемъ, и объявленъ великимъ княземъ наслѣдникомъ россійскаго престола, съ титуломъ императорскаго высочества.

Труды лейбъ-медика по исполненію такихъ особенныхъ высочайшихъ порученій не остались безъ щедрыхъ наградъ, которыя, въ свою очередь, были совершенно во вкусѣ корыстолюбиваго авантюриста. Такъ, когда недѣлю спустя по

изъ боязни—встрѣтиться съ старымъ другомъ, которому онъ же измѣнилъ такъ вѣроломно. Extr. d. dep. с. 95.

[1]) Hermanu. V, с. 181.

[2]) Idem. V, с. 22 — 23. Этотъ Тодорскій, по имени С и м о н ъ, въ 1748 г. сдѣланъ архіепископомъ псковскимъ и ум. въ 1754 г.

совершеніи миропомазанія его высочества, Лестокъ праздновалъ новоселье въ собственномъ, только что отстроенномъ домѣ своемъ [1]), императрица прислала ему золотую солонку, осыпанную брильянтами, съ солитеромъ въ 12,000 р. и серебряный сервизъ; а великій князь—золотые часы съ брильянтами, всего на 35,000 р. [2]).

Слѣдовательно, Лестоку все улыбалось—до того улыбалось, что избавившись отъ одного врага своего, князя Черкасскаго, умершаго въ ноябрѣ, Лестокъ, въ декабрѣ того же 1742 г., сошелся съ другимъ, вице-канцлеромъ Бестужевымъ. Донося объ этомъ любопытномъ событіи своему двору, англійскій резидентъ Вейчъ, преемникъ Финча, писалъ: „Мнѣ удалось помирить Бестужевыхъ съ Лестокомъ и согласить послѣдняго на полученіе пенсіи въ 600 ф. стерл. отъ его великобританскаго величества. Онъ былъ этимъ очень доволенъ и много наобѣщалъ мнѣ; но ему платитъ и Франція“ [3]). Недовѣрчивость Вейча была, въ этомъ случаѣ, раздѣляема вице-канцлеромъ, который, однако, немедленно пожалъ плоды перемирія своего съ Лестокомъ, получивъ назначеніе исправлять, при прежнемъ вице-канцлерскомъ званіи, обязанность канцлера—чего, безъ согласія лейбъ-медика, никакъ бы не послѣдовало. Впрочемъ, лейбъ-медикъ, согласный расширить кругъ дѣятельности Бестужева, лично озаботился пріисканіемъ вице-канцлеру помощника, и рекомендовалъ императрицѣ тайнаго совѣтника Карла фонъ-Бреверна, родомъ изъ остзейцевъ [4]). Бревернъ сталъ товарищемъ Бестужева.

Но, подвизаясь такъ вліятельно на придворномъ поприщѣ, Лестокъ, выслужившій въ Москвѣ, въ добавокъ къ фран-

[1]) Былъ выстроенъ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Москвѣ. Одинъ изъ переулковъ этой слободы долго назывался, по дому, Лештоковымъ. См. Семисотлѣтіе Москвы, II. Хавскаго. Москва. 1847 г. с. 206.

[2]) Die Heutige Historie, u. s. w. c. 307.

[3]) Extr d. dep. c 110.

[4]) Hermann. V, c. 20.

цузскому, и английское жалованье, все-таки недолюбливалъ бѣлокаменной, гдѣ онъ, какъ чужеземецъ, не могъ не чувствовать себя болѣе неловко, чѣмъ въ Петербургѣ. Лѣтній заговоръ при дворѣ и присутствіе въ тогдашней Москвѣ всего особенно русскаго нерѣдко побуждали лейбъ-медика представлять императрицѣ, что пора бы двору возвратиться въ Петербургъ, болѣе устроенный, нежели Москва, самая обширность которой можетъ способствовать безпорядкамъ всякаго рода.

Постоянное желаніе Лестока исполнилось, однакоже, не ранѣе 15 декабря 1742 г. Въ этотъ день, въ часъ пополудни, загремѣла пушечная пальба, раздался московскій трезвонъ и „пошла государыня въ Петербургъ“ [1]). Лейбъ-медикъ радостно сопутствовалъ ея величеству и по дорогѣ, въ Новгородѣ, насладился зрѣлищемъ драмы, представленной въ высочайшемъ присутствіи семинаристами.

Едва успѣлъ дворъ прибыть въ Петербургъ, какъ вліяніе вице-канцлера, исправлявшаго канцлерскую должность, незамедлило обнаружиться. Поводомъ къ тому былъ пріѣздъ шведской депутаціи, являвшейся съ предложеніемъ шведской короны наслѣднику всероссійскаго престола. Бестужевъ умѣлъ поселить въ императрицѣ холодность къ депутатамъ, будто бы имѣвшимъ въ виду выговорить, при своемъ предложеніи, уступку всей Финляндіи. И депутаты: графъ Бонде, баронъ Гамильтонъ, и баронъ Шефферъ постоянно, какъ арестанты, окружаемые приставами, даже во дворцѣ преслѣдуемые шпіонами, выѣхали изъ Петербурга, пробывъ въ немъ только двѣ недѣли [2]). Все это было продѣлано вице-канцлеромъ въ пику лейбъ-медику, который съ самаго открытія абовскихъ конференцій уже послуживался Швеціи—разумѣет-

---

[1]) Выраженіе изъ записной, намъ принадлежащей, книжки однаго современника-очевидца.

[2]) Hermann. V, c. 56.

ся, не даромъ. Стало-быть, перемиріе, предложенное Бестужевымъ вице-канцлеру въ канцлерской должности, не оказывалось более нужнымъ.

За то почти одновременно съ отбытіемъ шведской депутаціи, на Лестока свалилась новая почесть, соединявшая въ себѣ и доказательство придворнаго значенія перваго лейбъ-медика императрицы, и стоимость денежную—особенно уважаемую лейбъ-медикомъ. На этотъ разъ, однакоже, даяніе шло не отъ русской императрицы, а отъ короля польскаго и курфюрста саксонскаго Августа III. Этотъ государь, по примѣру отца своего Августа II, поставлялъ заповѣдью польско-саксонской политики—всячески заявлять вниманіе всѣмъ безъ изъятія русскимъ временщикамъ, какъ бы ни было кратко политическое существованіе каждаго изъ нихъ при русскомъ дворѣ. Само собою разумѣется, что знаки вниманія польскихъ королей соображались со вкусами русскихъ временщиковъ. Наслышанный о личныхъ вкусахъ перваго русскаго лейбъ-медика, король Августъ III понималъ, что лентой синяго моара и серебряною звѣздою нельзя завлечь Іоганна-Германа Лестока, благоразумно разсчетливаго. А потому его величество король, адресуя ея величеству императрицѣ алмазные знаки ордена Бѣлаго Орла, изготовлявшіеся единственно для царствующихъ особъ, присоединилъ къ посылкѣ и свой портретъ, богато осыпанный брильянтами—собственно для лейбъ-медика.

При доставленіи саксонскимъ майоромъ фон-Тиркелемъ ордена и портрета въ Петербургъ, польско-саксонскому резиденту Петцольду была назначена особая торжественная аудіенція, которая и состоялась 23 января 1743 года. Тогда императрица благоволила церемоніально возложить на себя присланный орденъ, а потомъ публично кушала за особымъ столомъ, къ которому были приглашены только наличные кавалеры того же ордена, и съ ними лейбъ-медикъ Лестокъ, въ

тотъ день впервые украсившій грудь свою многоцѣннымъ королевскимъ портретомъ [1]).

Слѣдовательно, въ рукахъ Лестока чрезвычайно выгодно для него соединялись и пользованіе пенсіями и почестями отъ дворовъ иностранныхъ, и значительное вліяніе при русскомъ дворѣ, не одинъ разъ доказанное. Послѣднее, однако-же, не могло обходиться Лестоку даромъ, потому что возбуждало чрезвычайное негодованіе придворныхъ патріотовъ, завистниковъ чужеземца. Даже фельдмаршалъ князь Долгорукій, котораго Лестокъ спасъ отъ заточенія въ Шлиссельбургѣ и уважалъ какъ отца, не былъ расположенъ къ своему ходатаю, и офицерамъ изъ иностранцевъ, просившимъ о чемъ нибудь его сіятельство, говорилъ съ неудовольствіемъ: „отчего не обращаетесь вы къ Лестоку? ступайте къ нему— онъ богъ всѣхъ нѣмцевъ на Руси“ [2]).

Партіи, эта хроническая болѣзнь тогдашнихъ дворовъ, обозначились въ Петербургѣ яспѣе: одну составляли Лестокъ, князь Гессенъ-гомбургскій, Брюммеръ; къ ней же присчитывался отсутствовавшій Румянцевъ, а надъ нею, виталъ духъ Шетарди. Къ другой, предводимой вице-канцлеромъ, принадлежали Черкасовъ, Воронцовъ и почти всѣ русскіе. Шуваловы колебались въ выборѣ; Разумовскій стоялъ нейтрально. Императрица нетолько знала о существованіи этихъ партій, но даже подшучивала надъ партизанами и какъ-бы стравливала ихъ между собою, иногда къ крайней невыгодѣ Лестока. Случилось, напримѣръ, что лейбъ-медикъ, принимая у себя императрицу, разсказывалъ, между прочимъ, ея величеству о буйствѣ лейбъ-компанцевъ, дѣйствительно, невыносимомъ, и, по своему обыкновенію, изъяснялся сильно, краснорѣчиво. Императрица, возвратясь во дворецъ подъ вліяніемъ увлекательнаго разсказа, повторила его нѣсколькимъ лицамъ

---

[1]) «С.-Петерб. Вѣдомости» 1743 г. № 8.

[2]) Hermann. V, с. 185.

и прибавила: „мнѣ кажется, что имѣй возможность Лестокъ отравить одною ложкою яда всѣхъ моихъ русскихъ, онъ бы не задумался“ [1]). Само собою разумѣется, что всѣ русскіе, слышавшіе эти слова, сдѣлались врагами Лестока, если еще и не были ими. Въ это же самое время начали возвращаться изъ Сибири жертвы разныхъ гоненій, сосланныя въ прежнія царствованія и милостиво освобожденныя Елизаветою. Между ними прибыли въ Петербургъ графъ Девіеръ и Скорняковъ-Писаревъ, загубленные Меншиковымъ любимцы Петра, а, наконецъ, явился ко двору и едва отысканный въ какомъ-то камчатскомъ подземельѣ Шубинъ, нѣкогда цалмейстеръ цесаревны. „Онъ былъ блѣденъ—говоритъ Гельбигъ—и изнуренъ страданіями, но не утратилъ слѣдовъ прежней красоты“ [2]). Возбудивъ къ себѣ и высочайшее и общее участіе, страдалецъ тотчасъ же примкнулъ къ врагамъ Лестока, которому, можетъ быть, онъ былъ обязанъ и своимъ знакомствомъ съ Камчаткою. Лейбъ-медикъ почувствовалъ опасность. „Но—продолжаетъ Гельбигъ—съ первыхъ же минутъ появленія Шубина на сценѣ придворной жизни, грубыя привычки его и такой же нравъ, незамедлили ярко обнаружиться“ [3])... У Лестока отлегло отъ сердца; онъ увидѣлъ возможность избѣжать опасности и, собственно для этой цѣли, соединился на время съ Разумовскимъ, имѣвшимъ свои особые виды. Внушенія лейбъ-медика и оберъ-гофмейстера не остались безплодны—и „скоро—говоритъ тотъ же Гельбигъ—всѣ очень ясно поняли, что Шубинъ, человѣкъ весьма ограниченный, не имѣетъ, при одичалости своихъ понятій, ни малѣйшихъ способностей ни къ какому дѣлу, не можетъ занять никакого мѣста мало-мальски значительнаго“ [4]). Кончилось тѣмъ, что Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, переименован-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Russische Günstlinge, c. 221—223.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

ный изъ гвардіи прапорщиковъ въ генералъ-майоры и гвардіи майоры, а потомъ произведенный въ генералъ-поручики, получилъ увольненіе отъ службы и двора и, украшенный александровскою лентою, отбылъ въ высочайше пожалованныя ему нижегородскія помѣстья, увозя съ собою благословеніе императрицы — богатый образъ Спаса-нерукотвореннаго [1]).

Но еще до этого Лестокъ имѣлъ случай убѣдиться, что объятія и лобзанія лейбъ-компанцевъ, нѣкогда ему расточавшіяся, были увлеченіемъ минуты и вовсе не дѣлали лейбъ-медика русскимъ. Въ мартѣ 1743 года, нѣкоторые чины этой буйной ватаги умыслили извести не только Лестока, но и Шуваловыхъ съ Куракинымъ, за связи ихъ съ французскимъ дворомъ, презираемымъ русскими преторіанцами. Заговоръ, въ которомъ, не считая 14 лейбъ-компанцевъ, участвовали придворные тафельдекеръ и камеръ-лакей, неограничивался однимъ изводомъ Лестока съ товарищи, но имѣлъ цѣлію возстановленіе Брауншвейгцевъ, и былъ случайно открытъ женою Гринштейна. Виновниковъ схватили, огласки не произошло, но всѣ встревожились чрезвычайно. Оберъ-шталмейстеръ Куракинъ нѣсколько времени боялся ночевать въ собственномъ своемъ домѣ [1]).

Между тѣмъ, шведская война, съ началомъ абовскихъ переговоровъ казавшаяся Россіи оконченною, готова была возобновиться, и однимъ изъ побужденій къ этому снова

---

[1]) Въ настоящее время, этотъ образъ находится храмовою иконою въ принадлежавшемъ Шубину селѣ Работкахъ, Нижегородск. губ., Макарьевскаго уѣзда. Длина образа 1 арш., ширина ¾ ар., окладъ и вѣнецъ серебряные, вызолоченные. Въ вѣнцѣ и убрусѣ, драгоцѣнные камни: изумрудъ въ квадр. дюймъ, 2 яхонта и 4 брильянта. См. Извѣстія и указанія о русскихъ древностяхъ, въ «Запискахъ отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго археологическаго общества», т. I. С.-Петерб. 1851 г. с. 11.

[2]) Hermann. V, с. 188.

являлся корыстолюбивый эгоизмъ лейбъ-медика императрицы. Обольщаясь исключительно выгодами денежными, авантюристъ изъ Целле искалъ ихъ всюду, только ими измѣрялъ и ограничивалъ свою дѣятельность, не зналъ другого политическаго кодекса. Такъ было и теперь, когда вопросъ объ избраніи наслѣдника бездѣтному вдовцу, королю шведскому, возникъ на сеймахъ въ Стокгольмѣ, и сообщась повсемѣстно въ Европѣ, занялъ умы всѣхъ сановниковъ-интригановъ подкупныхъ политиковъ европейскаго міра. Несомнѣнно принадлежа къ числу послѣднихъ, первый лейбъ-медикъ русской императрицы тѣмъ несомнѣннѣе долженствовалъ войти и въ ихъ роль, что онъ, съ нѣкотораго времени, какъ-бы опекалъ шведскія дѣла Россіи, безъ угрожающаго вліянія которой не могло, благодаря подвигамъ Ласси, состоятся избраніе шведскаго наслѣдника. Это-то избраніе и было затруднено Лестокомъ, вѣрнымъ своему политическому кодексу. Вотъ какъ это было. Шведы, лишась надежды видѣть своимъ королемъ ближайшаго потомка Вазы, уже принявшаго православіе и объявленнаго наслѣдникомъ всероссійскаго престола, обратили свои желанія на датскаго наслѣднаго принца. Франція, старинная союзница Швеціи, рекомендовала съ своей стороны владѣтельнаго герцога биркенфельдскаго; Англія—принца гессенскаго. Петербургскій дворъ поддерживалъ датскаго кандидата, платившаго Бестужеву, и дѣло избранія шведскаго посланника налаживалось, не мѣшая начинавшимся въ Або переговорамъ. Тогда-то Лестокъ, пенсіонеръ Франціи и Англіи, не думавшій однако стоять ни за французовъ, ни за англичанъ и, въ то же время несогласный съ Бестужевымъ, неожиданно, но сильно, заговорилъ въ пользу принца-администратора голштинскаго, епископа любскаго, о которомъ и въ самой Швеціи рѣшительно никто не думалъ. Краснорѣчіе лейбъ-медика развивалось въ доказательствахъ той опасности какая можетъ предстоять Россіи отъ соединенія на одной и той же головѣ коронъ шведской, норвежской и датской.

Доводъ былъ справедливъ, высказывался энергически, и произвелъ свое впечатлѣніе, къ торжеству голштинцевъ, задатками которыхъ, скудными сравнительно съ другими европейскими подкупами, все-таки, на этотъ разъ, не пренебрегъ расчетливый лейбъ-медикъ.

Вслѣдствіе новыхъ видовъ русскаго двора, полномочные министры Россіи, они же повѣренные Лестока, получили въ Або новыя предписанія. Цедеркрейцъ и Нолькенъ, полномочные со стороны Швеціи, дали знать въ Стокгольмъ о желаніяхъ русскаго двора, безъ исполненія которыхъ—внушали повѣренные Лѣстока—мирные переговоры не послужатъ ни къ чему. Сеймъ не хотѣлъ принца-епископа [1]). Шведы брались за оружіе, Кейтъ выступилъ на галерахъ изъ Або, а Ласси, благословенный императрицею чудотворнымъ крестомъ въ Петербургѣ, тронулся съ флотомъ изъ кронштадта, куда на проводы фельдмаршала, ея величество пріѣзжала со всѣмъ дворомъ. Но, къ счастію Россіи, нимало невходившему въ соображенія Лестока, Швеція не могла сопротивляться ни долго, ни энергически. Новая кампанія, начатая въ апрѣлѣ, состояла, по большей части, въ плаваніи русскихъ кораблей и галлеръ, ознаменовалась двухчасовымъ морскимъ боемъ Кейта съ шведами, у Корпо, и заключалась увѣрительнымъ актомъ, который, въ ожиданіи мирнаго трактата, былъ, 16 іюня, подписанъ полномочными обѣихъ сторонъ въ Або, а въ іюлѣ привезенъ въ Петербургъ восемнадцатилѣтнимъ полковникомъ Румянцовымъ — будущимъ графомъ Задунайскимъ. Второй пунктъ этого акта „увѣрялъ“ въ томъ, что, по рекомендаціи ея величества, императрицы всероссійской свѣтлѣйшій принцъ-администраторъ голштинскій, епископъ любскій, Адольфъ-Фридрихъ, будетъ избранъ на шведскій престолъ; а третій пунктъ предоставлялъ въ вѣчное владѣніе Россіи область кюменегардскую, въ Финляндіи, съ городами Фрид-

[1]) Hermann. V, с. 58.

рихсгамомъ, Вильманстрандомъ и прочими мѣстами [1]). То же самое повторилось и въ мирномъ трактатѣ, ратификованномъ государынею въ Петербургѣ 19-го августа.

И такъ, Лестокъ, болѣе чѣмъ благовидно, устранился отъ исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ нѣкогда Швеціи его же внушеніями. Лейбъ-медикъ даже чувствовалъ себя какъ-бы героемъ войны, независимо отъ него оказавшейся счастливою. Тѣнь Левенгаупта, казненнаго за эту войну самими шведами, не могла тревожить воображенія Лестока, хотя и пылкаго. Да и самой Швеціи не слѣдовало уже пенять на Лестока, еслибы и было за что: онъ даровалъ ей наслѣдника престола. Правда, на Россію чуть было не вооружилась Данія, обиженная предпочтеніемъ ея наслѣдному принцу епископа любкаго; но это было дѣломъ уже самой Россіи, некасавшимся Лестока, особенно послѣ полученія лейбъ-медикомъ голштинскихъ талеровъ. Впрочемъ, Лестокъ не былъ прочь пособить Россіи: онъ живо сосваталъ датскую принцессу шведскому наслѣднику престола—и Данія, пригроженная союзомъ Россіи съ Швеціею, успокоилась. Покончивъ такъ удачно съ шведскими дѣлами, и тайно и явно лежавшими на его рукахъ около двухъ лѣтъ, лейбъ-медикъ императрицы желалъ бы одинаково удачно покончить и съ Бестужевымъ, козни котораго нестолько страшили, сколько бѣсили Лестока, преисполненнаго вѣрою въ прочность собственнаго значенія при дворѣ Елизаветы. Послѣднее, дѣйствительно, достигало теперь своего зенита; но, именно поэтому, да еще при личныхъ свойствахъ лейбъ-медика и отношеніяхъ къ нему огромнаго большинства придворныхъ, не могло обѣщать ничего хорошаго—ни самому Лестоку, ни другимъ.

Мы переходимъ къ такъ-называемому заговору маркиза ди-Ботта — дѣлу, составляющему мрачную страницу въ ис-

---

[1]) См. «Объявленіе» печ. въ московской сенатской типографіи, 14 іюля 1743 г.

торіи царствованія императрицы Елизаветы, лежащему неизгладимымъ пятномъ на личности лейбъ-медика Лестока.

Вотъ нѣкоторыя подробности этой жалкой придворной интриги. Лейбъ-медикъ императрицы былъ извѣстенъ своею подозрительностію. Эгоистически трепеща за сохраненіе власти Елизаветы, онъ зорко высматривалъ, нѣтъ ли гдѣ покушеній на эту власть, и страшно боялся брауншвейгскаго семейства, уже перевезеннаго изъ Риги въ Динаминдъ. Неоднократные заговоры въ пользу правительницы достаточно убѣждали лейбъ-медика, что бояться есть чего; а сочувствіе къ самой правительницѣ, возбуждаемое участіемъ къ ея печальной судьбѣ, и значительно распространенное въ обществѣ, было небезъизвѣстно Лестоку и еще болѣе питало его подозрительность. Послѣднею воспользовался для личныхъ видовъ своихъ нѣкто Бергеръ, одинъ изъ остзейцевъ, обиліе которыхъ на Руси началось со времени кровавой тираніи Бирона. Бергеръ, курляндецъ родомъ, по чьей-то протекціи достигшій при Биронѣ званіе русскаго офицера, служилъ въ 1743 году поручикомъ въ лейбъ-кирасирскомъ полку и, вскорѣ по заключеніи абоскаго мира, получилъ назначеніе смѣнить офицера, состоявшаго приставомъ при бывшемъ графѣ Левенвольдѣ, одномъ изъ товарищей паденія Остермана. Такъ-какъ Бергеру крайне не хотѣлось мѣнять Петербурга на Соликамскъ, гдѣ содержался тогда Левенвольде, то хитрый курляндецъ немедленно занялся измышленіемъ средствъ увернуться, во что бы то ни стало, отъ непріятнаго назначенія. Но средствъ не предвидѣлось; и Бергеръ въ большой досадѣ готовился къ отъѣзду. Между тѣмъ, жена вице-адмирала Лопухина, нѣкогда первая красавица при дворѣ, возбуждавшая ревность въ самой цесаревнѣ Елизаветѣ, узнала о назначеніи Бергера, и, сохраняя нѣжныя чувства къ Левенвольде, постоянному поклоннику ея прелестей, поручила сыну своему, тогда подполковнику, познакомиться съ Бергеромъ, и, чрезъ него, изустно передать бывшему графу дру-

жескій привѣтъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что „Лопухины не перестаютъ вспоминать Левенвольде, просятъ его не грустить, и надѣяться на лучшія времена". Молодой Лопухинъ въ точности исполнилъ желаніе матери, и адская мысль тотчасъ же блеснула злому и изворотливому курляндцу: Бергеръ отправился съ нею къ богу всѣхъ нѣмцевъ на Руси, какъ называлъ Лестока фельдмаршалъ Долгорукій, и почтительно предложилъ лейбъ-медику соображенія свои о надеждѣ на „лучшія времена", питаемой Лопухиными.

Звѣрь, въ этомъ случаѣ, бѣжалъ на ловца; Лестокъ пригласилъ доносчика съ собою къ генералъ-прокурору князю Трубецкому, потомъ къ генералъ-инквизитору Ушакову. Бергеръ повторилъ вельможамъ свои „соображенія" и, вмѣсто порученія въ Соликамскѣ, получилъ другое—наблюдать, въ самомъ Петербургѣ, подполковника Лопухина и вызнать образъ мыслей молодаго человѣка. Для скорѣйшаго достиженія цѣли, лейбъ-медикъ присоединилъ къ Бергеру собственную свою креатуру, капитана Фалькенберга. Сынъ Лопухиной, любившій выпить, не представилъ большихъ затрудненій исполнителямъ инструкцій лейбъ-медика, и, зазванный разъ Бергеромъ и Фалькенбергомъ въ винный погребокъ, пьяный, высказалъ имъ, въ присутствіи адъютанта Мальтица—депутата со стороны князя Гессенъ-Гомбургскаго—нѣкоторыя мнѣнія о тогдашнемъ порядкѣ вещей, въ то время даже раздѣляемыя всѣми. Этого оказалось достаточнымъ. Лейбъ-медикъ Лестокъ съумѣлъ подмалевать донесеніе свое о происшедшемъ, и подполковникъ Лопухинъ былъ схваченъ, а все семейство его—отецъ, вице-адмиралъ, мать и фрейлина сестра—немедленно заарестовано; то же послѣдовало съ близкою знакомою Лопухиныхъ, оберъ-гофмаршальшею Бестужевой-Рюминой, сестрою сосланнаго графа Головкина; взята и каммергерша Лиліенфельдъ съ мужемъ. Всѣ они принадлежали къ близкимъ людямъ правительницы. Страшный Ушаковъ, лейбъ-медикъ Лестокъ, и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой явились

членами тогда же учрежденной слѣдственной коммиссіи, немедленно открыли засѣданія и начали допросы „съ пристрастіемъ“, т. е. подъ пыткою и, къ ужасу Петербурга, поотвыкнувшаго отъ бироновщины. Но дѣла, собственно говоря, не оказывалось. Кромѣ свѣдѣній, кто съ кѣмъ знакомъ и давно ли, гдѣ и когда бываютъ, и зачѣмъ — коммиссія не пріобрѣтала ровно ничего. Но Лестокъ, изъ одного гнуснаго самолюбія, рвался доказать основательность учиненнаго имъ же самимъ донесенія, и недолго ломалъ голову. Присутствіе гофмаршальши Бестужевой-Рюминой между судимыми и пытаемыми преступниками, подавало Лестоку прекрасный поводъ настоять на опечатаніи бумагъ самого оберъ-гофмаршала, мужа преступницы и родного брата вице-канцлера. Лейбъ-медикъ питалъ несомнѣнную надежду извлечь изъ этихъ бумагъ что нибудь пригодное и для обвиненія врага своего, вице-канцлера; чужеземецъ затѣвалъ перехитрить русскую пословицу, то-есть погнавшись за однимъ зайцемъ, поймать двухъ.

Надежда лейбъ-медика не оправдалась, потому что въ бумагахъ оберъ-гофмаршала, перебранныхъ и перечитанныхъ самими судьями, не нашлось ничего предосудительнаго ни для хозяина бумагъ, ни для брата его, вице-канцлера. Лестокъ прибѣгнулъ къ д'Алліону, и представитель Франціи въ Россіи поспѣшилъ выручить изъ затрудненія пенсіонера Франціи при русскомъ дворѣ. Д'Алліонъ сообщилъ Лестоку выдержки изъ писемъ собрата своего, Балори, французскаго посланника въ Берлинѣ, въ которыхъ значилось, что маркизъ ди-Ботта д'Адорно, въ прошломъ году переведенный изъ Петербурга, посланникомъ же, въ Берлинъ, высказываетъ при прусскомъ дворѣ сомнѣнія свои въ прочности новаго русскаго правительства. Лестокъ испугался, но и обрадовался. По крайней-мѣрѣ, нашлась возможность съинтриговать противъ Австріи, интересамъ которой ревностно служилъ Бестужевъ, а также связать письма ди-Ботты съ производи-

мымъ надъ преступниками слѣдствіемъ. Лестокъ энергически ухватился за новую мысль. Вспомнили, что маркизъ ди-Ботта, живя въ Петербургѣ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Головкинымъ и домомъ сестры его, оберъ-гофмаршальши, бывшей тогда еще вдовою графа Ягужинскаго; знали, что маркизъ и изъ Берлина не перестаетъ переписываться съ петербургскими друзьями — и слѣдствіе приняло опасный для подсудимыхъ оборотъ, потому что дѣло, котораго, до сихъ поръ, не оказывалось, признано государственнымъ. Лестокъ ревностно занимался судопроизводствомъ и, при допросахъ, собственноручно бивалъ допрашиваемыхъ, въ чемъ, однакоже, былъ превзойденъ сочленомъ своимъ, княземъ Трубецкимъ, который вообще отличался бездушіемъ. Но, несмотря на истязанія судимыхъ, неразличавшія ни званія, ни пола, наружу продолжали выплывать женскія сплетни, да мужскіе пересуды, и ничего больше. Чувствуя это, Лестокъ скакалъ по Петербургу изъ дома въ домъ, и до того натолковывалъ знакомымъ объ ужасахъ, будто бы раскрываемыхъ коммиссіею, что трусливѣйшіе изъ знакомыхъ лейбъ-медика боялись даже говорить о коммиссіи. Наконецъ, преступникамъ, изувѣченнымъ пытками, слѣдовало произнести рѣшительный приговоръ. Въ собраніи сановниковъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ, князь Гессенъ-Гомбургскій, душою преданный Лестоку, энергически заявилъ первый, что такимъ ужаснымъ преступникамъ, какъ подсудимые, онъ, князь и фельдмаршалъ, не придумаетъ даже рода казни. Мнѣніе князя усердно поддерживали Лестокъ и Трубецкой, настаивавшій и въ коммиссіи 1742 года на томъ, чтобы Остермана колесовать, а Миниха четвертовать живыми [1]). Усилія друзей не были безплодны: преступники, обвиненные въ намѣреніи низвергнуть императрицу и призвать правительницу, найдены достойными смерти, и

[1]) Hermann. V, c. 3.

мнѣніе суда представлено императрицѣ. Ея величество смягчила смертный приговоръ: „Вице-адмирала Лопухина съ женою и съ сыномъ, и оберъ-гофмаршальшу Бестужеву-Рюмину били кнутомъ и урѣзали языки; поручика Ивана Путяту били кнутомъ; оберъ-кригсъ-коммиссара Александра Зыбина наказали плетьми; Софію Лиліенфельдъ, жену каммергера, по разрѣшеніи ея отъ бремени, велѣно наказать плетьми [1]), и всѣхъ ихъ сослали въ Сибирь, лишивъ движимаго и недвижимаго имѣнія. Прочихъ, не столько виновныхъ, какъ-то: штабсъ-ротмистра Лиліенфельда, адъютанта Степана Колычева, подпоручика Акинфова, дворянина Николая Ржевскаго, сослали на вѣчное житье въ деревню, а другихъ на службу рядовыми“ [2]). Что касается маркиза ди-Ботти д'Адорно, онъ, въ угодность императрицѣ Елизаветѣ, былъ отозванъ Маріею-Терезіею изъ Берлина и арестованъ, съ заключеніемъ въ крѣпость Грецъ. Брауншвейгское семейство тогда же переведено изъ Динаминда внутрь Россіи о чемъ давно просилъ Лестокъ, и поселено въ г. Раніенбургѣ (Ряз. губ.), откуда, позже, удалено въ г. Холмогоры (Арханг. губ.).

Принеся столько жертвъ личному своему спокойствію, лейбъ-медикъ все-таки не насладился имъ, потому что не достигъ главной цѣли—уронить вице-канцлера въ глазахъ императрицы. Бестужевъ нетолько уцѣлѣлъ, сохранивъ за собою и мѣсто и силу, но даже изъ кова, приготовленнаго ему Лестокомъ, съумѣлъ выковать вѣрное и сильное оружіе противъ самого Лестока, которое впослѣдствіи и употребилъ

[1]) Есть извѣстіе, что наказаніе г-жи Лиліенфельдъ (рожд. княж. Одоевская), сначала отложенное, потомъ и совсѣмъ отпущено, въ уваженіе болѣзни самаго камергера Лиліенфельда, впавшаго въ помѣшательство отъ несчастія жены. См. Die heutige Historie u. s. w. с. 372.

[2]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, А. Терещенко. С.-Петер. 1837 г. II, с. 73.

въ дѣло съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Оружіе это вице-канцлеръ нашелъ въ правѣ „вскрывать переписку“ иностранныхъ министровъ въ Россіи съ своими дворами; а самое право исходатайствовано Бестужевымъ при началѣ слѣдствія, затѣяннаго Лестокомъ, и въ видахъ важности этого слѣдствія [1]). Первоначально, выгодами дарованнаго права вице-канцлеръ воспользовался собственно для себя. Онъ и Бреверпъ, призвавъ на помощь нѣкоего Гольдбаха, юстицъ-совѣтника изъ нѣмцевъ, безошибочно узнавали содержаніе шифрованныхъ посланничьихъ грамотъ и, изъ этого содержанія, извлекали матеріалы для отраженія обвиненій, направляемыхъ Лестокомъ, по поводу вообще близкихъ отношеній Бестужева съ Австріею, оказывавшеюся весьма прикосновенной къ дѣлу Лопухиныхъ. Надѣясь, конечно, и впредь на силу полученнаго права, вице-канцлеръ самъ говорилъ Петцольду, что отнынѣ „онъ намѣръ всячески мѣшать Лестоку, но будетъ, остерегаясь интригъ лейбъ-медика, предупреждать его жалобами у императрицы“. Лестокъ же, естественно предвидя вражду съ вице-канцлеромъ, сталъ заботиться о доставленіи другу своему Румянцеву канцлерскаго мѣста, вакантнаго со дня смерти князя Черкасскаго. Это, однако, не удалось. И раздосадованный лейбъ-медикъ не скрывалъ уже негодованія своего на вице-канцлера, а въ одномъ торжественномъ собраніи вельможъ, прямо назвалъ вице-канцлера „измѣнникомъ“, добавивъ, что „застѣнокъ и кнутъ—вывели бы на чистую воду вредные замыслы Бестужева“ [2].

Послѣ такого заявленія вице-канцлеру, собственные замыслы лейбъ-медика, развивавшіеся безъ вопроса о пользѣ или вредѣ ихъ для Россіи, обратились къ любимой цѣли Ле-

---

[1]) Hermann. V, c. 79.
[2]) Тамъ же, с. 78.

стока—пріобрѣтенію. Случай пріобрѣсти, дѣйствительно, представлялся снова, касался видовъ прусскаго короля на пріисканіе невѣсты наслѣднику россійскаго престола, и указывался Лестоку Брюммеромъ, съ которымъ, по отъѣздѣ Шетарди изъ Россіи, Лестокъ больше чѣмъ съ кѣмъ нибудь дѣлилъ свои досуги. Этотъ Брюммеръ, шведъ родомъ, но оберъ-гофмаршалъ голштинскаго двора въ Петербургѣ и наставникъ наслѣдника всероссійскаго престола, непользовавшійся, однакоже, уваженіемъ своего августѣйшаго питомца, ютился къ Лестоку тѣмъ охотнѣе, что не былъ терпимъ Бестужевымъ. Съ другой стороны, голштинскій оберъ-гофмаршалъ, страстный любитель государственныхъ дѣлъ вообще, не могъ, за неимѣніемъ государства, предаться имъ въ Голштиніи; но въ Россіи, подъ крыломъ Лестока, Брюммеръ впервые пріобрѣталъ такую возможность, и потому радостно ухватывался за перваго лейбъ-медика. Лестокъ съ Брюммеромъ дѣйствительно многое обдумывали вмѣстѣ, и теперь вмѣстѣ же начали трудиться для прусскаго короля, посолъ котораго, баронъ Мардефельдъ, неустанно передавалъ обоимъ друзьямъ порученія и благодарности своего государя. Побуждаемый послѣдними, Лестокъ, согласно желаніямъ его прусскаго величества, пришелъ въ восхищеніе отъ портрета принцессы Софіи-Августы ангальтъ-цербстской, нарочно привезеннаго въ Петербургъ дядею принцессы, принцемъ Августомъ голштинскимъ. При дальнѣйшемъ разсматриваніи того же портрета, лейбъ-медикъ не забывалъ вспоминать, при государынѣ, что мать изображенной красавицы—родная сестра покойнаго жениха Елизаветы, епископа любскаго, донынѣ оплакиваемаго императрицею. То же самое повторялось лейбъ-медикомъ и потомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о предполагаемой вообще женитьбѣ наслѣдника, составлявшей, съ нѣкотораго времени, исключительную мысль и любимый разговоръ императрицы. Иногда въ такихъ высочайшихъ бесѣдахъ произносилось имя Ульрики, принцессы прусской, сестры Фрид-

риха II; иногда—Маріанны, принцессы саксонской [1]), дочери короля Августа III; но баронъ Мардефельдъ зналъ, что королю, его государю, неугодно первое, еще болѣе неугодно второе — и лейбъ-медикъ или не поддерживалъ разговора о принцессѣ Ульрикѣ, или горячо отвергалъ принцессу Маріанну, не стѣсняясь многоцѣннымъ портретомъ отца Маріанны, который носилъ на груди. Кончилось тѣмъ, что цѣль берлинскаго двора была достигнута: принцессы ангальтъ-цербстскія, мать съ дочерью, къ удивленію Европы и самого Бестужева, получили приглашеніе императрицы пріѣхать въ Москву, куда, для празднованія абоскаго мира и поѣздки въ Кіевъ, готовилась отбыть изъ Петербурга сама императрица.

Такой удачный оборотъ ангальтъ-цербстскаго дѣла, еще разъ, повидимому, долженъ былъ удостовѣрить всѣхъ и каждаго въ неотразимомъ вліяніи сильнаго лейбъ-медика, который, кромѣ того, и на зло Бестужеву, тогда же склонилъ императрицу приступить къ бреславско-вѣнскому трактату, гарантировавшему за Фридрихомъ его счастливыя завоеванія у королевы богемской Маріи-Терезіи. Въ неотразимости собственнаго вліянія и близкой гибели досаднаго Бестужева, Лестокъ убѣждался тѣмъ болѣе, что маркизъ Шетарди, возвращавшійся тогда изъ Франціи, ѣхалъ уже по Россіи и, встрѣчаемый вездѣ особыми почестями, прибылъ въ декабрѣ 1743 года въ Петербургъ, съ положительнымъ намѣреніемъ низвергнуть Бестужева. Но вице-канцлеръ не унывалъ и, въ томъ же декабрѣ 1743 года, представилъ императрицѣ письменное оправданіе себя въ дѣлѣ ди-Ботты, составленное по матеріаламъ, извлеченнымъ изъ вскрытыхъ министерскихъ грамотъ.

То же самое сдѣлалъ и Бревернъ. Оба просили о защитѣ отъ враговъ. Ея Величество, найдя оправданіе и просьбу министровъ уважительными, обнадежила Бестужева и Бреверна

---

[1]) Extr. d. dép., c. 113.

монаршею милостію въ будущемъ, изъяснилась, что не можетъ еще открыто засвидѣтельствовать таковую въ настоящемъ и рекомендовала просителямъ ни въ какомъ случаѣ не опасаться враговъ [1]). Что касается самаго изложенія оправданій Бестужева и Бреверна, то послѣдній, ученикъ Остермана въ дѣлѣ изложеній, составилъ свое до того мастерски, что оно являлось прекраснымъ руководствомъ въ методѣ политическихъ отношеній Россіи съ Австріею. Но не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, авторъ прекраснаго руководства умеръ, отравленный, какъ полагаютъ, противниками Австріи [2]).

Въ январѣ 1744 года, императрица съ дворомъ и Лестокомъ выѣхала изъ Петербурга въ Москву, куда немедленно же отправился и маркизъ Шетарди, еще неакредитованный Лудовикомъ XV въ званіи французскаго посла при русскомъ дворѣ, и потому состоявшій вольнымъ придворнымъ общникомъ, въ скромномъ рангѣ бригадира. Но, съ переселеніемъ въ Москву, скромный бригадиръ, начавъ распоряжаться за двухъ посланниковъ, увеличилъ французское содержаніе Лестока еще на двѣ тысячи рублей, назначилъ новые пансіоны госпожамъ Румянцевой и Шуваловой, а когда, въ февралѣ, прибыли въ Москву принцессы ангальтъ-цербстскія, Іоганна-Елизавета съ дочерью Софіею-Шарлотой, Шетарди объявилъ себя главнымъ партизаномъ свѣтлѣйшихъ принцессъ, изъ которыхъ старшая, отдавъ первый визитъ въ Москвѣ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, была со вторымъ у лейбъ-медика Лестока [3]). Вслѣдъ затѣмъ, Шетарди торжественно предложилъ своему другу лейбъ-медику, отъ имени своего короля, портретъ Лудовика XV, осыпанный бриліантами, для ношенія на груди. Но лейбъ-медикъ, вѣрный себѣ, не менѣе торжественно отклонился отъ этой высокой чести, представляя

---

[1]) Hermann. V, с. 79.

[2]) Büsching. XV, с. 135.

[3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1744 г. № 25.

что подобныхъ портретовъ, полученныхъ отъ царственныхъ особъ, ему, лейбъ-медику, уже негдѣ носить и, съ разрѣшенія самой императрицы, принялъ отъ Шетарди, вмѣсто портрета, двѣнадцать тысячъ рублей [1]).

Судя по такому иачалу, мнѣніе кардинала Тенсина, что „Шетарди одинъ пріобрѣтетъ въ Россіи больше лавровъ, нежели съ пятидесятитысячной арміею", могло бы казаться непреувеличеннымъ, особенно если позабыть про Бестужева, стоившаго тоже пятидесятитысячной арміи, и незнакомаго, конечно, кардиналу Тенсину, проживавшему въ Ліонѣ.

Но не деньги и портреты, разсыпаемые Шетарди, безпокоили вице-канцлера, обезпеченнаго декабрьскимъ объясненіемъ съ императрицею: Бестужеву сильно не нравился тѣсный союзъ маркиза съ принцессою-матерью ангальтъ-цербстскою, уже снискавшею полное расположеніе императрицы и увѣренною въ будущемъ назначеніи принцессы-дочери. Послѣднее, очевидно, предразрѣшалось особеннымъ вниманіемъ императрицы къ заболѣвшей молодой принцессѣ, которую пользовали и выпользовали придворные врачи Санхецъ и Боэргавъ, дѣйствовавшіе подъ главнымъ наблюденіемъ перваго лейбъ-медика Лестока [2]). Свидѣтель всего этого, вице-канцлеръ лично согласилъ духовенство возстать противъ предполагаемаго назначенія молодой принцессы, несвойственнаго двоюродному родству ея съ наслѣдникомъ россійскаго престола, а когда представленія духовенства не удались, Бестужевъ сталъ побаиваться, что принцесса-мать отмститъ ему, вице-канцлеру, тѣмъ вѣрнѣе и опаснѣе, что будетъ уже своя императрицѣ. Отвести такую грозу, Бестужевъ считалъ для себя необходимымъ и вознамѣрился атаковать Шетарди такимъ образомъ, чтобъ тѣмъ же ударомъ уронить въ глазахъ

---

[1]) Busching. II, c. 437.

[2]) Леченіе принцессы, по свидѣтельству «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того времени, состояло во «всегдашнемъ употребленіи наилучшихъ лекарствъ и частыхъ пусканіяхъ крови».

императрицы и ангальтъ-цербтское семейство. Приступая къ осуществленію этого плана, Бестужевъ почти не соображался съ положеніемъ придворныхъ партій, безпрерывно колебавшимся, равнодушно смотрѣлъ на князя Трубецкаго, окончательно перебѣжавшаго къ Лестоку, зналъ, что Шуваловы тянутъ туда же изъ одного противовѣсія Разумовскому, собственно дворцоваго, и преимущественно имѣлъ въ виду право, дарованное вице-канцлеру, вскрывать депеши посланниковъ. Къ тому же, пока Лестокъ сопровождалъ императрицу къ Троицѣ и въ Александровскую слободу, на помощь Бестужеву подоспѣвалъ весьма кстати надежный союзникъ. То былъ лордъ Тиравлей, новый англійскій посланникъ въ Россіи. Снабженный отъ своего правительства инструкціей вредить Шетарди, лордъ, въ пику бригадиру-маркизу, явился къ русскому двору съ невиданнымъ до того великолѣпіемъ, и съ разу расположилъ къ себѣ императрицу—именно тѣмъ, что, представляясь впервые ея величеству, сталъ на одно колѣно, поцаловалъ руку Елизаветы и сказалъ: „эта честь по истинѣ принадлежитъ прекраснѣйшей женщинѣ и величайшей государынѣ въ мірѣ“ [1]).

Не смущаясь, повидимому, опаснымъ присутствіемъ лорда-соперника, маркизъ-бригадиръ продолжалъ обмѣниваться безпрерывными посѣщеніями съ лейбъ-медикомъ, являться съ такими же визитами къ принцессѣ ангальтъ-цербтской, словомъ—интриговать попрежнему. Но надъ головою Шетарди уже сбиралась и собралась буря.

Юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ, читая, по приказанію Бестужева, шифры безразсудно-неосторожнаго маркиза, дочитался въ одной депешѣ до такихъ вещей, что, испугавшись прилично нѣмцу, отказался, безъ формальнаго предписанія, перевести шифры въ слова. Вице-канцлеръ предписалъ съ восторгомъ—и предсталъ государынѣ, держа въ рукахъ улику

[1]) Die Heutige Historie, c. 374.

на маркиза. Императрица пришла въ крайнее негодованіе и требовала мнѣнія Бестужева, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Вице-канцлеръ предложилъ арестовать Шетарди и немедленно выслать его изъ Россіи подъ стражею. Соглашаясь съ мнѣніемъ вице-канцлера, императрица, однако, замѣтила, что онъ, вице-канцлеръ, самъ подвергается опасному мщенію друга Шетарди, Лестока, весьма способнаго пустить ему, вице-канцлеру, пулю въ лобъ. Но дальновидный Бестужевъ вкрадчиво представилъ, что собственная жизнь ему отнюдь недорога; но что онъ, Бестужевъ, трепещетъ за драгоцѣнные дни ея величества, постоянно угрожаемые медицинскими услугами такого ужаснаго человѣка, какъ Іоганнъ-Германъ Лестокъ. Императрица, успокоивъ вѣрноподданническія опасенія вице-канцлера тѣмъ, что отнынѣ не приметъ изъ рукъ лейбъ-медика ни одной капли лекарства, отложила объявленіе маркизу его преступленія и изгнаніе до того времени, когда ея величество изволитъ отбыть къ Троицѣ [1]). Нѣсколько дней спустя, именно 26 мая, государыня дѣйствительно отправилась пѣшкомъ на богомолье, а лейбъ-медикъ, непредчувствовавшій бѣды своего друга, сопутствовалъ ея величеству. 2-го іюня, находясь въ разстояніи 10 верстъ отъ монастыря, императрица отправила назадъ въ Москву камеръ-юнкера Сиверса, съ повелѣніемъ пригласить къ ея величеству наслѣдника престола и обѣихъ принцессъ ангальтъ-цербтскихъ, остававшихся въ городѣ. 3-го іюня наслѣдникъ и принцессы выѣхали къ императрицѣ, а 5-го іюня, когда дворъ и Лестокъ находились въ с. Воздвиженскомъ [2]), къ дому Шетарди, рано утромъ, явилась воинская команда. Разбуженный испуганною прислугою, маркизъ не хотѣлъ-было принимать нежданныхъ посѣтителей, сталъ извиняться, потомъ отговариваться, но посѣтители вошли. Увидѣвъ, кромѣ

---

[1]) Herman. V, с. 85.

[2]) «С.-Петерб. Вѣд.» 1744 г., № 49.

двухъ сенаторовъ и двадцати-четырехъ вооруженныхъ гвардейцевъ; самого генерала Ушакова, одно имя котораго вселяло невольный ужасъ, маркизъ на минуту замѣтно смутился. Генералъ показалъ маркизу Шетарди переводный трудъ юстицъ-совѣтника Гольдбаха и объявилъ, что ея величество, руководимая единственно милосердіемъ къ преступному иностранцу, ограничилась, въ настоящемъ случаѣ, повелѣніемъ отобрать у бывшаго посланника бриліантовые знаки Андреевскаго ордена, оставя въ пользу бригадира одни бриліанты, и не далѣе какъ въ 24 часа выслать бригадира изъ Москвы, съ тѣмъ, чтобы онъ, нигдѣ не останавливаясь, выѣхалъ изъ Россіи. Дѣлать было нечего, потому что Шетарди, дѣйствительно, не имѣлъ офиціальныхъ доказательствъ на свои посольскія права, которыхъ не давало положеніе вольнаго придворнаго общника. По истеченіи высочайше предписаннаго срока, маркиза съ нѣсколькими служителями вывезли изъ Москвы и при конвойномъ офицерѣ повезли до русской границы [1]).

Въ то же самое время, у Троицы происходило объясненіе императрицы съ принцессою-матерью, по окончаніи котораго принцесса вышла отъ ея величества съ заплаканными глазами, а лейбъ-медикъ, и самъ разстроенный, тутъ же объявилъ принцессѣ-дочери, чтобъ сбиралась обратно въ Германію. Затѣмъ августѣйшіе путешественники начали возвращаться въ столицу. 9-го пріѣхалъ великій князь съ ангальтъцербтскими принцесами; 13-го прибыла императрица и, въ тотъ же день, вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ объявленъ канцлеромъ [2]).

Это назначеніе, невыгодное врагамъ Бестужева, только пятью днями предупредило новую улыбку судьбы, обращенную къ Лестоку, которая, однакоже, при настоящихъ об-

[1]) Hermann. V, c. 86. Die Heutige Historie. c. 375.

[2]) См. Опытъ обозр. жизни сановн. II, с. 74.

стоятельствахъ лейбъ-медика, лишеннаго друга и выгоднаго мнѣнія государыни, походила болѣе на насмѣшливую гримасу той же судьбы. „Сегодня предъ полуднемъ — писали въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ изъ Москвы, отъ 18-го іюня — его превосходительство тайный дѣйствительный совѣтникъ господинъ фонъ-Лестокъ, и его превосходительство господинъ оберъ-маршалъ фонъ-Бриммеръ чрезъ римско-цесарскаго министра, господина барона фонъ-Нейгауза изъ римско-имперской канцеляріи получили сообщеніе съ такимъ объявленіемъ, что его римско-цесарское величество по собственному благоволенію всемилостивѣйше соизволилъ обоихъ высокоупомянутыхъ господъ въ разсужденіи оказанныхъ къ россійскому императорскому дому ихъ заслугъ въ графское достоинство Римской имперіи съ прибавленіемъ въ титулѣ illustris et magnificus и притомъ во всѣ соединенныя съ онымъ достоинствомъ преимущества, права и привилегіи возвести“ [1]). Латинскій дипломъ на графство, неприносившій никакой существенной выгоды лейбъ-медику, болѣе всего любившему такія выгоды, былъ утвержденъ императоромъ 27 апрѣля 1744 года, и лейбъ-медикъ, генералъ-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи, Іоганнъ-Германъ Лестокъ, сталъ отнынѣ называться и писаться графомъ.

Однакоже, новый графъ и всѣ друзья Шетарди, покинутые маркизомъ, находились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Принцесса-мать, далеко нежелавшая „сбираться обратно въ Германію“, кинулась къ каммергеру Воронцову, хотя и врагу Лестока съ товарищи, но человѣку болѣе доступному и болѣе мягкому, чѣмъ всѣ другіе опаснѣйшіе враги, главное же — родственному императрицѣ по своей женѣ. Ея свѣтлость лично посѣтила домъ Воронцова, со слезами говорила хозяину о нерасположеніи къ ней новаго канцлера и, прося участія, предобѣщала честолюбивому каммер-

[1]) «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1744 годъ, № 51.

геру званіе вице-канцлерское. Воронцовъ, тронутый горемъ принцессы и заинтересованный обѣщаемымъ повышеніемъ, дезертировалъ изъ-подъ знаменъ Бестужева и сблизился съ партіей, враждебной канцлеру. Плоды этого сближенія принцесса-мать вкусила очень скоро, потому что въ извѣстіяхъ изъ Москвы отъ 28-го іюня Петербургъ уже читалъ слудующее: „Ея высококняжеская свѣтлость принцесса ангальтъ-цербтская, будучи по сіе время ежедневно наставляема отъ нѣкотораго архимандрита въ православномъ исповѣданіи греческія вѣры, сегодня предъ полуднемъ въ здѣшней придворной церкви, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества, и его императорскаго высочества государя великаго князя, при собраніи всего духовенства, генералитета и знатнѣйшихъ придворныхъ персонъ, приняла публично исповѣданіе православнаго греческаго закона; послѣ чего отъ преосвященнаго архіепископа новгородскаго святымъ миромъ помазана, и имянована Екатерина Алексѣевна. По совершеніи сей церемоніи, ея императорское величество пожаловала свѣтлѣйшей принцессѣ аграфъ и складень бриліантовой, цѣною въ нѣсколько тысячь рублей. Впрочемъ, невозможно описать, коликое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцеса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что ея императорское величество сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать.

„Завтра, а именно въ день высокаго тезоименитства его императорскаго высочества государя великаго князя, въ соборной церкви въ Кремлѣ, совершиться имѣетъ торжественное обрученіе его императорскаго высочества съ свѣтлѣйшею принцессою Екатериною Алексѣевною, причемъ высокопомянутая принцесса объявлена будетъ великою княжною всероссійской“ [1]). Стало-быть, о возвращеніи въ Германію, по

[1]) «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1744 года, № 55.

крайней-мѣрѣ, свѣтлѣйшей принцессы Екатерины Алексѣевны, никому не могло приходить въ голову.

Совсѣмъ не было такъ радужно положеніе графа, перваго лейбъ-медика. Очерненный Бестужевымъ другъ Шетарди, онъ чувствовалъ, что судьба начинаетъ оборачиваться къ нему задомъ, понималъ, что значеніе его склоняется къ западу. Конечно, графъ и лейбъ-медикъ оставался при всѣхъ выгодахъ, до сихъ поръ благопріобрѣтенныхъ его высокографскимъ сіятельствомъ; но за то дальнѣйшія благопріобрѣтенія долженствовали значительно ограничиться, потому что европейскіе дворы, секретно пересылаясь между собою деньгами, раздѣляютъ послѣднія только между людьми весьма вліятельными, изъ числа которыхъ графъ и первый лейбъ-медикъ въ Россіи выбывалъ видимо. Удѣлъ Робертуса Карловича Арескина при Петрѣ предстоялъ теперь и графу Іоганну-Герману Лестоку, желавшему нѣкогда этого удѣла. Но, вопервыхъ, то было н ѣ к о г д а, а вовторыхъ Арескинъ искренно уважался всѣми, даже русскими, и никогда не привыкалъ значить. Съ другой стороны у почтеннаго Робертуса Карловича никогда не было такихъ враговъ, какимъ для графа Іоганна-Германа являлся канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ. И въ то же время, когда капли канцлера, подъ названіемъ Бестужевскихъ, исцѣляли французскаго короля въ Мецѣ, самъ канцлеръ располагался по каплѣ отравлять жизнь лейбъ-медика и въ Москвѣ и Петербургѣ.

Обрученіе свѣтлѣйшей принцессы Екатерины Алексѣевны съ наслѣдникомъ всероссійскаго престола [1]), сопровождавшееся объявленіемъ невѣсты россійскою великою княжною, съ титуломъ императорскаго высочества, какъ будто польстило графу Лестоку возможностію удержаться на прежней высотѣ и, пользуясь возстановленіемъ кредита принцессы-матери, возстановить собственное значеніе, подкопанное канцлеромъ.

[1]) Совершено въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1744 г.

Торжество мира съ Швеціею, празднованное въ Москвѣ 15 іюля, еще болѣе располагало графа къ утѣшительнымъ надеждамъ. Дѣйствительному тайному совѣтнику и первому лейбъ-медику пожаловано тогда „денегъ 15 тысячъ рублевъ"; друзьямъ его и совершителямъ мира: Румянцову—графское достоинство, барону Люберасу—гаки въ Лифляндіи; племянникъ лейбъ-медика, привозившій гельсингфорскую реляцію, произведенъ „въ премьеръ-майоры"; другой родственникъ того же лейбъ-медика—и адъютантъ барона Любераса, Шапюзо—въ капитаны [1]). Все это были, конечно, заслуги государственныя или военныя, во всякомъ случаѣ, выгодно отражавшіяся и на личности лейбъ-медика, указателя и, такъ-сказать, учредителя самаго поприща заслугъ. Но между награжденными по случаю того же торжества былъ и переводчикъ сочиненій бригадира Шетарди, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гольдбахъ, которому отнынѣ назначалось „жалованья по двѣ тысячи рублевъ на годъ" [2]). Это послѣднее признаніе заслугъ и воздаяніе по заслугамъ—совершенно иначе отражалось на личности лейбъ-медика, набрасывая на нее какой-то зловѣщій оттѣнокъ, который грозилъ обратиться современемъ, трудами канцлера, въ такую тѣнь, что въ ней и самая личность лейбъ-медика могла стереться и исчезнуть.

Императрица не выказывала, однакоже, своему лейбъ-медику открытой немилости и даже взяла его съ собою въ Кіевъ, куда, въ сопровожденіи немногочисленной свиты, ея величество выѣхала 27 іюля изъ Москвы, при пушечной пальбѣ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ пройти, въ теченіе пути, 100 верстъ пѣшкомъ [3]). Неисключеніе графа Лестока изъ путевой свиты государыни объясняется, можетъ быть,

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1744 года, прибавленія къ № 80.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, № 62.

тѣмъ, что, кромѣ вида медицинскихъ услугъ, заподозрѣннаго канцлеромъ въ первомъ лейбъ-медикѣ, существовалъ другой видъ—практика собственно хирургическая, которой ничто уже не мѣшало лежать на обязанности перваго лейбъ-медика, хирурга по преимуществу. Какъ бы то ни было, графъ Лестокъ отправился съ императрицею, довольный тѣмъ болѣе, что до г. Козельца (Черниг. губ.) онъ ѣхалъ въ одномъ обществѣ съ новымъ другомъ своимъ, Воронцовымъ, дѣйствительно получившимъ уже вице-канцлерство, а въ г. Козельцѣ соединился и съ другими друзьями—принцессою-матерью ангальтъ-цербстскою и графомъ Брюммеромъ, прибывшими сюда раньше императрицы, съ дворомъ великаго князя. Въ Козельцѣ [1]), на родинѣ Разумовскихъ, императрица отдыхала больше двухъ недѣль, и графъ Лестокъ проводилъ это время не безъ удовольствія, потому что придворные съ утра до ночи метали другъ другу фараонъ [2]), играя по весьма большой. 29 августа, императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Кіевъ, гдѣ, въ теченіе десятидневнаго пребыванія ея величества, дано нѣсколько аудіенцій польско-саксонскому послу графу Флеммингу и отпраздновано высочайшее тезоименитство, въ самый день котораго, 5 сентября, кіевская академія поднесла ея величеству „Трегубое, на трехъ діалектахъ привѣтствіе“ [3]).

Съ возвращеніемъ императрицы въ Москву, роль графа Лестока, какъ придворнаго, не измѣнялась. Лейбъ-медикъ сохранялъ всю наружную обстановку свою, и пользовался свободнымъ доступомъ въ кружокъ близкихъ людей императрицы, дѣйствительно, чувствовавшей привычку къ неистощимой болтовнѣ и самой личности своего стариннаго бала-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что многіе писатели, говоря объ этомъ путешествіи императрицы, ошибочно называютъ Козелецъ Козельскомъ и, такимъ образомъ, смѣшиваютъ два разные города.

[2]) Старинное названіе карточной игры банкъ.

[3]) Изд. 1744 г. Кіевъ, въ листъ.

гура. Но политическое значеніе перваго лейбъ-медика было видимо не прежнее; и за тѣмъ, чтобы оно именно не было прежнимъ, внимательно наблюдалъ самъ канцлеръ. Пріобрѣтя полную довѣренность императрицы, Бестужевъ добился, наконецъ, возможности подробно и непосредственно сообщать ея величеству свои политическія мнѣнія—и предвкушалъ заранѣе успѣхъ, потому что лейбъ-медикъ, совѣтникъ полуопальный, могъ дѣйствовать на императрицу только черезъ принцессу мать и вице-канцлера Воронцова—людей, конечно, во многомъ уступавшихъ Бестужеву. Къ тому же, на сторонѣ политическихъ тенденцій канцлера былъ лордъ Тиравлей, пользовавшійся вѣсомъ и бывшій въ большомъ ходу при русскомъ дворѣ, тогда какъ баронъ Мардефельдъ, министръ короля прусскаго и согласникъ графа Лестока, едва-едва успѣлъ выскользнуть благополучно изъ непріятнаго приключенія съ бригадиромъ Шетарди. Непріязнь къ Прусіи, именно за это приключеніе, до того овладѣвала канцлеромъ, что онъ составилъ и серьезно предлагалъ императрицѣ планъ отнятія у Фридриха-Великаго Пруссіи, и обмѣна ея у поляковъ на Смоленскую область [1]. Этотъ планъ, конечно, не могъ быть приведенъ въ исполненіе тотчасъ, за недостаткомъ въ Россіи, вопервыхъ, денегъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ подалъ поводъ: Бестужеву—воспользоваться задобривающимъ даяніемъ Фридриха и благодарственнымъ Маріи-Терезіи, а Лестоку—пожалѣть, что для него проходила пора подобныхъ же пользованій. Съ грустію смотрѣлъ теперь лейбъ-медикъ на раздѣлъ между канцлеромъ и вице канцлеромъ двадцати-пяти тысячъ прусскихъ экю, на богатые перстни, полученные ями обоими отъ Маріи-Терезіи, и завидовалъ счастливцамъ-политикамъ—до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали въ Москву, за союзомъ, шведскіе послы, баронъ Цедеркрейцъ и графъ Гилленборгъ, отъ которыхъ, по старой памяти, надѣялся по-

[1]) Extr. d. dép., c. 15.

живиться и лейбъ-медикъ. Но, одновременно съ шведскими послами, явился въ Москву и графъ Урсини Розенбергъ, посолъ Маріи-Терезіи, прибытіе котораго тоже, отчасти, касалось лейбъ-медика, только совсѣмъ инымъ образомъ. Графъ Урсини пріѣзжалъ къ императрицѣ собственно для того, чтобы ходатайствовать за предмѣстника своего, маркиза ди-Ботту, все еще заключеннаго въ Грецѣ—и уѣхалъ съ соизволеніемъ ея величества на освобожденіе арестанта. Успѣхъ графа Урсини, весьма знаменательно для графа Лестока, изглаживалъ самый слѣдъ козни, затѣянной лейбъ-медикомъ на пагубу канцлера. Еслиже и оставались еще воспоминанія объ этой козни, то онѣ, существуя только въ горѣ и слезахъ семействъ, изувѣченные члены которыхъ страдали въ Сибири, тѣмъ менѣе могли располагать въ пользу графа Лестока общее мнѣніе. Бестужевъ, тоже строившій и устроившій козни, былъ и въ этомъ отношеніи, сравнительно съ Лестокомъ, поставленъ гораздо выгоднѣе, потому что, ратуя, какъ ратовалъ и Лестокъ, противъ личнаго своего врага, канцлеръ не прибѣгалъ ни къ пыткамъ, ни къ казнямъ, въ чемъ и надобности не оказывалось, а главное — низвергалъ въ Шетарди вліяніе, всѣмъ ненавистное, и то самое, которое поддерживалъ Лестокъ.

Между тѣмъ, московская осень проходила при дворѣ шумно и весело; комедіи, балеты и маскарады смѣнялись безпрерывно и къ нимъ присовокуплено еще новое развлеченіе, метаморфозъ. Этотъ метаморфозъ, тогда же изобрѣтенный самою императрицею, состоялъ въ переодѣваніи дамъ кавалерами и обратно, причемъ не пользовался сочувствіемъ ни тѣхъ, ни другихъ: кавалеры, осмѣхотворенные дамскою придворною прическою, понимали, какъ они должны быть гадки въ юпкахъ на китовомъ усѣ, а дамы, стѣсненныя панталонами, совершенно были увѣрены, что не могутъ нравиться въ кафтанахъ. Въ тамомъ метаморфозѣ не проигрывала, конечно, сама императрица, высокая и стройная кра-

савица, замѣтная во всякомъ платьѣ. Графъ лейбъ-медикъ, облекавшійся съ прочими въ фижмы и роброндъ, былъ, однакоже, болѣе многихъ прочихъ жалуемъ государыней и исполнялъ, повременамъ, высочайшія порученія, требовавшія тогда „тайности" и, слѣдовательно, приличныя лицу довѣренному. Такъ, однажды, въ придворномъ спектаклѣ, графъ Лестокъ, вышедъ изъ ложи императрицы, явился въ ложѣ высокообрученной невѣсты и, отъ имени ея величества, объявилъ ея высочеству, что государыня весьма недовольна приращеніемъ долговъ высокообрученной невѣсты, чего, въ бытность свою цесаревною, императрица отнюдь себѣ не дозволяла. — Время же, остававшееся совершенно свободнымъ, лейбъ-медикъ могъ съ пользою удѣлять, напримѣръ, чтенію диссертаціи о гемороидахъ, только что присланной изъ Лейдена и посвященной его сіятельству обучавшимся тамъ Ив. Тейльсомъ, сыномъ московскаго штадтъ-физика [1]).

Одаривъ канцлера Венденскимъ замкомъ въ Лифляндіи, съ 63 гаками земли, а также петербургскимъ домомъ Остермана, императрица, съ первымъ же зимнимъ путемъ оставила 17 декабря Москву, обогнала дорогою великаго князя съ невѣстою, выѣхавшихъ двумя днями ранѣе, и 20 декабря прибыла съ своимъ дворомъ въ Петербургъ [2]). Но, три дня спустя, ея величество снова и спѣшно отправилась по той же московской дорогѣ назадъ: въ Хотиловѣ, на половинѣ пути между столицами, наслѣдникъ престола занемогъ оспою. Императрицѣ сопутствовали графъ Лестокъ и Антоній Рибейро Санхецъ, первый и второй лейбъ-медики высочайшаго двора; съ августѣйшимъ больнымъ находился уже Гер-

---

[1]) Диссертація Тейльса, на степень доктора, имѣла слѣдующее заглавіе: Ioannis de Theyls (Moscovia Russi) dissertatio inauguralis: de sanguinis evacuatione per inferiora, quam haemoroidem vocant, ut causa fistulae ani. См. Ист. медиц. въ Рос. III, с. 147.

[2]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1744 г., №№ 102 и 103.

манъ Каау Боергаве, состоявшій при его высочествѣ.—25 декабря императрица прибыла въ Хотилово и присутствовала здѣсь, съ небольшимъ дворомъ, болѣе мѣсяца, до самаго того времени, когда великій князь, „къ утѣшенію и неизрѣченной радости всей имперіи, опять прежнее здравіе совершенно получилъ“ [1]). Но болѣзнь, прибавивъ наслѣднику роста, весьма невыгодно измѣнила наружность его высочества. 27 января 1745 года императрица и наслѣдникъ престола были встрѣчены въ восхищенномъ Петербургѣ пушечною пальбою съ крѣпости и адмиралтейства.

Дворъ занялся приготовленіями къ свадьбѣ наслѣдника престола, назначенной въ августѣ. Оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ, братъ сосланнаго фельдмаршала, съ марта мѣсяца трудился надъ сочиненіемъ церемоніала предстоявшаго торжества. Секретарю русскаго посольства въ Парижѣ предписано собрать и выслать въ Петербургъ всѣ свѣдѣнія о церемоніяхъ, сопровождающихъ бракосочетанія французскихъ дофиновъ [2]). Король Августъ III поспѣшилъ предложить къ услугамъ петербургскаго двора описаніе, съ рисунками, собственной своей свадьбы, великолѣпно обставленной его отцомъ, Августомъ II, знаменитымъ своею расточительностію [3]). Но императрица россійская изъявляла желаніе, при случаѣ бракосочетанія своего наслѣдника, превзойти великолѣпіемъ и вкусомъ всѣ европейскіе дворы [4]). Политика должна была отодвинуться на второй и далѣе планы; но политическіе дѣятели не хотѣли покидать свою арену. Канцлеръ Бестужевъ рвалъ и металъ на Фридриха, короля прусскаго, который, замѣчая, что мирное положеніе весьма полезно Маріи-Терезіи, тѣснѣе соединился съ Фран-

---

[1]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1745 г. № 8.
[2]) Die Heutige Historie, c. 376.
[3]) Hermann. V, c. 91.
[4]) Die Heut. Hist., c. 377.

ціею и, помимо бреславскаго трактата, дажн безъ объявленія войны, вошелъ въ Богемію. Виня въ этомъ набѣгѣ Францію, Бестужевъ усиливалъ вражду свою къ графу Лестоку, тѣмъ болѣе, что приписывалъ вліянію лейбъ-медика на вице-канцлера нежеланіе Воронцова, получившаго прусскіе экю, докучать императрицѣ просьбами о немедленномъ разрывѣ съ Пруссіею, что самъ Бестужевъ дѣлалъ безпрестанно, особенно въ тотъ моментъ, когда Фридриху въ Богеміи приходилось плохо. Присутствіе лорда Гиндфорда, смѣнившаго въ Петербургѣ лорда Тиравлея и жалуемаго государынею не менѣе его предмѣстника, мало помогало Бестужеву, воинственный азартъ котораго не вязался съ приготовленіями къ свадьбѣ великаго князя. За то, канцлеру удалось нетолько отсовѣтовать императрицѣ приступленіе къ франкфуртскому союзу между Пруссіею, Франціею и императоромъ Карломъ VII, о чемъ хлопотали Мардефельдъ, д'Алліонъ и баронъ Нейгаузъ, друзья Лестока, но даже возбудить высочайшее намѣреніе — помочь Маріи-Терезіи вооруженною силою. Впрочемъ, когда Фридрихъ II собрался вторгнуться въ Саксонію, баронъ Мардефельдъ озаботился пообѣщать канцлеру сорокъ тысячъ прусскихъ экю, если Россія не приметъ участія въ пользу Августа III [1]); и участіе Россіи ограничилось одними сборами войскъ въ Лифляндію, подъ знамена Ласси.

Пока Фридрихъ II тѣшился надъ сосѣдями и Бестужевымъ, въ Петербургѣ состоялось, 21-го августа, давно ожидаемое браковѣнчаніе августѣйшей четы, и совершено съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ Казанской церкви, въ присутствіи всего двора. Затѣмъ начались торжества, въ которыхъ графъ Лестокъ принималъ весьма почетное участіе. Такъ, напримѣръ, 22-го августа, на обѣдѣ въ лѣтнемъ дворцѣ, его сіятельство былъ одною изъ одиннадцати персонъ, въ счету которыхъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ, кушали

---

[1]) Extr. d. dép., c. 119.

императрица и высоконовобрачные, а 25—присутствовалъ съ дворомъ при представленіи оперы Сципіонъ и, въ числѣ знатнѣйшихъ особъ, получилъ богато-переплетенное либретто оперы, на языкахъ русскомъ, французскомъ и итальянскомъ [1]). Когда же, 26-го августа, происходилъ придворный маскарадъ изъ четырехъ разноцвѣтныхъ кадрилей, въ каждой по семнадцати паръ, то и Бестужевъ и Лестокъ, попавъ въ число кавалеровъ кадрили № 1, которою предводилъ самъ великій князь съ княгинею гессенъ-гомбургскою, явились въ одинаковыхъ розовыхъ домино, съ серебрянною выкладкою. И лейбъ-медикъ, утѣшаемый присутствіемъ въ той же кадрили графа Брюммера, усердно отличался въ парѣ съ фрейлиною и двоюродною сестрою императрицы, графинею Мареою Симоновною Гендриковою, а потомъ, въ числѣ сорока персонъ, ужиналъ въ высочайшемъ присутствіи у матери графа Разумовскаго [2]). Но съ окончаніемъ празднествъ, продолжавшихся десять дней, кружокъ друзей Лестока, и безъ того ограниченный, порѣдѣлъ еще болѣе. Лейбъ-Медикъ простился съ княземъ гессенъ-гомбургскимъ, который, приведя въ совершенное разстройство ввѣренную ему русскую артиллерію [3]), навсегда удалялся изъ Россіи, а потомъ и мать новобрачной великой княгини, принцеса ангальтъ-цербтская, „предпріяла возвратно путь свой въ нѣмецкую землю“ [4]) Лейбъ-медику, лишенному такихъ надежныхъ опоръ, оставалось руководствоваться „росписаніемъ“ еженедѣльныхъ занятій при дворѣ, зимою, которое, бывъ сообщено лейбъ-медику стариннымъ его пріятелемъ, оберъ-гофмаршаломъ Шепелевымъ, гласило: воскресенье—куртагъ; поне-

---

[1]) Каммеръ-фурьерскій журналъ 1744 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и ген.-фельдмаршаловъ, Д. Бантышъ-Каменскаго. С.-Петербургъ. 1840 г. I, с. 239.

[4]) «С.-Петерб. Вѣдомости» 1745 г. № 79.

дѣльникъ — интермедія, дамамъ быть въ кафтанахъ подколѣнныхъ; вторникъ—придворный маскарадъ; четвергъ—французская комедія [1]). И лейбъ-медикъ, дѣйствительно, въ точности сталъ руководствоваться полученнымъ „росписаніемъ“, чѣмъ, однакоже, ни мало не примирялъ съ собою сердитаго канцлера, ясно видѣвшаго, что при всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ „росписаніи“, лейбъ-медикъ оказываетъ преимущественную пріязнь Мардефельду и д'Алліону, которыхъ канцлеръ одинаково не могъ терпѣть. На д'Алліона же канцлеръ негодовалъ теперь тѣмъ болѣе, что, по милости Франціи, всегда подерживавшей такъ-называемаго претендента на англійскій престолъ, шотландцы нетолько возстали за претендента противъ дѣйствительно царствовавшаго въ Англіи—и платившаго Бестужеву—короля, но даже, въ это самое время, прислали русской императрицѣ письмо, въ которомъ, прося ея величество о помощи, весьма неловко сравнивали настоящее положеніе своего претендента съ бывшимъ нѣкогда положеніемъ цесаревны Елизаветы и, какъ-бы въ оправданіе свое приводили, что въ жилахъ хищника Георга—царствующій въ Англіи король — течетъ та же брауншвейгская кровь [2]). Не довольствуясь тѣмъ, что государыня, разумѣется, неотвѣчавшая шотландцамъ, намѣревалась отправить въ распоряженіе англійскаго короля 12 тысячъ войска [3]), канцлеръ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе объявить, отъ имени ея величества, д'Алліону, что такъ-какъ Франція затѣваетъ въ Европѣ безпорядки, ко вреду союзниковъ Россіи, то Россія постарается всѣми силами поддержать европейское равновѣсіе [4]). И д'Алліонъ, несмотря на всѣ свои старанія, поддерживаемыя, гдѣ можно, лейбъ-

[1]) См. Каммеръ-фурьерскій журналъ 1745 г.

[2]) См. Lettre des Ecossais a l'impératrice de Russie. Edimburg. 1745 г.

[3]) Die Heut. Hist., с. 379.

[4]) Тамъ же.

медикомъ, никакъ не успѣвалъ въ назначенiи Россiею чрезвычайнаго посла въ Парижъ, гдѣ со дня смерти кн. Кантемiра, то-есть съ 31 марта 1744 года, до сихъ поръ не было даже и посланника.

Всѣ эти политическiя недоразумѣнiя съ Францiею отражались, нѣкоторымъ образомъ, и въ отношенiяхъ императрицы къ первому лейбъ-медику ея величества. Государыня, помня въ гр. Лестокѣ друга и сочувственника безразсуднаго Шетарди, видѣла теперь въ томъ же графѣ противника Англiи, пользовавшейся расположенiемъ ея величества, — и благоволенiе Елизаветы къ Лестоку, постепенно порочимому канцлеромъ, постепенно охладѣвало. Гр. Лестокъ не замѣчалъ этого. Обычная подозрительность оставляла графа, когда онъ являлся въ кружокъ императрицы, гдѣ полагалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ и увлекался одною внѣшностiю отношенiй къ нему императрицы, обычно неизмѣнною. За то при дворѣ наслѣдника престола, составлявшемъ со времени женитьбы его высочества отдѣльную особь, къ графу Лестоку были расположены искренно и всегда были ему рады. Ихъ высочества чувствовали себя одолженными настоящимъ положенiемъ своимъ, отчасти, гр. Лестоку, и въ то же время, какъ молодые люди, невольно привязывались въ лейбъ-медикѣ къ умному, бывалому говоруну-анекдотисту. Это тоже не нравилось Бестужеву, очень хорошо знавшему, что при дворѣ наслѣдника престола существуетъ сочувствiе къ прусскому королю, весьма нелюбимому канцлеромъ.

Наступившiй, между тѣмъ, 1746 годъ представилъ графу Лестоку какъ-бы новое ручательство въ прочности того личнаго положенiя, о которомъ самъ графъ имѣлъ весьма ошибочныя понятiя. Въ мартѣ, гр. Лестокъ узналъ, что въ Холмогорахъ перестала, наконецъ, существовать страшившая его правительница — и, въ апрѣлѣ, лично былъ въ Александроневской лаврѣ при погребенiи, въ высочайшемъ и всего дво-

ра присутствіи, тѣла несчастной Анны Леопольдовны. Но, въ то же время, судьба разлучала Лестока съ лучшими его друзьями и самъ онъ сиротѣлъ болѣе и болѣе. Такъ, въ томъ же 1746 г., дружный съ лейбъ-медикомъ вице-канцлеръ Воронцовъ, уставъ не соглашаться съ канцлеромъ Бестужевымъ [1]), отпросился, для отдыха, въ двухъ-лѣтнее заграничное путешествіе—и поѣхалъ одаривать южную Европу шлафроками изъ сибирскаго гусинаго пуха, „которому всѣ дивились" [2]), да бесѣдовать съ папою Бенедиктомъ XIV о возможности соединенія церквей [3]). Вслѣдъ за вице-канцлеромъ, выбылъ изъ Петербурга и другой преданный другъ лейбъ-медика, голштинскій оберъ-гофмаршалъ гр. Брюммеръ, весьма неохотно разстававшійся съ государственными дѣлами вообще и, только въ силу упраздненія голштинскаго двора въ Петербургѣ, сбытый Бестужевымъ во свояси, вмѣстѣ со всѣмъ упраздненнымъ дворомъ. Не считая принца Августа голштинскаго, оставленнаго пока въ Петербургѣ, около Лестока оставался одинъ кн. Трубецкой; но и на этого друга лейбъ-медикъ не могъ разсчитывать съ увѣренностію, потому что генералъ-прокуроръ былъ весьма двуличенъ и всегда могъ помириться съ канцлеромъ, къ партіи котораго онъ принадлежалъ нѣкогда, въ качествѣ русскаго.

Такое одиночество, опасности котораго все-таки не подозрѣвалъ легковѣрный графъ, невольно напоминало ему, лейбъ-медику и генералъ-директору медицинской канцеляріи въ Россіи, удѣлъ Робертуса Карловича Арескина при Петрѣ I, а потому и гр. Іоганнъ-Германъ Лестокъ увидѣлъ себя вынужденнымъ поразвлечься чѣмъ нибудь въ сферѣ своего генералъ-директорства. И, надо отдать справедливость, развле-

[1]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ. II, с. 104.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1748 г. № 64.

[3]) Etudes de Théologie, de philosophie et d'histoire, par les pères Charles Daniel et Jean Gagarine. Paris, 1857 г. I, с. 440.

ченіе генералъ-директора принесло плодъ, который, во всей разносторонней дѣятельности гр. Лестока, былъ и остался единственно полезнымъ для Россіи. Любя постоянно свою спеціальность, хирургію [1]), не забывая о ней ни на высотѣ честей, ни въ политическихъ козняхъ съ Бестужевымъ, гр. Лестокъ, придумавши заняться дѣломъ, естественно долженъ былъ прежде всего поинтересоваться ходомъ и развитіемъ въ Россіи близкой ему отрасли знаній. Хирургія читалась тогда по рисункамъ и препаратамъ, и студенты, присутствуя на лекціяхъ въ анатомическомъ театрѣ, не видывали труповъ, которые, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, отсылались въ академію наукъ, гдѣ анатомировались въ замкнутомъ кружкѣ академическихъ профессоровъ. Гр. Лестокъ понималъ, что такой распорядокъ можно и должно измѣнить къ лучшему—и измѣнилъ. Указомъ 2 мая 1746 года, велѣно всѣ трупы, доставляемые въ академію наукъ, присылать отнынѣ исключительно въ анатомическій театръ при медико-хирургическихъ училищахъ.—„Съ сихъ поръ—говоритъ Рихтеръ—юные воспитанники хирургіи въ гошпиталяхъ получили вожделѣнный случай находиться при трупоразъятіяхъ, приучаться разыскивать патологическимъ и судебно-медицинскимъ образомъ, подъ руководствомъ профессоровъ, причину смерти и свойства болѣзни. Они узнали форму, по коей должны сочиняемы быть таковыя донесенія по части судебной медицины. Сіе особенно было тогда потому нужнѣе, поелику въ сіе время не читали публичныхъ лекцій о судебной медицинѣ“ [2]). Но полезныя занятія дѣломъ ненадолго увлекли придворнаго дѣятеля. Лестокъ завистливо слѣдилъ за чрезвычайными удачами Бестужева и вознегодовалъ на самую свѣжую—трактатъ оборонительнаго союза съ Австріею, заключенный 22 мая въ Петербургѣ, стараніями барона Претлаха, посла Ма-

[1]) Helbig.

[2]) Ист. медиц. въ Рос. III, с. 307.

рiи-Терезiи, ставшей уже императрицею римскою. Лейбъ-медикъ зналъ, по собственному опыту, что удачи, подобныя Бестужевской, всегда составляютъ счетъ для Претлаховъ или ихъ правительствъ. Дѣлясь негодованiемъ съ давнимъ знакомцемъ своимъ, барономъ Мардефельдомъ, лейбъ-медикъ находилъ въ баронѣ чрезвычайное сочувствiе своему образу мыслей, весьма понятное потому именно, что обѣ высокiя державы, договаривавшiяся 22 мая, тогда же укрѣпились сильнымъ союзомъ, на случай впаденiй Фридриха во владѣнiя Марiи-Терезiи, въ чемъ, какъ извѣстно, великiй король всегда находилъ великое удовольствiе. Подъ влiянiемъ бесѣдъ съ Мардефельдомъ, Лестокъ, всегда неосторожный въ рѣчахъ и выраженiяхъ, носился съ своимъ образомъ мыслей изъ дома въ домъ и бѣсилъ Бестужева, который, къ тому же, не могъ простить Мардефельду несдержанiе слова по предмету выдачи ему, Бестужеву, обѣщанныхъ 40 тыс. прусскихъ экю [1]). Эта прусская неустойка тѣмъ болѣе была ощутительна Бестужеву, что, послѣ лѣтней поѣздки императрицы въ Ревель, куда сопутствовали ея величеству и Бестужевъ и Лестокъ, канцлеръ находился въ чрезвычайно стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, даже просилъ у своего друга, лорда Гиндфорда, взаймы безъ процентовъ; но другъ, почему-то, не далъ [2]). Не въ духѣ отъ безденежья, канцлеръ мрачно указывалъ императрицѣ на Швецiю, гдѣ русскiй посланникъ, баронъ Корфъ, помимо неконченныхъ еще споровъ о Кюменегардскихъ границахъ, находился въ большомъ затрудненiи. Дѣйствительно, шведскiй сеймъ, обезпокоенный вооруженiями Россiи, происходившими въ силу разныхъ договоровъ съ европейскими державами, особенно же испуганный укрѣпленiемъ Выборга, волновался неукротимо, и, слушая французовъ, готовился къ союзу съ прусскимъ

---

[1]) Extr. d. dép., c. 120.

[2]) Тамъ же.

королемъ [1]). И шведскій, и французскій, и прусскій дворы, раздражавшіе теперь императрицу, были завѣдомо расположены къ Лестоку, въ которомъ находили постояннаго доброжелателя при дворѣ императрицы. Въ настоящемъ случаѣ, доброжелатель нисколько не выигрывалъ во мнѣніи ея величества, но, по прежнему, нисколько не заботился слѣдить за своимъ проигрышемъ, и въ февралѣ 1747 года, съ обычною веселостію сопровождалъ государыню на богомолье въ Тихвинъ [2]).

Канцлеръ сильно значилъ. Извѣстіями о высочайшихъ посѣщеніяхъ его дома, его пирахъ, иллюминаціяхъ наполнялись тогдашнія вѣдомости [3]). Весною 1747 года, онъ успѣлъ удалить изъ Россіи дядю великой княгини, принца Августа голштинскаго; лѣтомъ, подписалъ новую дружескую конвенцію съ Англіей. Когда же въ министерство поступила жалоба на французскаго посланника д'Алліона, нарушившаго таможенныя права, и ея величество, недовольная этимъ, лишила всѣхъ иностранныхъ министровъ, наличныхъ и впредь будущихъ, разныхъ послабленій, существовавшихъ для нихъ въ самомъ тарифѣ, Бестужевъ выговорилъ изъятіе въ пользу друзей своихъ, Прейтлаха и Гиндфорда [4]). Лейбъ-медикъ, напротивъ, значилъ меньше и меньше, хотя и продолжалъ въ точности руководствоваться придворными „росписаніями". Вся дѣятельность графа Лестока ограничивалась тѣмъ, что онъ жилъ въ собственномъ каменномъ домѣ, на Фонтанкѣ [5]),

---

[1]) Die Heut. Hist. c. 384—385.

[2]) «С.-Петерб. Вѣдомости» 1747 г., № 10. Историко-статистическое описаніе первоклассныго Тихвинскаго богородицкаго большаго мужскаго монастыря. С.-Петербургъ. 1859 г. с. 36—37.

[3]) «С.-Петерб. Вѣдомости» 1747 г., №№ 16, 17 и др.

[4]) Die Heut. Hist., с. 391.

[5]) Существуетъ и до сихъ поръ въ Лештуковомъ переулкѣ, которому сообщилъ названіе; выходитъ на самую Фонтанку, неподалеку отъ Чернышева моста. Кромѣ дома, гр. Лестокъ имѣлъ дачу по

пользовался, по званіямъ своимъ, честію постояннаго гренадерскаго караула у дома; получалъ изъ одной Россіи до 20 тыс. руб. въ годъ [1]), игралъ и проигрывалъ, возился съ начинавшеюся подагрою и, вдовѣя съ ноября 1743 года [2]), вздумалъ—жениться. Выборъ графа Лестока палъ на фрейлину императрицы, Марію-Аврору Менгденъ, сестру извѣстной каммеръ-фрейлины Юліаны, и близкую родственницу всѣхъ Менгденовъ, павшихъ при воцареніи Елизаветы. Въ день свадьбы графа, 11 ноября 1747 года, императрица, по обыкновенію, сама убрала къ вѣнцу невѣсту въ собственные свои брильянты и присутствовала, со всѣмъ дворомъ, на брачномъ пирѣ, въ домѣ лейбъ-медика.

Но, несмотря на такое торжественное выраженіе милости монархини къ первому лейбъ-медику ея величества, дѣла графа Лестока принимали весьма неблагопріятный для него оборотъ. Кромѣ давней открытой вражды къ Лестоку Бестужева, это происходило отъ измѣненія политическихъ отношеній Россіи къ Пруссіи, и еще болѣе отъ легкомыслія самаго Лестока, который, не уважая ни лицъ, ни обстоятельствъ, постоянно давалъ полную волю и своему сердцу и своему языку [3]).

Способный, по натурѣ своей, къ увлеченіямъ всякаго рода, Лестокъ былъ еще способнѣе увлекаться именно тѣмъ, что приносило ему чистый денежный барышъ. Когда же послѣдняго въ виду не имѣлось, Лестокъ испробовалъ все, чтобы добыть его, рвался отъ неудачи, но, испытавъ ее, умѣлъ, при всемъ своемъ эгоизмѣ, оставаться почти добрымъ малымъ, юношей далеко не по лѣтамъ, болтуномъ откровеннымъ до неосторожности, шутникомъ не всегда милымъ, но всегда

петерговской дорогѣ, вторую за Краснымъ кабачкомъ, на лѣвой сторонѣ.

[1]) Die Heut. Hist., c. 351.

[2]) Helbig.

[3]) Anecd. intéress. V. c. 40.

умнымъ и тонкимъ, способнымъ шуткою нажить себѣ смертельнаго врага, однимъ словомъ, вовсе не былъ политикомъ, особенно, въ смыслѣ Бестужева. Канцлеръ на это-то и разсчитывалъ; а обстоятельства помогли канцлеру сжить съ рукъ вертуна француза, надоѣвшаго не одному Бестужеву.

Россія близилась тогда къ разрыву съ Пруссіей, противъ которой, на помощь Австріи, двигался уже по Европѣ корпусъ князя Репнина. Императрица, руководимая личнымъ участіемъ къ Маріи-Терезіи, терпѣвшей отъ безпокойнаго сосѣда, не благоволила къ великому Фридриху. Англійскія субсидіи еще болѣе говорили за Марію-Терезію. Но главнымъ ревнителемъ пользъ римской императрицы въ Россіи былъ канцлеръ Бестужевъ, и самъ и въ сынѣ своемъ, камергерѣ [1]), обласканный и задаренный ея римскимъ величествомъ. Вредить, гдѣ можно и чѣмъ можно, Фридриху, значило благодѣять Маріи-Терезіи—и Бестужевъ вредилъ Фридриху всячески, не разбирая средствъ. Ссорились-ли, напримѣръ, при разграниченіи финляндскихъ пріобрѣтеній, Бестужевъ внушалъ, что виною этого Фридрихъ, союзникъ Швеціи—и государыня сердилась на Фридриха. Возвращались ли умереть на родинѣ русскіе „великаны", дарившіеся августѣйшими предшественниками императрицы Елизаветы отцу Фридриха, страстному охотнику до великановъ [2]), Бестужевъ тотчасъ же

[1]) Гр. Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ не имѣлъ ни дарованій ни заслугъ своего отца, ум. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, въ 1768 г. Въ маѣ 1748 г. онъ былъ посыланъ въ Австрію, поздравлять Марію-Терезію съ новорожденнымъ сыномъ, и тамъ — осыпанъ подарками.

[2]) Обычай такого даренія, непонятнаго въ наше время, заведенъ Петромъ I. Въ архивныхъ документахъ его царствованія разсѣяно не мало любопытныхъ данныхъ по этому предмету. И всѣ они, по большей части, характеризуются слѣдующею выдержкою изъ письма гр. А. Г. Головкина, русскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, къ царскому кабинетъ-секретарю Макарову, отъ 31-го декабря 1717 г.: «Прислано королю (прусскому) въ подарокъ: въ 1712 г. 36 чел., изъ

узнавалъ, что великаны, между прочими розсказнями о прусскомъ житьѣ-бытьѣ, приносятъ вѣсти о домашнихъ разговорахъ Фридриха, оскорбительныхъ для русской императрицы — и вѣсти великановъ, доложенныя Бестужевымъ государынѣ, приводили ея величество въ крайнее негодованіе на Фридриха [1]). Такимъ образомъ, мало по малу, весь дворъ, и даже общественное мнѣніе Петербурга возстали на Фридриха. Отвращеніе къ Пруссіи сдѣлалось общимъ, хотѣли всѣхъ пруссаковъ выгнать изъ Россіи или истребить [2]).

Ни до чего этого не было дѣла графу Лестоку, первому лейбъ-медику государыни. Не думая разставаться съ своими привязанностями, Лестокъ продолжалъ быть своимъ человѣкомъ въ кружкѣ великаго князя наслѣдника, совсѣмъ нераздѣлявшаго общей ненависти къ прусскому королю, и послуживался посредничествомъ въ перепискѣ великой княгини съ матерью, что, въ силу обстоятельствъ, строго запрещалось ея высочеству. Затѣмъ, безпечный лейбъ-медикъ не переставалъ учащать визиты къ преемнику друга своего, Мардефельда, прусскому посланнику графу Финкенштейну, отъ котораго бѣгали всѣ придворные, и оставался въ искреннихъ отноше-

Помераніи; да въ 1714 г. — 80 чел., изъ Санктпетербурга; да въ 1715 г. 100 чел., изъ Польши. Всего 216 чел. И изъ того въ большихъ гренадирахъ 33 чел., да въ кронрегиментѣ 98 чел., а достальные розданы по разнымъ полкамъ, із которыхъ нѣкоторые в далнихъ отсюды провинціах обрѣтаютца.. Сверхъ того несколько за болѣзнями отпущены, такожде померли і розбѣжались, і тако того человѣкъ съ 60 в тѣхъ полках еще осталось» (Дѣла Гос. Арх. Каб. П. В., отдѣлъ II, № 31, л. 643—644). Изъ дѣлъ Главной Артиллеріи видно, что такіе «великаны» отпускались на чужую сторону съ особыми «великанскими» фузеями, которыхъ, напр,, въ 1718 г., Никита Демидовъ изготовилъ на своихъ тульскихъ заводахъ, по берлинскому образцу, 65 штукъ (Дѣла Артиллер. Архива въ С.-Петербургѣ, кн. № 29, листы не нумерованы).

[1]) Extr. d. dép., c. 118.

[2]) Anecd. intéress. V, c. 40.

віяхъ съ д'Аллiономъ и шведскимъ посланникомъ Вульфстiерной, съ которыми Бестужевъ никогда не разговаривалъ [1]). Кромѣ того, бывая тамъ и тутъ, Лестокъ, по своему обыкновенiю, болталъ, шутилъ и трунилъ надъ чѣмъ попало, причемъ, разумѣется, доставалось, иногда и очень больно, самому Бестужеву, который очень точно извѣщался о всемъ, происходившемъ гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, лейбъ-медикъ и въ присутствiи самой императрицы не таилъ нерасположенiя своего къ Австрiи. Лестокъ откровенно высказывалъ государынѣ, что война съ Фридрихомъ, къ которой тогда всѣ готовились, будетъ стоить Россiи много народа и денегъ, кромѣ того, что едва-ли можетъ назваться справедливою.

„Но развѣ ты не знаешь—сухо замѣтила однажды государыня лейбъ-медику—что союзъ съ Австрiей заключилъ покойный государь—отецъ мой; неужели же стану я разрывать этотъ союзъ". Лейбъ-медикъ, однако, не унимался, и неосторожно продолжалъ: „Если вашему величеству непремѣнно угодно поддерживать австрiйскiй союзъ, можно пособить имперцамъ двадцати-пятитысячной армiею, условленной въ договорѣ; остальное, государыня, право, не заслуживаетъ высочайшаго вниманiя вашего величества" [2]).

Лейбъ-медикъ могъ бы замѣтить, что послѣ этого разговора, императрица избѣгала другого—съ нимъ же, лейбъ-медикомъ. Но за Лестока все и всегда замѣчалъ Бестужевъ. Около канцлера, въ это же время, явилась новая личность, Апраксинъ, генералъ-аншефъ, гвардiи Семеновскаго полка подполковникъ и военной коллегiи вице-президентъ. Вѣруя въ мощь Бестужева, которому былъ душевно преданъ, Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ не сомнѣвался въ грядущемъ паденiи Лестока и, будучи человѣкомъ весьма любостяжательнымъ, не располагалъ, при всей своей напыщенности,

---

[1]) Denkwürdigkeiten etc., c. 111.

[2]) Anecd. intéress. V, c. 41.

брезгать ожидаемыми обломками роскошной обстановки лейбъ-медика. И Бестужевъ съ Апраксинымъ, руководимые каждый своими видами, согласились дѣйствовать заодно.

Сначала было донесено императрицѣ, что первый лейбъ-медикъ высочайшаго двора состоитъ на жалованьи Франціи— и представлены ясныя доказательства. Но на первый разъ доносители не попали въ цѣль. — Императрица отозвалась, что „вольно же Франціи такъ дорого платить Лестоку, съ которымъ ея величество не удостоиваетъ даже говорить“ [1]. Бестужевъ съ Апраксинымъ не обезкураживались — и скоро при дворѣ прошелъ слухъ, что нѣкто Эттингеръ, доказательно знавшій о полученіи лейбъ-медикомъ жалованья изъ Пруссіи и готовившій официальное о томъ донесеніе самой императрицѣ, умеръ внезапно, отравленный лейбъ-медикомъ. Этотъ слухъ остался слухомъ, хотя и не безъ впечатлѣнія, невыгоднаго Лестоку. Затѣмъ императрица незамедлила узнать о вредныхъ связяхъ лейбъ-медика съ прусскимъ и шведскимъ послами въ Петербургѣ, связяхъ, клонившихся къ нарушенію ахенскаго мира, только что повсемѣстно успокоившаго Европу, и такое свѣдѣніе, разумѣется, еще болѣе роняло лейбъ-медика въ мнѣніи императрицы. Наконецъ, ея величеству всеподданнѣйше представлено, что усердная преданность лейбъ-медика наслѣднику престола можетъ быть объяснена однимъ: намѣреніемъ лейбъ-медика воцарить его высочество, низвергнувъ, по примѣру 1741 года, существующее въ Россіи правительство [2]. Тогда императрица повелѣла наблюдать лейбъ-медика.

9-го ноября 1748 года, графъ Лестокъ съ женою, и родственникъ лейбъ-медика, Шапюзо, состоявшій при графѣ чѣмъ то въ родѣ секретаря и адъютанта, были на обѣдѣ у одного

---

[1] Hermann, V, c. 210.

[2] Denkwürdigkeiten, etc. c. 112.

прусскаго купца. Тамъ же, въ числѣ гостей, присутствовали шведскіе послы Вульфстіерна и Гойкенъ, смѣнявшіеся тогда въ Петербургѣ, и прусскій посланникъ графъ Финкенштейнъ. Послѣ обѣда, въ сумерки, Шапюзо простился съ компаніей и пошелъ къ себѣ. Но отойдя нѣсколько шаговъ отъ дома, гдѣ обѣдалъ, Шапюзо увидѣлъ за собою какого-то человѣка, потасканно одѣтаго, и узналъ въ немъ ту самую личность, которою съ нѣкотораго времени не разъ уже бывалъ преслѣдуемъ по пятамъ. Шапюзо немедленно схватилъ подозрительную личность за воротъ и, подъ грозою обнаженной шпаги, принудилъ шпіона идти и войти въ домъ купца, откуда не разъѣхались еще гости. Графъ Лестокъ, которому Шапюзо тотчасъ же представилъ свою поимку, предложилъ шпіону 50 рублей, съ тѣмъ, чтобы тотъ сказалъ, кѣмъ онъ подосланъ. Пойманный отказывался отъ денегъ, утверждая, что въ немъ ошибаются. Не довѣряя такому показанію, графъ послалъ за унтеръ-офицеромъ и однимъ изъ гренадеровъ своего домашняго караула, приказавъ имъ захватить съ собою батоги. Караульные явились, шпіонъ испугался и, не дожидаясь батожнаго внушенія, повинился, что онъ крѣпостной человѣкъ одного семеновскаго сержанта, и ходитъ за Лестокомъ и Шапюзо по приказанію своего барина.

Лестокъ тотчасъ же поскакалъ во дворецъ, палъ къ ногамъ императрицы, напомнилъ о своихъ заслугахъ и просилъ удовлетворенія. Ея величество благосклонно выслушала своего лейбъ-медика и не отринула его просьбы. Но едва Лестокъ, успокоенный пріемомъ императрицы, оставивъ дворецъ, отправился прямо оттуда къ какому-то другому купцу на вечеръ, императрицѣ поспѣшили объяснить, что лейбъ-медикъ, не чувствуя за собою вины, не сталъ бы бояться шпіоновъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, представили ея величеству, что поступокъ Шапюзо, обнажавшаго шпагу, во всякомъ случаѣ, непростителенъ; а намѣреніе Лестока посѣчь шпіона—своеволіе неумѣстное. И, въ тотъ же вечеръ, капитанъ Шапюзо

съ четырьмя служителями графа Лестока посажены въ крѣпость [1]).

Лестокъ зналъ, откуда идетъ гроза. Но лейбъ-медикъ мало огорчался и нисколько не боялся, вполнѣ надѣясь, что самъ онъ, графъ Іоганнъ-Германъ, не можетъ попасть въ бѣду и сопряженныя съ нею неудобства относительно пользованія всѣми благопріобрѣтеніями—не можетъ потому, что императрица, онъ увѣренъ, никогда не рѣшится допустить къ себѣ, хотя бы для кровопусканія, другое лицо, а не своего стараго и опытнаго хирурга, какимъ былъ онъ, графъ Іоганнъ-Германъ [2]). Продолжая думать такимъ образомъ, Лестокъ, 11 ноября, отпраздновалъ веселымъ обѣдомъ годовщину своей свадьбы и угощалъ у себя шведскаго посланника Вульфстіерну [3]), а вечеромъ явился во дворецъ, гдѣ, по обыкновенію, игралъ въ карты. Въ теченіе вечера, супруга наслѣдника престола подошла-было къ Лестоку, желая съ нимъ говорить, но Лестокъ, полушутя, тихонько сказалъ великой княгинѣ: „остерегайтесь, ваше высочество, я человѣкъ подозрительный". Великая княгиня, взглянувъ на Лестока, лицо котораго пылало, заключила, что графъ слишкомъ хорошо пообѣдалъ — и отошла. На другой день, 12 ноября, въ апартаментахъ императрицы была секретная конференція, гдѣ присутствовали канцлеръ Бестужевъ, австрійскій чрезвычайный посолъ графъ Бернесъ и англійскій посланникъ лордъ Гиндфордъ. Трактовалось, между прочимъ, о графѣ Лестокѣ; охуждалось опасное поведеніе перваго лейбъ-медика—и судьба графа была рѣшена [4]).

Въ воскресенье, 13 ноября, когда, въ 11 часовъ утра, графъ Лестокъ былъ одинъ у себя, на Фонтанкѣ, и занимался въ кабинетѣ, а графиня поѣхала пріобщаться въ кир-

---

1) Hermann. V, c. 212—214.
2) Hermann. c. 9.
3) Тамъ же. c. 214.
4) Die Heut. Hist. c. 398.

ку, графскій домъ окружила команда въ 150 человѣкъ гвардейскихъ солдатъ, которою предводительствовалъ Апраксинъ. У генералъ-аншефа, гвардіи подполковника и вице-президента военной коллегіи, не хватило, однако же, духа лично объявить первому лейбъ-медику высочайшаго двора и генералъ-директору медицинской канцеляріи его несчастіе и арестъ. Апраксинъ остался въ пріемной залѣ графскаго дома, а въ кабинетъ, къ хозяину, вошелъ сержантъ, который и прочелъ графу Лестоку императорскій высочайшій указъ о немедленномъ заарестованіи лейбъ-медика и генералъ-директора, данный Апраксину. Изъ комнаты графа арестанта, чрезвычайно пораженнаго нежданною новостію, а также извѣстнаго живостію характера и порывами слишкомъ энергическими, позаботились тотчасъ же вынести все острое [1]. Потомъ, въ присутствіи графа, приступили къ опечатанію его бумагъ, а у дверей кабинета приставили караулъ. Между тѣмъ, къ киркѣ, гдѣ причащалась графиня Лестокъ, посланъ особый отрядъ, который, на обратномъ пути изъ кирки, съ примкнутыми штыками конвоировалъ карету графини [2]. Возвратившись домой, жена спѣшила къ мужу; но супругамъ не позволили видѣться, сказали графинѣ, что и она арестуется. Тогда Марія-Аврора, жена вѣрная и преданная, въ негодованіи сорвала съ себя часы, бриліянты, и бросила все это къ ногамъ Апраксина, съ словами: „ведите меня, куда вамъ велѣно“ [3]. Графиню, подъ стражею, удалили въ одну изъ комнатъ дома—и явившійся немедленно Александръ Ивановичъ Шуваловъ, страшный преемникъ ужаснаго Андрея Ивановича Ушакова, сталъ снимать съ графа первый допросъ. По отъѣздѣ Шувалова, Лестокъ, пользуясь объявленнымъ ему высочайшимъ разрѣшеніемъ употреблять невозбранно перо,

---

[1]) Hermann. с. 214.

[2]) Anecd. intér. V, с. 43.

[3]) Voyage en Sibérie, p. Chappe. II, с. 375.

бумагу и чернила, тотчасъ же написалъ къ императрицѣ, умоляя ея величество вспомнить о его заслугахъ. Но враги Лестока не доставили императрицѣ его письма—и арестованный графъ, два дня не получая никакого отвѣта, съ третьяго же совершенно отказался отъ пищи, въ намѣреніи уморить себя голодомъ, чтобы не переживать своего несчастія.

У себя въ домѣ графъ Лестокъ пробылъ арестованнымъ четыре дня и допрашиванъ всего два раза [1]). 17 ноября супруги перевезены въ крѣпость и разсажены въ казематы порознь. Графу объявлено, что онъ лишенъ чиновъ, званій, должностей, словомъ—сравненъ съ простыми смертными. Имущество его было конфисковано. Тогда же взяты въ крѣпость: конно-гвардейскій офицеръ Бергеръ съ женою, и негоціантъ Коппъ, подозрѣваемые въ сообщничествѣ съ лейбъ-медикомъ [2]). Затѣмъ наряжена коммиссія, въ которой предсѣдательствовалъ Апраксинъ, засѣдалъ Шуваловъ и докладывалъ Бестужевъ [3]). Видя это, Лестокъ упорно томилъ себя голодомъ, поддерживаясь единственно зельтерскою водою [4]).

Началось слѣдствіе. Сначала допрашивали капитана Шапюзо. Онъ откровенно показалъ, что графъ Лестокъ получаетъ деньги изъ Пруссіи, близокъ съ прусскимъ и шведскимъ посланниками, друженъ съ Воронцовымъ, Трубецкимъ и Румянцовымъ, въ сообществѣ которыхъ нерѣдко пировалъ по ночамъ, причемъ иногда высказывалъ негодованіе на видимый имъ порядокъ вещей. Шапюзо, дѣйствительно, не зналъ ничего болѣе, но судьи остались довольны его показаніями, и капитанъ былъ избавленъ отъ допроса съ пыт-

---

[1]) Die Heut. Hist. c. 398.

[2]) Helbig.

[3]) Словарь Бантышъ-Каменскаго, см. Лестокъ. — Hermann. V, c. 213.

[4]) Helbig.

кою [1]). Отъ Бергера съ женою узнали еще менѣе. А Коппа освободили немедленно.

Взялись за самого лейбъ-медика. Спрошенный судьями о томъ, получалъ ли онъ деньги изъ Франціи, графъ Лестокъ отвѣчалъ утвердительно; а на вопросъ, сколько именно получалъ вообще, отозвался забвеніемъ цифры и прибавилъ, что о всѣхъ полученіяхъ его, графа, всегда бывало имъ же доводимо до высочайшаго свѣдѣнія [2]). При обвиненіи въ излишней интимности съ Франціей, графъ Лестокъ напомнилъ судьямъ, что эта интимность началась и не превращалась съ 1741 года [3]). Касательно трехъ писемъ къ шведскому королю, найденныхъ въ бумагахъ Лестока, графъ показывалъ, что содержаніе ихъ извѣстно государынѣ, потому что самыя письма писаны въ свое время по приказанію ея величества. Графъ сознавался въ отсылкѣ 500 рублей собственныхъ денегъ въ пособіе извѣстной ренегаткѣ, княгинѣ Долгорукой не отговаривался въ принятіи отъ прусскаго короля денежныхъ подарковъ, но рѣшительно отвергалъ обвиненіе въ замыслахъ, вредныхъ Россіи и, тѣмъ болѣе, подозрѣніе въ отравленіи Эттингера.

О всемъ дознанномъ отъ графа Лестока было донесено императрицѣ, съ представленіемъ мнѣнія коммиссіи о необходимости допросить бывшаго лейбъ-медика „съ пристрастіемъ“,—на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе, исходатайствованное канцлеромъ.

Лестока снова потребовали въ коммиссію. Онъ не ѣлъ ничего уже 11 дней [4]), и, послѣ такой добровольной муки, попалъ въ невольную—приведенъ къ пыткѣ. Палачи схватили ненавистнаго француза, раздѣли его, и бывшій первый лейбъ-

---

[1]) Hermann. V. c. 214.
[2]) Chappe. II, c. 376.
[3]) Anecd. intéress. V.
[4]) Helbig. По другимъ—Лестокъ не принималъ пищи 13 дней.

медикъ высочайшаго двора, генералъ-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи, умный, образованный и пожилой человѣкъ, придворный, избалованный жизнію, достаткомъ, почестями, этотъ Illustris et Magnificus—висѣлъ теперь вздернутый къ потолку, съ вывороченными назадъ руками, удушаемый дымомъ курившагося подъ дыбою костра. Это продолжалось полчаса. Лестокъ твердо выдержалъ первую пытку, не обвинилъ себя ни въ чемъ и, ослабленный 11 дневнымъ голодомъ, имѣлъ еще силу дойти безъ посторонней помощи до своего каземата [1]). Тамъ Лестока заставили принять нѣсколько пищи [2]). Высочайшимъ указомъ 6 декабря, лейбъ-медикъ Германъ Каау Боергаве вступилъ во всѣ должности и званія графа Лестока, но только съ чиномъ тайнаго совѣтника и безъ всякаго значенія, а 15 декабря императрица, отъѣзжая въ Москву, при прощаніи, пожаловала Степану Өедоровичу Апраксину каменный домъ Лестока на Фонтанкѣ, со всѣмъ серебромъ, фарфорами и убранствомъ [3]). Генералъ-аншефъ, гвардіи подполковникъ и вице-призидентъ военной коллегіи добился своего, а бывшій лейбъ-медикъ, необычайною діэтою успѣлъ весьма кстати, но нисколько того не добиваясь, искоренить у себя начинавшуюся подагру [4]).

Но дѣло Лестока не кончилось, а затянулось. Судъ продолжался; канцелярскія принадлежности, расходуемыя на производство, ставились въ счетъ подсудимому, и покрывались изъ тѣхъ 40 тысячъ рублей, которые были найдены у Лестока въ день его арестованія. Остальныя благопріобрѣтенія бывшаго лейбъ-медика, тоже конфискованныя, расхищались желающими. „Многіе дѣлились сею добычею“ [5]). Лестокъ, отчаявшись въ добромъ исходѣ дѣла, махнулъ ру-

¹) Hermann. V, c. 214.

²) Die Heut. Hist. c. 398.

³) «С.-Петерб. Вѣд.» 1748 г., № 101.

⁴) Helbig.

⁵) Слов. Бантышъ-Кам.

кою на все. Марія-Аврора умоляла судей не тиранить нѣжнаго тѣла ея мужа и ужь лучше отрубить ему голову [1]). Но судьи думали и поступали иначе. Въ 1749 году Лестокъ съ тѣмъ же мужествомъ выдержалъ вторую пытку, на дыбѣ, и, подъ кнутомъ, страшно ругалъ Бестужева; говорилъ, что страдаетъ единственно по его злобѣ; не признавалъ себя преступникомъ; утверждалъ, что раньше или позже невинность его откроется и предсказалъ, что государыня будетъ современемъ разскаяваться въ довѣренности, которою удостоиваетъ теперь канцлера [2]).

Въ декабрѣ 1749 года, императрица, послѣ годоваго пребыванія въ Москвѣ, возвратилась въ Петербургъ. Тогда же графинѣ Лестокъ, все время содержавшейся въ крѣпости, но розно съ мужемъ, велѣно уговаривать графа сознаться во всемъ, за что, отъ имени государыни, обѣщать ему возвращеніе чиновъ, званій и пр. Но этотъ судейскій маневръ, учиненный, конечно, безъ вѣдома самой государыни, не удался. Лестокъ отвѣчалъ женѣ: „я былъ въ катскихъ рукахъ и мнѣ ничего не нужно" [3]). Однако, раны, незажившія со времени втораго допроса, отбивали у изнѣженнаго француза охоту подвергнутся новымъ истязаніямъ. Лестокъ сказалъ все, что хотѣли [4])—и явился виновнымъ: въ намѣреніи перепискою своею смутить доброе согласіе между союзными Россіи государствами и въ противозаконныхъ сдѣлкахъ съ чужестранцами, которые могли быть гибельны для Россіи [5]). Торжествующій Бестужевъ явился къ императрицѣ съ смертнымъ приговоромъ бывшему лейбъ-медику, и доказывалъ ея величеству необходимость наказанія государственнаго преступника, по крайдей-мѣрѣ, кнутомъ, публично. Импера-

---

[1]) Chappe. II, с. 376.

[2]) Hermann. V, с. 214.

[3]) Тамъ же.

[4]) Denkwürdigkeiten, с. 112.

[5]) Die Heut. Hist. с. 398.

трица никакъ на это не согласилась [1]. Лестокъ, лишенный правъ и имущества, розданнаго разнымъ придворнымъ лицамъ, сосланъ на житье въ Угличъ [2], съ разрѣшеніемъ взять съ собою свои книги и инструменты [3], а жена его отправлена куда-то въ другое мѣсто. Этотъ приговоръ состоялся въ 1750 г., но не былъ публикованъ. Да и всѣ вообще обстоятельства преступленій и судъ Лестока были, въ свое время, тщательно скрываемы — только не отъ вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, которымъ посылались экстракты засѣданій слѣдственной коммиссіи надъ Лестокомъ [4].

Итакъ, Іоганнъ-Германъ Лестокъ, всю жизнь хлопотавшій о благопріобрѣтеніяхъ, обладавшій, наконецъ, ими съ избыткомъ, разомъ потерялъ все и, на склонѣ жизни, обратился въ прежнее ничтожество. Судьба справедливо возмещала судьѣ 1743 года слезы и истязанія обвиненныхъ по доносу Бергера. Сбылись и собственныя слова Лестока, сказанныя императрицѣ въ 1731 г., исполнилось и предсказаніе самой императрицы—о пукѣ розогъ.

Въ Угличѣ Лестокъ содержался около 3 лѣтъ, и, разлученный съ любимою женою, страдалъ много, потому что, при живости своего характера, не могъ терпѣливо выносить положенія, въ которомъ находился. Ему, напримѣръ, дозволялось свободно ходить по комнатѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, но строго запрещалось приближаться къ окнамъ [5]. Содержаніе Лестока, по 3 р. на день, производилось изъ доходовъ съ его же конфискованныхъ имуществъ. Но изъ опасенія, чтобы такая значительная по тому времени сумма не дала преступнику средствъ учинить какіе нибудь подкупы и проч., деньги Лестоку не выдавались на руки, а хра-

---

[1]) Chappe. II, c. 376.

[2]) Denkwürdigkeiten etc. c. 113.—Hermann. V, c. 214.

[3]) Die Heut. Hist. c. 398.

[4]) Тамъ же, с. 399.

[5]) Chappe. II, c. 377.

нились у его пристава, который, будучи обязанъ доставлять арестанту все дозволяемое закономъ, разумѣется, не доставлялъ и самаго необходимаго [1]). Что касается графини Лестокъ, она, въ мѣстѣ своего заточенія, помѣщалась тоже въ одной комнатѣ, мебель которой составляли столъ, нѣсколько стульевъ, печь и кровать безъ полога, съ одѣяломъ и соломенникомъ. Въ первый годъ ссылки, графиня только два раза имѣла возможность перемѣнить постельное бѣлье. Она безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ, откуда не выпускалась даже для естественной нужды; четверо солдатъ постоянно присутствовали съ графинею и спали тутъ же. Лестокъ удивлялся, какъ въ это время не заѣли жену его вши: въ такой ужасной нечистотѣ, поневолѣ, томилась бывшая фрейлина высочайшаго двора. Графинѣ полагалось то же содержаніе, какъ и ея мужу; но получалось оно такъ же, какъ и ея мужемъ. Иногда графиня играла въ карты съ своими стражами, въ надеждѣ выиграть 4 или 5 копеекъ, которыми могла бы располагать по произволу; но послѣднее не всегда ей удавалось. Однажды, графиня какъ-то сгрубила своему приставу, офицеру — и получила жестокое воздаяніе: офицеръ наплевалъ ей въ лицо [2]).

Въ 1753 году графа Лестока перевезли изъ Углича въ Устюгъ-Великій [3]), а графинѣ была дарована полная свобода [4]). Но достойная жена не захотѣла одиноко пользоваться предлагаемымъ даромъ и просила позволенія раздѣлить судьбу мужа, что ей разрѣшено. Въ Устюгѣ, положеніе супруговъ улучшилось: они имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько комнатъ и садикъ, который обработывался графомъ, носившимъ воду, между тѣмъ, какъ графиня варила пиво, пекла хлѣбы и стирала бѣлье. Приставъ нерѣдко дѣ-

[1]) Тамъ же, с. 378.

[2]) Тамъ же, с. 377.

[3]) Hermann. V, с. 215.—Denkwürdigkeiten etc. с. 114.

[4]) Слов. Бант.-Каменскаго.

лывалъ супругамъ компаніи и заживалъ къ нимъ своихъ пріятелей. Случилось разъ, что офицеръ, знакомый приставу, слѣдуя въ Сибирь съ арестантами, проходилъ Устюгъ и пожелалъ видѣть графа Лестока, о которомъ много слышалъ. Приставъ исполнилъ желаніе своего пріятеля и представилъ офицера графу. Новые знакомцы съ перваго же слова понравились другъ другу и немедленно—сыгрались. Лестоку едва-ли не впервые повезло въ картахъ, и онъ выигралъ у офицера больше ста рублей—капиталъ для изгнанниковъ. Очень довольный собою, графъ припряталъ деньги, добытыя такъ легко и такъ неожиданно. Но графиня узнала, что сумма, выигранная ея мужемъ, есть въ то же время сумма кормовая, которую офицеръ, ее проигравшій, получилъ на путевое довольствіе своихъ арестантовъ. Не думая долго, сострадательная женщина пришла къ мужу, упала ему въ ноги, и просила возвратить деньги неосторожному игроку. Графъ, при всей своей любви къ деньгамъ и надобности въ нихъ, не рѣшился воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Но зная, по собственному опыту, какъ доходятъ арестантамъ ихъ кормовыя, не возвратилъ денегъ офицеру, а отправилъ весь свой выигрышъ въ ближайшую деревню, для раздачи бѣднымъ [1]).

Въ Устюгѣ Лестокъ съ женою прожили все остальное время царствованія императрицы Елизаветы, часто видаясь съ Гринштейномъ, тоже испытавшимъ непрочность всего земнаго и сосланнымъ сюда же [2]). Государыня, однакоже, не совсѣмъ забывала своего давняго приверженца и, время отъ времени, посылывала Лестоку въ гостинецъ вина, говоря окружающимъ: „Лестокъ это любитъ“ [3]). Нѣкоторые изъ

---

[1]) Chappe. II, c. 378.

[2]) За дерзкія рѣчи о государынѣ; передъ отправленіемъ въ ссылку, наказанъ кнутомъ. См. Russ. Günstl., Helbig, с. 207—208.

[3]) Chappe. II, c. 379.

окружающихъ императрицу тоже не теряли изъ вида павшаго любимца счастія. Воронцовъ, сдѣланный канцлеромъ на мѣсто изгнаннаго, въ свою очередь, Бестужева [1]), нѣсколько разъ просилъ государыню о возвращеніи Лестова, въ невинности котораго былъ убѣжденъ совершенно; но государыня не изъявляла на то своей воли. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, сильный и вліятельный вельможа второй половины Елизаветинскаго царствованія, благодѣтельствовалъ устюжскому изгнаннику, даже состоялъ съ нимъ въ переепискѣ и получалъ отъ него посланія, въ родѣ слѣдующаго:

„Высокородный графъ".

„Высочайшая милость и сожаленіе ея імператорскаго величества приводитъ насъ до высочайшея степени радости, что мы в крайнеи нашеи печали и бедности не совсѣмъ нозабыты; мы всіо по реестру получили, что ваше сіятельство переслать к намъ ізволили. Ваше сіятельство можете разсудить, какъ приятно и нужно намъ ето быть можетъ, что здесь ни фунта хорошева чаю, ниже хорошева вино ні за что достать несыщемъ.

„Ваше сіятельство из природнаго вашево добросердечія насъ спросить приказали, нетли намъ в мехахъ нужды: намъ краіная в томъ нужда, потому что здѣсь оное непродается, хотябъ старая ношеная женская епанча; мы очень обрадуемся и съ благодареніемъ принімаемъ, что намъ присылаетца. Еще прошу 0° 40 же фун. хлапчатой бумаги. Мы принуждены чаи пить изъмедных чашек, ибо форфороваго, какъ чаініка, какъ и чашекъ неімеемъ. Можно бъ мне осмелитца просить ваше сіятельство объ одномъ ружье, и чтобъ мне позволено было стрелять, здѣсь много сурковъ, однакожъ

---

[1]) Пострадалъ въ 1759 г. вмѣстѣ съ Апраксинымъ, странно распоряжавшимся военными дѣйствіями въ Пруссіи, которыя онъ соображалъ съ частными извѣстіями отъ канцлера. Бестужевъ лишенъ тогда чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свою подмосковную, Горетово.

непродаютца. Жена моя покорнейше благодаритъ за присланное платье, впротчемъ спокорностію пребуду.

„покорной слуга

Г. Лештогъ".

„11-го февраля.

„Еще прошу 0° $1^1/_2$ фунте рад. валеріа магно.

„Я предсимъ имѣлъ смѣлость пісать къ вашему сіятельству 9 октября, 10 ноября и 10 генваря" [1]).

25-го декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета, и новый императоръ Петръ III, въ тотъ же день [2]), отправилъ курьера въ Устюгъ за Лестокомъ, которому послалъ 1,000 рублей на дорогу до Петербурга [3]). Въ февралѣ 1762 года бывшій лейбъ-медикъ и генералъ-директоръ медицинской канцеляріи, явился въ Петербургъ въ крестьянскомъ платьѣ [4]), и встрѣченный роднымъ племянникомъ, саксонскимъ полковникомъ Лестокомъ, занялъ въ Большой Морской домъ одного изъ преемниковъ своихъ, славнаго Кондоиди [5]), тогда уже умершаго. Англійскій посланникъ Кейтъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, писалъ своему двору: „Графъ Лестокъ, несмотря на свои 74 года отроду и 14 лѣтъ ссылки, возвратился изъ изгнанія живой и проворный, какъ юноша" [6]). Многіе вельможи и всѣ иностранцы спѣшили видѣть Лестока, по общему убѣжденію, страдавшаго безъ вины; изъявленіямъ дружбы не было конца; хотѣли, казалось, заставить старика-графа разомъ забыть годы изгнанія [7]). При представленіи графа и графини Лестокъ императору, его величество обошелся съ ними чрез-

[1]) См. Москвитянинъ за 1845 г., № 11, с. 35.

[2]) Extr. d. dép. c. 182.

[3]) Helbig.

[4]) Chappe. II, c. 379.

[5]) См. «С.-Петерб. Вѣдомости» 1762 г., № 67.

[6]) Extr. d. dép. c. 182.

[7]) Chappe. II, c. 379.

вычайно милостиво. Добродушный Петръ III помнилъ преданность ему графа Лестока. Гельбигъ разсказываетъ, что графиня восхищенная пріемомъ государя, тутъ же сказала Петру: „я нахожу въ вашемъ величествѣ тоже добросердечіе и тоже человѣколюбіе, какія знавали всегда. Ваше великодушное сердце способно только прощать. Боюсь, государь, чтобы это не повредило вамъ“ [1].

9-го марта 1762 года, графъ Лестокъ возстановленъ въ чинахъ, „какіе онъ до своего несчастія имѣлъ“ [2]. Но должность его была уже занята Якобомъ Монсеемъ, котораго государь весьма жаловалъ, и содержанія Лестоку не назначено никакого. За то его величество новелѣлъ возвратить графу Лестоку все, конфискованное у графа 14 лѣтъ тому назадъ. Но исполнить это высочайшее повелѣніе въ точности—не было никакой возможности. Все, собственно говоря, уже не существовало; имѣлось кое-что. Поэтому, въ обладаніе Лестока возвратились: домъ на Фонтанкѣ, подаренный императрицею Апраксину, тоже паденіемъ окончившему свою карьеру; 11 тысячъ рублей изъ 40, взятыхъ у графа при его арестованіи; наконецъ, часть серебра и нѣкоторые фарфоры. Изъ счетовъ, тогда же представленныхъ Лестоку, оказывалось, что на канцелярскіе расходы, по производству его дѣла, издержано болѣе 800 рублей [3]; оказывалось также, что много шло на ежегодную починку графскихъ домовъ—у него былъ не одинъ—въ которыхъ, во время ссылки графа изъ Петербурга, проживали враги графа или люди, вовсе неизвѣстные его сіятельству [4]. Лестокъ вознегодовалъ, въ немъ ожилъ прежній корыстолюбецъ, алчный къ пріобрѣтеніямъ, и графъ горько жаловался императору на неисполненіе высочайшаго повелѣнія. Его величе-

[1]) Russ. Günstl., Helbig.

[2]) См. выс. ук., данный въ тотъ день сенату.

[3]) Hermann. V, c. 215.

[4]) Anecd. intéress. V.

ство разрѣшилъ графу Лестоку лично порыться въ складахъ канцеляріи конфискаціи и, въ шутку, дозволилъ ему же разыскивать свои вещи въ домахъ частныхъ людей. „Это, говоритъ Гельбигъ, было новою пищею для веселости Лестока, еще не совсѣмъ исчезнувшей. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, принялся за обыскъ домовъ старыхъ враговъ своихъ, неуспѣвшихъ принять надлежащія мѣры, и получилъ кое-что изъ своего серебра, картинъ и драгоцѣнностей“ [1].

Послѣднее обстоятельство снова возбудило противъ Лестока забытую ненависть множества русскихъ, которымъ, кромѣ того, весьма не нравилось громкое и безпрерывное хвастанье стараго болтуна дѣломъ 1741 года. Друзья останавливали Лестока, напоминали ему, что, не ровенъ часъ, онъ снова можетъ попасть въ ссылку; но Лестокъ не внималъ ничему и болталъ безъ устали. Мало того, Лестокъ и на эту болтовню, какъ прежде на обыскъ вещей, испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, потому что разъ, обѣдая у государя, прямо сказалъ его величеству: „Государь, мои враги, конечно, не упустятъ случая вредить мнѣ; но я увѣренъ, что ваше величество позволите болтать и спокойно умереть старику, которому остается уже не болѣе нѣсколькихъ дней жизни“ [1]. Но на самомъ дѣлѣ, оставалось уже не болѣе нѣсколькихъ дней царствованія самому Петру. И графъ Лестокъ, оплакавъ благодѣтельствовавшаго ему государя, встрѣтилъ новое, девятое на своихъ глазахъ русское правленіе.

Императрица Екатерина II приняла участіе въ обѣднѣвавшемъ графѣ Лестокѣ, и пожаловала ему пожизненную пенсію въ семь тысячъ рублей съ 30 гаками въ Лифляндіи [3]. За тѣмъ — въ сонмѣ свѣтилъ, восходившихъ около новой императрицы и неуклонно стремившихся по собствен-

---

[1]) Russ. Günstl.

[2]) Chappe. II, c. 380.

[3]) Слов. Бант.-Каменскаго.

нымъ своимъ орбитамъ, ни одно особенно привѣтливо не сіяло старому авантюристу, далеко пережившему свое придворное время. Кромѣ того, французскій посланникъ баронъ Бретейль начиналъ уже относиться къ главному дѣятелю переворота 1741 года за доплатою 20 тысячъ червонцевъ, до сихъ поръ еще никѣмъ невозвращенныхъ французскому посольству [1]).

Наконецъ, у трона Екатерины сталъ, въ новомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, старый канцлеръ Бестужевъ, съ почестями воззванный отъ своихъ горетовскихъ іеремiадъ, и графъ Лестокъ, переставъ пріѣзжать ко двору, замкнулся въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ друзей. Съ ними старѣя тѣломъ, слишкомъ 70-лѣтній графъ не старѣлъ духомъ, и у себя дома былъ самымъ веселымъ и любезнымъ хозяиномъ, если только не чувствовалъ припадковъ каменной болѣзни, которою началъ страдать уже послѣ ссылки. Любимымъ развлеченіемъ Лестока оставались удовольствія стола; любимымъ предметомъ разговоровъ сдѣлались шутки на счетъ похитителей его имѣнія, пугавшія смѣлостію друзей графа, опасавшихся мщенія старому шутнику [2]). Но часто и съ пріятностію вспоминая о своей придворной службѣ, пылкій старикъ никогда не переставалъ негодовать на то, что, въ день своего ареста, былъ лишенъ возможности насквозь проколоть Апраксина [3]). Съ лѣтами, однакоже, болѣзненные припадки графа усиливались, разслабляли его и мало по малу превращали Лестока, нѣкогда придворнаго щеголя, въ хилаго неопрятнаго старика [4]). Въ послѣдніе годы жизни, единственными обязанностями прежняго лейбъ-медика и генералъ-директора медицинской канцеляріи, были обязанности,

---

[1]) Anecd. intér. IV.

[2]) Chappe. II, c. 380.

[3]) Anecd. intér. V.

[4]) «Безъ преувеличенія можно сказать—говоритъ Гельбигъ—что графъ Лестокъ умеръ, заѣденный вшами». См. Russ. Günstl.

сопряженныя съ званіемъ члена французскаго реформатскаго общества въ Петербургѣ, которое имѣло въ графѣ постояннаго и ревностнаго покровителя и защитника [1]) до самаго того времени, когда каменная болѣзнь свела Лестока въ гробъ. Онъ умеръ, на рукахъ жены, 12 іюня 1767 года, громко исповѣдуя реформатскіе догматы. Тѣло графа Лестока было перевезено овдовѣвшею графинею въ Церникау, въ Лифляндіи, и тамъ предано землѣ, въ фамильномъ склепѣ Менгденовъ [2]). Дѣтей у графа Лестока, женатаго три раза, никогда не было. Вдова его, графиня Марія-Аврора, „прекраснѣйшая женщина и вѣрная подруга своего мужа" [3]), не переставала пользоваться щедротами императрицы Екатерины II, владѣла, въ видѣ аренды, нетолько лифляндскими гаками, пожалованными графу, но по смерти его получила, въ пожизненное пользованіе, 1,184 души въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ и жила еще въ 1811 году [4]). Безродный въ Россіи, Лестокъ имѣлъ близкихъ родныхъ за границею, и, умирая, завѣщалъ имъ десять тысячъ рублей. Эти деньги были раздѣлены между потомствами родныхъ братьевъ графа Лестока, старшаго—Іоганна-Павла, неизвѣстно гдѣ служившаго, и младшаго—Людвига, подполковника прусской службы, умершаго во время семилѣтней войны. Потомство Іоганна-Павла Лестока составляли дѣти его: Іоганнъ-Людвигъ, прусскій военный и государственный совѣтникъ, присылавшій стихи на коронованіе императрицы Елизаветы; Августъ, саксонскій полковникъ, въ домѣ котораго получилъ воспитаніе Домбровскій, извѣстный польскій генералъ, и Христіанъ-Вернеръ-Теодоръ, полков-

---

[1]) Helbig.

[2]) Ист. медиц. въ Россіи. III, с. 139.

[3]) Helbig.

[4]) См. Дѣянія Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссійскія, соч. колл. сов. Петра Колотова. С.-Петербургъ, 1811 г., ч. I, с. 15.

никъ русской службы. Потомство Людвига Лестока заключалось въ сынѣ Вильгельмѣ, извѣстномъ по войнѣ 1806 года, прусскомъ гусарскомъ генералѣ, и дочери Аннѣ-Софіи-Гедвигѣ [1]. Мы не знаемъ, въ какой степени родства съ нашимъ графомъ состоялъ Лестокъ, адмиралъ англійскаго флота, въ эпоху значенія однофамильца своего въ Россіи.

Такъ прошелъ и окончилъ свое коловратное поприще графъ Іоганнъ-Германъ Лестокъ, извѣстнѣйшій на Руси чужеземецъ-авантюристъ. Личность графа не принадлежитъ къ числу почтенныхъ. Являясь не иначе, какъ во дворцахъ или въ ссылкахъ, и переходя непосредственно изъ однихъ въ другія, эта личность, съ перваго на нее взгляда, можетъ, конечно, или подстрекнуть праздное любопытство, способное заинтересоваться дворскою жизнію, или возбудить нѣкоторое участіе, чаще и справедливѣе удѣляемое страждущему. Но при дальнѣйшемъ и болѣе внимательномъ наблюденіи, личность графа Лестока теряетъ положительно и, въ глазахъ русскаго наблюдателя, становится даже какимъ-то укоромъ временамъ прошедшимъ. Дѣйствительно, въ Лестокѣ видишь человѣка съ данными весьма дюжинными, который, безъ заслугъ, но разомъ, вознесся на чрезвычайную высоту и, стоя на ней, ни малѣйше не оправдывалъ огромнаго значенія, дарованнаго ему случаемъ, почти волшебнымъ. „Богъ нѣмцевъ на Руси" — какъ называлъ его князь Долгорукій — Лестокъ и для нѣмцевъ не сдѣлалъ ничего, хотя въ теченіе трехъ лѣтъ имѣлъ на это ежедневную возможность. Безъ всякой подготовки и способности къ занятіямъ политикою, Лестокъ дерзко вмѣшивался во всѣ министерскія запутанности, постоянно и безстыдно торгуя выгодами призрѣвшей и возвеличевшей его Россіи. Имѣть противникомъ Бестужева, мужа искушеннаго въ дѣлахъ

---

[1] Helbig.

государственныхъ, было слишкомъ лестно для Лестока, гораздо лестнѣе, нежели для Бестужева низложить выскочку-графа. И въ этомъ случаѣ, Елизавета, какъ русская государыня, вовсе не ошиблась, пожертвовавъ канцлеру своимъ лейбъ-медикомъ, потому что, Бестужевъ, не забывая себя, все-таки радѣлъ о пользахъ отечества и былъ истинно полезенъ Россіи; а Лестокъ, радѣя о себѣ, не могъ имѣть въ виду отечества, которымъ для него Россія не была и даже не стала впослѣдствіи. Русскій вельможа безъ малѣйшаго русскаго ордена; глава медицинской части въ Россіи безъ всякаго докторскаго диплома [1]), совѣтникъ императрицы безъ права засѣдать въ высочайшемъ совѣтѣ [2]), графъ Лестокъ остается исключительно авантюристомъ, которымъ и былъ онъ „съ головы до пятокъ“. Въ этомъ качествѣ, графъ Іоганнъ-Германъ-Лестокъ вѣрой и правдой служилъ своимъ личнымъ выгодамъ, извлекалъ ихъ отвсюду почти съ геніальностію, не задумывался ни надъ какими средствами и хорошо еще, если, какъ говоритъ Гельбигъ, „вредилъ болѣе себѣ, нежели другимъ“.

---

[1]) Іог.-Герм. Лестокъ не былъ признанъ докторомъ ни отъ одного изъ европейскихъ университетовъ. См. Die Heut. Hist. с. 397.

[2]) Этаго права Лестокъ добивался постоянно, но никогда не получилъ его.

ГУСТАВЪ БИРЕНЪ

БРАТЪ РЕГЕНТА [1]).

Находя въ заголовкѣ настоящей статьи слова: „Биренъ", „Регентъ", читатель, конечно, приводитъ себѣ на память одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ Русской исторіи; въ воображеніи его невольно рисуется картина пытокъ, казней и другихъ золъ, потерпѣнныхъ тогда Русскими людьми, и онъ, читатель, вѣроятно, ожидаетъ повѣствованія о подобныхъ же ужасахъ, почему нибудь оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными. Такое ожиданіе весьма естественно: имя Биренъ, принадлежащее и герцогу Курляндскому Эрнсту-Іоганну, десять лѣтъ тиранившему Россію, и генералъ-аншефу Карлу, брату герцога, страшно неистовствовавшему въ Малороссіи [2]), по

[1]) Мы пишемъ Биренъ, а не Биронъ. Извѣстно, что имя Биренъ или Бюренъ, Büren — самопроизвольно измѣнено герцогомъ, а за нимъ и его братьями, въ Биронъ, изъ одного тщеславнаго желанія причесться въ небывалое родство къ древней и знаменитой во Франціи фамиліи Biron.

[2]) «Онъ (пишетъ о Карлѣ Биронѣ архіеп. Георгій Конисскій) бывъ совершенный калѣка, имѣлъ однако чинъ полнаго генерала Россійскаго и квартируя нѣсколько лѣтъ съ войскомъ въ Стародубѣ съ

истинѣ, возбуждаетъ представленія, исключительно безотрадныя. Но въ настоящей статьѣ, хотя и трактующей также о Биренѣ, да еще родномъ братѣ обоихъ изверговъ, читатель не найдетъ ни новаго изверга, донынѣ еще не разоблаченнаго, ни тиранствъ, или неистовствъ, доселѣ никѣмъ не розысканныхъ. Вмѣсто всего этого, мы просто познакомимъ читателя съ незатѣйливою, малоизвѣстною личностію Густава Бирена, который ничѣмъ не походилъ на двухъ другихъ Биреновъ, жилъ и умеръ съ именемъ честнѣйшаго человѣка и оставилъ по себѣ память, свободную отъ нареканій, вполнѣ заслуженныхъ обоими его братьями. Вотъ всѣ права Густава Бирена на нѣкоторое вниманіе къ нему потомства. Другихъ же онъ не имѣлъ и не имѣетъ; но кажется, достаточно и этихъ.

Происхожденіе Биреновъ извѣстно. Они принадлежали къ одной изъ самыхъ незначительныхъ курляндскихъ фамилій, родоначальникомъ которой былъ дѣдъ Густава, первый назвавшійся Биреномъ. Этотъ Биренъ числился старшимъ конюхомъ герцога Курляндскаго Іакова, и былъ награжденъ за свою службу мызою. Изъ двухъ сыновей его, старшій удалился въ Польшу, гдѣ со временемъ достигъ генеральства; а младшій остался на родинѣ, состоялъ конюшеннымъ чи-

---

многочисленнымъ штатомъ, уподоблялся пышностію и надменностію самому гордому султану азіатскому; поведеніе его и того жъ больше имѣло въ себѣ варварскихъ странностей. И не говоря объ обширномъ сералѣ, сформированномъ и комплектуемомъ насиліемъ, хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ заставляли грудью своею кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга; другія же его скаредства мерзятъ самое воображеніе человѣческое». См. Исторія Руссовъ въ Чтеніяхъ Импер. Общества исторіи и древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ, 1846 г., кн. IV, с. 243. *М. Д. Х.* Это былъ достойный братецъ Регента, который отличался такого же рода наклонностями (см. Дѣло Бирона въ чтеніяхъ Общ. ист. и др. 1862 г., кн. 1-я). *П. Б.*

новникомъ при герцогскомъ дворѣ, сопровождалъ принца Александра (сына герцога Іакова) въ Венгрію и по смерти принца, убитаго, въ Офенѣ, въ 1686 году, возвратился въ Курляндію съ экипажами покойнаго, сдѣланъ капитаномъ лѣсничихъ, владѣлъ наслѣдственно-отцовскою мызою [1]) и оставилъ трехъ сыновей: Карла, впослѣдствіи генералъ-аншефа Русской службы; Эрнста-Іоганна, бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ, и Густава, очерку котораго мы посвящаемъ настоящую статью.

Густавъ Биренъ, младшій сынъ курляндскаго капитана лѣсничихъ, родился около 1700 г., въ отцовскомъ имѣньицѣ Каленцеемъ, и росъ въ ту пору, когда отчизна его, Курляндія, пройденная изъ конца въ конецъ Русскими войсками, была разорена войною, залегала пустырями отъ Митавы до самаго Мемеля, не досчитывалась 7/8 своего обычнаго населенія, зависѣла и отъ Польши и отъ Россіи, содержала на свой счетъ вдову умершаго герцога Анну Іоанновну, присутствовавшую въ Митавѣ, и заочно управлялась настоящимъ герцогомъ Фердинандомъ, послѣднею отраслью Кеттлерова дома, не выѣзжавшимъ изъ Данцига, и не любимымъ своими подданными [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, составляло упадокъ страны, и разумѣется, препятствовало развитію въ ней просвѣщенія, которое, доставаясь съ трудомъ мѣстному благородному юношеству, не могло быть удѣломъ дѣтей капитана Бирена, человѣка небогатаго и даже не дворянина. Однакоже капитанъ Биренъ сознавалъ, какъ кажется, необходимость

---

[1]) Geschichte Ernst Iohann von Biron Herzogs in Liefland, zu Curland und Semgallien, in verschieden en Briefen entworfen. Francfurt und Leipzig. 1764 г. с. 3—4: (слѣд. еще при жизни Регента).—Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année MDCCXXVII jusqu'à MDCCXLIV, etc. par le général de Manstein. Leipzig. 1771 г. с. 53—54.

[2]) Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie, Weber. Paris, 1725 с. 1.

просвѣщенія, не имѣя средствъ одинаково обучить всѣхъ своихъ сыновей, онъ избралъ между ними способнѣйшаго, именно средняго, будущаго герцога, и отправилъ его въ Кёнигсбергское училище. Но, какъ извѣстно, будущій герцогъ не успѣлъ окончить здѣсь курса наукъ, котораго остальные братья его, что также извѣстно, никогда и нигдѣ не успѣли даже начать [1]).

Слѣдовательно, Густавъ Биренъ, воспитываясь въ домѣ родительскомъ, не пріобрѣталъ ни малѣйшихъ знаній и, достигнувъ совершеннаго возраста, оказался совершеннымъ невѣждою, что, при ограниченномъ отъ природы умѣ его, не могло, какъ казалось, обѣщать ему никакой особенно блистательной карьеры. Но начать какую нибудь было необходимо, потому что наслѣдственной мызы не могло хватить на пропитаніе трехъ братьевъ. И Густавъ задумалъ вступить на военное поприще, какъ болѣе подходившее къ его личнымъ инстинктамъ и менѣе требовавшее именно тѣхъ данныхъ, которыхъ Густавъ не имѣлъ отъ природы и не вынесъ изъ своего домашняго воспитанія. Къ тому же военная служба считалась, въ доброе старое время, несравненно почетнѣе всякой другой, и дѣйствительно, скорѣе выводила людей въ люди.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Густавъ Биренъ окончательно рѣшился быть воиномъ. Вопросъ о томъ: гдѣ именно проявить будущія военныя доблести свои;—вовсе не существовалъ для Густава. По обычаю соотечественниковъ, такъ сказать, освященному временемъ, Густавъ намѣревался искать счастія не иначе какъ въ Польшѣ, къ которой Курляндія состояла, съ 1551 г., въ отношеніяхъ леннаго владѣнія. Впрочемъ, кромѣ обычая, освященнаго временемъ, въ Польшу заманивало Густава и то обстоятельство, что въ тамошней королевско-республиканской арміи давно уже служилъ

---

[1]) Denkwürdigkeiten des Petersburger Hofes. Leipzig, 1845 г. с. 43.

родной дядя его по отцу, и туда же недавно определился родной братъ Густава, Карлъ Биренъ, бывшій до того офицеромъ въ Россіи, и бѣжавшій изъ шведскаго плѣна, не обратно въ Россію, а въ Польшу [1]).

Въ сообщничествѣ этихъ-то близкихъ родичей началъ Густавъ свою военную карьеру, и первоначально продолжалъ ее съ горемъ по поламъ. Послѣднее происходило отъ того, что Польша, управляемая въ то время королемъ Августомъ II и Рѣчью Посполитою, вообще не была благоустроеннѣе Курляндіи, безпрерывно возмущалась сеймами, которые, по свидѣтельству Бандтке, были ни что иное, какъ „скопища крамольниковъ“, не уживалась съ своими диссидентами, утратила правду въ судахъ, наконецъ, не воюя ни съ кѣмъ, что лишало Густава возможности отличиться, не наслаждалась и прочнымъ миромъ [2]). Къ тому же Густавъ, на ряду со всею арміею, недавно преобразованною изъ военныхъ конфедерацій, зачастую получалъ свое жалованье гораздо позже надлежащихъ сроковъ и, въ этомъ отношеніи, долженъ былъ зависѣть отъ болѣе или менѣе успѣшнаго сбора поголовныхъ, дымныхъ, жидовскихъ и другихъ денегъ, опредѣляемыхъ сеймами, часто расходившимися безъ всякихъ опредѣленій [3]). Принуждаемый, такимъ образомъ, питаться чѣмъ Богъ послалъ, Густавъ не могъ ожидать никакого подспорья и изъ Курляндіи, не смотря на возраставшее тамъ значеніе брата своего Эрнста Іоганна. Дѣло въ томъ, что хотя Эрнстъ-Іоганнъ и сталъ, наконецъ, первымъ довѣреннымъ лицомъ вдовствующей герцогини Курляндской, но это вовсе не давало ему никакихъ особенныхъ доходовъ, потому что сама герцогиня съ трудомъ поддерживала приличный видъ своего

---

[1]) Russische Günstlinge, v. Helbig. Tübingen 1809 г. с. 179.

[2]) Исторія государства Польскаго. Соч. Георга-Самуила Бандтке. С.-Петербургъ. 1830 г. Т. I, с. 141—142.

[3]) Польскій Лѣтописецъ, съ 964 по 1764 г. С.-Петерб. 1782 г. ст. 344—345.

двора, весьма расчитывая на 8 т. рублей, ежегодно ассигнуемыхъ ей изъ Россіи, и далеко не получая тѣхъ 40 т. руб., которые ежегодно слѣдовали ей изъ курляндскихъ доходовъ [1]).

Таково было житье-бытье Густава Бирена въ Польшѣ, во все то время, пока въ Курляндіи одинаково неуспѣшно тягались за герцогскую корону Морицъ Саксонскій и князь Меншиковъ; а въ Россіи оканчивалъ и окончилъ свои баснословные подвиги Петръ, за которымъ смѣнились на его престолѣ Екатерина и другой Петръ. Съ кончиною послѣдняго, въ 1730 г., состоялось избраніе на Русскій престолъ вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Іоанновны—и судьба Густава Бирена, тогда капитана Польскихъ войскъ, неожиданно и быстро измѣнилась къ несравненному лучшему.

Само собой разумѣется, что главнымъ и единственнымъ виновникомъ такого счастливаго переворота въ судьбѣ Густава былъ тотъ же братъ его Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ. Явясь, вопреки желаніямъ всѣхъ избирателей Анны, вслѣдъ за своею государынею въ Москву,—Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ не замедлилъ смѣнить неважное званіе каммергера Курляндской герцогини на почетное достоинство оберъ-каммергера Русской императрицы, сдѣлался графомъ священной Римской Имперіи и, не сомнѣваясь въ ожидавшемъ его могуществѣ, поспѣшилъ призвать въ Россію близкихъ и дальнихъ родичей своихъ, съ цѣлію разомъ извлечь ихъ изъ прежняго ничтожества, быстро возвысить и, такимъ образомъ, окружить себя собственными креатурами.

Получивъ приглашеніе новаго временщика, братья его не задумались оставить Польшу, и въ томъ же 1730 г. прибыли въ Россію, гдѣ старшій, Карлъ, изъ польскихъ подполковниковъ переименованъ, 19 ноября, въ русскіе генералъ-маіоры, а младшій, Густавъ, капитанъ панцырныхъ войскъ Польской

[1]) «Peter von Haven's Reise in Russland aus dem Dänischen übersetzt.» Copenhagen 1744 г. с. 268.

республики, сдѣланъ, 1 ноября, маіоромъ только что учрежденнаго лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка [1]). Это послѣднее назначеніе имѣло особый смыслъ, потому что Измайловскій полкъ, обязанный своимъ бытіемъ указу 22 сентября 1730 г., былъ созданъ по мысли оберъ-каммергера Бирена, долженствовалъ служить ему оплотомъ противъ какихъ бы то ни было покушеній гвардіи Петра [2]), и, въ этихъ видахъ, формировался исключительно изъ украинскихъ ландмилицовъ—потомства стрѣльцовъ, естественно враждебнаго потомству потѣшныхъ,—получилъ офицеровъ на половину изъ курляндцевъ и вообще Остзейцевъ и ввѣренъ командованію графа Левенвольда [3]), душою и тѣломъ преданнаго Эрнсту Іоганну Бирену.

Въ качествѣ Измайловскаго маіора, равномъ тогда чину арміи полковника, Густавъ Биренъ долженъ былъ ежегодно получать 600 руб. жалованья и 125 руб. 40 коп. за раціоны, вносить ежегодно же по 4 рубл. „на медикаментъ“, пользоваться услугами 6-ти деньщиковъ и имѣть слѣдующее обмундированіе: темнозеленый поколѣнный кафтанъ, съ отложнымъ одноцвѣтнымъ воротникомъ, разрѣзными обшлагами, карманными клапанами, коническими золоченными пуговицами и узкимъ золотымъ галуномъ по борту, обшлагамъ и карманамъ; темнозеленый камзолъ, съ подобнымъ же приборомъ; того же цвѣта штаны, по три вершка ниже колѣнъ, съ золотыми пуговицами и золотымъ галуномъ на боковыхъ разрѣзахъ; бѣлые чулки, въ тупоносыхъ смазныхъ башмакахъ, и бѣлые же холстинные штиблеты, съ черною

---

[1]) Подлинные акты архива Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, Книга: Входящія бумаги. 1730 г.

[2]) Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen, v. Schmidt, genannt Phiseldek, Riga. 1784 г. с. 52.

[3]) Подписывался всегда по-нѣмецки: L ö w e n w o l d e. Но въ русскихъ оффиціальныхъ бумагахъ — и, вѣроятно, въ обычной рѣчи — именовался Л е в е н в о л ь д ъ, что, разумѣется, короче и удобнѣе.

тесмянною перевязкою у колѣнъ; также сапоги въ родѣ ботфортовъ, съ раструбами и мѣдными шпорами; бѣлый галстухъ изъ тонкаго полотна, повязанный бантомъ назадъ; сборчатые манжеты безукоризненной бѣлизны; черную пуховую шляпу, съ круглой тульей и загнутыми къ верху полями, обшитую золотымъ галуномъ и украшенную плюмажемъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ; наконецъ, узкую аршинную шпагу въ нечерненныхъ ножнахъ, съ золоченнымъ наконечникомъ и темлякомъ изъ цвѣтныхъ шерстей, надѣтую на лосинной портупеѣ, отороченной золотымъ галуномъ и опоясывавшей камзолъ. Ко всему этому, въ случаяхъ „строеваго убранства" присоединялись еще: шарфъ черезъ правое плечо, изъ разныхъ шерстей съ примѣсью серебра; узкій серебрянный вызолоченный знакъ, съ финифтевою арматурою и андреевскимъ крестомъ, носившійся на андреевской лентѣ; и саженный протазанъ [1]), съ вычерненнымъ древкомъ, золоченнымъ подтокомъ и такимъ же на верху изображеніемъ андреевскаго креста, подъ которымъ, у маіоровъ, привѣшивалась массивная золотая кисть съ серебрянной искрой [2]). Такова была самая первоначальная форма Измайловскаго полка, послѣ многихъ толковъ и большой переписки, апробованная самою императрицею, которая, учреждая этотъ полкъ, имѣла особое „высокое намѣреніе [3])."

Служака по преимуществу, Густавъ Биренъ усердно занялся осуществленіемъ мысли своего брата, принималъ участіе въ

---

[1]) Протазанъ—испорч. франц. слово pertuisane, бердышъ.

[2]) Впослѣдствіи, именно съ учрежденіемъ штатовъ 1731 г., въ первоначальной формѣ обмундированія Измайловскихъ офицеровъ сдѣланы были многія измѣненія, такъ напримѣръ, — вмѣсто темнозеленыхъ камзоловъ даны красные, вмѣсто цвѣтныхъ шарфовъ и темляковъ золотые, штабъ-офицеры вмѣсто протазановъ вооружены эспантонами и проч.

[3]) Слова указа, даннаго Сенату 22 сентября 1730 г. — См. П. С. З. изд. 1830 г. т. VIII, с. 5623.

ежедневныхъ совѣщаніяхъ „господъ полковыхъ штаповъ“, т. е. штабъ-офицеровъ Измайловскаго полка (которыми въ то время кромѣ полковника Левенвольда, были: подполковникъ Кейтъ, маіоры Шиповъ и Гампфъ) входилъ во всѣ подробности новозаводимыхъ полковыхъ учрежденій, и все-таки, на самыхъ первыхъ порахъ пребыванія своего въ Россіи, успѣлъ не угодить брату, оберъ-каммергеру. Послѣднему до того не нравились частые визиты Густава къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, ласкавшей благообразнаго маіора, что однажды, когда Густавъ пожаловался брату на кого-то изъ приближенныхъ Ея Высочества, оберъ-каммергеръ просилъ Императрицу запретить Густаву бывать у цесаревны, и тутъ-то, какъ говорятъ, впервые высказалась угроза: заключить цесаревну въ монастырь, если ея Высочество и далѣе будетъ дѣлать что либо неугодное Ея Величеству. Исвѣстно также, что именно по поводу этой размолвки Императрица не удостоила посѣтить цесаревну 18 декабря 1730 г., въ годовщину рожденія Ея Высочества [1]).

Послѣ такого придворнаго увлеченія, Густавъ Биренъ съ новымъ рвеніемъ принялся за службу, вступилъ въ командованіе вторымъ баталіономъ Измайловскаго полка и отбылъ съ нимъ, 17 февраля 1731 г., первый Высочайшій смотръ на замоскворецкомъ Царицыномъ лугу, гдѣ новый полкъ присягалъ на вѣрность службы и получилъ отъ Императрицы знамена [2]).

Отбывъ съ тѣмъ же вторымъ баталіономъ Измайловскаго полка и другой Высочайшій смотръ всей гвардіи, устроенный

---

[1]) Materialien etc. v. Phiseldek, II, 57 — 58. — Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1730 г., со всею подробностію повѣствовавшихъ о событіяхъ дворской жизни въ Москвѣ, дѣйствительно, не упоминается ни полу-словомъ о какомъ нибудь торжествѣ 18 декабря, тогда какъ въ Петербургѣ, въ этотъ день отправлены, по обычаю, божественная служба, пушечная пальба и, вечеромъ, иллюминація.

[2]) Историческое обозрѣніе Л. Г. Измайловскаго полка. 1730 — 1850 г. Соч, А. Висковатова. С.-Петербургъ. с. 8.

Императрицею 7 мая, подъ Донскимъ монастыремъ, въ честь бывшаго тогда въ Москвѣ Турецкаго посла [1]), Густавъ Биренъ, 28 мая, впервые вывелъ свой баталіонъ въ караулы, а около половины іюня—въ „кампаментъ", т. е. лагерь, и здѣсь, 31 іюля, получилъ оффиціальное извѣщеніе подполковника Кейта о скоромъ выступленіи 1-го и 2-го баталіоновъ Измайловскаго полка изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Въ этомъ извѣщеніи, Кейтъ, между прочимъ, писалъ: „Баталіонъ извольте содержать во всякой строгости, какъ воинской порядокъ требуетъ, и до обидъ подкомандныхъ со обывателми отнюдь не допускать, и имѣть стараніе, чтобъ люди въ провіантѣ нужды непонесли. Такожбы полковыя лошади въ добромъ корму содержаны были. И понеже Санктпетербургская дорога невездѣ конскими кормами доволна, но нѣкоторая часть имѣется лѣсовъ и песковъ, то для таковыхъ нужныхъ мѣстъ, по разсмотрѣнію, купить овса и довольствовать лошадей, чтобъ ихъ въ худобу непривесть, а для покупки овса посылать впередъ. Тѣлегибъ всегда были дехтемъ мазаны, отчего какъ осямъ, такъ и лошадямъ, легче быть выможетъ... Будучи въ пути, помянутый баталіонъ изволте ставить по квартирамъ и въ лагерѣ, гдѣ какъ способнѣе будетъ. Во время маршу, господа офицеры чтобъ ѣхали безотлучно при своихъ ротахъ, кромѣ больныхъ, которымъ позволяетца за полкомъ въ ихъ колясках ѣхать" [2]).

10 августа 1731 г., 1-й и 2-й баталіоны Измайловскаго полка, въ числѣ 1332 чел. и 146 лошадей, выступили изъ Москвы, подъ главнымъ начальствомъ старшаго изъ маіоровъ, Ив. Ѳон. Шипова [3]), который на другой же день, 11 ав-

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1731 г. № 40. — Тутъ замѣчено, что Турецкій посолъ дивился, въ особенности, огромному росту гвардейскихъ солдатъ.

[2]) Подлин. акты арх. Л. гв. изм. п., книга: Московскія дѣла. Исходящія бумаги 1731 г.

[3]) Иванъ Ѳеонасьевичъ Шиповъ, одинъ изъ участниковъ Полтавскаго дня при Петрѣ, поступилъ маіоромъ въ Измайловскій полкъ при

густа, изъ д. Ржавокъ, озабоченно спрашивалъ Кейта: оправдалась ли „имѣвшаяся въ Москвѣ эха", о назначеніи Семеновскаго подполковника Л. В. Измайлова [1]) временнымъ командиромъ всѣхъ марширующихъ въ Петербургъ гвардейскихъ баталіоновъ,—и выражалъ недоумѣніе свое о томъ: исполнять ли, безъ предписанія Кейта, распоряженія Измайлова, если таковыя послѣдуютъ. Въ тотъ же день, 11 августа, Измайловскіе баталіоны пошли изъ д. Ржавокъ раздѣльно, „лѣвымъ флангомъ впередъ"; 14 августа Густавъ-Биренъ вступилъ въ Клинъ и здѣсь остался на дневку; 16-го сдѣлалъ трудный „за худыми мѣстами и великими грязьми" переходъ до с. Спасскаго; 18-го прибылъ въ Тверь, гдѣ запасся „шорками" для ротныхъ телѣгъ и сальными свѣчами для походной канцеляріи; 26-го дневалъ въ Вышнемъ Волочкѣ, тогда еще селѣ, изъ котораго всѣ больные (43 чел.) и собственныя тягости офицеровъ отправлены въ Петербургъ уже водою, на двухъ баркахъ, купленныхъ за 43 р. 60½ к. у купецкаго человѣка Михайлы Сердюкова, извѣстнаго Калмыка-любимца имп. Петра I.—Выступивъ изъ Волочка 27 августа, Густавъ Биренъ 31 августа прошелъ ямъ Валдай, 3 сентября ямъ Крестцы и затѣмъ прибылъ въ ямъ Бронницы, гдѣ посадилъ весь свой баталіонъ на 6 барокъ, нанятыхъ у мѣстныхъ жителей, цѣною за 3 рубля до Новгорода (36 в.).—Изъ Новгорода, гдѣ 2-й баталіонъ поджидалъ 1-го, оба баталіона слѣдовали на судахъ до Волховской пристани, откуда Густавъ Биренъ, по-

самомъ его учрежденіи; съ 1735 г. начальствовалъ Малороссійской Коллегіей; въ 1738 г. производилъ казнь надъ самозванцемъ Миницкимъ; въ 1740 г. назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ; въ 1744 г. ревизовалъ черноземную полосу Россіи; умеръ въ 1750-хъ годахъ генералъ поручикомъ.

[1]) Левъ Васильевичъ Измайловъ, сподвижникъ Петра и первый русскій посолъ въ Пекинѣ; съ 1728 г. ген.-маіоръ и гвардіи маіоръ; съ 1733 г. гвардіи подполковникъ; съ 1734 г. Александровскій кавалеръ и ген.-поручикъ; въ 1735 г. храбро бился съ Поляками и умеръ 13 января 1738 г.

ручивъ свой баталіонъ Шипову, уѣхалъ 13 сентября впередъ, въ Петербургъ, хлопотать о квартирахъ у Миниха, къ которому предварительно писалъ о томъ же изъ Москвы графъ Левенвольдъ, „уповая на высокосклонное къ нему пріятство“ [1]). 22 сентября, ровно чрезъ годъ по учрежденіи полка, Измайловскіе баталіоны вступили въ Петербургъ, гдѣ размѣстились частію въ Переведенскихъ слободахъ [2]), частію на Петербургской сторонѣ, и Биренъ, очередуясь съ Шиповымъ, началъ свои понедѣльныя дежурства, сопряженныя съ правами и властію полковаго командира и ознаменованныя рядомъ приказовъ по полку, обличавшихъ въ Густавѣ и опытнаго служаку и педанта-начальника. Такъ, напримѣръ, приказомъ его отъ 23 сентября за всѣ судовые припасы и лоцманамъ велѣно было заплатить не изъ казенной суммы, а только однимъ гг. оберъ-офицерамъ „понеже на судахъ имѣлся и ихъ багажъ“; приказомъ 26 сентября Биренъ требовалъ отъ нижнихъ чиновъ, чтобъ они „безъ галстуховъ и шпагъ не ходили и оберъ-офицерамъ отдавали бъ должное почтеніе, имѣя вѣжливость“, и тутъ же особымъ пунктомъ предписывалъ: „у которыхъ солдатъ фалды опустились, чтобъ ихъ подняли“.—Затѣмъ, и едва ли не послѣ первой же недѣли дежурства, Густавъ Биренъ нашелъ возможнымъ и получилъ разрѣшеніе съѣздить въ родную Курляндію, куда, на этотъ разъ, сопровождалъ его землякъ, измайловскій подпоручикъ фонъ-Медемъ, котораго, еще 19 августа, повелѣно было „отпустить съ господиномъ маэоромъ барономъ Бирономъ въ Курляндію, и сколько времени со онымъ господиномъ маэоромъ

---

[1]) Подлинные акты архива Л. Гв. Измайловскаго полка, книга: Исходящія бумаги Походныхъ баталіоновъ, 1731 г.

[2]) Такъ назывались въ то время нынѣшнія Мѣщанскія улицы, съ принадлежащими къ нимъ переулками, потому что туда были переводимы на жительство морскіе и другіе служители изъ разныхъ мѣстъ города.

въ проѣздѣ будетъ, за то у него, Медема, изъ его жалованья вычету не чинить". [1]).

Но, положительно скучая безъ фронта или какого нибудь строя, Густавъ Биренъ не могъ находиться „въ проѣздѣ" болѣе или менѣе долго—и уже на ученьѣ 19 октября было имъ „усмотрѣно, что короткіе темпы считаются и дѣлаются скоро, а самые темпы не оказываются; чего ради—предписывалъ онъ въ тотъ же день—тѣ короткіе темпы отбивать съ промежуткомъ, въ которомъ бы можно было трижды счесть", къ чему присоединялъ распоряженіе „о погрѣшающихъ" на ученьѣ, которыхъ приказывалъ „безъ милосердія штрафовать жестоко". Въ слѣдующій же за этимъ недѣльный періодъ своего управленія полкомъ, Густавъ Биренъ, приказомъ, отданнымъ 11 ноября, замѣчалъ, что многіе солдаты „являются во французской болѣзни", а потому „накрѣпко" подтверждалъ „отъ непотребныхъ бабъ воздерживаться" [2]).

Вмѣстѣ съ отданіемъ подобныхъ приказовъ, Густавъ, пользуясь вліяніемъ своего брата, доставлялъ полку и нѣкоторыя выгоды, хотя не совсѣмъ законныя: такъ, напримѣръ, когда получились въ Петербургской таможнѣ шпаги, заказанныя для полка въ Берлинѣ, Густавъ Биренъ выхлопоталъ у брата, чтобъ эти шпаги были выданы полку безпошлинно, что и сберегло въ полковой казнѣ болѣе 300 руб. [3]).

Между тѣмъ, 9 декабря 1731 г. состоялись новые штаты гвардіи, въ силу которыхъ Густавъ Биренъ переименованъ въ преміеръ-маіоры [4]), что давало ему рангъ бригадирскій и

---

[1]) Тамъ же, книга: Московскія дѣла. Исходящія бумаги 1731 г.

[2]) Тамъ же, книга: Приказный журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1731 г.

[3]) Подл. ак. арх. Г. Гв. Изм. п. Книга: С.-Петербургскихъ баталіоновъ, часть Коммиссарская, ордера коммиссару 1731 г.

[4]) Въ сочиненіи А. В. Висковатова: «Историческое обозрѣніе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 1730—1850», на с. 10, неосновательно азиуано, будто Густавъ Биренъ, по случаю введенія новыхъ штатовъ,

лишнихъ 300 руб. въ годъ, а въ январѣ 1732 г. Императрица и дворъ прибыли изъ Москвы въ Петербургъ, куда, слѣдовательно, переѣхалъ и братъ Густава, оберъ-каммергеръ Биренъ, уже достаточно заявившій себя Россіи тѣмъ родомъ дѣятельности, которому болѣе приличествовала эпоха царя Ивана Грознаго съ ея Александровской Слободой.

Спустя нѣсколько дней послѣ торжественнаго въѣзда Государыни въ Петербургъ, Ея Величество уже спѣшила взглянуть на созданный ею полкъ, и въ присутствіи преміеръ-маіора Бирена лично „свидѣтельствовала на людяхъ" новыя ружья, нарочно заказанныя въ Берлинѣ и, въ числѣ 2,164, любезно предложенныя прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I въ даръ Всероссійской Императрицѣ,—а на другой день, 27 января, Биренъ вывелъ измайловскій полкъ передъ дворецъ, на Неву, для Высочайшаго смотра съ пальбой, спрятавъ предварительно людей, которые „въ пріемахъ худо дѣлаютъ и въ стрѣльбѣ мало бывали" [1]).

Довольная всѣмъ видѣннымъ, Императрица пожелала явить высочайшую милость брату преданнаго ей оберъ-каммергера, и 3 февраля, въ день имянинъ Государыни, былъ—по сказанію Вѣдомостей—„обрученъ при дворѣ маэоръ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку господинъ фонъ Біронъ съ Прінцессою Меншиковою. Обоимъ обрученнымъ показана при томъ отъ Ея Імператорскаго Величества сія высокая милость, что Ея Імператорское Величество ихъ перстни Высочайшею особою Сама размѣнять изволила" [2]).

Странна была судьба этой „прінцессы" Меншиковой! Внука—какъ думаютъ—русскаго простолюдина, потомъ дочь пресловутаго князя Ижорскаго, далѣе невѣста наслѣднаго

переименованъ въ подполковники. Этотъ чинъ, какъ увидимъ, онъ получилъ только въ 1734 г.

[1]) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1732 г. № 11.

принца Ангальтъ-Дессаускаго, затѣмъ ссыльная, собственноручно стиравшая въ Березовѣ бѣлье, „прінцесса" долженствовала теперь сдѣлаться женою сына и внука курляндскихъ конюховъ... Но вдумываться въ такую судьбу княжны, конечно, не доводилось нареченному жениху ея, теперь, какъ и прежде, занятому преимущественно полкомъ и службой. Измѣненіе нѣкоторыхъ подробностей строеваго устава, тогда вводимое, стояло, въ глазахъ Густава Бирена, на первомъ планѣ. Февральскіе морозы, оттепели и гололедицы не мѣшали ему ревностно „мунстровать" измайловцевъ, зорко наблюдая за ними и въ ихъ неслужебномъ быту. Такъ, съ 10 февраля 1732 г., дня вступленія Густава Бирена въ одно изъ періодическихъ управленій полкомъ, явился приказъ, повторявшійся потомъ всѣми маіорами ежедневно и сдѣлавшійся общимъ мѣстомъ: „на квартирахъ стоять тихо и смирно, обывателямъ обидъ не чинить и отъ огня имѣть опасеніе" [1]). Когда же наступилъ великій постъ, Густавъ Биренъ, педантъ, но добрякъ, распорядился, чтобъ говѣли еженедѣльно по 40 человѣкъ съ роты, а унтеръ-офицеры и неслужащіе [2]) „по припорціи", и чтобъ тѣ нижіе чины, которые квартировали близко отъ него, но далеко отъ церкви, приходили молиться на его квартиру: къ часамъ и вечернямъ—по церковному звону, а къ утрени—передъ разсвѣтомъ [3]). Такъ прошелъ постъ, 9 апрѣля наступила Пасха, 27 апрѣля состоялся торжественный въѣздъ въ Петербургъ китайскаго посольства, 28 апрѣля великолѣпно отпразднована годовщина коронованія императрицы Анны, а 4 мая Густавъ Биренъ сталъ мужемъ княжны Меншиковой, о чемъ совре-

---

[1]) Подл. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

[2]) Неслужащими, на оффиціальномъ языкѣ того времени, разумѣлись и числились: цырюльники, профосы, деньщики и т. п.

[3]) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

менныя „Вѣдомости“ повѣствуютъ слѣдующее: „Заключенное въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ сочетаніе законнаго брака между прінцессою Меншиковой и господиномъ маэоромъ Леібгвардіи Измайловскому полку фонъ Біроножъ въ прошедшій четвертокъ съ великою магніфіценціею совершилось. Сіе чинилось при дворѣ, и Ея Імператорское Величество Всемилостивѣйшая наша Монархіня обѣимъ новобрачнымъ персонамъ сію высокую милость показать изволила, что учрежденный сего ради баллъ по Высокому Ея Імператорскаго Величества повелѣнію до самой ночи продолжался“ [1]).

Въ дополненіе къ этому замѣтимъ, что по распоряженію графа Левенвольда, на свадьбу Густава Бирена, въ домъ новобрачнаго, приглашены тѣ только измайловскіе офицеры, у которыхъ имѣлись кареты и коляски съ лошадьми, а провожать Бирена изъ дома во дворецъ, для вѣнчанія, въ 2 часа дня, дозволялось всѣмъ безъ исключенія, „хотя бы пѣшками и верхами“; къ дому же Густава Бирена, въ Большой Милліонной, былъ наряженъ, на время свадьбы, почетный караулъ изъ 8 гренадеровъ и 4 мушкетеровъ, при сержантѣ Гревсѣ [2]),

Наконецъ, въ видѣ заключительнаго торжествованія этаго брака, у Густава Бирена, 19 мая, былъ „банкетъ“, въ Высочайшемъ и всѣхъ министровъ присутствіи [3]).

Счастливый по своему, Густавъ Биренъ, 17 іюня, вывелъ измайловскій полкъ въ лагерь, разбитый на теперешней Конюшенной площади [4]), и тутъ, среди страстно любимыхъ имъ удовольствій фронтовой службы, могъ еще пріятнѣе наслаждаться ожиданіемъ дальнѣйшихъ, несомнѣнныхъ улыбокъ судьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, женитьба Густава Бирена, сдѣланнаго

---

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1732 г. № 37.

[2]) Подл. ак. Арх. Л. Гв. Изм. п., Книга: Приказн. Журн. С.-Петерб. батал. 1732 г.

[3]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1732 г. № 41.

[4]) Подлин. акты арх. Л. гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ 1732 г.

29 іюня того же года генералъ-адъютантомъ Императрицы, какъ нельзя лучше устроила его матеріальное благосостояніе. Съ помощію брата, оберъ-каммергера, онъ успѣлъ получить изъ заграничныхъ банковъ почти всѣ капиталы князя Меншикова, такъ что сыну генералиссимуса, возвращенному изъ ссылки одновременно съ сестрою, едва досталась пятидесятая часть громаднаго отцовскаго состоянія [1].

Но та же самая женитьба оказывалась далеко не столько же благопріятною для дочери Меншикова, которая, видя въ мужѣ человѣка честнаго, понимала его ограниченность и крайнее необразованіе и, не смотря на окружавшую ее пышность и богатство, не могла, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, гордиться счастіемъ, часто вспоминала о послѣднихъ словахъ отца „что не одинъ разъ прійдется ей сожалѣть о бывшемъ изгнаніи", хранила какъ драгоцѣнность, въ богатомъ сундукѣ, крестьянскую одежду, въ которой была привезена изъ Березова; каждую недѣлю раскрывала сундукъ и смотрѣла на нее [2]. Впрочемъ, брачная жизнь бывшей княжны не была для нея и положительнымъ несчастіемъ, потому что Густавъ, какъ извѣстно, чрезвычайно любилъ свою жену, черноглазую красавицу, не уступавшую прелестями старшей сестрѣ своей, нѣкогда невѣстѣ Императора Петра II. Потерявъ золотое кольцо съ женинымъ именемъ, Густавъ объявилъ въ приказѣ по полку, что нашедшему и доставившему пропажу, онъ, кромѣ цѣны кольца, выдастъ еще 4 рубля [3].

Пока, такимъ образомъ, устроивалось и, благодаря вліянію брата, устроилось благополучіе Густава Бирена, у оберъ-кам-

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de la cour de Russie, sous les règnes de Pierre le Grand et Catherine I, d'après les manuscrits originaux de Villebois, Paris, 1853 г.

[2]) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Бантышъ-Каменскаго, С.-Петербургъ. 1847 г. Т. VII, с. 362—364.

[3]) Подл. Ак. Арх. Л. Г. Измайл. п., книга: Приказ. Журн. С.-Пет. Батал. 1732 г., см. прик. 7 ноября.

мергера произошелъ разладъ съ Минихомъ, до сихъ поръ ему дружественнымъ, даже только что произведеннымъ въ фельдмаршалы (чего безъ одобренія оберъ-каммергера никогда бы не сдѣлалось). Этотъ разладъ былъ возбужденъ преданнымъ оберъ-каммергеру графомъ Левенвольдомъ, который, такъ же, какъ и Густавъ Биренъ, негодовалъ на фельдмаршала за нѣкоторыя перемѣны, касавшіяся и измайловскаго полка. Вотъ какъ излагаетъ, въ своихъ „Запискахъ“ всѣ обстоятельства дѣла сынъ Миниха: „Въ гвардейскихъ полкахъ за благо разсуждено, касательно состоящихъ въ каждой ротѣ капитанъ-поручиковъ, сдѣлать перемѣну и ихъ всѣхъ оставить, поелику въ напольныхъ полкахъ сихъ чиновъ не находилось, и слѣдовательно почли ихъ также ненужными въ гвардіи; почему и положено было всѣхъ ихъ выпустить въ армію и тамъ опредѣлить каждаго по чину; а именно: старшихъ преміеръ-маіорами и младшихъ секундъ-маіорами. Сія толь неожидаемая перемѣна была совсѣмъ не по вкусу означенныхъ особъ, которыя большею частію были молодые люди изъ знатнѣйшихъ домовъ, и желали у мѣстъ своихъ оставаться до того, пока не выпустятъ въ капитаны, дабы послѣ при выпускѣ въ армію вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему препоручено означенное перемѣщеніе произвесть; и потому нельзя было миновать, чтобы, по образцу другихъ, не сдѣлать показанной реформы и въ измайловскомъ полку, въ которомъ графъ Левенвольде былъ подполковникомъ. Сей находился въ оное время въ чужихъ краяхъ и не прежде объ ономъ узналъ, какъ когда пособить не можно было. Чувствительность его по сей причинѣ была столько тронута, что онъ отъ того же часа непримиримую къ отцу моему возъимѣлъ ненависть; по чему лишь токмо онъ возвратился изъ своего путешествія, то и началъ потрясать кредитъ и власть отца моего“ [1]). Старанія Левенвольда,

[1]) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. С.-Петерб. 1817 г., стр. 61—62.

поддерживаемыя Остерманомъ, давно завидовавшимъ Миниху, и Густавомъ Биреномъ, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ полковыя невзгоды, увѣнчались успѣхомъ: оберъ-каммергеръ охладѣлъ къ фельдмаршалу, въ которомъ ему указывали соперника, сталъ ловить всѣ предлоги къ удаленію Миниха изъ столицы, разумѣется почетному, и здѣсь-то таится главнѣйшая причина продолжительной Турецкой войны, безполезно, впослѣдствіи, истомившей Россію.

Вина этой войны падаетъ, такимъ образомъ, и на Густава Бирена, но только частію. Вовсе неспособный ни продолжительно злобствовать на людей, какъ его братъ, оберъ-каммергеръ, ни, тѣмъ болѣе, замышлять какія либо отдаленныя политическія интриги, Густавъ Биренъ не замедлилъ пріобыкнуть къ реформѣ въ полку, импровизированной самолюбивымъ Минихомъ, и, посердившись на фельдмаршала, съ прежнимъ рвеніемъ „мунстровалъ" своихъ измайловцевъ, которыхъ, 12 августа, онъ же представилъ на Высочайшій смотръ. „Сіе—повѣствуютъ тогдашнія „Вѣдомости"—отправлялось по новому манеру военной экзерциціи такъ хорошо, что и Ея Императорское Величество оное сама всемилостивѣйше похвалить изволила, а прочія, при томъ бывшія, тому зѣло удивляться принуждены были". Открытіемъ манежа Эрнста-Іоганна Бирена, великаго охотника до лошадей, и Высочайшимъ посѣщеніемъ этаго зданія 13 ноября, въ день годовщины рожденія оберъ-каммергера, заключился знаменательный для Густава Бирена 1732 г.

Не принимая никакого участія въ военныхъ событіяхъ 1733 г., касавшихся возведенія Россіею на Польскій престолъ новаго короля Августа III, Густавъ Биренъ, за отсутствіемъ всѣхъ господъ штаповъ [1]), оставался старшимъ, т. е. коман-

[1]) Полковникъ гр. Левенвольдъ находился чрезвычайнымъ посломъ въ Варшавѣ; подполковникъ Кейтъ командовалъ войсками расположенными въ Литвѣ; Маіоръ Шиповъ производилъ поголовную пере-

довалъ Измайловскимъ полкомъ. Въ теченіе этого же 1733 г., кругъ родства братьевъ Биреновъ увеличился еще однимъ лицомъ: Рудольфъ-Августъ фонъ Бисмаркъ, уроженецъ прусской Голландіи и генералъ-маіоръ русской службы, 14 апрѣля былъ обрученъ, а 15 мая повѣнчанъ съ фрейлиной Трейденъ, свояченицей оберъ-каммергера, и, разумѣется, сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Густава Бирена [1]).

Весной 1734 г. 3-й баталіонъ измайловцевъ все еще находившійся въ Москвѣ, прибылъ въ С.-Петербургъ, и, здѣсь, 17 іюня, въ составѣ всего полка, подъ общей командой Густава Бирена, предсталъ на Высочайшій смотръ, о которомъ, въ тогдашнемъ каммеръ-фурьерскомъ журналѣ, сохранилась такая замѣтка (приводимъ ее буквально): „Іюнь 17. Понедѣлокъ. Налугу противъ лѣтняго дому имѣлась солдацкая эксеръциція Лейбъ-Гвардіи Измайловского полку babbприсутствіи Ея Императоръского Величества іпотомъ трактованы штапъ иоберъ аѳицеры вхоромахъ, аундеръ аѳицеры и салдаты налугу“ [2]). За этотъ ли смотръ или за что другое, но 12 декабря того же 1734 г., Густавъ Биренъ былъ пожалованъ въ подполковники гвардіи, съ рангомъ армейскаго генералъ-маіора. Тогда только возвратился въ Петербургъ полковой командиръ Измайловскаго полка графъ Ле-

---

пись и разборъ земель въ Имгерманландіи, т. е. нынѣшней Петербургской губерніи.

[1]) Принятый въ 1732 г. въ русскую службу, изъ прусской, Бисмаркъ въ 1734 г. ѣздилъ съ порученіемъ въ Англію; 1735 — 1736 г. былъ при войскахъ на Украйнѣ и начальствовалъ русскимъ отрядомъ въ Польшѣ; съ 1737 г. былъ генералъ-поручикомъ и губернаторомъ въ Ригѣ; ночью на 9 ноября 1740 г. арестованъ вмѣстѣ съ Биренами и, по допросѣ, сосланъ въ Тобольскъ, откуда возвращенъ при воцареніи императрицы Елизаветы; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Статейка о немъ помѣщена въ 5 и 6 книжк. «Русскаго Архива» 1867 г. (с. 904—911).

[2]) Журналъ придворной Конторы 1734 г. на знатныя при дворѣ Ея Императорскаго Величества оказіи.

венвольдъ; но, утомленный продолжительнымъ и труднымъ посланничествомъ, и больной, онъ скоро отбылъ изъ Петербурга въ деревню, лечиться, а командованіе полкомъ осталось снова на рукахъ Густава Бирена, съ слѣдующимъ предписаніемъ графа Левенвольда, отъ 26 февраля 1735 г.:

„Г. фонъ-Бирону.

Высокородный баронъ [1]),

Превосходительный господинъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и генералъ-адъютантъ.

Вашему высокородію для нынѣшней моей отсель отлучки симъ предлагаю нижеслѣдующее:

1) Безъ нынѣшней моей здѣсь бытности изволите лейбъ-гвардіи надъ Измайловскимъ полкомъ имѣть команду. И что къ лучшему порядку и исправленію по силѣ штата и указовъ опредѣлено, оный полкъ къ тому приводить: дабы во всякомъ достойномъ дѣйствительномъ поведеніи обращался.

2) Чтобъ солдатство въ чемъ не претерпѣло нужды, но въ указныя времена получало жалованіе.

3) Надъ больными, которые нынѣ есть, приказать имѣть всевозможное доброе призрѣніе; и о томъ, такожъ и о пользованіи лекаремъ, крѣпко подтверждать. Ротные же командиры, чтобъ ежели больной солдатъ и явится, того-жъ бы часа и вышнимъ репортовали, дабы болѣзнь ко вкорененію не допустить. Отъ вышнихъ же штабъ-лекарю приказъ объ осмотрѣ и о пользованіи больнаго безпродолжительно данъ быть имѣетъ.

4) О состояніи полку подавать репорты Ея Императорскому Величеству.

5) О происходящихъ въ полку приходныхъ и расходныхъ всѣхъ казенныхъ денегъ, сначала и понынѣ и впредь повсе-

---

[1]) Со времени возвышенія своего, Густавъ Биренъ, неизвѣстно почему, сталъ писаться барономъ.

годно, какимъ образомъ въ полкъ взошли, и на что именно по какимъ указамъ употреблены, каждаго года приходные и расходные щеты, Ревизіонъ-Коллегіи къ тому учрежденной, или куда принадлежитъ, для освидѣтельствованія, по силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ и регламентовъ, отосланы безъ продолженія и надлежащія квитанціи востребованы къ полку быть имѣютъ. О чемъ вашему высокородію подтверждаю.

6) Въ вышеписанномъ и въ прочемъ во всемъ, что̀ принадлежитъ изволите ваше высокородіе поступать, какъ должность зависитъ. И уповаю, что не приминете. И остаюсь

вашего высокородія

всегдашній слуга

Левенвольдъ [1]),

Въ Санктъ питеръ бургѣ, февраля 26-го, 1735 году".

Но пока измайловскій подполковникъ Биренъ, съ обычною своею пунктуальностію, выполнялъ данное ему предписаніе, а другой подполковникъ того же полка, Кейтъ начальствовалъ частію корпуса Ласси, двигавшагося къ Рейну, на помощь Венгро-богемской королевѣ Маріи Терезіи, общій ихъ командиръ, полковникъ графъ Левенвольдъ 30 апрѣля 1735 г., умеръ на своей Ряпинской мызѣ, подъ Дерптомъ, а 23-го мая, когда измайловскій полкъ уже стоялъ лагеремъ на Васильевскомъ островѣ [2]), было объявлено, чрезъ генерала

---

[1]) Подл. Ак. Арх. Л. Г. Изм. п., книга: Входящія Бумаги, 1735 г. Измайловскій полков. гр. Левенвольдъ не зналъ по русски и даже подписывался не иначе какъ по нѣмецки; а предписаніе его Бирену, прилагаемое нами, есть, очевидно, трудъ кого нибудь изъ доморощенныхъ полковыхъ переводчиковъ. Но такъ какъ Биренъ тоже не разумѣлъ по русски ни слова, то остается совершенно неизвѣстнымъ: для кого и чего трудился неизвѣстный переводчикъ.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1735 г. № 39.

Ушакова, слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Указали Мы лейбъ-гвардіи нашей полковъ офицеровъ, желающихъ ѣхать къ Цесарской арміи волонтирами, отправить ихъ туда на нашихъ пакетботахъ водою до Любека, а которые водою ѣхать не пожелаютъ, тѣмъ дается воля на своемъ иждивеніи и сухимъ путемъ ѣхать, только-бъ въ пути до Рейны со всякимъ ѣхали поспѣшеніемъ; а дабы въ томъ ихъ походѣ лучше имъ можно было себя содержать, то пожаловали указали Мы имъ выдать жалованье, по ихъ рангамъ, двойное, съ мая по первое число генваря будущаго 1736 года, и рационы по тому жъ, изъ остаточныхъ при гвардіяхъ нашихъ каждаго полку денегъ, и сей нашъ указъ объявить нынѣ же тѣмъ офицерамъ, чтобъ конечно на сей недѣли отправились" [1]). Исполненіе этой высочайшей воли касалось, по преимуществу, Густава Бирена, что тогдашній измайловскій адъютантъ Нащокинъ объясняетъ въ своихъ „Запискахъ" такъ: „Ея Императорское Величество изволила Ея Величества генералъ-адъютанту, лейбъ-гвардіи измайловскаго полку подполковнику, Густаву фонъ-Бирону, выбрать изъ четырехъ полковъ гвардіи знатное дворянство, и паче достаточныхъ содержаніемъ въ лучшемъ экипажѣ, и съ онымъ Густавомъ фонъ-Биреномъ отправлены были къ той войнѣ на Рейнъ волонтирами, которые были при командѣ принца Евгенія" [2]). Къ показанію Нащокина мы можемъ прибавить, что въ своемъ полку Густавъ Биренъ выбралъ для этой командировки капитанъ-поручиковъ князя Трубецкова и барона Мейендорфа, поручиковъ фонъ-Левенвольда и князя Борятинскаго, подпоручика Гагемейстера, прапорщиковъ Бока и барона Мейендорфа, гренадеровъ Каргополова и Стрѣлкова. Всѣ они служили подъ начальствомъ принца Евгенія, около 4-хъ мѣсяцевъ, но участвовали или нѣтъ въ

---

[1]) Подл. Акты Арх. Л.-Гв. Изм. п., книга: Именные Указы. 1735 г.

[2]) Записки Василія Александровича Нащокина. 1742 г. С. 42.

военныхъ дѣйствіяхъ,—о томъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось [1]).

Что же касается, по крайней мѣрѣ, до самаго Густава Бирена, то изъ газетной корреспонденціи того времени видно, что онъ, откланявшись императрицѣ, 3 іюня 1735 г. со всѣми измайловскими „волонтирами", выѣхалъ изъ Петербурга; дорогою, у богемской границы, нагналъ заднюю русскую колонну, въ 1776 чел., а въ епископствѣ Вюрцбургскомъ — переднюю, въ 13 тыс. чел., и 21 іюля прибылъ въ Брюссель, главную квартиру цесарской арміи, гдѣ, 1 августа, въ свитѣ принца Евгенія, осматривалъ плотину и шанцы, потомъ расположился своею квартирою въ Крумбахѣ, близь Брюсселя, и, въ половинѣ августа, „трактовалъ" обѣденнымъ столомъ въ Брюсселѣ князя Венцеля фонъ Лихтенштейна, со всѣми русскими „волонтирами" [2]).

4 января 1736 г. Густавъ Биренъ возвратился изъ-за границы въ Петербургъ и въ тотъ же день былъ милостиво принятъ императрицею, которая, въ его отсутствіи, 15 августа 1735 г., наименовала себя полковникомъ Л. Гв. Измайловскаго полка. Первая годовщина этого событія праздновалась Измайловскимъ полкомъ, съ Густавомъ Биреномъ въ его главѣ, слѣдующимъ образомъ: „Въ Петергофѣ въ домѣ Ея Императорскаго Величества, имѣлось трактованіе того Измайловскаго полка штабъ и оберъ-офицерамъ, который столъ отправлялся противъ покоевъ Ея Императорскаго Величества, въ верхнемъ саду, въ ставкѣ; а унтеръ-офицерамъ и солдатамъ отпускано было вино простое отъ дворцовой конторы" [3]). Еще черезъ двѣ недѣли, 31 августа, Густавъ Биренъ былъ героемъ новаго торжества, о которомъ тотъ же каммеръ-фурьерскій журналъ повѣствуетъ такъ: „На лугу, противъ

[1]) Подл. Акты Арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Отставнаго Повытья отлучные списки. 1735 г.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1735 г. №№ 45, 64, 66, 68.

[3]) Журн. Придв. Конт. на знатн. при дв. Е. И. В. оказіи 1736 г.

лѣтняго дома, отправлялась солдатская экзерциція Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка. Ея Императорское Величество изволила оной экзерциціи смотрить (sic) изъ новопостроенныхъ на томъ же лугу для гауптвахты покоевъ; и, по окончаніи экзерциціи, того полка штабъ и оберъ-офицеры трактованы въ домѣ Ея Императорскаго Величества, а унтеръ-офицерамъ и солдатамъ и прочимъ чинамъ, на весь полкъ, отпущено вино отъ дворцовой конторы“ [1]). Вполнѣ довольный всѣмъ этимъ, Густавъ Биренъ готовился къ большой радости—быть отцомъ. Но тутъ судьба, едва ли не впервые, жестоко обманула ожиданія Густава Бирена: красавица жена его, обожаемая мужемъ, 13 сентября 1736 г. умерла въ родахъ. Вотъ какъ описываетъ погребеніе дочери Меншикова и скорбь мужа ея, леди Рондо, бывшая тогда въ Петербургѣ: „Собраніе вошло въ залу, гдѣ лежало тѣло покойной. Гробъ былъ открытъ; княгиня была одѣта только въ спальное платье, въ которомъ она скончалась (говорятъ, что она желала, чтобы ее положили въ полномъ одѣяніи); это платье было сдѣлано изъ бѣлой матеріи, вытканной серебромъ; голова украшена была прекрасными кружевами и короною, потому что покойная была княгиня Римской Имперіи; на челѣ лежала лента, на которой золотыми буквами означено было ея имя и возрастъ; на лѣвой рукѣ лежалъ младенецъ, умершій спустя нѣсколько минутъ послѣ своего рожденія, одѣтый въ серебрянную ткань; въ правой рукѣ разрѣшительная грамота. Когда всѣ заняли свои мѣста, то взошли слуги проститься съ госпожею, младшіе впереди. Они цѣловали ея руку и дитяти, прося прощенія въ проступкахъ и сопровождая слезы ужасными криками. За тѣмъ подходили знакомые, которые цѣловали умершую въ лицо и также плакали навзрыдъ. Потомъ родственники самые близкіе; послѣ, когда прощался братъ ея, то я думала, что онъ совсѣмъ опроки-

---

[1]) Тамъ же.

нетъ гробъ. Но трогательнѣе была сцена при прощаніи супруга. Онъ сначала отказался присутствовать при этой ужасной церемоніи, но герцогъ приказалъ ему покориться обыкновенію русскихъ, представляя, что онъ, какъ явный чужеземецъ, лишится общаго уваженія. Его вывели изъ комнаты два чиновника, которые, впрочемъ, его болѣе поддерживали, нежели сопровождали. На лицѣ его изображалась скорбь, скорбь безмолвная. Взошедъ въ траурную залу, онъ остановился и потребовалъ пить. Подкрѣпившись питьемъ, подошелъ къ гробу, но здѣсь упалъ въ обморокъ. Когда онъ былъ вынесенъ и приведенъ въ чувство, то подняли тѣло и поставили въ открытой каретѣ. За гробомъ тянулся длинный рядъ каретъ, и такъ какъ покойница была жена генерала, то гробъ провожала гвардія. Поѣздъ отправился въ Невскій монастырь; когда ѣхали по улицамъ, на гробѣ лежалъ парчевой покровъ, который впрочемъ снятъ былъ при входѣ въ церковь. Въ церкви церемонія прощанія повторена была еще разъ; но мужъ, едва приведенный въ чувство, послѣ другаго обморока, увезенъ былъ, бѣдный, домой еще прежде. Послѣ погребенія, всѣ возвратились въ домъ Бирена на большой обѣдъ, на которомъ уже больше веселились, нежели скорбѣли. Казалось, всѣ забыли печальное событіе. Воображаю, что вы коварно улыбаетесь, что я ничего не говорю о несчастномъ супругѣ. Онъ, мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ сраженъ скорбію. Онъ любилъ ее во все время супружества — это видно было изъ его обращенія съ нею“ [1]).

Огорченный потерею любимой жены, и скучая невольнымъ одиночествомъ. Густавъ Биренъ тѣмъ болѣе подумывалъ о развлеченіяхъ боевой жизни, что случай къ нимъ представлялся самъ собою: война Россіи съ Турціею была тогда въ полномъ разгарѣ. Ласси уже прислалъ въ Петербургъ ключи покореннаго Азова, а Минихъ, ознаменовавъ

[1]) Письма Леди Рондо, Санктпетербургъ 1836 г. с. 71—72.

взятіемъ и разореніемъ Перекопа, Бахчисарая, Ахмечети и Кинбурна первый изъ своихъ крымскихъ походовъ, дѣятельно готовился къ цѣлому ряду послѣдующихъ. И нѣтъ ничего мудренаго, если желаніе Густава отвѣдать военнаго счастія, заявленное всемогущему оберъ-каммергеру, рѣшило участіе гвардіи въ дальнѣйшихъ подвигахъ Миниха. Въ то время, когда и самая турецкая война была слѣдствіемъ отношеній оберъ-каммергера съ фельдмаршаломъ, все подобное было возможно, даже людямъ, не имѣвшимъ такихъ связей, какъ Густавъ Биренъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что нарядъ во второй крымскій походъ трехъ ротъ конной гвардіи былъ слѣдствіемъ прошенія, поданнаго на высочайшее имя командиромъ конной гвардіи Траутфеттеромъ [1]).

Какъ бы то ни было, высочайшимъ указомъ 12 января 1737 г. повелѣвалось командировать къ арміи Миниха, расположенной въ Украйнѣ, съ каждаго гвардейскаго полка по баталіону, а начальникомъ всего гвардейскаго отряда, къ составу котораго причислены и три роты конной гвардіи, назначенъ генералъ-маіоръ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подполковникъ и генералъ-адъютантъ Густавъ Биренъ. Командированные въ походъ баталіоны, одинъ за другимъ, выступили изъ Петербурга въ томъ же мѣсяцѣ; но начальникъ отряда, за болѣзнію оставался въ столицѣ бо́льшую

[1]) «Понеже—писалъ Траутфеттеръ—по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу, лейбъ-гвардіи командированные баталіоны имѣютъ нынѣ маршировать къ арміи въ наступающую кампанію, а понеже, Великая Государыня Императрица, и полкъ Вашего Императорскаго Величества конный лейбъ-гвардіи, для показанія вѣрныхъ Вашему Императорскому Величеству рабскихъ своихъ услугъ, такого случая всеподданнѣйше и всеусерднѣйше желаетъ, и того ради ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу, дабы и отъ онаго лейбъ-гвардіи коннаго полка, въ означенную кампанію, команда отправлена была, сколько ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать соизволите,—января 22, 1737 года. B. Ev. Trautwetter.» — См. исторія л. гв. коннаго полка, г. Анненкова. С.-Петерб., 1842 г., ч. II. с. 3—4.

часть того времени, пока баталіоны, направляясь на Новгородъ и Москву, слѣдовали раздѣльно до Чернигова, соединились здѣсь, 25 марта, въ одинъ общій отрядъ, поступившій подъ команду измайловскаго преміеръ-маіора Гампфа, и въ этомъ составѣ продолжали движеніе далѣе на г. Лубны, откуда 21 апрѣля пошли по хорольской дорогѣ къ Днѣпру, 3 мая переправились черезъ эту рѣку, близь Переволочны, и тогда же соединились съ арміею, стоявшею лагеремъ у новопостроеннаго укрѣпленія Мишурный Рогъ. Густавъ же Биренъ, кое-какъ оправившійся отъ болѣзни, только 6 апрѣля могъ оставить Петербургъ, не ранѣе 27 апрѣля проѣхалъ Глуховъ, гдѣ останавливался въ отведенномъ ему „атаманскомъ" домѣ [1]), а оттуда, забирая на каждой станціи, до самой Переволочны, по 35 „подводъ" (т. е. лошадей), въ началѣ мая прибылъ къ арміи, немедленно вступилъ въ командованіе гвардейскимъ отрядомъ и, прежде всего, жестоко распекъ измайловскаго преміеръ-маіора Гампфа, за то что Гампфъ, завидѣвъ на Днѣпровской переправѣ фельдмаршала, выѣхавшаго встрѣчать гвардію, дерзнулъ излишне почтить его „уклоненіемъ знаменъ" [2]). Такое отступленіе отъ правилъ воинскаго устава, а главное въ пользу Миниха, дѣлало преміеръ-маіора тѣмъ болѣе виновнымъ въ глазахъ его подполковника, что Густавъ Биренъ, вообще, не смотря на свою пунктуальность, недолюбливавшій безусловно подчиняться антагонисту своего брата, долженъ былъ, въ самый день прибытія своего къ арміи, принять къ непремѣнному руководству Миниховo наставленіе, „какимъ образомъ въ баталіи, оказіи и въ ретраншаментахъ противъ непріятеля дѣйствовать надлежитъ" [3]).

---

[1]) Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. Москва. 1859 г. Ч. II., с. 25—26.

[2]) Историческое обозрѣніе л. гв. измайловскаго полка, соч. Висковатова, С.-Петерб., 1850 г. с. 19—20.

[3]) Исторія л. гв. семеновскаго полка, соч. Карцова, С.-Петерб. 1854 г., ч. II, с. 421.

Простоявъ безъ малаго мѣсяцъ у Мишурнаго Рога, Минихъ снялся съ лагеря и, 17 мая, двинулъ армію къ Бугу, куда въ общемъ ея составѣ, направился и гвардейскій отрядъ, предводимый Густавомъ Биреномъ. При этомъ движеніи, продолжавшемся болѣе мѣсяца, войска испытали множество неудобствъ, были со всѣхъ сторонъ окружаемы партіями татарскихъ наѣздниковъ, по цѣлымъ днямъ стояли подъ ружьемъ, истомлялись жарами, не находили воды, голодали, отъ генерала до послѣдняго солдата: а „питать ихъ въ пустынѣ—наивно замѣчаетъ сынъ Миниха—не трудно, статься можетъ, показалось бы израильскому полководцу Моисею“ [1]). 24 іюня Густавъ Биренъ переправился съ гвардіею чрезъ Бугъ, но и тутъ не оказалось ничего лучшаго: „приходя къ городу Очакову—пишетъ Нащокинъ—маршъ былъ зѣло трудной, потому что шли безводными мѣстами, жженою степью, и отъ великихъ жаровъ чрезвычайно армія въ трудахъ находилась и скотъ въ слабости былъ“ [2]). 28 іюня войска были въ виду Очакова; 29-го отбили первую турецкую вылазку изъ города, послѣ чего Густавъ Биренъ, обще со всѣмъ генералитетомъ, обѣдалъ на курганѣ, тутъ же насыпанномъ солдатами и названномъ, въ честь дня, Петро-Павловскимъ [3]); а 30 іюня, на разсвѣтѣ, гвардейскій отрядъ вступилъ въ лагерь при Очаковѣ и занялъ позицію на правомъ крылѣ арміи, между Лиманомъ и Чернымъ моремъ, и тотъ же день Густавъ Биренъ присутствовалъ въ военномъ совѣтѣ, гдѣ подалъ голосъ о немедленномъ приступѣ къ Очакову. 1 іюля, гвардія вступила въ шанцы, возведенные ночью, и весь этотъ день, до самаго вечера, участвовала въ жаркой перестрѣлкѣ съ гарнизономъ города, зажженнаго бомбами нашей артиллеріи; а подъ утро 2 іюля, Минихъ, желая воспрепятство-

[1]) Записки Миниха, сына фельдмаршала, С.-Петерб., 1817 г., с. 109.
[2]) Записки Нащокина, с. 45.
[3]) Materialien v. Phiseldek II. c. 564.

вать Туркамъ тушить пожаръ, скомандовалъ наступленіе всею линіею, и, идя самъ впереди измайловскаго баталіона, съ его знаменемъ въ рукахъ, началъ знаменитый Очаковскій приступъ. Густавъ Биренъ, находясь подлѣ фельдмаршала, подвергался всѣмъ опасностямъ, видѣлъ, какъ Минихъ своеручно водрузилъ измайловское знамя у подошвы гласиса,—видѣлъ и то, какъ ровъ передъ этимъ гласисомъ, остановивъ войска, принудилъ ихъ отступить въ свои шанцы, подъ убійственнымъ огнемъ съ Очаковскихъ валовъ. Многихъ послѣ этого не досчитывался Биренъ въ своемъ измайловскомъ баталіонѣ, и оплакивалъ уже однополчанина, подполковника Кейта, тяжелая рана котораго была съ горяча признаваема смертельною [1]). Все дѣло казалось невозвратно проиграннымъ. Но въ 9 часовъ утра того же 2 іюля, въ Очаковѣ, объятомъ пожаромъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ, при чемъ погибло до 6-ти т. Турокъ, и устрашенный сераскиръ, Аггья-паша, запросилъ 24 часоваго переговорнаго срока; но, получивъ отказъ, выставилъ бѣлое знамя, и неприступный Очаковъ сдался со всѣмъ гарнизономъ и городскимъ имуществомъ. 4 іюля побѣдители отслужили благодарственный молебенъ, а на другой день Минихъ началъ обратное движеніе всею арміею къ Бугу, по переправѣ за который Густавъ Биренъ, прилично Остзейцу-скопидому, не оставилъ распубликовать при арміи о своихъ лошадяхъ и волахъ, „пропалыхъ“ у Очакова [2]). Отъ Буга, Густавъ Биренъ, съ

[1]) Кейтъ, награжденный за Очаковъ чиномъ полнаго генерала, излечился отъ раны своей въ Монпелье, на поѣздку въ который ему было пожаловано 10 т. р., продолжалъ потомъ службу свою въ Россіи, получилъ ленты Александровскую и Андреевскую, въ іюлѣ 1747 г. вышелъ въ отставку, въ ноябрѣ того же года вступилъ въ прусскую армію генералъ-фельдмаршаломъ и 13 октября 1758 г. убитъ въ сраженіи при Гохкиркѣ. Кейтъ происходилъ отъ одной изъ знаменитыхъ фамилій въ Шотландіи.

[2]) Дѣла Артиллер. Архива. 1737 г., кн. № 269 (листы не нумерованы).

гвардейскимъ отрядомъ, частью кавалеріи и всѣмъ Очаковскимъ „полономъ" направился, особо отъ арміи, къ Днѣпру, 1 августа перешелъ эту рѣку у Мишурнаго Рога, еще черезъ нѣсколько дней вступилъ въ Черниговскую губернію, тутъ распустилъ баталіоны на зимнюю стоянку и, объявивъ главною квартирою отряда г. Нѣжинъ, сдалъ команду семеновскому маіору Стрѣшневу, а самъ, съ плѣннымъ Очаковскимъ сераскиромъ Аггьей-Пашой, уѣхалъ въ Петербургъ. Прибывъ сюда 14 октября, Густавъ Биренъ нашелъ своего брата, оберъ-каммергера, уже носящимъ титулъ герцога Курляндскаго (со 2-го іюня 1737 г.), и былъ, 21 ноября 1737 г., произведенъ, за очаковскій приступъ, въ генералъ-поручики. Добавимъ, что однѣ изъ Очаковскихъ воротъ, тѣ самыя, въ которыя торжественно вступалъ Густавъ Биренъ, тогда же наименованы измайловскими [1]).

Должно быть, на радостяхъ, по случаю такого двоякаго отличія, Густавъ Биренъ до того усилилъ свою служебную ревность, что, въ этомъ отношеніи, явился даже поэтомъ, огласивъ, въ одинъ изъ морозныхъ декабрьскихъ дней, приказомъ по измайловскому полку, яко бы имъ, генералъ-поручикомъ, гвардіи подполковникомъ и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантомъ, „занотребно разсуждено: при обученіи солдатъ военной экзерциціи, въ нѣкоторыхъ темпахъ, противъ прежняго учинить отмѣну, а именно, чтобъ во время поворотовъ и вздваиванія рядовъ, для лутчего виду, могли оказываны быть темпы ногами, въ чемъ имѣетъ видима быть немалая приличность, а людемъ излишнего затрудненія нимало не прибавитца" [2]). Этою радикальною „отмѣною"

---

[1]) Краткая исторія Л. Гв. измайл. полка. С.-Петерб. 1830 г. с. 29.

[2]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г., см. Приказъ 3 января. Тутъ объяснено, что такъ какъ оказыванію темповъ ногами нѣкоторые уже обучены и Густавомъ Бирономъ «смотрѣны», то съ нихъ «нынѣ же» обучать все солдатство, «съ крайнимъ прилѣжаніемъ».

заключился для Густава Бирена и ввѣреннаго ему измайловскаго полка 1737 годъ, „а въ навечеріи Новаго года—добавляетъ каммеръ-фурьерская замѣтка—въ Домѣ Ея Императорскаго Величества были на поздравленіи всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которыхъ тогда трактовать виномъ изволила Ея Императорское Величество Собственною Своею Особою" [1]).

Такъ наступилъ 1738 г., изъ внутренней и внѣшней политики котораго тотчасъ же объяснилось, что походомъ къ Очакову военные подвиги Густава Бирена далеко не кончились, а скорѣе только начались. Дѣйствительно, въ этомъ 1738 г., должна была открыться новая кампанія противъ Турокъ, и гвардейскій отрядъ, начальникомъ котораго оставался измайловскій подполковникъ Биренъ, снова поступалъ въ составъ арміи фельдмаршала Миниха, сбиравшагося дѣйствовать въ сторонѣ р. Днѣстра, Приготовленія Густава Бирена къ выѣзду изъ Петербурга начались и кончились скоро: 7 марта, измайловскій сержантъ Романъ Воронцовъ (впослѣдствіи отецъ извѣстной княгини Ек. Ром. Дашковой) былъ командированъ „для пріуготовленія почтовыхъ къ маршу его превосходительства подводъ" [2]). 9 марта, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше изволила пожаловать къ его превосходительству господину подполковнику барону-фонъ Бирену, по его генералъ-лейтенантскому рангу, во флигельадъютанты: въ первые, изъ сержантовъ, Михаила Лунина [3]), въ капитанской рангъ армейскихъ полковъ; во вторые, изъ капраловъ, Адеркаса [4]), въ прапорщичей рангъ армейскихъ

---

[1]) Церемоніальный Журналъ 1738 г., см. Января I.

[2]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г.

[3]) Михаилъ Кипріановичъ Лунинъ, съ 1761 г. президентъ Вотчинной Коллегіи; съ 1764 г. кавалеръ ордена св. Анны I класса; умеръ въ 1776 г. тайнымъ совѣтникомъ. См. о немъ Р. Арх. 1866 г., с. 377—379.

[4]) Этотъ Адеркасъ былъ сынъ гувернантки принцессы Анны Леопольдовны.

же полковъ" [1]); а 12 марта—Густавъ Биренъ уже отправился къ арміи предписавъ: „каптенармусу Козлову [2]) имѣть ходательство въ военной коллегіи, чтобъ въ канцелярію (походную) его превосходительства господина подполковника барона фонъ Бирона даны были надлежащіе государственные правы и указы" [3]). Проѣздомъ черезъ Полтаву, главную квартиру Миниха [4]), Густавъ Биренъ былъ съ визитомъ у фельдмаршала, а 2 апрѣля, въ день Св. Пасхи, находился уже въ Глуховѣ и обѣдалъ у Александра Ивановича Румянцева, отца графа Задунайскаго [5]). Вскорѣ послѣ того, именно 13 апрѣля, гвардейскіе баталіоны, по одиночкѣ осмотрѣнные Биреномъ, выступили съ зимнихъ квартиръ и, по предписанію главнокомандующаго, пошли на „рандеву" [6]) къ р. Омельнику. Густавъ слѣдовалъ, на этотъ разъ, при семеновскомъ баталіонѣ [7]), съ нимъ, 18 апрѣля, переправился за Днѣпръ; 11 мая, свелъ всѣ баталіоны въ одинъ отрядъ и, 12-го, присоединилъ его къ главнымъ силамъ Миниха, при чемъ, несависимо отъ званія начальника гвардейскаго отряда, назначенъ командиромъ 2-й дивизіи арміи. Перейдя 18 мая р. Омельникъ, 20-го—

[1]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г.

[2]) Иванъ Ивановичъ Козловъ, въ 1764 г. тайный совѣтникъ, генералъ-рекетмейстеръ и кавалеръ ордена св. Анны I класса; съ 10 іюля 1775 г. кавалеръ ордена св. Александра Невскаго; ум. 19 іюня 1778 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Это—родной дѣдъ поэта Ив. Ив. Козлова.

[3]) Подлин. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказный Журналъ 1738 г., см. приказъ 13 марта.

[4]) Mémoires historiques etc. etc., par le général de Manstein. c. 221.

[5]) Записки Марковича. II, с. 41.

[6]) «Рандеву—объясняетъ С. Тучковъ—терминъ тактическій, слово французское собраніе; означаетъ мѣсто и время, назначенное для собранія арміи или какого либо войска». См. Военный словарь, соч. Г. М. С. Тучкова. Москва. 1818 г. ч. II, с. 102.

[7]) Исторія лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, соч. Карцова. С.-Петербургъ, 1854 г. ч. II, с. 432.

р. Каменку. 27-го — р. Ингулецъ, 8-го іюня — р. Ингулъ и 24-го іюня—р. Бугъ, Биренъ, съ гвардейцами и своею дивизіею, 27-го іюня, расположился въ общемъ лагерѣ арміи, за рѣкою Кодымою, и здѣсь, 30-го іюня, имѣлъ случай отличиться. Въ этотъ день, многочисленная турецко-татарская конница буджакскаго султана Излумъ-Гирея аттаковала лагерь, стремительно ударила противъ праваго крыла, потомъ обрушилась на центръ и охватила со всѣхъ сторонъ авангардъ бригадира Шипова, на выручку котораго понесся съ кирасирами самъ Минихъ, поскакалъ съ орудіями генералъ Левендаль, и двинулся съ гвардейскимъ отрядомъ Густавъ Биренъ. Тогда Излумъ-Гирей, отбитый отъ Шипова, бросился въ сабли на Бирена и завязалъ съ нимъ жестокій бой, стараясь одолѣть его непрерывными аттаками всей своей громады. Но Густавъ, мужественно отразивъ всѣ нападенія, одержалъ верхъ и заставилъ Излума отступить на пушечный выстрѣлъ [1]). Затѣмъ Густавъ Биренъ принималъ съ измайловскимъ баталіономъ дѣятельное участіе въ бою 8 іюля на р. Саврани; былъ со всею гвардіею въ дѣлахъ 23 и 26 іюля между рѣками Бѣлочищемъ и Молочищемъ; подвигаяся, въ общемъ составѣ арміи, на пушечный выстрѣлъ къ р. Днѣстру и, послѣ отступленія, предпринятаго отсюда Минихомъ 26 іюля, сражался въ головѣ гвардіи, съ Татарами у р. Бѣлочища; потомъ, переправившись обратно за Каменку, Бугъ, и, въ Каневѣ, за Днѣпръ, осенью, отвелъ гвардію на прошлогоднія квартиры, а самъ, такъ же, какъ всѣ штабъ-офицеры его отряда, немедленно уѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 5 ноября [2]).

Не видно, однако же, чтобъ Густавъ Биренъ получилъ за Днѣстровскій походъ какую нибудь награду, слѣдовавшую

[1]) Истор. обозр. л.-гв. изм. п. Висковатова, с. 30—31. Ист. сев. п. Карцова, II, с. 434 — 435.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1738 г. № 89.

ему по всей справедливости. Это, быть можетъ, происходило и оттого, что самый походъ понимался всѣми за очень неудачный и значительно предубѣждалъ общее мнѣніе противъ Миниха, котораго едва ли не голословно оправдываетъ въ своихъ запискахъ сынъ его, говоря объ этомъ походѣ, что „хотя на ономъ никакихъ новыхъ завоеваній не пріобрѣтено, однако россійскій солдатъ, при славѣ своей за пріобрѣтенную храбрость и при спокойномъ духа расположеніи, сохраненъ и сей разъ совершенно [1]“. Но, не смотря на неудачу 1738 г., Турецкіе походы, отяготительные для войска и малополезные для государства, не должны еще были прекратиться. Этого требовали и самолюбіе Миниха, и виды герцога Бирена, и просьба Австрійскаго императора, союзника Россіи, наконецъ, даже дѣйствительная необходимость для самой Россіи — принудить Турокъ къ миру прежде, нежели послѣдуетъ разрывъ съ Швеціею, становившійся неизбѣжнымъ. Слѣдовательно, Густаву Бирену, несмѣняемому начальнику гвардейскаго походнаго отряда, неминуемо предстояли новые бранные подвиги, въ ожиданіи которыхъ онъ, по своему обыкновенію, всецѣло предался увлеченію самыми дробными мелочами полковаго быта.

Крупнѣйшею между такими мелочами, по возвращеніи Густава Бирена изъ похода 1738, представляется торжественная аудіенція Персидскомъ посольству, прибывшему тогда въ Петербургъ. Аудіенція эта, назначенная 28 ноября, отозвалась и въ измайловскомъ полку слѣдующими, такъ сказать, домашними, а потому не лишенными интереса, распоряженіями Густава Бирена, объявленными наканунѣ: „Завтрашняго числа гренадерской ротѣ, съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, во всякой чистотѣ и строевомъ убранствѣ, въ новой амуниціи и въ новыхъ перьяхъ (на шапкахъ), по-полуночи въ 9 часу, быть къ дому Ея Импе-

[1]) Записки Миниха-сына, с. 127.

раторскаго Величества. Да быть же: сержантамъ—Павлову, Левашеву, Ракитину, Козлову; каптенармусамъ — Тютчеву, Пожогину-Отрошкевичу; подпрапорщику Москотиньеву. И какъ гренадерской ротѣ, такъ и онымъ унтеръ-офицерамъ, явиться Л.-Гв. преображенскаго полка у г. маіора Альбрехта. Да 6-й роты солдатамъ: Ѳедору Николшину, Алексѣю Долгому, Пахому Серебрякову, 3-й роты гренадеру Степану Ложникову, приказать явиться завтра, по-полуночи въ 7-мъ часу у г. гофъ-маршала и кавалера Шепелева въ канцеляріи, которые будутъ въ гайдуцкомъ платьѣ. Да выбрать для онаго строю, изъ солдатъ въ комплектъ въ гренадерскую роту: изъ 6-й роты — князя Кугушева, изъ 8-й роты—Парѳена Саламатова, изъ 2-й роты—Антипа Чернова, Алексѣя Курапова, изъ 3-й—Василія Пуговкина, изъ 5-й—Карпа Литвинова, изъ 9-й—Ѳому Овсяникова, которымъ быть въ парадѣ въ гренадерской ротѣ. И для онаго жъ строю изъ всего полковаго развода гренадеровъ смѣнить мушкетерами сего числа. А при гренадерской ротѣ завтра въ парадѣ быть гг. оберъ-офицерамъ: капитану-поручику Кнутову, поручику князю Барятинскому, подпоручику Боку, прапорщику барону фонъ-Мейендорфу, унтеръ-офицерамъ и капраламъ, которые къ оной ротѣ опредѣлены, да сержанту Юрасовскому“ [1]). Мы нарочно привели всѣ эти подробности, чтобъ показать, какъ и въ доброе старое время морочили публику, переодѣвая, на казусные случаи, солдатовъ гайдуками, мушкетеровъ гренадерами и т. п.

20 февраля 1739 г., въ Петербургѣ игралась при дворѣ свадьба каммергера Миниха, сына фельдмаршала, съ фрейлиною Менгденъ, и Густавъ Биренъ участвовалъ въ свадебномъ кортежѣ, слѣдуя, съ фельдмаршаломъ Ласси, въ каретѣ подъ № 10 [2]). Затѣмъ, Густавъ Биренъ, раннею вес-

[1]) Подлин. акты арх. л.-гв. Изм. п., Приканый Журналъ 1738 г.

[2]) Церемоніальный Журналъ 1739 г.

ною, выѣхалъ изъ Петербурга, чтобъ во время поспѣть къ своему походному гвардейскому отряду, расквартированному въ Малороссіи.

Планъ кампаніи настоящаго года состоялъ, въ томъ, чтобы, не подвергая арміи прежнимъ изнурительнымъ движеніямъ по безводнымъ степямъ, дойти къ Хотину, взять его, и потомъ, соображаясь съ дѣйствіями Австрійцевъ, перенести театръ войны въ Молдавію. Въ силу этаго, баталіоны гвардейскаго отряда, 14 апрѣля, начали порознь подниматься съ зимнихъ квартиръ, 2 мая соединились въ Броварахъ, 4 мая, отрядомъ съ церемоніею, вступили въ Кіевъ и войдя въ общій составъ арміи, расположились съ нею лагеремъ въ урочищѣ Глевахахъ, по Васильковской дорогѣ, гдѣ простояли нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ Густавъ-Биренъ неустанно муштровалъ свой отрядъ экзерциціями и съ любовію входилъ во всѣ подробности фронтоваго образованія. Въ іюнѣ Минихъ повелъ всю армію къ Бугу, чрезъ который Густавъ-Биренъ переправился съ гвардіей, 22 числа, въ Менджибоже, и слѣдовалъ далѣе къ Днѣстру, направляясь на Хотинъ. Это движеніе продолжалось до 10 іюля, когда было получено извѣстіе о сосредоточеніи у Хотина арміи Бендерскаго сераскира, — вслѣдствіе чего, Минихъ оставилъ Румянцева съ 28 т., идти нѣсколько времени по прежнему къ Хотину, а самъ, отдѣливъ въ свою личную команду двадцати-тысячный отрядъ, въ томъ числѣ Густава-Бирена съ гвардіею, быстро повернулъ къ Синковицамъ и немедленно перешелъ Днѣпръ, къ изумленію сераскира, свѣдавшаго о Миниховой переправѣ 10 дней спустя. На другой день, 11 іюля, гвардія приносила благодарственное молебствіе за счастливо совершенную переправу; 18 іюля находилась уже въ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ у Синковицъ, а 22 іюля, когда сюда же явился Кончакъ-паша, съ 20 тыс. Турковъ и напалъ на фуражировъ, „лейбъ-гвардія—пишетъ Нащокинъ—отъ арміи пришедъ въ сикурсъ имъ, въ жестокой бой вступила, и

происходила съ обоихъ сторонъ баталія, при которомъ случаѣ уронъ не малой на обѣ стороны былъ“ [1]). Въ Синковицкомъ лагерѣ Минихъ стоялъ до 3 августа, и для дальнѣйшихъ дѣйствій раздѣлилъ здѣсь всю армію на три колонны, причемъ Густавъ-Биренъ, съ гвардіею, былъ назначенъ въ „корде-баталь“ или центральную. 5 августа всѣ три колонны арміи двинулись изъ Синковицъ и пошли, валашскими деревнями, къ Хотину; а 14 августа дано знать Миниху, что вся 90 тысячная турецкая армія Вели-паши, оставившая свой лагерь тоже 5 августа, окапывается у д. Ставучанъ, въ 6 верст. впереди Хотина. Получивъ это извѣстіе, Минихъ 15 августа, отдалъ въ приказѣ по войскамъ, что: „завтрашняго числа армія, призывая Бога въ помощь, неотмѣнно вступитъ противъ непріятеля“,—почему многіе, заранѣе приготовляясь къ смерти, пріобщились св. тайнъ. На завтра, у р. Жулика, безчисленныя толпы Вели-паши, дѣйствительно начали со всѣхъ сторонъ напирать на двигавшуюся армію, завязали съ нею жестокую перестрѣлку, держали ее весь день въ ружьѣ и были отогнаны не ранѣе, какъ къ вечеру.

Увѣренный въ близости рѣшительнаго боя, Минихъ, тотчасъ же по отогнаніи нападавшихъ, произвелъ рекогносцировку и, замѣтя, что правый флангъ крѣпкой непріятельской позиціи слабѣе другихъ пунктовъ, основалъ на этомъ всѣ свои дальнѣйшія соображенія. 17 августа, Густавъ Биренъ и Левендаль, посланные Минихомъ, повели фальшивую аттаку на слабый турецкій флангъ. Вели-паша, воображая эту атаку дѣйствительною, тотчасъ же стянулъ къ угрожаемому флангу почти всѣ свои силы, и тѣмъ, разумѣется, ослабилъ другіе крѣпкіе пункты своей позиціи. Этого-то и нужно было Миниху: пока Густавъ Биренъ и Левендаль отбивались отъ турецкихъ полчищъ, что однако же продолжалось

[1]) Зап. Нащокина, с. 55.

до полудня, фельдмаршалъ, имѣя противъ себя несильный отрядъ, успѣлъ, гдѣ нужно, навести мосты, набросать фашиннику, однимъ словомъ, облегчить себѣ всѣ способы къ достиженію задуманной цѣли. Въ надлежащее время, Минихъ подалъ сигналъ—и всѣ русскія колонны, устремясь по мостамъ и фашиннику въ турецкіе окопы, начали занимать пункты, оставленные непріятелемъ. Обманутый Вели-паша живо смекнулъ неисправимость своей ошибки и яростно бросился на гвардію, желая выместить на ней свою досаду; но Густавъ Биренъ, имѣя всего три тысячи людей, выдержалъ натискъ и, по отступленіи Вели-паши къ Ставучанской горѣ, ключу турецкой позиціи, долго еще бился съ 13 тысячами озлобленныхъ янычаровъ. Тѣмъ временемъ, Минихъ, съ главными силами, уже поднимался на Ставучанскую гору, достигнулъ вершины ея, и тамъ нашелъ непріятельскій лагерь покинутымъ, потому что вся турецкая армія бѣжала въ ужасѣ, спасаясь кто куда могъ. Къ 7 часамъ вечера непріятеля не существовало, побѣда была полная и стоила Русскимъ баснословно-малой потери: семидесяти человѣкъ убитыхъ. Черезъ день, 19 августа, Миниху безъ боя сдался Хотинъ, со всѣмъ гарнизономъ и 184 орудіями; а еще черезъ день, 21 августа, къ походной церкви измайловскаго баталіона были выведены въ парадѣ всѣ войска; сюда же были свезены всѣ трофеи, и тутъ отправлено благодарственное молебствіе. Вслѣдъ за этимъ, трофеи и плѣнные сданы Густаву Бирену, который 22 августа выступилъ съ гвардейскимъ отрядомъ въ обратный путь и, везя въ своей каретѣ Хотинскаго пашу, переправился 25 августа черезъ Днѣпръ, а 5 сентября—черезъ Бугъ. Тутъ, въ Менджибожѣ, Густавъ Биренъ нашелъ экстренное порученіе: онъ, по свидѣтельству очевидца, былъ „забавенъ (т. е. занятъ), производя, по ордеру фельдмаршала," слѣдствіе о генералѣ Румянцовѣ, искавшая худаго его управленія на маршѣ до Днѣстра, черезъ то время, какъ отлучился отъ него фельдмаршалъ и до того, какъ снова соединил-

ся" [1]). По окончаніи этого слѣдствія, Густавъ Биренъ, 10 сентября, отпустилъ домой состоявшихъ при немъ бунчуковыхъ товарищей малороссійскихъ полковъ; потомъ, въ Кіевѣ сдалъ трофеи и плѣнныхъ; оттуда пошелъ къ Нѣжину, не доходя котораго поручилъ начальствованіе гвардейскимъ отрядомъ Семеновскому маіору Стрѣшневу, а самъ, 25 октября, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ великія приготовленія къ празднованію мира съ Турками, подписаннаго, 7 сентября, въ Бѣлградѣ.

Не безъ пріятности слѣдя за всѣми этими приготовленіями, и лично участвуя въ нѣкоторыхъ, Густавъ Биренъ и самъ готовился къ собственному тріумфу, который ожидалъ его въ тотъ день, когда состоится парадное вступленіе въ Петербургъ гвардейскаго походнаго отряда, уже приближавшагося къ столицѣ. Послѣднее обстоятельство требовало, однако же, личнаго присутствія Густава при ввѣренной ему части, и онъ въ половинѣ января 1740 г., отправился на встрѣчу измайловскаго баталіона, нашелъ его въ Новгородѣ, слѣдовалъ съ нимъ отсюда, по маршруту, до Петербурга, при чемъ почти ежедневно или списывался съ генераломъ Ушаковымъ, заготовлявшимъ въ столицѣ помѣщеніе для возвращающейся гвардіи, или — „ордировалъ" измайловскаго маіора Черанцова предписаніями о высылкѣ баталіону разныхъ предметовъ обмундированія и вооруженія, требуя, между прочимъ, и двухъ пудовъ тридцати фунтовъ пудры [2]). 25 января, измайловскій баталіонъ прибылъ, наконецъ, въ Московскую Ямскую, здѣсь посвятилъ весь слѣдующій день приведенію себя въ надлежащій внѣшній видъ, и 27 января состоялось вожделѣнное для Густава Бирена „вшествіе"—слѣдующимъ порядкомъ:

[1]) Зап. Марковича. ч. II, с. 89—90.

[2]) Стоила тогда по 4 к. фунтъ.—См. подл. ак. арх. л.-гв. Изм. п. Книга: Коммисаріатская часть походнаго баталіона въ 1740 г.

1) Заводныя лошади офицеровъ конной гвардіи.

2) Конная гвардія съ штандартомъ, литаврщикомъ и трубачами.

3) Экипажъ штабъ-офицеровъ: а) гвардіи маіора Стрѣшнева—шталмейстеръ верхомъ; заводныя лошади; карета цугомъ, походная коляска, голубаго сукна, цугомъ же; б) генералъ-маіора и гвардіи маіора Апраксина—шталмейстеръ верхомъ; три заводныя лошади; карета цугомъ, съ двумя пѣшковыми гайдуками по бокамъ; походная коляска краснаго сукна, цугомъ же; в) отряднаго начальника генералъ-лейтенанта, гвардіи подполковника и генералъ-адъютанта барона Густава Бирена—шталмейстеръ верхомъ; шесть заводныхъ лошадей; карета цугомъ, съ двумя форрейторами впереди и двумя пѣшковыми гайдуками по бокамъ; полевая коляска цугомъ; „покоевая" коляска, краснаго сукна, шестерикомъ.

4) Заводныя лошади адъютантовъ Бирена и другихъ штабъ-офицеровъ отряда.

5) Полковая артиллерія, подъ командою гвардіи отъ-бомбардиръ-поручика. Въ замкѣ бомбардиръ-сержантъ.

6) Измайловскій квартермистръ Соколовъ, верхомъ.

7) Ротные квартермистры, съ ротными значками, пѣшкомъ.

8) Адъютантъ Апраксина, Родіоновъ, верхомъ.

9) Полковые адъютанты, измайловскій Гагемейстеръ и преображенскій князь Путятинъ, верхомъ.

10) Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Апраксинъ, верхомъ.

11) Двѣ его заводныя лошади.

12) Гвардейскія гренадерскія роты въ полномъ составѣ.

13) Два хора музыкантовъ.

14) Оберъ-квартермистръ Григорьевъ, верхомъ.

15) Адъютанты Бирена, Лунинъ и Адеркасъ, верхомъ.

16) Въ должности адъютанта измайловскій поручикъ Пальменбахъ, верхомъ.

17) Начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ, гвардіи подполковникъ и генералъ-адъютантъ баронъ Густавъ Биренъ, верхомъ, съ двумя пѣшковыми скороходами по бокамъ и верховыми пажами и егерями свади.

18) Гвардейскіе баталіоны.

19) Адъютантъ гвардіи маіора Стрѣшнева, Пырскій, верхомъ,—и

20) Гвардіи-Маіоръ Стрѣшневъ, верхомъ [1]).

„День этотъ—пишетъ Висковатовъ—какъ и вообще вся зима того года, былъ чрезвычайно холодный; но, не смотря на жестокую стужу и на сильный пронзительный вѣтеръ, стеченіе народа на назначенныхъ для шествія гвардіи улицахъ было огромное" [2]). Войска входили съ музыкою и развернутыми знаменами, „штабъ и оберъ-офицеры—будемъ говорить словами очевидца и участника Нащокина—такъ какъ были въ войнѣ, шли съ ружьемъ, со примкнутыми штыками; шарфы имѣли подпоясаны; у шляпъ сверхъ бантовъ за поля были заткнуты кукарды лавроваго листа, чего ради было прислано изъ дворца довольно лавроваго листа для дѣланія кукардовъ къ шляпамъ: ибо въ древнія времена Римляне, съ побѣды, входили въ Римъ съ лавровыми вѣнцы, и то было учинено въ знакъ того древняго обыкновенія, что съ знатною побѣдою надъ Турками возвратились. А солдаты такія жъ за полями примкнутыя кукарды имѣли, изъ ельника связанныя, чтобы зелень была" [3]). Пройдя весь Невскій проспектъ, шествіе направилось къ зимнему дворцу, слѣдовало по дворцовой набережной, мимо пресловутаго Ледянаго дома, и, обогнувъ эрмитажную канавку, выдвинулось на дворцовую площадь. Здѣсь, по внесеніи знаменъ внутрь дворца, нижніе чины были распущены по домамъ, „а штабъ и оберъ-офице-

---

[1]) С.-Петербургскія вѣдомости 1740 г. № 10.

[2]) Ист. обозр. л.-гв. изм. п. Висковатова, с. 48—49.

[3]) Зап. Нащокина, с. 61.

ры—повѣствуетъ Нащокинъ—позваны ко дворцу, и какъ пришли во дворецъ, при зажженіи свѣчъ, ибо цѣлый день въ той церемоніи продолжались, тогда Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, въ срединѣ галлереи изволила ожидать, и какъ подполковникъ со всѣми въ галлерею вошедъ, нижайшей поклонъ учинили, Ея Императорское Величество изволила говорить сими словами: „Удовольствіе имѣю благодарить лейбъ-гвардію, что будучи въ Турецкой войнѣ, въ надлежащихъ диспозиціяхъ, господа штабъ и оберъ-офицеры тверды и прилежны находились, о чемъ я чрезъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна, и будете за свои службы не оставлены“.

„Выслушавъ то монаршее слово, паки нижайше поклонились и жалованы къ рукѣ, и Государыня изъ рукъ своихъ изволила жаловать каждаго венгерскимъ виномъ по бокалу, и съ тѣмъ высокомонаршескимъ пожалованіемъ отпущены“ [1]).

Это „вшествіе“, такъ блистательно показавшее толпѣ особу Густава Бирена, было прелюдіей мирныхъ торжествъ, въ распорядокъ которыхъ, между прочимъ, входила и „куріозная“ свадьба придворнаго шута князя Голицына съ калмычкою Бужениновою, отпразднованная въ Ледяномъ домѣ, 6 февраля. Главное же торжество и, вмѣстѣ, объявленіе наградъ совершилось 14 февраля. Само собою разумѣется, что братъ герцога Курляндскаго, преисполненнаго наградами, не могъ быть забытъ. Густавъ Биренъ, командовавшій въ этотъ день парадомъ 20 тысячнаго столичнаго гарнизона, произведенъ въ генералъ-аншефы и получилъ золотую шпагу, осыпанную бриллiантами [2]). Затѣмъ, по самое 18 февраля, не прерывались придворные съѣзды, поздравленія, обѣды, концерты, маскерады, городскія иллюминаціи, наконецъ церковный звонъ

---

[1]) Тамъ же, с. 62.

[2]) С.-Петербургскія вѣдом. 1740 г.

и даже высочайшее метаніе въ народъ жетоновъ, сопровождаемое выставкою жареныхъ быковъ, съ золочеными рогами, и фонтановъ бѣлаго и краснаго вина, при мгновенномъ уничтоженіи которыхъ надрывались со смѣха „веселившіеся смотрѣніемъ изъ оконъ дворца“ [1]).

Едва успѣлъ Петербургъ придти въ себя отъ угара, произведеннаго мирными торжествами, какъ уже пошло въ ходъ новое впечатлѣніе—и многія головы задумались, многіе языки заговорили, сначала въ тихомолку, о распрѣ, возникшей между герцогомъ Курляндскимъ Бирономъ и кабинетъ-министромъ Волынскимъ. Но можно сказать съ увѣренностью, не угоралъ, не задумывался и ровно ничего не говорилъ о происходящемъ новый генералъ-аншефъ,—баронъ Густавъ фонъ-Биренъ. Всегда вѣрный себѣ, онъ почти не принималъ участія во всемъ томъ, что не относилось такъ или иначе къ лейбъ-гвардіи измайловскому полку. Происходило ли это отъ излишняго самоубѣжденія Густава въ незыблемости кредитовъ братняго и своего, или отъ врожденно-болѣзненной страсти его къ строю и темпу, или отъ присущей ему вообще неспособности размышлять, — рѣшить тѣмъ труднѣе, что могло быть и то, и другое, и третье, и все вмѣстѣ. Мы думаемъ, что было все вмѣстѣ. Безъ этого, пожалуй, могло бы остаться совершенно необъяснимымъ, какъ могъ Густавъ Биренъ, въ самый день 14 февраля, послѣ полученія двухъ важныхъ наградъ и въ минуту всеобщаго увлеченія совершающимся торжествомъ, какъ могъ онъ думать и писать единственно о томъ, чтобъ офицеры внушали „солдатству нести ружье круто и ногами ступать въ одинъ махъ“ [2]) или, почти въ тоже время, усердно розыскивать на полковомъ дворѣ „дойстойной, сухой сарай, въ которомъ можно-бъ положить нѣсколько сѣна“ [3]).

---

[1]) Примѣчанія къ тѣмъ же Вѣдомостямъ.

[2]) Подл. акты л.-гв. изм. п., книга: Приказный журналъ 1740 г.

[3]) Тамъ же, книга: Ордера квартирмистру 1740 г. см. 28 февр.

Впрочемъ, все это еще болѣе объясняется — и, добавимъ, оправдывается—безкорыстною, дѣйствительно-слѣпою привязанностію Густава къ своему полку и тѣми дѣтскими, нетронутыми понятіями, которыя имѣлъ онъ о недосягаемой, по его мнѣнію, высотѣ и неизрѣченныхъ достоинствахъ фронтоваго образованія вообще. И мы почти понимаемъ положеніе бѣднаго Густава Бирена, когда у него, въ самый разгаръ дѣла Волынскаго, была одна всепоглощающая забота: строеніе полковой слободы; и онъ, равнодушный ко всему остальному, страдалъ душою отъ очевидно-физической невозможности согласить двѣ одинакія необходимости: выгонять ежедневно на тяжелую, 10-ти часовую работу по 400 чел. съ полка—и „всемѣрно обучать роты, гдѣ которой способнѣе" [1]). Слѣдовательно, если и могъ Густавъ Биренъ сколько нибудь интересоваться общеинтереснымъ дѣломъ Волынскаго, то не иначе, какъ со стороны собственно-полковыхъ воззрѣній и въ видахъ облегченія собственно-строеваго горя. Такъ, дѣйствительно, оно и было. Выждавъ время и зная, что Волынскій уже арестованъ, Густавъ отнесся куда слѣдуетъ съ оффиціальной просьбой: отпустить измайловскому полку, заимообразно для строенія слободы, бревна, цѣною на 560 руб., запасенныя Конюшенною Конторою про звѣровый дворъ, и, подъ шумокъ получилъ желаемое [2]), чего при Волынскомъ, оберъ-егермейстерѣ и, слѣдовательно, начальникѣ Конюшенной Конторы съ ея звѣровыми дворами, Густавъ, навѣрное не добился бы. Въ другомъ случаѣ, касавшемся не бревенъ,

---

[1]) Подл. акты арх. л.-гв. изм. п., книга: Приказный журналъ 1740 г. см. 14 мая.—Густавъ Биренъ безпрестанно отдавалъ приказы объ «экзерзиціяхъ», которыя приказывалъ производить и «въ погожіе дни» и «въ нынѣшнее благополучное время», наблюдая при этомъ, чтобы «солдатство дѣлали ровно, били руками крѣпко, стояли бодро» и проч.

[2]) Тамъ же, книга: Входящія бумаги 1740 г., см. промеморіи изъ Конюш. и Егермейстер. Конторъ, 4 мая.

а людей, но тоже имѣвшемъ мѣсто, благодаря дѣлу Волынскаго, Густавъ Биренъ, кромѣ того, что получилъ желаемое, могъ свободно, рѣзко и официальнымъ образомъ высказать вещи, давно уже лежавшія на его командирскомъ сердце,— и высказать человѣку, который, сильно подозрѣвался въ сотовариществѣ съ Волынскимъ, самъ былъ наканунѣ своего несчастія и, разумѣется, могъ только слушать и исполнять, но не возражать. Мы говоримъ о письмѣ Густава Бирена къ тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину, отъ мая 1740 г. Вотъ это письмо.

„Превосходительной господинъ тайной совѣтникъ и кавалеръ,

Государь мой

Платонъ Ивановичъ.

Понеже между прочими лейбъ-гвардіи полками Измайловскаго, въ прошломъ 1738 году, командировано въ Канцелярію Конѳискаціи солдатъ три человѣка для посылокъ здѣсь за должниками, да три человѣка для посылки въ губерніи и провинціи о взятіи вѣдомостей собираемымъ доходамъ съ отписныхъ и выморочныхъ имѣній, изъ которыхъ первые три человѣка перемѣняются посылкою отъ полку въ ту канцелярію и донынѣ, а изъ другихъ трехъ одинъ, Тыртовъ, предъ нѣсколькимъ временемъ къ полку возвратился, другой, Нелидовъ, на Вологдѣ умре, и мундиръ его безвѣдома полковаго, чего не надлежало, отданъ его наслѣдникамъ; а третій, Жуковъ, засланъ, и нынѣ живъ ли или нѣтъ невѣдаю: извѣстно-ль Канцеляріи Канфискаціи, а въ полку неизвѣстно. Канцелярія Канфискаціи состоитъ въ дирекціи вашего превосходительства, а по сему имѣю честь о томъ къ вамъ писать. Для той посылки въ губерніи даны изъ гвардіи солдаты по представленію вашего превосходительства, и слѣдовательно для нужнаго и скорѣйшаго отправленія дѣлъ Ея Императорскаго Величества, а не для того, чтоб они засланы и вовсе забыты были, какъ помянутой Жуковъ, въ три года не привезъ вѣдомости. А когда чрезъ столько лѣтъ вѣдо-

мости не сдѣлано, то на исполненіе самаго дѣла и сроку положить, чаю, невозможно. И видимо нужда была людей изъ такой знатной команды только взять, а не нужда, получа ихъ, попечительно объ нихъ памятовать, достойному ими командовать велѣть и, скоро исправя дѣло, по прежнему ихъ возвратить. Оставляю распространять и о здѣшнихъ, что они не по чести гвардіи дѣло свое имѣютъ, но сплошь, какъ разсыльщики, отъ подъячихъ посылаемы бываютъ иногда за такими дѣлами, какоебъ и сторожъ канфискацкій исправить могъ. Однако моя должность не во что вступаться, какъ только объ одномъ, чтобъ люди безъизвѣстно не пропадали. И что одинъ изъ выщеписанныхъ въ три года къ полку невозвращенъ, о томъ я хотя необходимо имѣю доносить Ея Императорскому Величеству, однакожъ прежде долженъ получить отъ вашего превосходительства извѣстіе: 1) оной невозвратившейся гдѣ нынѣ, и какая государственная нужда тако долголѣтно его во отлученіи содержитъ, 2) съ умершаго на Вологдѣ оставшей мундиръ и амуниція, которой въ противность регулу отданъ его наслѣднику, чего ради по полковому требованію понынѣ не отысканъ и въ полкъ не присланъ, 3) въ здѣшнихъ, кои для посылокъ при конфискаціи обрѣтаются, если столько нужды, къ какой гвардіи въ службу употреблять и долголѣтно неоконченной быть; или уже доколѣ канфискація будетъ, разсыльщиками при ней изъ гвардіи быть надлежитъ; а при гвардіи и безъ такихъ постороннихъ дѣлъ въ солдатствѣ имѣются крайнія обстоятельства. Того ради ваше превосходительство покорно прошу о вышеписанномъ приказать меня увѣдомить неукоснительно. Впрочемъ пребываю

вашего превосходительства, государя моего
покорный слуга
Gustaff von Biron [1])

---

[1]) Подл. ак. арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Исходящія письма 1740 г.

Когда Волынскій погибъ [1]), Густавъ Биренъ, разумѣется, еще глубже долженъ былъ увѣровать въ несокрушимую мощь своего брата, герцога, и, полный такой вѣры, самъ неощутительно пріобрѣлъ какой-то требовательный, даже повелительный тонъ, съ которымъ, однакоже, не выдвигался изъ узкой рамки своей, исключительно полковой, сферы. Такъ, напримѣръ, когда о томъ же Волынскомъ „съ товарищи" получилась въ полкъ какая-то бумага, при указѣ изъ Тайной Канцеляріи на имя Полковой, Густавъ Биренъ, вовсе не принимая въ уваженіе давнихъ обычаевъ офиціальной переписки, тотчасъ же приказалъ увѣдомить Тайную Канцелярію, чтобы впредь она благоволила относиться въ Измайловскій полкъ не указами, которыхъ принимать не будутъ, а промеморіями, какъ уже сносится съ полкомъ Военная-Коллегія, мѣсто высшее Тайной Канцеляріи, „понеже засѣдаютъ генералъ-фельдмаршалы, а не простые генералы, какъ господинъ Ушаковъ".—„Полкъ гвардіи — весьма темно объяснялъ при этомъ Густавъ Биренъ—не подъ именемъ своей канцеляріи зависитъ, но канцелярія подъ именемъ полку обстоитъ, понеже въ ономъ присутствуетъ Ея Величество полковникомъ" [2]). Къ чести Густава Бирена замѣтимъ, что онъ не терпѣлъ ни Тайной Канцеляріи, ни Канцеляріи Конфискаціи, и когда могъ, не упускалъ случая дѣлать закавычки начальствамъ этихъ учрежденій. Но за то къ своимъ офицерамъ, которыхъ Густавъ Биренъ не могъ вообразить иначе, какъ вѣчно стоящими во фронтѣ и, повидимому, не понималъ возможности для нихъ всякаго другаго положенія, онъ

---

[1]) Недвижимыя имѣнія Волынскаго, казненнаго 27 іюня 1740 г., были отписаны на Ея Величество. Изъ нихъ Клопинскую мызу, въ Копорскомъ уѣздѣ, Императрица пожаловала Густаву Бирену «доколѣ въ службѣ Ея Величества находиться будетъ». См. Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Ист. и Древ. за 1858 г. кн. II, с. 37.

[2]) Подл. ак. арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Исходящія письма 1740 г.

относился приказами, въ родѣ слѣдующаго: „Понеже извѣстно мнѣ учинилось, что при стоящихъ квартирахъ на С.-Петербургскомъ островѣ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка ротахъ ни при которой оберъ-офицера ни одного нѣтъ, а только находятся одни унтеръ-офицеры и капралы, отчего тѣхъ ротъ нетокмо отъ солдатъ, но и отъ унтеръ-офицеровъ и капраловъ непрестанно происходятъ многія непорядки, пьянства, ссоры съ обывателями и прочія продерзости, а страху и воздержанія никакого неопасны, надѣясь, что офицеры живутъ въ отдаленіи и взыскивать некому. Состоящіе въ тѣхъ ротахъ оберъ-офицеры, безсумнѣнія, отговорку имѣютъ ту, что они квартиру нанимаютъ изъ своего кошту, и потому имѣютъ волю нанимать, кто гдѣ похочетъ. Однако всѣмъ извѣстно, что на С.-Петербургскомъ островѣ квартиръ наемныхъ сыскать весьма способнѣе и дешевлѣ, нежели здѣсь, на Адмиралтейскомъ или на Васильевскомъ островѣ. Того ради симъ накрѣпко подтверждается, дабы тѣхъ ротъ всѣ оберъ-офицеры нигдѣ кромѣ С.-Петербургскаго острова не стояли, но конечно обыскалибъ себѣ квартиры на томъ островѣ, и въ самой скорости туда перешли, и былибъ при своихъ ротахъ, имѣя содержаніе своихъ командъ во всякой строгости и въ порядкѣ; дабы отъ солдатства никакихъ продерзостей своевольства происходить не могло, опасая и себя за всякое слабое смотрѣніе тяжкаго отвѣта.— Gustaff von Biron“ [1]).

Даже на тѣхъ офицеровъ Измайловскаго полка, которые, по обычаю того времени, командировались Высочайшими именными указами въ губерніи, съ порученіями (правда, вовсе не подходящими къ прямому назначенію офицера) Густавъ Биренъ смотрѣлъ по своему и безпрестанно тревожилъ ихъ насылкою ордеровъ, заключавшихъ въ себѣ понужденія: ско-

[1]) Тамъ же, книга: Приказный Журналъ 1740 г.; см. Прик. 19 сент.

рѣе оканчивать „что надлежитъ" и ѣхать къ полку. Само собою разумѣется, что понужденія эти строчились болѣе или менѣе грозно, и бѣдняки-офицеры, задерживаемые въ мѣстахъ своихъ командировокъ не собственнымъ произволомъ, а тогдашнимъ распорядкомъ веденія дѣлъ на Руси, становились окончательно въ тупикъ, не зная какъ имъ поступать и кого слушать. Однимъ изъ такихъ бѣдняковъ былъ, напр., измайловскій капитанъ-поручикъ Автан. Петр. Савеловъ. Посланный съ порученіями прокурорскаго характера въ Бѣлгородъ, Савеловъ пришелъ въ великое смущеніе отъ двухъ, одинъ за другимъ полученныхъ, ордеровъ Густава Бирена и воззвалъ къ своему ретивому до фронтовой службы командиру слѣдующимъ полу-отчаяннымъ „репортомъ", отъ 13 юля 1740 г., изъ Бѣлгорода:

„Высокородному и высокопревосходительному господину генералу и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковнику, Ея Императорскаго Величества генералу-адъютанту, барону фонъ-Бирону.

ВСЕНИЖАЙШІЙ РЕПОРТЪ.

Вашего высокопревосходительства повелительный вторичный ордеръ, отпущенный изъ Санктпетербурга іюня отъ 18 числа, подъ нумеромъ 544, получилъ въ Бѣлгородѣ, іюля 11, на который изволите повелѣвать: по данной мнѣ комиссіи, въ бытіи моемъ много продолжительнаго времени не втунѣ ли происходитъ. На которое симъ вашему высокопревосходительству всенижайше репортую. По именному Ея Императорскаго Величества указу, и по данной мнѣ отъ правительствующаго сената инструкціи, велѣно три дѣла убійственныхъ, да интересныхъ (т. е. по лихоимству) два, да слѣдственныхъ три изслѣдовать, какъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ. А нынѣ изъ правительствующаго сената присланы вновь дѣла: велѣно въ самой же скорости изслѣдовать, и изъ сихъ вышереченныхъ дѣлъ, по окончаніи, велѣно учинить екстракты, и тѣ екстракты

прислать въ правительствующій сенатъ. А на выше упоминаемыя дѣла представлено отъ меня многими доношеніями въ правительствующій сенатъ. И на тѣ доношенія никакого указа не получилъ. А не окончивъ по коммиссіи слѣдствія по онымъ дѣламъ, ѣхать мнѣ безъ указу не можно. А командированные со мною капралъ и солдаты — и оные употребляются для разныхъ посылокъ въ города, для скорѣйшихъ справокъ и понужденія въ ту слѣдственную коммиссію, и въ безпрестанныхъ трудахъ они находятся. И до окончанія всѣхъ вышеупоминаемыхъ дѣлъ, мнѣ исправиться безъ нихъ невозможно. А я, со всевозможностію моею, безпрестанно изъ коммиссіи не выхожу, и трудъ свой неусыпно имѣю. А какъ скоро возможно окончены тѣ дѣла быть имѣютъ, то, не упустя ни малаго времени, въ Санктпетербургъ отправлюсь. Капитанъ-поручикъ Автаномъ Савеловъ". Для того же, чтобъ усилить ожидаемое впечатлѣніе своего оффиціальнаго „репорта", Савеловъ приложилъ къ нему еще частное письмо, въ заключеніи котораго онъ обращается къ Густаву Бирену такъ: „Я вашего высокопревосходительства всепокорнѣйше прошу не лишить меня вашей высокой милости, и дабы вашимъ высокомилостиваго государя предстательствомъ отсюда взятъ я былъ къ полку, а по коммиссіи мои дѣла поручить изслѣдствіемъ окончать новоприбывшему сюда вице-губернатору князю Друцкому [1]). А по той коммиссіи дѣла надлежатъ и по губернской канцеляріи, и къ скорѣйшему рѣшенію, изслѣдствію и окончанію могутъ оныя приведены быть. За что я о здравіи вашего высокопревосходительства, высокорожденной фамиліи высокомилостиваго государя, вѣчно, до моего гроба, долженъ Господа молить". [2]).

---

[1]) Князь Данило Андреевичъ Друцкой назначенъ вице-губерн. въ Бѣлгородъ изъ капитановъ Л. Гв. Измайловск. полка. (Дѣдъ поэта Хераскова? *П. Б.*).

[2]) Подлин. акты арх. л. гв. Изм. п., книга: Отставнаго повытья объ отлучныхъ чинахъ полка 1740 г.

Но все это не вело ровно ни къ чему: изъ дальнѣйшей переписки Густава Бирена съ Савеловымъ и подобными ему видно, что Густавъ Биренъ, съ самой остзейскою аккуратностью, раза два въ мѣсяцъ, пилилъ каждаго изъ командированныхъ измайловскихъ офицеровъ однимъ и тѣмъ же запросомъ: „не втунѣ-ли происходитъ у него многопродолжительное время“ и скоро ли соберется онъ „ѣхать къ полку“?

Такая узкая односторонность взглядовъ Густава Бирена не исключала въ немъ, однакоже, ни присутствія мягкихъ, до извѣстной степени, свойствъ; ни, даже, способности къ нѣжнымъ ощущеніямъ сердца, хотя и то и другое, вслѣдствіе психичеекой аномаліи (встрѣчаемой иногда и въ наше время) постоянно уступало у Густава первое мѣсто насущнымъ для него вопросамъ полковаго быта, даже самымъ мелочнымъ, и могло выникать наружу только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти вопросы или почему нибудь вовсе не являлись на сцену или, почему нибудь же, разрѣшались съ точки зрѣнія самаго Густава. Видя, напримѣръ, что съ полученіемъ конюшенно-егермейстерскихъ бревенъ строеніе полковой слободы пошло скорѣе; успокоенный, къ тому же, присылкою въ полкъ казенныхъ вещей рядоваго, умершаго на Вологдѣ; еще болѣе удовлетворенный, наконецъ, готовностію отпускныхъ солдатъ дворянъ ставить за себя къ строенію слободы по 2 и по 3 рабочихъ изъ собственныхъ крестьянъ—что давало возможность „всемѣрно обучать роты“,—Густавъ Биренъ настроился благопріятно для нѣжныхъ ощущеній, увлекся прелестями фрейлины Якобины Менгденъ, рѣшился, вслѣдствіе этого, прекратить свое вдовство и въ сентябрѣ 1740 г., торжественно обручился съ Якобиною. Въ жизни Густава, эта пора была, конечно, самая пріятная. Все тогда ему улыбалось. Человѣкъ далеко еще не нестарый, но уже генералъ-аншефъ, гвардіи подполковникъ и генералъ-адъютантъ, Густавъ Биренъ стоялъ въ числѣ любимцевъ своей Государыни и, будучи роднымъ братомъ герцога, котораго единственно трепетала вся Россія,

не боялся никого и ничего; имѣлъ къ тому же прекрасное состояніе, унаслѣдованное отъ первой жены и благопріобрѣтенное отъ Высочайшихъ щедротъ; пользовался всеобщимъ расположеніемъ, какъ добрякъ, не дѣлавшій никому зла; едвали, что всего дороже, могъ укорить себя въ какомъ нибудь безчестномъ поступкѣ; наконецъ въ качествѣ жениха любимой женщины, видѣлъ къ себѣ привязанность невѣсты, казавшуюся страстною. Чего недоставало невѣжественному и ограниченному Густаву Бирену, нѣкогда курляндскому разночинцу и, десять лѣтъ назадъ, голяку-капитану голодавшихъ польскихъ панцырниковъ? Онъ ли не могъ расчитывать на долгое и безмятежное пользованіе благами жизни и случая? Вышло, какъ увидимъ, не такъ.

Внезапная болѣзнь императрицы, въ началѣ октября 1740 г., смутила всѣхъ Бireновъ прежде и больше, чѣмъ кого нибудь. Густавъ Биренъ смущался, во первыхъ, потому что былъ искренно преданъ императрицѣ, а во вторыхъ—доходили до него всеобщія толки о невыгодахъ состоявшагося тогда объявленія двухъ-мѣсячнаго младенца наслѣдникомъ Всероссійскаго престола, толки, которые Густавъ старался унять, по крайней мѣрѣ, въ своемъ Измайловскомъ полку и отдалъ приказъ, чтобы всѣ чины „отъ всякихъ непристойныхъ разговоровъ имѣли воздержаніе„ [1]). Свадьба Густава, разумѣется, была пріостановлена. Болѣзнь Гусударыни развивалась съ опасною быстротою, и 17 октября, вечеромъ, императрица Анна Ивановна скончалась.

Потерявъ свою благодѣтельницу, Густавъ Биренъ, утромъ 18 октября, собралъ на своемъ дворѣ „для нѣкотораго объявленія“ весь Измайловскій полкъ и, присягая съ нимъ преемнику покойной Государыни, Всероссійскому Императору Ивану Антоновичу, лежавшему еще въ колыбели, присягалъ,

---

[1]) Тамъ же, книга: Приказный Журналъ 1740 г., см. приказъ 11 октября.

именно по этому случаю, и брату своему, герцогу Курляндскому Эрнсту-Іоганну Бирену, назначенному до совершеннолѣтія его величества—регентомъ Всероссійской Имперіи.

Въ тотъ же день, Густавъ Биренъ приказалъ на всѣхъ улицахъ расположенія полка выставить ротные пикеты—что сдѣлано и прочею гвардіею—и потребовалъ къ себѣ 13 человѣкъ полковыхъ портныхъ: потому что онъ, въ качествѣ особы втораго класса, долженъ былъ не только самъ облечься немедленно въ глубокій трауръ, но, на время „перваго квартала", облечь онымъ и всю свою прислугу, лошадей, упряжь, экипажи, наконецъ—одну изъ комнатъ собственнаго дома [1]).

За тѣмъ, не принимая ни малѣйшаго участія въ извѣстныхъ передрягахъ эпохи регентства, Густавъ Биренъ испытывалъ едва ли не одно только непріятное. То, напримѣръ, узналъ онъ изъ донесенія Измайловскаго полковаго коммиссара, что казенныя вещи, хранившіяся на полковомъ Калинкиномъ дворѣ, „отъ пояденія мышами зѣло опасны" [2])—и приходилъ въ ужасъ отъ такого извѣстія; то получалъ без-

[1]) Въ «Объявленіи изъ печальной коммиссіи, какимъ порядкомъ по Ея Императорскомъ Величествѣ трауръ во весь годъ быть имѣетъ» въ 13 пунктѣ значилось: «Мужескія персоны 1 и 2 классовъ въ первомъ кварталѣ платья имѣютъ носить: кафтаны суконные безъ шишекъ, съ четырьмя пуговицами сукномъ обшитыми, и на камзолахъ пуговицы такіяжъ до пояса; и на опшлагахъ вверху плюрезы шириною въ 1$^{1}/_{2}$ вершка, а на рукавѣ камзола плюрезы шириною въ $^{1}/_{2}$ вершка, а у плюреза, чтобъ шовъ былъ въ $^{1}/_{4}$ плюреза; на шляпахъ висящій короткій флеръ, шпаги обшитыя чернымъ сукномъ, чулки гарусные, башмаки замшаные, пряшки черныя, рубашки безъ маншетъ, напередъ завязанные галстухи; кареты и сани обитыя чернымъ безъ гербовъ, шоры и хомуты обшитыя чернымъ, на лошадяхъ печальныя попоны длиною отъ земли 6 вершковъ; лакеямъ ливрея черная, безъ лентъ, пуговицы до пояса; въ домахъ обивать чернымъ по одной камерѣ».

[2]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Часть Коммиссарская. Исходящія бумаги 1740 г., см. рап. Ильина отъ 20 октября.

прерывныя предписанія объ усиленіи караула, наряжаемаго въ застѣнки Тайной Канцеляріи, куда, наконецъ, велѣно было посылать „сколько, по справкѣ, нужнымъ окажется“ [1])— и крайне негодовалъ за такой расходъ людей, на который Густавъ вообще былъ скупъ; то, какъ на зло ему, издавался указъ, повелѣвавшій: „отъ времени представленія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, считая впредь четверть года, въ С.-Петербургѣ никакихъ свадебъ не вѣнчать и о томъ во всѣхъ церквахъ тотчасъ съ запрещеніемъ объявить“ [2]).—Густавъ, въ качествѣ счастливаго жениха, конечно, находилъ въ этомъ указѣ нѣкоторыя для себя неудобства. Вся польза, которую Густавъ Биренъ успѣлъ извлечь изъ непомѣрнаго возвышенія своего брата, ограничилась—возможностію отвѣчать Конюшенной Конторѣ, приступавшей съ требованіемъ денегъ за бревна, что „оныхъ денегъ, безъ указа, изъ полку плачено не будетъ, о чемъ въ оной конторѣ благоволятъ быть извѣстны“ [3]); а все развлеченіе его состояло въ удовольствіи обучать унтеръ-офицеровъ „порядочному хожденію при взводахъ и пріемамъ алебардами“ [4]). И нѣтъ ничего мудренаго, если, не въ духѣ отъ всего этого, добрякъ Густавъ окончательно сбивался съ панталыку и отдавалъ нелѣпые приказы, въ родѣ слѣдующаго: „понеже поручикъ Кочетовъ заболѣлъ, то подпоручику Чи-

---

[1]) Караулъ въ Тайную Канцелярію, наряжаемый изъ гвардейскихъ полковъ, состоялъ обыкновенно изъ 1 оберъ-офицера (чаще прапорщика), 2 унтеръ-офицеровъ, 3 капраловъ и 100 чел. рядовыхъ. Но въ дни Регентства, когда пыточные застѣнки были полнехоньки, обычнаго караула оказывалось недостаточнымъ, и къ нему, 22 октября, велѣно прибавить еще 30 чел., 24 октября еще 10 чел., а 2 ноября,—сколько понадобится.—Изъ дѣлъ арх. Л. Гв. Изм. п.

[2]) См. указъ 4 ноября 1740 г., въ т. Х. П. С. З. изд. 1830 г.

[3]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Исходящія Письма, 1740 г., см. 4 ноября.

[4]) Тамъ же. Книга: Приказный Журналъ 1740 г., см. прик. 5 ноября.

рикову, хоша онъ тоже репортуется больнымъ, всеконечно идти за Кочетова въ караулъ“ [1]), или странные, какъ этотъ: „офицерамъ заречныхъ ротъ на сію (Адмиралтейскую) сторону Невы безъ позволенія отнюдь не отлучаться“ [2]). Впрочемъ, передъ исходомъ эпохи регентства, младшему брату регента наклевывалось было занятіе, которое начинало уже примирять Густава съ дѣйствительностію и, впослѣдствіи, могло бы увлечь его совершенно. Мы говоримъ о передѣлкѣ солдатскихъ шляпъ въ картузы, съ зеленою верхушкою и красными опускными полями, изобрѣтенные герцогомъ-регентомъ, „для лучшей солдатству теплоты и покою“ [3]). Но едва Густавъ, одушевляемый обычнымъ усердіемъ своимъ и такою же пунктуальностію, успѣлъ втянуться въ это картузное дѣло, какъ стряслась бѣда надъ самимъ изобрѣтателемъ—и, въ ночь на 9 ноября 1740, герцогъ-регентъ утратилъ и власть и свободу.

Въ ту же самую злополучную для Биреновъ, ночь, къ красивому дому Густава, на Милліонной, рѣзко отличавшемуся отъ другихъ изящнымъ балкономъ на четырехъ коллонахъ сѣраго и чернаго мрамора [4]), пришло капральство Преображенцевъ, предводимое Миниховымъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ. Исполняя приказаніе своего генерала, Манштейнъ побывалъ уже въ Лѣтнемъ дворцѣ [5]),

---

[1]) Тамъ же, прик. 25 октября.

[2]) Тамъ же, прик. 27 октября.

[3]) Тамъ же, книга: Исходащія бумаги 1740 г. см. ордеръ коммисару Ильину отъ 29 окт.

[4]) Этотъ домъ принадлежалъ, впослѣдствіи, каммергеру Дивову, у котораго и былъ купленъ Императрицею Екатериною II, въ 1795 г., для подарка Измайловскому секундъ-маіору гр. Валер. Александр. Зубову, за потерю ноги въ бою съ польскими мятежниками, 6 іюля 1794 г., при Выгодѣ.

[5]) Лѣтній дворецъ находился тогда на мѣстѣ нынѣшней рѣшетки Лѣтняго Сада со стороны Невы, существовалъ съ 1732 г., замѣнивъ собою «салу», выстроенную для свадьбы цесаревны Анны Петровны

отыскалъ тамъ опочивальню регента, вытащилъ его высочество изъ постели и, сдавъ буквально съ рукъ на руки живую добычу свою Миниху, — явился теперь за братомъ арестованнаго герцога. Густавъ, разумѣется, спалъ. Но домовой караулъ его, состоявшій изъ 12 Измайловскихъ гренадеровъ при унтеръ-офицерѣ, бдительно оберегалъ любимаго своего командира, и часовые, сначала, не хотѣли пропускать Манштейна; однако, пригроженные силою императорскаго указа и смертію за сопротивленіе, они должны были уступить. Оставивъ Преображенцевъ въ первой комнатѣ, гдѣ спалъ безсмѣнный ординарецъ регентова брата, Измайловскій сержантъ Щербининъ [1]), осторожный Манштейнъ, подошелъ къ дверямъ спальни Густава, окликнулъ его, получилъ, въ свою очередь, запросъ ver ist da (кто тамъ?) и тотчасъ же назвалъ себя, добавивъ, что имѣетъ крайнюю нужду немедленно переговорить съ хозяиномъ дома о чрезвычайно нужномъ дѣлѣ. Хозяинъ дома, не бѣгавшій ни отъ какихъ дѣлъ, поспѣшилъ выдти къ ночному гостю, приблизился съ нимъ къ окну и тутъ, схваченный осторожнымъ Манштейномъ за обѣ руки, выслушалъ отъ него объявленіе ареста, именемъ Императора, и вѣсть, что Регентъ—уже не Регентъ. Никакъ не ожидая ничего подобнаго, Густавъ не повѣрилъ ни Манштейну, ни собственнымъ ушамъ, рванулся къ окну, хотѣлъ было отворить его и кликнуть къ себѣ своихъ Измайловцевъ. Но, въ

въ 1725 г. и, разобранный въ царствованіе Имп. Елизаветы Петровны, дополнилъ, боковыми пристройками, нынѣшній Екатерингофской дворецъ. Во время пребыванія регента въ «парадной залѣ» Лѣтняго дворца было выставлено тѣло покойной Императрицы, погребеніе котораго состоялось лишь 23 дек. того же 1740 г.—См. Примѣчанія къ Каммеръ-фурьерскому Журналу за 1734 г., и «Описаніе парадной залы» въ Прим. къ С.-Петерб. Вѣдом. 1741 г. ч. 18, кн. 24.

[1]) Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, въ послѣдствіи преміеръ-маіоръ, Слободско-Украинскій губернаторъ и Александровскій кавалеръ, умеръ генералъ-поручикомъ 26 ноября 1784 года. (Дѣдъ поэта Д. В. Давыдова. П. Б.).

эту минуту, вошли въ комнату Преображенцы, позванные Манштейномъ, и, по его знаку, кинулись къ Густаву, который продолжалъ отбиваться и звать къ себѣ на помощь. Тогда Преображенцы связали ему руки ружейнымъ ремнемъ, заткнули ротъ платкомъ, потомъ закутали всю особу полуодѣтаго Густава въ первую попавшуюся шубу, а голову его, за нескорымъ отысканіемъ шапки, обернули солдатскою шинелью и—въ этомъ импровизированномъ костюмѣ — вынесли Измайловскаго подполковника на улицу, впихнули его въ сани, приготовленныя заранѣе, и повезли на гауптвахту Зимняго дворца [1]). Здѣсь Густавъ Биренъ уже нашелъ своего брата, герцога, арестованнымъ со всѣмъ семействомъ, и самъ просидѣлъ подъ стражею до сумерокъ 9 ноября, когда къ дворцовой гауптвахтѣ подъѣхали два шлафвагена, изъ которыхъ въ одномъ умѣстилось все семейство герцога Курляндскаго, отправлявшееся на ночлегъ въ Александро-Невскій монастырь съ тѣмъ, чтобы завтра слѣдовать оттуда въ Шлиссельбургъ). а въ другой посадили Густава Бирена и увезли—въ Ивань-городъ. Но кабинетъ министръ Бестужевъ-Рюминъ, арестованный вмѣстѣ съ Биренами и также препровожденный неизвѣстно куда, отбылъ съ дворцовой гауптвахты не въ шлафвагенѣ, а на дровняхъ [2]).

Дальнѣйшая судьба Густава Бирена была печальна. Раздѣляя паденіе брата, безъ малѣйшаго участія въ его злодѣяніяхъ, Густавъ Биренъ, содержимый и допрашиваемый въ

---

[1]) Mémoires de Manstein, 1771 г. с. 363.—Russische Günstlinge, v, Helbig, Tübingen, 1809, с. 180—181.—Въ сочиненіи «Die Heutige Historie von Russland, etc. Leipzig, 1752 г. перев. съ голландскаго Рейхардомъ, на с. 337 помѣщено баснословіе, будто бы Густавъ Биренъ, въ ночь своего арестованія, съ мечемъ въ одной и пистолѣтомъ въ другой рукѣ, хотѣлъ спастись бѣгствомъ черезъ садъ, но былъ остановленъ штыками гвардейцевъ.

[2]) Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande (im Büschingschen Magazin IX, с. 381—398)—Extraits de dépèches des ambassadeurs anglais et français, Berlin, 1858 г. с. 74.

Иванъ-городѣ, постепенно сходилъ съ пьедестала, на которомъ привыкъ его видѣть Измайловскій полкъ, и каждая изъ такихъ ступеней къ низу—возвѣщалась Измайловскому полку разными распоряженіями разныхъ начальствъ. Такъ 13 ноября 1740 г., къ конфискованному дому Густава былъ наряженъ въ безсмѣнный караулъ Измайловскій поручикъ Павловъ, съ двумя солдатами; 14 ноября, Измалойловскому каптенармусу Шевцову, надзиравшему за нѣжинскимъ имѣніемъ Густава, Быковскою волостью [1]), послано приказаніе „сдавъ все, ѣхать къ полку тотчасъ"; 27 ноября, князь Гессенъ-Гомбургскій, новый подполковникъ и командиръ Измайловскаго полка, препроводилъ къ генералу Ушакову, описывавшему „пожитки" Густава, требованіе о немедленномъ возвратѣ полку 250 рублей, взятыхъ подполковникомъ Биреномъ изъ полковыхъ суммъ, въ счетъ жалованья; 6 декабря возвращены въ полкъ 12 казенныхъ денщиковъ бывшаго подполковника и разсортированы по разнымъ ротамъ и командамъ; 29 декабря, объявлена въ вѣдомостяхъ продажа лошадей Густава Бирена, „для казны излишнихъ, а для завода годныхъ": наконецъ 11 апрѣля 1741 г., велѣно собственный „лѣсъ бывшаго подполковника Бирена употреблять на болваны для гренадерскихъ шапокъ" [2]). Независимо отъ всего этого, предубѣжденіе новыхъ правителей противъ всѣхъ распоряженій низвергнутыхъ Биреновъ выражалось съ особеннымъ азартомъ и доходило до забавнаго: 22 ноября 1740 г., прекращено и вовсе запрещено шитье картузовъ, изобрѣтенныхъ бывшимъ регентомъ и, конечно, никому и ничему не мѣшавшихъ, даже дѣйствительно полезныхъ; а 19 ноября, у Измайловскаго адъютанта

---

[1]) Главнымъ управляющимъ имѣній Густава Бирена былъ, какъ видно изъ подлинныхъ полковыхъ документовъ, служащій арміи поручикъ Гаузенъ.

[2]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книги: Прик. Журн., Исходящія письма. Входящія бумаги 1740 г.—С.-Петерб. Вѣдомости» 1740 г. № 104.

Вельяминова отобранъ его отпускной „паспортъ“, потому только, что онъ былъ подписанъ, 6 ноября, Густавомъ Биреномъ, и Вельяминову велѣно „быть при полку“ [1]): то-есть адъютантъ, ни за что ни про что, лишился права на отпускъ, уже разрѣшенный ему начальствомъ. Это правительственное предубѣжденіе особенно дорого стоило самому Густаву: невѣстѣ его предоставлено было избрать между замужствомъ съ арестантомъ и пребываніемъ при дворѣ, и Якобина Менгденъ, какъ истая фрейлина, предпочла послѣднее [2]).

Между тѣмъ, коммиссія, наряженная надъ бывшимъ регентомъ, судила и братьевъ его, изъ которыхъ Карлъ, взятый подъ стражу съ Московскаго генералъ-губернаторства, содержался, какъ извѣстно, въ Рижской цитадели [3]). Манифестъ „о винахъ“ герцога Курляндскаго, изданный 14 апрѣля 1741 г., и объявлявшій низвергнутаго регента государственнымъ преступникомъ, достойнымъ смерти, но сохраняемымъ, по милосердію Правительницы, единственно для вѣчной ссылки, подвергалъ послѣдней и братьевъ герцога, разумѣется, лишенныхъ всего, кромѣ жизни. Въ этомъ манифестѣ, собственно Густава Бирена касались пункты 9, 10 и 28, изложенные такъ: „Пунктъ 9. Сіе свое богопротивное

---

[1]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книги: Входящія бумаги и Прик. Журн. 1740 г.

[2]) Раздѣливъ впослѣдствіи злосчастную судьбу Правительницы, Якобина Менгденъ, извѣстная болѣе подъ именемъ Бины, сопровождала Брауншвейгское семейство въ Холмогоры, жила тамъ и, по смерти Анны Леопольдовны, часто досаждала принцу Антону-Ульриху, ссорилась съ прислугою и, затѣявъ связь съ докторомъ Кожевщиковымъ, состоявшимъ при Антонѣ-Ульрихѣ, прижила отъ него дѣтей. См. Описи секретнымъ бумагамъ и т. д., въ Чтен. Общества Истор. и Древн. 1861 г., книг. II. смѣсь. — Voyage en Sibérie, par l'abbé Chappe d'Auteroche, Amsterdam, 1769 г. т. I.

[3]) «Описи секретнымъ бумагамъ и т. д.» въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1861 г. кн. II. смѣсь, с. 2.

желаніе (вымогательство отъ чиновъ 1 и 2 класса подписки къ челобитной о регенствѣ онъ, Биронъ (герцогъ), исполня, еще, для совершеннаго своего утвержденія, возжелалъ потомъ и всю націю, неслыханнымъ же въ свѣтѣ образомъ, обманывать съ братомъ своимъ Густавомъ Бирономъ, и другими сообщниками, воровски вымысливъ, что, когда учиненное ими опредѣленіе Ея Императорское Величество, блаженной памяти, апробовать не изволила, чтобъ для прочихъ чиновъ такую жъ челобитную составить, какову предъ тѣмъ временемъ 1 и 2 класса персоны подписать были принуждены. Но какъ разсудилось имъ, что къ подписанію такой челобитной Синодъ, Сенатъ и другихъ чиновъ привесть весьма невозможно, для того, что о томъ дѣлѣ были неизвѣстны, того ради, вмѣсто того выдумалъ (sic) оной лукавой способъ: сочинилъ всей Россійской націи позитивную декларацію въ такомъ воровскомъ умыслѣ, что подписавшіеся подъ первою челобитною первыхъ двухъ классовъ персоны, якобы давъ на себя крѣпость, и оную позитивную декларацію подписать не отрекутся, а на нихъ смотря, и всѣ прочіе чины не подписываться побоятся; а ежели кто хотя мало поупрямится и подписываться не будетъ, съ тѣми, яко съ измѣнниками и бунтовщиками, поступать. И подъ такимъ жестокимъ страхомъ приводя человѣкъ по пяти, по два, и, по три, утаивая вышеупомянутое сочиненное имъ, Бирономъ не апробованное опредѣленіе, всѣхъ къ той подпискѣ принудили, и по подпискѣ подъ жестокимъ истязаніемъ, приказывали, чтобъ содержали оное тайно и никому не разглашали, а особливо чтобъ нашимъ высокимъ родителямъ сообщить никто не дерзнули, въ такомъ зломъ умыслѣ, дабы ему, Бирону,—ежели Ея Императорское Величество, блаженной памяти, упомянутаго опредѣленія не подписавъ, скончается,—по однимъ, часто упомянутымъ, подпискамъ все оное проклятое желаніе исполнить и такую высокую власть получить.—Пунктъ 10. Между упомянутыми всѣми лукавствами, онъ, Биронъ, самъ и чрезъ сво-

ихъ сообщиковъ весьма старался, дабы нашу вселюбезнѣйшую государыню-мать [1]) къ тому склонить, чтобъ Ея Высочество его, Бирона, регентомъ утвердить благоволила, и для того, когда Ея Величество нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ персонъ къ себѣ позвать повелѣла, тогда онъ, Биронъ, своимъ сообщникамъ приказывалъ, дабы Ея Величество къ тому всячески склоняли, а между тѣмъ тотчасъ разгласили, якобы Ея Императорское Величество того ради оныхъ персонъ призывать изволитъ, что желаетъ имъ о его, Бироновѣ, правительствѣ, объявить. Но какъ они, будучи у Ея Императорскаго Величества, не такой, какъ онъ мыслилъ, отвѣтъ получили, но чтобъ они при такихъ обстоятельствахъ такъ поступали, какъ они предъ Богомъ, и предъ всѣмъ свѣтомъ, и предъ нами и предъ государствомъ отвѣтъ дать могутъ, тогда по его, Биронову, такожъ и брата его, Густава, приказу, съ сообщниками ихъ, вмѣсто того, чтобъ имъ малѣйшее какое разсужденіе имѣть и о пользѣ въ началѣ нашей Императорскаго Величества Фамиліи, а потомъ и всей Россійской Имперіи, думать, дабы отъ такихъ его, Бирона, злыхъ замысловъ вся Имперія не погибла, вымышленную отъ себя ложь нѣкоторымъ персонамъ внушать стали, будто они, въ бытность свою у Ея Императорскаго Величества, довольно присмотрѣть и примѣтить могли, что будто Ея Величеству его, Бироново, намѣреніе не противно было, а не объявила для того, что нашъ генералъ-адмиралъ графъ Остерманъ надлежащимъ образомъ ея Величеству о томъ тогда не докладывалъ, въ чемъ оные и вину положили на него одного.... Пунктъ 28. Его (герцога) братья, Карлъ и Густавъ, такожъ и своякъ, Бисмаркъ, про всѣ вышеупомянутыя его противъ насъ самихъ и нашихъ родителей, слѣдственно жъ къ разоренію и крайней погибели всей Россійской Имперіи касающіяся злоумышленныя предначинанія, и потомъ самымъ дѣй-

[1]) Манифестъ писанъ отъ имени младенца-императора.

ствомъ производимыя коварства, вѣдали, а заблаговременно, по должности своихъ данныхъ предъ Богомъ и св. Евангеліемъ присягъ, о томъ въ надлежащихъ мѣстахъ не доносили, но еще во всемъ томъ вспомогателями и сообщниками были [1])".

Хотя весьма сомнительно, да ничѣмъ и не подтверждается, чтобъ Густавъ Биренъ, на самомъ дѣлѣ, могъ пособничествовать своему брату, герцогу, въ какихъ-либо важныхъ замыслахъ, — тотъ же манифестъ 14-го апрѣля опредѣлялъ мѣстомъ вѣчной ссылки Густава Бирена Нижнеколымскій острогъ, лежащій на самой окраинѣ сибирской тундры, въ 70 верстахъ отъ Ледовитаго моря, подъ 69° с. ш. — На пути туда, въ Москвѣ, озлобленная чернь едва не кинулась на закрытыя кареты, въ которыхъ везли, по одиночкѣ, ссыльныхъ братьевъ и свояка ненавистнаго регента. Но счастье, вообще ласкавшее Густава Бирена, не совсѣмъ покинуло его и въ бѣдѣ. Густавъ Биренъ доѣхалъ только до Тобольска, откуда онъ и его спутники, Карлъ Биренъ съ Бисмаркомъ, по именному повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, воцаренной новымъ петербургскимъ переворотомъ, были обращены на жительство въ Ярославль. Прибывъ сюда лѣтомъ 1742 г., Густавъ Биренъ нашелъ здѣсь же и эксъ-регента съ семьею, привезенныхъ въ Ярославль изъ Пелыми. Не смотря однако на такую, по видимому, высочайшую милость къ Биренамъ, первые мѣсяцы ярославской ссылки были тяжелы изгнанникамъ, которые, живя порознь, въ разныхъ концахъ города, содержались каждый подъ крѣпкимъ карауломъ, и почти не видали одинъ другаго. Но послѣ посѣщенія Ярославля лейбъ-медикомъ Лестокомъ, посланнымъ сюда императрицею собственно для осмотра разнемогшагося герцога,

---

[1]) Дѣло о Курляндскомъ герцогѣ Биронѣ. Москва. 1862 г., с. 81, 82, 87. (Оттискъ изъ Чтеній въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. унив.).

положеніе послѣдняго, а также и братьевъ его, значительно улучшилось: потому что Лестокъ, бывъ въ теченіи нѣсколькихъ осеннихъ дней 1742 г. свидѣтелемъ горькой участи Биреновъ, тронулся ею и исходатайствовалъ имъ у Двора не только право сходиться вмѣстѣ, по два раза въ недѣлю, для общаго обѣда, но и выдачу, на карманныя издержки, герцогу по 5 тыс. руб., а каждому изъ братьевъ и зятю его по 1 тыс. руб. въ годъ,—кромѣ прежде опредѣленнаго содержанія [1]). Въ этомъ улучшенномъ положеніи общая ссылка Биреновъ протянулась до 1744 г., когда оба брата герцога, вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, были освобождены и призваны въ Петербургъ. Полагаютъ, что императрица была готова тогда же даровать свободу и герцогу, но этому не сочувствовалъ Бестужевъ-Рюминъ, уже канцлеръ и временщикъ, клеветавшій на бывшаго регента въ слѣдственной коммиссіи 1740 г. и теперь, естественно, не желавшій встрѣчаться съ нимъ при дворѣ [2]).

Какъ бы то ни было, братья Карлъ и Густавъ Бирены явились въ Петербургъ. Императрица немедленно уволила искалеченнаго и звѣронравнаго Карла въ его лифляндскія помѣстья [3]) и удержала въ Петербургѣ Густава, завѣдомо ей и всѣмъ не походившаго нравомъ на своихъ братьевъ. Поэтому-то императрица намѣревалась употребить Густава опять на службу. Но извѣстно, что Густавъ Биренъ, не успѣвъ еще получить никакого назначенія, внезапно занемогъ и, 25 февраля 1746 г., умеръ въ Петербургѣ, — „къ искреннему сожалѣнію Измайловскаго полка“ [4]).

---

[1]) Geschichte des Rus. Staat's, v. Hermann. Hambourg, 1853 г. B. V. S. c. 181—183. Также въ предъидущемъ очеркѣ: «Графъ Лестокъ». с. 178.

[2]) Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, Berlin 1858 г. с. 95.

[3]) Карлъ Биренъ ум. 24 января 1746 г. См. Die Heutige Historie von Russland, Reihard, Leipzig. 1752 г. с. 386.

[4]) Истор. Обозр. Л. Гв. Изм. п., Висковатова, с. 56.

Такъ прожилъ и прослужилъ свой вѣкъ Густавъ Биренъ—и таковъ былъ этотъ братъ регента, судя, по крайней мѣрѣ, по отзывамъ печатныхъ источниковъ, свидѣтельствамъ подлинныхъ, рукописныхъ документовъ, отголоскамъ устныхъ преданій, намъ извѣстныхъ. Личность Густава, какъ видитъ читатель, не ослѣпляетъ, не плѣняетъ и не отталкиваетъ; слѣдовательно, сама по себѣ, принадлежитъ къ разряду дюжинныхъ. Но, съ другой стороны, она можетъ и должна быть отнесена къ весьма ограниченному числу личностей, которыя, вращаясь въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ, являются съ достоинствами, такъ сказать, отвнѣпроисходящими, уважаются, однакоже, современниками и, въ силу приговора послѣднихъ, благовидно поставляются въ глазахъ потомства. Не нося въ своей душѣ тѣхъ злыхъ началъ, какими отличались оба его брата, Густавъ Биренъ уже однимъ этимъ чрезвычайно выигрывалъ въ общемъ мнѣніи; присутствіе же въ его характерѣ одной-двухъ, дѣйствительно, свѣтлыхъ сторонъ, еще болѣе расположило къ Густаву современниковъ, доставило ему ихъ любовь и уваженіе, и, такимъ образомъ, личность регентова брата, сама по себѣ дюжинная, преобразилась въ личность, едва ли не почтенную. А помимо всей этой обстановки, конечно, выгодной для Густава Бирена, но на-половину отъ него не зависѣвшей, младшій братъ регента былъ, прежде всего, безукоризненно честенъ и очень добръ. Въ то жестокое время, когда за бездѣлицу вытягивали изъ людей жилы и ломали имъ кости, Густавъ ограничивался тѣмъ, что приказывалъ, напримѣръ, отсчитать нѣсколько палочныхъ ударовъ слугѣ-малороссу, который дерзнулъ побить Преображенца „галясовавшаго шпагою“ въ домѣ его господина [1]); или, служака съ головы до пятокъ, онъ не задумался оставить безъ всякаго наказанія 10 чел. рядовыхъ своего полка, которые, въ

[1]) Записки Марковича, ч. II, с. 41.

одинъ изъ дней утомительно-расхожаго для гвардіи регентства, были найдены на часахъ, во дворцѣ, 6 гренадеровъ сидящими, а 4 мушкатера спящими [1]); онъ не задумался также взять къ себѣ на ординарцы, въ Малороссіи, бунчуковаго товарища Скоропадскаго, собственно для того, чтобы дать ему возможность уѣхать, по крайней надобности, домой [2]). Что касается умственныхъ способностей Густава, онѣ были весьма ограничены. Это видно, напримѣръ, изъ доклада его, поданнаго 3 апрѣля 1737 г. Миниху, съ вопросомъ: приказано ли будетъ взять въ походъ больныхъ и негодныхъ лошадей или оставить ихъ въ штабѣ? Забавность такого вопроса дѣлается крайнею, если замѣтимъ, что лошади были больны заразою [3]). Случилось также, что, послѣ приказанія: „слѣдовать съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ такому-то числу быть тамъ-то“—Густавъ наивно входилъ съ новымъ докладомъ Миниху: „во сколько именно верстъ повелѣно будетъ дѣлать переходы?“ [4]). Но тотъ же Минихъ писалъ о генералѣ Густавѣ Биренѣ, что онъ „исправенъ по службѣ, храбръ и надеженъ въ дѣлѣ“ [5]). Съ этимъ вмѣстѣ, Густавъ былъ лишенъ всякаго образованія и, объясняясь только на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, до того плохо зналъ даже нѣмецкую грамоту, что подписывался—и подъ русскими докладами—не иначе, какъ „Gustaff von Biron“.

Одною изъ своихъ слабостей Густавъ сходствовалъ съ современнымъ ему Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I и, также какъ его Прусское величество, готовъ былъ отдавать все за великорослыхъ людей. Для пріисканія

---

[1]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Приказн. Жур. 1740 г. прик. 25 окт.

[2]) Записки Марковича, II, с. 86.

[3]) Исторія Л. Гв. Семеновскаго полка, Карцова, ч. II, прилож. 70.

[4]) Тамъ же.

[5]) Записка Миниха о генералахъ, служившихъ подъ его начальствомъ, поданная Императрицѣ 22 января 1737 года.

такихъ людей въ ряды Измайловскаго полка, Густавъ Биренъ, не смотря на свое несочувствіе къ командировкамъ офицеровъ вообще, командировалъ, и нерѣдко на многіе мѣсяцы, въ Казань, Симбирскъ, Саранскъ, Пензу и т. д., всегда одного и того же Измайловскаго поручика Данилова, предписывая ему „высматривать" великановъ и въ полевыхъ полкахъ и въ гарнизонахъ, выбирать и изъ разсыльщиковъ и изъ какихъ-то суконщиковъ, „что больше, то лучше, хотя бы и въ сорокѣ", то есть, сорока лѣтъ [1]).

Имѣлъ Густавъ и другую благородную страсть — къ лошадямъ: держалъ ихъ у себя множество, всякихъ статей и мастей, зналъ въ этомъ толкъ и обыкновенно завѣдывалъ валовою покупкою лошадей для своего брата, герцога, извѣстнаго конелюбителя-знатока. Въ этомъ случаѣ, Густаву усердно содѣйствовалъ тотъ же поручикъ Даниловъ, получавшій Густавовы предписанія доставлять въ полкъ набранныхъ великорослыхъ людей „съ тѣми лошадьми, для которыхъ" вы посланы" [2]), при чемъ офицерамъ, постоянно находившимся „для полковыхъ дѣлъ" въ Москвѣ, обыкновенно предписывалось „дать имъ (людямъ и лошадямъ) недѣли на двѣ времени, чтобъ они отъ путеваго труда нѣсколько могли исправиться" [3]). Какъ полковой командиръ, Густавъ Биренъ былъ строгъ, справедливъ, любимъ подчиненными, не вредилъ никому и стоялъ за всѣхъ горою.

Въ доказательство послѣдняго, приведемъ случай, обрисовывающій въ тоже время и нравы эпохи. 13 февраля 1740 г. вечеромъ, къ Екатерингофскому священнику Іоанну Васильеву явился служитель Измайловскаго подпоручика Перепечина, съ просьбою—отпѣть тѣло младенца его господина; свя-

[1]) Подл. акты арх. Л. Гв. Изм. п., книга: Отставнаго повытья о командировкахъ чиновъ полка за 1740 г.

[2]) Тамъ же, книга: Исходящія Письма 1740 г., предписаніе Данилову, 21 мая.

[3]) Тамъ же, предписаніе поручику Губину, 3 ноября.

щенникъ послалъ къ дьячку за церковнымъ ключемъ. Спустя нѣсколько времени, слышитъ священникъ, что къ нему ломятся въ двери; онъ пошелъ взглянуть, что такое. Но, выйдя въ сѣни, увидѣлъ „многолюдство" холопей Перепечина, былъ схваченъ ими за волосы и вытащенъ на крыльцо, откуда его поволокли на улицу „ругательнѣ, не яко іерea, но яко злодѣя". На улицѣ сидѣлъ въ саняхъ самъ Перепечинъ, передъ которымъ и поставили попа „яко осужденника". Подпоручикъ не только „не умилился" подобнымъ зрѣлищемъ, но и самъ всячески ругалъ попа „за неоткрытіе церкви". Тутъ же досталось и дьячку, котораго „били топунками, волоча по землѣ за волосы смертно и потащили, за волосы же, въ церковь, грозя до смерти убить и батожьями засѣчь". Въ церкви, отпертой самовластно людьми Перепечина, они своимъ священникомъ отпѣли тѣло младенца, похоронили его въ могилкѣ, вырытой тутъ же, и уѣхали. Дѣло было, разумѣется, уголовное, и попъ, 28 февраля, жаловался Сѵноду. Святѣйшій Сѵнодъ изготовилъ запросъ въ полкъ къ 27 марту, отправилъ же его не ранѣе половины мая. Когда запросъ получился въ полковую канцелярію, Перепечина въ Петербургѣ уже не было: онъ, по всемилостивѣйшему указу, пользовался гдѣ-то отпускомъ „безсрочно". Понятно, что Перепечина могли достать со дна морскаго,—особенно въ тѣ времена, когда отъ разсыльщиковъ герцога не уходилъ никто. Но командиромъ полка, гдѣ возникало дѣло, былъ братъ этого герцога, а самое дѣло касалось офицера весьма строеваго, всегда хаживавшаго на караулы въ особо-торжественныхъ случаяхъ, когда требовался офицеръ „въ гренадерскомъ уборѣ". Густавъ очень жаловалъ такихъ представительныхъ подпоручиковъ, какъ Перепечинъ, и заключилъ отвѣтную промеморію свою въ Сѵнодъ тѣмъ, что „еслибъ подлинно потребна была на вышеозначеннаго офицера сатисфакція, тобъ меньше времени пропущено было и въ полкъ предложено; а въ полку съ виновными непремѣн-

но-бъ поступлено было по Ея Императорскаго Величества указамъ и военнымъ правамъ. Когдажъ тако много времени минуло, а оный обидчикъ отъ полку отлучился, и взыскать дѣла его не на комъ" [1]).

Образчикомъ же того, какъ, съ первыхъ лѣтъ службы Густава Бирена въ Л. Гв. Измайловскомъ полку, относились къ нему, съ своими нуждами сами его подчиненные, можетъ служить слѣдующее письмо Измайловскаго капитана Толстаго, отъ 14 января 1732 г., изъ Москвы, адресованное къ Густаву Бирену:

„Высокородный баронъ, высокопочтенный господинъ маіоръ, милостивый мой государь.

„Природная вашего высокородія великодушія (sic) съ милостію, которую я на себѣ ощущаю, принуждаетъ меня съ симъ явиться предъ вами прошеніемъ, и надежно уповаю на вашу высокосклонную къ себѣ милость быть услышену. Я уповаю, милостивый государь, вамъ обо всемъ извѣстно довольно, какъ мы купно съ княземъ Репнинымъ посланы были на Украйну и во всѣмъ имѣли „общей" трудъ, за что товарищъ мой, князь Репнинъ, Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, высокою милостію и награжденъ чиномъ. Я же, не имѣя никого о себѣ предстателя, до вашего высокородія едино себѣ прибѣжище имѣю, и прошу обо мнѣ приложить ваше милостивое въ надлежащихъ мѣстахъ стараніе, чтобъ въ томъ же полку Измайловскомъ былъ (я) пожалованъ секондъ-маіоромъ. За что хотя себя и не въ состояніи нахожу какими мѣры отслуживать, токмо сіе мнѣ останется свободно: по благодареніи къ Богу, всегда предъ людьми вашего высокородія всюду прославлять имя. И хотя, милостивый государь, симъ и рангу инаго, кромѣ нынѣшняго, не получу, только себѣ за великое пріобрѣтеніе почитать буду, что никогда отлученъ буду вашего вы-

[1]) Тамъ же, книга: Судное повытье 1740 г.

сокородія всегдашней милости, которую я между первыми благополучіями моими почитаю. И на сіе мое покорное прошеніе прошу удостоить меня милостивымъ отвѣтствіемъ, чего ожидаючи, всегда пребываю вашего высокородія, моего милостиваго государя, покорный слуга Іванъ Толстой" [1]).

Повторимъ еще разъ сказанное нами въ началѣ, что Густавъ Биренъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ, и заключимъ нашу статью не нашими словами, что этотъ братъ регента „уважался всѣми за правду" и „память о немъ долго жила въ Измайловскомъ полку" [2]).

Статья эта появилась первоначально въ повременномъ изданіи 1862 года: «Русскій Міръ» (№ 2 и 3); но здѣсь вновь пересмотрена и значительно добавлена авторомъ. П. Б.

---

[1]) Дѣла Государственнаго Архива, Картонъ XI, № 53.

[2]) Истор. Обозр. Л. Гв. Изм. п., с. 6 и 56.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

ПРИГОТОВИВШІЯ ОПАЛУ ЭРНСТА-ІОАННА БИРЕНА

ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКАГО.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Слѣдующая статья принадлежитъ перу самого герцога Бирена. Бывшій регентъ писалъ ее понѣмецки, въ Ярославлѣ, для свѣдѣнія императрицы Елизаветы Петровны. Но когда именно писалъ онъ, въ точности неизвѣстно. Мнѣніе же, почему-то до сихъ поръ принятое, будто бы герцогъ началъ и кончилъ свой трудъ въ начальные годы царствованія Елизаветы Петровны (1741—1761, и вѣрнѣе въ 1743 г.), отнюдь невѣрно: приводя въ одномъ мѣстѣ имя Елизаветы-Христины, жены римскаго императора Карла VI, Биренъ пишетъ „покойная“: а Елизавета-Христина умерла 1750 года. Твореніе герцога Бирена, переведенное на французскій языкъ, впервые явилось печатно неранѣе 1757 года. Тогда нѣкто M. L. P. D. S., „officier de considération, qui par dégoût s'est exilé du grand monde“ (значительный чиновникъ, оставившій большой свѣтъ по чувству отвращенія), издалъ въ Monct (?) книгу: „Reflexions critiques sur divers sujets, entre-

mêlées de contes, apprográes aux moeurs du siècle prèsent“ (критическія размышленія о различныхъ предметахъ, въ смѣси съ повѣстями, принаровленными къ нравамъ настоящаго вѣка), и тутъ между прочимъ включилъ сочиненіе Бирена, переведенное съ нѣмецкаго подъ названіемъ „Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean Biron, duc de Courlande“ (обстоятельства, приготовившія опалу Эрнста-Іоанна Бирена, герцога курляндскаго), давно знакомое всѣмъ любителямъ исторіи. Перелистывая это изданіе, Антонъ - Фридрихъ Бюшингъ (1724—1793), извѣстный и трудолюбивый собиратель всѣхъ вообще историко-географическихъ матерьяловъ, нашелъ статью „Motifs etc.“ настолько интересною, что не оставилъ перепечатать ее, съ нѣкоторыми впрочемъ опущеніями, въ свой драгоцѣнный „magazin für die neue Historie und Geographie“ (магазинъ новой исторіи и географіи), гдѣ далъ ей мѣсто на стр. 381—398 тома IX, приложивъ рядомъ же и Antwort auf diese „Motifs etc.“ (отвѣтъ на статью “Motifs“ и т. д.), стр. 399—414,—сочиненіе, приписываемое одними—родственнику, другими—сыну фельдмаршала Миниха. Въ этомъ-то видѣ, сообщенномъ ему Бюшингомъ, твореніе бывшаго регента сохранилось до сихъ поръ. Но „Магазинъ“ Бюшинга, заключающій въ себѣ между прочимъ немало замѣчательныхъ статей о Россіи, давно уже исчезъ изъ нашей книжной торговли, составляетъ почти библіографическую рѣдкость; наконецъ во всѣхъ двадцати-двухъ томахъ своихъ, наполненныхъ разноязычными статьями, не содержитъ ни одной русской строки. Послѣднее обстоятельство уже само по себѣ для многихъ служитъ у насъ препятствіемъ къ знакомству по крайней мѣрѣ съ тѣми статьями „Магазина“, которыя, трактуя исключительно о Россіи, могли бы, въ переводѣ на русскую рѣчь, пріобрѣсти себѣ въ Россіи кругъ читателей несравненно обширнѣйшій того, какой имѣютъ онѣ теперь, оставаясь въ своей чужеязычной формѣ. Это какъ нельзя лучше доказывается вниманіемъ, дѣйствительно заслужен-

нымъ, съ которымъ русская публика приняла „Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца“, прекрасно переведенный г. Аммономъ съ нѣмецкаго, изъ того же бюшингова „Магазина“. Можно думать, что и другія статьи „Магазина“, касающіяся русской исторіи, не будутъ излишни въ русскомъ переводѣ. Вотъ почему мы попробовали извлечь изъ сокровищницы Бюшинга статью „Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron duc de Courlande“ и представляемъ ее русскимъ читателямъ на ихъ родномъ языкѣ. Легко можетъ случиться, что это единственное твореніе страшнаго нѣкогда регента будутъ новостью для многихъ, кому давно уже знакомы имя и дѣятельность герцога Бирена, до сихъ поръ живущія въ народной памяти. Само собою разумѣется, что сочиненіе Бирена, автора пристрастнаго и даже нерѣдко искажающаго факты, не имѣетъ значенія историческаго матерьяла въ строгомъ смыслѣ; но оно интересно по самому своему содержанію, относящемуся къ одной изъ драматичнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

Мы не сочли излишнимъ приложить къ сочиненію герцога Бирена наши собственныя „Примѣчанія“. Въ нихъ читатель найдетъ важнѣйшія разнорѣчія свидѣтельствъ Бирена съ свидѣтельствами о томъ же другихъ источниковъ; указаніе фактовъ, искажаемыхъ Бирѳномъ; наконецъ — краткія извѣстія о событіяхъ, лицахъ, мѣстахъ и нѣкоторыхъ предметахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи бывшаго регента.

Переводчикъ.

ЗАПИСКА БИРЕНА.

Въ 1730 г. пріѣзжалъ въ Москву Эммануилъ, инфантъ португальскій, предпринимавшій это путешествіе съ цѣлью расположить къ себѣ сердце императрицы Анны Іоанновны и сочетаться съ нею бракомъ. Однако-же, прежде какихъ

бы то нибыло объясненій, первоначальное намѣреніе Эммануила исчезло внезапно и вниманіе гостя обратилось на принцессу Анну, дочь герцогини мекленбургской, Екатерины Іоанновны. Но инфанту посовѣтовали — не думать о принцессѣ [1]).

Съ этого времени вице-канцлеръ графъ Остерманъ [2]) и оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ [3]) часто начали заговаривать съ императрицею о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащія къ тому мѣры. Императрица, настроенная подобными внушеніями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этотъ вопросъ вдвоемъ и доложить ей о результатахъ своихъ совѣщаній.

Нѣсколько дней спустя, Остерманъ и Левенвольдъ представили государынѣ слѣдующій планъ:

1) Такъ какъ ея величеству не угодно избрать себѣ супруга [4]), то надлежитъ принцесу Анну Леопольдовну [5]) выдать за одного изъ иностранныхъ принцевъ.

2) Ея величество изберетъ своимъ наслѣдникомъ одного изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака, нестѣсняясь правомъ первородства [6]).

3) Имперія должна присягнуть въ признаніи наслѣдникомъ престола того лица, которое изберетъ ея величество.

4) Чрезъ это заблаговременно устранятся всѣ недоразумѣнія и разрушатся интриги, которыя могли бы возникнуть и затѣяться въ Россіи или заграницею.

5) Предпочтеніе дѣтей матери легко оправдывается: а) надеждою видѣть на тронѣ потомство мужской линіи; б) какъ средство удалить принцессу Анну отъ мысли, что она, какъ старшая племянница императрицы, имѣетъ личныя права на престолъ; в) избѣжаніемъ неудобства видѣть большее почтеніе къ принцессѣ, нежели къ императрицѣ; наконецъ г) безопасностью отъ предпріятій отца принцессы, человѣка завѣдомо безпокойнаго, который не упустилъ бы случая вну-

шать дочери гибельныя покушенія на спокойствіе императрицы [7]).

6) Подобное учрежденіе престолонаслѣдія не можетъ никому казаться страннымъ, потому что въ австрійской имперіи уже утверждено точно такое же [8]).

7) Если ея величество соизволитъ принять предлагаемый планъ, то нужно будетъ отправить къ нѣкоторымъ европейскимъ дворамъ довѣренную особу, съ порученіемъ—высмотрѣть и избрать супруга, достойнаго руки принцессы Анны.

Таковы были мнѣнія, представленныя въ 1730 г. императрицѣ. Она приняла ихъ однакоже довольно равнодушно. И каждый разъ, когда Остерманъ и Левенвольдъ заводили рѣчь о своемъ планѣ, государыня отзывалась, что еще много времени впереди и принцесса слишкомъ молода для замужества.

Что касается герцогини мекленбургской [9]), то хотя и ничего не сообщали ей о существованіи плана, но она вѣроятно уже кое-что знала. По крайней мѣрѣ часто видѣли, какъ со слезами умоляла она императрицу принять ко двору ея дочь, позаботиться о ея образованіи, воспитать ее въ православной вѣрѣ. Герцогиня въ этомъ случаѣ не была безъ опоры: ее поддерживалъ троицкій архимандритъ, духовникъ императрицы [10]). Пользуясь собственнымъ кредитомъ у государыни, герцогиня старалась извлечь всю пользу и изъ вліянія духовника. Соединенныя усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ, но главная цѣль не была еще достигнута.

Съ другой стороны Остерманъ и Левенвольдъ сильно содѣйствовали учрежденію кабинета [11]), членами котораго императрица назначила: канцлера графа Головкина [12]), Остермана и кн. Черкасскаго [13]). Тутъ Остерманъ достигъ цѣли; но вопросъ о престолонаслѣдіи все еще не разрѣшался. Тогда Остерманъ склонилъ на свою сторону архіепископа новгородскаго, человѣка весьма уважаемаго императрицею, и Ѳеофанъ, представивъ всю необходимость мѣры, задуманной Остерманомъ, подѣйствовалъ на государыню [14]).

Чрезъ два или три дня по учрежденіи кабинета, Остерманъ втайнѣ составилъ манифестъ о присягѣ будущему наслѣднику. Трудъ Остермана удостоился высочайшаго утвержденія [15]). Придворная типографія перемѣщена въ домъ Ѳеофана [16]), туда же заперты наборщики и форму присяги велѣно печатать во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Затѣмъ назначенъ день и часъ, когда высшіе сановники, духовные и свѣтскіе, должны были собраться во дворецъ. Во время выхода императрица объявила присутствующимъ, что она признала за благо потребовать отъ нихъ и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ присягу, которую они должны принести въ соборѣ. Сановники повиновались [17]). Въ этотъ и слѣдующіе дни происходило рукоприкладство къ печатнымъ присяжнымъ листамъ.

Успокоенный насчетъ престолонаслѣдія, Остерманъ не переставалъ изливаться въ похвалахъ благоразумію императрицы, поступившей по его совѣту, а Левенвольдъ весь погрузился въ мысль объ отправленіи въ Германію посла, для скорѣйшаго выбора жениха Аннѣ Леопольдовнѣ. Архіепископъ новгородскій, такъ хорошо успѣвшій въ одной половинѣ дѣла, былъ приглашенъ Остерманомъ и Левенвольдомъ къ содѣйствію въ другой. Ѳеофанъ не только склонилъ императрицу къ исполненію желанія Остермана и Левенвольда, но даже умѣлъ ее убѣдить, что такъ какъ присяга уже совершена, то весь успѣхъ благихъ ея послѣдствій зависитъ единственно отъ двухъ вышеозначенныхъ графовъ. И Левенвольду было приказано совѣщаться съ Остерманомъ о томъ, кого именно отправить въ Германію. Остерманъ предложилъ генералъ-адъютанта графа Левенвольда, впослѣдствіи оберъ-шталмейстера [18]), а еслибы Левенвольдъ негодился, то брата своего, Остермана мекленбургскаго [19]).

Но какъ ни была убѣждена императрица, что затѣявшееся дѣла находится въ добрыхъ рукахъ, она не могла вполнѣ полагаться на скромность посла, не могла рѣшиться оставить

его безъ своего собственнаго, ближайшаго надзора. Генералъ-адъютанту Левенвольду велѣно приготовиться къ отъѣзду „нарочнымъ“, посѣтить германскіе дворы, не дѣлать нигдѣ ни малѣйшихъ предложеній и возвратиться возможно скорѣе съ донесеніемъ о томъ, какихъ и гдѣ принцевъ онъ видѣлъ и каковъ каждый изъ нихъ ему показался.

Едва успѣлъ Левенвольдъ выѣхать изъ Москвы, открылось, что иностранные министры вовсе не чужды предполагаемой тайнѣ.

Побывавъ, неизвѣстно для чего, и въ Вѣнѣ, Левенвольдъ возвратился съ подробнымъ донесеніемъ о принцахъ, которыхъ ему случилось видѣть. Отзывы его о маркграфѣ Карлѣ [20]) и принцѣ Бевернскомъ [21]) были особенно лестны: Левенвольдъ очень хвалилъ характеры и достоинства обоихъ. Оставалось сдѣлать выборъ. Императрица склонилась въ пользу принца Антона Бевернскаго [22]). Рѣшено было пригласить принца въ Россію, дать ему чинъ кирасирскаго полковника и назначить приличное содержаніе. Левенвольдъ, по высочайшему повелѣнію, сообщилъ объ этомъ роднымъ принца. Родные незамедлили прислать избранника въ Россію. Явившись при дворѣ, принцъ Антонъ имѣлъ несчастіе не понравиться императрицѣ, очень недовольной выборомъ Левенвольда. Но промахъ былъ уже сдѣланъ; исправить его, безъ огорченія себя или другихъ, не оказывалось возможности. Принцу дали полкъ [23]), обезпечили все его содержаніе и кромѣ того назначили ему по нѣскольку тысячъ рублей въ годъ жалованья.

Принцъ безпрестанно бывалъ при дворѣ, гдѣ усердіе его вознаграждалось такою холодностью, что втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ не могъ льстить себя ни надеждою любви, ни возможностью брака. Тому и другому одинаково препятствовали нерѣшительность императрицы и отвращеніе къ принцу ея племянницы. Смерть Левенвольда, случившаяся

въ этотъ промежутокъ времени, и болѣзнь Остермана, мѣшавшая ему энергически поддерживать начатое предпріятіе, повергли все дѣло принца какъ бы въ забвеніе. Императрица или не оказывала этому дѣлу никакого вниманія, или весьма малое, не любила даже говорить о немъ. Напротивъ, вѣнскій дворъ держался за начатое дѣло серьозно и не упускалъ ничего, что могло клониться къ осуществленію его видовъ. Въ это-то самое время покойная императрица австрійская [24]), чрезъ министровъ своихъ графа Остейна и резидента Гогенгольцера, просила меня похлопотать о бракосочетаніи принца, предлагая, въ знакъ высокаго своего ко мнѣ уваженія, выдать за сына моего, наслѣднаго принца курляндскаго [25]), одну изъ принцессъ вольфенбюттельскихъ, съ ежегоднымъ доходомъ по 100,000 червонцевъ изъ собственной кассы ея величества. Хотя я и благодарилъ императрицу, отклонняясь молодостью моего сына, но все-таки успѣлъ въ подозрѣніе, что ищу женить его на принцессѣ Аннѣ, чего никогда не приходило мнѣ въ голову [26]).

Императрица Анна была уже нездорова. Однажды, и можетъ-быть подъ вліяніемъ усилившагося недуга, ея величество говорила мнѣ: „никто не хочетъ подумать о томъ, что у меня на рукахъ принцесса, которую надо выдать замужъ. Время идетъ; она уже въ порѣ [27]). Конечно принцъ ненравится ни мнѣ, ни принцессѣ; но особы нашего состоянія не всегда вступаютъ въ бракъ по склонности. Ктому же принцъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ правленіи, и принцессѣ все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мнѣ имѣть отъ нея наслѣдниковъ и не огорчать императора отсылкою къ нему принца. Да и самъ принцъ кажется мнѣ человѣкъ скромный и сговорчивый. Посмотримъ, что скажетъ Остерманъ [28])“. Послали не помню кого къ Остерману. Онъ объявилъ, что партія принцессы съ принцемъ тѣмъ благоразумнѣе и выгоднѣе, что она утѣшитъ императора, огорченнаго своими собственными обстоятельствами [29]).

Отданы повелѣнія о приготовленіяхъ къ свадьбѣ—и бракосочетаніе совершилось [30]).

Принцесса родила сына. Возникъ вопросъ о томъ, какое званіе принадлежитъ новорожденному и слѣдуетъ ли на эктеніяхъ, за именемъ императрицы, произносить его имя, съ титуломъ великаго князя? Потребовали мнѣнія Остермана. Согласясь на первое, Остерманъ отвергъ послѣднее. Принца крестили, и по совершеніи таинства императрица взяла новорожденнаго къ себѣ [31]).

Во все время пребыванія своего въ Петергофѣ, императрица принимала лекарство и чувствовала себя гораздо лучше; но по возвращеніи въ Петербургъ не переставала жаловаться на безсонницу. Врачи, очевидцы постоянной испарины ея величества, не предрекали ничего хорошаго [32]).

Наконецъ въ одно изъ воскресеній государыня почувствовала слабость, сопровождавшуюся тошнотою и рвотою, и была принуждена лечь въ постель [33]). Первый медикъ, Фишеръ [34]), сказалъ мнѣ, что припадокъ императрицы—дурной знакъ, и если болѣзнь разовьется быстро, Европѣ скоро предстоитъ трауръ. Санхецъ [35]), придворный медикъ, былъ совсѣмъ другого мнѣнія, полагалъ случившееся бездѣлицей, но говорилъ, что послѣ такихъ усилій натуры, государыня должна остаться на нѣсколько часовъ въ совершенномъ покоѣ.

Всѣ вышли. Я удалился изъ первыхъ, чтобы сообщить о происшедшемъ прицессѣ Аннѣ, тогда тоже нездоровой. Но она не приняла старшаго изъ сыновей моихъ и велѣла ему идти къ фрейлинѣ Менгденъ, которой онъ и передалъ событіе съ императрицею [36]).

Неудовольствовавшись этимъ, я послалъ за княземъ Черкасскимъ, Бестужевымъ-Рюминымъ [37]) и фельдмаршаломъ Миникомъ [38]). Когда они явились на мой зовъ, я представилъ имъ обоихъ врачей, которые и объяснили гг. министрамъ положеніе государыни. Мнѣ оставалось увѣдомить о

томъ же графа Остермана. Я поручилъ это оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду, а самъ тотчасъ же поспѣшилъ къ императрицѣ. „Я чувствую себя очень дурно, сказала мнѣ государыня, и боюсь, не близокъ ли мой конецъ. Однако же покоряюсь волѣ божіей. Но что будетъ съ имперіей! Страшно подумать, какимъ безпорядкамъ подвергнется она безъ меня. Знаю, какъ будутъ упрекать меня за то странное стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ оставлю Россію!“ Я отвѣчалъ, что Богъ умилосердится къ ея величеству; что государыня не должна такъ тревожиться судьбою Россіи; что безпокойство только увеличиваетъ ея страданіе и что все земное ведется рукою провидѣнія. Минуту спустя, императрица приказывала мнѣ увѣдомить принцессу, но отъ самаго себя, о крайнемъ положеніи ея величества; спрашивала, съѣхались ли министры и что они дѣлаютъ; просила послушать что они говорятъ. Спрошенный вскорѣ же объ исполненіи всѣхъ этихъ повелѣній, я доложилъ императрицѣ, что министры, по случаю куртага [39]), уже собрались и готовы приступить къ совѣщанію, что они очень опечалены извѣстіемъ о болѣзни ея величества и что тоже самое чувство, какъ мнѣ извѣстно отъ фрейлины Менгденъ, испытываетъ ея высочество принцесса Анна.

Пока всѣ находились въ такомъ смущеніи, возвратился отъ Остермана Левенвольдъ, посланный къ вице-канцлеру съ запросомъ: что слѣдуетъ дѣлать? Остерманъ чрезъ Левенвольда отвѣчалъ, что прежде всего слѣдуетъ подумать о престолонаслѣдіи, то есть учредить и утвердить порядокъ его возможно скорѣе и на прочныхъ основаніяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Остерманъ передавалъ, что онъ не сомнѣвается въ постоянствѣ образа мыслей императрицы насчетъ новорожденнаго принца, а потому совѣтуетъ повторить примѣръ Петра I, провозгласившаго младенца, сына своего, наслѣдникомъ престола [40]).

Одобреніе императрицею мысли Остермана послѣдовало

тотчасъ же и было самое полное. Два кабинетъ-министра немедленно отправились къ Остерману. „Я хочу, говорила мнѣ императрица, сдѣлать все что зависитъ отъ меня. Остальное—во власти Божіей. Знаю напередъ, что оставляю ребенка въ грустныхъ обстоятельствахъ: онъ не въ состояніи, а родители его не въ правѣ дѣлать что-нибудь. Отецъ въ особенности не имѣетъ никакихъ дарованій, чтобъ быть поддержкою сына. Принцесса правда неглупа, но у нея живъ отецъ, тиранъ своихъ подданныхъ; онъ тотчасъ же явится сюда, начнетъ поступать въ Россіи какъ въ своемъ Мекленбургѣ, вовлечетъ наше государство въ пагубныя войны и приведетъ его къ крайнимъ бѣдствіямъ. Да, я вполнѣ увѣрена, что, когда умру,—память моя постраждетъ“. Я умолялъ ея величество быть мужественнѣе, надѣяться, съ Божіею помощью, на выздоровленіе—и вышелъ на нѣсколько минутъ, чтобы сообщить министрамъ все слышанное мною отъ императрицы.

Фельдмаршалъ Минихъ заговорилъ первый. Онъ изъявлялъ опасеніе, что первымъ дѣломъ герцога мекленбургскаго будетъ овладѣть военачальствомъ, произвести чрезъ то множество смутъ и потомъ, навѣрное, отмщать Россіею Австріи и Ганноверу. Эти опасенія Миниха долгое время обсуждались всѣми министрами [41]).

Снова позванный къ императрицѣ, я оставался у ея величества нѣсколько часовъ; но возвратившись вечеромъ домой [42]), нашелъ у себя множество особъ, въ томъ числѣ и фельдмаршала Миниха [43]). Отъ него я узналъ, что присутствующее у меня собраніе—ревностные патріоты, которые, разсуждая по совѣсти, кому бы приличнѣе было вручить правленіе на время малолѣтства императора, въ случаѣ если Господь воззоветъ къ себѣ государыню,—послѣ многихъ размышленій и единственно въ видахъ государственной пользы, нашли способнѣйшимъ къ управленію Россіею меня. Въ дѣлѣ этого избранія, объяснялъ Минихъ, патріоты, кромѣ лич-

ныхъ качествъ моихъ, извѣстныхъ всѣмъ съ самой выгодной стороны, руководились убѣжденіемъ, что никто точнѣе меня не знаетъ положенія имперіи, никто ближе моего не знакомъ съ дѣлами внутренними и внѣшними, никто не можетъ быть такъ пріятенъ народу какъ я.—Министры же—заключилъ фельдмаршалъ—уже привыкшіе къ моему образу дѣйствій, никому кромѣ меня подчиняться не желаютъ.

Взволнованный такимъ объясненіемъ, я отвѣчалъ собранію: „Еслибы я не былъ уже твердо убѣжденъ, что имѣю въ васъ друзей, то долженъ бы былъ получить такое убѣжденіе съ этой самой минуты. Но я боюсь думать, что ваша дружба потребуетъ отъ меня обязанностей, исполненіе которыхъ мнѣ не по плечу. Плохое состояніе моего здоровья, истощеніе силъ, наконецъ домашнія заботы—все это въ настоящее время вынуждаетъ меня думать только объ одномъ: какъ бы мнѣ устраниться отъ государственныхъ дѣлъ и провести спокойно остатокъ жизни. И если будетъ угодно промыслу пресѣчь дни императрицы,—я сочту себя свободнымъ отъ всего, и надѣюсь, вы дозволите мнѣ остаться среди васъ, пользоваться моимъ положеніемъ, ни во что невмѣшиваясь, и—быть вашимъ другомъ. Благодарю васъ, господа, за довѣренность ко мнѣ, но не рѣшаюсь ею воспользоваться“. Фельдмаршалъ, возразивъ въ присутствіи всѣхъ, что предложенія его не ограничиваются однимъ простымъ желаніемъ собравшихся ко мнѣ вельможъ, но составляютъ волю великаго и могущественнаго государства, пригласилъ меня обратить на это вниманіе и сообразить, что упорствуя въ своемъ отказѣ, я очень дурно заплачу за всѣ милости государыни, до сихъ поръ на меня излившіяся. Я отвѣчалъ, что моя признательность окончится съ моею жизнью, но что собственную неспособность я понимаю лучше нежели кто-нибудь. Въ эту минуту меня потребовали къ государынѣ—и тѣмъ прервалось совѣщаніе, происходившее въ тоже самое воскресеньe, когда ея величество слегла въ постель [44]).

Государыня спросила меня, съ кѣмъ я говорилъ. Я назвалъ Миниха, Черкасскаго, Бестужева-Рюмина, Ушакова [45]), оберъ-шталмейстера кн. Куракина [46]), кн. Трубецкого [47]), адмирала гр. Головина [48]), оберъ-гофмаршала гр. Левенвольда, Бреверна [49]) и многихъ другихъ.

Весь этотъ день я не выходилъ изъ моихъ переднихъ покоевъ иначе какъ по приказанію государыни, посылавшей меня къ министрамъ, съ которыми я оставался недолго и возвращался опять къ ея величеству. При ней я пробылъ до полуночи.

Въ понедѣльникъ утромъ я доложилъ государынѣ о Минихѣ, двухъ кабинетъ-министрахъ [50]) и другихъ сановникахъ, собравшихся у меня и испрашивавшихъ высочайшей аудіенціи. Ночью у Остермана они составили присягу великому князю.

Изъявивъ императрицѣ свое соболѣзнованіе, министры прочли присягу и предложили ее къ высочайшему утвержденію. Минихъ, удалившійся послѣднимъ, отъ имени всѣхъ благодарилъ императрицу, а всѣ вмѣстѣ они умоляли ея величество объявить меня регентомъ имперіи. Императрица не разсудила за благо отвѣтствовать. Но возвратясь къ ней, я нашелъ ее сильно опечаленною и грустною. „Присягу, говорила она мнѣ, я подписала дрожащею рукою, чего не было со мною, когда я подписывала объявленіе войны Портѣ оттоманской“. Минуту спустя, государыня меня спросила: давно ли служу ей? и на мой отвѣтъ, что уже двадцать два года имѣю счастіе находиться въ службѣ ея величества, сказала: „намѣреніе мое не исполнилось: я не успѣла наградить васъ по заслугамъ. Но не сомнѣвайтесь, что вамъ воздастъ Господь. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ такую вещь, что я продумала всю ночь“ [51]). Я понималъ въ чемъ дѣло—и не нуждался въ объясненіи.

День или два спустя, въ опочивальню государыни вошло множество сановниковъ. Остерманъ, бывшій съ ними, отвелъ

меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что они цѣлымъ обществомъ пришли просить меня, именемъ государства, согласиться на ихъ предложеніе. Остерманъ добавлялъ, что согласіемъ съ моей стороны я заслужу себѣ тысячи благословеній и пожеланій всякаго благополучія. Дѣло шло о регентствѣ. Я всячески тому противился [52]). Но сановники настаивали на своемъ, давали честное слово раздѣлить со мною тягость предстоявшаго мнѣ бремени, и такъ какъ я рѣшительно не склонялся на ихъ представленіе,—требовали отъ меня отвѣта, съ которымъ могли бы пойти къ императрицѣ. Между тѣмъ они прочитали мнѣ письменный актъ, ими же заготовленный [53]). Невидя ни вѣроятности, ни возможности увернуться отъ возлагаемыхъ на меня обязанностей, я потребовалъ прибавленія къ акту по крайней мѣрѣ того заключительнаго пункта, что въ случаѣ если нездоровье или другія побудительныя причины воспрепятствуютъ мнѣ править государствомъ, за мною остается право—сложить съ себя достоинство регента. Это заключеніе, какъ извѣстно, было присоединено къ акту. Наконецъ графъ Остерманъ, нѣсколько лѣтъ невидавшійся съ императрицею, отправился къ ея величеству, говорилъ съ нею безъ свидѣтелей и передалъ ей актъ. Въ минуту входа моего къ государынѣ, она держала актъ въ рукахъ и готовилась подписать его. Я умолялъ императрицу не дѣлать этого, представляя, что отказъ ея величества утвердить актъ—почту полнымъ вознагражденіемъ за всѣ мои службы и услуги. Государыня взяла бумагу и положила ее къ себѣ подъ изголовье [54]).

Всѣ нетерпѣливо желали знать-подписанъ ли актъ, но узнали, что нѣтъ. И хотя втеченіи слѣдующихъ дней императрица нѣсколько разъ была готова исполнить желаніе министровъ, но я, несмотря на продолжительныя настоянія ея величества, отклонялъ ее отъ такого исполненія [55]).

Убѣдясь наконецъ, что втеченіи нѣсколькихъ дней все еще не произошло никакого рѣшенія, государственные са-

новники согласились сдѣлать меня регентомъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы государыня скончалась неуспѣвъ утвердить акта о регенствѣ и слѣдовательно несдѣлавъ никакихъ распоряженій о государственномъ правленіи. Для того же, чтобы лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, сановники пригласили въ собраніе всѣ чиновныя лица, до капитанъ-поручиковъ гвардіи. Такимъ образомъ около 190 лицъ, собравшихся въ кабинетѣ, добровольно обязались дѣйствовать въ пользу назначенія моего къ регентству.

Я узналъ объ этомъ неранѣе сутокъ спустя, отъ нѣкоторыхъ сановниковъ—и изъявилъ имъ мое удивленіе, что дѣло, зашедшее такъ далеко, совершено безъ моего вѣдома. Но члены собранія твердо стояли въ своемъ рѣшеніи, и даже болѣе: они сговорились подать ея величеству прошеніе, которымъ, въ выраженіяхъ самыхъ патетическихъ, хотѣли умолять государыню о дарованіи государству милости—назначеніемъ меня къ регентству до совершеннолѣтія императора [56]). Прошеніе подписали: фельдмаршалъ Трубецкой [57]), фельдмаршалъ Минихъ, графъ Остерманъ, князь Черкасскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій [58]), генералъ-аншефъ Чернышовъ [59]), генералъ-аншефъ Ушаковъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ, адмиралъ графъ Головинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Головкинъ [60]), кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой,—всего тринадцать человѣкъ.

Императрица, прочитавъ наединѣ представленное ей прошеніе, рано утромъ послала Остерману повелѣніе явиться во дворецъ. Всѣ собрались и ожидали Остермана; но въ девять часовъ его еще не было. Явившись по вторичному приглашенію, Остерманъ сидѣлъ у государыни въ то самое время, когда я, входя въ опочивальню, засталъ ея величество вынимающею актъ изъ подъ изголовья. „Я утверждаю актъ, говорила императрица,—а вы, Остерманъ, объявите госпо-

дамъ, чтобъ они успокоились: прошеніе их исполнено". Съ этими словами императрица взяла перо и подписала бумагу; а Остерманъ тотчасъ же завернулъ подписанное въ конвертъ и запечаталъ у самой постели ея величества. Императрица передала конвертъ подполковницѣ Юшковой [61]), которая спрятала его въ шкатулку съ драгоцѣнностями. Долго еще разговаривала государыня съ Остерманомъ, а когда его вынесли, потребовала къ себѣ генерала Ушакова, спрашивала его о разныхъ дѣлахъ и въ заключеніе сказала ему: „я подумала о всѣхъ васъ; вы будете мною довольны. Передайте мои слова тѣмъ, кто заговоритъ съ вами объ этомъ" [62]).

Втеченіи своей болѣзни императрица ежедневно принимала придворныхъ дамъ и кавалеровъ; посѣтители проводили у постели ея величества по нѣскольку часовъ. Въ первые дни бывала у государыни и принцесса Анна, тоже больная, почему ея величество часто говорила о племянницѣ съ докторомъ послѣдней [63]); но докторъ постоянно старался увѣрить государыню, что состояніе здоровья принцессы отнюдь не опасно. Однакоже принцесса совершенно неожиданно поручила однажды подполковницѣ Юшковой доложить императрицѣ, что чувствуя большую слабость, она, принцесса, желала бы пріобщиться св. тайнъ. Юшкова передала желаніе принцессы безъ надлежащей осторожности, а на другой день, точно такъ же, объявила безъ обиняковъ, что принцесса хочетъ собороваться. Императрица сильно встревожилась и выговаривала докторамъ, которые оправдывались тѣмъ, что невидя никакой опасности, они докладывали мнѣніе свое принцессѣ, но ея высочество имъ не повѣрила. Два дня спустя, принцесса сама явилась къ императрицѣ, очень разсерженной продѣлками племянницы [64]). Съ этого времени тетка и племянница видались ежедневно. Каждый разъ, когда принцесса являлась въ опочивальню ея величества, мы всѣ почтительно удалялись. Но государынѣ, ослабѣвавшей болѣе и болѣе, ненравилось наше отсутствіе: а насчетъ принцессы у ея вели-

чества часто вырывались такія выраженія, что я о нихъ умалчиваю.

Императрица сохранила разумъ и память до послѣдней минуты, допустила къ рукѣ всѣхъ присутствовавшихъ, собравшихся въ весьма маломъ числѣ, называла каждаго по имени, потомъ велѣла себя соборовать и скончалась весьма покойно [65]).

При этомъ печальномъ событіи первою моею заботою было—запечатать драгоцѣнности императрицы. Я сидѣлъ въ антикаморѣ, когда пришли ко мнѣ сановники и спрашивали, гдѣ завѣщаніе государыни. Я направилъ ихъ къ подполковницѣ Юшковой, которая и указала спрашивавшимъ извѣстную шкатулку съ драгоцѣнностями. Шкатулку отпечатали въ присутствіи принца брауншвейгскаго, вынули изъ нея завѣщаніе, сняли съ него конвертъ и генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой во всеуслышаніе прочелъ содержаніе акта о регентствѣ. Что касается до меня, больного и проникнутаго скорбію [66]), я затворился у себя, вынесъ ночью жестокій болѣзненный припадокъ и поэтому не выходилъ изъ моихъ комнатъ всю субботу. Слѣдовательно я не принималъ ни малѣйшаго участія ни въ чемъ, тогда происходившемъ [67]). Кабинетъ-министры вершили самонужнѣйшія дѣла и разсылали повелѣнія, подписывать которыя я не былъ въ состояніи.

Принцесса Анна была ко мнѣ очень благосклонна, много меня благодарила за согласіе принять на себя такую тяжкую заботу, какъ правленіе государствомъ, и обѣщала мнѣ честь дружбы своей и своего супруга. Неуклоняясь отъ исполненія моихъ обязанностей къ нимъ обоимъ, я просилъ ихъ высочества, въ случаѣ полученія ими какихъ-нибудь донесеній, которыя могли бы посягать на добрыя наши отношенія, не удостоивать того ни малѣйшимъ вниманіемъ, но, для разъясненія истины, объявлять мнѣ доносителей. Съ своей стороны я обязывался дѣйствовать точно такъ же. Ихъ высочества и

я, въ присутствіи многихъ высшихъ сановниковъ, укрѣпились на томъ взаимнымъ словомъ.

Незная, будутъ ли ихъ высочества имѣть все общее съ дворомъ или пожелаютъ ежегодно получать на свое содержаніе опредѣленную сумму, я поручилъ оберъ-гофмаршалу узнать мнѣніе о томъ принцессы и ея супруга. Они изъявили желаніе получать ежегодно двѣсти тысячъ рублей. Сообразно съ этимъ, я подписалъ два опредѣленія: одно—объ отпускѣ ихъ высочествамъ назначенной ими суммы, другое — о выдачѣ императорскому величеству, нынѣ царствующему, 50,000 рублей [68]). Оба опредѣленія были отправлены въ надлежащія мѣста кабинетъ-министрами.

Позднимъ вечеромъ того же дня ко мнѣ явился кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ съ извѣстіемъ, что два поручика преображенскаго полка затѣваютъ что-то недоброе. Я отложилъ изслѣдованіе до утра, а утромъ сказалъ о томъ Миниху, который, въ качествѣ преображенскаго подполковника, вызвался допросить обоихъ офицеровъ и поступить съ ними какъ потребуютъ того обстоятельства дѣла; потомъ донесъ мнѣ, что находитъ необходимымъ арестовать допрошенныхъ и произвести росыскъ по формѣ [69]). Тогда же получилъ я свѣдѣніе и отъ кн. Черкасскаго, что къ нему являлся одинъ отставной капитанъ и сообщилъ разговоръ свой съ гр. Головкинымъ — о правахъ родителей императора на регентство, причемъ не скрывалъ, что онъ, капитанъ, былъ съ подобными же объясненіями посыланъ гр. Головкинымъ къ принцу брауншвейгскому, отъ лица 300 дворянъ, офицеровъ и солдатъ, недовольныхъ существующимъ правительствомъ. За донесеніемъ кн. Черкасскаго послѣдовало извѣщеніе о томъ же отъ самого принца брауншвейгскаго, съ добавленіемъ того обстоятельства, что его высочество приказалъ являвшемуся у него офицеру придти къ себѣ вторично, около полудня. Генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, улучивъ минуту, поговорилъ съ офицеромъ и спросилъ у

него имена недовольныхъ; но князю стали извѣстны только два поручика [70]), одинъ унтеръ-офицеръ [71]) да самъ старый отставной капитанъ [72]), имѣвшій разговоръ и съ графинею Ягужинскою [73]). Наконецъ захватили этого капитана и съ нимъ обоихъ офицеровъ.

Такъ какъ гр. Головкинъ былъ женатъ на племянницѣ покойной императрицы [74]), то я сначала полагалъ, что открывавшійся теперь замыселъ былъ прелюдіей заговора въ пользу графини Головкиной [75]). Я тотчасъ же отправился къ принцу брауншвейгскому и сказалъ ему, что въ силу взаимно-даннаго нами обѣщанія не скрывать ничего, что могло бы касаться нашихъ дружескихъ отношеній, я считаю своею обязанностью предостеречь его высочество насчетъ людей, затѣвающихъ возмущеніе, о чемъ ему уже извѣстно; но если закрывать глаза на это бѣдствіе, то оно, едва возникая теперь, будетъ возрастать со дня на день и неизбѣжно приведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. — „Да вѣдь кровопролитіе должно произойти во всякомъ случаѣ", замѣтилъ мнѣ принцъ. Я спросилъ его высочество, не считаетъ ли онъ кровопролитія такою бездѣлицею, на которую можно согласиться почти шутя? „Представьте себѣ, говорилъ я ему, всѣ ужасы подобной развязки. Не хочу думать, чтобы ваше высочество желали ее". — „Могу васъ увѣрить, три раза повторилъ принцъ, я никогда не начну первый". — „Такой отвѣтъ, возразилъ я принцу, дурно обдуманъ. Не одно ли и тоже заражать разномысліе и сообщать движеніе мятежу? Впрочемъ легко можетъ случиться, что ваше высочество первый же и пострадаете за это". Принцъ повторялъ одно, что онъ ничего не начнетъ первый и не подниметъ прежде другихъ знамени возмущенія. Я спросилъ еще, что думаетъ его высочество выиграть путемъ мятежа? и если онъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то чѣмъ именно?—Наконецъ принцъ объяснился, что несовсѣмъ вѣритъ въ подлинность завѣщанія покойной императрицы,

даже подозрѣваетъ, что подпись ея величества—подложная. Тогда я сказалъ принцу, что объ этомъ онъ вѣрнѣе всего можетъ узнать отъ Остермана, который въ дѣлѣ по завѣщанію императрицы можетъ почитаться лицомъ отвѣтственнымъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я заявилъ принцу и мое мнѣніе, что его высочество, напрасно пороча завѣщаніе, вредитъ сыну своему, который именно этому завѣщанію обязанъ престоломъ. Доводы свои я заключилъ тѣмъ, что собственною моею особою не мѣшаю его высочеству развивать и осуществлять его планы, желая впрочемъ, чтобы принцъ самъ могъ предвидѣть ихъ исходъ; мнѣ же не остается сказать ничего болѣе, какъ удостовѣрить его высочество, что основанія плановъ, ему угодныхъ, вовсе не такъ прочны, какъ можетъ-быть его высочество предполагаетъ. — „Ваше высочество, добавилъ я, конечно не должны бы были затѣвать смуты; напротивъ, вамъ слѣдовало бы молить небо объ отвращеніи обстоятельствъ, открываемыхъ въ настоящее время, а не порождать ихъ собственною вашею фантазіею". Отозвавшись обо всемъ этомъ какъ о пустякахъ, принцъ сказалъ мнѣ, что я прекрасно бы сдѣлалъ, еслибъ уволилъ старыхъ гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ, служившихъ еще великому Петру. Я отвѣчалъ, что сдѣлать это вовсе не легко и такое увольненіе будетъ соединено съ рискомъ еще болѣе увеличить опасность; потому что его высочеству должно быть извѣстно впечатлѣніе, оставленное Петромъ нетолько въ умахъ старыхъ воиновъ, но и въ сердцахъ всѣхъ его подданныхъ [76]). Уговаривая его высочество не слушать людей неблагонамѣренныхъ, но объявлять ихъ, я сдѣлалъ еще одну напрасную попытку измѣнить образъ мыслей принца и закончилъ вопросомъ: совѣтовался ли онъ съ принцессою и знаетъ ли она о намѣреніяхъ своего супруга? Принцъ отвѣчалъ отрицательно [77]).

Послѣ обѣда я потребовалъ къ себѣ министровъ, кн. Черкасскаго съ Бестужевымъ, и передалъ имъ мой разговоръ

съ принцемъ. Непосредственно затѣмъ ко мнѣ вошелъ камеръ-юнкеръ Менгденъ [78]) и доложилъ, что принцесса, заподозривъ поведеніе своего русскаго секретаря, присылаетъ его ко мнѣ на испытаніе. Секретарь допрошенъ гг. кабинетъ-министрами [79]). Отъ него узнали, что принцъ браунштейгскій замышляетъ возстаніе, что адъютантъ принца — самое довѣренное лицо его высочества [80]) и что Андрей Яковлевъ тоже участникъ тайны [81]). Андрей Яковлевъ признался въ своемъ преступленіи; адъютантъ въ свою очередь сообщилъ, что былъ избранъ орудіемъ къ возбужденію мятежныхъ движеній толпы, а принцъ въ минуту смѣны карауловъ долженствовалъ стать въ главѣ бунтовщиковъ, захватить всѣхъ, кто сталъ бы сопротивляться, и провозгласить себя вторымъ лицомъ въ государствѣ послѣ императора. Къ исполненію этого плана принцъ намѣревался приступить въ самый вечеръ дня, назначеннаго для похоронъ императрицы [82]), хотя вольфенбюттельскій совѣтникъ Кейзерлингъ [83]) и совѣтовалъ обождать, представляя, что принцу прежде всего необходимо добиться званія генералиссимуса, съ чѣмъ уже все остальное совершится безъ затрудненія и согласно желаніямъ его высочества.

Оба кабинетъ-министра разсудили, что настояла непремѣнная надобность пригласить въ собраніе всѣхъ особъ первыхъ двухъ классовъ. Приглашеніе послѣдовало въ тотъ же вечеръ и въ собраніе явились: фельдмаршалы Минихъ и кн. Трубецкой, три кабинетъ-министра, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, генералы Ушаковъ и Чернышовъ, адмиралъ гр. Головинъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ и генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой. Я откровенно изъяснилъ собранію все что касалось принца браунштейгскаго, затѣмъ въ присутствіи всѣхъ тоже самое изложилъ письменно. Мой нѣмецкій текстъ былъ переведенъ по русски статскимъ совѣтникомъ Бреверномъ [84]) и переводъ тутъ же громогласно прочитанъ присутствующимъ. Всѣ они тѣмъ болѣе были поражены слы-

шанною новостью, что никто изъ нихъ не ожидалъ такой опасности и ея послѣдствій. Вольфенбюттельскій посланникъ Кейзерлингъ [85]) находился въ собраніи на лицо, и вскорѣ сюда же явилась принцесса Анна. Я сообщилъ ей причину собранія. Ея высочество казалась встревоженною поведеніемъ принца, объявила, что ей ничего не было извѣстно и удалилась для объясненія съ своимъ супругомъ. Но въ то самое время, когда члены собранія разговаривали о всемъ происшедшемъ, къ нимъ вошелъ принцъ, сопровождаемый совѣтникомъ вольфенбюттельскаго посольства Кейзерлингомъ.

— Я намѣренъ, господа, сказалъ принцъ собранію,—сложить съ себя всѣ мои должности и пришелъ объявить вамъ объ этомъ.

Я отвѣчалъ принцу, что никогда невозлагавъ на его высочество никакихъ должностей, не вижу, какихъ именно могу лишать его и теперь; но что въ настоящее время рѣчь не о должностяхъ и званіяхъ, а о спокойствіи имперіи; что я наконецъ не могъ не сообщить гг. присутствующимъ моего разговора съ его высочествомъ. Этотъ разговоръ, повторенный мною отъ слова до слова и безъ малѣйшаго противорѣчія со стороны принца, произвелъ ропотъ въ собраніи. Генералъ Ушаковъ, слишкомъ взволнованный всѣмъ слышаннымъ, подошелъ очень близко къ принцу и сказалъ ему прямо въ лицо:

— Могли ли мы думать, сударь, чтобы вы были способны вводить у насъ то, чего здѣсь не бывало видано? Какъ! вы хотите вознаградить нашу службу убійствами и кровопролитіемъ, вами уже зачинаемымъ? Хотя вы и отецъ императора, но вамъ не слѣдовало бы забывать, что старшій подполковникъ во всей гвардіи—я; и я же командиръ того самаго семеновскаго полка, на который вы опираетесь, желая имъ располагать по вашему произволу. Разувѣрьтесь, если воображаете, что я пересталъ быть честнымъ человѣкомъ. Клянусь, останусь такимъ до самой смерти.

При этихъ словахъ принцъ заплакалъ. Онъ проклиналъ тѣхъ, кто ввелъ его въ заблужденіе, просилъ прощенія въ присутствіи всего собранія и клятвенно обѣщалъ не возобновлять никакихъ покушеній [86]). Составили актъ, содержаніе котораго я забылъ. Помню только, что всѣ присутствующіе утвердили этотъ актъ приложеніемъ своихъ гербовыхъ печатей [87]).

Нѣсколько дней спустя вбѣжала ко мнѣ баронесса Менгденъ, весьма смущенная. Она поспѣшила сообщить, что ея величество нынѣ царствующая императрица, показывала ей портретъ и мѣру роста герцога голштинскаго [88]), причемъ очень выхваляла баронессѣ этого государя, между тѣмъ какъ при жизни покойной императрицы никто не видалъ этого портрета, который—что ей, баронессѣ, извѣстно—намѣрены показывать теперь съ удовольствіемъ всѣмъ и каждому [89]). Фельдмаршалъ Минихъ трубилъ мнѣ въ уши тоже самое, утверждая, что объ этомъ было говорено и его племянницѣ [90]). Онъ обдумывалъ, соображалъ, и увѣренный, что во всемъ этомъ кроется что-то намѣренное, совѣтовалъ мнѣ воспользоваться моими правами и запретить показываніе портрета [91]). Я отвѣчалъ фельдмаршалу, что каждый воленъ имѣть у себя портреты родныхъ и слѣдовательно странно бы было лишать этого права ея императорское высочество. Принцесса Анна тоже говорила со мною объ этомъ, но полусловами. Затѣмъ шумъ стихнулъ разомъ. Тишина и спокойствіе продолжались нѣсколько дней.

Передъ самою эпохою моего несчастія, фельдмаршалъ Минихъ предупредилъ меня, что камеръ-юнкеры двора нынѣ царствующей императрицы весьма нерѣдко посѣщаютъ французскаго посланника [92]). Это обстоятельство казалось Миниху подозрительнымъ. Я отвѣчалъ фельдмаршалу, что подобныя знакомства и связи не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что какъ ему, фельдмаршалу, извѣстно— ея высочество цесаревна всегда можетъ расчитывать на по-

мощь преданнаго ей народа. Минихъ возражалъ, что въ расположеніи къ цесаревнѣ народа онъ сомнѣвается, а въ преданности ея высочеству войска совершенно увѣренъ [93]). „Нѣтъ, говорилъ я: войско и народъ, сановники и простолюдины—всѣ искренно и одинаково любятъ ея высочество. Это такъ вѣрно, что даже гвардія, невыключая полка, которымъ вы теперь командуете [94]), вполнѣ предана цесаревнѣ". Минихъ увѣрялъ, что именно теперь всѣ въ восторгѣ отъ того, что на тронѣ императоръ, который упрочитъ наконецъ престолонаслѣдіе въ мужской линіи, и что еслибы даже было иначе, то онъ, фельдмаршалъ, все-таки находитъ излишнимъ столько угожденій цесаревнѣ, которую напротивъ мнѣ слѣдовало бы схватить и заключить въ монастырь. Изумленный такимъ образомъ мыслей фельдмаршала, я едва могъ вѣрить своимъ ушамъ. „Ну ужъ это было бы слишкомъ!" проговорилъ я Миниху, оробѣвъ совершенно. Онъ замѣтилъ послѣднее и оставляя меня, сказалъ: „предположимте наконецъ, что цесаревна могла бы быть заключена не навсегда, а на нѣсколько лѣтъ" [95]).

Фельдмаршалъ конечно не сомнѣвался, что въ этомъ мы не согласимся; онъ не могъ ожидать, чтобы я попался въ ловушку, очертя голову. Болѣе вѣроятно, что Минихъ предлагалъ мнѣ такую мѣру или въ видахъ ея ускоренія съ моей стороны, или съ цѣлью заставить меня современемъ раскаяться въ ея отсрочкѣ, еслибы даже я и не вполнѣ пренебрегъ ею.

Какъ бы то ни было, фельдмаршалъ встрѣтилъ во мнѣ совершенное противорѣчіе и чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ боялся, чтобы я не заставилъ его при случаѣ поплатиться за такую неосторожность, — и не поколебался принести меня въ жертву своему личному спокойствію [96]).

Я былъ схваченъ въ постели, въ ночь съ 8 на 9 ноября [97]), поднятъ въ одной рубашкѣ гренадерами, вытащенъ ими

къ каретѣ, приготовленной Минихомъ, и подъ конвоемъ миниxова адъютанта Манштейна [98]) отвезенъ въ зимній дворецъ. Тутъ меня ровно ни о чемъ не спрашивали.

9 ноября послѣ обѣда меня и все мое семейство отправили въ одной каретѣ въ Шлиссельбургъ, гдѣ я пробылъ до 13 іюня. Тутъ меня допрашивали три раза. При второмъ и третьемъ допросахъ предлагались мнѣ слѣдующіе пункты:

До какой степени простирались отношенія мои съ нынѣшней императрицею, имѣвшія цѣлью удаленіе отъ престола тогда царствовавшаго императора?

Какимъ образомъ приглашалъ я въ Россію нынѣшняго великаго князя [99])?

Кто именно зналъ объ этомъ?

Какимъ образомъ принимался я за дѣло о бракосочетаніи нынѣшняго великаго князя съ моею дочерью [100])?

Остальные пункты заключались въ мелочахъ: зачѣмъ говорилъ я, что если принцесса Анна достигнетъ регентства, то семейство Менгденъ будетъ управлять всею Россіею? Какъ могъ я отзываться, что все включенное Менгденами въ манифестъ есть ткань лжи и нечестія?

Я отвѣчалъ лаконически, что все это мнѣ совершенно неизвѣстно. Но заявилъ, что со мною поступаютъ безчеловѣчно и неслыханнымъ образомъ; что вездѣ, а также и въ Россіи, существуетъ обычай уличать обвиняемаго письменными доказательствами или изустными показаніями достовѣрныхъ свидѣтелей; что самъ я лицо владѣтельное, вассалъ короля польскаго, и слѣдовательно нельзя меня допрашивать и выслушивать безъ депутата со стороны Польской республики. Мнѣ довольно грубо отвѣчали, что упорствуя въ подобномъ для себя исключеніи, я напрасно буду стараться воспрепятствовать юрисдикціи моихъ судей; что напротивъ мнѣ вовсе бы немѣшало отказаться отъ своихъ требованій, которыя отнюдь не помогутъ, а свидѣтелей для

моего обвиненія найдется достаточно. Я уступилъ, ждалъ, былъ доволенъ.

Наконецъ мнѣ дали очную ставку съ Бестужевымъ-Рюминымъ [101]), самый видъ котораго уже возбуждалъ сожалѣніе. Встрѣтивъ меня, Бестужевъ мнѣ поклонился и воскликнулъ: „Я согрѣшилъ, обвиняя герцога. Все что мною говорено — ложь. Мнѣ не въ чемъ уличить его. Кромѣ хорошаго я ничего не могу сказать о герцогѣ. Прошу гг. слѣдователей внести настоящее показаніе мое въ протоколъ. Признаюсь торжественно, я былъ подкупленъ фельдмаршаломъ Минихомъ: онъ обѣщалъ мнѣ свободу, но съ условіемъ—запутать герцога. Жестокость обращенія и страхъ угрозъ вынудили меня къ ложнымъ обвиненіямъ герцога“.

Совсѣмъ тѣмъ обвинительные пункты вовсе не были важны. Они касались поведенія принца брауншвейгскаго, семейства Менгденъ, вызова на дуэль, которую я долженъ былъ имѣть съ принцемъ, и прочихъ, подобныхъ же пустяковъ. Всѣ поздравляли меня. Въ Петербургъ былъ отправленъ нарочный курьеръ, съ возвращеніемъ котораго всѣ ожидали благопріятнаго для меня оборота моего дѣла. Но вмѣсто того слѣдователи были встревожены полученіемъ строжайшихъ предписаній на мой счетъ, съ присоединеніемъ выговора за неточное исполненіе своего долга. Меня и семейство мое повелѣвалось заключить еще тѣснѣе, а Бестужева-Рюмина тотчасъ же отправить въ Петербургъ.

Въ концѣ апрѣля прибыли: бывшій кабинетъ-секретарь Яковлевъ, гвардіи майоръ Соковнинъ [102]) и капитанъ Ямышъ. Они дѣлали мнѣ третій допросъ слѣдующимъ образомъ:

Опасныя намѣренія мои—такъ начали новые судьи—уже открыты. Но милосердіе принцессы Анны превосходитъ громадность моихъ преступленій. Если я добровольно и безъ утайки объясню все, о чемъ меня будутъ спрашивать, то мнѣ обѣщается отъ имени принцессы не только свобода, но и значительная награда. Если же напротивъ я захочу упор-

ствовать въ прежнихъ моихъ показаніяхъ и не идти далѣе, то мнѣ съ семействомъ не слѣдуетъ ожидать никакой пощады: мы погибнемъ безъ помощи и невозвратно. Затѣмъ слѣдовали пункты:

1) Такъ какъ сама цесаревна Елизавета показала, что я не переставалъ побуждать ее къ низверженію съ престола тогда царствовавшаго императора, съ цѣлью воцарить на его мѣсто герцога голштинскаго, то отъ меня требовались объясненія: для чего я покушался на такую революцію? какими средствами думалъ привести ее въ исполненіе? кто были мои сообщники?

2) Вмѣсто того чтобы оставить мои покушенія, зачѣмъ я надоѣдалъ ими цесаревнѣ, которая, неодобряя ничего подобнаго, милостиво старалась отвлечь меня отъ исполненія моихъ преднамѣреній?

3) Въ какихъ выраженіяхъ заявлялъ я мысль о бракосочетаніи нынѣшняго великаго князя и какіе располагалъ употребить къ тому способы?

4) Чтó дѣлывалъ я у нынѣшней царствующей императрицы, посѣщая ее секретно, ночью?

5) Для чего такъ часто прихаживала ко мнѣ цесаревна и какія мѣры предпринимали мы, заперши сь съ нею наединѣ?

Слѣдователи повторяли, что все это обнаружено самою цесаревною и мнѣ остается только объяснить, по пунктамъ, всѣ обстоятельства.

Я отвѣчалъ вкратцѣ, что хотя у меня отнято все, кромѣ чести и совѣсти, которыхъ не дамъ никому похитить, но не знаю ничего того, о чемъ меня спрашиваютъ, отроду не замышлялъ ничего подобнаго; никогда не посѣщалъ цесаревну ночью; былъ у ея высочества всего одинъ разъ, и то среди бѣлаго дня, когда цесаревна благосклонно позволила мнѣ явиться къ ней съ соболѣзнованіемъ о кончинѣ императрицы [103]). Что же касается до визитовъ, которыми иногда удостоивала меня цесаревна, то они были знàкомъ милости, по-

стоянно оказываемой ея высочествомъ моему семейству. Я заключилъ тѣмъ, что совершенно увѣренный въ сердечной справедливости цесаревны, не разумѣю ея высочество способною неблаговидно воспользоваться особенностями, которыя предлагаются ей къ моему обвиненію, и готовъ понести бремя моего несчастія, предавшись волѣ Бога, верховнаго судіи и истиннаго сердцевѣдца.

Послѣ этого объясненія кабинетъ-секретарь Яковлевъ, надѣясь убѣдить меня успѣшнѣе, выслалъ своихъ сочленовъ и еще разъ пригласилъ меня къ сознанію, если желаю уйти отъ бѣды.. Но услышавъ, что на пріобрѣтеніе свободы такою цѣною согласія моего никогда не будетъ, Яковлевъ объявилъ мнѣ, что я пропалъ.

Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ. Іюня 13 прибылъ за мною конвой, и меня съ семействомъ повлекли изъ Шлиссельбурга въ Сибирь. 5 ноября мы достигли мѣста, гдѣ долженствовала окончиться наша жизнь и гдѣ смерть вѣроятно предупредила бы продолжительность нашихъ страданій, еслибъ Господь не явилъ милости своей ея величеству нынѣ царствующей государынѣ [104]).

20 декабря — день нашего освобожденія. Къ намъ прибылъ курьеръ съ радостною вѣстью, что наше заключеніе окончилось. Тогда же были мы снабжены всѣмъ необходимымъ. Восемь дней спустя, загорѣлся домъ, въ которомъ мы содержались и сгорѣлъ до основанія [105]). Насъ перевели къ воеводѣ. У него жили мы до 27 февраля слѣдующаго 1742 г., потомъ отправились въ путь и чрезъ четыре недѣли пріѣхали сюда [106]). Бисмаркъ [107]) и мои братья [108]) соединились съ ними, спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Теперь мы здѣсь въ постоянномъ ожиданіи милосердія божія и ея императорскаго величества, славное царствованіе которой да утвердитъ небо и да продлитъ оно дни государыни [109]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Донъ-Эммануилъ, инфантъ португальскій, младшій сынъ короля Петра II и братъ короля Іоанна V, родился 23 іюля 1697 года. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ уѣхалъ въ Голландію, а оттуда въ 1716 году въ Венгрію, на мѣста военныхъ дѣйствій съ турками. Въ 1719 году опредѣлился въ австрійскую службу. Пріѣхалъ въ Москву 1 августа 1730 года, оставался здѣсь около трехъ недѣль, и думалъ пробыть еще долѣе, надѣясь успѣть въ исканіяхъ руки если не императрицы Анны Іоанновны, то племянницы ея, двѣнадцатилѣтней принцессы Анны. Но графъ Биренъ, носившій тогда званіе оберъ-каммергера и пользовавшійся уже огромнымъ вліяніемъ, противодѣйствовалъ видамъ инфанта, въ которыхъ принималъ участіе цесарскій посланникъ графъ Вратиславъ. Послѣдній съ большимъ трудомъ уговорилъ инфанта уѣхать изъ Москвы. Прощальная аудіенція Эммануилу дана императрицею 16 августа 1730 года. Ея величество подарила инфанту дорогую соболью шубу и хотѣла возложить на него андреевскій орденъ; но инфантъ отозвался, что будучи кавалеромъ Золотого-руна, не можетъ носить знаковъ св. Андрея, и вмѣсто ордена получилъ осыпанную алмазами шпагу Петра II, чѣмъ были недовольны русскіе придворные, находившіе, что Эммануилу довольно и шубы. Раздавъ больше чѣмъ на 12,000 руб. подарковъ, изъ которыхъ одному Бирену достался перстень тысячи въ три, Эммануилъ выѣхалъ изъ Москвы 19 августа. До лифляндской границы его должны были сопровождать каммергеръ, два каммеръ-юнкера, капитанъ гвардіи и нѣсколько придворныхъ служителей, а путевыя издержки инфанта императрица приняла на свой счетъ. Но, къ неудовольствію русскаго двора, инфантъ ѣхалъ очень медленно и къ концу октября достигнулъ только Риги, гдѣ пробавлялся насчетъ города, затруднявшагося его содержаніемъ. Презираемый за это русскимъ дворомъ, Эммануилъ убѣждалъ русскую свиту оставаться при немъ въ Ригѣ, представляя, что такъ угодно самой императрицѣ. Но свита отзывалась повелѣніями состоять при инфантѣ извѣстное время, по истеченіи котораго—вернуться въ Москву, и изъявляла готовность сопровождать инфанта до лифляндской границы только въ такомъ случаѣ, если онъ опредѣлитъ день выѣзда своего изъ

Риги, причемъ представляла, что въ Митавѣ, находившейся тогда внѣ русскихъ владѣній, онъ можетъ медлить сколько ему угодно. Эммануилъ не внималъ ничему, громко говорилъ, что проживетъ въ Ригѣ всю зиму, и отправилъ въ Вѣну курьера, объявивъ, что станетъ дожидаться его возвращенія. Это обстоятельство еще болѣе усилило существовавшія при русскомъ дворѣ подозрѣнія, что поступки инфанта въ Россіи одобряемы вѣнскимъ кабинетомъ, и всѣ увѣренія Австріи въ противномъ были нѣкоторое время недѣйствительны, несмотря на то, что Эммануилъ оставилъ Ригу гораздо ранѣе, нежели предполагалъ. Послѣ поѣздки въ Россію, Эммануилъ являлся въ Варшаву, съ претензіею на польскій престолъ и снова былъ въ Венгріи. Въ 1743 году Эммануилъ вступилъ въ доминиканскій орденъ, но никогда не снималъ свѣтскаго платья.

(См. Исторія Государства Польскаго, Георга Самуила Бандтке, Спб., 1830, ч. II, стр. 442, пр. 95, и Materialien zu der russischen Geschichte, von Chr. Schmidt, genannt Phiseldek. Riga, 1784. II, 48—51.)

2.

Андрей Ивановичъ Остерманъ, сынъ пастора, родился 30 мая 1686 года въ вестфальскомъ мѣстечкѣ Бокумѣ, по другимъ въ Эссенѣ, учился въ Іенѣ, имѣлъ тамъ дуэль, на которой убилъ соперника своего, студента, и спасся бѣгствомъ въ Голландію, гдѣ въ 1703 году познакомился съ русскимъ вице-адмираломъ Крюйсомъ и поступилъ къ нему въ камердинеры, по другимъ въ секретари, что вѣрнѣе, такъ какъ старшій братъ Остермана Дитрихъ былъ уже въ то время воспитателемъ царевенъ, дочерей умершаго царя Іоанна Алексѣевича, а родственникъ Гюйссенъ—наставникомъ царевича Алексѣя Петровича. Скорымъ и успѣшнымъ изученіемъ русскаго языка Остерманъ обратилъ на себя вниманіе государя Петра I, который въ 1707 году опредѣлилъ его въ посольскую канцелярію письмоводителемъ. Здѣсь, покровительствуемый Шафировымъ, Остерманъ быстро подвигался впередъ, и за участіе въ мирныхъ переговорахъ на рѣкѣ Прутѣ, 12 іюля 1711 года, произведенъ въ тайные секретари, а чрезъ два года назначенъ русскимъ повѣреннымъ въ Берлинъ. Въ 1718 году Остерманъ, уже совѣтникъ посольской канцеляріи, былъ отправленъ вмѣстѣ съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ на аландскій конгрессъ, съ шведскими полномочными, прерванный смертью Карла XII. Въ 1719 году былъ посыланъ въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями Петра, уступавшаго шведамъ всю Лифляндію,

но возвратился безъ успѣха: предложенія не были приняты. Въ слѣдующемъ 1720 году Брюсъ и Остерманъ назначены русскими полномочными на конгресъ въ Нейштадтѣ, и тутъ, 30 августа 1721 года, подписали знаменитый нейштадтскій миръ, выгодами котораго Россія преимущественно обязана искусству и находчивости Остермана. Возведенный тогда въ баронское достоинство, Остерманъ получилъ еще чинъ тайнаго совѣтника, награжденъ деревнями и деньгами. Въ 1722 году вице-канцлеръ Шафировъ поссорился съ княземъ Меншиковымъ и дальновидный Остерманъ, втайнѣ завидовавшій своему благодѣтелю, вице-канцлеру, незамедлилъ передаться на сторону князя. Съ паденіемъ Шафирова, Остерманъ сдѣланъ сенаторомъ и членомъ иностранной коллегіи, участвовалъ въ 1723 году въ договорѣ съ Персіей, а по воцареніи Екатерины I произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и 24 ноября 1725 года пожалованъ вице-канцлеромъ. Въ 1726 году, при учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, превысившаго сенатъ, Остерманъ сдѣланъ однимъ изъ членовъ его. 1 января 1727 года получилъ андреевскую ленту и назначенъ, по предстательству Меншикова, оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ внука Петра I, великаго князя Петра Алексѣевича. Тогда Остерманъ сочинилъ для своего питомца „Начертаніе ученій" и предложилъ императрицѣ сочетать великаго князя бракомъ съ цесаревною Елизаветою Петровною, несмотря на близкую степень родства и неравенство лѣтъ. Пользуясь до сихъ поръ покровительствомъ Меншикова, Остерманъ, съ воцареніемъ воспитанника своего Петра II (1726 г.) увидѣлъ себя при однихъ титлахъ, а всю власть и значеніе въ рукахъ одного Меншикова — и такъ же скоро измѣнилъ этому благодѣтелю своему, какъ нѣкогда прежнему, Шафирову. Орудіе Остермана, молодой князь Долгорукій, любимецъ Петра II, низвергъ Меншикова — и князь-генералиссимусъ, уже обручившій дочь свою съ императоромъ, былъ лишонъ чиновъ, имущества, сосланъ въ Березовъ (1727 г.). Въ кратковременное правленіе Петра II Остерманъ сблизился съ новыми временщиками Долгорукими и былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Минихомъ, противъ Голицыныхъ, замышлявшихъ изгнаніе изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ. Неожиданная кончина императора Петра II (19 января 1730 г.), помолвленнаго на княжнѣ Долгорукой, смутила дворъ, раздѣлила его на партіи, подала поводъ къ разнымъ планамъ и предположеніямъ. Удаляясь отъ всего этого, осторожный Остерманъ сказался больнымъ и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ до самаго избранія на престолъ императрицы

Анны Іоанновны, весьма благоволившей къ Остерману, единственному члену верховнаго тайнаго совѣта, подписи котораго не было на актѣ объ ограниченіи самодержавія, уничтоженномъ съ пріѣздомъ императрицы въ Москву. Играя чрезвычайную роль во все десятилѣтнее царствованіе Анны Іоанновны, Остерманъ былъ сдѣланъ графомъ (27 апрѣля 1730 г.), членомъ новоучрежденнаго кабинета (1731 г.), канцлеромъ (1734 г.), присовѣтовалъ императрицѣ объявить своимъ наслѣдникомъ младенца Іоанна, сына Анны Леопольдовны, а регентомъ Россіи герцога Бирена, и по уничтоженіи регентства былъ ревностнымъ поборникомъ пользъ Анны Леопольдовны, пожаловавшей Остермана въ генералъ-адмиралы (1740 г), пожертвовалъ своимъ видамъ старымъ другомъ, Минихомъ, котораго удалилъ отъ дѣлъ, наконецъ сочинилъ актъ о воцареніи Анны Леопольдовны, за что, по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, провозглашенной войсками (1741), пострадалъ, былъ судимъ, взведенъ на плаху, но помилованъ, сосланъ въ Березовъ и умеръ тамъ 20 мая 1747 года.

Остерманъ обладалъ умомъ рѣдкимъ, но хитрымъ и изворотливымъ, зналъ до тонкости состояніе современной ему Европы, никогда не ошибался въ своихъ политическихъ соображеніяхъ, съ неподражаемымъ искусствомъ велъ государственныя дѣла и обдѣлывалъ свои; говорилъ, особенно съ иностранными министрами, неиначе какъ загадками и полусловами, никогда не смотрѣлъ никому въ лицо, умѣлъ притворно плакать, изумлялъ всѣхъ своимъ трудолюбіемъ и безкорыстіемъ, но не терпѣлъ никого выше себя. Примѣрный отецъ и мужъ, Остерманъ въ домашней жизни своей былъ неопрятенъ до отвращенія и скупъ, но любилъ хорошій столъ, проѣдалъ три четверти своего годового дохода, простиравшагося за 20,000, и обѣдая въ гостяхъ, возилъ съ собою свое вино, а за стуломъ ставилъ собственнаго слугу. Никто и никогда не видалъ Остермана пьянымъ. Въ кругу друзей онъ слылъ к у ц ы м ъ и, любя таинственность всякаго рода, утѣшался латинскою анаграмою своей фамиліи: Nam resto (въ такомъ случаѣ я остаюсь). Петръ I на смертномъ одрѣ сказалъ, что Остерманъ „лучше другихъ министровъ зналъ истинную пользу россійскаго государства и былъ для Россіи необходимъ". При Аннѣ, Остерманъ съ 1736 года не выѣзжалъ за болѣзнію со двора, но никакое государственное дѣло не обходилось безъ его главнаго участія. Графъ Остерманъ былъ женатъ на Марѳѣ Ивановнѣ Стрѣшневой (ум. 1781 г.), отъ брака съ которою имѣлъ двухъ сыновей, Ѳедора и Ивана,

у дочь Анну, выданную, по изгнаніи отца, за подполковника Толстого, съ приданымъ въ 20,000 рублей, пожалованнымъ самою императрицею Елизаветою. Оба сына знаменитаго канцлера были впослѣдствіи дѣйствительными тайными совѣтниками и андреевскими кавалерами, занимали мѣста: одинъ — сенатора при Екатеринѣ II, другой - канцлера при Павлѣ I, и неимѣя дѣтей, ходатайствовали о дозволеніи передать свою фамилію съ титуломъ внуку родной ихъ сестры, подполковнику Александру Ивановичу Толстому, что и утверждено указомъ 27 ноября 1796 года. Старшій изъ братьевъ Остермановъ, еще при жизни отца и въ силу его значенія, получилъ александровскую ленту на восемнадцатомъ году своего возраста, послѣ у него отобранную и снова пожалованную много лѣтъ спустя. Этотъ Остерманъ прославился впослѣдстіи между современниками своею необычайною разсѣянностью.

(Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Дм. Бантышъ-Каменскаго, Москва, 1836 г., ч. IV. — Записки дюка Лирійскаго, пер. Д. Языкова, Спб., 1845 г., стр. 118. — Записка англійскаго резидента Рондо о русскихъ вельможахъ 1730 г., въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. при моск. универ., 1861 г., II.—Россійская родословная книга, кн. П. Долгорукова, Спб. 1855, ч. II.—Историч. собраніе списковъ кавалерамъ россійск. орденовъ, 1814.—Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858.—Magazin für die neue Historie und Geographie, von A. F. Büsching. Hamburg, 1769. II, 407 — 514. — Die heutige Historie von Russland, v. E. K. Reihard Altona, 1752, S. 359—363).

3.

Баронъ, потомъ графъ Карлъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, сынъ тайнаго совѣтника и оберъ-гофмейстера двора супруги царевича Алексѣя Петровича, родился въ Лифляндіи, смолоду служилъ каммеръ-юнкеромъ при дворѣ императрицы Екатерины I и былъ любимцемъ этой государыни, которая, сдѣлавшись единодержавною, произвела Левенвольда въ каммергеры (1725 г.), сдѣлала его графомъ (24 октября 1726 г.), кавалеромъ александровскаго ордена (24 ноября 1726 г.) и украсила своимъ портретомъ (1727 г.). Незанимая особенно виднаго мѣста при дворѣ Петра II, графъ Левенвольдъ, по воцареніи Анны Іоанновны, сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, получилъ въ 1732 г. андреевскую ленту, но кромѣ всякаго рода угожденій Бирену, не вмѣшивался въ постороннія дѣла. Съ паденіемъ регента, графъ Левенвольдъ противъ воли принялъ участіе въ занятіяхъ политическихъ, къ которымъ при-

влекала его сама правительница, очень часто съ нимъ совѣщавшаяся и требовавшая его мнѣній. Изъявивъ обще съ другими вельможами желаніе видѣть правительницу императрицею, графъ Левенвольдъ пострадалъ вмѣстѣ съ ними при переворотѣ, доставившемъ престолъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ (1741 г.), былъ сосланъ въ Соликамскъ (1742 г.), а оттуда переведенъ въ Ярославль, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Левенвольдъ, обязанный своимъ счастіемъ женщинамъ, былъ уменъ, очень красивъ и благороденъ въ манерахъ, но чрезвычайно тщеславенъ и лукавъ; атеистъ и эгоистъ, онъ славился мотовствомъ, привлекалъ къ себѣ обходительностью, носилъ личину вельможи великодушнаго, низкопоклонничалъ предъ всемогущимъ Биреномъ и разстроивалъ состояніе свое картежною игрою. Никто лучше Левенвольда не умѣлъ устроивать придворныхъ праздниковъ и никто успѣшнѣе его не одерживалъ побѣдъ надъ женщинами. Замѣчательно, что де-Лирія, Манштейнъ и князь Шаховской, лично и близко знавшіе графа Левенвольда, дѣлаютъ о немъ въ запискахъ своихъ отзывы совершенно противорѣчащіе одинъ другому.

(Словарь Бантышъ-Каменскаго, III.—Списокъ кавалеровъ россійскихъ орденовъ.—Записки дюка Лирійскаго, 123.—Записки кн. Якова Петровича Шаховского. Москва, 1810. I, 105—107. — Mémoires histor., polit. et milit. sur la Russie, par le général de Manstein. Leipzig. 1771, p 419—436. — Anecdotes intéressantes de la cour de Russie. Londres, 1792).

4.

Овдовѣвъ (9 января 1711 года) послѣ 70-дневной брачной жизни съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ курляндскимъ, Анна Іоанновна имѣла многихъ жениховъ, но брачные переговоры, по разнымъ политическимъ обстоятельствамъ, не оканчивались ничѣмъ. Такъ въ 1717 году къ вдовствовавшей герцогинѣ курляндской сватался Іоаннъ-Адольфъ, герцогъ вейсенфельдскій, а вскорѣ послѣ того Фридрихъ-Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургъ-шведскій. Въ 1726 году чуть-чуть не женился на герцогинѣ курляндской графъ Морицъ-саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II, единственный женихъ, нравившійся самой невѣстѣ: но этой свадьбѣ и избранію Морица въ герцоги курляндскіе помѣшалъ сильный тогда Меншиковъ. Послѣ избранія Анны Іоанновны на русскій престолъ, являлся еще одинъ претендентъ на ея руку — Эммануилъ, инфантъ португальскій. Этотъ былъ послѣдній, и отказавъ ему, императрица положила не выходить въ замужество.

(Дѣянія Петра Велик., Голикова, изд. 2, Т. VII и IX.—Mémoires du règne de Catherine, La Haye, 1728 г.—Anecd. intéress. Londres, 1794 г.).

5.

Анна Леопольдовна, по другимъ, и преимущественно иностраннымъ писателямъ—Карловна, дочь царевны Екатерины Іоанновны, сестры императрицы Анны и герцога мекленбургскаго Карла-Леопольда, родилась 7 декабря 1718 года, въ Ростокѣ, названа Елизаветою-Екатериною-Христиною, и въ 1722 году вывезена матерью въ Россію. Здѣсь дочь Екатерины Іоанновны, непользовавшаяся никакою извѣстностью до самаго избранія тетки своей на престолъ, начала съ того времени упоминаться въ офиціальной печати, но глухо, подъ именемъ „принцессы мекленбургской", и только въ декабрѣ 1731 года впервые явилось въ Спб. Вѣд. имя „принцессы Анны". Императрица приняла племянницу къ своему двору, избрала ея воспитательницею вдову французскаго генерала Адеркасъ, поручила Ѳеофану Прокоповичу наставлять принцессу въ ученіи православной вѣры, и 12 мая 1733 года принцесса была миропомазана, наречена Анною, получила екатерининскій орденъ. Мѣсяцъ спустя Анна Леопольдовна потеряла мать (см. прим. 9), и на этомъ-то событіи иностранные писатели основываютъ небывалое усыновленіе племянницы теткою, опровергаемое тѣмъ, что Анна Леопольдовна до самой кончины императрицы называлась неиначе какъ принцессою мекленбургскою, и нося титулъ высочества, пользовалась прибавленіемъ къ нему императорское только въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминалось о ней вмѣстѣ съ цесаревною Елизаветою Петровною. Оставаясь нѣкоторое время цѣлью честолюбивыхъ намѣреній герцога Бирена, замышлявшаго женить на принцессѣ своего старшаго сына, Анна Леопольдовна 3 іюля 1739 года была обвѣнчана съ принцомъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгъ-бевернъ-люнебургскимъ, къ которому не чувствовала ни малѣйшей склонности, и 12 августа 1740 года родила сына Іоанна, объявленнаго 6 октября того же года великимъ княземъ и наслѣдникомъ всероссійскаго престола, а 17 октября, въ день кончины Анны Іоанновны, провозглашеннаго императоромъ подъ опекою регента Бирена. Регентъ тогда же предложилъ матери императора титулъ императорскаго высочества и 200,000 руб. годоваго содержанія. Но въ дни регентства Анна Леопольдовна вмѣстѣ съ мужемъ подверглась разнымъ стѣсненіямъ и оскорбленіямъ со стороны герцога Бирена, арестовала его, съ помощію Ми-

ниха, въ ночь на 9 ноября 1740 года, была въ тотъ же день объявлена правительницею государства, и 10 ноября, возложивъ на себя андреевскій орденъ, приняла титулъ великой княгини. Правленіе Анны Леопольдовны ознаменовалось кротостью мѣръ внутри государства и успѣхами русскаго оружія въ предѣлахъ Швеціи, но вслѣдствіе безпорядочнаго теченія дѣлъ и неудержимой борьбы придворныхъ партій, не было продолжительно. Въ ночь на 25 ноября 1741 года Анна Леопольдовна, готовившаяся, по предложенію Остермана и нѣкоторыхъ вельможъ, провозгласить себя со-императрицею, была арестована именемъ новой императрицы Елизаветы Петровны и лишена титула правительницы. Сначала ее съ мужемъ и двумя дѣтьми отправили было заграницу, но остановили въ Ригѣ и заключили въ тамошней цитадели; черезъ годъ перевели въ Динаминдъ, гдѣ Анна Леопольдовна родила вторую дочь; еще черезъ годъ отвезли въ Раніенбургъ и отсюда, по разлученіи съ младенцемъ сыномъ, бывшимъ императоромъ,—въ Холмогоры. Здѣсь Анна Леопольдовна пробыла полтора года, дала жизнь еще двумъ принцамъ и скончалась 7 марта 1746 года. Тѣло ея, немедленно перевезенное въ Петербургъ, погребено 21 марта съ большою церемоніею въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. При статномъ ростѣ и миловидныхъ чертахъ лица, отличавшагося бѣлизною, еще выгоднѣе оттѣняемою темнокаштановыми волосами, Анна Леопольдовна имѣла характеръ слабый, кроткій, безпечный, не была способна властвовать, избѣгала занятій государственными дѣлами, боялась и удалила Миниха, не любила мужа, чувствовала неодолимую страсть къ саксонскому посланнику графу Линару, сосредоточивала всѣ симпатіи свои на одной камеръ-фрейлинѣ Юліанѣ Менгденъ, и до самаго 25 ноября не вѣрила многократнымъ предостереженіямъ о близости готовившагося переворота. Доброта души и степень легкомыслія Анны Леопольдовны видны изъ того, что она въ самую ночь своего низложенія объявляла искреннюю радость о совершеніи переворота по крайней мѣрѣ безъ кровопролитія, а нѣсколько дней спустя, на запросъ отъ имени императрицы: какой желаетъ милости? просила, забывая и себя и семейство, объ одномъ—не разлучать съ нею Юліаны Менгденъ. Но память бывшей правительницы, какъ страдалицы, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ участія.

(Записки гр. Миниха, сына фельдмаршала. С.-Петербургъ 1817 г. — О портретахъ Анны Леопольдовны, статья г. Куника, въ Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ, по I и II отд., 1859 г.)

т. I, вып. 4.– Описи секретнымъ бумагамъ, до принца и принцессы брауншвейгъ-люнебургскихъ относящимся, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1861 г. II, смѣсь. — С.-Пет. Вѣд. 1740—1741 г. — Extraits des dépêches. Berlin, 1858 — Mémoires de Manstein, 1771 — Voyage en Sibérie, par M. l'abbé Chappe d'Auteroche. Amsterdam, 1760 II, — Geschichte des russischen Staats, v. E. Hermann. Hamburg, 1853 IV—V.— Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes. Leipzig, 1845).

6.

Право избирать себѣ наслѣдника было предоставлено русскимъ самодержцамъ извѣстнымъ узаконеніемъ императора Петра I, обнародованнымъ 5 февраля 1722 года, съ приложеніемъ къ нему особо сочиненнаго на этотъ случай трактата, подъ названіемъ „Правда воли монаршей", авторъ котораго, новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, приводилъ въ подкрѣпленіе царской мысли сорокъ семь свидѣтельствъ изъ священнаго писанія, философовъ древнихъ и новыхъ, и разныхъ другихъ сочиненій.

(См. Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830 г., Т. VI. — Правда воли монаршей, въ опредѣленіи наслѣдника державы своей и пр. Москва, 1722 г., въ листъ, церковн. буквами).

7.

Карлъ-Леопольдъ, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, родился $^{15}/_{26}$ ноября 1677 года; вступилъ въ бракъ съ царевною Екатериной Іоанновной 8 апрѣля 1716 года въ Данцигѣ, разведясь предварительно съ первою своей женой, Софьей-Гедвигой, принцессой нассау-фрисландской. Человѣкъ нрава безпокойнаго и крайне взбалмошный, герцогъ былъ ненавидимъ своими подданными, обращался съ ними чрезвычайно дурно и грубыми поступками удалилъ отъ себя Екатерину Іоанновну, которая въ 1722 году оставила мужа и съ младенцемъ-дочерью пріѣхала обратно въ Россію. Послѣ того императоръ Петръ I нѣсколько разъ приглашалъ герцога въ Россію, обѣщая ему почетъ и хорошее содержаніе, даже посылалъ за нимъ нарочныхъ, напримѣръ въ 1723 году генерала Бона; но герцогъ въ Россіи не былъ. Въ томъ же 1723 году германскій императоръ Карлъ VI намѣревался лишить Карла Леопольда владѣній за его непокорность и отдать Мекленбургію брату герцога, Христіану-Людвигу; а между собственными подданными герцога открылся заговоръ на его жизнь и стоилъ головы тайному совѣтнику Вольфрату, казненному Карломъ-Леопольдомъ въ Демицѣ. Въ 1730 году,

когда члены верховнаго тайнаго совѣта недоумѣвали кого призвать на русскій престолъ, осиротѣвшій смертью Петра II, избраніе царевны Екатерины Іоанновны, старшей дочери царя Іоанна Алексѣевича, не состоялось потому собственно что опасались вмѣшательства въ государственныя дѣла мужа ея, герцога Карла-Леопольда, дурной нравъ котораго былъ всѣмъ извѣстенъ. Переживъ жену и дочь, несчастную Анну Леопольдовну, Карлъ-Леопольдъ умеръ въ Демицѣ 17/28 ноября 1747 г.

(Поденная записка Петра-великаго 1772 г. т. II.—О портретахъ Анны Леопольдовны, статья г. Куника, въ Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1859 г.—Мѣсяцословы с.-петербург. академіи за разные годы первой половины XVIII в. — С.-Пет. Вѣд. 1747 г.).

8.

Здѣсь подразумѣвается *прагматическая санкція*—знаменитое узаконеніе римскаго императора Карла VI, изданное въ 1713 году и состоявшее въ томъ, что императоръ, у котораго не было сыновей, объявлялъ наслѣдницею австрійскихъ владѣній свою старшую дочь Марію-Терезію, впослѣдствіи королеву венгеро-богемскую и императрицу римскую. Это узаконеніе, тогда же принятое имперскими чинами, было еще при жизни императора гарантировано многими европейскими державами. Но по смерти Карла VI въ 1740 году, прагматическая санкція произвела множество недоумѣній и несогласій и вовлекла половину Европы въ войну, окончившуюся въ 1748 году ахенскимъ миромъ.

9

Екатерина Іоанновна, старшая сестра императрицы Анны, дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳедоровны, изъ рода Салтыковыхъ, родилась 29 октября 1692 года, а 8 апрѣля 1716 года выдана въ замужество за Карла-Леопольда, герцога мекленбургъ-шверинскаго, котораго оставила въ 1722 году, и съ дочерью возвратилась въ Россію. Съ тѣхъ поръ герцогиня уже не выѣзжала изъ отечества, не видалась съ мужемъ и жила то въ Измайловѣ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, но постоянно при своей матери, которой была любимицею. Въ 1730 году, когда члены верховнаго тайнаго совѣта искали преемника умершему императору Петру II, герцогина Екатерина Іоанновна, мужа которой никто не любилъ и всѣ опасались, была обойдена избраніемъ, и императрицею объявлена младшая ея сестра Анна, вдовствовавшая тогда гер-

цогиня курляндская. Окончательно переселясь въ 1732 году въ Петербургъ, Екатерина Іоанновна пользовалась здѣсь содержаніемъ по 30,000 рублей въ годъ и здѣсь же скончалась 14-го іюня 1733 года, а десять дней спустя, погребена въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. Герцогиня мекленбургская имѣла характеръ живой и чрезвычайно веселый, не могла похвалиться красотою, была низка ростомъ и очень толста, не отличалась скромностью, особенно въ разговорахъ, и очень любила наряды

(Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. Новикова. Т. XI.— Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, переводъ Аммона. Москва, 1859 — 1860, ч. II—IV. — Зап. дюка Лирійск., перев. Языкова. 1845, 116.—Письма леди Рондо. С Петерб., 1836, 45.—О портретахъ Анны Леопольдовны, ст. Куника, въ Учен. Зап Имп. Ак. Наукъ, 1859.—Полн. Собр. Зак., изд. 1830 г., Т. VIII, ук. 4 дек. 1731.—Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schmidt-Phiseldek. Riga, 1784, S. 9).

10

Биренъ говоритъ о *Варлаамѣ*, прежнемъ начальникѣ Троицкаго-Данилова монастыря, что въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, переведенномъ оттуда съ 1726 года архимандритомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь, нынѣшнюю Лавру, и здѣсь въ 1730 году избранномъ въ духовники къ императрицѣ. Этотъ Варлаамъ, чрезъ котораго разнымъ мѣстамъ и лицамъ объявлялись многіе высочайшіе указы, былъ въ свое время человѣкомъ весьма вліятельнымъ. Такъ, напримѣръ, по его просьбѣ, указомъ 15 іюля 1730 года, возвращены Троицкой лаврѣ всѣ села и деревни, отчисленныя при Петрѣ I на обзаведеніе новоустроеннаго въ Петербургѣ Александроневскаго монастыря, а въ 1733 году, когда 5-го апрѣля императрица утвердила росписаніе, кому изъ петербургскихъ знатныхъ лицъ должны быть отпускаемы по востребованіямъ казенныя суда отъ адмиралтейства, показанъ въ числѣ знати и Варлаамъ: ему положена одна восьмивесельная шлюпка, безъ гребцовъ. Въ 1732 году императрица подарила Варлааму приморскую дачу сестры своей царевны Прасковьи Іоанновны, умершей въ 1731 году, и Варлаамъ въ 1734 году соорудилъ здѣсь, возлѣ каменнаго домика царевны, деревянную церковь съ кельями для монашествующихъ. Такъ произошла нынѣшняя Сергіевская пустынь въ 18 верстахъ отъ Петербурга, первоначально приписанная Варлаамомъ къ Троицко-Сергіеву монастырю. Архимандритъ Варлаамъ, носившій званіе члена святѣйшаго синода, умеръ въ 1737 году и погребенъ въ со-

зданной имъ пустыни, съ правой стороны алтаря Сергіевской церкви. Въ порядкѣ архимандритовъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, духовникъ императрицы Анны значится Варлаамомъ II.

(Историческое описаніе Свято-троицкія Сергіевы лавры. Москва, 1850, с. 123. — Свѣдѣніе о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ. Москва, 1850, с. 127. — Полн. Собр. Закон., изд. 1830 г. Т. IX, ук. 5 апр. 1733 г.; т. X, ук. 23 апр. 1740 г.).

11

Высочайшій указъ о бытіи кабинета послѣдовалъ 10-го ноября 1731 года. Это учрежденіе получило первенство надъ сенатомъ, который остался при одномъ титулѣ правительствующаго, возвращенномъ ему императрицею Анною 4 марта 1730 года, послѣ четырехлѣтняго именованія высокимъ (съ 12 марта 1726 года). Иногда кабинетъ посылалъ указы въ губерніи и провинціи, вовсе не увѣдомляя о томъ сенатъ, и послѣдній долженъ былъ отъ себя уже предписывать губернскимъ и провинціальнымъ начальствамъ о высылкѣ къ нему, для вѣдома, копій съ кабинетскихъ указовъ. Составъ кабинета всегда былъ трехъ-членный, и вымершіе члены немедленно замѣщались другими; всѣ они назывались кабинетъ-министрами. Что касается штата канцелярскихъ чиновниковъ при кабинетѣ, онъ измѣнялся. Такъ до сентября 1739 года кабинетскую канцелярію составляли: 1 секретарь, 1 камериръ, 2 канцеляриста и нѣсколько копиистовъ, а съ сентября 1739 года въ ней назначено присутствовать: 2 секретарямъ, 1 камериру и 4 канцеляристамъ, копіистамъ же повелѣно не быть. 3 декабря 1741 года, т. е. чрезъ 9 дней по воцареніи императрицы Елизаветы Петровны, сенатъ подалъ ея величеству докладъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось, что по причинѣ учрежденія кабинета, „произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ, внутреннихъ, всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло“. Вслѣдствіе этого доклада, высочайшимъ указомъ 12 декабря 1741 года, повелѣно „кабинетъ, бывшій до сего времени, отставить“.

(Полн. Собр. Законовъ, изд. 1830 г., т. VIII, ст. 5871; т. IX, 7078. — Сенатскіе указы 1741 г.).

12.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, впослѣдствіи графъ, сынъ боярина Ивана Семеновича и Мареы Васильевны, по отцу Лихаревой, родился въ 1660 году. Происходя изъ семьи не-

богатыхъ алексинскихъ помѣщиковъ, Головкинъ съ отрочества жилъ въ домѣ князя Ивана Никитича Хованскаго и обязанъ началомъ своего возвышенія браку двоюродной племянницы и крестницы своей, Натальи Кириловны Нарышкиной, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1677 году Головкинъ былъ взятъ ко двору въ спальники; въ 1682 году былъ сдѣланъ постельничимъ; въ 1686 году комнатнымъ стольникомъ; въ 1689 году окольничимъ и управляющимъ мастерскою палатой, что ныньче оружейная, въ Москвѣ; наименованъ потомъ верховнымъ комнатнымъ и въ 1692 году получилъ боярское достоинство. Давно уже близкій къ царю Петру, Головкинъ сопутствовалъ ему въ азовскихъ походахъ, подвизался съ нимъ въ началѣ шведской войны, особенно отличился 17 мая 1703 года при разбитіи въ устьяхъ Невы флотиліи шведскаго вице-адмирала Нумберса, и въ тотъ же день получилъ андреевскую ленту. По смерти графа Головина въ 1706 году, Головкинъ началъ исправлять должность „посольскихъ дѣлъ президента"; возведенъ 1707 года императоромъ Іосифомъ I въ графское римской имперіи достоинство, а 15 іюля 1709 года обьявленъ графомъ россійской имперіи и въ тотъ же день пожалованъ канцлеромъ. Въ 1711 году Головкинъ былъ съ Петромъ у рѣки Прута, и тамъ заключилъ мирный договоръ съ визиремъ; въ 1713 г. назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для изслѣдованія и искорененія злоупотребленій по казеннымъ подрядамъ; въ 1717 г., во время высочайшаго путешествія заграницу, находился съ Екатериной I въ Амстердамѣ, и въ 1719 г. сопровождалъ Петра въ Финляндію. Въ день торжествованія нейштатскаго мира, 22 октября 1721 г., Головкинъ отъ лица сената, чиновъ и народа, подалъ Петру титулъ отца отечества, Петра Великаго, императора, и говорилъ государю рѣчь. При Екатеринѣ I Головкинъ, сохраняя званіе канцлера, поклонялся Меншикову, и въ день утвержденія верховнаго тайнаго совѣта, 8 февраля 1726 г., сдѣланъ третьимъ его членомъ; въ царствованіе Петра II велъ дружбу съ сильными тогда Долгорукими. Въ 1730 г., когда избирали на престолъ Анну Іоанновну, Головкинъ подписалъ сначала актъ ограниченія власти, потомъ прошеніе о воспріятіи самодержавія, былъ 10 ноября 1731 г. назначенъ первымъ членомъ учрежденнаго въ тотъ день кабинета и 20 января 1734 г. умеръ въ Петербургѣ, а похороненъ въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ, съ предками. Втеченіи канцлерской службы своей графъ Головкинъ заключилъ и подписалъ сорокъ девять договоровъ и трактатовъ съ дворами и министрами тринад-

цати европейскихъ державъ. Соединяя здравый разсудокъ съ хорошимъ по тому времени образованіемъ графъ Головкинъ былъ скроменъ, честенъ, дѣятеленъ, остороженъ, искусенъ въ дѣлахъ дипломатическихъ, мужественъ въ битвѣ, пріятенъ въ обращеніи, придерживался старыхъ обычаевъ, и хотя дюкъ де-Лиріа отзывается о Головкинѣ, что его „упрекнуть ни въ чемъ нельзя", но несправедливое рѣшеніе дѣла Искры и Кочубея въ пользу Мазепы останется навсегда упрекомъ памяти канцлера, извѣстнаго кромѣ того своею необычайною скупостью и такою же любостяжательностью. Канцлеръ графъ Головкинъ былъ женатъ на Домнѣ Андреевнѣ Дивовой (ум. 1727 г.) и имѣлъ отъ нея шесть человѣкъ дѣтей: 1) Ивана, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, умершаго въ 1734 году: 2) Александра, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. ум. 1760 года, 3) Михаила (о немъ см. прим. 60); 4) Наталью, умершую въ 1726 году, за генералъ-аншефомъ княземъ Борятинскимъ; 5) Анну (о ней см. прим. 73); 6) Анастасью, ум. 1735 года за княземъ Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ.

(Словарь достопам. люд. рус. земли, Бантыша-Каменскаго. Москва, 1836, ч. II.—Исторія Малой Россіи, его же. Москва, 1842, ч. III, 58—82. Историческое обозрѣніе объ Уніи, Н. Бант.-Каменск. Москва, 1805. с. 159 — 191; 212. — Дѣян. Петр. Вел., Голикова.— Опытъ жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣлами въ Россіи, соч. Терещенко. С.-Петерб. 1837, II. — Дневникъ Берхгольца, I, II, IV. — Записки дюка Лирійскаго, 117.—Зап. англ. резид. Рондо о рус. вельможахъ 1730 г., въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1861, II. — Рос. родослов. книга, князя П. Долгорукаго, 1857, IV.—Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, 23).

13

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, сынъ боярина князя Михаила Яковлевича и Маѳы Никитичны, по отцу княжны Одоевской, родился 28 сентября 1680 года, и въ 1702 году, будучи уже ближнимъ стольникомъ, опредѣленъ въ помощники къ своему отцу, тобольскому воеводѣ, при которомъ служилъ десять лѣтъ, а въ 1714 году вызванъ Петромъ I въ Петербургъ и здѣсь назначенъ членомъ коммиссіи городскихъ строеній. Съ 1719 года по 1724 годъ, князь Черкасскій снова служилъ въ Сибири губернаторомъ. Екатерина I сдѣлала его въ 1726 году сенаторомъ, а Петръ II въ 1727 году пожаловалъ въ тайные совѣтники. Въ эпоху

избранія на русскій престолъ Анны Іоанновны, въ 1730 году, князь Черкасскій, богатѣйшій по количеству душъ помѣщикъ въ Россіи, предводилъ партіей дворянъ, просившихъ императрицу объ уничтоженіи ограниченій царской власти, условленныхъ членами верховнаго тайнаго совѣта. Тогда же произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, князь Черкасскій, 22 марта 1730 года, первый изъ всѣхъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, получилъ андреевскую ленту, а въ 1731 году сдѣланъ однимъ изъ трехъ кабинетъ-министровъ. Лѣнивый, но осторожный, князь Черкасскій ни въ чемъ не противорѣчилъ Бирену, и заискивая его расположеніе, успѣлъ, втеченіи трехнедѣльнаго регентства, подслужиться герцогу тѣмъ, что выдалъ ему тайну многихъ лицъ, довѣрчиво обратившихся къ князю съ просьбою помочь имъ въ низложеніи страшнаго регента. Несчастные подверглись чудовищнымъ пыткамъ, и несмотря на это, князь Черкасскій при новомъ переворотѣ облеченъ правительницею въ санъ великаго канцлера (10 ноября 1740 года), сохранилъ это званіе и по воцареніи Елизаветы Петровны, но около года спустя, умеръ въ Москвѣ 4 ноября 1742 года, и 7 декабря погребенъ въ высочайшемъ присутствіи, подъ знаменской церковью московскаго новоспасскаго монастыря. Князь Черкасскій былъ честенъ, безкорыстенъ, застѣнчивъ до робости, но лѣнивъ, самолюбивъ, сухъ, мелоченъ, не терпѣлъ совмѣстничества, не любилъ заниматься дѣлами, презиралъ европейскія нововведенія, и поддакивая всѣмъ и каждому, умѣлъ удержаться при всѣхъ перемѣнахъ, въ то время весьма частыхъ. Историкъ Щербатовъ изъясняется о Черкасскомъ: „сей человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность“, а Волынскій добавляетъ къ этому: „нынѣ его (Черкасскаго) поставятъ, а на завтра постригутъ; онъ за все, про все молчитъ и ничего не говоритъ“. Какъ кабинетъ-министръ, князь Черкасскій подписалъ торговый договоръ съ Англіею (1734 г.), а въ званіи канцлера — два трактата: съ прусскимъ дворомъ, 16 апрѣля 1740 года, и съ англійскимъ, 3 апрѣля 1741 года. Князь Черкасскій былъ женатъ два раза: 1) на Аграфенѣ Львовнѣ Нарышкиной (ум. въ 1709 г.), 2) на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой (ум. 1747 г.), имѣлъ всего четырехъ дѣтей и оставилъ, отъ второго брака, одну дочь, Варвару Алексѣевну, которая состояла камеръ-фрейлиною высочайшаго двора, считалась самой богатой невѣстой въ Россіи, была сватана отцомъ за славнаго сатирика князя Антіоха Дмитріевича Кантеміра, отказавша-

гося отъ женитьбы на комъ бы то ни было и вышла, съ приданымъ въ семьдесятъ тысячъ душъ, за графа Петра Борисовича Шереметева, имѣвшаго столько же, вслѣдствіе чего и образовалось громадное шереметевское состояніе.

(Словарь достопам. людей русск. земли, Бант.-Каменск. 1836, ч. V. - Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявш. иностран: дѣлами въ Россіи, Терещенко. 1837, ч. II.—Записки дюка Лирійскаго. 1845, с. 122.—Письма леди Рондо. 1836, с. 98.—Записки Пащокина, 1842, с. 32.—Россійск. родословн. книга, кн. П. Долгорукаго. 1855, ч. II.—Спб. Вѣд. 1740.—Списокъ кавалер. росс. орденовъ, 1814.—Anecdotes intéress. Londres, 1792 —Extraits des dépêches. Berlin, 1858.—Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, V, S. 13—14).

14.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новогородскій, принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ сотрудниковъ Петра I и ученѣйшихъ русскихъ іерарховъ. Онъ происходилъ изъ купеческаго званія, родился 8 іюня 1681 года въ Кіевѣ и названъ Елеазаромъ. Осиротѣвъ въ младенчествѣ, онъ на 8 году возраста потерялъ пріютившаго его дядю, кіевскаго іеромонаха Ѳеофана Прокоповича, и былъ призрѣнъ однимъ изъ сердобольныхъ кіевскихъ гражданъ, который платилъ за ученіе Елеазара въ кіевской академіи. Въ 1698 году Елеазаръ отправился въ Литву, гдѣ процвѣтали тогда уніатскія училища, но небывъ принятъ ни въ одно, какъ православный, назвался уніатомъ, вступилъ даже въ братство Битевскаго базиліанскаго монастыря, причемъ нарѣченъ Елисеемъ, и вскорѣ переведенъ въ главное училище, бывшее въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Здѣсь отличные успѣхи новаго самозванца-уніата обратили на него вниманіе провинціала и Елисей отправленъ въ римскую академію, гдѣ пробылъ три года, но по обстоятельствамъ не окончилъ курса. Оставивъ Римъ, Елеазаръ-Елисей подъ видомъ путешественника возвратился чрезъ Венецію и Австрію въ Польшу, пришолъ въ православный Почаевскій монастырь и тутъ постригся, принявъ имя Самуила. Въ 1704 году кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій перезвалъ Самуила къ себѣ и сдѣлалъ его учителемъ стихотворства въ кіевской академіи. Академическая служба Самуила—переименовавшагося съ 1705 года, въ честь благодѣтеля-дяди, Ѳеофаномъ—продолжалась около 7 лѣтъ и состояла въ преподаваніи духовному юношеству реторики и философіи, ариѳметики и геометріи, даже физики. Но

втеченіи этого времени Θеофанъ, съ 1707 года префектъ академіи, успѣлъ проложить дорогу и къ собственному возвышенію: въ 1706 году онъ въ присутствіи Петра, посѣтившаго Кіевъ, отличился весьма краснорѣчивою проповѣдью; въ 1709 году, въ томъ же Кіевѣ, привѣтствовалъ полтавскаго побѣдителя великолѣпнымъ „панегирикомъ", а потомъ всенародно произнесъ „похвальное слово" князю Меншикову, сказавъ между прочимъ гордому временщику: „мы въ Александрѣ видимъ Петра, и его священнѣйшему величеству въ твоемъ лицѣ поклоняемся". Карьера Θеофана была сдѣлана. Въ 1711 году онъ сопровождалъ государя въ прутскій походъ, назначенъ игуменомъ кіево-братскаго монастыря и ректоромъ академіи, а въ 1716 году, уже страдая каменною болѣзнью, переселился по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ, и тутъ начался рядъ проповѣдей краснорѣчиваго витіи, которыми съ того времени ознаменовывались всѣ торжественные случаи эпохи Петра и ближайшихъ его преемниковъ. 2 іюня 1718 г. Θеофанъ, въ высочайшемъ присутствіи, хиротонисанъ въ епископы псковскіе и новгородскіе, и тогда же, въ знакъ особаго отличія, получилъ саккосъ, котораго не имѣли всѣ прочіе епископы, священнодѣйствовавшіе въ фелони, съ однимъ только омофоромъ. Въ 1719 году Θеофанъ по порученію государя написалъ „Духовный регламентъ", воздвигъ на себя гоненіе мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, былъ имъ заподозрѣнъ въ неправославіи, но защищенный государемъ, остался непримиримымъ врагомъ Стефана и въ 1720 году возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1721 году сдѣланъ вице-президентомъ новоучрежденнаго святѣйшаго синода. Въ 1722 году Θеофанъ, повинуясь волѣ Петра, писалъ „о духовномъ причтѣ", „монахахъ", монастырскихъ доходахъ и россійскихъ іерархахъ вообще, что все исправлялось и утверждалось самимъ государемъ. Въ 1724 году Θеофанъ былъ первымъ священнодѣйствующимъ лицомъ при коронованіи императрицы Екатерины I, несмотря на то, что въ Россіи находилось тогда нѣсколько іерарховъ, старѣйшихъ архіепископа новгородскаго. Утѣшивъ и пріобщивъ на смертномъ одрѣ своего монарха и благодѣтеля, Θеофанъ, связанный тѣсною дружбою съ Меньшиковымъ, былъ по кончинѣ Петра однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ провозглашенія самодержицею императрицы Екатерины I, короновалъ преемника ея, императора Петра II, и два раза обручалъ его то съ княжной Меншиковой, то съ княжной Долгорукой. Въ 1730 году, при избраніи императрицы Анны Іоанновны, Θеофанъ, тайно отъ членовъ верховнаго совѣта,

отправилъ въ Митаву увѣдомленіе о замыслахъ вельможъ, недовѣрялъ присяжнымъ формамъ, изготовленнымъ въ тайномъ совѣтѣ, явился однимъ изъ первыхъ противниковъ мысли объ ограниченіи самодержавія, заслужилъ тѣмъ полнѣйшее довѣріе новоизбранной императрицы, ликовалъ, когда дворяне просили Анну властвовать „по примѣру предковъ“ и торжественно короновалъ ее, 28 апрѣля. Сохраняя при Аннѣ все вліяніе свое, Ѳеофанъ, авторъ „Правды воли монаршей“, убѣдилъ императрицу подписать манифестъ о признаніи наслѣдникомъ того, кого изберетъ ея величество, заискивалъ въ Биренѣ, дружилъ Остерману, водился со всѣми нѣмцами-вельможами, предалъ суду и пыткѣ Ѳеофилакта, архіепископа тверского, сочлена своего по синоду и опаснаго соперника по сочиненіямъ духовнаго содержанія, и умеръ 8 сентября 1736 года отъ каменной болѣзни. Тѣло его погребено въ ризничной палатѣ новогородскаго софійскаго собора. Архипастырь умный и весьма просвѣщенный, писатель едвали не плодовитѣйшій изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ, Ѳеофанъ имѣлъ характеръ хитрый, властолюбивый, мстительный и жестокій, обвинялся современниками въ неправославіи и склонности къ ученію лютеранскому. Но постоянно развивая правительственныя идеи Петра, въ формахъ по тому времени увлекательныхъ, Ѳеофанъ умѣлъ производить сильное впечатлѣніе на слушателей и читателей, предубѣждалъ въ пользу царскихъ нововведеній мнѣніе общественное, и такимъ образомъ шолъ впереди преобразованій, былъ ревностнымъ сподвижникомъ преобразователя. Изъ множества сочиненій Ѳеофана, въ родахъ поучительномъ, историческомъ, юридическомъ, ученомъ и изящномъ, издано на русскомъ и латинскомъ языкахъ до 50 книхъ и трактатовъ, да осталось въ рукописи 26, несчитая стихотвореній, пѣсней и романсовъ. Знаменитѣйшею изъ проповѣдей Ѳеофана считается та, которую началъ, но не договорилъ витія въ день погребенія Петра. „Что се есть? воскликнулъ тогда Ѳеофанъ:— до чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“—и не могъ продолжать, залился слезами, соединивъ ихъ съ рыданіями всѣхъ слушателей. Есть преданіе, что умирая, Ѳеофанъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и произнесъ: „о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?“

(Словарь достопам. людей рус. земли, Бант.-Каменскаго. Москва, 1847, ч. VIII.—Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателеляхъ духовнаго чина, соч. митроп. Евгенія. С.-Петерб., 1818, ч. II.—Древн. Рос. Вивліоѳика, Новикова.

IX, с. 484 и д.—Vie d'Alexandre I. empereur de Russie. Paris 1826, 244. (Fragments sur la Russie).)

15.

Манифестъ о присягѣ будущему наслѣднику подписанъ государыней 1731 года. Онъ отпечатанъ церковными буквами.—См. Пол. Собр. Законовъ, изд. 1830, т. VIII, ст. 5909 и 5910.

16.

Московская придворная типографія, о которой говоритъ Биренъ, была, подъ названіемъ верхней, учреждена въ кремлевскомъ дворцѣ Симеономъ Полоцкимъ, въ царствованіе питомца его Өеодора Алексѣевича, и первая книга, отпечатанная здѣсь, въ 1680 году, была „Тестаментъ Василія, царя греческаго". Домъ же Өеофана Прокоповича, находившійся въ 1731 году въ части Москвы, называемой Бѣлымъ городомъ, между улицами Срѣтенской и Мясницкой, въ приходѣ церкви святыхъ мучениковъ Фрола и Лавра, сгорѣлъ въ страшный троицкій пожаръ 1737 года, и съ нимъ вѣроятно погибла верхняя типографія; о ней по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ нигдѣ и ничего не упоминается.

(Опытъ россійской библіографіи, Вас. Сопикова. С. Петерб. 1813, ч. I, стр. LXXXI—LXXXII.—Описаніе новгородскаго архіерейскаго дома, соч. архим. Макарія. С. Петерб., 1857, 65—66).

17.

Это происходило въ Москвѣ, 19 декабря 1731 года; а 9 января 1732 года императрица выѣхала въ Петербургъ, и въ Москву больше не возвращалась.

(Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка, приказный журналъ 1731 г.—С.-Петерб. Вѣдомости 1732 г.)

18.

Карлъ-Густавъ Левенвольдъ, впослѣдствіи графъ, старшій братъ Карла-Рейнгольда (см. прим. 3), былъ, въ чинѣ подполковника, генералъ-адъютантомъ императора Петра I, и не одинъ разъ посылался государемъ за границу, съ разными дипломатическими порученіями. Такъ, въ 1718 году онъ ѣздилъ въ Вѣну, просить объ отзывѣ изъ Россіи австрійскаго резидента Плейера, вмѣшивавшагося въ семейныя дѣла Петра, а въ 1723 г. привезъ въ Петербургъ двухъ юныхъ принцевъ гессенъ-гомбургскихъ, родныхъ братьевъ, тогда же опредѣленнымъ въ русскую службу. Въ царствованіе Екатерины I, особенно благоволившей къ младшему Левенвольду, Карлъ-Густавъ, уже бригадиръ, возведенъ вмѣстѣ съ братомъ въ граф-

ское достоинство россійской имперіи, 24 октября 1726 года, и по кончинѣ императрицы удалился въ Лифляндію, гдѣ проживалъ ни при чемъ въ теченіи всего кратковременнаго царствованія императора Петра II. Но въ 1730 году, получивъ отъ брата своего, камергера, вѣсть о избраніи на русскій престолъ герцогини курляндской и готовившихся ей условіяхъ, Левенвольдъ поскакалъ въ Митаву, поздравилъ и предварилъ обо всемъ Анну и успѣлъ выѣхать оттуда ранѣе пріѣзда московской депутаціи. Такое усердіе не осталось безъ награды. Императрица объявила Левенвольда своимъ генералъ-адъютантомъ, генералъ-маіоромъ и полковникомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, учрежденнаго 22 сентября 1730 года, а 1 января 1731 года пожаловала новаго любимца генералъ-поручикомъ, и Левенвольдъ, облеченный правами полномочнаго министра, тогда же отправился въ Вѣну, хлопотать о православныхъ въ Польшѣ, притѣсняемыхъ поляками. 1 января 1732 Левенвольдъ, невозвращавшійся еще изъ-за границы, сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ, и вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ снова поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ 13 декабря 1732 года заключилъ съ цесарскимъ и прусскимъ министрами тайный договоръ о будущихъ судьбахъ Польши и Курляндіи. Плодомъ этого путешествія Левенвольда былъ вызовъ и пріѣздъ въ Россію, 11 февраля 1733 года, принца Антона-Ульриха брауншвейгъ-бевернъ-люнебургскаго, будущаго супруга Анны Леопольдовны. Когда же въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II, Левенвольдъ, едва успѣвшій прибыть въ Петербургъ, отправленъ въ Варшаву, — съ жалованьемъ по 100 руб. на день и повелѣніемъ,— объявить Рѣчи-Посполитой, что Станиславъ Лещинскій, рекомендованный въ польскіе короли французскимъ министромъ, кардиналомъ Флери, не можетъ и не долженъ быть избранъ. Но въ Варшавѣ Левенвольда не слушали, и онъ въ маѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ іюлѣ отправился въ Варшаву съ новыми наставленіями, заключилъ тамъ въ августѣ союзный договоръ съ министрами цесарскимъ и саксонскимъ, и въ сентябрѣ, несмотря на противодѣйствіе приверженцевъ Лещинскаго, успѣлъ согласить избирательный сеймъ къ провозглашенію королемъ польскимъ курфирста саксонскаго, который подъ именемъ Августа III и былъ коронованъ въ Краковѣ, въ январѣ 1734 года. Исполнивъ свое дѣло, Левенвольдъ награжденъ 21 декабря 1733 года орденомъ святого Андрея, проѣхалъ изъ Кракова въ Вѣну, склонять цесаря къ содѣйствію Россіи въ преднамѣреваемой войнѣ съ турками, возвратился въ Петербургъ больной, и получивъ дозволеніе ле-

читься, умеръ въ Рапинской мызѣ своей, подъ Дерптомъ, 30 апрѣля 1735 года. Человѣкъ завѣдомо отважный и рѣшительный, министръ весьма способный, начальникъ хотя и строгій, но за справедливость любимый подчиненными, Карлъ-Густавъ-Левенвольдъ, льстецъ и фаворитъ Бирена, былъ постояненъ какъ нѣмецъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, вездѣ и всегда выдвигалъ впередъ однихъ иностранцевъ, славился извѣстностью игрока и въ тоже время скряги, преданнаго взяточничеству; но, раздѣляя съ патрономъ своимъ, Бирономъ, страсть къ лошадямъ, оказалъ нѣкоторыя услуги русскому коннозаводству. Испанскій посолъ дюкъ де-Лиріа, знавшій Левенвольда по дворцу, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ лживъ, а Нащокинъ, офицеръ измайловскаго полка, говоритъ въ своихъ запискахъ, что „такой человѣкъ, какъ оный графъ Левенвольдъ, съ справедливыми поступками и зѣло съ великимъ спостоянствомъ, съ смѣлостію, съ столь великими добродѣтелями, рѣдко рожденъ быть можетъ“.

(Словарь достопам. людей рус. земли; Бант.-Каменскаго, 1847, ч. III. — Дневникъ Берхгольца, 1858 г., ч. I и II. — Записки дюка Лирійскаго, 1845, 123. — Записки Нащокина, 1842, с. 34, 40. — Записки Миниха-сына, 1817. — Списокъ военнымъ генераламъ съ Петра I до Екатерины II, 1809. — Историч. собр. списковъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814. — Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка за 1730 — 1735 годы. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.—Materialen zu der russischen Geschichte, v. Schmidt-Phiseldek. Riga, 1784).

19.

Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ-Остерманъ, старшій братъ канцлера, прибылъ въ Россію ранѣе 1703 года и опредѣлился учителемъ къ царевнамъ Екатеринѣ, Аннѣ и Прасковьѣ Іоанновнамъ. Когда старшая изъ нихъ, Екатерина, вышла въ 1716 году замужъ, то супругъ ея, герцогъ Карлъ-Кеопольдъ мекленбургскій, возвелъ бывшаго воспитателя молодой герцогини въ баронское достоинство, пожаловалъ его своимъ тайнымъ совѣтникомъ и признамъ мекленбургскимъ посломъ въ Россіи. Далѣе этого званія, непользовавшагося большимъ почетомъ ни при Петрѣ, ни послѣ Петра, Дитрихъ Остерманъ не пошолъ, хотя въ царствованіе Петра II и получилъ Александровскую ленту (25 февраля 1729 года). По восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, герцогъ мекленбургскій, давно уже разставшійся съ женою, но негодовавшій на предпочтеніе ей младшей сестры, не считалъ нуж-

нымъ имѣть посланника при дворѣ своячевицы, и оставилъ Дитриха Остермана безъ всякаго содержанія. Сжалясь надъ положеніемъ экс-министра, неимѣвшаго никакихъ средствъ, императрица Анна Іоанновна повелѣла выдавать бывшему наставнику своему по 300 рублей въ мѣсяцъ. Этою суммою, въ то время весьма немалою, Остерманъ безбѣдно и уединенно проживалъ до новаго переворота, доставившаго корону императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Тогда обстоятельства перемѣнились, и 29 декабря 1741 года, Дитриху Остерману, брату обвиненнаго канцлера, велѣно немедленно оставить Россію. Бѣднякъ, лишонный послѣднихъ средствъ къ жизни, поспѣшилъ исполнить повелѣніе, отправился въ какую-то нѣмецкую земельку, и тамъ въ 1744 году умеръ. Неимѣя никакихъ дарованій своего брата, Дитрихъ Остерманъ не пользовался никакимъ значеніемъ, не пріобрѣлъ ничьего уваженія, предпочиталъ всему спокойствіе частнаго человѣка, и любя, подобно брату, объясняться загадками, почиталъ себя весьма умнымъ человѣкомъ, хотя, по мнѣнію дюка де-Лиріа, былъ „величайшій глупецъ“.

(Дневникъ Берхгольца. 1858 г., II, с. 288, 303.—Записки дюка Лирійскаго, 1845 г., с. 134.—Russische Günstlinge. Tübingen, 1809 г., S. 83—84).

20.

Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургъ-аншпахскій, родился 1713 года, умеръ до 1758 года. Былъ женатъ на Фридерикѣ-Луизѣ, сестрѣ прусскаго короля Фридриха II, и имѣлъ сына Христіана-Фридриха-Вильгельма-Александра, который родился въ 1736 году, а въ 1790 году продалъ свое владѣніе Пруссіи.

(Мѣсяцесловы академическіе за разные годы первой половины XVIII вѣка.—Dictionnaire universel d'histoire et de géographie, par M. N. Bouillet. Paris, 1857 г., с. 83).

21.

Названіе беверн скаго впервые принялъ нѣкто Кламоръ, владѣвшій въ 903 году помѣстьемъ Беверномъ, нынѣшнимъ городкомъ въ гольцмюнденскомъ округѣ герцогства брауншвейгскаго, лежащимъ по дорогѣ изъ Гольцмюндена въ Эшерсгаузенъ, неподалеку отъ рѣки Везера. Потомство Кламора угасло въ исходѣ XVI вѣка и беверское помѣстье, по праву наслѣдства, перешло къ владѣтелямъ минхгаузенскимъ, а отъ нихъ, въ половинѣ XVII вѣка, въ домъ брауншвейгъ-люнебургъ-вольфенбиттельскій. Фердинандъ-Аль-

брехтъ, принадлежавшій къ этому дому, переселился въ Бевернъ и тѣмъ положилъ начало новой герцогской линіи брауншвейгъ-люнебургъ-беверинской, прекратившей свое существованіе въ 1809 году.

(Diction. univers. d'hist. et de géogr., par Bouillet. Paris. 1857, p. 213. — Allgem. histor. Lexicon, Leipzig. 1730, T. I. S. 517).

22.

Принцъ Антонъ-Ульрихъ брауншвейгъ-беверпъ-люнебургскій, сынъ герцога Фердинанда-Альбрехта и герцогини Амаліи-Антуанеты вольфенбиттельскихъ (см. прим. 21), родился 21 августа 1714 года въ Бевернѣ. Римскій императоръ Карлъ VI, за которымъ была родная сестра матери Антона-Ульрика, желалъ устроить къ лучшему судьбу женина племянника и при первыхъ слухахъ о намѣреніи русской императицы пріискать племянницѣ жениха, началъ дѣйствовать въ видахъ собственной политики и всячески стараться, чтобы выборъ русскаго двора палъ на Антона-Ульриха. Представленія о томъ вѣнскаго кабинета, поддержанныя выгодною рекомендаціею графа Левенвольда (см. прим. 18), имѣли успѣхъ, и принцъ браунпвейгъ-бевернъ-люнебургскій былъ приглашенъ въ Россію, пріѣхалъ въ Петербургъ 2 февраля 1733 года, и въ томъ же году сдѣланъ полковникомъ кирасирскаго полка, названнаго беверискимъ (см. прим. 23). Въ 1737 году принцъ служилъ волонтеромъ въ арміи Миниха, и за отличіе при взятіи Очакова произведенъ въ генералъ-майоры. За участіе въ походѣ 1738 года пожалованъ премьеръ-майоромъ семеновскаго полка и орденами: святого Александра невскаго (8 ноября) и святого Андрея первозваннаго (28 ноября). Въ 1739 году іюля 3 принцъ обвѣнчанъ съ Анной Леопольдовной, произведенъ 14 февраля 1740 года въ подполковники семеновскаго полка, съ чиномъ генералъ-лейтенанта, и 12 августа былъ обрадованъ рожденіемъ сына—принца Іоанна, который 6 октября былъ признанъ наслѣдникомъ всероссійскаго престола, а 17 декабря, по случаю кончины императрицы Анны Іоанновны, провозглашенъ императоромъ. Это обстоятельство не спасло принца Антона отъ разныхъ притѣсненій и оскорбленій, которымъ подвергся онъ со стороны Бирена, въ трехнедѣльное регентство герцога, 9 ноября 1740 года Биренъ былъ арестованъ и низложенъ, и на другой же день принцъ Антонъ объявленъ генералиссимусомъ, съ титуломъ императорскаго высочества. Новый государственный переворотъ, произведенный 25 ноября 1741 года въ пользу

цесаревны Елизаветы, лишилъ младенца Іоанна короны, а отца его — свободы. Арестованный со всѣмъ семействомъ, принцъ Антонъ былъ отправленъ въ Ригу, и тамъ заключенъ; послѣдовательно перевозился оттуда въ Динаминдъ, Раніенбургъ и Холмогоры, потерялъ здѣсь жену (умершую въ 1746 году), оплакалъ сына, бывшаго императора, давно уже разлученнаго съ отцомъ и погибшаго въ 1764 году въ Шлиссельбургѣ; потомъ ослѣпъ, и скончался въ 1774 году мая 4. Остатки несчастнаго узника погребены въ Холмогорахъ, у алтаря успенской церкви, но на могилѣ его нѣтъ памятника. Дѣти Антона-Ульриха, принцы Петръ и Алексѣй и принцессы Екатерина и Елизавета освобождены неранѣе 1780 года и отпущены въ городъ Горзенсъ, въ Ютландіи, съ пенсіею, на всѣхъ около 32,000 рублей въ годъ. Принцесса Екатерина жила долѣе всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ и умерла въ 1807 году въ Горзенсѣ, 66 лѣтъ. Принцъ Антонъ-Ульрихъ имѣлъ доброе сердце, былъ храбръ на ратномъ полѣ, но въ совѣтѣ робокъ и застѣнчивъ; заключеніе свое переносилъ сначала нетерпѣливо и безпрестанно укорялъ жену въ постигшемъ ихъ несчастіи; но овдовѣвъ, вооружился мужествомъ, посвятилъ себя дѣтямъ и не хотѣлъ разстаться съ ними, когда въ 1762 году императрица Екатерина II предлагала свободный выѣздъ изъ Россіи ему одному. Кромѣ четырехъ принцевъ и принцессъ, принцъ Антонъ-Ульрихъ оставилъ нѣсколько побочныхъ дѣтей, которыя не были перевезены въ Ютландію и остались въ Россіи на особой пенсіи.

(Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, Д. Бантышъ-Каменскаго. Спб., 1840, ч. I.— Письма леди Рондо, Спб., 1836. с. 116 и д.—Записки Миниха-сына. Спб., 1817, с. 115, 133 и д.—О портретахъ Анны Леопольдовны, Куника, въ Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ за 1859. — Описи секретн. бумагамъ, до принца и принцессы брауншвейгъ-люнебургскихъ относящимся, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1861, кн. II.—О брауншв. фамиліи, ст. Полѣнова, въ Труд. Росс. Акад. за 1840 г., ч. I, с. 108. — С.-Петерб. Вѣдомости 1733 — 1741 г.—Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Extrais des dépêches. Berlin, 1858. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, IV.— Geschichte Peter des Dritten, Kaisers von Russl. 1799, II, S. 28 u. s. w.).

23.

Этотъ полкъ былъ первоначально учрежденъ при Петрѣ I

въ 1704 г. и названъ тогда драгунскимъ князя Григорія Волконскаго, потомъ ярославскимъ драгунскимъ полкомъ. Екатерина I переименовала ярославскихъ драгунъ въ новогородскіе, но въ томъ же 1727 году Петръ II возвратилъ полку прежнее его наименованіе, а императрица Анна Іоанновна, указомъ 1 ноября 1732 года, повелѣла переформировать ярославскій драгунскій полкъ въ третій кирасирскій, что и исполнено Минихомъ. Съ назначеніемъ принца Антона-Ульриха полковникомъ третьяго кирасирскаго полка, послѣдній, указомъ 21 іюля 1733 года, названъ беверискимъ кирасирскимъ полкомъ, потомъ въ 1738 году брауншвейгскимъ кирасирскимъ, и смѣнивъ еще восемь разъ свое именованіе, называется теперь лейбъ-гвардіи кирасирскимъ его величества полкомъ. По званію полковника, принцъ Антонъ-Ульрихъ долженъ былъ получать въ годъ 840 рублей жалованья и 30 раціоновъ, или за нихъ деньгами 162 рубля.

(Хроника россійской императорской арміи. Спб., 1852, ч. I, с. 163 и д.—Исторія лейбъ-гв. кирасирскаго его имп. вел. полка. Спб., 1833 г.).

24.

Елизавета-Христина, дочь герцога брауншвейгъ-вольфенбиттельскаго Лудвига-Рудольфа, жена римскаго императора Карла VI и родная сестра Антона-Ульриха. Это мѣсто записки Бирена служитъ между прочимъ указаніемъ времени, въ которое она составлена. Герцогъ называетъ императрицу покойною, а Елизавета-Христина умерла 21 дек. 1750 г., 59 лѣтъ. Слѣдовательно записка Бирена составлена позже 1750 года.

25.

Петръ Биренъ, наслѣдный принцъ, а впослѣдствіи герцогъ курляндскій, родился 4 февраля 1724 года въ Митавѣ, гдѣ отецъ его былъ ближайшимъ придворнымъ вдовствовавшей герцогини курляндской Анны Іоанновны. Избраніе послѣдней на русскій престолъ проложило семейству Биреновъ, непользовавшемуся въ Курляндіи даже правами дворянства, путь къ непомѣрному возвышенію. 12 августа 1730 года императоръ Карлъ VI возвелъ оберъ-камергера Бирена съ дѣтьми въ графское достоинство римской имперіи, а 16 февраля 1731 года осьмилѣтній Петръ Биренъ пожалованъ прямо въ ротмистры минихова кирасирскаго полка. Съ избраніемъ оберъ-камергера графа Бирена въ герцоги курляндскіе, послѣдовавшимъ 2 іюня 1737 года, сынъ его Петръ сталъ име-

новаться наслѣднымъ принцемъ; въ 1739 году былъ сватанъ отцомъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, но неудачно, и 14 февраля 1740 года, при празднованіи турецкаго мира, получилъ алмазные знаки андреевскаго ордена. Въ самый день кончины императрицы Анны Іоанновны, 17 октября 1740 года, Петръ Биренъ назначенъ подполковникомъ конной гвардіи и носилъ это званіе до переворота 9 ноября, прекратившаго регентство герцога курляндскаго. 2 января 1741 года герцогъ Биренъ признанъ государственнымъ преступникомъ, достойнымъ смерти, и 13 іюля отправленъ изъ Шлиссельбурга, гдѣ содержался со всѣмъ семействомъ, въ Пелымъ, на вѣчное житье. Петръ, лишонный чиновъ и орденовъ, послѣдовалъ за отцомъ, и въ 1742 году вмѣстѣ съ нимъ перевезенъ изъ Пелыма въ Ярославль, назначенный, по повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, мѣстомъ заключенія изгнанниковъ. Здѣсь Петръ прожилъ около двадцати лѣтъ. Императоръ Петръ III, воцарившійся въ 1761 году, даровалъ прощеніе Биренамъ, призвалъ ихъ въ Петербургъ, и 2 апрѣля 1762 года пожаловалъ Петра генералъ-майоромъ, съ назначеніемъ въ шефы одного изъ кирасирскихъ полковъ, а 9 іюня возвратилъ ему александровскій орденъ. Императрица Екатерина II, сдѣлавшись самодержицею 22 августа 1762 года, отдала бывшему герцогу его герцогство, а Петру—титулъ наслѣднаго принца, и Бирены на другой же день выѣхали изъ Петербурга въ Курляндію. 13 іюля 1764 года, при посѣщеніи императрицею Митавы, Петръ Биренъ получилъ изъ рукъ ея величества андреевскій орденъ, въ 1766 году женился на принцессѣ вальдекской, а въ 1769 году замѣнилъ въ управленіи герцогствомъ своего одряхлѣвшаго отца и сталъ писаться въ календаряхъ „владѣющимъ". По смерти герцога въ 1772 году, Петръ Биренъ наслѣдовалъ его титулъ, двадцать три года былъ герцогомъ курляндскимъ, и 20 марта 1795 года уступилъ свое владѣніе императрицѣ Екатеринѣ II, которая, издавъ 4 апрѣля того же года манифестъ о присоединеніи Курляндіи на вѣчныя времена къ Россіи, заплатила Петру Бирену 500,000 червонцевъ за его помѣстья въ герцогствѣ и опредѣлила ежегодно выдавать ему по 25,000 червонцевъ. Тогда экс-герцогъ купилъ себѣ помѣстье Саганъ, въ лигницкомъ округѣ прусской Силезіи, и умеръ тамъ 2 января 1800 года, а бальзамированный трупъ его перевезенъ въ Митаву, гдѣ, наряду съ тѣлами прочихъ членовъ регентова семейства, долго хранился безъ погребенія въ зданіи такъ называемаго митавскаго замка и даже въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія показывался всѣмъ

желающимъ. Герцогъ Петръ Биренъ, имѣвшій нравъ „еще погорячѣе отцовскаго", былъ женатъ три раза: 1) на принцессѣ Каролинѣ-Луизѣ вальдекской (род. 1749 г., ум. 1772 г.); 2) на княжнѣ Евдокіи Борисовнѣ Юсуповой, умершей 1780 года и 3) на графинѣ Аннѣ-Шарлоттѣ-Доротеѣ фонъ-Медемъ (род. 1761 г., ум. 1822 г.), но имѣлъ дѣтей только отъ третьей жены—сына Петра, умершаго въ младенчествѣ, и четырехъ дочерей: 1) Іоанну-Екатерину, за Францемъ Пиньятелли де-Бельмонтъ, герцогомъ ачеренэскимъ (d'Acerenza); 2) Марію-Луизу-Паулину, за принцемъ гогенцоллернъ-гекингенскимъ Фердинандомъ-Германомъ-Оттономъ; 3) Шарлотту-Фридерику и 4) Доротею, за французскимъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Талейраномъ-Перигоромъ, герцогомъ Дино. Старшая и младшая изъ дочерей Петра Бирена въ 1856 году были еще въ живыхъ.

(Письма леди Рондо, Спб., 1836, 117.—Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. II. — Дѣянія Екатерины II, соч. Колотова. Спб., 1811, ч. VI, с. 57 и д.—Исторія л.-гв. коннаго полка, соч. Анненкова, Спб., 1849, ч. III. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809.—Списокъ кавалер. рос. орден., 1814. - С.-Петерб. Вѣдомости 1730—1741 г.—Anecd. intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792. —Extraits des dépêches. Berlin, 1858, p. 51, 53.—Gothaischer genealogischer Hof Kalender за разные годы.)

26.

Въ этомъ случаѣ нельзя на-слово вѣрить герцогу: извѣстное его честолюбіе сильно говоритъ за возможность такого намѣренія, приписываемаго Бирену большею частью источниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

27.

Г. Куникъ, имѣвшій въ рукахъ сочиненіе Бирена, на нѣмецкомъ языкѣ, переводитъ это мѣсто такъ: „пора выдать замужъ принцессу: она начинаетъ сильно полнѣть".—См. о портретахъ Анны Леопольдовны въ Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ за 1859 годъ, т. I. вып. 4.

28.

Этотъ образъ мыслей императрица заявляла герцогу въ 1739 году.

29.

Несчастія императора Карла VI, польэамъ котораго но-

стоянно сочувствовала Россія, начались съ 1733 года, когда императоръ, взявъ сторону польскаго короля Августа III, былъ вовлеченъ чрезъ это въ войну съ Франціею, Испаніею и Сардиніею, стоявшими за Станислава Лещинскаго; узналъ о пораженіи армій своихъ, сначала при Пармѣ, потомъ при Гвасталлѣ (1734 г.); лишился знаменитаго полководца принца Евгенія (1736 г.); потерялъ Лотарингію и Неаполь, уступленные вѣнскимъ трактатомъ 1738 года Франціи и донъ-Карлосу, а въ 1739 году увидѣлъ въ своихъ придунайскихъ владѣніяхъ многочисленную турецкую армію и съ ней цѣлыя орды татаръ. Это новое нападеніе стоило Карлу VI новыхъ уступокъ, и къ туркамъ, по бѣлградскому миру, заключенному въ томъ же году, отошли отъ имперіи Валахія и Сербія, съ городами Бѣлградомъ и Сабачемъ.

(См. Dictionn. univers. d'hist. et de géogr., par Bouillet Paris, 1857, p. 358.)

30.

Вѣнчаніе принца и принцессы происходило 3 іюля 1739 года, въ церкви рождества Богородицы, стоявшей на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора, и отправлялась съ великолѣпіемъ, невиданнымъ до того въ Петербургѣ.

(См. письма леди Рондо, Спб., 1836, с. 122 и д.—Камеръ-фурьерскій журналъ за 1739 годъ).

31.

Это былъ принцъ Іоаннъ Антоновичъ, извѣстный своею печальною судьбою. Онъ родился 12 августа 1740 года. 6 октября того же года объявленъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ всероссійскаго престола, а 17 октября, въ день смерти Анны Іоанновны,—императоромъ. Три первыя недѣли его царствованія отмѣчены въ русской исторіи именемъ регентства герцога Бирена, а все остальное время, продолжавшееся годъ и двѣ недѣли, составляетъ эпоху правленія принцесы Анны Леопольдовны брауншвейгъ-люнебургской, матери императора. Въ ночь на 25 ноября 1741 года преображенцы провозгласили цесаревну Елизавету Петровну императрицею, и младенецъ Іоаннъ, лежавшій еще въ колыбели, былъ лишонъ короны. Тогда начались его несчастія. Перевозимый, со всѣмъ браунштейгскимъ семействомъ, изъ Петербурга въ Ригу, изъ Риги въ Динаминдъ, изъ Динаминда въ Раніенбургъ, Іоаннъ былъ здѣсь разлученъ съ отцомъ и матерью, отправленъ отдѣльно отъ нихъ въ Холмогоры, и тамъ, невидимый никѣмъ, содер-

жался подъ именемъ извѣстнаго младенца, а потомъ извѣстной персоны до пятнадцатилѣтняго возраста. Около 1756 года Іоаннъ, какъ думаютъ нѣкоторые, былъ подстрекнутъ къ побѣгу какимъ-то монахомъ, ушолъ съ нимъ изъ Холмогоръ, достигъ Смоленска, но здѣсь схваченъ, и въ 1756 году привезенъ въ Шлиссельбургъ. Относительно жизни Іоанна въ этой крѣпости показанія писателей расходятся: одни утверждаютъ, что принцъ содержался „доброчестно" и даже былъ просвѣщаемъ науками, въ которыхъ неуспѣвалъ; другіе, и большая часть, свидѣтельствуютъ, что Іоаннъ содержался въ полномъ одиночествѣ, не слыхалъ человѣческаго голоса, не видалъ въ своемъ казематѣ дневного свѣта. Но извѣстно, что въ царствованіе Елизаветы Петровны принцъ Іоаннъ былъ два раза привозимъ въ Петербургъ, гдѣ въ домахъ Шувалова и Воронцова видѣлся и говорилъ съ императрицею, незная кто его собесѣдница, а въ царствованіе Петра III удостоился даже посѣщенія самого императора, который, тронувшись положеніемъ несчастнаго молодого человѣка, желалъ, но не успѣлъ облегчить его участь. По восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, къ принцу Іоанну были приставлены два старые инвалида, капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, получившіе предписаніе „призирать и соблюдать принца", но снабжонные ктому же и особыми секретными инструкціями. Въ 1764 году, когда Василій Мировичъ, подпоручикъ смоленскаго пѣхотнаго полка, намѣревавшійся освободить узника и возвратить ему престолъ, сталъ 5 іюля осаждать съ своею караульною командою казематъ принца, приставы испугались мятежа, и выполняя данную имъ инструкцію, немедленно закололи Іоанна. Тѣло несчастнаго правнука царя Іоанна Алексѣевича, положенное сначала въ шлиссельбургской крѣпостной церкви, привлекало къ себѣ толпы сострадательныхъ посѣтителей и потому было заперто, а впослѣдствіи отвезено въ большой тихвинскій богородицкій монастырь, гдѣ, по сказанію старожиловъ, погребено въ паперти успенскаго собора, при самомъ входѣ. Пишутъ, что принцъ Іоаннъ Антоновичъ былъ юноша весьма нѣжнаго сложенія и красивой наружности, но не умѣлъ ни писать, ни читать, сдѣлался отъ постояннаго одиночества задумчивымъ, походилъ на помѣшаннаго и развлекался однимъ—холилъ свою бороду, которою обросъ въ заключеніи. Ревнитель принца, Мировичъ также окончилъ трагически: 15 сентября 1764 года ему въ Петербургѣ отрублена голова и тѣло сожжено съ эшафотомъ.

(Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончи-

ны Петра-великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, Ведемейера. С. Петерб., 1835, ч. III.—Дѣянія Екатерины II, Колотова. 1811, ч. I, стр. 162.—Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины великой, Сумарокова, 1832, ч. I, с. 114—119.—Зерцало россійскихъ государей. Мальгина. С. Петерб., 1794, с. 506.—Труды Росс. Акад., 1840, ч. I, с. 108. —Описи секретнымъ бумагамъ, до принца и принцессы брауншв. люнебургск. относящ. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1861, кн. II.—О портретахъ Анны Леопольдовны, въ Уч. Зап. Импер. Академіи Наукъ за 1859.—С. Петерб. Вѣдомости 1740—1741.—Историко-статистич. описаніе тихвинскаго богородицкаго монастыря, С. Петерб.. 1859, с. 109 и прим. 100.—Полн. Собр. Зак., изд. 1830, т. XVI, ст. 12,228 и 12,241.—Mémoires de Manstein, 1771, p. 423 —Histoire de la vie, du régne et du détronement d'Iwan III. Londres, 1766.—Extraits des dépêches, Berlin, 1858, p. 234 etc.—Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes. Leipzig, 1855.—Ceschichte Peters des Dritten. II, S. 81—174).

32.

Послѣднюю болѣзнь императрицы, давно страдавшей камнемъ, Рихтеръ объясняетъ летучею ломотою, къ которой передъ самой смертью присоединилось кровохарканье.—См. исторію медицины въ Россіи, В. Рихтера, изд. 1820 г., ч. III, стр. 232.

33.

Это случилось 5 октября 1740 года, въ то самое время, когда императрица по обыкновенію сидѣла за обѣдомъ съ Биреномъ и его женою.

34.

Іоганъ-Бернгардъ Фишеръ, сынъ врача, служившаго впослѣдствіи въ Россіи, родился 1685 года въ Любекѣ, учился въ Галле, Іенѣ и Лейденѣ, въ 1710 году возвратился съ докторскою степенью къ отцу, въ Ригу, занимался здѣсь практикою; въ 1733 году сдѣланъ штадтъ-физикомъ, а въ 1734 году произведенъ въ лейбъ-медики и назначенъ архіатеромъ, то-есть начальникомъ всего медицинскаго вѣдомства въ Россіи, съ жалованьемъ по 7,000 рублей въ годъ. Въ этой почетной должности Фишеръ исполнялъ обязанность свою съ большимъ усердіемъ, учредилъ уѣздныхъ лекарей, создалъ полевыя аптеки, возобновилъ древній аптекарскій садъ въ Москвѣ и завелъ новый въ Петербургѣ, остановилъ

чуму, свирѣпствовавщую въ 1738 году въ Украйнѣ, но удалился изъ службы въ 1742 году, когда воцарившаяся императрица Елизавета Петровна назначила приверженца своего, Лестока, главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи,— и умеръ въ 1792 году въ помѣстьѣ своемъ Гинтербергенѣ, около Риги. Четвертый и послѣдній русскій архіатеръ, Фишеръ былъ извѣстенъ какъ врачъ весьма ученый и чрезвычайно добросовѣстный и стяжалъ уваженіе своихъ современниковъ. Императоръ Карлъ VI прислалъ Фишеру грамоту на дворянское достоинство, а императрица Анна Іоанновна подарила ему домъ на Фонтанкѣ, принадлежавшій до того герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Іоанновнѣ. Послѣ Фишера осталось болѣе двадцати напечатанныхъ сочиненій и одно въ рукописи. Сынъ его Іоганъ-Веніаминъ воспитывался съ дѣтьми Бирена и умеръ въ 1759 году, колежскимъ асессоромъ,—См. Исторія медицины въ Россіи, В. Рихтера. Москва, 1820 г., ч. III, с. 270—279.

35.

Антоніо-Рибейро Санхецъ, родомъ изъ Португаліи, опредѣлился въ русскую службу въ 1731 году; былъ въ 1737 году главнымъ докторомъ кадетскаго корпуса, а въ 1740 году пожалованъ правительницею Анною Леопольдовною въ лейбъ-медики и назначенъ состоять при младенцѣ императорѣ Іоаннѣ, для врачебныхъ услугъ которому получилъ 5 ноября особую письменную инструкцію. Съ паденіемъ правительницы Санхецъ не потерялъ ничего, оставался вторымъ лейбъ-медикомъ двора императрицы Елизаветы Петровны, пожалованъ въ 1744 году чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но въ 1747 году испросилъ увольненіе, уѣхалъ изъ Россіи и до самой смерти жилъ въ Парижѣ. Санхецъ, какъ врачъ, пользовался особымъ довѣріемъ правительницы, которая даже изъ Риги присылала на его просмотръ рецепты, прописываемые состоявшимъ при ней докторомъ Аццаритти (см. прим. 63). Онъ же былъ домовымъ врачемъ извѣстнаго несчастливца, кабинетъ-министра Волынскаго, котораго посѣщалъ и въ заточеніи. Многотомная библіотека Санхеца, купленная у него Елизаветой Петровной, вошла впослѣдствіи въ составъ императорской публичной библіотеки и значительно обогатила ея медицинскій отдѣлъ. Изъ сочиненій Санхеца особенно замѣчательны два: о русскихъ баняхъ и о происхожденіи сифилитической болѣзни, изданныя оба на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ впослѣдствіи перваго на русскій языкъ.

(Исторія медицины въ Россіи, Рихтера. 1820, ч. III, с. 263—266.—Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II. - Описи секр. бумаг., до пр. брауншв. относящ., въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1861, кн. II. — С.-Петерб. Вѣд. 1744 г.).

36.

Юліана Менгденъ, извѣстная наперсница Анны Леопольдовны, дочь лифляндскаго ландмаршала Густава Магнуса Менгдена отъ брака его съ Доротеею-Софіею фонъ-Розенъ, родилась 22 мая 1719 года. Когда именно поступила она въ придворный штатъ, достовѣрно неизвѣстно; но чрезвычайная привязанность къ ней Анны Леопольдовны заставляетъ предполагать, не была ли Юліана совоспитанницею принцессы мекленбургской и товарищемъ ея дѣтскихъ игръ, а потомъ невеселой молодости. Ближайшій другъ Анны Леопольдовны, Юліана по кончинѣ императрицы приняла на свои руки младенца Іоанна, и послѣ ноябрьскаго переворота въ 1740 году, низвергнувшаго регентство герцога Бирена, наименована первою статсъ-фрейлиною правительницы. Съ тѣхъ поръ Юліана, нелюбившая Антона Ульриха, стала между супругами, старалась поддерживать ихъ взаимную холодность и всѣми возможными способами потворствовала страсти Анны Леопольдовны къ саксонскому посланнику графу Линару, - для прикрытія которой рѣшилась сама выйти за красиваго графа и была торжественно помолвлена съ нимъ 13 августа 1740 года. Но этому браку не пришлось состояться. Линаръ уѣхалъ въ Саксонію и Польшу для устройства, передъ свадьбою, своихъ домашнихъ дѣлъ, и въ его отсутствіе, въ Петербургѣ совершился переворотъ, при которомъ въ ночь на 25 ноября 1741 года были арестованы все семейство правительницы и камеръ-фрейлина Юліана, спавшая у колыбели императора, рядомъ съ комнатою правительницы. Отвезенная, какъ и всѣ другіе арестанты этой ночи, въ собственный дворецъ Елизаветы Петровны, Юліана, по просьбѣ самой правительницы, была отпущена за границу вмѣстѣ со всѣми членами брауншвейгскаго семейства, и сначала раздѣляла ихъ заключеніе, жила съ Анной Леопольдовной и въ Ригѣ, и въ Динаминдѣ, и въ Раніенбургѣ. Но когда въ сентябрѣ 1744 года узниковъ повезли отсюда въ Холмогоры, Юліана разлучилась съ Анною Леопольдовною и по высочайшему повелѣнію была оставлена въ Раніенбургѣ, подъ строгимъ карауломъ. Здѣсь Юліана содержалась всѣ остальные годы царствованія императрицы Елизаветы, и это за-

ключеніе, обезпеченное отъ казны содержаніемъ, удовлетворявшимъ только самымъ первымъ потребностямъ жизни, тѣмъ болѣе тяготило Юліану, что она была принуждена безвыходно раздѣлять свою тюрьму съ полковникомъ Геймбургомъ, бывшимъ адъютантомъ Антона-Ульриха, человѣкомъ ею ненавидимымъ. Императоръ Петръ III въ 1762 году возвратилъ свободу бывшей камеръ-фрейлинѣ, которая поселилась въ Ригѣ, гдѣ два года спустя, въ проѣздъ Екатерины II чрезъ городъ, была представлена государынѣ, съ участіемъ выслушивавшей разсказы недавней изгнанницы о ея раніенбургской ссылкѣ. Менгденъ умерла въ 1786 году. Съ прекрасною наружностью Юліана соединяла умъ необширный и совершенную неспособность къ государственнымъ дѣламъ; но безпечная и лѣнивая, она сообщила эти недостатки Аннѣ Леопольдовнѣ, смотрѣвшей на все глазами своей наперсницы, и такимъ образомъ приготовила, хотя и неумышленно, паденіе самой правительницы. Вліяніе Юліаны было чрезвычайно; полагаютъ даже, что безъ ея заступничества Минихъ, уволенный правительницею отъ всѣхъ дѣлъ, не избѣжалъ бы Сибири. При арестованіи Юліаны у нея найдено: алмазовъ на 300 тысячъ руб., бѣлья на 40 тыс. р., кружевъ на 20 тысячъ рублей.

(Обзоръ главнѣйш. происшеств. въ Россіи, съ конч. Петра великаго до вступленія Елизаветы, Ведемейера, 1835 г., ч. III, с. 71.—Дневныя записки Як. Марковича. Москва, 1859, ч. II, с. 153.—Росс. родословная книга, кн. Н. Долгорукаго. 1856 г., ч. III. — Описи секретн. бумаг., до пр. брауншв. относящ., въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1861 г., кн. II. — С.-Петерб. Вѣдомости 1741 г. — Mémoires de Manstein, 1771, p. 382—417.—Extraits des dépêches. 1858, p. 81.—Voyage en Sibérie, par l'abbé, Chappe, Amsterd., 1769, II.—Materialien zu der russisch. Geschichte, v. Phiseldek. 1784, II, 315—379).

37.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, сынъ тайнаго совѣтника графа Петра Михайловича и Евдокіи Ивановны, по отцу Талызиной, родился 22 мая 1693 г. въ Москвѣ, учился въ Берлинѣ, оказалъ отличные успѣхи въ языкахъ французскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и въ 1712 году былъ отправленъ въ посольской свитѣ на утрехтскій конгресъ, а потомъ, съ дозволенія Петра I, опредѣлился въ службу ганноверскаго курфирста Георга-Лудвига, который сдѣлалъ Бестужева своимъ камеръ-юнкеромъ. Вступивъ въ

1714 году на англійскій престолъ подъ именемъ Георга I, бывшій ганноверскій курфирстъ отправилъ съ вѣстью о томъ къ Петру своего русскаго камеръ-юнкера, въ званіи посланника, и Бестужевъ, почетно встрѣченный государемъ въ Петербургѣ, отпущенъ обратно въ Лондонъ, причемъ щедро одаренъ. Въ 1717 году Петръ отозвалъ Бестужева отъ двора Георга I, опредѣлилъ его въ 1718 году оберъ-камеръ-юнкеромъ къ вдовствовавшей герцогинѣ курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, а въ 1720 году отправилъ резидентомъ въ Данію. Здѣсь Бестужевъ явилъ ревность свою къ славѣ русскаго государя и въ 1721 году получилъ отъ Петра I осыпанный брильянтами царскій портретъ, для ношенія на груди, а въ 1724 году пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Бестужевъ оставался въ Копенгагенѣ до 1731 года, переведенъ оттуда резидентомъ же въ Гамбургъ, переименованъ въ 1732 году чрезвычайнымъ посланникомъ при нижнемъ саксонскомъ округѣ, досталъ въ это время изъ кильскаго архива многія любопытныя бумаги, въ томъ числѣ духовную Екатерины I, и въ 1734 году назначенъ опять въ Данію. Получивъ здѣсь чины тайнаго совѣтника (1736 г.) и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1740 г.), Бестужевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, сдѣланъ кабинетъ-министромъ, заслужилъ особое довѣріе императрицы, оставался по кончинѣ ея усерднымъ слугою Бирена, назначенію котораго въ регенты способствовалъ всѣми силами, и въ первый же вечеръ трехнедѣльнаго регенства сообщилъ герцогу о заговорѣ двухъ преображенскихъ офицеровъ. Съ паденіемъ Бирена, 9 ноября 1740 года, былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость преданный ему Бестужевъ, который, спасая себя, взводилъ на бывшаго регента разныя обвиненія. Имъ дали очную ставку, и Бестужевъ признался въ своей неправдѣ, отрекся отъ своихъ показаній, просилъ у Бирена прощенія, требовалъ, чтобы все это занесено въ протоколъ. Оправданный въ свою очередь и освобожденный, Бестужевъ не занималъ однакоже никакихъ должностей до самаго воцаренія императрицы Елизаветы Петровны, которая, пожаловавъ ему 30 ноября 1741 года андреевскій орденъ, назначила его, по просьбѣ лейбъ-медика своего Лестока, дружнаго съ Бестужевымъ, вице-канцлеромъ (11 декабря 1741 г.) Въ день коронованія императрицы, 25 апрѣля 1742 года, Бестужевъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ получилъ графское достоинство, а въ день празднованія абовскаго мира, 15 іюля 1744 года, объявленъ великимъ канцлеромъ. Преданный душою интересамъ австрійскаго двора, Бестужевъ возненавидѣлъ благодѣтеля своего Лестока, сильнаго тогда

временщика, державшаго сторону Пруссіи, устроилъ его паденіе и ссылку, поселилъ въ императрицѣ непріязнь къ Фридриху-великому, и тѣмъ возбудилъ къ себѣ ненависть наслѣдника русскаго престола, сочувствовавшаго прусскому королю, вовлекъ Россію въ раззорительную войну, стоившую государству болѣе трехсотъ тысячъ народа и тридцать мильоновъ рублей. Но дорожа своимъ вліяніемъ, и не надѣясь сохранить его при воцареніи племянника императрицы, Бестужевъ затѣялъ лишить объявленнаго наслѣдника его правъ и возвести на престолъ трехлѣтняго цесаревича Павла. Тяжкая болѣзнь императрицы, случившаяся въ 1757 году, казалась Бестужеву самымъ удобнымъ моментомъ для того, чтобы привести въ исполненіе задуманное намѣреніе, и онъ, полагая Елизавету на смертномъ одрѣ, отписалъ другу своему, Апраксину, успѣшно дѣйствовавшему въ Пруссіи, чтобы тотъ со всѣмъ войскомъ немедленно возвратился въ Россію. Побѣдитель Фридриха, Апраксинъ началъ, къ удивленію Европы, поспѣшное отступательное движеніе, но императрица выздоровѣла и справедливо негодуя на Бестужева, велѣла его арестовать, лишила въ февралѣ 1758 года чиновъ, должностей, отличій и предала суду, который приговорилъ Бестужева къ смерти. Императрица помиловала преступника, и Бестужевъ, названный въ высочайшемъ манифестѣ „бездѣльникомъ, состарѣвшимся въ злодѣяніяхъ", въ 1759 году удаленъ въ свою подмосковную, Горетово, гдѣ до высочайшаго разрѣшенія построить себѣ домъ, жилъ въ курной избѣ и носилъ крестьянское платье, потомъ похоронилъ любимую жену и посвящалъ все свое время чтенію священнаго писанія или сочиненію разныхъ назидательныхъ трактатовъ. Императоръ Петръ III не вызывалъ изъ заточенія своего личнаго врага, зато императрица Екатерина II вспомнила о бывшемъ канцлерѣ, котораго уважала, пригласила Бестужева въ Петербургъ, возвратила ему все, чего онъ былъ лишенъ четыре года назадъ, и 31 іюля 1762 года переименовала его въ генералъ-фельдмаршалы, но уволила за старостью отъ всѣхъ дѣлъ, съ пенсіею по двадцати тысячъ рублей въ годъ, сверхъ жалованья по чину и сенаторскаго содержанія. Тщетно стараясь вмѣшаться въ дѣло избранія польскаго короля, происходившее въ 1764 году, Бестужевъ не оставался праздным: издавалъ свои сочиненія, писанныя въ ссылкѣ, переводилъ ихъ на другіе языки, придумывалъ, выбивалъ и дарилъ знакомымъ золотыя и серебряныя медали, съ разными эмблематическими воспоминаніями и предвѣщаніями, и послѣ трехнедѣльной болѣзни умеръ, 20 апрѣля 1766 года. Министръ искусный и опыт-

ный, графъ Бестужевъ-Рюминъ обладалъ умомъ свѣтлымъ и гибкимъ, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени, отличался примѣрнымъ трудолюбіемъ, сдѣлалъ много полезнаго, но имѣлъ и большіе недостатки: былъ гордъ, мстителенъ, неблагодаренъ, велъ жизнь невоздержную. Втеченіи своей дипломатической службы, Бестужевъ имѣлъ дѣла съ правительствами и министрами восьми европейскихъ державъ и подписалъ шестнадцать договоровъ и трактатовъ. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Беттигеръ (умерла 1761 г.), дочери русскаго резидента въ Гамбургѣ, и имѣлъ одного сына, графа Андрея, который нисколько непоходя на отца ни дарованіями, ни заслугами, былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и александровскимъ кавалеромъ, велъ праздную, безпутную жизнь, и женатый два раза, умеръ въ 1768 году, неоставивъ потомства. Церковь Бориса и Глѣба въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ, служитъ памятникомъ благочестія канцлера Бестужева: онъ выстроилъ ее въ 1764 году на свое иждивеніе. Въ медицинѣ графъ Бестужевъ извѣстенъ своими каплями.

(Словарь достопам. люд. русс. земли, Д. Бант.-Каменск. 1836 г., ч. I.—Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко 1837 г., ч. II.—Біографіи россійск. генералиссимус. и генер. - фельдмарш., Д. Бант.-Каменск. 1840 г., ч. II. — Исторія медицины въ Россіи, Рихтера, 1820 г. ч. III, 429.— Записки Порошина, 1844 г., с. 76, 209. — Спб. Вѣд. 1740 гг.—Mémoires de Manstein, 1771. — Extraits des dépêches, Berlin, 1858.—Magazin für die neue Historie und Geographie, v. A. F. Büsching. Hamburg, 1779, II, S. 415—432.—Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, V.)

38.

Бурхардъ-Христофоръ Минихъ, впослѣдствіи графъ, сынъ датскаго тайнаго совѣтника Антона Гинтера и Софіи-Екатерины Эткенсъ, родился 9 мая 1683 г., въ помѣстьи своемъ Нейенъ-Гунторфъ, близь Ольденбурга, получилъ въ домѣ отца прекрасное воспитаніе, на шестнадцатомъ году возраста зналъ уже математику, инженерную часть и нѣсколько языковъ, а потомъ отправился учиться за границу своей родины. Въ 1701 году вступилъ въ гессенъ - дармштадтскую службу капитаномъ, въ 1702 году былъ при взятіи Іосифомъ I крѣпости Ландау и вслѣдъ затѣмъ опредѣленъ главнымъ инженеромъ княжества остъ-фрисландскаго, гдѣ женился. Въ 1706 году, въ чинѣ гессенъ-кассельскаго майора, сра-

жался подъ знаменами принца Евгенія въ Нидерландахъ, произведенъ 1709 года въ подполковники, раненъ при Деневѣ, во Фландріи, въ 1712 году полоненъ французами и, будучи отправленъ въ Парижъ, познакомился тамъ съ славнымъ Фенелономъ. Возвратясь въ Германію, получилъ чинъ полковника, а въ 1716 году вступилъ въ польскую службу и въ 1717 году произведенъ Августомъ II въ генералъ-майоры и инспекторы польскихъ войскъ. Несимпатизируя съ графомъ Флеммингомъ, тогда первымъ лицомъ въ Польшѣ, Минихъ думалъ вступить въ шведскую или русскую службу, и сначала колебался въ выборѣ; но Карлъ XII умеръ, предложенія князя Долгорукаго, русскаго посла при польскомъ дворѣ, были выгодны, и Минихъ въ 1721 году явился въ Россію. Петръ I принялъ Миниха въ свою службу генералъ-майоромъ, съ годомъ старшинства, поручилъ ему проектировать укрѣпленія Кронштадта и Риги, но въ томъ же году уволилъ его въ отпускъ на родину, потому что у Миниха умеръ тогда отецъ. Приведя въ порядокъ свои домашнія дѣла, Минихъ возвратился въ Россію и произведенный въ 1722 году въ генералъ-лейтенанты, получилъ высочайшее порученіе облегчить судоходство по Невѣ, расчисткою пороговъ. Тогда Минихъ осмотрѣлъ Рогервикскій заливъ и начерталъ планъ гавани, извѣстной теперь подъ именемъ Балтійскаго порта. Въ 1723 году на Миниха возложено новое порученіе, продолжать работу ладожскаго канала, начатую въ 1719 году, и исправить ошибки прежняго его строителя, Скорнякова-Писарева. Петръ I, посѣтивъ въ 1724 году работы ладожскаго канала, такъ былъ доволенъ трудами Миниха, что взялъ его съ собою въ Петербургъ, привезъ въ сенатъ и, представляя присутствующимъ, сказалъ: „изъ всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ моей службѣ, онъ лучше всѣхъ умѣетъ предпринимать и производить великія дѣла; помогайте ему во всемъ". Въ царствованіе Екатерины I Минихъ, не любимый Меншиковымъ, былъ защищаемъ Остерманомъ и, благодаря послѣднему, получилъ въ 1726 году александровскую ленту. Въ день восшествія на престолъ императора Петра II, 7 мая 1727 года, Минихъ получилъ чинъ генералъ-аншефа, въ 1728 году награжденъ деревнями въ Финляндіи, а 23 февраля 1729 года возведенъ въ графское достоинство россійской имперіи, потомъ назначенъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ, ингерманландскимъ, корельскимъ и финляндскимъ. При избраніи на престолъ Анны Іоанновны, Минихъ, не присутствовавшій въ Москвѣ, не подписался на актѣ объ ограниченіи самодержавія, принесъ въ Петербургѣ

вѣрноподданнѣйшее поздравленіе императрицѣ, проѣзжавшей въ Москву, и, заслуживъ ея милость, былъ пожалованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ (1730 г.), андреевскимъ кавалеромъ (28 апрѣля 1731 г.) и президентомъ военной коллегіи съ чиномъ генералъ-фельдмаршала (25 февраля 1732 г.). Между тѣмъ Минихъ начерталъ новое положеніе для гвардейскихъ и полевыхъ войскъ, и принималъ главное участіе въ основаніи кадетскаго корпуса въ Петербургѣ и 1 мая 1731 года открылъ судоходство по ладожскому каналу. Онъ же, какъ полагаютъ, присовѣтовалъ императрицѣ оставить Москву и возвратить Петербургу званіе императорской резиденціи. До сихъ поръ Минихъ былъ друженъ съ Остерманомъ и пользовался расположеніемъ Бирена; но съ этого времени онъ возстановилъ противъ себя и того и другого: Остерманъ завидовалъ быстрому возвышенію своего друга, а Биренъ, по навѣтамъ графа Густава Левенвольда, досадовавшаго на фельдмаршала за преобразованіе по военной части, сталъ разумѣть въ Минихѣ соперника весьма опаснаго. Вслѣдствіе этого Миниха обошли участіемъ въ подписаніи договора съ Вѣною, не назначили главнокомандующимъ русской арміи въ Польшѣ и самъ онъ пересталъ ѣздить въ кабинетъ, даже былъ переселенъ изъ казеннаго помѣщенія вблизи дворца на Васильевскій островъ, гдѣ ему подарили нарочно для него купленный домъ. Между тѣмъ русскій главнокомандующій Ласси осаждалъ Данцигъ и тщетно старался взять этотъ городъ, въ которомъ скрывался король Станиславъ Лещинскій. Биренъ нашолся вынужденнымъ предложить начальствованіе арміею Миниху, и фельдмаршалъ поѣхалъ къ осаждаемому городу, плѣнилъ 24 мая французскій десантъ и 18 іюня 1734 года взялъ Данцигъ, изъ котораго однакоже, къ досадѣ Миниха, наканунѣ бѣжалъ Лещинскій. Король Августъ III прислалъ побѣдителю шпагу и трость, осыпанныя брильянтами. Съ окончаніемъ этого подвига, Миниху предстояли другіе подобные же, потому что русскій дворъ, раздраженный набѣгами на Украйну крымскихъ и кубанскихъ татаръ, подданныхъ Турціи, рѣшился объявить султану войну. Миниху снова ввѣрено командованіе арміею, и тогда-то произошолъ цѣлый рядъ его знаменитыхъ турецкихъ походовъ, покрывшихъ лаврами русское оружіе, стяжавшихъ фельдмаршалу славу лучшаго полководца въ Европѣ, но существенно безполезныхъ Россіи и только напрасно потратившихъ ея народъ, силы и деньги. Начавъ компанію 1736 года обложеніемъ Азова, осада котораго поручена генералу Левашову, Минихъ направился въ Крымъ, взялъ при-

ступомъ Перекопъ (1 іюля), занялъ Козловъ (Евпаторію) и Бахчисарай, выжегъ Ахмечеть (нынѣче Симферополь), вошелъ въ Кинбурнъ, но задержанный здѣсь недостаткомъ воды и невыносимыми жарами, возвратился къ Перекопу, взорвалъ его укрѣпленія и сталъ на зимнія квартиры въ Украйнѣ. Первая компанія была кончена, половины арміи не существовало. Фельдмаршалъ получилъ богатыя помѣстья въ Украйнѣ и Лифляндіи. Новый походъ 1737 года ознаменовался взятіемъ Очакова (2 іюля) и сдачею Хотина. Третій, произведенный въ 1738 году къ рѣкѣ Днѣстру, не ознаменовался ничѣмъ, кромѣ передвиженія арміи по безводнымъ степямъ, съ чрезвычайною потерею людей отъ чумы, распространившейся и свирѣпствовавшей тогда на всемъ театрѣ войны. Минихъ однакоже не допустилъ ее въ Малороссію. Четвертый и послѣдній походъ Миниха, въ 1739 году, громкій побѣдою фельдмаршала на поляхъ ставучанскихъ, сопровождался движеніемъ Миниха за Дунай, въ Молдавію, и былъ неожиданно прерванъ бѣлградскимъ миромъ союзныхъ Россіи австрійцевъ съ турками, къ которому 7 сентября 1739 г. приступилъ и петербургскій кабинетъ. Въ день мирнаго торжества 14 февраля 1740 года, Минихъ сдѣланъ подполковникомъ преображенскаго полка, получилъ брильянтовые знаки андреевскаго ордена, такую же шпагу и пенсію въ 5 тысячъ рублей. Вынужденный обстоятельствами согласиться на регентство герцога Бирена, Минихъ 17 октября стоялъ у постели умирающей императрицы, выслушалъ именно къ нему обращенныя послѣднія слова Анны: „прощай, фельдмаршалъ!“ присягнулъ младенцу-императору и регенту Бирену, смирно велъ себя цѣлыя три недѣли, дружелюбно отобѣдалъ у регента 8 ноября, а семейство его тамъ осталось и ужинать,— и въ ту же ночь, предводя преображенскими гренадерами, пришолъ къ своему вчерашнему амфитріону, разбудилъ и арестовалъ его, привезъ въ своей каретѣ въ зимній дворецъ—и регентство кончилось (9 ноября 1740 г.). Новая правительница объявила фельдмаршала первымъ министромъ (9 ноября, пожаловала ему 100 тысячъ рублей, серебрянный сервизъ и вартенбергское помѣстье Бирена, въ Шлезіи (10 ноября). Никогда не былъ Минихъ въ такой силѣ, какъ теперь. Но это весьма неправилось ни Остерману, нѣкогда покровителю Миниха, ни мужу правительницы, генералиссимусу безъ власти, остававшейся въ распоряженіи фельдмаршала. Правительственное недоразумѣніе о томъ, — Пруссіи или Австріи, воевавшимъ между собою, слѣдуетъ оказать помощь, просимую обѣими державами, еще болѣе раздуло враж-

ду вельможъ: Остерманъ, въ противность договора, уже заключеннаго съ Пруссiей, стоялъ за Австрiю, а Минихъ, недовольный бѣлградскимъ миромъ, за Пруссiю; но послѣднее мнѣнiе почтено пристрастнымъ. Фельдмаршалъ обидился, подалъ въ отставку и къ изумленiю своему получилъ ее, 6 марта 1741 года, съ ежегодной пенсiею по 15 тысячъ рублей. Жестоко обманутый собственнымъ убѣжденiемъ въ томъ, что онъ необходимъ Россiи и ея правительству, дѣятельный Минихъ съ досадою покинулъ свое министерское поприще и, какъ думаютъ, долженъ былъ еще оставаться за это благодарнымъ, потому что безъ заступничества Юлiаны Менгденъ, очень легко могъ попасть въ Сибирь: такъ были сильны внушенiя, поселенныя въ правительницѣ къ невыгодѣ Миниха. Почетная отставка въ петербургской средѣ не могла приходиться по-сердцу фельдмаршалу, и онъ задумалъ оставить Россiю, тѣмъ болѣе, что въ Кенигсбергѣ, по повелѣнiю прусскаго короля, все уже было готово къ принятiю Миниха. Но фельдмаршалъ не успѣлъ до новаго переворота выѣхать изъ Петербурга, и въ ночь на 25 ноября 1741 года былъ схваченъ въ постели, подвергся аресту и преданъ суду. Обвиненный въ неслыханныхъ жестокостяхъ, какъ полководецъ, и въ государственной измѣнѣ, какъ министръ, Минихъ со всѣми товарищами своего несчастья былъ выведенъ на сенатскую площадь 17 января 1742 года, выслушалъ тутъ, въ виду эшафота, свой приговоръ, и вмѣсто четвертованiя, повезенъ въ тотъ же день на вѣчное житье въ Пелымъ, куда добровольно послѣдовали за фельдмаршаломъ его жена и вѣрный другъ, пасторъ Мартенсъ. Получая съ женою по два рубля на день, бывшiй фельдмаршалъ обработывалъ въ Пелымѣ свой огородъ, чертилъ фортификацiонные планы, сочинялъ различные проекты и между прочимъ — изгнанiя турковъ изъ Европы, пугалъ донесенiями и держалъ въ страхѣ сибирскiя власти, обучалъ желающихъ грамотѣ, а состоявшую при немъ команду—военной экзерцицiи; наконецъ два раза въ день слушалъ со всѣми служителями чтенiе молитвъ пастора Мартенса, по смерти котораго (1749 г.) самъ занималъ его мѣсто, и такимъ образомъ прожилъ въ изгнанiи цѣлыя двадцать лѣтъ. Императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, вызвалъ Миниха изъ ссылки — и по всей дорогѣ изъ Пелыма до Петербурга мѣстные чиновники добровольно спѣшили привѣтствовать полководца различными почестями, а за двадцать верстъ отъ Петербурга маститаго старца встрѣтили его дѣти и внуки. Указомъ 24 марта 1762 года Петръ III возвратилъ Миниху всѣ чины, отличiя и подарилъ ему меблиро-

ванный домъ, а 9 іюня наименовалъ фельдмаршала сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ ладожскаго и кронштадскаго каналовъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ Петербургѣ. Благодарный своему избавителю государю, Минихъ былъ искренно преданъ Петру, безпрестанно бывалъ при дворѣ, гдѣ встрѣчался и съ Бирономъ, тоже возвращеннымъ изъ ссылки, предлагалъ императору свои мнѣнія, иногда принимаемыя холодно, состоялъ членомъ коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ самого императора, для разныхъ улучшеній; въ день 28 іюня находился въ Ораніенбаумѣ, въ свитѣ государя и плавалъ съ нимъ въ Кронштадтъ; по смерти императора Петра III. заслуженный фельдмаршалъ явился къ императрицѣ. „Вы хотѣли противъ меня сражаться, фельдмаршалъ?" сказала Екатерина Миниху.—„Я отдавалъ жизнь моему избавителю, отвѣчалъ старецъ: теперь его нѣтъ, и я полагаю ее къ вашимъ ногамъ". Екатерина оставила маститаго полководца главнымъ директоромъ каналовъ, присоединивъ къ этому и главное директорство надъ гаванями ревельскою, нарвскою, рогервикскою. И Минихъ еще четыре года неусыпно трудился надъ ввѣренной ему частью, пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, безпрерывно переписывался съ нею, входилъ безъ доклада въ ея кабинетъ, былъ избранъ государынею въ главные судьи великолѣпнаго петербургскаго каруселя, и спустя три мѣсяца послѣ этого праздника, умеръ въ Петербургѣ, 16 октября 1766 года, но погребенъ въ помѣстьѣ своемъ Луніи, близь Дерпта. Одаренный величественнымъ ростомъ и геройскою осанкою, графъ Минихъ являлъ въ чертахъ своего лица остроуміе, неустрашимость и твердость характера, вселялъ къ себѣ уваженіе и страхъ, былъ трудолюбивъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ, любезенъ въ обществѣ, пылокъ къ женщинамъ, но вмѣстѣ мѣлоченъ въ отношеніяхъ съ подчиненными, взыскателенъ, жестокъ, лукавъ, гордъ, жаденъ къ своей личной славѣ, для достиженія которой не берегъ солдатовъ, „купаясь въ ихъ крови"; казался другомъ всѣхъ, но не любилъ никого. Несмотря на такіе недостатки, Минихъ, подвизавшійся на разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, долженъ быть отнесенъ къ числу полезнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чужеземцевъ, которыхъ когда нибудь принимала къ себѣ Россія. Какъ писатель, Минихъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie". Copenhagen, 1744. — Переводъ этого очерка помѣщенъ въ „Рус. Вѣст." 1842 г.—Графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ

былъ женатъ два раза: 1) на Христинѣ-Лукреціи Вицлебенъ, умершей въ 1727 году и 2) на Варварѣ-Элеонорѣ, изъ дома Вольда, бывшей до брака съ Минихомъ въ замужествѣ за Мальцанъ, потомъ за Салтыковымъ, но дѣтей имѣлъ только отъ перваго брака, всего тринадцать человѣкъ, и оставилъ одного сына и трехъ дочерей: Софію, за полковникомъ барономъ Мальцанъ; Христину-Елизавету, за барономъ Менгденъ, и Луизу-Доротею, за графомъ Сольмсъ-Вильденфельсомъ. Сынъ Миниха, графъ Іоаннъ Эрнстъ, женатый на баронесѣ Аннѣ-Доротеѣ Менгденъ, служилъ оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ Анны Леопольдовны, съ паденіемъ ея былъ сосланъ въ Вологду, жилъ тамъ во все время царствованія Елизаветы Петровны, былъ возвращенъ Петромъ III и умеръ въ 1788 году, восьмидесяти лѣтъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ большое потомство. Онъ извѣстенъ какъ авторъ любопытныхъ „Записокъ. писанныхъ имъ (понемѣцки) для дѣтей своихъ“ и изданныхъ въ русскомъ переводѣ. Ему же приписываются нѣкоторыми нетолько „Отвѣтъ“ на оправдательную записку Бирена, помѣщенный въ IX томѣ бюшингова „Магазина“, но и извѣстныя любителямъ отечественной исторіи „Замѣчанія на записки Манштейна о Россіи“, напечатанныя въ „Отеч. Зап.“, издававшихся П. П. Свиньинымъ. Существуетъ ли въ настоящее время прямое потомство фельдмаршала Миниха, неизвѣстно.

(Словарь достопам. люд. рус. земли, Д. Бант.-Каменск. 1836, ч. III. — Біографіи рос. генералиссимус. и генер.-фельдмарш., его же. 1840, ч. I. - Дневникъ Берхгольца, 1858--1860 ч. I, III, IV.—Записки дюка Лирійск. 1845, г. с. 125.—Письма леди Рондо, 1836, с. 73. — Записки Нащокина, 1842.—Записки кн. Шаховского. 1810.—Записки Порошина, 1844, с. 20, 223, 505.—Жизнь гр. Миниха, соч. Галема. Москва, 1806. - Собраніе списк. воен. генер. 1809.— Собр. списк. кавалерамъ, 1814. Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Rélation exacte et circonstanciée de la guerre entre la Moscovie et la Suéde. Utrecht, 1742, t. II, p. 29—30.—Voyage en Sibérie, par l'abbé Chappe. Amsterd., 1769.—Extraits des dépêches. Berlin, 1858. — Büsching's Magazin Hamburg, 1769, III, S. 383—536.—Schreiben eines Freundes wegen der Execution, so an denen gewesenen Staats-Ministern zu St.-Petersb. den 29 Jan. 1742 ist vollzogen worden.)

39.

Въ буквальномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка на русскій

слово куртагъ значитъ избранный день (отъ kür—избраніе и tag—день). Это слово ввелось въ русское придворное нарѣчіе XVIII вѣка съ того времени, когда императоръ Петръ II (1727—1730), учредивъ для вечернихъ съѣздовъ къ высочайшему двору извѣстные дни недѣли, наименовалъ самые дни куртагами. Право съѣзжаться на куртаги предоставлялось особамъ первыхъ четырехъ классовъ обоихъ половъ и гвардіи офицерамъ. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны куртажными днями были воскресенья и и четверги. Присутствующіе на куртагахъ могли забавляться въ карты и слушать камерную музыку, разыгрывавшую концерты и симфоніи. Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1732 года повелѣно: на куртагахъ не бить челомъ императрицѣ, о чемъ бы то нибыло. Куртаги отличались отъ „банкетовъ", назначавшихся въ царскіе, орденскіе и другіе торжественные дни.

(Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка за 1730—1741.— Камеръ-фурьерскіе журналы того же времени. — Пол. Собр. Зак., изд. 1830, т. VIII, ст. 5963).

40.

Въ 1718 году, во время суда надъ старшимъ сыномъ Петра I, несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, государь, манифестомъ 3 февраля, объявилъ наслѣдникомъ всероссійскаго престола второго своего сына, цесаревича Петра Петровича, которому было всего 2 года 4 мѣсяца, и повелѣлъ всѣмъ присягнуть ему. Но объявленный наслѣдникъ умеръ съ небольшимъ чрезъ годъ, именно 25 апрѣля 1719 года, и погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Этого Петра Петровича, называемаго большимъ и родившагося 29 октября 1715 года, отъ брака Петра I съ Екатериной I, не слѣдуетъ смѣшивать съ братомъ его Петромъ Петровичемъ меньшимъ, родившимся позже его, неизвѣстно когда, а умершимъ 24 октября 1723 года и погребеннымъ въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря.

41.

По свидѣтельству „Записокъ" Миниха-сына, опасенія насчетъ герцога мекленбургскаго были заявлены не фельдмаршаломъ Минихомъ, а самимъ Бироном, и въ то именно время, когда герцогъ курляндскій впервые объявилъ кабинетъ-министрамъ о внезапной болѣзни императрицы.

(См. Записки Миниха-сына. С.-Петерб., 1817, с. 164).

42.

Слѣдуетъ замѣтить, что Биренъ съ семействомъ всегда жилъ въ томъ же самомъ дворцѣ, гдѣ присутствовала императрица.

43.

О собраніи у Бирена „множества особъ" въ первый же день болѣзни императрицы Минихъ-сынъ не говоритъ ни слова и указываетъ на первое собраніе въ апартаментахъ герцога неранѣе утра слѣдующаго дня, т. е. 7 октября. (См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 187—188).

44.

Изъ сличенія этого разсказа герцога съ показаніями Миниха-сына, видно, что нѣчто вродѣ рѣчи, приписываемой Биреномъ фельдмаршалу, говорилъ князь Черкасскій, и не въ присутствіи „множества особъ", а только при кабинетъ-министрахъ, призванныхъ Биреномъ для первоначальнаго сообщенія имъ о болѣзни императрицы. Впрочемъ Галемъ, жизнеописатель фельдмаршала Миниха, думаетъ, что послѣдній, несчитая безвыгоднымъ для себя поддержать притязаній Бирена на регентство, „поддерживалъ ихъ". Что касается самого фельдмаршала Миниха, онъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „Ebauche etc." почти слагаетъ съ себя какое бы то нибыло участіе въ дѣлѣ избранія Бирена на регентство. Бюшингъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующее любопытное обстоятельство: недовѣряя фактамъ, изложеннымъ въ оправдательной запискѣ Бирена, по французски изданной, Бюшингъ вручилъ Миниху самое изданіе и просилъ фельдмаршала сдѣлать собственноручныя отмѣтки гдѣ Биренъ удаляется отъ истины. Но Минихъ, продержавъ у себя книгу нѣсколько недѣль, возвратилъ ее Бюшингу безо всякихъ отмѣтокъ. (Записки Миниха-сына, 1817, с. 165.—Жизнь гр. Миниха, Галема, 1806, ч. I, с. 173. — Büsching's Magazin. Hamburg, 1769, T. III, S. 496).

45.

Андрей Ивановичъ Ушаковъ, впослѣдствіи графъ, сынъ бѣднаго дворянина Ивана Алферьевича, родился 1670 года, въ Мегринскомъ погостѣ новогородской губерніи, и осиротѣвъ въ ранней молодости, до тридцатилѣтняго возраста жилъ здѣсь съ четырьмя братьями, владѣлъ обще съ ними всего однимъ крестьяниномъ Анохою (Онофрій), и однимъ

же холстиннымъ балахономъ съ парою лаптей-семеричковъ, ходилъ съ дѣвками по грибы, и отличаясь большою тѣлесною силою, перенашивалъ деревенскихъ красавицъ черезъ грязь и лужи, за что слылъ въ околоткѣ дѣтиною. Въ 1700 г. Ушаковъ, въ числѣ прочихъ недорослей явился на царскій смотръ въ Новгородѣ, и написанный государемъ въ солдаты преображенскаго полка, усердіемъ и расторопностью обратилъ на себя вниманіе Петра, скоро попалъ въ унтеръ-офицеры, въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1707 году въ поручики и въ 1708 г. былъ уже гвардіи капитаномъ. Около этого времени Ушаковъ неожиданно удостоился посѣщенія Екатерины I, принималъ государыню съ восхищеніемъ и на другой же день пожалованъ „немалымъ числомъ“ крестьянскихъ дворовъ въ комарицкой волости. Находясь адъютантомъ при государѣ, Ушаковъ въ 1712 г. былъ посыланъ въ Польшу, для тайнаго надзора за русскими офицерами и вывода арміи въ Померанію, а въ 1713 г. ѣздилъ въ Москву изслѣдовать вкравшіяся между купечествомъ злоупотребленія. Произведенный 1714 г. въ майоры преображенскаго полка, Ушаковъ занимался до 1717 г. ревизіею въ московской губерніи судебныхъ мѣстъ, наблюдалъ до 1719 г. за судовою постройкою въ Нижнемъ-Новгородѣ, а съ 1720 г. и въ Петербургѣ, вѣдалъ здѣсь арестантовъ, пожалованъ 21 октября 1721 г. генералъ-майоромъ, съ оставленіемъ майоромъ преображенскаго полка, состоялъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи, а также тайной канцеляріи, и въ 1724 г. назначенъ сенаторомъ. Императрица Екатерина I, вступивъ на престолъ, учредила 21 мая 1725 г. орденъ Александра-невскаго, и въ тотъ же день пожаловала знаки новаго ордена Ушакову, котораго 3 февраля 1727 г. произвела въ генералъ-поручики. Тогда, въ бытность князя Меншикова въ Курляндіи, Ушаковъ вмѣстѣ съ Девіеромъ, Скорняковымъ-Писаревымъ и другими совѣтовалъ императрицѣ удалить сильнаго временщика отъ двора, и за то, по кончинѣ Екатерины, въ 1727 г., былъ арестованъ 22 мая, обвиненъ, что „знавъ о злоумышленіи, не донесъ о томъ“ и 27 мая переведенъ изъ майоровъ гвардіи „къ другой командѣ“. Императрица Анна Іоанновна, избранная на русскій престолъ въ 1730 г., пожаловала Ушакова сенаторомъ (4 марта) и генералъ-аншефомъ (28 апрѣля), а въ 1733 году подполковникъ гвардіи семеновскаго полка. Управляя во все время царствованія этой государыни страшною тайною канцеляріею, Ушаковъ пользовался расположеніемъ герцога Бирена, и 10 ноября 1740 года, черезъ день по уничтоженіи регентства, получилъ отъ правитель-

ницы андреевскій орденъ. Императрица Елизавета Петровна, воцарившаяся 25 ноября 1741 г., оставила за Ушаковымъ пожалованный ему орденъ и 15 іюля 1744 г. наименовала стараго слугу своего отца графомъ россійской имперіи, а 13 декабря того же года—**первымъ** изъ трехъ своихъ генералъ-адъютантовъ. Этими отличіями сподвижникъ Петра пользовался недолго: онъ умеръ 20 марта 1747 года въ Петербургѣ и похороненъ въ благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. Графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ былъ смѣлъ, честенъ, некорыстолюбивъ, отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и даромъ вывѣдывать чужія мысли, но его обвиняютъ въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ по тайной канцеляріи и въ жестокости, съ какою онъ производилъ ужаснѣйшія истязанія. Одно имя Ушакова заставляло трепетать каждаго. Единственная дочь графа Андрея Ивановича **Екатерина**, род. 1715 г., ум. 1779 г., была выдана за графа Петра Григорьевича Чернышева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, андреевскаго кавалера и русскаго посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, великобританскомъ и французскомъ.

(Словарь достопамятн. людей русск. земли, Бант.-Каменскаго, 1847, ч. VIII.—Дневникъ Берхгольца, 1859—1860, ч. III и IV.—Царствованіе Екатерины I, Арсеньева, 1859, с. 222 и д.—Исторія преображенскаго полка, Азанчевскаго. 1859.—Валовой списокъ офицеровъ преображенскаго полка, рукопись.—С.-Петерб. Вѣдомости 1740 годовъ —Списокъ военнымъ генераламъ. 1809 г. — Списокъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814.—Исторія л.-гв. семеновскаго полка Карцова, 1854, ч. II.—Anecdotes interess. de la cour de Russie, Londres, 1792.—Russische Günstlinge, v. Helbig Tübingen, 1809, S. 223 etc.).

46.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Бориса Ивановича и Аксиньи Ѳедоровны, по отцу Лопухиной, свояченицы Петра I, родился 2 іюля 1697 г., учился заграницею; въ 1723 г., въ чинѣ подполковника, былъ посыланъ Петромъ I къ Голландскимъ штатамъ, съ приглашеніемъ завести торговлю шелкомъ въ провинціяхъ, пріобрѣтенныхъ тогда Россіею отъ Персіи; при Петрѣ II, былъ посланникомъ въ Парижѣ; при Аннѣ Іоанновнѣ и ея преемникѣ носилъ званіе оберъ-шталмейстера; въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣланъ кромѣ того сенаторомъ и конференцъ-министромъ; ум. 20 октября 1749 г., и похороненъ въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ. Князь Куракинъ, бывшій владѣлецъ нынѣшняго города Гатчино, не

отличался дарованіями государственнаго человѣка, льстилъ Бирену и старался угождать ему лошадьми или пьянствомъ въ его компаніи, былъ извѣстенъ своимъ пристрастіемъ ко всему французскому, и въ 1743 г., когда лейбъ-компанцы именно за это собирались уничтожить его вмѣстѣ съ Лестокомъ и Шуваловымъ, онъ явилъ робость необыкновенную, боялся нѣсколько времени ночевать въ собственномъ своемъ домѣ. Отъ жены своей, графини Александры Ивановны Паниной, сестры извѣстныхъ графовъ, князь Куракинъ имѣлъ одного сына, служившаго гофмейстеромъ и нѣсколько дочерей; а внуки его князья Александръ и Алексѣй Борисовичи пользовались большимъ значеніемъ въ царствованіе императора Павла I и впослѣдствіи были канцлерами.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго. 1854, ч. I. — О поврежденіи нравовъ въ Россіи, кн. Щербатова, Чт. Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II.—Пол. Собр. Зак., изд. 1830, т. VII, ст. 4032.—Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, B. V.)

47.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, сынъ боярина и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Юрьевича отъ брака съ княжной Еленою Григорьевною Черкасскою, родился 12 мая 1700 г.; состоялъ 1719 г. при высочайшемъ дворѣ волонтеромъ, а въ 1722 г. зачисленъ въ преображенскій полкъ сержантомъ. Въ этомъ званіи Трубецкой занималъ караулы въ квартирѣ герцога голштинскаго, причемъ бывалъ приглашаемъ къ его столу, и женился на дочери канцлера Головкина, а 10 мая 1724 г. произведенъ въ преображенскіе прапорщики. 24 ноября 1726 г. императрица Екатерина I сдѣлала Трубецкого своимъ камеръ-юнкеромъ, а императрица Анна Іоанновна назначила его подпоручикомъ кавалергардскаго корпуса, съ чиномъ генералъ-майора (10 марта 1730 г.) и премьеръ-майоромъ преображенскаго (8 іюля 1731 г.). Во время дѣйствій Ласси и Миниха подъ Данцигомъ въ 1734 г., Трубецкой исполнялъ должность генералъ-кригсъ-комисара, и сохраняя ее во время всѣхъ турецкихъ кампаній Миниха (1736—1739), выполнялъ несовсѣмъ удовлетворительно, хотя и былъ награжденъ: 22 января 1738 г. утвержденіемъ въ званіи генералъ-кригсъ-комисара, а 30 марта 1740 г. александровскою лентою. Назначенный тогда же губернаторомъ въ Сибирь, Трубецкой умѣлъ кстати отказаться отъ этой должности, и по переименованіи въ дѣйствительные тайные совѣтники занялъ другую — генералъ-прокурора, въ которой

состоялъ 20 лѣтъ. Втеченіе этого времени Трубецкой получилъ андреевскій орденъ (25 апрѣля 1742 г.), деревни въ Лифляндіи (15 іюля 1744 г.), чинъ генералъ-фельдмаршала (5 сентября 1756 г.); предсѣдательствовалъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими (1741 г.), надъ Лопухиною съ товарищами ея несчастія (1743 г.), потомъ надъ канцлеромъ Бестужевымъ и фельдмаршаломъ Апраксинымъ (1756 г.), наконецъ самъ едва не пострадалъ во время суда надъ другомъ своимъ Лестокомъ (1748 г.), и первый доложилъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о существованіи въ Ярославлѣ театра, вслѣдствіе чего вся труппа ярославскихъ актеровъ, въ числѣ которой находились знаменитые Волковъ и Дмитревскій, немедленно была вытребована въ Петербургъ, къ высочайшему двору (1752 г.). Въ 1760 г. князь Трубецкой оставилъ генералъ-прокурорство, сдѣланъ президентомъ военной коллегіи и пользовался отмѣннымъ благоволеніемъ императора Петра III, который 27 декабря 1761 г. наименовалъ Трубецкого подполковникомъ преображенскаго полка, а 10 іюня 1762 г. въ томъ же полку полковникомъ. Но это званіе, до того исключительно носимое царствующими государями, Трубецкой долженъ былъ уступить императрицѣ Екатеринѣ II, воцарившейся 28 іюня 1762 г.; оставался подполковникомъ преображенскаго полка до 9 іюня 1763 г., получилъ тогда увольненіе отъ службы и умеръ 16 октября 1763 г. въ Москвѣ, гдѣ тѣло его погребено въ Чудовѣ монастырѣ. Князь Трубецкой имѣлъ дарованія и нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, любилъ просвѣщеніе, считался въ числѣ людей образованныхъ, извѣстенъ короткими отношеніями съ княземъ Шаховскимъ и тѣсною дружбою съ княземъ Кантеміромъ, нашими писателями, славился неподкупностью, но былъ непостояненъ, подобострастенъ, коваренъ, ненавидимъ петербургскою чернью, жестоко обращался съ подсудимыми и собственноручно бивалъ ихъ, въ комиссіи надъ стерманомъ и Минихомъ подалъ голосъ о колесованіи и четвертованіи ихъ живыми, безъ вины гналъ зятя своего графа Головкина и засудилъ его, въ чемъ на смертномъ одрѣ каялся вдовѣ изгнанника. Князь Трубецкой, женатый два раза, на графинѣ Анастасьѣ Гавриловнѣ Головкиной (ум. 1735 г.) и на Аннѣ Даниловнѣ Херасковой, рожденной княжнѣ Друцкой, имѣлъ отъ обоихъ браковъ семь сыновей и три дочери. Изъ дѣтей фельдмаршала Трубецкого сыновья Юрій и Николай были дѣйствительными тайными совѣтниками, а дочь княжна Елена вышла за князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, знаменитаго генералъ-прокуро-

ра въ царствованіе императрицы Екатерины II. Извѣстный писатель нашъ Мих. Матв. Херасковъ былъ пасынокъ кн. Н. Ю. Трубецкого.

(Словарь достопам. людей русск. земли, Бант.-Каменскаго, 1836, ч. V.—Росс. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1854, ч. I.—Списокъ воен. генер., 1809.—Собр. списковъ кавалер. орден., 1814.—Дневникъ Берхгольца. 1858, ч. I и II.—Anecd. intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.—Russische Cünstlinge, v. Helbig. 1809, S. 223 etc).

48.

Графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ, сынъ боярина, фельдмаршала, генералъ-адмирала и перваго андреевскаго кавалера графа Ѳедора Алексѣевича, родился въ 1695 г., и по кончинѣ отца, послѣ котораго остался 11 лѣтъ, помѣщенъ Петромъ I въ московскую математиконавигацкую школу, потомъ отправленъ въ чужіе края, служилъ въ Голландіи, ходилъ на англійскомъ военномъ кораблѣ до Португаліи, былъ въ Смирнѣ, Кипрѣ и у береговъ египетскихъ, и во время пребыванія своего въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ постельничимъ Салтыковымъ, заказывалъ и покупалъ корабли для русскаго флота, а въ 1714 г. тамъ же за долги посаженъ въ тюрьму. Возвратившись въ отечество въ 1715 г., графъ Головинъ былъ произведенъ въ лейтенанты (1717 г.), ходилъ изъ Ревеля въ крейсерство въ 1719 г., но вопреки данной ему инструкціи не высадился на Аландъ, о чемъ представилъ законное объясненіе, и въ томъ же году посланъ съ открытымъ письмомъ къ англійскому адмиралу Норрису, котораго долженъ былъ пригласить—удалиться отъ русскихъ береговъ, если не желаетъ быть встрѣченъ непріязненно. Въ 1720 г. Головинъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1721 г. въ капитаны 3 ранга „не въ очередь". По кончинѣ Петра I въ 1725 г., императрица Екатерина I отправила графа Головина посланникомъ въ Швецію и назначила ему по 5 тыс. руб. жалованья, а въ 1726 г. произвела его въ шаутбенахты и назначила генералъ-адъютантомъ отъ флота, съ прибавкою еще одной тысячи рублей къ получаемому имъ годовому содержанію. Въ Стокгольмѣ графъ Головинъ постановилъ съ шведскимъ министерствомъ двѣ декларацiи, утвержденныя Петромъ II и Анною Іоанновною, и въ 1732 г. былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ 9 апрѣля того же года получилъ александровскій орденъ, а 13 апрѣля произведенъ въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ генералъ-инспекторомъ отъ флота, и съ того же времени началъ постоянно присутствовать въ

адмиралтейской коллегіи, успѣшно соглашая своихъ сочленовъ къ разнымъ полезнымъ перемѣнамъ и улучшеніямъ русской морской части. Труды графа Головина были награждены императрицею, которая 25 марта 1733 г. произвела недавняго вице-адмирала въ адмиралы и наименовала его президентомъ адмиралтейской коллегіи, съ жалованьемъ по 3,564 руб. въ годъ ему, и по 55 руб. 34 коп. его 11 деньщикамъ. Въ 1736 г. гр. Головинъ былъ членомъ „вышняго суда", учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, по дѣлу о наслѣдствѣ князей Кантеміровъ, и въ 1737 г. самъ сдѣланъ предсѣдателемъ коммиссіи о возведеніи зданій на погорѣлыхъ мѣстахъ С.-Петербурга. Правительница Анна Леопольдовна 10 ноября 1740 г. возложила на графа Головина андреевскую ленту, а императрица Елизавета Петровна въ декабрѣ 1741 г. присоединила къ прежнимъ его должностямъ достоинство сенатора, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе конференцъ-министра, повелѣла Головину предсѣдательствовать въ коммиссіи описыванія пожитковъ Остермана, Миниха и друг., а во время поѣздки императрицы въ Москву для коронованія быть первоприсутствующимъ въ с.-петербургской сенатской конторѣ. Но тогда продолжалась еще война съ шведами и бездѣйствіе вице-адмирала Мишукова, снаряженнаго въ походъ графомъ Головинымъ, побудило императрицу смѣнить вице-адмирала самимъ адмираломъ. Графъ Головинъ вывелъ въ морѣ флотъ изъ 17 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, 26 галеръ и 70 канчибасовъ, но все это въ жалкомъ состояніи, съ солдатами вмѣсто матросовъ, и 27 мая соединился съ эскадрою главнокомандующаго фельдмаршала Ласси. Тщетно приказывалъ фельдмаршалъ адмиральскому флоту атаковать 12 шведскихъ кораблей: Головинъ, опираясь на нѣкоторые пункты морского устава, не трогался съ мѣста до 18 іюня, а тогда взялъ у Ласси нѣсколько мелкихъ судовъ съ солдатами, подошелъ къ шведамъ, обмѣнялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами, заставилъ ихъ скрыться въ Карлскрону, и самъ отплылъ къ острову Гохланду, гдѣ и пробылъ до заключенія мира. Этотъ образъ дѣйствій, признаваемый многими благоразумнымъ, разсорилъ адмирала съ фельдмаршаломъ, и благодаря донесеніямъ послѣдняго, весьма не понравился императрицѣ. Думали, что адмирала, обвиняемаго въ потворствѣ шведамъ, съ которыми сдружился онъ въ свое семилѣтнее пребываніе въ Стокгольмѣ, ожидаетъ Сибирь. Но канцлеръ Бестужевъ спасъ своего друга, и графъ Головинъ, сказавшійся больнымъ, получилъ въ 1744 г. увольненіе отъ службы, отпра-

вился заграницу, и 15 іюля 1745 г. умеръ скоропостижно въ Гамбургѣ. Тѣло его привезено въ Россію и предано землѣ за соборною церковью московскаго Симонова монастыря. Считаясь однимъ изъ образованнѣйшихъ и воспитаннѣйшихъ русскихъ людей своего времени, графъ Головинъ прекрасно владѣлъ языками французскимъ и англійскимъ, былъ трудолюбивъ и сострадателенъ, но слишкомъ остороженъ, какъ адмиралъ, мотоватъ и небережливъ, какъ хозяинъ, и не умѣлъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, какъ придворный. Графъ Головинъ, женатый неизвѣстно на комъ, оставилъ кромѣ единственной дочери, графини Натальи, выданной за русскаго фельдмаршала принца Петра-Августа голштейнъ-Бека, нѣсколько побочныхъ дѣтей, которымъ вмѣстѣ съ ихъ матерью, шведкою, завѣщалъ все свое состояніе. Но императрица Елизавета Петровна уничтожила волю завѣщателя и предоставила пользоваться его имѣніемъ законнымъ наслѣдникамъ, вдовѣ и дочери графа. Одинъ изъ побочныхъ сыновей графа Головина, Петръ-Густавъ Головинъ поселился въ Даніи и въ царствованіе короля Христіана VII былъ генералъ-майоромъ датской службы.

(Словарь достопам. людей русск. земли, Бант.-Каменск., 1836, ч. II.—Дневникъ Берхгольца, 1858—1859, ч. II и III.—Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III.—Записки Порошина, 1844, с. 41. — „Русс. Вѣстникъ“, 1841, № 8, с. 667.—Собран. списк. кавалер. росс. орденовъ, 1814).

49.

Карлъ фонъ-Бреверпъ, сынъ вице-президента юстицъ-коллегіи Германа фонъ Бреверна и Екатерины фонъ-Рейтернъ, пасынокъ русскаго генералъ-аншефа Бона, родился въ 1704 г., получилъ образованіе заграницею и служилъ въ иностранной коллегіи при Остерманѣ. Въ 1740 г. былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ; а 14 февраля, при торжествованіи мира съ Турціею, получилъ александровскій орденъ; иллюминація его дома въ тотъ день была одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Петербургѣ. 21 апрѣля того же года фонъ-Бревернъ женился на фрейлинѣ баронессѣ фонъ-Кейзерлингъ; ихъ свадьба праздновалась при дворѣ „съ немалымъ великолѣпіемъ“; дружками жениха и невѣсты были сыновья герцога Бирена, принцы Петръ и Карлъ, а изъ дворца въ свой домъ новобрачные сопровождались блестящимъ придворнымъ кортежемъ. На другой день новобрачный дѣлалъ у себя „трактаментъ“ для всѣхъ придворныхъ, послѣ котораго и хозяева и гости отправились къ императрицѣ,

назначившей балъ во дворцѣ собственно по этому случаю, а нѣсколько дней спустя, фонъ-Бревернъ наименованъ президентомъ с.-петербургской академіи наукъ,—третьимъ по счету, со времени ея основанія. Высочайшимъ указомъ 18 сентября, ровно за мѣсяцъ до смерти императрицы, дѣйствительному статскому совѣтнику фонъ-Бреверну повелѣно докладывать ея величеству одновременно съ кабинетъ-министрами, и 10 ноября 1740 г. Анна Леопольдовна, объявленная правительницею государства, произвела президента академіи въ тайные совѣтники и прикомандировала его къ иностраннымъ дѣламъ. При новой перемѣнѣ русскаго правительства, случившейся черезъ годъ, фонъ-Бревернъ уцѣлѣлъ, и благодаря рекомендаціи о немъ новаго временщика, Лестока, указомъ 12 декабря 1741 г. былъ приданъ въ помощники къ вице-канцлеру Бестужеву, вслѣдствіе чего оставилъ свое президентство въ академіи наукъ. Но руководимый собственными личными видами, фонъ-Бревернъ скоро измѣнилъ Лестоку, предался его врагу, а своему начальнику Бестужеву, и въ 1743 г., при изслѣдованіи извѣстнаго дѣла о заговорѣ маркиза ди Ботта, былъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ заподозрѣнъ въ излишнемъ доброжелательствѣ Австріи, къ которой охладѣла тогда императрица Елизавета. Вслѣдствіе этого Бестужевъ и Бревернъ въ декабрѣ 1743 г. письменно представили свои оправданія самой государынѣ — и записка Бреверна, искуснаго ученика Остермана, явилась истиннымъ политическимъ руководствомъ въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ Россіи съ Австріею. Императрица Елизавета милостиво обнадежила вице-канцлера и его помощника въ своемъ благоволеніи, но нѣсколько дней спустя, именно 3 января 1744 г., фонъ-Бреверна уже не было въ живыхъ. Иные объясняютъ его внезапную смерть самоубійствомъ, другіе, и между ними мекленбургскій посолъ Кеппенъ, жившій тогда въ Петербургѣ, свидѣтельствуютъ, что Бревернъ былъ отравленъ. Человѣкъ образованный и подававшій большія надежды, какъ министръ, фонъ-Бревернъ былъ прежде всего придворнымъ и умеръ не оставивъ потомства. Вдова его Доротея-Амалія, родилась 1715 г., ум. 1800, была во второмъ бракѣ за Бухгольцомъ, и въ третьемъ — за польскимъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Гольцъ.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго. 1856, ч. III.— Спис. кавалер. россійск. орден., 1814. — Камеръ-фурьерскій журналъ 1739 г.—С.-Петерб. Вѣдомости 1740 — 1743 гг. — Hermann's Geschichte des russischen Staats, 1853, V. — Büsching's Magazin, XV, S. 135).

50.

Странно, что Биренъ упоминаетъ только о двухъ кабинетъ-министрахъ — Черкасскомъ и Бестужевѣ, тогда какъ Минихъ-сынъ, описывая этотъ утренній съѣздъ, положительно говоритъ: „даже самъ графъ Остерманъ, первый изъ трехъ кабинетъ-министровъ, не оставилъ туда явиться, котораго принесли въ креслахъ“. — См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 169—170.

51.

Трудно понять это мѣсто. Императрица, по самому разсказу Бирена, видѣлась съ Минихомъ только 7 октября утромъ; этотъ день еще продолжается, когда она разговариваетъ съ Биреномъ. Въ какое же время и что такое могъ сказать Минихъ императрицѣ, о чемъ она продумала бы всю ночь—и какую?

52.

Само собою разумѣется, что Биренъ, такъ писавшій, поступалъ совершенно иначе.

53.

Фельдмаршалъ Минихъ, въ сочиненіи своемъ „Ébauche etc.“ называетъ составителями этого акта: графа Остермана, князя Черкасскаго и самаго герцога Бирена.

54.

Вотъ что разсказываетъ фельдмаршалъ Минихъ въ своемъ „Ébauche etc.“ объ этой любопытной аудіенціи Бирена и Остермана у императрицы. Когда Остерманъ испрашивалъ дозволенія прочитать государынѣ актъ о регентствѣ, ея величество спросила: „а онъ уже готовъ? кто сочинялъ его?“ на что привставъ и кланяясь, Остерманъ отвѣтствовалъ: „я, преданный рабъ вашего императорскаго величества“. И Минихъ дѣлаетъ замѣтку, что слѣдовательно императрица никому не отдавала предварительныхъ приказаній о составленіи акта. Далѣе, когда Остерманъ, вслухъ читавшій актъ, дошолъ до того мѣста, гдѣ говорится о назначеніи Бирена регентомъ государства до 16-ти лѣтняго возраста Іоанна, императрица обратилась къ герцогу и спросила его „развѣ тебѣ это нужно?“—Доказательство, замѣчаетъ фельдмаршалъ, что императрица вовсе не готовила Бирена въ регенты.— См. Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhagen, 1774.

55.

Императрица Анна Іоанновна, какъ извѣстно, всегда и чрезвычайно боялась всякаго напоминанія, малѣйшаго намека о смерти. Въ царствованіе этой государыни изданъ былъ указъ 10 апрѣля 1740 г. о „непровозѣ покойниковъ" мимо императорскихъ дворцовъ. И вѣрнѣе, что Биренъ, очень хорошо знавшій всѣ оттѣнки характера своей повелительницы, вовсе не осмѣливалсязаводить рѣчь о завѣщательномъ актѣ, нетолько постоянно отклонять государыню отъ его утвержденія

56.

Минихъ-сынъ, относя фактъ подписки прошенія ко времени, предшествовавшему первой аудіенціи Остермана у императрицы, говоритъ, что это прошеніе имѣло цѣлію заявить желаніе избирателей не императрицѣ, а только самому Бирену. Всѣ дальнѣйшія событія въ промежуткѣ времени отъ дня первой аудіенціи Остермана до дня, въ который императрица подписала актъ, разсказываются у Миниха-сына совершенно иначе, нежели въ запискѣ Бирена. Такъ напримѣръ о собраніи 190 человѣкъ, съ гвардейскими капитанами включительно, и всѣхъ дѣйствіяхъ этого собранія, описанныхъ Биреномъ, Минихъ-сынъ не упоминаетъ ни слова, но свидѣтельствуетъ, что Биренъ, смущенный безотвѣтнымъ задержаніемъ акта подъ изголовьемъ императрицы, обратился къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; упрашивалъ ее чрезъ баронессу Менгденъ о его назначеніи, присылалъ къ ней съ тѣмъ же особую депутацію—и съ этой стороны не успѣлъ нисколько, потому что принцесса рѣшительно отказалась напоминать теткѣ о близкой смерти.

(См. Минихъ-сынъ, 1817, с. 169—172).

57.

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, сынъ боярина князя Юрія Петровича и княжны Ирины Васильевны Голицыной. родился 18 августа 1667 г., служилъ въ потѣшныхъ Петра I, въ 1693 г. былъ уже преображенскимъ капитаномъ, участвовалъ въ кожуховскихъ маневрахъ (1694 г.) и обоихъ азовскихъ походахъ (1695—1696) и назначенъ стражемъ царевны Софіи въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Послѣ стрѣлецкаго бунта 1698 г. Трубецкой наименованъ бояриномъ и новгородскимъ намѣстникомъ; въ чинѣ генералъ-майора командовалъ дивизіею во время пораженія русской арміи подъ Нарвою 19 ноября 1700 г., при чемъ вмѣстѣ со всѣми почти

русскими генералами взятъ въ плѣнъ шведами и отправленъ въ Стокгольмъ, гдѣ пробылъ до 1718 г., когда, размѣненный на шведскаго фельдмаршала Эреншильда, плѣненнаго подъ Полтавою, возвратился въ отечество. Петръ опредѣлилъ Трубецкого генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ, съ чиномъ генералъ-лейтенанта, и 28 января 1722 г. произвелъ его въ полные генералы, съ назначеніемъ присутствовать въ военной коллегіи. Пожалованный Петромъ II въ генералъ-фельдмаршалы (25 февр. 1728 г.), князь Трубецкой въ эпоху избранія Анны Іоанновны явился противникомъ партіи верховнаго тайнаго совѣта, собиралъ въ своемъ домѣ недовольныхъ ею, и 24 февраля 1730 г. подалъ императрицѣ прошеніе о воспріятіи самодержавія, сочиненное княземъ Кантеміромъ и подписанное 276 дворянами, сопровождавшими фельдмаршала. За эту услугу Трубецкой сдѣланъ сенаторомъ, а 26 апрѣля 1730 г. получилъ андреевскую и александровскую ленты, обѣ вмѣстѣ. 23 мая 1739 г. императрица назначила фельдмаршала генералъ-губернаторомъ въ Москву, но онъ отказался отъ этой должности и 23 декабря того же года получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Императрица Елизавета Петровна 11 декабря 1741 г. повелѣла Трубецкому быть сенаторомъ, но старецъ рѣдко ѣздилъ въ присутствіе и умеръ 16 января 1750 г. въ Петербургѣ, гдѣ тѣло его погребено въ лазаревской церкви Александроневскаго монастыря. Послѣдній бояринъ на Руси, пережившій боярство цѣлымъ полувѣкомъ, князь Трубецкой не отличался блестящими дарованіями, не понималъ иностранной политики, сильно заикался, но имѣлъ здравый смыслъ, былъ добръ, мягокъ, миролюбивъ, учтивъ, обязателенъ, и по выраженію Нащокина „человѣкъ житія воздержнаго, добродѣтельнаго“. Князь Трубецкой былъ женатъ два раза: 1) на княжнѣ Анастасьѣ Степановнѣ Татевой, ум. 1690 г.; 2) на Иринѣ Григорьевнѣ Нарышкиной, ум. 1749 г., — и оставилъ отъ второго брака одну дочь, княжну Анастасію (род. 1700, ум. 1755 г.) выданную сначала, на 12 г. возраста, за молдавскаго господаря и русскаго сенатора, князя Дмитрія Константиновича Кантеміра, потомъ по смерти его вышедшую за русскаго генералъ-фельдмаршала, князя Лудвига-Вильгельма Гессенъ-Гомбургскаго. Кромѣ дочери, князь Трубецкой оставилъ побочнаго сына, прижитого въ Стокгольмѣ и столько извѣстнаго впослѣдствіи — Ивана Ивановича Бецкаго.

(Словарь достоп. люд. рус. земли, Бант.-Каменскаго, 1836, ч. V. — Росс. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1854, ч. I. — Собр. списк. кавалер. рос. орденовъ, 1814. — Списокъ воен.

генер., 1809.—Дневникъ Берхгольца, 1858, ч. I и II. — Записки дюка Лирійскаго, 1845, с. 122. — Записки Нащокина, 1842, с. 95.—Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 годовъ).

58.

Лудвигъ-Іоганнъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ гессенъ-гомбургскій, сынъ ландграфа Фридриха-Іакова и Христины, принцессы нассау-отвейлерской, родился 4 января 1705 г., прибылъ въ Россію въ 1723 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Карломъ, и тогда же принятъ въ службу полковникомъ (а Карлъ гвардіи капитаномъ). Петръ I предполагалъ женить принца Лудвига на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, но этотъ бракъ не состоялся по случаю кончины государя. Въ 1727 г., когда возникъ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія въ Курляндіи, принцъ Лудвигъ Гессенъ-Гомбургскій, какъ ближайшій родственникъ бездѣтнаго Фердинанда, герцога курляндскаго, предъявилъ свои притязанія на это герцогство, но безуспѣшно, потому что встрѣтилъ сильныхъ соперниковъ, сначала въ князѣ Меншиковѣ, потомъ въ графѣ Морицѣ саксонскомъ. 20 ноября 1727 года императоръ Петръ II произвелъ принца Лудвига въ генералъ-майоры, а въ 1730 г. императрица Анна Іоанновна пожаловала его генералъ-лейтенантомъ и премьеръ-майоромъ преображенскаго полка, съ наименованіемъ членомъ военной коллегіи. Тогда принцъ Лудвигъ сблизился съ Бирономъ, въ 1732 году назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Персіи, и здѣсь покушался съ 4 тыс. русскихъ солдатъ удержать 25 тыс. татаръ крымскаго султана Тертигирея, сразился съ нимъ у селенія Горанчи, но бывъ окруженъ татарами, едва успѣлъ ускакать съ поля битвы. Отозванный въ Петербургъ въ исходѣ 1733 г., принцъ Лудвигъ 10 февраля 1734 г. былъ награжденъ за свою службу орденами св. Андрея и св. Александра-невскаго, а въ іюлѣ 1735 г. сдѣланъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Въ этомъ званіи принцъ Лудвигъ отправился съ Минихомъ въ крымъ, былъ при взятіи Перекопа, занятіи Бахчисарая и сожженіи Ахмечети, но разошолся въ мнѣніяхъ съ главнокомандующимъ, не сочувствовалъ движенію цѣлою арміею, предпочиталъ дѣйствія малыми отрядами, привлекъ на свою сторону нѣсколько генераловъ, собирался лишить Миниха команды и тайно жаловался на него Бирону, который нарядилъ надъ фельдмаршаломъ судъ, подъ предсѣдательствомъ Ласси, окончившійся безъ послѣдствій прибытіемъ въ Петербургъ самого Миниха. Въ исходѣ 1737 года принцъ Лудвигъ занемогъ и выздоровѣлъ только въ

день взятія Очакова, а въ 1738 году сдѣланъ директоромъ военной коллегіи. Нелюбя Миниха, принцъ Лудвигъ, мучимый честолюбіемъ, сильно желалъ занять мѣсто фельдмаршала, и соединясь съ Остерманомъ, немало способствовалъ увольненію Миниха при правительницѣ. Съ объявленіемъ войны Швеціи, принцъ Лудвигъ снова обнажилъ мечъ, но, по свидѣтельству Манштейна, „находился въ почтительномъ разстояніи отъ непріятеля“. Въ день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, 25 ноября 1741 г., принцъ Лудвигъ, содѣйствовавшій этому перевороту, объявленъ капитанъ-поручикомъ учрежденной тогда лейбъ-компаніи, званіе капитана которой приняла на себя ея величество; а въ день коронованія императрицы, 25 апрѣля 1742 г., пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ, директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса и подполковникомъ измайловскаго полка; наконецъ при торжествованіи шведскаго мира, 15 іюля 1744 года, получилъ 49⁷/₈ гаковъ въ Лифляндіи. Вслѣдъ затѣмъ принцъ Лудвигъ по возникшимъ у него неудовольствіямъ съ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, рѣшился оставить Россію и жить въ своемъ княжествѣ, но выѣхавъ за границу, умеръ въ Берлинѣ 12 октября 1745 г. Принцъ Лудвигъ Гессенъ-Гомбургскій имѣлъ нравъ безпокойный, слабый, сварливый, былъ въ ссорѣ со всѣмъ Петербургомъ и друженъ съ однимъ Лестокомъ, ненавидѣлъ канцлера Бестужева, заставилъ пострадать фельдмаршала Миниха и князя Василія Владиміровича Долгорукаго, привелъ въ совершенное разстройство ввѣренную ему русскую артиллерію, но донеся императрицѣ въ 1733 г. о смрадѣ въ Астрахани, нечаянно сдѣлался главнымъ виновникомъ учрежденія въ губернскихъ городахъ полиціи. Онъ былъ женатъ на вдовѣ молдавскаго господаря княгинѣ Анастасьѣ Ивановнѣ Кантеміръ, рожденной княжнѣ Трубецкой, получившей въ день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны екатерининскую ленту и умершей въ 1755 году.

(Біографіи россійскихъ генералиссим. и генералъ-фельдмаршаловъ, Бант.-Каменск., 1840, ч. I. — Мѣсяцесловы академическіе за разные годы XVIII в.—Mémoires de Manstein, 1771 г. — Hermann's Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853, B. V).

59.

Григорій Петровичъ Чернышевъ, впослѣдствіи графъ, сынъ полковника Петра Захаровича, родился 11 января 1672 г., смолоду служилъ въ стольникахъ царямъ Іоанну и Петру

Алексѣевичамъ, потомъ вступилъ въ военную службу, записанъ въ солдаты 1699 г., былъ при взятіи Кокенгаузена и Динаминдшанца 1701 г., Шлиссельбурга 1702 г. и шведскихъ Канцовъ, у нынѣшней Охты, въ 1703 г. Произведенный въ 1704 г. въ майоры, Чернышевъ командовалъ тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ; былъ съ нимъ при осадѣ Нарвы, полонилъ коменданта Горна, взялъ Ивангородъ, и за всѣ подвиги пожалованъ 1705 г. подполковникомъ. Во время измѣны Мазепы полковникъ Чернышевъ воспрепятствовалъ королю Карлу XII овладѣть городомъ Новгородомъ-Сѣверскимъ (1708); потомъ участвовалъ въ полтавскомъ сраженіи и получилъ чинъ бригадира (1709), былъ при взятіи Выборга, гдѣ самъ занялъ одно изъ городскихъ предмѣстій, за что пожалованъ царскимъ портретомъ съ алмазами и назначенъ выборгскимъ комендантомъ (1710); произведенъ за взятіе Гельсингфорса въ генералъ-майоры (1713), а въ слѣдующемъ 1714 разбилъ шведовъ у оз. Пелкина, раненъ въ этомъ бою три раза, получилъ вторично драгоцѣнный царскій портретъ и знатную сумму денегъ, но за ранами опредѣленъ въ адмиралтейство. Екатерина I назначила Чернышева генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, въ чинѣ генералъ-поручика, и въ тотъ же день 21 мая 1725 г. пожаловала ему александровскій орденъ, тогда учрежденный, а потомъ опредѣлила Чернышева губернаторомъ въ Воронежъ, откуда Петръ II перевелъ его въ Ригу. Императрица Анна Іоанновна, принявъ самодержавіе 1730 г., сдѣлала Чернышева сенаторомъ (4 марта), полнымъ генераломъ (28 апрѣля) и московскимъ генералъ-губернаторомъ (1732 г.). Но эту должность Чернышевъ оставилъ скоро; занимался въ 1736 г. пріемомъ лошадей, сбираемыхъ съ государства для кампаніи Миниха и присутствовалъ въ Москвѣ; потомъ былъ первымъ членомъ коммиссіи о разборѣ жалованныхъ земель въ Ингерманландіи и 14 февраля 1740 г., въ день празднованія мира съ Турціею, получилъ „отпущеніе" 12,000 руб. недоимки съ своихъ имѣній. Елизавета Петровна 30 ноября 1741 г. возложила на Чернышева андреевскую ленту и 25 апрѣля 1742 г. возвела его въ графское россійской имперіи достоинство. Но три года спустя гр. Чернышевъ умеръ въ Петербургѣ 30 іюля 1745 г. и погребенъ на старомъ лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской лавры. Мало образованный, но искренно преданный Петру, гр. Чернышевъ, по отзыву дюка Лирійскаго, „былъ уменъ, храбръ, служака, чрезвычайно скупъ, лживъ и не любилъ иноземцевъ". Иностранные писатели считаютъ его изобрѣтателемъ ревизій въ Россіи. Гр. Чернышевъ былъ женатъ на извѣстной любимицѣ

Петра I, Авдотьѣ Ивановнѣ Ржевской (1693—1747) и оставилъ отъ брака съ нею четырехъ сыновей, изъ которыхъ трое были потомъ андреевскими кавалерами, и четырехъ дочерей. Старшая правнука его, гр. Софья Григорьевна, послѣдняя въ родѣ, передала своему мужу, тайному совѣтнику Ив. Гавр. Кругликову титутъ и фамилію своего отца. Такъ произошли настоящіе графы Чернышевы-Кругликовы, огромное имѣніе которыхъ, указами 2 января 1774 г. и 4 января 1832 г. обращено въ майоратъ.

(Словарь достопамятн. людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго. 1847, ч. VIII. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809.—Списокъ кавал. россійск. орденовъ, 1814. — Россійск. родослов: книга, кн. Долгорукова. 1855, ч. II. — Дневникъ Берхгольца, 1858—1860, ч. I, II, IV.—Записки дюка Лирійскаго, 1845, с. 126.—Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792).

60.

Гр. Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера гр. Гавріила Ивановича и Домны Андреевны, по отцу Дивовой, родился около 1700 г.; указомъ 5 мая 1712 г. посланъ для образованія за границу, учился въ Лейпцигѣ и Галле. — По возвращеніи въ Россію Головкинъ пожалованъ сержантомъ гвардіи; женился въ 1722 г. на единственной дочери князя-кесаря Ромодановскаго и тогда же назначенъ резидентомъ въ Берлинъ, съ переименованіемъ въ камеръ-юнкеры. Отправившись туда на смѣну брата своего, посланника, призваннаго Петромъ въ Петербургъ, Головкинъ въ 1723 г. пожалованъ камергеромъ и командированъ изъ Берлина въ Парижъ, привѣтствовать короля Людовика XV съ восшествіемъ на престолъ. Въ Берлинѣ, Головкинъ находился по самую кончину Петра; былъ въ 1725 г. вызванъ Екатериною I въ Россію, и въ 1726 году сдѣланъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а при Петрѣ II получилъ александровскій орденъ (29 іюня 1727 г.). Императрица Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ въ 1730 году, назначила Головкина, женатаго на ея двоюродной сестрѣ, сенаторомъ (4 марта), произвела его въ тайные совѣтники (2 апр.), возложила на него 28 апрѣля 1731 года андреевскую ленту и повелѣла ему вѣдать денежный дворъ. Въ 1733 г. Головкинъ сдѣланъ членомъ коммиссіи объ улучшеніи мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Россіи, а въ 1734 г. наименованъ главнымъ директоромъ монетной канцеляріи.— Усердно занимаясь ввѣренною ему частью, Головкинъ въ въ 1739 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные со-

вѣтники, но не искалъ почестей, не терпѣлъ Бирена, прямо возставалъ противъ его жестокостей, едва не погибъ въ эпоху регентства (17 окт.—8 ноября 1740 г.), и 10 ноября 1740 г., на другой же день по низверженіи Бирена, поздравленъ отъ правительницы званіемъ вице-канцлера, сдѣланъ, съ согласія всесильнаго тогда Миниха, кабинетъ-министромъ, и въ этомъ качествѣ, 16 дек. того же года, подписалъ союзный договоръ съ Пруссіею.—28 янв. 1741 г., при раздѣленіи занятій между кабинетъ-министрами, Головкинъ обще съ Черкасскимъ получилъ на свою долю всѣ внутреннія дѣла—по сенату, синоду, камеръ-коллежскимъ сборамъ, государственнымъ доходамъ, комерціи и юстиціи; пользовался особеннымъ расположеніемъ правительницы, двоюродной племянницы его жены: первый задумалъ провозгласить Анну Леопольдовну со-императрицею, но борясь съ Остерманомъ и враждуя съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ, содѣйствовалъ раздѣленію двора на партіи, а потому и самому паденію правительницы. Въ ночь на 25 ноября 1741 г. Головкинъ былъ арестованъ именемъ новой императрицы Елизаветы, потомъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и преданъ суду, приговоренъ къ смерти за сочиненіе „нѣкотораго отмѣннаго о наслѣдствіи имперіи опредѣленія", выведенъ 17 янв. 1742 г. на сенатскую площадь, услышалъ здѣсь о дарованіи ему жизни, и лишенный чиновъ, орденовъ, имущества,—сосланъ на вѣчное житье въ Собачій-Острогъ (нынче Средне-Колымскъ, Якутской обл.), куда за своимъ мужемъ добровольно послѣдовала добродѣтельная дочь князя-кесаря Ромодановскаго. Больше 15 лѣтъ бѣдствовалъ Головкинъ въ Собачьемъ-Острогѣ, выходя изъ дома не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ съ ружьями, споря съ мѣстными казаками за рыболовныя межи въ Колымѣ и ежевоскресно являясь въ приходскую церковь, гдѣ разъ въ годъ онъ былъ обязанъ, выпрямясь и скрестивъ на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, а за ней увѣщаніе священника. 10 ноября 1756 г. ударилъ послѣдній часъ Головкина; вдова-графиня отвезла тѣло мужа въ Москву и похоронила его въ бывшемъ георгіевскомъ монастырѣ, что теперь приходская церковь, между переулками Камергерскимъ и Георгіевскимъ, неподалеку отъ дома благороднаго собранія. Истинный патріотъ и искусный министръ, гр. Головкинъ имѣлъ научныя свѣдѣнія, отличался добросердечіемъ, справедливостью, гостепріимствомъ, но не былъ чуждъ гордости, упрямства, настойчивости, иногда злости, любилъ предаваться лѣни и нѣгѣ, ненавидѣлъ Бирена и Остермана, незаслуженно презиралъ всѣхъ безъ изъятія иноземцевъ.

От брака своего съ княжною-кесаревною Екатериною Ивановною Ромодановскою (о ней см. прим. 75), гр. Головкинъ дѣтей не имѣлъ.

(Словарь достопам. люд. русск. земли, Д. Бант.-Каменск. 1836, ч. II. — Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко, 1837, ч. III.—Русская старина, въ памятн. церк. и гражд. зодчества, Мартынова и Снегирева. Москва, 1853, IV, 41.—О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательн. лицъ. Сельскаго, въ журн. „Русское Слово" за 1861 г., авг.—Записки кн. Шаховского, 1810, ч. I, с. 62—70; 112—116. — Дневникъ Берхгольца, 1858, ч. I, II.)

61.

Фамилія Юшковыхъ была одною изъ самыхъ приближенныхъ къ семейству императрицы Анны Іоанновны. Бояринъ Борисъ Гавриловичъ Юшковъ (ум. 1719) служилъ дядькою при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, отцѣ императрицы; а Василій Алексѣевичъ Юшковъ состоялъ спальникомъ и считался любимцемъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, матери императрицы. Подполковницу, о которой говоритъ Биренъ, звали Анной Ѳедоровной.

(Московскія губернскія вѣдомости 1844 г., № 11, прибавленіе. — Древняя Россійск. Вивліоѳика, изд. 2, т. XVII, с. 67.—О поврежденіи нравовъ въ Россіи, кн. Щербатова, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн., 1858 г.)

62.

Тутъ слѣдуетъ привести одно анекдотическое событіе, фактъ котораго Биренъ, неизвѣстно почему, опускаетъ. Когда завѣщаніе было подписано и Биренъ съ Остерманомъ перешли изъ опочивальни императрицы въ герцогскіе апартаменты, Биренъ, въ восторгѣ отъ перспективы близкаго регентства, сказалъ собравшимся вельможамъ: „Господа! вы поступили какъ древніе римляне".

(См. записки Миниха-сына, 1817, с. 174).

63.

Докторомъ принцессы Анны Леопольдовны былъ тогда Аруцій Аццаритти (или Азаретти), изъ Апуліи. Онъ учился въ Падуѣ, получилъ тамъ степень доктора медицины и въ 1721 году прибылъ въ Россію, въ свитѣ графа Саввы Рагузинскаго. Тогда же опредѣленный профессоромъ анатоміи въ медико-хирургическое училище, Аццаритти втеченіи всего царствованія Петра II (1727 — 1730) состоялъ полевымъ врачемъ при фельдмаршалѣ Сапегѣ, а въ 1737 году при

фельдмаршалѣ Минихѣ. Поссорившись съ архіатеромъ Фишеромъ, Аццаритти былъ отставленъ, но по ходатайству Миниха снова опредѣленъ на службу въ 1738 г., съ назначеніемъ генералъ-штабъ-докторомъ арміи и содержаніемъ по 900 рублей въ годъ. Въ регентство Бирена Аццаритти, кромѣ медицинской службы при Аннѣ Леопольдовнѣ, былъ въ качествѣ консультанта призываемъ на совѣщанія Фишера съ Санхецомъ, состоявшихъ собственно при младенцѣ-императорѣ. 1 января 1741 года Аццаритти пожалована мыза. Послѣ паденія правительницы, 24 ноября 1741 года, Аццаритти сопровождалъ ее изъ Петербурга и раздѣлилъ съ нею заключеніе въ Ригѣ. Но здѣсь же, по высочайшему повелѣнію отъ 22 мая 1742 года, Аццаритти былъ арестованъ и повезенъ камеръ-юнкеромъ Воронцовымъ въ Москву. Что сталось потомъ съ Аруніемъ Аццаритти, когда и гдѣ умеръ онъ—неизвѣстно.

(Исторія медицины въ Россіи, Рихтера, 1820 г., ч. III, 171—173; 304.—Описи секретн. бумаг., до прин. брауншвейг. относящимся, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1861 г., кн. II.—С.-Петербургскія вѣдомости 1741 г.).

64.

О болѣзни принцессы именно въ это время, никто кромѣ Бирена не говоритъ ни слова. Но упоминается, что императрица, подписывая актъ о регентствѣ, сказала Бирену: „Сожалѣю тебя, герцогъ: ты стремишься къ своей гибели!"

(См. обзоръ главнѣйшихъ событій въ Россіи съ кончины Петра-великаго до вступленія на престолъ Елизаветы, Ведемейера, 1835 года, ч. II, с. 135).

65.

Кончина императрицы послѣдовала въ пятницу, въ девять часовъ вечера, 17 октября 1740 года. — Дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳедоровны, изъ фамиліи Салтыковыхъ, Анна Іоанновна родилась 28 января 1694 года въ Москвѣ, и въ отрочествѣ обучалась языкамъ нѣмецкому и французскому—у своихъ наставниковъ, Остермана и Рамбурха. Петръ I, заключая договоръ съ прусскимъ королемъ въ Маріенвердерѣ 11 октября 1709 года, условился выдать племянницу свою Анну за королевскаго племянника Фридриха-Вильгельма, герцога курляндскаго, сговорилъ ее 10-го и обручилъ 18 іюня 1710 года, а 31 октября того же года происходило бракосочетаніе царевны, въ Петербургѣ, въ палатахъ князя Меншикова. Но 9 января 1711 года

герцогъ, на пути въ Курляндію, умеръ въ Кипени, отъѣхавъ сорокъ верстъ отъ Петербурга, и овдовѣвшая герцогиня, довольствуясь весьма ограниченнымъ содержаніемъ, проживала съ этого времени въ Митавѣ, пріѣзжала нерѣдко въ Петербургъ и Москву и была предметомъ нѣсколькихъ брачныхъ договоровъ (см. прим. 4), разрушенныхъ политическими обстоятельствами. Въ ночь на 19 января 1730 года скончался императоръ Петръ II, и въ тотъ же день состоялось избраніе герцогини курляндской на русскій престолъ, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Въ Митаву отправилась особая депутація, герцогиня приняла условія, 15 февраля прибыла въ Москву, 25 февраля объявила себя самодержавною и короновалась 28 апрѣля 1730 года. Къ извѣстнѣйшимъ событіямъ десятилѣтняго правленія императрицы Анны Іоанновны принадлежатъ: въ 1730 году: уничтоженіе верховнаго тайнаго совѣта и возвращеніе сенату именованія „правительствующій“, вмѣсто бывшаго „высокій“ (4 марта); изгнаніе и удаленіе отъ двора фамиліи князей Долгорукихъ (апрѣль и іюнь); учрежденіе третьяго гвардейскаго полка, измайловскаго (22 сентября); союзный договоръ съ Даніею (20 октября); въ 1731 году: открытіе судоходства по ладожскому каналу (1 мая); учрежденіе кадетскаго корпуса (27 іюля); учрежденіе кабинета (10 ноября) и полка конной гвардіи (31 декабря); добровольное принятіе русскаго подданства среднею и меньшою киргизскими и нижнею каракалпакскою ордами; въ 1732 году: договоръ съ Персіею въ Рящѣ и уступка шаху провинцій, завоеванныхъ Петромъ I (21 января); въ 1733 году: вооруженная помощь королю польскому Августу III противъ притязаній Станислава Лещинскаго; въ 1734 году: взятіе Минихомъ Данцига (18 іюня); торговый трактатъ съ Англіей (4 декабря); персидскій, бухарскій и калмыцкій послы въ Петербургѣ; въ 1735 году: движеніе русской арміи, подъ предводительствомъ Ласси и Кейта, къ Рейну, на помощь королевѣ венгеро-богемской Маріи Терезіи противъ ея враговъ; разрывъ съ Турціею и походъ генерала Леонтьева въ Крымъ, но безъ военныхъ дѣйствій; бунтъ башкировъ по Яику; застроенъ городъ Оренбургъ; въ 1736 году: взятіе Минихомъ Перекопа, въ Крыму (21 мая), занятіе Бахчисарая и Ахмечети; Ласси покорилъ Азовъ (14 іюня); дворянству опредѣленъ двадцати-пяти-лѣтній срокъ службы, считая съ двадцати-пяти лѣтняго возраста (31 декабря); въ 1737 году: Минихъ взялъ приступомъ Очаковъ (2 іюля); покорилъ Хотинъ (3 іюля); избраніе оберъ-камергера графа Бирена въ герцоги

курляндскіе; страшные пожары въ Москвѣ и Петербургѣ; въ 1738 году: походъ Миниха къ рѣкѣ Днѣстру; впаденіе крымскихъ татаръ въ Украйну; самозванецъ въ Малороссіи, Иванъ Миницкій, принялъ имя царевича Алексѣя Петровича и казненъ; въ 1739 году: Минихъ разбилъ турковъ при Ставучанахъ (17 августа); бѣлградскій миръ съ Турціей (18 сентября); бракъ принцессы Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ (3 іюля); казнь князей Долгорукихъ въ Новгородѣ (8 ноября); въ 1740 году: мирныя торжества въ Петербургѣ и ледяной домъ (14 февраля); казнь кабинетъ-министра Волынскаго (27 іюня); рожденіе принца Іоанна (12 августа); объявленіе его великимъ княземъ и наслѣдникомъ всероссійскаго престола (7 октября).— Женщина роста высокаго и наружности величественной, Анна Іоанновна не принадлежала къ числу красавицъ, имѣла рябоватое лицо, большой носъ, каріе, острые глаза, темные волосы и сильный, мужской голосъ. Образъ жизни императрицы распредѣлялся такъ: отъ 11 до 12 часовъ дня и потомъ отъ 4 до 9 вечера, ея величество принимала, играла въ карты, забавлялась шутами или стрѣляла въ цѣль, ѣздила верхомъ, травила звѣрей, но въ 10 часовъ вечера непремѣнно ложилась спать и всегда вставала въ 6 часовъ утра. Обладая яснымъ умомъ и богатою памятью, императрица твердо вѣрила, что „правосудіе есть здравіе и цѣлость государства", постоянно преслѣдовала несправедливость, хлопотала о внутреннемъ порядкѣ и внѣшнемъ значеніи Россіи, не жалѣла издержекъ на приданіе блеска своему двору, сама же отличалась воздержностью, одѣвалась просто, любила соблюсти экономію. Но лишонная отъ природы мягкихъ свойствъ, составляющихъ общій удѣлъ женщинъ, Анна Іоанновна, къ несчастію Россіи, слѣпо довѣрялась одному Бирену, человѣку съ инстинктами жосткими, всегда кровожадному. Потому-то въ Россіи втеченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ слышались, по выраженію Мальгина, „сердечное сѣтованіе, томныя воздыханія и молчный вопль изнуренныхъ до костей россіянъ". Тѣло императрицы Анны Іоанновны погребено 23 декабря 1760 года въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

(Зерцало россійскихъ государей, Т. Мальгина, 1794 г., с. 564 и д.—Обзоръ главнѣйшихъ событій въ Россіи, Ведемейера. 1835 г., ч. I, с. 117 и д., ч. II.—Записки Миниха-сына, 1817 г., с. 175 — 187. — Записки дюка Лирійскаго, 1845 г., с. 114. — Письма леди Рондо, 1836 г., с. 45. — О поврежденіи нравовъ въ Россіи, князя Щербатова, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858 г., кн. II.—Extraits des dépêches

Berlin, 1858.—Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres; 1792.—Peter von Hawens Reise in Russland, Copenhagen, 1744.—Materialien zu der russischen Geschichte, Schm.-Phiseldek. Riga, 1784, B. II).

66.

Больной и проникнутый скорбью герцогъ, замѣтивъ во время чтенія акта княземъ Трубецкимъ, что принцъ Антонъ-Ульрихъ неподвижно стоялъ за стуломъ Анны Леопольдовны,—подошелъ къ принцу и язвительно спросилъ его: не желаетъ ли и его высочество послушать послѣднюю волю покойной императрицы? Вмѣсто отвѣта, отецъ императора подошелъ къ толпѣ, окружавшей чтеца.

(См. Записки Миниха-сына, 1817 г., с. 118).

67.

Происходило слѣдующее: „кабинетъ, синодъ, сенатъ, фельдмаршалы и генералитетъ, будучи въ собраніи, по довольномъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили“—именовать Бирена его высочествомъ регентомъ всероссійской имперіи, герцогомъ курляндскимъ, лифляндскимъ и семигальскимъ, о чемъ 19 октября изданъ и манифестъ. Есть однакоже извѣстіе, что 18 октября, то-есть въ субботу, Биренъ былъ въ придворной церкви, лично принималъ отъ всѣхъ присягу и поздравленіе.

(С.-Петербургскія Вѣдомости 1740 г., № 86.—Записки Миниха-сына, 1817 г., 188).

68.

Биренъ говоритъ объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которой онъ, какъ цесаревнѣ, опредѣлилъ 19 октября 1740 года ежегодное жалованье въ 50,000 рублей.

69.

Эти преображенскіе офицеры были не два поручика, какъ пишетъ Биренъ, а капитанъ Петръ Ханыковъ и поручикъ Василій Аргамаковъ. Полюбопытствовавъ узнать, что сталось впослѣдствіи съ первыми жертвами регентства, мы отыскали въ старинномъ рукописномъ спискѣ преображенскихъ офицеровъ слѣдующее: Ханыковъ, 21 марта 1741 года, чрезъ четыре мѣсяца послѣ пытки, уволенъ за негодностью къ службѣ, арміи полковникомъ; Аргамаковъ же, вѣроятно болѣе крѣпкій, продолжалъ служить и умеръ неранѣе 14 лѣтъ

спустя, 28 октября 1754 года, въ чинѣ гвардіи капитанъ-поручика.

70.

Несмотря на всѣ наши поиски, мы затрудняемся съ увѣренностью назвать этихъ двухъ поручиковъ. Замѣтимъ однакоже, что при сличеніи списка прикрытыхъ знаменемъ по указу 4 апрѣля 1741 года съ спискомъ преображенскихъ офицеровъ того же времени, оказывается почти одно и тоже лицо—Андрея Вельяминовъ-Зерновъ, названный въ указѣ гвардіи адъютантомъ, а въ преображенскомъ спискѣ квартермистромъ. Впрочемъ квартермистры и адъютанты того времени занимали въ полковой іерархіи степень одинаковую и всегда состояли въ рангѣ поручичьемъ. Противъ имени поручика-квартермистра Андрея Вельяминова-Зернова въ преображенскомъ спискѣ помѣчено: „741 г. маия 28 умре". Поэтому мы готовы думать, что именно онъ былъ однимъ изъ поручиковъ, попавшихся на этотъ разъ регенту и слѣдовательно въ застѣнокъ.

71.

Этотъ унтеръ-офицеръ былъ гвардіи преображенскаго полка сержантъ Нилъ Петровъ Акинфовъ. Прикрытый знаменемъ 4 апрѣля 1741 года, наряду со всѣми, которые „имѣя къ службѣ ревность и будучи въ розыскахъ неповинно страдали, и намъ яко природному и истинному государю своему вѣрно служили", Акинфовъ въ 1743 году былъ уже преображенскимъ подпоручикомъ. Но тогда, по указу 29 августа, „за нѣкоторое преступленіе" написанъ тѣмъ же чиномъ въ армію. „Нѣкоторое преступленіе" Акинфова состояло въ прикосновенности къ извѣстному дѣлу о заговорѣ маркиза ди-Ботта д'Адорно, бывшаго венгеро-богемскаго посла въ Россіи. Любопытно, что весьма многіе, пострадавшіе въ эпоху регентства за усердіе къ Аннѣ Леопольдовнѣ, уличены въ томъ же и по дѣлу ди-Ботта.

(С.-Петербургскія Вѣдомости 1741 года, извѣстіе подъ 4 апрѣля. — Валовой списокъ офицеровъ преображенскаго полка, рукопись.—Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко, 1837 г., ч. II, с. 73).

72.

Кромѣ того, что этотъ капитанъ назывался Василій Аристовъ, мы ничего не можемъ добавить къ показанію Бирена.

(См. С.-Петербургскія Вѣдомости 1741 г., извѣстіе подъ 4 апрѣля).

73.

Графиня Анна Гавриловна Ягужинская, потомъ графиня Бестужева - Рюмина, была рожденная графиня Головкина, дочь канцлера (см. прим. 12), а въ описываемое время — вдова извѣстнаго П. И. Ягужинскаго, перваго генералъ-прокурора въ Россіи, одного изъ усерднѣйшихъ сподвижниковъ Петра I. Въ молодости Анна Гавриловна принадлежала къ числу образованнѣйшихъ петербургскихъ дѣвицъ, прекрасно говорила понѣмецки, отличалась любезностью, слыла первою въ танцахъ, и въ 1722 году вышла за графа Ягужинскаго. Ихъ свадьба была 10 ноября и вся императорская фамилія присутствовала при вѣнчаніи, потомъ ужинала у новобрачныхъ. 21 мая 1725 года, въ день свадьбы цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ, Ягужинская пожалована статсъ-дамою. Послѣ этого еще одиннадцать лѣтъ наслаждалась она счастливымъ супружествомъ, овдовѣла въ 1736 г., и переставъ являться ко двору, начала жизнь уединенную, занималась дѣтьми, питала нѣжную привязанность къ брату, Михаилу Гавриловичу Головкину (см. прим. 60). Арестъ брата въ 1741 г. и ссылка его въ 1742 г. чрезвычайно подѣйствовали на сестру: Ягужинская вознегодовала на настоящій порядокъ вещей и сдѣлалась тайною недоброжелательницею новаго правительства; но думала ли она дѣйствительно предпринимать что-нибудь — осталось недоказаннымъ. Въ маѣ 1743 года графиня Ягужинская вступила во второй бракъ—съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, къ которому не чувствовала ничего кромѣ холодности, а въ іюлѣ была уже арестована, подвергнута допросамъ и пыткѣ. Жена оберъ-гофмаршала судилась какъ соучастница въ заговорѣ маркиза ди-Ботта д'Адорно, которому приписывали намѣреніе лишить императрицу Елизавету престола. Вмѣстѣ съ многими другими, вовлеченными въ дѣло, графиня Бестужева - Рюмина была приговорена къ смерти, но вмѣсто того 31 августа 1743 г. вывезена на Васильевскій островъ и здѣсь публично бита кнутомъ, причемъ ей „урѣзанъ“ языкъ, а затѣмъ отправлена на вѣчное житье въ Якутскъ. Въ ссылкѣ графиня Бестужева - Рюмина пользовалась полною свободою, имѣла всегда деньги, одѣвалась богато, много проигрывала въ карты, говорила совершенно вразумительно и чрезъ нѣсколько лѣтъ получила позволеніе возвратиться изъ Сибири. Когда и

гдѣ умерла графиня Бестужева Рюмина, неизвѣстно. Двѣ дочери ея отъ перваго брака были замужемъ: 1) Анна, въ иночествѣ Августа (1732—1801), за генералъ-лейтенантомъ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Апраксинымъ; 2) Марья (1732—1755) за генералъ-аншефомъ графомъ Андреемъ Михайловичемъ Ефимовскимъ.

(Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Д. Бантышъ-Каменскаго, 1836 г., ч. II. — Дневникъ Берхгольца, 1858—1860 г., ч. I, III IV.—Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко, 1837, II, 73. — О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ, Сельскаго; въ журналѣ Русское слово, 1861, августъ. — Россійская родословная книга, князя Долгорукаго, 1854 — 1857 г., ч. I, II, IV. — Voyage en Sibérie, par M. l'abbé Chappe d'Auteroche, Amsterdam, 1769, II.—Russische Günstlinge, v. Helbig. Tübingen, 1809, s. 223 etc.)

74.

Спѣшимъ исправить ошибку герцога. Графиня Головкина и императрица Анна Іоанновна, доводились между собою не племянница и тетка, а двоюродныя тетки, и вотъ на какомъ основаніи: матери обѣихъ, княгиня Настасья Ѳедоровна Ромодановская и царица Прасковья Ѳедоровна, супруга царя Іоанна Алексѣевича, — были родныя сестры, по отцу Салтыковы, дочери боярина Ѳедора-Александра Петровича Салтыкова (ум. 1697).

(См. Россійская родословная книга, князя Долгорукаго, 1855 г., ч. II.)

75.

Графиня Екатерина Ивановна Головкина, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, московскаго генералъ-губернатора и андреевскаго кавалера князя-кесаря Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, отъ брака его съ Настасьею Ѳедоровною Салтыковою, родилась 22 ноября 1701 г. въ Москвѣ, получила прекрасное по тому времени воспитаніе, была постоянно ласкаема Петромъ I, и въ силу кесарскаго достоинства, принадлежавшаго дѣду, потомъ отцу ея, пользовалась исключительнымъ почетомъ между всѣми своими сверстницами-аристократками. Одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи невѣстъ, княжна-кесаревна вышла за графа Михаила Гавриловича Головкина (см. прим. 60) и на ихъ свадьбѣ, 8 апр. 1722 г., самъ Петръ исправлялъ обязанность маршала, предводилъ танцами, подносилъ гостямъ напитки. При избраніи

на русскій престолъ вдовствующей герцогини курляндской графиня Головкина, побывавшая до этого съ мужемъ заграницею, назначена 4 марта 1730 г. второю въ число четырехъ статсъ-дамъ императрицы, своей двоюродной сестры. Но избѣгая столкновеній съ Бирономъ, Головкины рѣдко бывали во дворцѣ и графиня посвящала все свое время уходу за подагрикомъ-мужемъ. Въ эпоху трехнедѣльнаго регентства Головкины, въ домѣ которыхъ сбирались всѣ недовольные герцогомъ-регентомъ, едва не пострадали; но ихъ гости, схваченные и преданные пыткамъ, ни однимъ словомъ не выдали ни графа, ни графиню. Съ переходомъ власти въ руки правительницы, двоюродной племянницы графини Головкиной, положеніе послѣднев казалось устроеннымъ какъ нельзя лучше: пользуясь уваженіемъ матери императора и почтеніемъ всего двора, графиня Головкина, небольшая охотница до придворной жизни, спокойно уединялась у себя дома и благотворила бѣднымъ. Скоро однакоже все перемѣнилось. Ночью на 25 ноября 1741 г. графъ Головкинъ былъ арестованъ, потомъ преданъ суду и въ январѣ 1742 г. приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Императрица велѣла объявить графинѣ Головкиной, что жена, невинная въ преступленіяхъ мужа, остается при всѣхъ своихъ правахъ. Но графиня, отказавшись отъ всего, не хотѣла покинуть больного мужа, и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку, безропотно переносила изгнанническую жизнь въ Собачьемъ-Острогѣ, на отдаленныхъ предѣлахъ якутскаго края, холила своего графа, излечила его совершенно—и пережила. Овдовѣвъ 10 ноября 1756 г., графиня Головкина еженочно молилась на могилѣ мужа, котораго погребла въ сѣняхъ своей хижины; потомъ съ высочайшаго разрѣшенія перевезла тѣло бывшаго вице-канцлера въ Москву, вторично похоронила его въ Георгіевскомъ монастырѣ, продолжала существовать единственно для неимущихъ, пріобрѣла уваженіе всѣхъ современниковъ и умерла 20 мая 1791 г., почти девяноста лѣтъ. Вся жизнь ея была служеніе добру и ближнимъ. Тѣло графини Головкиной погребено въ Знаменской церкви московскаго Спасо-андроникова монастыря.

(Словарь достоп. людей русской земли, д. Бант.-Каменскаго, 1836, II. — Дневникъ Берхгольца, 1858; ч. I, II. — Записки князя Шаховскаго, 1810, ч. I, с. 65, 67, 115. — Русская старина, Мартынова и Снегирева, 1853, ч. IV, с. 48. — Спасо-Андрониковъ, сочин. Иванчина-Писарева, 1842, с. 36 — 38. — Россійск. родосл. книга, князя Долгорукаго, 1855, ч. II, с. 51.)

76.

Нельзя не видѣть, что этимъ мѣстомъ своего сочиненія Биренъ искалъ польстить дочери Петра I, императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, для свѣдѣнія которой было написано и самое сочиненіе.

77.

Финчъ, бывшій въ то время англійскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ, разсказываетъ эту сцену Бирена съ принцемъ нѣсколько иначе. По его словамъ, регентъ пошолъ къ Антону Ульриху собственно для того, чтобы выразить ему неудовольствіе за мятежныя покушенія офицеровъ семеновскаго полка, о чемъ уже носились слухи. Принцъ, слушая угрозы регента, нетолько не возражалъ, но испуганный и сконфуженный робко просилъ пощады офицерамъ, которыхъ извинялъ молодостью.—См. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 68—69.

78.

Эрнестъ Рейнгольдъ Менгденъ, родной братъ извѣстной Юліаны, сдѣланъ камеръ-юнкеромъ неранѣе 1 января 1741 г., а въ то время, на которое указываетъ Биренъ, Менгденъ находился въ числѣ камеръ-пажей принцессы. Этотъ Менгденъ, служа впослѣдствіи лифляндскимъ ландратомъ, былъ возведенъ императоромъ Іосифомъ II въ графское римской имперіи достоинство 11/22 іюня 1774 г., и женатый три раза, пережилъ своего единственнаго сына Готгардта Іоганна, генералъ-майора польской службы. — Графа Эрнестъ Рейнгольдъ Менгденъ умеръ въ 1798 году.

79.

Этотъ секретарь былъ Петръ Грамотинъ. О томъ, что его прислала сама принцесса, говоритъ только одинъ Биренъ. Авторъ „Замѣчаній" на манштейновы „Записки о Россіи" (въ которомъ, замѣтимъ, г. Щебальскій видитъ того же Миниха сына) свидѣтельствуетъ, что Грамотинъ былъ схваченъ за посѣщенія графа Головкина, хлопотавшаго въ пользу принцессы. Истязуемый пытками, Грамотинъ призналъ себя участникомъ нетолько головкинскаго замысла, но и другого, принадлежавшаго самому принцу, и въ мукахъ назвалъ одного изъ своихъ сочувственниковъ, семеновскаго капитана князя Ивана Путятина; а этотъ, попавъ въ застѣнокъ, выдалъ еще троихъ однополчанъ капитановъ Никиту Соковнина и Василія

Чичерина и капитанъ-поручика Андрея Колударова. Всѣ они были схвачены и пострадали. Что касается самого Грамотина, то его, по низложеніи регента, произвели въ полковники и назначили директоромъ канцеляріи принца браушвейгскаго, а по воцареніи Елизаветы предали суду, обвинили въ „братіи взятокъ за повышенія“, и по указу 22 января 1742 г., лишили чиновъ, но отпустили „въ домъ“, съ запрещеніемъ однакоже поступать вновь на службу, „понеже до сего былъ въ катскихъ рукахъ“, то-есть пытанъ чрезъ палача. Князю Путятину тоже довелось пострадать вторично; въ 1743 г., обвиненный по дѣлу маркиза ди Ботта, онъ битъ кнутомъ, лишонъ имущества и сосланъ въ Сибирь. Еще ранѣе Путятина испыталъ новую невзгоду Чичеринъ, пожалованный правительницею въ секундъ-майоры гвардіи, или что тоже—въ армейскіе полковники: по указу 22 января 1742 г., онъ написанъ премьеръ-майоромъ въ армію, зато что, исполняя порученіе принца браушвейгскаго, наблюдалъ, съ переодѣтыми нижними чинами семеновскаго полка, всѣхъ кто посѣщаетъ цесаревну и доносилъ принцу. И только Соковнинъ съ Колударовымъ, уцѣлѣвъ при новой перемѣнѣ правленія, продолжали свою карьеру въ царствованіе Елизаветы Петровны. О Соковнинѣ мы скажемъ ниже (см. прим. 102), а Колударовъ въ 1744 г. былъ уже полковникомъ, и тогда, въ числѣ прочихъ награжденныхъ по случаю празднованія абовскаго мира, получилъ 27 іюля увольненіе отъ службы, съ придачею 170 душъ крестьянъ.

(„Отечественныя записки“, изд. Свиньина. 1828, ч. XXXV, с. 368. — Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, Терещенко. 1837, ч. II, с. 73. — Пол. Собр. Зак., изд. 1830, т. XI, ст. 8506. — С.-Петерб. Вѣдомости 1744 г.)

80.

Адъютантомъ принца Антона-Ульриха былъ тогда прежній его гувернеръ, браушвейгскій подполковникъ фонъ-Геймбургъ (называемый и Гоймбургомъ), прекрасный кавалерійскій офицеръ, но плохой воспитатель и придворный человѣкъ съ характеромъ тяжолымъ, нерѣшительнымъ, подозрительнымъ. Пожалованный, при низложеніи регента, въ полковники и генеральсъ-адъютанты принца-генералиссимуса, Геймбургъ не пользовался расположеніемъ правительницы, потому что былъ ненавидимъ камеръ-фрейлиною и любимицею ея высочества, Юліаною Менгденъ. Когда правительство Анны Леопольдовны пало, Геймбургъ, непереставшій числиться полковникомъ, былъ удаленъ изъ Петербурга вмѣстѣ

съ принцемъ и раздѣлялъ въ Ригѣ и Динаминдѣ заточеніе бывшихъ правителей, причемъ всѣ письма, адресуемыя на его имя, отправлялись ко двору, какъ подозрительныя, а податели задерживались подъ стражею, до полученія разрѣшительнаго именного указа. Но Геймбургъ не сопровождалъ брауншвейгскую фамилію въ Холмогоры: онъ былъ въ Раніенбургѣ заточенъ въ одно и тоже помѣщеніе съ Юліаною Менгденъ и вмѣстѣ съ нею отданъ подъ крѣпкій караулъ команды великолуцкаго полка. Томясь въ неволѣ, Геймбургъ писывалъ повременамъ нѣмецкія письма то къ кабинетъ-секретарю императрицы Черкасову, то къ камергеру Корфу и человѣкъ, какъ видно, болѣзненный — часто выписывалъ себѣ чрезъ кабинетъ лекарства. Такъ 1 сентября 1750 г. въ медицинскую канцелярію было послано повелѣніе отправить къ Геймбургу: „шталевыхъ порошковъ десять, шталевыхъ пилюль пять дозисовъ, ревеннаго порошку пять дозисовъ, соли сибирской полфунта".—Свѣдѣнія о Геймбургѣ не простираются далѣе 1754 г.; и выѣхалъ ли онъ когда-нибудь изъ Раніенбурга, или тамъ умеръ, неизвѣстно.

(Описи секретнымъ бумагамъ, до принца брауншвейгскаго относящимся въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1861, кн. II. — С.-Петерб. вѣдомости 1741 г. — Mémoires de Manstein. 1771, p. 425.)

81.

Андрей Яковлевъ, родомъ изъ Астрахани, служилъ въ тамошнемъ духовномъ приказѣ приставомъ; въ 1723 г., за вины, написанъ мѣстнымъ губернаторомъ Волынскимъ въ солдаты, но успѣлъ почему то вкрасться въ довѣренность князя Меншикова и въ 1727 г. былъ употребленъ къ описи бумагъ арестованнаго генералиссимуса. Въ царствованіе Анны Іоанновны Яковлевъ достигъ званія секретаря военной коллегіи, сдѣланъ около 1737 г. кабинетъ-секретаремъ, сохранилъ казнѣ въ турецкую войну болѣе 1,300,000 р., но по навѣтамъ того же Волынскаго, указомъ 1 сент. 1739 г., переведенъ „за непорядочные поступки" попрежнему въ военную коллегію. Вскорѣ однакоже Яковлевъ опять возвращенъ въ кабинетъ и въ августѣ 1740 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Регентъ Биренъ, при первыхъ слухахъ о заговорѣ въ пользу брауншвейгской фамиліи, велѣлъ, 24 октября, схватить и пытать Яковлева, жена котораго, чрезвычайно походившая лицомъ на Анну Леопольдовну, считалась фавориткою принцессы. По прекращеніи регентства, Яковлевъ, уже приговоренный къ публичному наказанію

кнутомъ, которое долженствовало совершиться 11 ноября, былъ за день до того пожалованъ правительницею въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но въ 1741 г. получилъ увольненіе и награжденъ деревнями. Новая перемѣна правительства въ томъ же 1741 г. навлекла Яковлеву новыя бѣды: онъ тогда же былъ арестованъ, преданъ суду, обвиненъ какъ „конфидентъ Меншикова, подававшій ему разные вредительные проэкты безъ подписи", и по сентенціи 22 января 1741 г. лишонъ чиновъ, деревень, разжалованъ въ писаря астраханскаго гарнизона. Что сталось съ Андреемъ Яковлевымъ впослѣдствіи, мы не знаемъ.

(Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. II. — Пол. Соб. Зак., изд. 1830, т. XI. ст. 8506.—С.-Петерб. вѣдомости 1740—1741 г.—Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792).

82.

Погребеніе тѣла императрицы Анны Іоанновны было предположено совершить 23 декабря 1740 г., что и состоялось по назначенію, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ.

83.

Мы не знаемъ, о которомъ именно Кейзерлингѣ говоритъ Биренъ. При петербургскомъ дворѣ было тогда нѣсколько лицъ этой фамиліи, между собою родственныхъ.

84.

Въ октябрѣ 1740 года—время, о событіяхъ котораго разсказываетъ Биренъ,—при петербургскомъ дворѣ находились только два Бреверна, братья Карлъ и Петръ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ тогда статскимъ совѣтникомъ. Карлъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники еще до 1740 года (см. прим. 49); а Петръ Бревернъ въ маѣ 1740 г. пожалованъ изъ секретарей въ эстляндскіе „губернаментскіе" совѣтники и не ранѣе 1746 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. Мы думаемъ однакоже, что Биренъ, ошибаясь въ чинѣ переводчика, указываетъ именно на дѣйств. стат. сов. Карла Бреверна, всегда состоявшаго при иностранныхъ дѣлахъ вообще.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III.— С.-Петерб. вѣдомости 1740 и 1746 годовъ).

85.

Гебгардтъ Іоганнъ, родомъ курляндецъ, сначала гувернеръ

принца Антона-Ульриха, въ Петербургѣ, потомъ брауншвейгъ-вольфенбиттельскій дѣйствительный тайный совѣтникъ и статсъ-министръ, человѣкъ ограниченный, но интригантъ и лазутчикъ герцога Бирена. 25 апрѣля 1744 г. Кейзерлингъ получилъ графское достоинство прусскаго королевства, и сочетавшись третьимъ бракомъ съ владѣтельною графинею Трухсесъ фонъ-Вальдебургъ, принесшей ему въ приданое мѣстность Раутенбургъ, въ восточной Пруссіи,—сдѣлался родоначальникомъ старшей вѣтви нынѣшнихъ графовъ Кейзерлинговъ. Онъ умеръ въ 1761 году, 62 лѣтъ.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III.— Mémoires de Manstein. 1771, p. 425).

86.

Подробности сцены, происходившей въ собраніи вельможъ между регентомъ и принцемъ, излагаются въ нѣкоторыхъ источникахъ иначе. Разнорѣчіе этихъ источниковъ съ показаніями Бирена состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Принцъ явился въ собраніе не добровольно, но регентъ посылалъ за нимъ. 2) Желаніе принца сложить съ себя всѣ должности изъявлено не въ самомъ собраніи, а на другой день, и также было дѣломъ регента, который съ этимъ предложеніемъ посылалъ къ принцу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Миниха, брата фельдмаршала. 3) Принцъ, взволнованный выговоромъ регента, ненамѣренно положилъ руку на эфесъ шпаги; что Биренъ принялъ за вызовъ и отозвался, что онъ и этимъ путемъ готовъ дать удовлетвореніе принцу. 4) Рѣчь Ушакова принцу, вовсе неупоминаемая иными, состояла въ выраженіяхъ несравненно умѣреннѣйшихъ, чѣмъ тѣ, какія приводитъ въ своемъ сочиненіи Биренъ.

(Записки Миниха-сына, 1817, с. 198—199.—Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 69).

87.

Если вѣрить Финчу, то актъ, содержаніе котораго забылъ Биренъ, не составлялся вновь, но остался тѣмъ же самымъ завѣщательнымъ актомъ императрицы, къ которому присутствующіе въ собраніи только приложили свои печати,— для удостовѣренія принца, сомнѣвавшагося въ подлинности подписи покойной государыни.

(См. Extraits des dépêches. Berlin. 1858, p. 71).

88.

Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій, племянникъ Елизаветы Петровны, сынъ ея старшей сестры, цесаревны Анны Петровны, и Карла Фридриха, герцога голштинскаго, родился 10 февраля 1728 г., въ Килѣ. Потерявъ мать въ самый годъ своего рожденія, а отца въ 1739 году, отрокъ-герцогъ наслѣдовалъ безраздѣльно все герцогство шлезвигъ-голштинское, и въ эпоху, описываемую Бирономъ, жилъ въ Любекѣ, у своего дяди и опекуна, принца-администратора Адольфа Фридриха, епископа любскаго (съ 1751 г. король шведскій), воспитываясь подъ надзоромъ гофмаршала Брюммера, которому помогали въ этомъ дѣлѣ камергеры: Адлерфельдтъ, Вахтмейстеръ, Вольфъ и Мадфельдтъ. Впослѣдствіи Карлъ-Петръ-Ульрихъ царствовалъ въ Россіи подъ именемъ Петра III. (25 дек. 1761 г.—28 іюня 1762). См. Geschichte Peters des Dritten, Kaisers von Russland, 1799.

89.

Рѣчь идетъ о Юліанѣ Менгденъ (см. прим. 36). Юліана была извѣстна своею непріязнью къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Впослѣдствіи эта непріязнь доходила до смѣшного. Замѣтивъ напримѣръ, что цесаревна, посѣщая Анну Леопольдовну, не оставалась у правительницы далѣе 7 часовъ вечера, Юліана тщательно переводила всѣ дворцовые часы и ставила ихъ получасомъ впередъ,—что, говорятъ, знала и цесаревна. (Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen. v. Chr. Schmidt, genannt Phiseldek. Riga, 1784, Th. II, S. 364).

90.

Фельдмаршалъ указывалъ регенту на Христину Менгденъ, рожденную Вильдеманъ, жену комерцъ-коллегіи президента и двоюроднаго брата Юліаны—Карла-Лудвига Менгдена. Мать Христины, Елизавета Доротея, была родная сестра фельдмаршала Миниха, выданная за прусскаго генералъ-майора фонъ-Вильдемана, сынъ котораго, служа генералъ-адъютантомъ при фельдмаршалѣ Минихѣ, дядѣ своемъ, привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Очакова (1737). Сама же Христина Менгденъ, племянница Миниха, ознаменовала себя примѣрною преданностью мужу—въ ту эпоху, когда все семейство Менгденовъ было постигнуто неожиданнымъ несчастіемъ. Страдая съ родичами, президентъ Менгденъ, лишонный въ 1742 году всего, кромѣ жизни, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Нижнеколымскъ, въ семидесяти верстахъ отъ Ледовитаго

моря,—и Христина, несмотря на полусумашествіе, въ которое ввергло ее горе, добровольно, съ груднымъ ребенкомъ, послѣдовала за Менгденомъ, живя въ тундрахъ, трепеща при тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда президентъ собственною особою отражалъ нападенія чукчей,—и умерла подъ сѣвернымъ полюсомъ, жертвою любви, вѣрности и климата.

(Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1855—1856, ч. II и III.—О ссылкѣ въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ, Сельскаго, въ журналѣ „Русское Слово", 1861, авг.).

91.

Злобясь на Миниха, сокрушившаго регентство, герцогъ до гроба враждовалъ на фельдмаршала, мстилъ ему, гдѣ и чѣмъ могъ, и предназначая сочиненіе свое для свѣдѣнія императрицы Елизаветы Петровны, не упустилъ случая неблаговидно выставить Миниха, уже давно изгнаннаго въ ссылку. Эта черта весьма достаточна для опредѣленія началъ, преобладавшихъ въ характерѣ герцога курляндскаго.

92.

Камеръ-юнкерами двора цесаревны Елизаветы Петровны тогда были: Алексѣй Григ. Разумовскій, Михаилъ Лар. Воронцовъ, Александръ и Петръ Иван. Шуваловы, баронъ Сергѣй Григ. Строгановъ, Алексѣй Григ. Жеребцовъ и Вас. Ермол. Скворцовъ. Всѣ они, считаясь степенью ниже камеръ-юнкеровъ двора принцессы, состояли въ рангѣ армейскихъ полковниковъ и—если вѣрить Миниху—посѣщали маркиза де-ла Шетарди, съ декабря 1739 г. занимавшаго постъ французскаго чрезвычайнаго посла при петербургскомъ дворѣ.

93.

Въ то время, когда Минихъ это высказывалъ, онъ едва-ли ошибался. Утро 25 ноября 1741 г. оправдало слова фельдмаршала, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Петербурга: тогда ликовали только гвардейцы, а народъ, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ событія, не изъявлялъ никакой особенной радости и мало походилъ на тотъ же народъ, который въ ночь арестованія Бирена обнимался и цѣловался какъ въ свѣтлое воскресенье.

94.

Фельдмаршалъ Минихъ командовалъ тогда преображенскимъ полкомъ, въ которомъ съ 14 февраля 1740 г. состоялъ подполковникомъ. Въ старое время, званіе преображенскаго

полковника всегда принадлежало царствующему въ Россіи государю. Но имени младенца-императора Іоанна нѣтъ въ спискѣ царственныхъ преображенскихъ полковниковъ. Слѣдовательно въ минуту разговора своего съ регентомъ, Минихъ именно „командовалъ" преображенцами, потому что былъ первымъ, старѣйшимъ лицомъ ихъ полка. Любопытно, что въ старинномъ рукописномъ спискѣ преображенскихъ офицеровъ, который у насъ передъ глазами, день кончины императрицы Анны означенъ такъ, какъ-будто бы періодъ регентства не существовалъ вовсе, т. е. въ графѣ полковниковъ, около имени Анны Іоанновны помѣчено: „а преставилась въ 740 г. ноября 10 числа". Періоду правленія Анны Леопольдовны сдѣлана большая честь: онъ по крайней мѣрѣ видѣнъ въ пробѣлѣ времени—такъ что рядомъ съ именемъ императрицы Анны стоитъ имя императрицы Елизаветы, при которомъ помѣта: „741 г. ноября 25 соизволила себя объявить полковникомъ и въ бомбардирскую роту капитаномъ".

95.

Вся эта трактація о Минихѣ обрисовываетъ какъ нельзя лучше самого Бирена. Льстивый и мстительный, герцогъ является въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія истиннымъ Бироном. Что касается до плана заключить цесаревну въ монастырь, то онъ хотя и дѣйствительно существовалъ впослѣдствіи, но, вопреки показанію Бирена, никогда не приписывался Миниху. Даже въ то время, когда судили фельдмаршала и припоминалось все что могло служить ему во вредъ,—биреновскаго обвиненія не было. На Миниха напротивъ показывали, будто бы онъ, ведя преображенцевъ арестовать регента, внушалъ имъ, что они призваны дѣйствовать въ пользу цесаревны. Главнымъ же пунктомъ обвиненія фельдмаршала Миниха было и осталось усердное содѣйствіе въ назначеніи регентомъ—того же герцога Бирена.

(Жизнь графа Миниха, Галема. 1806, ч. I, с. 216.—Царствованіе Елизаветы Петровны Ведемейера. 1849, ч. I, с. 8.—Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 92).

96.

Минихъ, человѣкъ честолюбивый и властолюбивый, конечно не могъ быть искренно расположенъ къ Бирену, хотя по чувству самосохраненія далъ голосъ свой на избраніе герцога въ регенты. Но извѣстно, что главнѣйшимъ и почти мгновеннымъ побужденіемъ фельдмаршала взять на себя аресто-

ваніе регента было впечатлѣніе, произведенное на Миниха жалобами Анны Леопольдовны, которыя фельдмаршалъ имѣлъ случай выслушать утромъ 8 ноября, когда онъ, представивъ принцессѣ нѣсколькихъ кадетовъ, остался съ нею наединѣ и даже, говорятъ, видѣлъ ея слезы. Живой не по лѣтамъ, Минихъ не хотѣлъ откладывать дѣла далѣе той же ночи, — и къ утру 9 ноября регентства не существовало, а регентъ, обращенный въ арестанта, содержался подъ крѣпкимъ карауломъ.

(Записки Миниха-сына. 1817, с. 165—166. —Extraits des dépêches, Berlin, 1858, p. 76).

97.

Это происходило въ 1740 г. Биренъ арестованъ въ деревянномъ лѣтнемъ дворцѣ, существовавшемъ съ 1732 г. въ Лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшотки. Здѣсь императрица Анна Іоанновна ежегодно проводила исходъ лѣта и начало осени, и здѣсь же умерла, неуспѣвъ переѣхать по обыкновенію въ зимній дворецъ. 19 октября младенецъ-императоръ былъ, по повелѣнію регента, церемоніально перенесенъ изъ лѣтняго дворца въ зимній; самъ же регентъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть, до дня погребенія, у тѣла императрицы, выставленнаго здѣсь же, въ парадной залѣ.

(Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 г., Богданова, изд. Рубана, С.-Петерб. 1779 г. - Спб. Вѣдомости 1741 г. и примѣчанія къ нимъ, ч. 18 по 25. — Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 годовъ).

98.

Христофоръ-Германъ Манштейнъ, сынъ генералъ-лейтенанта русской службы Себастіана Манштейна и Доротеи Дитмаръ, родился 21 августа 1711 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ Пруссіи до поручика, перешелъ въ русскую службу по приглашенію самой императрицы Анны Іоанновны въ 1735 г., и принятый въ с.-петербургскій гренадерскій полкъ капитаномъ, участвовалъ въ крымскомъ походѣ этого года. За приступъ къ Очакову въ 1737 г. Манштейнъ произведенъ въ майоры, сдѣлалъ походъ 1738 г., былъ въ ставучанскомъ сраженіи 1739 г., взятъ Минихомъ въ адъютанты и въ 1740 г. пожалованъ въ подполковники. Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 г., Манштейнъ, по приказанію Миниха, вошолъ въ лѣтній

дворецъ, достигъ спальни регента, разбудилъ его, объявилъ ему арестъ, боролся съ нимъ, потомъ велѣлъ гренадерамъ схватить регента и вынести его къ каретѣ, у которой дожидался Минихъ. За это Манштейнъ на другой же день произведенъ въ полковники астраханскаго пѣхотнаго полка и получилъ деревни въ петербургскомъ уѣздѣ. 19 января 1741 г. Манштейнъ женился на дѣвицѣ Финкъ, отпраздновалъ свадьбу свою въ домѣ Миниха, и отправившись въ шведскую кампанію, раненъ подъ Вильманстрандомъ, за что награжденъ годовымъ жалованьемъ. Ноябрьскій переворотъ 1741 г. отнялъ у Манштейна и деревни и полкъ, а самому Манштейну велѣно, выѣхавъ изъ Петербурга въ 24 часа, отправиться на службу въ крѣпость св. Анны, близь Азова. Но онъ успѣлъ избавиться отъ такого назначенія, получилъ отпускъ, а въ 1743 г.—полкъ, 2-й московскій пѣхотный, отъ котораго вскорѣ отрѣшонъ вслѣдствіе доноса, хотя по суду оказался правымъ. Оскорбляясь этимъ и боясь новыхъ козней сильнаго тогда Бестужева-Рюмина, личнаго своего врага, Манштейнъ уѣхалъ въ Любекъ и оттуда въ 1744 г. прислалъ императрицѣ просьбу объ отставкѣ. Бестужевъ вытребовалъ въ Петербургъ Манштейнова отца, держалъ старика въ неволѣ, велѣлъ ему писать къ сыну призывное письмо, требовалъ суда по формѣ надъ бѣглецомъ. Но Манштейнъ получилъ свою отставку, служилъ въ 1745 г. волонтеромъ прусской арміи, принятъ адъютантомъ къ Фридриху-великому, исполнялъ разныя дипломатическія порученія короля, въ 1754 г. произведенъ въ генералъ-майоры, сражался въ семилѣтнюю войну, раненъ подъ Коллиномъ, и нѣсколько дней спустя убитъ подъ Вельминомъ, близь Лейтмерица, въ 1757 г. Мужественный и храбрый воинъ, Манштейнъ былъ прекрасно образованъ, зналъ нѣсколько языковъ, отличался неусыпною дѣятельностью, слылъ въ Россіи „дежурнымъ“, потому что являлся всюду, и извѣстенъ въ особенности какъ авторъ любопытнаго сочиненія „Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu'á 1744“, изданнаго три раза и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Записки историческія, политическія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ“. По смерти Манштейна въ бумагахъ его найдено нѣсколько извлеченій изъ Полибія. Отъ брака своего съ дѣвицею Финкъ Манштейнъ оставилъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

(Mémoires de Manstein. Leipzig, 1771. — Русскія изданія того же сочиненія, по каталогу Смирдина, 1829, подъ №№ 2674, 2675, 2676.—Спб. Вѣдомости 1740 и 1741 г.).

99.

Это обвиненіе, мало основательное, могло пасть на бывшаго регента развѣ только потому, что онъ, ссорясь безпрестанно съ матерью императора, пригрозилъ ей въ разговорѣ 7 ноября герцогомъ голштинскимъ, имѣвшимъ конечно право на русскій престолъ въ силу завѣщанія императрицы Екатерины I, уничтоженнаго императрицею Анною. (См. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 76.)

100.

Гедвига-Елизавета, единственная дочь Эрнста-Іоанна Бирена отъ брака его съ Бенигною Готлибъ фонъ-Трейденъ, родилась 23 іюня 1727 г. въ Митавѣ, и по переселеніи отца ея въ Россію воспитывалась какъ царская дочь. Съ 1737 г., когда Биренъ сдѣлался герцогомъ, Гедвига стала именоваться принцессою курляндскою, была окружена чинами собственнаго двора, пользовалась постоянными ласками императрицы Анны и 14 февраля 1740 г., въ день празднованія бѣлградскаго мира съ Турціею, получила брильянтовый портретъ ея величества. Казалось судьба сулила Гедвигѣ блестящую будущность, особенно съ того времени, когда отецъ ея сдѣлался регентомъ имперіи (17 октября 1740 г.). Но не прошло и мѣсяца,—принцесса курляндская со всѣмъ семействомъ своего отца была уже подъ арестомъ въ Шлиссельбургѣ, 13 іюня 1741 г. отправлена съ семействомъ же въ Пелымь, а въ мартѣ 1742 года перевезена въ Ярославль. Здѣсь Гедвига жила при отцѣ около 7 лѣтъ, не могла далѣе переносить его деспотизма, бѣжала изъ семейства, и съ жалобами на отцовскія притѣсненія явилась къ ярославскому воеводѣ Пушкину, который немедленно препроводилъ бывшую принцессу въ Москву, гдѣ присутствовала тогда императрица (1749). Снова попавъ ко двору, Гедвига Биренъ возбудила къ себѣ общее участіе, нашла расположеніе со стороны великаго князя Петра Ѳедоровича, приняла православіе, стала называться Екатериною Ивановною, сдѣлана въ 1756 году надзирательницею фрейлинъ, была помолвлена за П. В. Салтыкова, потомъ за кн. Хованскаго, и въ 1759 вышла за барона Александра Ивановича Черкасова, впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и президента медицинской коллегіи. Умная и находчивая, дочь герцога Бирена считалась одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, была мастерица говорить, но всему предпо-

читала деньги. Дѣтей она не имѣла; когда умерла — мы не знаемъ, но въ 1795 г. была еще въ живыхъ.

(Письма леди Рондо, 1836, с. 124.—Росс, родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1855, ч. II, с. 278. — Спб. Вѣдомости 1730—1741 г.—Мѣсяцесловы академическіе XVIII вѣка. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792).

101.

Кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ (см. прим. 37) считался самымъ довѣреннымъ лицомъ Бирена и арестованъ съ нимъ одновременно. Полагаютъ, что Бестужевъ, клеветавшій на низложеннаго регента изъ угожденія Миниху, внезапно перемѣнилъ образъ мыслей и дѣйствій своихъ, когда правительница уволила фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. (См. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858, p. 82).

102.

Никита Ѳедоровичъ Соковнинъ, сынъ боярина Ѳедора Прокопьевича и племянникъ казненнаго окольничаго Алексѣя Соковниныхъ, съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ семеновскомъ полку; въ 1731 г. былъ уже капитанъ-поручикъ и отправленъ для освидѣтельствованія работъ на петербурго-московской дорогѣ; въ 1732 году командированъ въ австрійскую армію; въ 1732 году, въ чинѣ гвардіи-капитана, ходилъ съ Минихомъ къ р. Днѣстру и въ 1739 г. раненъ въ ногу картечью при Ставучанахъ. Въ дни регентства Соковнинъ принадлежалъ къ партіи недовольныхъ, былъ схваченъ, пытанъ и отставленъ регентомъ отъ службы (1740); но по указу 4 апрѣля 1741 г. „прикрытъ знаменемъ“, т. е. получилъ возвращеніе чести—и произведенъ въ секундъ-майоры гвардіи. При Елизаветѣ Соковнинъ пожалованъ примьеръ-майоромъ гвардіи (24 апр. 1742), получилъ анненскую ленту (29 іюня 1744) и вступилъ въ командованіе л.-гв. семеновскимъ полкомъ (1750) На этомъ поприщѣ Соковнинъ постоянно стремился къ улучшеніямъ, доставилъ солдатскимъ дѣтямъ возможность продолжать образованіе въ академіи наукъ (1753), завелъ въ полку образцовыхъ пѣвчихъ, и время командованія его составило въ семеновской полковой исторіи переходную эпоху отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, — 25 дек. 1755 г. Соковнинъ былъ произведенъ въ подполковники гвардіи, съ чиномъ генералъ-лейтенанта; получилъ 30 августа 1757 г. александровскую ленту, и 30 декабря 1761 г. уволенъ отъ службы генералъ-аншефомъ. Онъ умеръ въ 1770 г.

(Словарь достопам. людей русс. земли, Бант.-Каменскаго, 1836, ч. IV.—Исторія л.-гв. семеновскаго полка, Карцова, 1854. — Списокъ военнымъ генераламъ, 1809. — Списокъ кавалерамъ росс. орденовъ, 1814. — С.-Петерб. Вѣдомости. 1741 г.).

103.

Во время своего регентства Биренъ дѣйствительно успѣлъ побывать у цесаревны всего одинъ разъ, именно 19, а по другимъ 18 октября, и тогда предложилъ ея высочеству ежегодное содержаніе въ 50 тыс. руб. — (См. Записки Миниха-сына, 1817, с. 190).

104.

Мѣсто, о которомъ говоритъ Биренъ и куда онъ сосланъ былъ первоначально со всѣмъ семействомъ, называется Пелымь, тогда (и до 1780 г.) городъ, а теперь слобода въ туринскомъ уѣздѣ тобольской губерніи, на р. Тавдѣ. Здѣсь же цѣлыя двадцать лѣтъ жилъ въ ссылкѣ фельдмаршалъ Минихъ.

105.

Этимъ показаніемъ Бирена, въ сущности неважнымъ и которому нѣтъ основанія не вѣрить, весьма раціонально опровергается присловье, повторяемое во всѣхъ біографіяхъ Бирена и Миниха, будто бы Минихъ, сосланный въ Пелымь, жилъ здѣсь въ томъ самомъ домѣ, который по его чертежу былъ выстроенъ для Бирена.

106.

То-есть въ Ярославль, откуда Биренъ былъ вызванъ не ранѣе 1762 г., когда въ Россіи царствовалъ уже Петръ III.

107.

Лудвигъ-Августъ Бисмаркъ первоначально служилъ въ Пруссіи, тамъ произведенъ въ генералъ-майоры и по рекомендаціи гр. Густава Левенвольда принятъ тѣмъ же чиномъ въ русскую службу (1731). Оставаясь преданнымъ гр. Левенвольду, Бисмаркъ чрезъ него пріобрѣлъ благоволеніе Бирена, втерся въ милость этого временщика и въ 1732 г. женился на его свояченицѣ, дѣвицѣ Трейденъ, сватанной фельдмаршаломъ Минихомъ для своего сына. Въ 1736 г. на Бисмарка было возложено порученіе принимать въ русскую службу иностранцевъ, оберъ-офицеровъ, недожидаясь высочайшаго

соизволенія, а о штабъ-офицерахъ предварительно „отписывать“. Въ 1737 году Бисмаркъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, назначенъ рижскимъ генералъ-губернаторомъ и находясь въ этой должности, заботился о разведеніи въ Лифляндіи лучшей породы лошадей, исходатайствовалъ для жителей края уменьшеніе пошлины съ ячменя, а 14 февраля 1740 г. пожалованъ генералъ-аншефомъ. Паденіе герцога, бывшаго три недѣли регентомъ государства, повлекло за собою несчастіе его свояка: Бисмаркъ отрѣшонъ отъ должности (1741), удаленъ въ изгнаніе (1742) и вмѣстѣ со всѣми Биренами два года содержался въ Ярославлѣ подъ стражею, получая по 1000 руб. въ годъ. Получивъ свободу въ 1744 г. Бисмаркъ былъ принятъ на службу неранѣе 1747 г., наименованъ тогда командиромъ украинской дивизіи и при отъѣздѣ къ мѣсту своего назначенія пожалованъ 3600 рублей. Когда и гдѣ умеръ своякъ герцога Бирена, — мы не нашли.

(Записки Миниха-сына, 1817, с. 65.—Списокъ военнымъ генераламъ, изд. 1809.—С.-Петерб. Вѣдомости 1740 г.—Пол. Собр. Зак., ук. 6 сентября 1736 г. и ук. 23 февраля 1737 г.—Die heutige Historie, oder der gegenwärtige Staat von Russland, v. E. K. Reihard. Altona, 1752, S. 339, 376, 392.—Hermann's Geschichte des russischen Staats, Hamburg, 1853, V. S. 181)

108.

У герцога Бирена было два брата, Карлъ и Густавъ.

Карлъ Биренъ, старшій изъ всѣхъ братьевъ, родился въ Курляндіи, гдѣ отецъ его былъ конюшеннымъ чиновникомъ герцогскаго двора. Въ царствованіе Петра I Карлъ Биренъ вступилъ въ русскую службу, былъ произведенъ въ офицеры, плѣненъ шведами, спасся бѣгствомъ, проникъ въ Польшу, отыскалъ тамъ своего родного дядю, генерала польской службы, и сдѣлался польскимъ офицеромъ. Онъ былъ уже подполковникомъ, когда состоялось избраніе на русскій престолъ вдовствовавшей герцогини курляндской Анны Іоанновны, при митавскомъ дворѣ которой, братъ Карла, Эрнстъ игралъ первую роль. Призванный братомъ, Карлъ Биренъ немедленно явился въ Россію и 19 ноября 1730 г. былъ принятъ въ русскую службу генералъ-майоромъ. Значеніе брата и турецкая война одинаково способствовали возвышенію Карла Бирена: участвуя во всѣхъ крымскихъ походахъ и вездѣ отличаясь запальчивою храбростью, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (22 января 1737 г.), въ генералъ-ан-

шефы (5 сентября 1739 г.), а 14 февраля 1740 г., въ день торжествованія бѣлградскаго мира, получилъ брильянтовый портретъ императрицы, для ношенія на груди, и брильянтовую шпагу. Двѣ недѣли спустя Карлъ Биренъ былъ уволенъ, за ранами, въ отставку (2 марта); но въ сентябрѣ того же года, по желанію брата-герцога, испуганнаго болѣзненными припадками государыни, снова поступилъ на службу и опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Москву. Здѣсь Карлъ Биренъ торжественно праздновалъ день 4 октября, годовщину рожденія невѣстки своей, герцогини; здѣсь узналъ о назначеніи брата своего, герцога, регентомъ государства, и здѣсь же, три недѣли спустя, былъ свидѣтелемъ, какъ москвичи, по вѣстямъ изъ Петербурга, жгли портреты регента, уже низверженнаго и арестованнаго, и своего генералъ-губернатора (ноябрь 1740 г.) Вслѣдъ затѣмъ и самъ московскій генералъ-губернаторъ былъ схваченъ, отправленъ подъ карауломъ въ Ригу, заключенъ въ тамошней цитадели, допрашиванъ, обвиненъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Собачій Острогъ (Среднеколымскъ), на предѣлахъ якутскаго края. Въ іюнѣ 1741 г. Карла Бирена повезли въ Сибирь, но возвратили съ дороги, потому что въ ночь на 25 ноября 1741 г. произошолъ новый правительственный переворотъ, и воцарившаяся тогда Елизавета повелѣла всѣмъ Биренамъ жить въ Ярославлѣ. Изгнаніе Карла Бирена, втеченіи котораго онъ получалъ ежегодно 1000 рублей, продолжалось два года. Въ 1744 г. Карла Бирена освободили; онъ удалился въ свои лифляндскія помѣстья и тамъ умеръ 24 января 1746 года. Храбрый и мужественный въ бою, Карлъ Биренъ отличался грубостью свойствъ, привычекъ и неумѣреннымъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Никѣмъ не любимый, онъ былъ постоянно избѣгаемъ, потому что въ каждомъ возбуждалъ опасеніе—подвергнувшись нахальству генерала Бирена, не уйти, въ случаѣ ссоры, отъ преслѣдованій брата его, герцога. Множество ранъ и увѣчій, пріобрѣтенныхъ Карломъ Биреномъ въ хмѣльныхъ дракахъ, дѣлали его совершенно негоднымъ ни къ какому роду службы. „Калѣка сей—пишетъ архіепископъ Георгій Конисскій о Карлѣ Биренѣ—квартируя нѣсколько лѣтъ съ войскомъ въ Стародубѣ, съ многочисленнымъ штатомъ, уподоблялся пышностію и надменностію самому гордому султану азіятскому; поведеніе его и тогожъ больше имѣло въ себѣ варварскихъ странностей. И неговоря объ обширномъ сералѣ, сформированномъ и комплектуемомъ насиліемъ, хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ грудью своею

заставляли кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга; другіе же его снаредства мерзятъ самое воображеніе человѣческое".

(Списокъ военнымъ генераламъ, 1809 г.—С.-Петербургскія Вѣдомости 1740 г.—Исторія л.-гв. семеновскаго полка, Карцова, 1854, ч. II, с. 417—455.—Исторія руссовъ, Георгія Кониссхаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846, кн. IV, с. 243.—Mémoires de Manstein, 1771 p. 52.—Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.—Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek, 1784, II, S. 591.—Russische Günstlinge, v. Helbig, 1809. S. 179.—Die heutige Historie, v. Reihard. Altona, 1752, S. 376).

Густавъ Биренъ, младшій изъ братьевъ, до избранія на русскій престолъ герцогини курляндской Анны Іоанновны, служилъ въ Польшѣ, былъ капитаномъ войскъ республики и, вызванный въ Россію, опредѣленъ 1 ноября 1730 г. майоромъ въ гвардейскій измайловскій полкъ, учрежденный 22 сентября того же года. Неимѣя недостатковъ старшаго своего брата, Густавъ Биренъ, благодаря вліянію другого брата, оберъ-камергера, необходимо долженъ былъ пріобрѣсти въ Россіи положеніе весьма видное. И Густавъ Биренъ, оставаясь измайловскимъ майоромъ, 1 янв. 1732 г. пожалованъ генералъ-майоромъ, 4 мая обвѣнчанъ съ младшею дочерью генералиссимуса князя Меншикова, только что возвращенную изъ березовской ссылки; 29 іюня того же года объявленъ генералъ-адъютантомъ императрицы, и 28 января 1734 г. произведенъ въ подполковники гвардіи. Въ этомъ званіи Густавъ Биренъ въ 1735 г. ѣздилъ волонтеромъ въ армію королевы венгеро-богемской Маріи Терезіи, пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ подъ непосредственнымъ начальствомъ знаменитаго Евгенія, принца савойскаго, и возвратясь въ Россію, овдовѣлъ (1736). Тогда уже начались крымскіе походы Миниха, и Густавъ Биренъ, принявъ участіе во второмъ, 1737 года, вывелъ изъ Петербурга сводный гвардейскій отрядъ, пришелъ съ нимъ къ Очакову, былъ при штурмѣ этого города (2 іюля) и за оказанное мужество произведенъ въ генералъ-поручики (21 ноября). Послѣ этого Густавъ Биренъ командовалъ гвардіею въ походѣ 1738 года, участвовалъ съ нею въ ставучанскомъ сраженіи (17 августа 1739 года) и 27 января 1740 года торжественно ввелъ ее въ Петербургъ, гдѣ 14 февраля, при торжествованіи бѣлградскаго мира съ турками, былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и пожалованъ брильянтовою шпагою. Въ это время Густавъ задумалъ жениться вторично, избралъ Якобину Менгденъ, сестру извѣстной Юліаны, и об-

ручился съ нею. Но браку не было суждено совершиться: болѣзнь и смерть императрицы, назначенiе герцога Бирена регентомъ, его регенство и его низверженiе,—все это, быстро слѣдуя одно за другимъ, совершенно измѣнило судьбу Густава Бирена, арестованнаго въ ночь на 9 ноября 1740 года тѣмъ же самымъ Манштейномъ, который захватилъ и герцога. Одновременно съ низверженнымъ регентомъ, Густавъ Биренъ былъ отвезенъ подъ карауломъ въ Шлиссельбургъ, преданъ тамъ суду, обвиненъ, лишенъ чиновъ, приговоренъ къ ссылкѣ въ Нижнеколымскъ, но также какъ братъ его Карлъ, не успѣлъ прiѣхать къ мѣсту назначенiя, и по указу новой императрицы Елизаветы Петровны обращенъ на жительство въ Ярославль (1742 г.), съ ежегоднымъ содержанiемъ по тысячѣ рублей. Здѣсь Густавъ Биренъ прожилъ два года, получилъ свободу въ 1744 году, былъ обнадеженъ обѣщанiемъ служебнаго назначенiя, но не дождался опредѣленiя и умеръ въ Петербургѣ, 25 февраля 1746 года. Густавъ Биренъ, съ 1737 года именовавшiйся барономъ, непоходилъ душевными свойствами ни на котораго изъ своихъ братьевъ. Ограниченный отъ природы, онъ заслужилъ имя честнѣйшаго человѣка, пользовался привязанностью къ нему подчиненныхъ и хотя отъ совершеннаго недостатка воспитанiя казался грубымъ и жесткимъ въ манерахъ и выраженiяхъ, но былъ добръ, снисходителенъ, щедръ, принадлежалъ къ числу храбрѣйшихъ генераловъ и добросовѣстнѣйшихъ начальниковъ своего времени. Измайловскiй караулъ, находившiйся при домѣ Густава Бирена (въ Мильонной) въ ночь его арестованiя, не хотѣлъ сначала выдавать Манштейну своего любимаго подполковника-командира.

(Историческое обозрѣнiе л.-гв. измайловскаго полка, Висковатова, 1850, с. 1—56.—Дѣла архива л.-гв. измайловскаго полка за 1730—1740 гг.—Исторiя л.-гв. семеновскаго полка Карцова, 1854, ч. II, с. 417—455.—Списокъ военнымъ генераламъ, 1809.—Письма леди Рондо, 1836, с. 70—72.—Записки Нащокина, 1842, 34, 42, 44.—Спб. Вѣд. 1732 и 1740 г.—Mémoires de Manstein 1771, p. 53.—Anecdotes intéress. de la cour de Russie. Londres, 1792.—Die heutige Historie, v. Reihard. Altona, 1752, S. 376.—Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek. 1784, II, s. 57—58.—Russische Cünstlinge, v. Helbig. 1809, S. 180—181).

109.

Въ заключенiе нашихъ „примѣчанiй“, мы не находимъ лишнимъ присоединить тутъ же краткiй очеркъ жизни и дѣя-

тельности автора того сочиненія, которое въ русскомъ переводѣ мы представили нашимъ читателямъ.

Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ, впослѣдствіи герцогъ курляндскій, происходилъ изъ простолюдиновъ и родился 13 ноября 1690 года въ Курляндіи, на мызѣ Каленцемъ (Kalenzeem). Эту мызу получилъ въ свое владѣніе первый Биренъ, дѣдъ Эрнста, за службу, въ званіи конюха, при герцогѣ курляндскомъ Іаковѣ, изъ дома Кеттлеровъ. Отецъ Эрнста служилъ въ той же должности при сынѣ герцога, принцѣ Александрѣ, и по смерти его въ 1686 году переименованъ въ лѣсничіе. Самъ Эрнстъ, средній изъ трехъ сыновей своего отца, былъ по достиженіи извѣстнаго возраста отправленъ въ кенигсбергскій университетъ, учился тамъ хорошо, но замѣшанный въ какую-то грязную исторію, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ и, не окончивъ курса, возвратиться въ Курляндію. Говорятъ, однако же, что онъ успѣлъ пріобрѣсти въ Кенигсбергѣ любовь къ чтенію и страсть къ собиранію книгъ, изъ которыхъ впослѣдствіи у него составилась очень хорошая библіотека. Въ 1714 г. Эрнстъ Биренъ явился въ Россію, гдѣ служилъ уже старшій братъ его Карлъ, сталъ искать камеръ-юнкерскаго мѣста при дворѣ супруги царевича Алексѣя Петровича, и неуспѣвъ въ этомъ, опять возвратился въ Курляндію. Тамъ въ это время жила на правахъ герцогини русская царевна Анна Іоанновна, вдова наслѣднаго герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма, а главнымъ при ней лицомъ былъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-гофмаршалъ ея двора. Эрнстъ Биренъ отправлялъ гувернерскую должность въ разныхъ домахъ, встрѣтился гдѣ-то съ Бестужевымъ, обратилъ на себя его вниманіе, понравился ему и получилъ какую-то неизвѣстную должность при дворѣ герцогини (1718 г.). Но съ продолженіемъ покровительства оберъ-гофмаршала, Эрнстъ восходилъ по степенямъ придворной іерархіи, и по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлался лично извѣстнымъ самой герцогинѣ, которая нашла бывшаго кенигсбергскаго студента способнымъ занять мѣсто собственнаго ея секретаря. Такимъ образомъ начало карьеры будущаго герцога было сдѣлано, и Биренъ сталъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей Анненбурга — замка подъ Митавою, служившаго резиденціею Аннѣ Іоанновнѣ. Увѣрясь наконецъ въ прочности своего новаго положенія, Биренъ прежде всего затѣялъ вредить своему благодѣтелю и до того въ этомъ успѣлъ, что герцогиня отправила камергера Корфа нарочнымъ въ Петербургъ съ жалобами на Бестужева, и оберъ-гофмаршалъ подвергся большимъ непріятностямъ. Но для большаго обезпеченія своей дальнѣй-

шей карьеры Бирену нужны были связи съ курляндскимъ дворянствомъ, къ которому онъ не принадлежалъ, и потому былъ пренебрегаемъ всѣми, кто имѣлъ доступъ къ герцогинѣ. Этихъ связей Биренъ надѣялся достигнуть бракомъ, и послѣ ряда отказовъ женился на дѣвицѣ Бенигнѣ Готлибъ, изъ рода фонъ-Трейденъ (1723), причемъ былъ пожалованъ герцогинею камеръ-юнкеромъ курляндскаго двора. Въ этомъ званіи Биренъ, въ эпоху воцаренія Екатерины I (1725), пріѣзжалъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ имени герцогини, но не былъ допущенъ на аудіенцію императрицы. Есть даже извѣстіе, что Фитингофъ, одинъ изъ депутаціи, наряженной въ Петербургъ съ Биреномъ, обидѣлся сравненіемъ себя съ сыномъ и внукомъ конюховъ—и подалъ въ отставку. Вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, Биренъ былъ отправленъ герцогинею въ Кенигсбергъ, для закупки модъ, встрѣтился тамъ съ старыми товарищами по университету, закутилъ съ ними, попалъ въ уличную исторію, сопровождавшуюся дракой и убійствомъ, подвергся слѣдствію, едва избѣжалъ бѣды, и заплативъ большую пеню, поспѣшилъ уѣхать изъ Кенигсберга. Между тѣмъ на русскій престолъ вступилъ Петръ II, и въ его время московскому двору такъ хорошо была извѣстна степень вліянія Бирена при дворѣ митавскомъ, что когда камергеръ Корфъ явился въ верховный тайный совѣтъ съ прошеніемъ герцогини объ увеличеніи ей пенсіи, ему отказали и дали замѣтить, что безъ присутствія въ Митавѣ Бирена желаніе герцогини было бы вполнѣ удовлетворено. Ненависть, которую умѣлъ возбудить къ себѣ Биренъ, выразилась еще торжественнѣе въ 1730 г., когда депутаты, пріѣхавшіе въ Митаву объявить герцогинѣ курляндской избраніе ея величества на русскій престолъ, предлагали государынѣ просьбу не вывозить съ собою изъ Курляндіи Бирена. И государыня поѣхала въ Москву безъ него. Но въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились, „митавскія кондиціи" перестали существовать, и Биренъ явился въ кремлевскомъ дворцѣ, наименованъ въ томъ же году оберъ-камергеромъ (24 апрѣля), возведенъ императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство римской имперіи (12 августа), получилъ андреевскую ленту (1-го октября), выписалъ изъ Польши братьевъ, изъ Курляндіи и отвсюду разныхъ родичей, вывелъ ихъ въ люди и началъ властвовать именемъ императрицы. Первую пробу силы новаго оберъ-камергера испытали на себѣ Долгорукіе, лишенные всего, что имѣли и разосланные въ самыя отдаленныя мѣста Россіи. Затѣмъ и вся Россія, ознакомившись съ духомъ учрежденій, созданныхъ или пересоз-

данныхъ внушеніями Бирена, удостовѣрилась, что Бирена *должно* только бояться и *можно* только ненавидѣть. Такъ возникали одно за другимъ то судный и сыскной приказы (20 марта 1730 г.), то ужасный доимочный приказъ (4 дек. 1730 г.), то страшная канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (24 марта 1731 г.), уничтоженная было Петромъ II (4 апр. 1729 г.). Народъ приходилъ въ ужасъ, а Биренъ спокойно пріобрѣталъ богатую мѣстность Бегенъ, подаренную ему прусскимъ королемъ (1731), зачислялъ малолѣтныхъ сыновей своихъ офицерами въ гвардію, и съ переѣздомъ двора въ Петербургъ (1732) явился истиннымъ бичемъ Россіи. Покровитель исключительно своихъ креатуръ и не врагъ возвышенія людей ему преданныхъ, Биренъ возненавидѣлъ фельдмаршала Миниха, непринадлежавшаго ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и отдѣлилъ его отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ первой важности (1733 г.), обѣщалъ въ то же время Курляндіи защиту отъ Польши, за что получилъ отъ курляндскихъ чиновъ давно желанную грамоту на дворянство, присланную въ Петербургъ въ золотомъ ящикѣ, и наконецъ, постоянный и жестокій преслѣдователь хищничества и ущерба казны, самъ обогатился до того, что былъ въ состояніи купить собственно для себя большіе участки земель за границею, на сумму въ нѣсколько мильоновъ рублей (1733). Взятіе Данцига, возвратившее Миниху благоволеніе императрицы (1734), и смерть графа Густава Левенвольда, въ которомъ Биренъ потерялъ вѣрнѣйшаго друга (1735), заставили оберъ-камергера изыскивать средства къ новому удаленію фельдмаршала, болѣе почетному и болѣе увлекательному для самого Миниха. Крымскіе и кубанскіе татары, состоявшіе въ зависимости турецкаго султана и вторгавшіеся отъ времени до времени въ русскія пограничныя линіи, послужили Бирену предлогомъ къ объявленію Турціи войны (1735), и главнокомандующимъ русскихъ армій былъ наименованъ самолюбивый Минихъ, восхищенный такимъ назначеніемъ. Послѣдовали безпрерывные рекрутскіе наборы, поднялись налоги деньгами и лошадьми, произошли утомительные крымскіе походы, взяты и уничтожены многіе города, гибло еще болѣе народа,—и война, существенно безполезная для Россіи, тянулась четыре года (1736—1739), удовлетворяя единственно личнымъ видамъ Бирена и Миниха, но болѣе Бирена, избраннаго въ продолженіе этой войны герцогомъ курляндскимъ (2 іюня 1737). Бѣлградскій миръ, заключенный съ турками 7 сент. 1739 г., прекратилъ наконецъ тягостные для всѣхъ крымскіе походы, и въ день празднованія этого

мира, 14 февр. 1740 г., Биренъ, не раздѣлявшій военнаго труда, но измучившій Россію пытками и казнями, былъ преисполненъ наградами со всѣмъ своимъ семействомъ. Герцогъ получилъ тогда огромный золотой бокалъ, осыпанный брильянтами, съ указомъ внутри на полученіе изъ статсъ-конторы 500,000 руб. деньгами; на герцогиню императрица возложила екатерининскую ленту съ брильянтовою звѣздою, стоившею 30,000 р.; обоимъ сыновьямъ Бирена пожалованы алмазные знаки андреевскаго ордена, а дочери—портретъ императрицы, украшенный драгоцѣнными каменьями. Биренъ тогда привыкъ уже къ почестямъ, приличнымъ лицу владѣтельному, имѣлъ при себѣ собственныхъ придворныхъ изъ курляндскихъ чиновъ, но хотѣлъ бóльшаго, замышлялъ о доставленіи русскаго престола которому-нибудь изъ своихъ дѣтей, не переселялся поэтому въ свое курляндское герцогство, и разсчитывая на несомнѣнный успѣхъ, склонилъ умиравшую императрицу Анну Іоанновну объявить своимъ наслѣдникомъ двухмѣсячнаго младенца Іоанна, а его, герцога, регентомъ Россіи до совершеннолѣтія императора. — 17-го октября 1740 года императрицы не стало, и Петербургъ съ Россіею присягнули императору и регенту. Но регентство Бирена, заявившее себя продолженіемъ, въ усиленной степени, десятилѣтней кровавой дѣятельности герцога курляндскаго и ознаменованное уничтоженнымъ послѣ секретнымъ договоромъ съ саксонскимъ дворомъ, не продолжалось болѣе двадцати двухъ дней. Тотъ же Минихъ, свидѣтель жалобъ матери императора, высказанныхъ 8 ноября 1740 года, въ туже ночь арестовалъ регента и доставилъ его узникомъ во дворецъ новой правительницы государства. На другой же день Биренъ и все его семейство были отвезены въ Шлиссельбургъ; тамъ низвергнутый регентъ преданъ суду, и 18 апрѣля 1741 года обнародованъ манифестъ „о винахъ бывшаго герцога курляндскаго", а въ іюнѣ всѣ Бирены удалены въ ссылки и Эрнстъ съ семействомъ отправленъ въ Пелымь, откуда при новой перемѣнѣ правительства вскорѣ переселенъ императрицею Елизаветою Петровною въ Ярославль (1742 г.). Здѣсь, кромѣ казеннаго содержанія, Биренъ съ семействомъ получалъ ежегодно 5 тысячъ рублей, имѣлъ при себѣ двухъ пасторовъ, двухъ камердинеровъ и пятнадцать человѣкъ прислуги, пользовался своею прекрасною библіотекою, которая не была конфискована, принималъ посѣтителей, ходилъ на охоту, но потомъ занялся исключительно чтеніемъ библіи, впалъ въ глубокія размышленія, сталъ тяготиться жизнью, желать смерти. Въ 1762 году императоръ

Петръ III даровалъ свободу бывшему регенту, призвалъ Бирена въ Петербургъ, возвратилъ ему андреевскій орденъ и золотую шпагу (24 марта), но не успѣлъ примирить его съ Минихомъ, тоже пріѣхавшимъ изъ ссылки. Императрица Екатерина II, вступившая на престолъ въ томъ же году, отдала Бирену герцогство (22 августа) и отпустила его въ Курляндію (23 августа), гдѣ герцогъ, возстановленный немедленно во всѣхъ прежнихъ правахъ, принималъ у себя въ 1764 году императрицу, и несмотря на старость, скакалъ верхомъ подлѣ ея кареты; но одряхлѣвъ совершенно, передалъ управленіе герцогствомъ своему сыну Петру (1769 г.) и умеръ 17 декабря 1772 года въ Митавѣ. Бальзамированный трупъ его, съ горбатымъ носомъ и жосткими чертами лица, одѣтый въ шитый бархатный фіолетовый кафтанъ, едвали и не теперь еще, хранится непогребенный въ митавскомъ замкѣ. Биренъ, человѣкъ средняго роста и прекраснаго сложенія, имѣлъ черты лица пріятныя и выразительныя, но взглядъ „отталкивающій“ (леди Рондо); обладалъ острымъ умомъ и даромъ нѣкотораго краснорѣчія, любилъ чтеніе, уважалъ людей просвѣщенныхъ, но былъ чрезвычайно властолюбивъ, самолюбивъ, алченъ къ корысти, въ обращеніи дерзокъ и грубъ, всегда лукавъ, въ высшей степени коваренъ, жестокъ и безчеловѣченъ до лютости звѣря. Презрѣніе герцога курляндскаго ко всему русскому, открыто выражавшееся на каждомъ шагу, и цѣлая система стѣсненій, которыми онъ десять лѣтъ подавлялъ и кровавилъ Россію,— сдѣлали имя Бирена ненавистнымъ каждому русскому и отмѣтили всю эпоху императрицы Анны мрачнымъ прозвищемъ биреновщины. Ненасытный въ пріобрѣтеніяхъ, неистощимый въ подозрѣніяхъ и неутомимый въ преслѣдованіяхъ, Биренъ спокойно расхищалъ казну, дѣятельно наблюдалъ народъ глазами своихъ безчисленныхъ сыщиковъ, и не зналъ жалости къ мужику, съ котораго приходилось „править“ недоимку. Императрица вполнѣ и безгранично довѣряла герцогу, а при дворѣ все преклонялось предъ нимъ, все трепетало его; и первое покушеніе нарушить этотъ порядокъ вещей стоило головы умному кабинетъ-министру Волынскому. Жена временщика, герцогиня Биренъ, женщина пустая и мелочная, но любимица императрицы, при которой состояла статсъ-дамою, своимъ высокомѣріемъ, а также неумѣренною роскошью много способствовала общему нерасположенію къ семейству Биренъ. Бенигна-Готтлибъ (имя герцогини) неиначе напримѣръ показывалась посѣтителямъ, какъ сидя на высокомъ креслѣ, напоминавшемъ тронъ; протягивала для цѣлованія обѣ руки

и оскорблялась, если цѣловали одну; иное платье ея стоило сто тысячъ рублей, а въ торжественные дни она надѣвывала на себя брильянтовъ почти на два мильона рублей. Богатства Биреновъ, нажитыя казнокрадствомъ, картежною игрою и послугами иностраннымъ дворамъ, развивали въ мужѣ и женѣ одинаковую страсть къ ослѣпляющему великолѣпію и были дѣйствительно велики: при арестованіи герцога, у него найдено до четырнадцати мильоновъ рублей деньгами и на столько же драгоцѣнностями; къ этому надо прибавить цѣлыя области заграницею, пріобрѣтенныя разными даяніями и покупками.

Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ, герцогъ курляндскій, лифляндскій и семигальскій, самозванно именовавшійся Бирономъ, отъ брака съ Бенигною-Готтлибъ фонъ-Трейденъ (1703—1783) оставилъ сыновей Петра и Карла и дочь Гедвигу-Елизавету, въ православіи Екатерину Ивановну. О первомъ и послѣдней изъ нихъ мы говорили выше (см. прим. 25 и 100). Что касается младшаго сына герцога курляндскаго, принца Карла Бирена, онъ родился 4 октября 1708 г. въ Митавѣ; былъ и оставался всегда любимцемъ императрицы Анны; 29 іюня 1732 г. на четвертомъ году возраста, пожалованъ преображенскимъ отъ бомбардиръ-капитаномъ; получилъ 14 февраля 1740 года брильянтовые знаки андреевскаго ордена и невозвратно лишился его въ эпоху паденія отца; раздѣлилъ съ герцогомъ его заключеніе и дважды покушался бѣжать изъ Ярославля, но оба раза неудачно: по освобожденіи Петромъ III семьи Биренъ, признанъ 2 апрѣля 1762 г. генералъ-майоромъ и назначенъ шефомъ пѣхотнаго полка; получилъ 9 іюня александровскую ленту; уѣхалъ при Екатеринѣ II съ отцомъ въ Курляндію; бывалъ потомъ въ Петербургѣ, являлся ко двору, посѣщалъ цесаревича Павла Петровича (1764), въ присутствіи котораго „говорилъ — по выраженію Порошина — вздоръ“ или „такое, что пересказать нечего“; женился въ 1778 г. на княжнѣ Понинской и умеръ 4 октября 1801 г., оставивъ по себѣ память „шалуна и повѣсы нетолько свѣтлѣйшаго, но и пресвѣтлѣйшаго“ (Порошинъ). Внучата принца Карла Бирена владѣютъ въ настоящее время княжествомъ вартембергскимъ, въ прусской Шлезіи, и потому зовутся князьями биренъ-вартембергскими; а дочь Карла, Луиза (1791 — 1853) была замужемъ въ Россіи за оберъ-шенкомъ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ.

(Дневникъ Берхгольца. 1860, ч. IV. — Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, Ведемейера. 1835, I, 117 и

д.; II; III, с. 1 — 33. — Записки дюка Лирійскаго. 1845, с. 122. — Записки Миниха-сына. 1817. — Письма леди Рондо. 1836, с. 46. — Записки кн. Шаховского, 1810, I, 1 — 56. — Артемій Петровичъ Волынскій, Шишкина, въ журналѣ „Отеч. Записки" 1860. — Шлиссельбургъ, Томилина. 1847, с. 88 — 89. — Исторія губ. города Ярославля, Троицкаго, с. 76. — Записки Нащокина, 1842, с. 77. — Записки о родѣ князей Голицынныхъ, Серчевскаго. 1853, 64 — 74. — Дѣянія Екатерины II, Колотова, 1811, I, 124—129.—Записки Порошина, 1844, с. 388, 441, 453. — Списокъ кавалер. росс. орденовъ, 1814.—Списокъ военн. генераламъ, 1809.—Россійск. родосл. книга, кн. Долгорукаго, 1856, ч. III, с. 96. — С.-Петерб. Вѣдомости 1730 — 1740 г. — Камеръ-фурьерскіе журналы 1730 гг.—Мѣсяцословы академическіе за разные годы XVIII вѣка. — Mémoires du règne de Catherine, la Haye, 1728. — Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie. Copenhagen, 1774. — Mémoires de Manstein, 1771. — Anecdotes intéress. de la cour de Russie, Londres, 1792. — Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858. — Materialien zu der russischen Geschichte, v. Schm. Phiseldek. 1784, II.—Hermann's Geschichte. Hamburg, 1853, IV и V.—Denkwürdigkeiten des petersburger Hofes. Leipzig, 1843. — Gothaischer genealogischer Hof-Kalender, за разные годы).

ПОСЛѢДНЕЕ ЧЕТЫРЕХЛѢТІЕ ЖИЗНИ СУВОРОВА.

(1796—1800 г.).

Политика, критика, Тугутъ, Директорія, Лондонъ, Потсдамъ - Боже сохрани!
(Изъ письма Суворова къ гр. Растопчину).

Глазомѣръ, быстрота, натискъ.
(Присловье Суворова).

Исходъ XVIII в. ознаменовался французскою революціею, идеи которой, ниспровергнувъ тронъ Бурбоновъ, потрясли всѣ основы стараго порядка вещей и, кромѣ того, грозили не ограничиваться предѣлами одной Франціи. Съ другой стороны, тѣже начала, предоставляя массу французовъ самой себѣ, сплачивали ее въ одно энергическое цѣлое, способное породить героевъ и, слѣдовательно, страшное не-французамъ. Все это заставляло монархическую Европу призадуматься, а европейскихъ монарховъ — спѣшить составленіемъ коалицій противъ Франціи, терзаемой, по выраженію тогдашнихъ политиковъ, гидрою безначалія. Не смотря, однакоже, на монархическія коалиціи, оружіе демократовъ торжествовало на всѣхъ театрахъ революціонныхъ войнъ. Покоривъ Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Савоію, Ниццу, и

проч., Французы, побѣдою при Флерюсѣ, пріобрѣли всю Голландію (1794 г.); потомъ принудили прусскаго короля подписать въ Базелѣ отдѣльный миръ съ республикою и, такимъ образомъ, отступить отъ союза съ Австріею (1795 г.); наконецъ, благодаря генію Бонапарте, не только отняли у Австріи всю сѣверную Италію, но даже натворили чудесъ въ отдаленномъ Египтѣ, — принадлежавшемъ Турціи.

Въ Россіи царствовала тогда Екатерина II, увѣнчанная лаврами долголѣтнихъ внѣшнихъ успѣховъ. Отдыхая на этихъ лаврахъ, Екатерина, какъ бы пресыщенная ими, не искала новыхъ, и все участіе ея въ событіяхъ западной Европы ограничивалось естественнымъ сочувствіемъ къ несчастіямъ Бурбоновъ и щедротами французскимъ эмигрантамъ, всюду искавшимъ себѣ убѣжища. Далѣе этаго не шла политика Императрицы, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока гидра безначалія, терзавшая, по общему мнѣнію, Францію, не придвинулась къ Россіи и не заглянула въ Польшу, только что раздробленную между тремя сильными сосѣдями. Польское возстаніе, укрощенное мечемъ Суворова, измѣнило воззрѣніе петербургскаго двора на революціонныя движенія Европы и побудило его обезпечить себя новыми союзами съ Англіей и Австріей, союзами „на основаніяхъ болѣе твердыхъ, нежели всѣ бывшіе дотолѣ союзы“, чтобы потомъ, вмѣстѣ съ этими державами, произвести совокупное вторженіе внутрь самой Франціи. Съ этою цѣлію на границахъ новороссійскаго края снаряжалась уже 80 тыс. русская армія, предводителемъ которой избранъ побѣдоносный Суворовъ. Покоритель Измаила и Праги, снѣдаемый славолюбіемъ, рвался на брань и, пользуясь довѣріемъ Екатерины, не переставалъ писать къ ней: „матушка вели идти противъ французовъ“. Надеждамъ Суворова не суждено было, однакоже, осуществиться такъ скоро. 6-го Ноября 1796 г. Императрица Екатерина скончалась совершенно неожиданно, и преемникъ ея, Императоръ Павелъ, переиначилъ весь фасъ русской политики, потому

что признавалъ необходимымъ прежде, нежели затѣвать внѣшнія предпріятія, заняться приведеніемъ въ порядокъ внутренняго государственнаго механизма, дѣйствительно, ослабнувшаго въ долголѣтнее правленіе Екатерины. Руководимый такимъ взглядомъ на вещи, Павелъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ прекратить всѣ приготовленія противъ Франціи, начатыя Екатериною, и вице-канцлеръ Остерманъ, объясняя это обстоятельство гр. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ, писалъ къ нему отъ 24 Ноября 1796 г.: „Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце Императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ принужденномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній....“ [1]).

Слѣдовательно, Суворову, облеченному въ званіе предводителя Екатеринославской дивизіи, надлежало отказаться отъ своей любимой мечты „бить французовъ“. Недовольный такимъ оборотомъ дѣлъ, старикъ фельдмаршалъ не переставалъ оплакивать кончину Екатерины, всѣмъ говорилъ со слезами: „безъ матушки-царицы не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!“, и былъ постоянно не въ духѣ. Преобразованія по военной части, тогда же предписанныя Императоромъ и долженствовавшія видоизмѣнить всю внѣшность русскаго войска на маneръ прусскій, встрѣтили въ Суворовѣ, врагѣ всякихъ нововведеній, открытаго и неосторожнаго порицателя. Такъ, получивъ въ Екатеринославскую дивизію палочки, для образцовой мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ сказалъ: „пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ, а природный русакъ“ — [2]) и эти

[1]) См. Исторію войны 1799 г. между Россіей и Франціей, въ царствованіе Императора Павла I. Соч. Д. Милютина. т. I. стр. 10.

[2]) См. Побѣды Кн. Италійскаго, изд. 1810 г. ч. VI. с. 145.

слова, обратившіяся въ пословицу, достигли, какъ водится съ прикрасами, до Петербурга. Императоръ, справедливо негодуя на Суворова, охладѣлъ къ заслуженному старику [1]), и для героя Екатерининскаго вѣка настали черные дни. 15 Января 1797 г. фельдмаршалу Суворову объявленъ въ Высочайшемъ приказѣ выговоръ „за самовольный отпускъ" подполковника Батурина — и Батуринъ отправленъ къ полку. Другимъ Высочайшимъ Приказомъ 23 того же января, фельдмаршалъ Суворовъ получилъ другой выговоръ за присылку военнослужащаго, капитана Мерлина, курьеромъ „безъ всякаго дѣла", и Мерлинъ переведенъ въ Рижскій гарнизонъ. Четыре дня спустя, именно 27 Января, фельдмаршалу повелѣно явиться въ Петербургъ и „быть безъ команды". Наконецъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 6 Февраля 1797 г. значилось слѣдующее: „фельдмаршалъ гр. Суворовъ, отнесясь Его Имп. Вел., что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы" [2]).

Узнавъ о своемъ увольненіи, Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ располагалъ основаться въ домикѣ, унаслѣдованномъ имъ послѣ родителя и находившемся на Большой Никитской, въ приходѣ ц. Ѳедора Студита [3]). Но не тутъ то было. Частный приставъ, явясь къ отставному фельдмаршалу, объявилъ ему, что по случаю приближающейся коронаціи Императора Павла, имѣетъ Высочайшее повелѣніе лично проводить фельдмаршала до новгородскаго помѣстья,

---

[1]) О прежнихъ отношеніяхъ Императора къ фельдмаршалу можно судить по письму, которое при наступленіи 1797 г. Павелъ писалъ къ Суворову. Вотъ оно: «Поздравляю съ Новымъ Годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей».

[2]) См. Подлинные акты архива л. г. Измайловскаго полка, книга: Высочайшіе приказы, отдаваемые при паролѣ, за 1797 г.

[3]) См. Московскій Наблюдатель за 1835 г. № 15, с. 456. Домъ этотъ, недавно барона Шеппинга, нынѣ принадлежитъ г. Баранову.

принадлежащаго его сіятельству. — „Сколько назначено мнѣ времени для приведенія въ порядокъ дѣлъ?“ спросилъ Суворовъ. „Четыре часа“, отвѣчалъ приставъ.—„Слишкомъ много милости—продолжалъ фельдмаршалъ—для Суворова довольно одного часа“. Затѣмъ, велѣвъ отложить подвезенную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ, потребовалъ экипажъ, „въ какомъ ѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію“, и частный приставъ, волею не волею, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ больше 500 верстъ [1]).

Поселясь въ селѣ своемъ Кончанскомъ (Новгор. губ. Борович. уѣзда) Суворовъ, всегда вѣрный себѣ, не измѣнилъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спалъ на сѣнѣ, вставалъ въ два часа пополуночи, окачивался зимою и лѣтомъ водою со льдомъ, потомъ пилъ чай, причемъ заказывалъ повару обѣдъ изъ 4-5 блюдъ, за который садился въ 8 ч. утра, и ѣлъ его неиначе, какъ въ 4-5 маленькихъ горшечкахъ; послѣ обѣда отдыхалъ, въ 4 ч. дня снова пилъ чай и въ 10 ч. вечера ложился спать. Въ знойные дни, фельдмаршалъ обыкновенно ходилъ съ открытою головою; по субботамъ считалъ непремѣннымъ долгомъ париться въ жарко натопленной банѣ, а въ праздники взбирался на колокольню сельской церкви, собственноручно звонилъ въ колокола, потомъ пѣлъ на клиросѣ и за обѣднею любилъ самъ громогласно читать апостолъ [2]). Остальной досугъ свой побѣдитель Польши и Турціи наполнялъ тѣмъ, что устроивалъ свадьбы и непремѣнно присутствовалъ при вѣнчаніяхъ, примирялъ ссорившіяся семьи, пекся о благосостояніи кончанскихъ крестьянъ, читалъ и писалъ на разныхъ языкахъ, сочинялъ различные проэкты и, зорко слѣдя за со-

[1]) См. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Бантышъ-Каменскаго. Изд. 1847 г. Т. III. с. 338—339.

[2]) См. тамъ же.—Разсказы стараго воина о Суворовѣ. изд. 1847 г. кн. III, с. 351.—Объясненія на сочиненія Державина, изд. Львовымъ въ 1834 г. Ч. II, с. 77.

бытіями въ Европѣ, живо интересовался подвигами генерала Бонапарте, котораго, по мѣрѣ получавшихся о немъ извѣстій, постепенно производилъ изъ молокососа въ мальчишки, изъ мальчика въ молодаго человѣка и т. д. [1]).

Знаменитый изгнанникъ не былъ впрочемъ забытъ окончательно. Однажды въ Кончанскъ прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора, засталъ Суворова парящагося на полкѣ и немедленно былъ принятъ въ той же банѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому, Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: „это не ко мнѣ; фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ“. Удивленный курьеръ напрасно старался удостовѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, порядочно пропотѣвъ въ банѣ, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ. Императоръ, часто великодушный, не обнаружилъ досады своей за эту новую продѣлку стараго героя и только повелѣлъ усилить за нимъ надзоръ, вслѣдствіе чего Суворовъ, особымъ письмомъ къ Государю испрашивалъ о дозволеніи удалиться въ Нилову пустынь, съ тѣмъ, чтобы тамъ окончить дни свои, но не получилъ никакого отвѣта.

Политическія событія въ Европѣ шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ и день ото дня становилось опаснѣе для враговъ и недруговъ демократической Франціи. Оружіе республиканцевъ, продолжая всюду одерживать верхъ, отторгнуло у Австріи Нидерланды и Италію, присоединенныя по договору въ Кампо-форміо къ Франціи (1797), а потомъ проникло и въ Германію, принужденную, въ свою очередь, открыть мирный конгрессъ въ Раштадтѣ, не дожидаясь окончанія котораго французы овладѣли Римомъ и покорили себѣ всю Швейцарію

Эти поражающіе успѣхи французскихъ полководцевъ ставили вверхъ дномъ всю систему монархической Европы и,

---

[1]) См. Русскій Инвалидъ 1822 г. № 78.

казалось, угрожали обратить многихъ королей и герцоговъ въ безпріютныхъ изгнанниковъ, что, естественнымъ образомъ оскорбляло Императора Павла, считавшаго всѣхъ европейскихъ владѣтелей своею роднею [1]). Это политическое родство побудило Петербургскій кабинетъ озаботиться составленіемъ союзовъ противъ Франціи, къ чему и приступлено въ Сентябрѣ 1798 г. Тогда вторично вспомнили изгнанника-фельдмаршала и пригласили его на совѣщаніе въ Петербургъ. Но, пробывъ въ столицѣ всего два дня, Суворовъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ хорошо, испросилъ и получилъ разрѣшеніе возвратиться въ свое Кончанское. Безъ него уже, но въ томъ же 1798 г., были подписаны въ Петербургѣ союзные трактаты съ Неаполемъ (17 Ноября), Англіею (17 Декабря), Турціею (23 Декабря) и Австріею (Январь 1799 г.) Только одна Пруссія, вѣрная Базельскому трактату, объявила намѣреніе остаться нейтральною, чрезъ что отношенія ея къ Россіи примѣтно охладились.

Рѣшившись, такимъ образомъ, принять участіе въ невзгодахъ западной Европы — безъ всякаго, однако же, желанія завоеваній — Императоръ Павелъ I немедленно двинулъ на помощь Австріи 60 тыс. корпусъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Розенберга. Въ тоже самое время умеръ принцъ Оранскій, предводитель австрійскихъ войскъ въ Италіи, и правительство австрійское и англійское обратились къ Императору Павлу съ просьбою о назначеніи главнокомандующимъ союзныхъ войскъ русскаго фельдмаршала гр. Суворова, имя котораго было хорошо знакомо всей Европѣ и считалось синонимомъ побѣды. „Вотъ

---

[1]) Изъявивъ согласіе на полученіе Суворовымъ достоинства Сардинскаго князя съ титуломъ двоюроднаго брата короля (cousin), Императоръ Павелъ писалъ къ своему полководцу, что «чрезъ это, онъ и ему войдетъ въ родство, бывъ единожды принятъ въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею». См. Словарь Бантышъ-Каменскаго Т. III, с. 262.

русскіе на все пригожаются", сказалъ тогда государь находившемуся при немъ гр. Растопчину и, взявъ перо, тотчасъ же написалъ къ Суворову слѣдующій рескриптъ: „Сей часъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобъ вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идутъ. И такъ посему, и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ. С.-Петербургъ 1799 г. Февраля 4". Вѣстникомъ новаго назначенія Суворова былъ флигель-адъютантъ Толбухинъ, явившійся въ Кончанское въ Февралѣ 1799 г. Суворовъ благоговѣйно принялъ царскій рескриптъ, облобызалъ его, прижалъ къ своимъ ранамъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви и, продолжая оригинальничать, отдалъ своему старостѣ такой приказъ: „Часъ собираться, другой отправляться. Поѣздка съ четырью товарищами: я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осьмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму повѣрилъ, потому что я ѣду не на шутку. Да я жъ служилъ за дьячка, пѣлъ басомъ, а теперь поѣду пѣть Марсомъ" [1]).

18 Февраля 1799 г. Суворовъ былъ уже въ Петербургѣ и въ тотъ же день представился Императору, который, при первомъ свиданіи съ фельдмаршаломъ, возложилъ на него большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго [2]). Довольный та-

---

[1]) Словарь Д. Бантышъ-Каменскаго, Т. III. с. 343.

[2]) Мы опускаемъ сказаніе о томъ, какъ Суворовъ, представляясь Государю, восторженно произнесъ: «Господи! Спаси Царя!» какъ государь отвѣтствовалъ фельдмаршалу: «Тебѣ спасать царей!» и т. д. Не смотря на всю свою патетичность, это сказаніе кѣмъ-то вымышлено и пошло въ ходъ безъ всякихъ доказательствъ.

кимъ пріемомъ, старый ветеранъ почувствовалъ себя совершенно на мѣстѣ и, какъ бы предвкушая ожидавшія его боевыя наслажденія, не замедлилъ на радостяхъ, войти въ свою обычную роль, то есть не преминулъ почудить въ тотъ же день и въ томъ же дворцѣ. Встрѣтивъ тутъ между придворными множество старыхъ знакомцевъ, Суворовъ пресерьезно увѣрялъ ихъ, что всѣ они похорошѣли, называлъ ихъ красавцами и, на вопросъ Растопчина, зачѣмъ говоритъ каждому одно и тоже, отвѣчалъ: „Вы красавцы, а я кокетка; смѣюсь и не боюсь“ [1]). Отшучиваясь такимъ образомъ на право и на лѣво, фельдмаршалъ торопился ѣхать въ армію, и вмѣстѣ—дѣлать добро: такъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, онъ успѣлъ исходатайствовать помилованіе приговоренному къ ссылкѣ въ Сибирь капитану Синицкому. Мать этого несчастнаго отнеслась къ Суворову съ слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ! Милостивѣйшій государь!

Семдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ, шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго—послѣднюю мою надежду! молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ,—а гробъ для меня еще не открылся.—Государь милосердъ. Графъ Рымникскій милостивъ и сострадателенъ. Возврати мнѣ сына... и спаси отчаянную! Лейбъ гренадерскаго полка капитана Синицкаго мать“.

Суворовъ отвѣчалъ на это:

„Милостивая государыня!

Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду вашъ покорный слуга

А. Суворовъ“ [2]).

Черезъ нѣсколько дней старуха мать обняла своего сына.

---

[1]) См. Русскіе анекдоты военные, гражданскіе и историческіе, изд. С. Глинкою въ 1820 г. Ч. I. с. 206.

[2]) Сынъ Отечества за 1848 г., Кн. XI. с. 79–80.

Въ Митавѣ фельдмаршалъ посѣтилъ проживавшаго здѣсь Людовика XVIII, выслушалъ отъ него слова: „я уже не несчастливъ, потому что судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова“ и 15 Марта прибылъ въ Вѣну, гдѣ былъ встрѣченъ неумолкаемыми: виватъ! всего народа и обласканъ Императоромъ Францомъ II. Въ Шенбруннѣ Суворовъ впервые послѣ разлуки увидѣлъ русскія войска, радостно привѣтствовалъ ихъ словами: „здравствуйте, чудо-богатыри, любезнѣйшіе друзья мои“, и на восторженныхъ лицахъ героевъ Кинбурна, Фокшанъ, Рымника, Измаила и Праги показались слезы

Вкратцѣ и на словахъ объяснивъ Императору Францу II всѣ военныя предположенія свои, Суворовъ спѣшилъ уѣхать въ Италію, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его русскій вспомогательный корпусъ Розенберга. Но баронъ Тугутъ, тогда первый министръ Австріи, всячески домогался, чтобы русскій фельдмаршалъ представилъ Вѣнскому Гофкригсрату точный и подробный планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, — и, не видя этого плана, подъ разными предлогами задерживалъ Суворова въ Вѣнѣ. Эти домогательства не повели однако ни къ чему. Суворовъ очень хорошо понималъ, что такое Гофкригсратъ, зналъ за нимъ „неискоренимую привычку битымъ быть“, называлъ членовъ его унтеркунфтами, бештимтзагерами, мерсенерами [1]) и вовсе не располагалъ довѣрять плановъ своихъ Тугуту, секретарь котораго, служившій нѣкогда секретаремъ при гр. Мирабо, по этому самому казался Суворову подозрительнымъ и продажнымъ [2]). Да и самъ Тугутъ, человѣкъ неоспоримо умный и государственный не былъ личностью симпатичною и не пользовался большимъ

---

[1]) Членами Гофкригсрата тогда были: Коллоредо, Туркгеймъ и Тиге—покорные исполнители распоряженій Тугута; независимо отъ этихъ членовъ, Тугутъ любилъ употреблять по военнымъ дѣламъ преданнаго ему Лауэра, котораго всѣ ненавидѣли.

[2]) См. Статью «Суворовъ и Тугутъ» Е. Фукса, въ Чтен. Общ. Истр. и Древ. за 1847 г., Кн. XI, Смѣсь, с. 2.

расположеніемъ даже со стороны своихъ земляковъ, потому что вѣнская аристократія помнила Тугута сыномъ содержателя перевозовъ на Дунаѣ и видѣла въ немъ креатуру знаменитаго Кауница, а военное сословіе Австріи, съ эрцгерцогомъ Карломъ и фельдмаршаломъ Ласси въ своей главѣ, приписывало Тугуту всѣ несчастія, понесенныя австрійскою арміею въ періодъ революціонныхъ войнъ. Послѣднее не было лишено справедливости: ревнуя къ собственному вліянію всѣ остальныя вліянія, Тугутъ вмѣшивался во все, не допускалъ никого дѣйствовать самостоятельно, намѣренно оставилъ вакантнымъ мѣсто президента Гофкригсрата и, вовсе не будучи военнымъ человѣкомъ, связывалъ по рукамъ и ногамъ австрійскихъ генераловъ, не смѣвшихъ ступить шага безъ категорическаго предписанія изъ Вѣны. Подобная система, конечно, не могла нравиться рымникскому герою, желавшему, на этотъ разъ, состоять въ распоряженіи Франца II и сражаться независимо отъ методическихъ соображеній Гофкригсрата. По этому, вовсе не думая удовлетворять назойливымъ требованіямъ Тугута, Суворовъ не согласился даже за просто побывать у австрійскаго министра, для объясненій хотя словесныхъ,—о чемъ не разъ намекалъ фельдмаршалу гр. Разумовскій, русскій посланникъ въ Вѣнѣ. „Андрей Кириловичъ! отвѣчалъ обыкновенно на эти намеки Суворовъ, вѣдь я не дипломатъ... а солдатъ... русской!.. Куда мнѣ съ нимъ говорить? да и зачѣмъ?? онъ моего дѣла не знаетъ;— а я его дѣла не вѣдаю!.. Знаете ли вы, Андрей Кириловичъ, первый псаломъ? Блаженъ мужъ“ ¹). Кончилось тѣмъ, что Суворовъ уѣхалъ изъ Вѣны, вручивъ Тугуту, какъ говорятъ, кипу бѣлой бумаги, съ словами: „вотъ мои планы“.—Эта суворовская шутка окончательно взбѣсила Тугута и была зерномъ той затаенной непріязни австрійскихъ властей къ русскому главнокомандующему, слѣдствіемъ которой были и без-

¹) См. Разсказы стараго воина о Суворовѣ, кн. II, с. 103—104.

плодность лавровъ, обильно пожатыхъ Суворовымъ въ Италіи и, еще болѣе, безплодность неимовѣрныхъ подвиговъ, имъ же совершенныхъ въ Швейцаріи.

Оставивъ Вѣну въ исходѣ Марта 1799 года, Суворовъ прибылъ 2 Апрѣля въ Вѣрону. Здѣсь восхищенные горожане выпрягли лошадей изъ кареты русскаго вождя и повезли ее на себѣ до отведеннаго ему дворца. Въ Веронѣ Суворовъ принялъ подъ свое начальство австрійскихъ командировъ Меласа и Края, а также всѣхъ прибывшихъ сюда русскихъ генераловъ. Представленіе послѣднихъ фельдмаршалу, производившееся не въ присутствіи австрійцевъ, сопровождалось большими оригинальностями. Такъ, пока Розенбергъ называлъ чинъ и фамилію представляемаго, Суворовъ стоялъ на вытяжку, съ закрытыми глазами и, при каждой неизвѣстной ему фамиліи, открывалъ глаза, говоря съ поклономъ: „Помилуй Богъ! Не слыхалъ! Познакомимся!“ Когда Розенбергъ назвалъ ген.-маіора Меллера-Закомельскаго: „А! помню! сказалъ Суворовъ; не Иванъ ли?“ и на утвердительный отвѣтъ Меллера — ласково поклонился ему, сказавъ: „Послужимъ, побьемъ французовъ! Намъ честь и слава!“ —Дошла очередь до ген.-маіора Милорадовича. „А! а! это Миша! Михайло!„—Я, ваше сіятельство.—„Я зналъ васъ вотъ такимъ, продолжалъ Суворовъ, показывая рукою на аршинъ отъ пола,—и ѣдалъ у вашего батюшки Андрея пироги. О! да какіе были сладкіе. Какъ теперь помню. Помню и васъ, Михайло Андреевичъ! Вы хорошо тогда ѣздили верхомъ на палочкѣ! О! да какъ же вы тогда рубили деревянною саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!“ Милорадовичъ растроганный до слезъ, говорилъ, что постарается оправдать мнѣніе о немъ фельдмаршала. Наконецъ, Розенбергъ назвалъ ген.-маіора кн. Багратіона. Тутъ Суворовъ встрепенулся, открылъ глаза, вытянулся, спросилъ: „Князь Петръ? Это ты Петръ? Помнишь ли ты... Подъ Очаковымъ!.. Съ турками!... Въ Польшѣ! — и подвинувшись къ Багратіону, обнялъ его,

поцѣловалъ въ глаза, въ лобъ, въ губы, причемъ приговаривалъ: „Господь Богъ съ тобою, князь Петръ! Помнишь ли? А?.. помнишь ли походы?..“. —„Нельзя не помнить, ваше сіятельство, отвѣчалъ Багратіонъ со слезами на глазахъ, не забылъ и не забуду!“ По окончаніи представленія, Суворовъ быстро повернулся, заходилъ широкими шагами, потомъ вдругъ остановился, вытянулся и, съ закрытыми глазами, началъ произносить скороговоркою, не относясь ни къ кому именно: „Субординація! Экзерциція! Военный шагъ—аршинъ; въ захожденіи—полтора; голова хвоста не ждетъ; внезапно, какъ снѣгъ на голову; пуля бьетъ въ полъ-человѣка; стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; трое наскочатъ: одного заколи, другаго застрѣли, а третьему карачунъ!.. Пуля дура, штыкъ молодецъ! Пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится! Береги пулю на три дни, а иногда на цѣлую кампанію. Мы пришли бить безбожныхъ, вѣтреныхъ, сумасбродныхъ французишковъ; они воюютъ колоннами, — и мы ихъ будемъ бить колоннами! Жителей не обижай! Просящаго пощады помилуй!“—Затѣмъ, какъ бы утомясь, Суворовъ умолкъ, склонилъ голову, наморщилъ брови, углубился въ себя; но чрезъ нѣсколько секундъ встрепенулся, приподнялся на носки, живо повернулся къ Розенбергу и сказалъ: „Ваше высокопревосходительство! Пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты и два полчка казачковъ“, слѣдствіемъ чего было немедленное выступленіе кн. Багратіона съ этимъ авангардомъ [1]).

Въ Валеджіо, на берегахъ Минчіо, Суворовъ вступилъ въ командованіе союзною арміею и, раздѣливъ ее на три отряда, двинулъ всю противъ республиканскаго генерала Моро, собратъ котораго, генералъ Журданъ, былъ уже оттѣсненъ австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ за Рейнъ.—Славные подвиги начались немедленно. 9 Апрѣля Багратіонъ и Край взяли Бресчію; 14 Апрѣля, Моро, разбитый при Лекко и

[1]) Тамъ же, с. 108—110.

Треццо, бѣжалъ за р. Адду, а Серрюрье настигнутый союзниками при Вердеріо, положилъ оружіе [1]) Императоръ Павелъ, получивъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, велѣлъ діакону возгласить, въ концѣ благодарственнаго молебна: „высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову рымникскому многая лѣта„ — и, посылая побѣдителю портретъ свой въ перстнѣ, осыпанномъ бриллiантами, писалъ въ рескриптѣ: „примите его въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго“.— Сынъ Суворова тогда же сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и отправленъ къ отцу, при чемъ государь сказалъ: „поѣзжай и учись у него; лучше примѣру тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу“.—Обо всемъ этомъ извѣстилъ Суворова гр. Растопчинъ, заключавшій письмо свое, отъ 5 Мая, словами: „Примите чистосердечное поздравленіе о первомъ успѣхѣ дѣйствій вашихъ противъ враговъ благоденствія міра; я истинно есмь Россіянинъ, приверженный къ особѣ Государя, моего благотворителя, и горжусь подвигами героя моего Отечества; благодать Господня съ Христолюбивымъ воинствомъ да пребудетъ на вѣки, и да расточатся врази его!“ [2]). 15 Апрѣля Суворовъ, говорятъ, сказалъ каламбуръ: „demain j'aurai mille ans“, и 16 Апрѣля, въ первый день Пасхи, вступилъ въ Миланъ, столицу Ломбардіи, привѣтствуемый громкимъ ура! всѣхъ гражданъ. Здѣсь австрійскіе генералы просили русскаго главнокомандующаго дать отдыхъ войскамъ, но получили

---

[1]) Возвращая шпагу плѣнному Серрюрье, Суворовъ произнесъ стихи Ломоносова:

> Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
> Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ;—

велѣлъ перевести эти стихи французскому генералу и вышелъ изъ комнаты.—«Quel homme! (Какой человѣкъ!)» воскликнулъ удивленный Серрюрье.

[2]) См. Историческій, статистическій и географическій Журналъ за 1828 годъ, Мартъ, с. 210.

отъ него односложный отвѣтъ: „впередъ!"—26 Апрѣля сдалась союзникамъ крѣпость Пескьера, ключъ Пьемонта, а 28 апрѣля послѣдовало тоже съ крѣпостями Пиччигетоне и Тортоною, вслѣдствіе чего Растопчинъ снова писалъ Суворову, отъ 15 Мая: „честные и вѣрные сыны Отечества составляютъ хоръ, воспѣвающій побѣды ваши, а злодѣи ваши и тварь пресмыкающаяся грызетъ землю и боится блеска славы вашей" [1]). Въ самый день сдачи Пескьеры прибылъ въ главную квартиру Суворова Вел. Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый ген. отъ кавалеріи Дерфельденомъ, и Моро, аттакованный 1 и 2 Мая въ позиціи между Валенціею и Александріею, вынужденъ былъ отступить, 6 Мая, къ Асти и Кони. 12 Мая союзники овладѣли Феррарою, 13-го Миланскою цитаделью; 14 Феррарскою, а 27 Мая Суворовъ вступилъ въ Туринъ, въ столицу Піемонта, и обложилъ тамошнюю цитадель. Такимъ образомъ, въ одинъ мѣсяцъ времени, вся Верхняя Италія была очищена, и остатки разбитой арміи Моро отброшены въ Ривьеру Генуэзскую.—„Графъ Александръ Васильевичъ! — писалъ къ Суворову Государь — въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистоивыхъ разорителей..." [2]); а гр. Растопчинъ, постоянный поклонникъ Суворова, говорилъ въ письмѣ своемъ къ фельдмаршалу отъ 7 Іюня: „Герои любятъ истину, а я поминутно ее въ устахъ своихъ имѣю, говоря всѣмъ, вездѣ и всегда, что вами славится Россія и избавляется Европа. Я горжусь тѣмъ, что въ одной землѣ съ вами родился и столько же ее люблю, какъ и васъ" [3]).

---

[1]) Тамъ же, с. 212.

[2]) См. Словарь Бантышъ Каменскаго, т. III, с. 354—355.

[3]) Историческій и проч. Журналъ за 1828 г., Мартъ, с. 213

Обезпеченный уже со стороны Моро, то есть съ фронта, Суворовъ, подобно Фридриху Великому въ кампаніи 1757 года, смѣло обратился на новаго противника, свѣжія силы котораго угрожали союзникамъ съ тыла. Этотъ новый противникъ Суворова былъ генералъ Макдональдъ, уже спустившійся съ Аппенинскаго хребта и начинавшій дебушировать въ долину р. По. Но Суворовъ, не любя ожидать нападеній, оставилъ австрійскій корпусъ Беллегарда наблюдать за Моро, а самъ устремился съ главными силами противъ Макдональда, котораго встрѣтилъ у р. Тидоны и первоначально оттѣснилъ до р. Треббіи. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за двѣ тысячи лѣтъ до того Аннибалъ сокрушилъ Римлянъ, Макдональдъ бился съ Суворовымъ три дня къ ряду (7, 8 и 9 Іюня), потерпѣлъ совершенное пораженіе [1]) и бросился въ безпорядкѣ обратно за Аппенины, чтобы хотя берегомъ моря успѣть соединиться съ Моро, начинавшимъ, въ отсутствіи русскихъ, одерживать нѣкоторые успѣхи надъ австрійцами. Эти успѣхи прекратились однакоже съ появленіемъ Суворова, который снова заставилъ Моро уйти въ горы. Треббійская побѣда доставила Суворову новую награду: брилліантовый портретъ Императора Павла, для ношенія на груди [2]). За тѣмъ, къ крайнему негодованію Суворова, послѣдовало болѣе чѣмъ мѣсячное бездѣйствіе союзниковъ,—штука мстительнаго Тугута, приковавшаго все вниманіе вѣнскаго

[1]) Потеря Макдональда во всѣ три дня простиралась: убитыми до 6 тыс. чел., плѣнными больше 12 т. чел., въ томъ числѣ 4 генерала и 510 штабъ и об.-офиц. Кромѣ того у французовъ отнято 7 знаменъ и 6 орудій.—У союзниковъ насчитано до 1 тыс. убитыми и до 4 тыс. раненыхъ.

[2]) Этотъ портретъ присланъ Суворову при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 13 Іюля: «Графъ Александръ Васильевичъ! Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, ими же прославляется царствованіе наше. Пребываю благосклонный Павелъ».

двора къ продолжавшейся осадѣ крѣпости Мантуи, стойкость которой служила для бездарнаго Гофкригсрата уважительнымъ предлогомъ противодѣйствовать дальнѣйшему развитію наступательной системы русскаго главнокомандующаго. Наконецъ, сдалась и Мантуя (17 Іюля), а за нею пала Александрія. Суворовъ, связанный до сихъ поръ Вѣною и жаловавшійся Императору Павлу на „робость Гофкригсрата, зависть къ себѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ и безвластіе въ производствѣ операцій прежде доклада“ [1]) вздохнулъ свободнѣе: онъ видѣлъ теперь возможность оставить ненавистный ему „дефенсивъ“ и перейдя въ наступательное положеніе, проникнуть въ Ривьеру Генуэзскую, гдѣ воспользоваться самостоятельностію, тѣмъ болѣе полною, что Императоръ Павелъ, уже недовольный союзниками, уполномочилъ своего полководца [2]), собравъ, когда понадобится, русскія войска въ одно мѣсто, дѣйствовать съ ними по собственному усмотрѣнію, остерегаясь, однакоже, своекорыстія союзниковъ. Въ это же время, Король Сардинскій, довольный очищеніемъ Піемонта, куда однако австрійцы не пускали его, прислалъ Суворову ордена Аннонсіады, Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ сардинскаго генералъ-фельдмаршала и возвелъ русскаго полководца въ достоинство князя, съ титуломъ своего двоюроднаго брата (cousin du roi).

Но предполагаемое Суворовымъ наступленіе въ Ривьеру Генуэзскую не состоялось, потому что его предупредилъ Жубертъ, новый главнокомандующій республиканскихъ войскъ въ Италіи, молодой генералъ, котораго самъ Бонапартъ называлъ наслѣдникомъ славы своей. Усиливъ армію Моро многими подкрѣпленіями, Жубертъ снова перешелъ съ нею Аппенины и занялъ сильную позицію при г. Нови. —

---

[1]) См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г., изд. Фуксомъ въ 1825—1826 г., ч. III, с. 268.

[2]) Жалуясь Государю на союзниковъ, Суворовъ просилъ о своемъ отзывѣ и писалъ: «Я хочу кости положить въ моемъ отечествѣ».

„Юный Жубертъ пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ“, сказалъ тогда Суворовъ—и, пылкій не по лѣтамъ, стремительно аттаковалъ, 4 Августа, позицію Жуберта. Послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, стоившаго жизни самому Жуберту, разбитые на голову Французы [1]) принуждены были спасаться бѣгствомъ за Аппенины [2]). На этотъ разъ, непріятель не былъ однако же преслѣдуемъ по-суворовски, потому что побѣдители тогда же узнали о присутствіи въ своемъ тылу новыхъ французскихъ войскъ, вступившихъ въ Піемонтъ съ запада. Предписавъ отдѣльнымъ отрядамъ наблюдать за движеніями непріятеля, Суворовъ сосредоточилъ главныя силы союзниковъ къ Асти, чтобы отсюда удобнѣе вторгнуться въ самую Францію. Между тѣмъ, Суворовъ, за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, „отъ безбожныхъ ея завоевателей“, былъ возведенъ Императоромъ Павломъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи, съ титуломъ Италійскаго (8 Авг.), а по полученіи Государемъ реляціи о Новійскомъ сраженіи, состоялся, 24 Авг. въ Гатчинѣ, слѣдующій Высочайшій приказъ: „Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ Его Императорскаго Величества“ [3]). На копіи этого приказа, до-

---

[1]) Въ письмѣ Суворова къ Сардинскому королю, отъ 22 Авг., уронъ французовъ показанъ такъ: 6 тыс. убитыми, 4 тыс. пропавшими безъ вѣсти, 5 тыс. ранеными, болѣе 4600 плѣнными (въ томъ числѣ 4 генерала). См. Собраніе писемъ князя Италійскаго, изд. 1814 г. с. 205.— Кромѣ того, французы потеряли 39 орудій и 54 ящика съ снарядами. Союзники лишились 1300 человѣкъ убитыми и считали 4700 раненыхъ.

[2]) Разсказываютъ, что, послѣ сраженія при Нови, у русскихъ съ союзниками вышелъ споръ о пушкахъ, отнятыхъ русскими: союзники требовали себѣ половину. Когда это дошло до Суворова, онъ произнесъ такое рѣшеніе: «Отдать имъ всѣ; гдѣ имъ взять! Мы еще возьмемъ».—См. Анекдоты Русскіе. изд. 1809 г., ч. II, с. 307.

[3]) «А вамъ—писалъ государь Суворову—не зная, что уже давать,

ставленной Суворову, подписано было рукою графа Растопчина: „за сражение при Нови“. Въ Англіи давно уже на всѣхъ праздникахъ пили здоровье избавителя Италіи, сочиняли въ похвалу Суворова пѣсни,—и Суворовъ, увѣдомленный объ этомъ гр. Сем. Ром. Воронцовымъ, русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, отвѣчалъ ему еще 27 Іюля изъ подъ Нови: „Почтеннѣйшее письмо в. с., отъ 28 Маія, наполненное лестными для меня выраженіями, побуждаетъ просить васъ, милостиваго государя моего, о изъявленіи Его Великобританскому Величеству чувствительной и глубочайшей моей благодарности за милостивые его обо мнѣ отзывы, и за доброе мнѣніе почтеннѣйшей Англійской націи пребуду я навсегда признательнымъ, отдавая и ей съ моей стороны въ полной мѣрѣ всю ту справедливость, которую она себѣ пріобрѣла“ [1]).

Не смотря, однакоже, на всѣ оваціи Суворову, намѣреніе его разставить войска свои по квартирамъ въ Италіи, съ тѣмъ, чтобы изготовясь тутъ, зимою, къ новымъ подвигамъ, начать слѣдующею весною движеніе во Францію,—это намѣреніе опять таки не состоялось. Виновникомъ того былъ тотъ же Тугутъ, по новому плану котораго союзная армія долженствовала занять операціонную линію отъ Нѣмецкаго моря до Средиземнаго, а собственно-русскія войска сосредоточиться въ Швейцаріи, гдѣ у Массены было до 84 тысячъ республиканскихъ войскъ и откуда эрцгерцогу Карлу предписывалось выступить немедленно къ среднему Рейну, оставляя, такимъ образомъ, противъ всѣхъ силъ Массены 24 тысячный русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, съ австрійскими отрядами Готце, имѣвшими, къ тому же, повелѣніе — отдѣлиться отъ Корсакова тотчасъ по вступленіи

потому что вы поставили себя свыше награжденій, опредѣлили почесть военную... Достойному достойное».

[1]) См. Русскій Вѣстникъ за 1842 г. Январь, с. 139.

въ Швейцарію арміи Суворова. Послѣднее распоряженіе вѣнскаго двора особенно не нравилось русскому фельдмаршалу, вообще не одобрявшему новаго плана дѣйствій и весьма недовольному предстоявшимъ походомъ въ Швейцарію. Суворовъ понималъ, что этотъ походъ, подготовленный къ осеннему времени, будетъ крайне тягостенъ въ горной сторонѣ, и къ тому же былъ увѣренъ, что Массена не оставитъ ударить на Корсакова, не дожидаясь соединенія съ послѣднимъ арміи Суворова. Въ этихъ видахъ, Суворовъ всячески старался отвратить исполненіе вѣнскаго плана и, довѣряя единому во всей Вѣнѣ Колычеву, отправленному туда Императоромъ Павломъ для ходатайствованія у Римско-императорскаго двора, въ пользу русскихъ, вспомогательныхъ войскъ [1]), откровенно писалъ къ нему, отъ 20 Авг. изъ Асти: „Испытую вашу доблесть къ пользѣ общаго блага; исправьте его колеблимость наипоспѣшнѣйше и исторгните его изъ опасности.... Лучше дѣло трактовать посторонимъ образомъ, нежели отъ моего имени, терзаемаго и въ горячкѣ, отъ сателлитовъ Тугута, опоясаннаго мечемъ Скандербега.—Сія сова не съ ума ли сошла, или того никогда не имѣла“ [2]). Затѣмъ Суворовъ обратился съ своими сомнѣніями къ самому Императору Павлу, но получилъ въ отвѣтъ одну Высочайшую увѣренность, что „успѣхи французовъ противъ цесарцевъ начнутся съ отбытіемъ русскихъ въ Швейцарію“ [3]). Слѣдовательно, Суворову оставалось покориться необходимости и тѣмъ спѣшнѣе выступать въ Швейцарію, что вѣнскій дворъ требовалъ этого выступленія безотлагательно.

Распорядясь приготовленіями къ этому новому походу, Суворовъ выжидалъ только сдачи союзникамъ Тортонской

---

[1]) См. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностран. дѣлами въ Россіи, соч. Терещенко, изд. 1837 г. ч. III, с. 147.

[2]) См. Русскій Вѣстникъ за 1842 г. Январь, с. 140.

[3]) См. Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 г. соч. Милютинымъ, изд. 1852 г. ч. V, с. 266.

цитадели,—вполнѣ увѣренный, что письмо его къ эрцгерцогу Карлу убѣдитъ послѣдняго пробыть въ Швейцаріи до соединенія съ Корсаковымъ главныхъ русскихъ силъ. Но съ полученіемъ извѣстія о томъ, что эрцгерцогъ покинулъ уже Корсакова и выступилъ къ среднему Рейну, Суворовъ не сталъ ждать ничего болѣе и, сдавъ австрійскому генералу Меласу—за три дня до капитуляціи Тортонской цитадели—начальство надъ союзными войсками въ Италіи, рѣшился начать предписанное движеніе. „Поведу я теперь—доносилъ тогда Суворовъ Государю—храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указуетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славой за отечество.....“ [1]). Суворовъ зналъ всѣ предстоявшія ему трудности; зналъ, что его армія встрѣтитъ на своемъ пути такія мѣста, гдѣ два человѣка едва могутъ пройти рядомъ, гдѣ и думать нельзя ни о повозкахъ, ни объ артиллеріи, гдѣ нечего расчитывать на какія нибудь средства продовольствія, гдѣ, наконецъ, надо будетъ штыками пролагать себѣ дорогу сквозь узкія горныя тѣснины, уже загражденныя французскими отрядами. Зналъ также Суворовъ, что Французы имѣли все время усилиться въ Швейцаріи, и самъ, за долго еще до движенія своего въ эту сторону, письменно жаловался гр. Растопчину, что „Франціи свободны сюда руки; эрцгерцогъ ничѣмъ ея не занималъ и близь четверти года оставался въ унтеркунфтѣ подъ кровлею [2]). Но побуждаемый, съ одной стороны, совѣтомъ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба идти прямо на Сенъ-Готардъ, чтобы, такимъ образомъ, въ двѣ недѣли достигнуть Швица, и успокоенный, съ другой, формальнымъ обязательствомъ австрійскаго генерала Меласа заготовить для русской арміи вьючныхъ муловъ въ г. Тавернѣ, Суво-

[1]) Тамъ же, с. 215.

[2]) Тамъ же, с. 213.

ровъ бодро двинулъ свои 20 тысячъ на неимовѣрные подвиги, составляющіе истинную эпопею новѣйшихъ временъ.

Имѣя въ виду явиться къ назначенному дню у Сенъ-Готарда, Суворовъ въ шесть сутокъ перешелъ полуторастоверстное пространство отъ Александріи до Беллинцоны и 4 сентября прибылъ въ г. Таверну, — гдѣ не нашелъ ни муловъ, ни продовольствія, обѣщанныхъ Австрійцами. Этотъ новый обманъ коварныхъ союзниковъ замедлилъ движеніе Суворова на цѣлые 5 сутокъ, отчего естественнымъ образомъ увеличивалась опасность, грозившая Корсакову, котораго Массена могъ разбить не дожидаясь прибытія Суворова, что, какъ увидимъ, Массена и сдѣлалъ. Между тѣмъ Суворовъ, собравъ на скоро кое-какіе запасы, навьюченные, вмѣсто муловъ, на казачьихъ лошадей, выступилъ, съ нѣсколькими горными орудіями, изъ Таверны, шелъ трое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, по трудной дорогѣ, сбилъ передовой непріятельскій постъ въ Айроло и послѣ цѣлодневнаго кровопролитнаго боя, стоившаго русскимъ порядочной потери въ людяхъ [1]) овладѣлъ, 13 сентября, Сенъ-Готардомъ, на снѣжной вершинѣ котораго, покинутой французскими войсками генерала Лекурба, находился страннопріимный монастырь Госписъ, тогда же посѣщенный Суворовымъ.— Отсюда Суворову надлежало спуститься въ долину р. Рейссы, т. е. слѣдовать по едва проходимой дорогѣ, извивающейся сначала между высокими, отвѣсными скалами праваго берега, углубляющейся потомъ, за дер. Урзернъ, въ тѣсный, почти подземный проходъ, называемый Урнерскою дырою (Urner-Loch), и затѣмъ, послѣ другаго спуска, перебѣгающей на лѣвый берегъ, съ которымъ соединяетъ её знаменитый Чортовъ Мостъ (Teifelsbrücke), какъ будто нечеловѣчески переброшенный со скалы на скалу, надъ глубокою пропастью, по дну которой свирѣпо шумитъ и клубится водопадъ Рейс-

[1]) Въ этотъ день, у Суворова выбыло изъ строя 1200 ч. слишкомъ.

сы. Эти естественныя препятствія увеличивались еще тѣмъ, что непріятель, отступавшій передъ Суворовымъ и вытѣсненный обходнымъ движеніемъ Розенбергова корпуса даже изъ Урзерна, всюду ломалъ за собою мости, занялъ однимъ отрядомъ почти недоступную Урнерскую дыру и расположилъ другой по ту сторону полуразрушеннаго Чортова Моста.

14 сентября русскія войска подошли къ Урнерскому подземелью, выбили отсюда французовъ и тотчасъ же кинулись къ Чортову Мосту, гдѣ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, одни спѣшили связывать офицерскими шарфами разъединенныя мостовины, по которымъ безстрашно переправлялись на ту сторону; другіе, спустясь въ самую бездну, карабкались на отвѣсные утесы непріятельскаго берега; третьи принялись отыскивать бродъ черезъ Рейсу и, найдя его, показались въ тылу и на флангѣ французовъ, что заставило послѣднихъ оставить Чортовъ Мостъ и продолжать свое отступленіе.

Дальнѣйшее движеніе Суворова отъ Чортова Моста происходило по столь же трудной дорогѣ, безпрерывно пересѣкаемой горными потоками и представлявшей до самаго Альторфа одно тѣсное дефиле. Въ Альторфѣ, занятомъ также съ боя, Суворовъ расчитывалъ найти австрійскую флотилію, готовую перевезти русскія войска чрезъ Люцернское озеро въ Швицъ, съ которымъ небыло отсюда никакихъ другихъ сообщеній, кромѣ двухъ тропинокъ, поднимавшихся на страшную высь Роштокъ и доступныхъ однимъ швейцарскимъ охотникамъ, да и то привычнымъ. Но разсчетъ Суворова на австрійскую флотилію оказался ошибочнымъ: Лекурбъ, отступившій изъ Альторфа къ Люцерну, успѣлъ захватить всѣ средства къ переправѣ. И такъ, русскимъ войскамъ оставалось или вернуться назадъ, или, взявъ правѣе, идти мрачною Шахенскою долиною на соединеніе съ австрійскими отрядами Готце и Линкена, стоявшими по р. Линтѣ; или, продолжая движеніе впередъ, къ Корсакову, рискнуть отча-

яннымъ переходомъ черезъ Роштокъ, за снѣжнымъ хребтомъ котораго лежала Муттенская долина, имѣвшая сообщеніе съ Швицомъ. Тревожимый преимущественно положеніемъ Корсакова, Суворовъ не пошелъ изъ Альторфа ни назадъ, ни въ право, а двинулся прямо на Роштокъ. Этотъ переходъ, неудобство котораго увеличивалось осеннимъ ненастьемъ и недостаткомъ въ самой арміи продовольствія, запасовъ, даже дровъ, былъ чрезвычайно труденъ. Солдаты шли гуськомъ, по колѣна въ снѣгу, безпрерывно скользя и падая въ бездонныя пропасти, зіявшія подъ сугробами; за солдатами обрывались туда же мулы, навьюченные остатками провіанта; нигдѣ не встрѣчалось кустика, съ помощью котораго можно бы было развести огонь и хоть нѣсколько пообогрѣться и пообсушиться. Цѣлые два дня перебиралась русская армія черезъ Роштокъ и, въ теченіе этого времени, авангардъ и аріергардъ ея сражались съ французами и въ Муттенѣ и въ Альторфѣ, а все 16 верстное разстояніе между этими двумя пунктами представляло непрерывную цѣпь людей и муловъ. 17 сентября армія собралась въ Муттенѣ, куда вьюки подоспѣли только два дня спустя. Здѣсь Суворовъ получилъ весьма прискорбное извѣстіе о томъ, что Корсаковъ, потерпѣвшій совершенное пораженіе подъ Цюрихомъ, отступилъ съ остатками своего корпуса за Рейнъ, и въ Швицѣ, вмѣсто русскихъ или австрійскихъ войскъ, стоятъ главныя силы самаго Массены. Въ тоже время, было оффиціально донесено Суворову, что австрійскіе отряды на Линтѣ разбиты Сультомъ, самъ Готце убитъ, Линкенъ, оставивъ свою первоначальную позицію, спѣшитъ уходить изъ Швейцаріи и вся долина Линты—уже занята французами.

Тутъ только русскій фельдмаршалъ созналъ весь ужасъ положенія своей арміи. Лишенный провіанта, патроновъ, почти обуви, эта армія имѣла въ своемъ тылу войска Лекурба, снова занявшія и Сенъ-Готардъ и Альторфъ, а спереди въ Швицѣ, видѣла передъ собою всѣ силы Массены,

и такимъ образомъ оказывалась чуть не безвыходно запертою въ Муттенской долинѣ, изъ которой оставался одинъ путь спасенія, но путь страшно-трудный, — черезъ г. Брагель, въ долину Линты, занятую, какъ мы сказали, непріятелемъ. — Военный совѣтъ, созванный фельдмаршаломъ 18 сентября въ Муттенѣ, рѣшилъ, что броситься въ долину Линты все таки надежнѣе, нежели пробиваться впередъ, на встрѣчу главнымъ силамъ Массены. Суворовъ, вполнѣ согласный съ мнѣніемъ совѣта, на другой же день повелъ армію въ долину Линты. И русскіе, опять поколѣна въ снѣгу, опять между скалами и пропастями, принуждены были снова бороться на каждомъ шагу съ непріятелемъ, котораго Розенбергъ побѣдоносно отражалъ въ аріергардѣ арміи, а Багратіонъ столь же успѣшно выбивалъ изъ тѣсныхъ горныхъ проходовъ, лежавшихъ впереди [1]. — Взятіемъ г. Глариса, отнятаго 20 сентября у соединенныхъ силъ французскихъ генераловъ Молитора и Газана, заключились собственно боевые подвиги русскихъ войскъ въ Швейцаріи. Но имъ предстояло еще совершить переходъ черезъ громадную высь хребта Рингенкопфъ (или Паниксъ), чтобы достигнувъ г. Иланца, занятаго отступившими съ Линты Австрійцами, быть уже въ совершенной безопасности и немедленно перейти отсюда въ г. Куръ (Коуръ), гдѣ русскую армію ожидалъ провіантъ и кратковременный отдыхъ. — Однако трехдневное движеніе отъ Глариса чрезъ Паниксъ до Иланца сопряглось

[1] Розенбергъ, начальствовавшій 3 тысячнымъ русскимъ аріергардомъ, заманилъ въ Муттенскую долину 10 тысячный отрядъ Массены, разбилъ его 19 и 20 сентября, гналъ до самаго Швица, потопилъ въ р. Муоттѣ болѣе 2 тыс. французовъ, взялъ въ плѣнъ 1 генералъ-квартирмейстера, 2 шефовъ бригады, 13 офицеровъ, 1200 чел. нижнихъ чиновъ и отнялъ 5 орудій. Багратіонъ, опрокинувъ въ дефилеяхъ Молитора, положилъ на мѣстѣ тысячу чел., плѣнилъ 1 шефа бригады, 7 офицеровъ, около 350 чел. нижнихъ чиновъ, отбилъ 2 орудія и 1 знамя.

съ чрезвычайными трудностями и большими лишеніями. — „Горы — пишетъ одинъ изъ участниковъ этого движенія — которыя мы переходили всплошь, то спускаясь, то поднимаясь, были ужасно высоки, обрывисты, съ глубокими пропастями; но двѣ горы были выше всѣхъ: скалистыя, крутыя, хребетъ которыхъ уходилъ въ небеса, и глубокій снѣгъ и рытвины были ихъ оболочкою. Мы поднимались на одну изъ нихъ между двухъ сильныхъ, большихъ водопадовъ. Сырой, густой туманъ во всѣ дни обнималъ насъ; а дождь и снѣгъ сыпьмя осыпали, и холодный, рѣзкій и сильный вѣтеръ валилъ съ ногъ. Невыразимо трудно было намъ перейти эти огромныя и длинныя горы, по глубокому снѣгу. Многіе изъ ратниковъ и многіе вьюки, оступаясь или осклизаясь, неслись внизъ, въ пропасти, и погибали. Таковъ былъ почти весь нашъ путь, 24, 25, 26 и 27 чиселъ сентября. Въ лощинахъ междугорья мы переходили не разъ быстротоки, по колѣно и выше въ водѣ; лѣзли сквозь темныя тучи на скалы, спускались внизъ почти ползкомъ; но двигались быстро, бодро и безъ малѣйшаго ропота. Мокли, зябли отъ сильнаго по ночамъ мороза, и слышали громъ надъ нашими головами и подъ ногами, и не имѣли и четвертой части положеннаго ратнику пропитанія. Обогрѣться намъ было не у чего: лѣсу ни прутика, жилья не только хижины, но даже ни сарая, ни на пути, ни по сторонамъ не было вовсе“ [1]). 26 сентября оборванная и голодная армія Суворова пришла въ г. Иланцъ. „Тутъ — продолжаетъ тотъ же участникъ движенія — кое-какъ удалось намъ получить нѣсколько дровъ, чтобы обогрѣть себя. Обувь на насъ пришла въ сущую негодность. Мы были всѣ почти босые, и сухарные мѣшки наши у всѣхъ были пусты; мы были до совершенства измучены и голодны до нельзя“ [2]). Въ Курѣ, куда Суворовъ при-

---

[1]) См. разсказы стараго воина о Суворовѣ, Кн. II, с. 253.
[2]) Тамъ же, с. 254.

былъ 27 сентября, русскимъ войскамъ отпустили дровъ, выдали хлѣбъ, мясную и винную порціи.

Такъ кончился 16-дневный походъ Суворова въ Швейцарію, стоившій Русскимъ не малыхъ потерь [1]) и, собственно говоря, безуспѣшный. Но въ теченіе этихъ 16-ти дней, русская армія явила небывалый примѣръ подвиговъ, почти баснословныхъ, а предводитель ея стяжалъ себѣ славу, несравнимую ни съ какими побѣдами. Не смотря на свои семдесятъ лѣтъ, Суворовъ дѣлилъ съ подчиненными всѣ трудности безпримѣрнаго похода, все время бодро ѣхалъ на казачьей лошадкѣ подлѣ солдатъ, шутилъ и балагурилъ съ ними, порою затягивалъ пѣсню и, прикрытый капуцинскою шляпою съ большими полями, не имѣлъ на себѣ ничего кромѣ обычнаго зеленаго мундира, или простой солдатской куртки, съ бѣлыми штанами и легкими полуботфортами, и сверху— ветхаго синенькаго плаща, слывшаго родительскимъ. Въ такомъ нарядѣ, особенно въ потьмахъ, Фельдмаршалъ часто бывалъ неузнаваемъ, отчего, дѣйствительно, могли происходить случаи, подобные слѣдующему. Послѣ одного изъ чудовищныхъ переходовъ по швейцарскимъ тѣснинамъ, ординарецъ генерала Дерфельдена, отыскивая бивакъ Суворова, къ которому былъ посланъ, увидѣлъ самаго Фельдмаршала, бѣжавшаго куда-то въ курткѣ, вовсе не узналъ его и крикнулъ ему въ слѣдъ: „Эй, старикъ! постой! скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?" — "Чортъ его знаетъ!" отозвался спрашиваемый. „Какъ! да у меня вотъ отъ генерала къ нему бумаги". — „Не отдавай, продолжалъ старикъ: онъ теперь или

---

[1]) Изъ 20 тыс. русскихъ, вступившихъ въ Швейцарію, дошло до Иланца менѣе 15 тыс. чел., да и тѣ безъ артиллеріи и обоза!—Болѣе 1600 чел. убиты, упали въ пропасти, замерзли и пропали безъ вести.—Раненные, свыше 3500 чел., оставлены въ Муттенѣ и Гларисѣ, при русскомъ офицерѣ, которому даны Суворовымъ письма къ французскому начальству. — См. Ист. Итал. войны, ч. VI, с. 162 и Разск. стар. воина. Кн. II, с. 243.

мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ". Этотъ отвѣтъ до того разсердилъ ординарца, что онъ уже замахнулся на отвѣчавшаго палкою, но ограничился словами: „Моли ты Бога, старичишка, за свою старость: не хочу и рукъ марать; ты видно не русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля!". Суворовъ — давай Богъ ноги. Спустя какой нибудь часъ времени, ординарецъ Дерфельдена предсталъ Фельдмаршалу и, узнавъ въ немъ своего старичишку, страшно струсилъ. Но Суворовъ обнялъ его, поблагодарилъ за расположеніе и собственноручно поднесъ ему водки [1]). Что касается русской арміи, они, безъ всякаго между собою различія, единодушно одолѣвали самыя неодолимыя естественныя преграды, безропотно терпѣли голодъ и непогоду, сотнями гибли въ пропастяхъ, но презирали опасность, усердно рвались въ бой и геройски шли впередъ, всюду сокрушая непріятеля. Не знаешь, кому удивляться болѣе: Суворову или суворовцамъ.

Послѣ двухдневнаго отдыха въ Курѣ, посвященнаго необходимымъ починкамъ платья, обуви и аммуниціи, русская армія выступила къ Майенфельду, 1 октября пришла въ Фельдкирхъ, а 4 октября передвинулась въ Линдау, гдѣ простояла двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ присоединились къ ней остатки корпуса Римскаго-Корсакова и 5-ти тысячный отрядъ французскихъ эмигрантовъ, подъ начальствомъ принца Конде, состоявшій въ русской службѣ. Оставивъ Линдау въ половинѣ октября, русская армія пошла въ Баварію, гдѣ размѣстилась между рр. Иллеромъ и Лехомъ, а главная квартира Суворова прибыла, 26 октября, въ Аугсбургъ. Здѣсь, около мѣсяца прожили русскіе весело и шумно. „Множество генераловъ — пишетъ Милютинъ — министровъ, путешественниковъ, стекались со всѣхъ сторонъ Европы, чтобы видѣть

---

[1]) См. Прибавленіе къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1845 г., № 8. с. 58.

Суворова. Все благоговѣло предъ героемъ Италійскимъ"[1]. Награды, вполнѣ заслуженныя, сыпались отвсюду на побѣдоноснаго вождя русскихъ. Императоръ Павелъ, высоко цѣня спасеніе россійской арміи въ швейцарскихъ горахъ, возвелъ Суворова въ достоинство генералиссимуса и писалъ къ нему, въ рескриптѣ своемъ отъ 20 октября: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ... Награждая васъ по мѣрѣ признательности моей и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ"[2]. Кромѣ того, Высочайше повелѣно Военной Коллегіи вести переписку съ Суворовымъ не указами, а сообщеніями, о чемъ и объявлено 1 ноября; а три дня спустя Государь приказалъ директору Академіи гр. Шуазель-Гуфье распорядиться сочиненіемъ проэкта для отливки статуи россійскаго генералиссимуса. Императоръ Францъ II прислалъ Суворову большой крестъ Маріи Терезіи, а въ рескриптѣ своемъ, отъ 23 октября, писалъ: „Я буду всегда вспоминать съ чувствомъ признательности о важныхъ услугахъ, мнѣ и моему дому, вами оказанныхъ..... Да сохранитъ Богъ здоровье ваше, любезнѣйшій князь, чтобы вы довершили великое предпріятіе, для пользы общаго дѣла, для славы союзника моего, Императора Россійскаго и для собственнаго моего удовольствія"[3]. Король Сардинскій Карлъ Эммануилъ въ письмѣ своемъ къ Императору Павлу, отъ 4 ноября включилъ слѣдующее: „Не могу не выразить В. И. Величеству

[1]) См. Ист. Итал. войны гл. VI. с. 205.—Тутъ же, въ прим. 217, помѣщено свидѣтельство одного очевидца о томъ, что «аугсбургскія дамы считали за счастіе облобызать ручку Суворова—и не получали въ этомъ отказа отъ любезнаго старика».

[2]) Тамъ же, с. 167.

[3]) Тамъ же, с. 206.

справедливаго удивленія моего къ воинскимъ подвигамъ достойнѣйшаго фельдмаршала Суворова-Рымникскаго... Ваше Величество, осыпая его своими щедротами, платите долгъ всѣхъ Государей и человѣчества“ [1]).

Не считая однако войну оконченною, Суворовъ не переставалъ заниматься планами будущей компаніи, долженствовавшей, по его мнѣнію, вознаградить время, потерянное въ 1799 году, и не прерывалъ совѣщаній по этому предмету съ англійскимъ уполномоченнымъ Викгамомъ. Касательно же немедленнаго содѣйствія русскихъ войскъ австрійскимъ, о которомъ усильно просилъ Суворова эрцгерцогъ Карлъ, приглашавшій русскаго главнокомандующаго на свиданіе въ Штоккахъ, это содѣйствіе было положительно отклонено русскимъ военнымъ совѣтомъ, созваннымъ еще въ Линдау [2]). Говорятъ даже, что Суворовъ, недовольный повелительнымъ тономъ письма къ нему эрцгерцога, произнесъ въ присутствіи Коллоредо, присланнаго съ письмомъ: „Эрцгерцогъ Карлъ не при дворѣ, но на войнѣ, такой же генералъ, какъ Суворовъ; кромѣ того, что послѣдній старѣе его по своей опытности“ [3]). Вскорѣ затѣмъ, именно 11 октября, послѣдовалъ окончательный разрывъ союза между Россіей и Австріей, вызванный, съ одной стороны, извѣстіемъ о пораженіи Корсакова подъ Цюрихомъ, полученнымъ въ Петербургѣ 10 октября, а съ другой—справедливымъ неудовольствіемъ Императора Павла на постоянныя козни Тугута противъ Суворова и двухличное поведеніе вѣнскаго двора, давно уже затѣявшаго отдѣльные переговоры съ французскою дирректо-

---

[1]) Тамъ же, с. 217.

[2]) Въ донесеніи своемъ Императору Павлу, отъ 9 октября, Суворовъ писалъ, что военный совѣтъ единогласно опредѣлилъ: «кромѣ предательства, ни на какую помощь отъ Цесарцевъ нѣтъ надежды, чего ради наступательную операцію не производить».

[3]) См. біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, соч. Бантышъ-Каменскаго, изд. 1840, ч. II, с. 179.

ріею. „Я прекращаю дѣйствовать за одно съ В. И. Вел-мъ, дабы не дѣйствовать во вредъ благому дѣлу“, написалъ тогда же Государь къ Францу II—и препроводилъ копію съ этого письма къ Суворову, при рескриптѣ своемъ отъ 11 октября, въ которомъ, между прочимъ, значилось: „Вы должны были спасать Царей; теперь спасите россійскихъ воиновъ и честь вашего Государя.... Препоручаю васъ Богу, а армію вамъ“ [1]). Прочитавъ этотъ рескриптъ, полученный уже въ Аугсбургѣ, а за нимъ другой, отъ 14 окт., гдѣ Государь изъяснялъ, что онъ „весьма ненадежныхъ прежнихъ союзниковъ предалъ ихъ собственному жребію, во первыхъ—не хотя возстановить въ Европѣ другую Францію, не искореня первой, а во вторыхъ—не намѣренъ былъ жертвовать своими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ Двора Вѣнскаго“ [2]), Суворовъ, конечно, не претендовалъ на разрывъ съ Австрійцами, коварство которыхъ направило русскихъ въ едва проходимую для войскъ Швейцарію, чуть-чуть не предало ихъ тутъ голодной смерти и было главною причиною пораженія, претерпѣннаго Корсаковымъ подъ Цюрихомъ. Императоръ Павелъ очень хорошо понималъ послѣднее и хотя отставилъ Корсакова отъ службы, но, получивъ донесеніе о выходѣ русскихъ войскъ изъ Швейцаріи, писалъ въ рескриптѣ своемъ Суворову отъ 29 октября: „весьма радъ, что отъ вашего изъ Швейцаріи выступленія узнаетъ эрцгерцогъ Карлъ на практикѣ, каково быть оставлену не во время и на побіеніе; но Нѣмцы люди годные, все могутъ снесть, перенесть и унесть“ [3]).

Прямымъ слѣдствіемъ разрыва съ Австріею было Высочайшее распоряженіе о немедленномъ выступленіи русскихъ войскъ изъ Баваріи и движеніи ихъ „умѣренными маршами“ къ предѣламъ своего отечества, при чемъ Государь формаль-

---

[1]) См. Ист. Итал. войны, ч. VI, с. 220, 222 и прил. 245.

[2]) Тамъ же, прил. 93.

[3]) Тамъ же, прил. 256.

но приказалъ платить за все на пути русскихъ войскъ чрезъ австрійскія владѣнія, а деньги на путевые расходы просить заимообразно у курфирста Баварскаго Максимиліана. „Теперь главный мой предметъ — писалъ Государь, 11 октября, Суворову — есть возвращеніе ваше въ Россію и охраненіе ея границъ". Войско Суворова предназначалось расположить, подъ непосредственнымъ его надзоромъ, въ западной полосѣ Имперіи, а самому генералиссимусу повелѣвалось „быть главнымъ начальникомъ дивизій: Лифляндской, Литовской, Брестской, Украинской и Смоленской, и имѣть пребываніе, яко въ средоточіи его — въ мѣстечкѣ Кобринѣ" [1]. Извѣстясь объ этой Высочайшей волѣ, Суворовъ сказалъ: „Я билъ французовъ, но не добилъ; Парижъ мой пунктъ, — бѣда Европѣ!" — и послалъ племянника своего, князя Горчакова, занимать у курфирста Баварскаго милліонъ гульденовъ. Но вмѣсто милліона гульденовъ, у курфирста нашлось всего 200 тысячъ, которыя и были немедленно доставлены генералиссимусу. За тѣмъ, вся русская армія сосредоточилась въ Аугсбургѣ. Тутъ раздѣлили ее на двѣ колонны, изъ которыхъ одной (корпусамъ Дерфельдена и Швейковскаго) надлежало слѣдовать въ Россію чрезъ Богемію, а другой (корпусу Розенберга) чрезъ Моравію; и обѣ колонны, выступивъ по-эшелонно изъ Аугсбурга между 15 и 22 ноября, начали предписанное движеніе. Самъ Суворовъ расположился слѣдовать при корпусѣ Дерфельдена и былъ уже въ походѣ, когда эрцгерцогъ Карлъ, а за нимъ австрійскій императоръ, обезкураженные удаленіемъ русской арміи, обратились къ генералиссимусу съ письменными просьбами пріостановиться на время, въ той надеждѣ, что россійскій Императоръ отмѣнитъ свое повелѣніе, крайне невыгодное для вѣнскаго двора. Но генералиссимусъ, отвѣтивъ бывшимъ союзникамъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія пріостановиться не можетъ,

[1]) Тамъ же, с. 229.

продолжалъ начатое движеніе, прошелъ 1 дек. Нитенау и вступилъ въ Прагу, столицу Богеміи, гдѣ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія двигаться „умѣренными маршами", приготовился дать войскамъ своимъ довольно продолжительный отдыхъ.— Въ Прагѣ генералиссимусъ оставался весь декабрь и жилъ очень весело: завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры, фанты, жмурки, жгуты; бѣгалъ и мѣшался въ толпѣ гостей, съ точностію исполняя, что назначалось дѣлать ему, когда вынимали его фантъ; пустился въ танцы: „люди въ право — пишетъ очевидецъ Фуксъ — а онъ въ лѣво; такую причинялъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда". Любопытно, что знатѣйшія богемскія дамы, австрійскіе генералы, даже англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ и множество чужеземцевъ — путались въ русскихъ простонародныхъ играхъ. Сюда же, въ Прагу, явился художникъ Миллеръ, присланный курфирстомъ Саксонскимъ писать портретъ русскаго полководца. Ласково встрѣтивъ художника, Суворовъ сказалъ ему: „Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастія уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ (сѣлъ на стулъ), какъ и теперь" [1]). Умолкнувъ, Суворовъ сидѣлъ неподвижно—и прекрасный портретъ его, списанный Миллеромъ, до сихъ поръ хранится въ Дрезденскимъ музеѣ. Высочайшій рескриптъ отъ 29 дек. засталъ генералиссимуса еще въ Прагѣ. „Князь! — собственноручно писалъ Суворову Государь.—Поздравляю васъ съ новымъ го-

---

[1]) См. Собраніе разныхъ сочиненій Е. Фукса. изд. 1827 г., с. 136.

домъ и, желая его вамъ благополучна, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать. Ты выше мѣръ своихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное" [1]). Спѣша удовлетворить желанію Государя, генералиссимусъ простился съ войсками, сдалъ начальство надъ ними генералу Розенбергу и выѣхалъ изъ Праги. По дорогѣ, въ моравскомъ городкѣ Нейтитшенѣ, Суворовъ зашелъ поклониться праху извѣстнаго австрійскаго фельдмаршала Лаудона, внимательно прочелъ длинную надгробную надпись, подробно исчислявшую всѣ титулы, а также малѣйшіе подвиги почившаго, и тутъ же сказалъ правителю канцеляріи своей, Фуксу: „Нѣтъ! Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи похвальной надписи; но скажите просто: здѣсь лежитъ Суворовъ" [2]). Въ Краковѣ, генералиссимусъ заболѣлъ такъ называемою фликтеною: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ поспѣшилъ въ маетность свою Кобринъ, слегъ тамъ въ постель и велѣлъ отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины, говоря: „она надобна мнѣ только на память!" — Государь, извѣщенный нарочною эстафетою о болѣзни генералиссимуса, тотчасъ же отправилъ въ Кобринъ своего лейбъ-медика Вейкарта и писалъ знаменитому больному: „Молю Бога, да возвратитъ мнѣ героя Суворова. По пріѣздѣ вашемъ въ столицу узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, не сравняется съ вашими великими услугами, оказанными мнѣ и Государству" [3]). Докт. Вейкартъ помогъ своему паціенту, и Суворовъ, начавъ оправляться, большую часть времени, по случаю наступившаго великаго поста, проводилъ въ молитвахъ, заставлялъ Вейкарта участвовать въ нихъ три раза въ

---

[1]) См. Словарь достопамятныхъ людей, соч. Бант.-Каменскаго, изд. 1847, ч. III, с. 379.

[2]) Эта надпись долго украшала черную мраморную плиту могилы Суворова въ Благовѣщенской церкви Александроневской Лавры.

[3]) См. Біографіи росс. генералисс. и ген.-фельд., ч. II, с. 183.

день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, да къ тому же — говбрить по-русски, хотя несчастный Вейкартъ, иновѣрецъ, плохо разумѣвшій русскій языкъ, всячески старался отговориться отъ такого непривычнаго ему образа жизни. Въ тоже время, генералиссимусъ подтягивалъ въ церкви пѣвчимъ, сердился, когда пѣвчіе врали, перебѣгалъ съ клироса на клиросъ, оттуда въ алтарь, читалъ Апостолъ, или — мечталъ о новой кампаніи, диктовалъ письма къ знаменитостямъ тогдашней Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ къ торжественному въѣзду его въ Петербургъ, и въ мартѣ 1800 г., писалъ къ дочери своей, графинѣ Зубовой: „Наташа! Когда я пишу къ Дмитрію Ивановичу [1]), благословеніе Божіе съ домашними, или подобное, ты естественно тутъ же разумѣешься; слѣдственно въ особливыхъ письмахъ дальней нужды нѣтъ. По такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ. Неужели то Д. И. такъ рѣдко къ тебѣ пишетъ? Сохрани тебя Боже впредь отъ болѣзни и даруй тебѣ Свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одною ногою изъ гроба выхожу. Цѣлую тебя. А. С.“ [2]). Не переставая интересоваться состояніемъ здоровья своего полководца, Императоръ Павелъ, тѣмъ не менѣе, отдалъ 20 марта 1800 г. слѣдующій Высоч. приказъ: „Вопреки Высочайше изданнаго Устава, генералиссимусъ кн. Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала—что и дается на замѣчаніе всей арміи“ [3]).

Наконецъ, Вейкартъ разрѣшилъ Суворову отправиться въ путь, съ тѣмъ однако, чтобы не уѣзжать въ сутки болѣе 25 верстъ, о чемъ донесено и Государю, который тогда же письменно изъявилъ высочайшую радость, „что вскорѣ обниметъ

---

[1]) Графъ Хвостовъ, племянникъ Суворова.

[2]) См. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни Ал. Вас. кн. Италійскаго, изд. Левшинымъ въ 1814 г., с. 104.

[3]) См. Подлин. акты Арх. Л.-Гв. Изм. П.; Книга: Высочайшіе приказы, отдаваемые при паролѣ, за 1800 г.

героя всѣхъ вѣковъ, Суворова". — Генералиссимусъ не могъ уже, какъ бывало, путешествовать на перекладныхъ: теперь, его везли въ дормезѣ, лежащаго на перинѣ, сопровождаемаго врачами. „Переходъ чрезъ Альпійскія горы въ ненастное время — свидѣтельствуетъ мнѣніе князя Багратіона, — а болѣе всего неудовольствія отъ Гофкригсрата и враждебнаго Тугута, изъ зависти и злобы нанесенныя, и ихъ козни, сильно подѣйствовали на здоровье Александра Васильевича. Крѣпкое сложеніе старца долго боролось съ болѣзнію, наконецъ болѣзнь взяла свое [1]). За Вильною, больной почувствовалъ себя очень не хорошо. Его внесли въ корчму, положили на лавку, прикрыли полотномъ. „За что страдаю?" тяжко вздыхая, говорилъ Суворовъ.—Въ Ригѣ, по случаю перваго дня Пасхи, онъ черезъ силу надѣлъ полный мундиръ со всѣми орденами, отслушалъ заутреню и обѣдню, разговѣлся у губернатора. Остальное путешествіе до Петербурга тянулось двѣ недѣли, и Суворовъ повторялъ безпрестанно: „ахъ! старъ я сталъ!" могъ утѣшаться тѣмъ, что народъ всюду сбѣгался толпами взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ, дормезъ генералиссимуса былъ окруженъ многими петербуржцами, нарочно выѣхавшими сюда встрѣтить героя; дамы и дѣти подносили Суворову фрукты и цвѣты, — онъ, благодарилъ дамъ и благословлялъ дѣтей. 20 апрѣля, въ 10 ч. вечера, Суворовъ тихо въѣхалъ тріумфальными воротами въ Петербургъ, принялъ скромную почесть заставнаго караула, вышедшаго въ сошки безъ ружей и, не заѣзжая въ зимній дворецъ, часть котораго была приготовлена для его помѣщенія, остановился въ домѣ племянника своего, гр. Хвостова [2]), гдѣ, отъ усилившейся болѣзни, тотчасъ же слегъ въ постель. Государь, свѣдавъ о прибытіи Суворова, немедленно прислалъ

[1]) См. Разсказы стараго воина, кн. II, с. 270.

[2]) Этотъ домъ находился на Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Николы Морскаго; потомъ принадлежалъ Болотникову.

къ нему князя П. И. Багратіона узнать о здоровьи и поздравить съ пріѣздомъ. „Я засталъ Александра Васильевича — разсказывалъ потомъ Багратіонъ — лежащимъ на постелѣ; онъ былъ сильно слабъ; впадалъ въ обморокъ, и ему терли виски спиртомъ, и давали нюхать. Пришедши въ себя, онъ взглянулъ на меня, и въ большихъ его геніальныхъ глазахъ не блестѣлъ уже взглядъ жизни. Долго онъ смотрѣлъ, какъ будто узнавая меня; потомъ сказалъ: „А!... это ты Петръ! здравствуй!" — и замолчалъ, забылся. Минуту спустя, онъ опять взглянулъ на меня, и я донесъ ему все, что Государь повелѣлъ. Александръ Васильевичъ, казалось, оживился; но съ трудомъ проговорилъ: „Поклонъ.... мой.... въ ноги.... Царю.... сдѣлай.... Петръ! ухъ.... больно!"—и застоналъ, и впалъ въ бредъ. Я донесъ Государю Императору обо всемъ, и пробылъ при Его Величествѣ за полночь. Всякій часъ доносили государю объ Александрѣ Васильевичѣ. Между многими рѣчами Его Величество сказать изволилъ: „Жаль его! Россія и я, со смертію его, теряемъ многое; много потеряемъ, а Европа все" [1]). На утро явился къ Суворову поклонникъ его, вице-канцлеръ гр. Растопчинъ, съ собственноручнымъ рескриптомъ Лудовика XVIII, при которомъ препровождался генералиссимусу орденъ св. Лазаря. Съ трудомъ понявъ въ чемъ дѣло, Суворовъ велѣлъ читать письмо, взялъ орденъ, заплакалъ и спросилъ съ горькою улыбкою: „Такъ ли прочитали? Французскій король долженъ быть въ Парижѣ, а не въ Митавѣ".

Недугъ героя усиливался, странности и давнія привычки старца исчезли одна за другою. Однако, Суворовъ все еще крѣпился, часто вставалъ съ постели, присаживался въ большія кресла, даже занимался турецкимъ языкомъ, и хотя не разъ говорилъ со вздохомъ: „для чего не умеръ я на поляхъ Италіи!" но, услышавъ однажды отъ племянника, что до него есть дѣло, — ободрился и твердымъ голосомъ произнесъ:

---

[1]) См. Разсказы стараго воина, с. 271.

„Дѣло? я готовъ!“—Когда же все дѣло объяснилось тѣмъ, что баронъ Бюлеръ желалъ получить пожалованный ему баварскій орденъ Золотаго Льва непремѣнно изъ рукъ маститаго полководца, Суворовъ грустно опустивъ голову, и слабо, едва внятно, проговорилъ: „хорошо, пусть войдетъ“.

Наконецъ врачи потеряли всякую надежду. Суворовъ видимо угасалъ, смерть приближалась къ нему быстрыми шагами. Его уговорили исповѣдаться и причаститься. 5 мая онъ исполнилъ этотъ христіанскій долгъ и простился съ окружающими. Наступила ночь, а съ нею — предсмертный бредъ. Въ безпамятствѣ, умиравшій отдавалъ разныя приказанія, твердилъ о Генуѣ, истолковывалъ военныя планы свои. Бредъ продолжался и утромъ; а во второмъ часу по-полудни, 6 мая 1800 г., Суворовъ умолкъ навсегда. Ему шелъ тогда 72-й годъ.

Государь, огорченный смертію генералиссимуса, послалъ своего генералъ-адъютанта объявить родственникамъ покойнаго, „что онъ, наравнѣ съ Россіею и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка“. Великолѣпный гробъ Суворова былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ цѣлую недѣлю толпился весь Петербургъ, и жители другихъ городовъ, усердствовавшіе поклониться бреннымъ останкамъ почившаго героя.

Въ день выноса тѣла генералиссимуса изъ дома гр. Хвостова въ Александро-невскую лавру, за гробомъ слѣдовали всѣ сановники, военные чины, сословіе дворянское и купеческое, а далѣе шло „неисчислимое множество народа“. Государь Императоръ, окруженный блистательною свитою, выѣхалъ на уголъ Невскаго и Садовой ждать печальной процессіи; и когда она поравнялась съ нимъ, онъ снялъ шляпу, низко поклонился гробу, сказавъ: „прощай! прости!.... миръ праху великаго“. Окружающіе видѣли, какъ въ эту минуту по лицу Государя текли слезы. „Я не утерпѣлъ—разсказывалъ потомъ бригадъ-маіоръ Зайцовъ, бывшій подлѣ Госуда-

ря—и никакъ не могъ себя удержать, громко зарыдалъ. Государь обернулъ ко мнѣ голову, взглянулъ и изволилъ сказать: „Г-нъ Зайцовъ! Вы плачете? Это похвально; это дѣлаетъ вамъ честь; вы любили его“. Пропустивъ процессію, Государь тихо вернулся во дворецъ, „и цѣлый день — свидѣтельствуетъ тотъ же Зайцовъ—былъ невеселъ, и всю ночь не почивалъ, требуя къ себѣ часто своего камердинера, который сказывалъ, что Государь часто повторялъ слово: жаль! [1]). Между тѣмъ, съ приближеніемъ процессіи къ лаврскимъ воротамъ, встрѣтилось, какъ повѣствуютъ, довольно странное затрудненіе: высокій балдахинъ препятствовалъ дрогамъ въѣхать въ ворота; уже хотѣли снимать его.—„Оставьте! закричалъ лейбъ-гренадерскій унтеръ-офицеръ, бывшій во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ; онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ!“ Двинулись — и, дѣйствительно, дроги съ балдахиномъ въѣхали на монастырскій дворъ благополучно [2]).

Когда вѣсть о кончинѣ Суворова долетѣла въ войска, стоявшія на отдаленныхъ предѣлахъ русскаго царства, „многіе изъ стариковъ ратниковъ — говоритъ очевидецъ—просили священниковъ отпѣвать панихиды по усопшемъ нашемъ отцѣ; и было много изъ насъ, если не заказывавшихъ панихидъ, то молившихся Господу Богу о упокоеніи души праведнаго. Кончилась надежда ратниковъ, но не кончилась и не кончится слава между воинами русскими, о немъ отцѣ нашемъ, о великомъ Суворовѣ“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, с. 272.

[2]) См. Біографіи генералис. и ген.-фельд., ч. II, с. 187.

[3]) См. Разсказы стар. воина, с. 270.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БИБЛІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Священно-библейская исторія ветхаго и новаго завѣта въ 240 рисункахъ профессора Ю. Шнорра, величиною каждый въ 8 вершк. вышины, и 6½ вершк. ширины. На каждомъ рисункѣ помѣщены поднись содержанія и соотвѣтственный текстъ на церковно-славянскомъ и гражданскомъ языкахъ. Кромѣ того прилагается болѣе подробное описаніе и объясненіе рисунковъ, изложенное священникомъ К. Стратилатовымъ. Цѣна 8 р., съ перес. 9 р., за переплетъ 2 руб.

Тоже хромолитографированное изд. (печатан. красками) ц. съ пер. 25 р.

— хромолитографиров. изд. вып. 10, 11 и 12. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Библія въ лицахъ—общедоступное изданіе въ 100 рисунк., съ текст. свящ. К. Стратилатова Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.; въ англ. пер. 5 р., съ пер. 6 р.

Разинъ, А. Міръ Божій, ц. 3 руб.

Шафрановъ, С. Начальное обученіе въ городскихъ училищахъ, 2-е изд. Ц. 60 коп., съ перес. 75 к.

Уманецъ, Ф. М. Образовательныя силы Россіи, часть 1-я Общественное воспитаніе, часть 2-я Народныя школы. Ц. 1 руб. 50 к.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ, 5 томовъ съ политипажами; т. 1-й—Обезьяны и Летучія мыши; т. 2-й и 3-й Хищныя; т. 4-й—Сумчатыя и Грызуны; т. 5.—Неполнозубыя и копытныя. Ц. 5 руб.; томъ 5-й отдѣльно 1 р.

Курсель-Сенель Трактатъ о политической экономіи, 2 тома, ц. 4 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Классификація наукъ, цѣна 60 к.

Гейзе, полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, съ первымъ дополненіемъ; ц. 3 р.

Сѣверное сіяніе. Русскій художественный альбомъ; 3 тома съ 148 оригинальными гравюрами на стали и текстомъ. Изданіе В. Е. Генкеля ц. 20 р. съ перес.; въ 3-хъ великолѣпн. переплет. съ перес. 35 р.

Иллюстрированное описаніе всемірной промышленной выставки въ Парижѣ 1867 г. (1,500 рисунк.) ц. 4 р.; въ богат. англ. переплетѣ 6 р., перес. за 6 ф.

Стратилатовъ, К. Священно-библейская исторія ветхаго и новаго завѣта, для сельскихъ училищъ, ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Массе. Дѣдушкина ариѳметика, перев. съ франц.; ц. 40 к.

Нива. Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, 1870 годъ, 52 номера, по 2 листа съ рисунками (болѣе 100). Ц. 4 руб., съ перес. 5 р.

Популярная анатомія, сост. П. Ольхинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Популярная физіологія сост. П. Ольхинъ. Ц. 1 р. 50 к.

Хмыровъ. М. Д. Алфавитно-справочный перечень государей русск. (отъ Рюрика до Николая I) и замѣч. особъ ихъ крови (205 біограф. статей). Ц. 25 к., вѣсов. за 1 ф.

Хмыровъ, М. Д. Алфавитно-справочн. перечень удѣльн. князей русскихъ и членовъ царств. дома Романовыхъ. Половина первая (А до И включ.). Ц. 30 к., вѣсов. за 1 ф., тоже, 2-я половина (К—V) печатается.

Фурманъ, П. Энциклопедія русскаго городскаго и сельскаго хозяина архитектора, садовода, землемѣра, мебельщика и машиниста, ч. 1-я и 2-я текстъ, ч. 3-я и 4-я рисунки. Ц. 6 р. съ пересылкою.

Гюго, Викторъ. Несчастные, перев. Е. Конради Ц. 1 р.

Некрасовъ, Н. Баба-Яга. Русская народная сказка въ стихахъ Ц. 25 к., на велен. бумагѣ 30 к., вѣсов. за 1 ф.

Бріо, К. Курсъ Алгебры. Перев. съ франц., ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 1 ф.

Устряловъ, Ѳ. Н. Слово и дѣло. Комедія въ 5 д.; ц. 1 р.

Дифференціальное вычисленіе съ примѣрами для упражненія И. Тоттентера, перев. съ 5-го англійск. изданія В. Г. Имшенецкаго. Спб. 1873 г., ц. 3 р., вѣсов. за 3 ф.

Первоначальныя свѣденія изъ физики. Ньюта, перев. Е. Литвиновой, редакц. С. Усова. Спб. 1873 г. ц. 75 к., вѣсов. за 1 ф.